

А. Л. РЕУЭЛЬ

РУССКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ
60-70-х годов
XIX ВЕКА
И
МАРКСИЗМ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

А. Л. РЕУЭЛЬ

РУССКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ
60-70-х годов
XIX ВЕКА
И
МАРКСИЗМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1956

Реуэль Абрам Лазаревич
Русская экономическая мысль
60—70-х годов XIX века и марксизм

Редактор *И. Жук*
Оформление художника *Г. Фишер*
Технический редактор *А. Данилина*
Ответственный корректор *Л. Фокина*

Сданов набор 30 августа 1955 г. Подписанов печать 31 декабря 1955 г. Формат 60×92¹/₁₆.
Физ. печ. л. 26¹/₂. Услови. печ. л. 26¹/₂. Учётн.-изд. л. 27,38. Тираж 20 тыс. экз.
А05074. Заказ № 842. Цена 10 р. 20 к.

Государственное издательство политической литературы
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова. Москва, Ж-54, Валовая, 28

Глава первая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИИ 60—70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Разложение феодально-крепостнического строя в России и развитие в его недрах нового, капиталистического уклада относятся ещё ко второй половине XVIII в. В результате роста производительных сил происходили значительные сдвиги в народнохозяйственной жизни страны. Развивающееся товарное обращение приводило к тому, что помещичье-барщинное хозяйство России стало втягиваться в орбиту рыночных отношений. В деревне начался процесс расслоения, знаменовавший собой появление крестьян-предпринимателей, применявших в своих мануфактурах наёмный труд оброчных крестьян, появление крестьян-скупщиков — владельцев значительных для того времени денежных капиталов. Наряду с посессионной мануфактурой существовали мануфактуры дворянские, купеческие и крестьянские. Роль купеческого сословия неуклонно возрастала в хозяйственной жизни страны.

В первой половине XIX в. феодально-крепостнический строй России, который базировался на феодальной собственности на землю, вступил в полосу своего упадка и крушения. Кризис феодально-крепостнического строя был обусловлен тем, что в недрах отжившего, обветшалого крепостного режима стали развиваться новые, передовые, прогрессивные капиталистические отношения.

Одним из показателей кризиса феодально-крепостнического строя в России во второй половине XIX в. был рост городского и промышленного населения, порождённый развитием общественного разделения труда. Так, например, в 1796 г. городское население составляло 4,1% всего населения страны, в 1812 г. оно возросло до 4,4%, а к 1835 г. составляло уже 5,8%. По

сопоставимым показателям динамику численности городского населения за 1794—1856 гг. можно представить в следующей таблице:

Годы	Численность городского населения (в тыс.)
1794	2 279
1811	2 851
1825	3 521
1840	4 906
1856	5 684

Согласно этим данным, численность городского населения увеличилась за 62 года примерно в 2,5 раза. В 1856 г. насчитывалось уже 10 крупных городов с населением свыше 50 тыс. каждый¹.

В связи с ростом промышленного населения страны, специализацией отдельных районов в хозяйственной жизни России всё возрастающую роль стал играть обмен, развивались внутренняя и внешняя торговля, расширялся внутренний и внешний рынок.

Показателем роста товарных отношений и внутреннего рынка является развитие ярмарочной торговли в России. Основными российскими ярмарками были: Макарьевская (Нижегородская), Ирбитская, Ильинская (в Полтаве), Крещенская (в Харькове). Оборот Ирбитской ярмарки к началу 60-х годов достигал 38 млн. руб., Ильинской — 20 млн. руб. Общий оборот всех 6 050 учтённых в Европейской России ярмарок достигал в 1863 г. 338 млн. руб., из которых на долю Нижегородской ярмарки приходилось 103 млн. руб., или 27% всего оборота².

Наряду с внутренней торговлей развивалась и внешняя торговля, вовлекавшая Россию в капиталистический товарооборот. На европейские рынки Россия вывозила сельскохозяйственные продукты. Вывоз хлеба за границу, составлявший в 1801—1805 гг. 19 873 тыс. пудов в среднем в год, возрос к 1856—1860 гг. до 69 254 тыс. пудов, т. е. за 55 лет увеличился в 3,5 раза³. Кроме хлеба за границу вывозились щетина, пенька, лес, пушнина и другие виды сырья. Промышленные изделия Россия вывозила только в Персию и Турцию. В 1827—1829 гг. этот вывоз выражался в сумме 1 059 533 руб.

Из сырых материалов, ввозившихся в Россию, большое значение приобретал ввоз хлопка-сырца и шёлка-сырца. Значи-

¹ См. А. Г. Рашин, Формирование промышленного пролетариата в России, Соцэкгиз, 1940, стр. 82.

² См. С. Г. Струмилин, Промышленный переворот в России, Госполитиздат, 1944, стр. 26.

³ См. И. М. Кулишер, Очерк истории русской торговли, 1923, стр. 275, 276.

тельную часть импорта России составляли продукты обрабатывающей промышленности. С 1829 по 1859 г. внешний товарооборот России вырос со 123 млн. руб. до 325 млн. руб., т. е. более чем в 2,5 раза¹.

Анализируя процесс разложения крепостного земледельческого помещичьего хозяйства, Ленин указывал, что «производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима»². Старое, патриархальное помещичье хозяйство, которое носило натуральный, потребительский характер и покоилось на очень слабой связи с рынком, всё более втягивалось в орбиту внутренних и внешних меновых связей, подвергаясь воздействию роста общественного разделения труда, стихийных закономерностей рынка. Побуждаемые ростом внутреннего и внешнего рынка, повышенным спросом на хлеб, помещики стимулировали свою предпринимательскую деятельность, что, естественно, способствовало разрушению натурального характера феодально-крепостнического строя России.

Вступив на путь предпринимательства, многие землевладельцы в целях повышения доходности своих поместий пытались привить к своему крепостническому методу хозяйствования капиталистическую технику.

Это были попытки некоторой агротехнической перестройки отживающего помещичьего хозяйства, при сохранении, однако, обветшалых, несовместимых с техническим прогрессом феодально-крепостнических отношений.

Ряд причин препятствовал переводу феодальных поместий на капиталистические рельсы. В первую очередь недостаток денежных капиталов в силу нерентабельности помещичьего хозяйства, недостаток свободного труда, цена которого в те времена была относительно высока и который на практике сочетался с барщинным трудом, а также узость сельскохозяйственного рынка, ограниченные возможности сбыта сельскохозяйственных продуктов, обусловленные отсталостью промышленности и незначительным удельным весом городского населения.

Применение новой техники в сельском хозяйстве находилось в противоречии с существующими в стране общеэкономическими условиями, с феодально-крепостническим строем, с крепостническими производственными отношениями.

Крепостной крестьянин, бережно относившийся к своим средствам производства, иными глазами смотрел на чужой, помещичий инвентарь — орудие его угнетения и подневольного положения.

¹ См. С. Г. Струмилин, *Промышленный переворот в России*, стр. 26.

² В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, Соч., т. 3, стр. 158.

Барщинный крестьянин, естественно, не мог освоить новую технику, которая была ему чужда; работая из-под палки, он не был заинтересован в повышении производительности своего труда.

Дорогие затраты на техническое оборудование, на привлечение квалифицированного труда, который был необходим для рационального хозяйства, ибо даровой крепостной труд тормозил применение машин, не могли быть компенсированы при наличии низких цен на сельскохозяйственные продукты.

Таким образом, передовая агрономия, попытки нововведений находились в противоречии с примитивными методами хозяйствования в условиях феодально-крепостнического строя. Всё это приводило к тому, что, несмотря на нововведения и улучшения, помещичьи имения зачастую оказывались нерентабельными, все произведённые затраты по более рациональной организации хозяйства оказывались убыточными и не окупались.

Стремление ряда крепостников-помещиков к расширению сельскохозяйственного производства, стимулировавшее технические улучшения в области земледелия и его интенсификацию, наблюдалось в особенности в течение первых двух десятилетий XIX в. Этой тенденции способствовали высокие в тот период цены на хлеб. Однако к 30-м годам в результате изменения рыночной конъюнктуры, приведшей к длительному понижению хлебных цен, замечается падение интереса к хозяйствованию на новых, рациональных началах, и новаторские увлечения крепостников-помещиков в области сельскохозяйственного предпринимательства пошли на убыль.

Рационализаторские попытки ведения сельского хозяйства, находившиеся в противоречии с господствовавшими в стране крепостническими отношениями, потерпели крушение, что также было наглядным показателем кризиса крепостного режима.

Если часть помещиков производила эксперименты на путях буржуазного предпринимательства, то подавляющее большинство помещиков в результате втягивания крепостного хозяйства в водоворот товарных отношений в связи с переходом к производству на рынок стремилось поднять доходность своих поместий способами, давно испытанными и традиционными,— посредством усиления крепостнических методов эксплуатации, за счёт расширения барской запашки. «Помещик,— указывал Ленин,— начинает производить хлеб на продажу, а не на себя. Это вызывает усиление эксплуатации труда крестьян...»¹. Большинство помещиков считало усовершенствования не только излишними, но

¹ В. И. Ленин, Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., т. 1, стр. 469.

рассматривало их даже как вредные затеи, обречённые на неуспех. А. И. Кошелев в своих записках сообщает, что если какой-либо помещик приобретал усовершенствованные сельскохозяйственные орудия для облегчения труда своих крепостных крестьян, то против него восставали другие помещики, считая эти новшества подрывом крепостного права¹.

В крепостном хозяйстве России середины XIX в. существовали две основные формы организации крепостного труда — барщина и оброк.

До реформы 1861 г. значительная масса русских крестьян находилась в крепостной зависимости от помещиков. По десятой ревизии 1857—1858 гг. в Европейской России при общем населении в 60 143 478 человек насчитывалось 22 558 748 крепостных крестьян, или 37,51 %.

Районами распространения оброчной системы крепостных повинностей были нечернозёмные губернии в отличие от губерний чернозёмных и степных, где преобладала барщина.

В целях повышения доходности своих поместий землевладельцы-крепостники стали ещё более жестоко эксплуатировать крестьян — либо путём усиления барщины, либо путём увеличения оброка.

В. И. Ленин указывал, что производство хлеба на продажу затрудняло применение системы наделов, так как помещику уже становилось невыгодным наделять подрастающее поколение крестьян наделами и появлялась возможность расплачиваться деньгами.

Помещики чернозёмных губерний стремились переводить крестьян с оброка на барщину, что привело к росту барской запашки. В значительной степени это достигалось в результате сокращения наделной земли, а иногда и полного обезземеливания крестьян, экспроприации их земли.

А. П. Заблоцкий-Десятовский писал, что количество земли, получаемой крестьянином на каждое тягло, зависит от «...произвола владельца, всегда более или менее основанного на местном обыкновении». Он отмечал, что земля, которая предоставлялась крестьянам, почти всегда была менее выгодна для обработки, ибо она была качеством хуже помещичьей и находилась на отдалённом расстоянии².

По мере развития в большинстве помещичьих имений производства хлеба на продажу барщина в результате своего расширения до 5—6 дней перерастала в месячину, которая представляла

¹ См. «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы)», Берлин 1884.

² См. А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселёв и его время, т. IV, Спб. 1882, стр. 276.

собой одну из форм экспроприации земли. Крестьянин, «освобождённый» от земельного надела, прекращал свою самостоятельную хозяйственную деятельность и переходил целиком на работу в помещичьем хозяйстве. Он превращался в крестьянина-месячника, по существу в раба, получавшего месячную натуральную плату в виде определённого количества продуктов и одежды, причём весь труд его принадлежал помещику. Например, А. П. Заблоцкий-Десятовский отмечает, что случаи перевода отдельных крестьян на месячину нередки в имениях большепоместных. Так, «в Тамбовской губернии, близ Козлова, помещица кн. В-ская... неприметно почти всех (своих крестьян.— А. Р.) посадила на месячину. В последний год рожь, которая была у мужиков в поле, велела везти на барский двор. «Я сама буду вас кормить». (Говорят, что этот расчёт основан ею на том, что у неё осталось много лебеды, которою она и кормит крестьян.)»¹.

Интенсификация этой по существу рабовладельческой системы эксплуатации была связана с организацией строгого надзора и применением жестоких мер наказания.

Эксплуатация месячников достигала чудовищных размеров. Как отмечал Ю. Ф. Самарин, «месячники стоят ещё ниже дворовых, на самом рубеже между крепостным состоянием и рабством». По утверждению Самарина, месячнику «нет исхода из его положения и, кроме скудно обеспеченного содержания и вечного труда на другого до истощения сил, будущность ничего ему не представляет»².

Месячина — эта самая тяжёлая форма крепостничества — по существу знаменовала собой разрушение барщинной системы хозяйства. Интенсификация барщины, конечно, не могла разрешить проблему увеличения доходности помещичьих имений, что было целью, которую ставили себе их владельцы.

Интенсификация барщины повышала нерадивость и небрежность крепостного труда, не говоря уже об обострении процесса обнищания и разорения барщинных крестьян в тех имениях, где эта интенсификация усиленно применялась.

Разрушение крестьянского хозяйства, обнищание крепостного крестьянства, обусловленные усилением барщины, ростом барской запашки, сокращением крестьянских наделов, способствовали упадку помещичьего хозяйства, кризису барщинной системы.

Усиленная эксплуатация крепостных крестьян приводила к разорению помещиков, ибо рентабельность их поместий находи-

¹ А. П. Заблоцкий-Десятовский, Граф П. Д. Киселёв и его время, т. IV, стр. 279—280.

² Ю. Ф. Самарин, О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе, Сочинения, т. II, М. 1878, стр. 77—78.

лась в тесной связи со степенью производительности крестьянского хозяйства.

Одним из показателей кризиса крепостного хозяйства, общего процесса его разложения была всё возрастающая задолженность многих помещичьих имений. Она была порождена замедлением роста доходности имений, дроблением поместий и ростом паразитического потребления, расточительства помещичьего класса.

В 1856 г. в государственных кредитных учреждениях заложено было 6 606 909 ревизских душ за 398 246 424 руб. За три года (1856—1858) число заложенных крепостных душ увеличилось на 500 275, а ссуды возросли на 27 556 637 руб. В 1859 г., ко времени приостановления выдачи ссуд из государственных кредитных учреждений, общий итог заложенных имений составлял 44 166, в которых числилось 7 107 184 ревизских души, а сумма долга по их залогу достигла 425 503 061 руб. Общее число имений в то время равнялось 111 693 с 10 696 139 ревизскими душами, так что в залоге состояло 39,5% всех имений и 65,5% всего крепостного населения ¹.

А. Романович-Славатинский писал, что «масса долгов на дворянских имениях не переставала накапливаться..., имения не выходили из опеки за неплатёж в приказы; нередко они продавались и с молотка» ². А. И. Кошелев в своих записках сообщает, что опека учреждалась над столь большим количеством имений, что «дворянские опеки крайне затруднены приисканием опекунов и часто принуждены назначать в эту должность людей, у которых имения уже находятся в чужом опекуновском управлении» ³.

Рост дворянской задолженности и связанный с ней важнейший для помещичьих имений этой эпохи вопрос увеличения доходов приводили к дальнейшему усилению эксплуатации крепостных крестьян.

Итак, характерной особенностью первой половины XIX в. в России является уменьшение крестьянской надельной земли, что означало подрыв основного условия феодально-крепостнической системы — наделения непосредственных производителей земельным наделом. Всё это в связи также с обострением классово-вой борьбы в крепостном поместье, обусловленным интенсификацией барщины, знаменовало собой кризис крепостничества.

¹ См. Д. И. Рихтер, Задолженность частного землевладения, Сборник «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», т. I, Спб. 1897, стр. 379.

² А. Романович-Славатинский, Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права, Спб. 1870, стр. 337.

³ «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы)», стр. 64. Приложение пятое.

В нечернозёмных губерниях стремление помещиков к повышению своих доходов проявлялось в переводе крестьян на оброк. По расчётам помещиков, обложение крестьянских доходов от промыслов и отходничества, ибо на этой основе часто устанавливался размер оброка, приносило им большую выгоду, нежели барщина.

А. И. Кошелев в своих записках писал: «Обеднение помещичьих крестьян видимо возрастает. Этот факт несомненен... Оброки по большей части дошли до размеров едва вероятных, теперь годовой оброк в 25 или 30 руб. сереб. считается умеренным; а в некоторых имениях он доходит до 40 и даже до 50 руб. сер. Эта повинность соразмеряется не столько с количеством и качеством крестьянской земли, сколько с личными их добывками, с нуждами и требованиями расточительных и корыстолюбивых помещиков»¹.

Повышение оброка стимулировало уход крестьян на заработки в города, способствовало их превращению в мануфактурных рабочих, их устремлению к ремёслам и торговле.

Отходничество, которое представляло собой отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям, социальный состав отходников отражали процесс расслоения крепостного крестьянства, который происходил в дореформенной деревне. Если подавляющая часть отходников выступала в качестве наёмных рабочих и получала заработную плату, то другая, численно незначительная часть представляла собой крепостную крестьянскую буржуазию, извлекавшую из отхода прибыль.

Повышение оброка связано было с предоставлением крепостному крестьянину всё большей хозяйственной самостоятельности и инициативы, а это приводило к смягчению системы внеэкономического принуждения, т. е. к подрыву личной зависимости. Некоторое смягчение в результате роста оброка внеэкономического принуждения, сковывавшего хозяйственную деятельность крестьян, означало подрыв одного из устоев крепостного хозяйства. Но отсюда весьма далеко было до превращения оброчника, например, в арендатора, как это утверждал известный статистик той эпохи К. Арсеньев.

Следует учесть, что на практике крепостничество в России держалось наиболее долго и по существу ничем не отличалось от рабства. В России культивировались самые грубые, азиатские формы крепостнической эксплуатации крестьян, и оброк фактически мало чем отличался от барщины.

Оброк в России представлял собой последнюю из форм докапиталистической земельной ренты — денежную ренту. Ленин

¹ А. И. Кошелев, Записки по уничтожению крепостного состояния в России, см. «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы)», стр. 87. Приложение пятое.

по этому поводу писал: «Надо строго отличать денежную ренту от капиталистической поземельной ренты: последняя предполагает в земледелии капиталистов и наемных рабочих; первая — зависимых крестьян. Капиталистическая рента есть часть сверхстоимости, остающаяся за вычетом предпринимательской прибыли, а денежная рента есть цена всего прибавочного продукта, уплачиваемая крестьянином землевладельцу. Пример денежной ренты в России — крестьянский оброк помещику»¹.

Денежный оброк, или денежная рента, который представлял собой форму разложения докапиталистической земельной ренты, свидетельствовал о кризисе феодально-крепостнической системы. Одним из признаков крепостничества было натуральное хозяйство, слабая связь феодального поместья, представлявшего собой самодовлеющее замкнутое целое, с окружающим его внешним миром. А между тем необходимость выплачивать землевладельцу денежный оброк предполагала превращение крепостными части своего продукта в товар; а это в свою очередь предполагало умножение связей крестьян с рынком, тем более что размер оброка повышался в результате усиления эксплуатации крестьян помещиками.

Крестьянин платил не только оброк, но и оплачивал расходы на так называемые мирские нужды, он был также данником крепостнического государства. Уже к началу 30-х годов XIX в. крестьянская семья в 5 душ расходовала на оплату податей и другие нужды деньгами не менее 19 р. 80 к. серебром (72 р. 50 к. ассигнациями), а к началу 40-х годов этот денежный расход определялся уже в 47 руб. серебром на семью². Денежные повинности и в первую очередь рост оброков принуждали крестьян к отходу, толкали его на занятия различными промыслами, приводили к тому, что крестьянин в погоне за деньгами всё в большей степени порывал связь с землёй и вступал в возрастающую зависимость от колебания рыночных цен, от стихийных закономерностей рынка.

Всё это, конечно, означало, что оброк подкапывался под самые основы крепостной системы хозяйства — натуральный её характер и наделение непосредственного производителя землёй. А это знаменовало собой утрату феодальным помещьем своей независимости.

Отход и развитие кустарных промыслов, которые вытесняли земледелие и зачастую превращались в главное занятие крестьян, были формами проявления разложения крепостной экономики в нечернозёмных губерниях.

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 143 (Примечание).

² См. С. Г. Струмилин, Промышленный переворот в России, стр. 23.

Таким образом, усиление барщины и оброка отнюдь не могло служить средством для избавления феодально-помещичьего хозяйства от нависшей над ним угрозы — неизбежности крушения отживших крепостнических методов эксплуатации. Усиление барщины истощало почву и разоряло крестьянское хозяйство, увеличение оброка ослабляло основы крепостного строя — натуральный характер хозяйства и внеэкономическое принуждение.

Наглядным показателем уровня производительности крепостнического земледелия являются данные об урожайности. Эти данные, согласно исчислениям П. И. Лященко на основе губернских отчётов, в Европейской России представляются в следующем виде ¹:

Годы	Урожай
1801—1810	Сам-3,5
1811—1820	» 3,5
1821—1830	» 3,4
1831—1840	» 3,4
1841—1850	» 3,6
1851—1860	» 3,6
1861—1870	» 3,7

Низкая урожайность, непосредственно обусловленная уровнем техники крестьянского и помещичьего земледелия, состоянием скотоводства, отсутствием удобрений и т. д., в конечном счёте была неизбежным результатом крепостной системы хозяйства. Таким образом, в ходе экономического развития все основные условия феодального крепостного хозяйства, указанные Лениным, — натуральное хозяйство, наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землёй в частности, личная зависимость крестьянина от помещика, крайне низкое состояние техники — разрушались. Отжившие крепостные отношения должны были уступить место более прогрессивным, буржуазным отношениям производства, возникшим в их недрах и знаменовавшим собой более высокий уровень производительности труда.

В связи с прогрессирующим отделением промышленности от земледелия, развитием внешнего и внутреннего обмена, в связи с расширением спроса росло и промышленное производство страны.

Однако не только состояние сельского хозяйства России первой половины XIX в. находилось в тесной зависимости от неблагоприятных условий, коренившихся в отживающих крепостнических порядках. Феодально-крепостнический режим весьма пагубно отражался также и на развитии промышленности.

¹ См. П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, Госполитиздат, 1950, стр. 517.

Примитивный характер техники, низкая производительность труда, отставание от западноевропейской промышленности — всё это были последствия, обусловленные характером и степенью связи той или иной отрасли промышленности с господствовавшим в стране крепостным хозяйством.

Нужно учесть также и то обстоятельство, что сбыт промышленной продукции на внутреннем рынке лимитировался господством в стране натурального хозяйства и низкой покупательной способностью подавляющей части населения — обнищало, голодное, закабалённого крестьянства.

Промышленность первой половины XIX в. базировалась, с одной стороны, на подневольном крепостном труде, а с другой — на наёмном труде.

К XVIII и началу XIX в. относится распространение в имениях крепостных мануфактур. Поместное дворянство занимало привилегированное положение, в стране процветала откупная система, монополии на винокурение и т. п. Всё это ограничивало развитие соответствующих отраслей промышленности (суконная, полотняная, винокурение и т. д.).

К крепостническим предприятиям, которые оказались наименее устойчивыми, наименее способными противостоять властно вторгавшимся в хозяйственную жизнь страны более прогрессивным формам хозяйственной деятельности, относятся посессионные заводы. В силу самих принципов их организации — закрепление данной, строго определённой массы рабочих за владельцем, стабильность числа рабочих, невозможность перераспределения рабочей силы на другие занятия — суживалась сфера применения труда посессионных рабочих и тормозился рост производительности их труда.

В связи с увеличением удельного веса наёмного труда в стране наличие посессионных мануфактур вступило в противоречие с нуждами развития промышленности. Так как владелец посессионной мануфактуры не мог ни менять производство, ни сокращать его объём, то он, естественно, не в состоянии был приспосабливаться к требованиям рынка и лишён был возможности применять более совершенную технику. Ликвидация посессионной формы принудительного труда была невозможна для самих владельцев посессионных мануфактур. Если убыточная вотчинная мануфактура могла быть закрыта путём перераспределения рабочей силы крепостных, то для ликвидации убыточного посессионного предприятия нужно было заручиться специальным разрешением правительства. Ряд законов, изданных правительством в течение 1820—1860-х годов, ставил себе целью облегчить замену посессионных крестьян вольнонаёмными рабочими. По закону от 18 июня 1840 г. право увольнять посессионных рабочих было предоставлено владельцам этих предприятий. В результате этого закона

значительная часть посессионных мануфактур ещё до реформы 1861 г. стала применять наёмный труд.

В конкурентной борьбе капиталистическая промышленность вытесняла посессионные мануфактуры. К 1860 г. число посессионных рабочих достигло лишь 4% от общего числа наёмных рабочих. Посессионное владение фабриками было окончательно прекращено в 1863 г.

Иная картина наблюдалась на вотчинной мануфактуре, которая представляла собой другую форму крепостной мануфактуры. Так как вотчинная мануфактура зачастую была связана с хозяйством самого поместья, то она в сравнении с посессионной фабрикой предоставляла бóльшие возможности в деле получения крепостной рабочей силы или из числа дворовых, или путём барщины, или в порядке «брат за брата». Вотчинная мануфактура основывалась всецело на внеэкономическом принуждении. Ей был присущ основной порок крепостного труда вообще, независимо от сферы его применения, — низкая производительность труда, и это обуславливало неизбежность её крушения.

Дешёвый подневольный труд и монопольный характер сбыта в известной степени задерживали окончательное крушение крепостных предприятий, в особенности наиболее крупных из них. Тем не менее капиталистическое производство неуклонно прокладывало себе путь. К 1860 г. на вотчинных предприятиях было занято всего лишь 11% рабочих. Вместо посессионных и вотчинных мануфактур, которые были типичны для XVIII в. и первой половины XIX в., ведущее место среди промышленных предприятий занимает капиталистическая фабрика, применявшая наёмный труд.

Об этом процессе прогрессирующего изменения удельного веса капиталистических предприятий по сравнению с крепостническими в русской промышленности свидетельствуют цифры и факты вытеснения крепостнического труда вольнонаёмным. К концу первой четверти XIX в. в обрабатывающей промышленности России было занято 114,5 тыс. вольнонаёмных рабочих. В 1860 г. общая численность рабочих в обрабатывающей промышленности составляла 565 тыс. человек, из них численность групп посессионных и крепостных рабочих, вместе взятых, составляла 135 тыс. человек. Поэтому группа вольнонаёмных рабочих в обрабатывающей промышленности в 1860 г. может быть определена в 430 тыс. человек. Следовательно, за 1825—1860 гг. численность вольнонаёмных рабочих возросла в 3,7 раза. Однако если в хлопчатобумажной промышленности почти безраздельно господствовал вольнонаёмный труд, то в сахарной и винокуренной промышленности, где труд рабочих носил сезонный характер, в значительной степени применялся крепостной труд. Учитывая это обстоятельство, можно утверждать, что удельный вес крепо-

стного труда в обрабатывающей промышленности накануне реформы 1861 г. составлял около 18%. Принимая также во внимание значительный удельный вес крепостного труда в горнозаводской промышленности, можно прийти к выводу, что удельный вес крепостного труда по отношению ко всей массе фабрично-заводских и горнозаводских рабочих составлял 33—34%¹. Относительный рост числа рабочих в отраслях, где преобладал наёмный труд, по сравнению с отраслями, где господствовал труд крепостной, является доказательством того, что крепостной труд вытеснялся в промышленности трудом вольнонаёмным.

Для капиталистической промышленности, которая базировалась не на сословных привилегиях, а на силе капитала и конкуренции, феодально-крепостнический строй был тяжёлыми оковами.

Наёмные рабочие в своей подавляющей массе рекрутировались из оброчных помещичьих и государственных крестьян, оставлявших деревню из-за необходимости уплаты денежного оброка помещикам и податей крепостническому государству.

Несмотря на то, что капиталистическая фабрика в течение первой половины XIX в. наступала успешно на крепостную мануфактуру, тем не менее наличие крепостного режима являлось крупнейшей помехой для развития промышленности, основанной на наёмном труде. Это сказывалось и на формировании кадров наёмных рабочих, в частности, на создании кадров искусных, квалифицированных рабочих, ибо применение труда оброчных крестьян тормозило этот процесс. Это сказывалось и на образовании внутреннего рынка для промышленности, ибо крепостной режим препятствовал развитию товарно-денежных отношений среди барщинных крестьян, консервировал натуральный жизненный уклад закабалённого крестьянства. Условия, в силу которых вотчинные мануфактуры удержались вплоть до 1861 г., были: даровой труд, наличие своего сырья и примитивная техника производства. В силу этих условий они сохранились в таких отраслях, как, например, суконная и полотняная, где сырьё было в самом хозяйстве и техника носила рутинный характер. В. И. Ленин отмечал своеобразие предприятий суконной промышленности, которое состояло в том, что они отнюдь не относились к капиталистической фабричной индустрии, а были основаны на труде крепостных или временнообязанных крестьян. «Суконное производство является примером того самобытного явления в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности»².

¹ См. А. Г. Рашин, Формирование промышленного пролетариата в России, стр. 92.

² В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 411.

В тех же отраслях, которые работали на привозном сырье и где техника была относительно высока, например хлопчатобумажная промышленность, вотчинные мануфактуры не имели распространения.

Ввиду низкой производительности труда и невозможности применения передовой техники вотчинная мануфактура не могла получить распространение в тех отраслях промышленности, где усовершенствованная техника, работа на широкий рынок предъявляли требование на квалифицированный труд и на капиталистическую его организацию.

Из всех отраслей промышленности в первой половине XIX в. наиболее передовой и по степени применения наёмного труда и по своей технической оснащённости была хлопчатобумажная промышленность. Для этой промышленности было характерно то, что она не была связана с государственными привилегиями и поставками, что она работала на внутренний рынок и целиком базировалась на капиталистической технике и вольнонаёмном труде. В письме к Марксу от 23 сентября 1851 г. Энгельс писал об успехах бумагопрядения в России следующее: «Русские теперь уже не получают из Англии ни одного аршина бумазеи, очень мало готовых хлопчатобумажных изделий, очень много сырого хлопка: 2 000—3 000 кип в неделю, и несмотря на то, что пошлина на пряжу понижена с 7 до 5 пенсов за фунт, ежедневно все еще возникают новые прядильни»¹. Будучи сравнительно новой отраслью промышленности, которая в условиях крепостного режима стала на рельсы крупной капиталистической фабрики, хлопчатобумажная промышленность в своём развитии наткнулась на те препятствия, которые чинил ей господствовавший крепостной строй: препятствия в отношении формирования свободной квалифицированной рабочей силы и в отношении образования широкого массового рынка сбыта, ограниченного низкой покупательной способностью крепостного крестьянства.

Хлопчатобумажная промышленность, организованная капиталистически, свидетельствовала о глубоком процессе разложения крепостного строя, о далеко зашедшем его кризисе.

В течение XVIII и в начале XIX в. быстро развивалась в России основная отрасль тяжёлой промышленности — чёрная металлургия. По этой отрасли Россия занимала одно из первых мест среди европейских государств. К концу XVIII в. Россия была первой в мире страной по выплавке чугуна (около 180 тыс. *т* в год). Экспорт чугуна из России достигал 50 тыс. *т*. Преимущество России перед другими странами, где плавка производилась только на древесном топливе, коренились в наличии гро-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 274.

мадных лесов, огромных залежей руды на поверхности и наличии дешёвого труда крепостных крестьян.

Картина резко изменилась в первой половине XIX в., когда получила распространение плавка руды на минеральном топливе.

Царская Россия в промышленном отношении отставала от более развитых капиталистических стран.

В 1860 г. на долю России приходилось около 5% мировой выплавки чугуна, в то время как в конце XVIII в. Россия выплавляла больше одной трети.

Причиной отсталости России и в этом отношении был всё тот же отживший крепостной строй, который всячески тормозил технический прогресс. Наиболее рельефно можно проследить отрицательное воздействие условий крепостного хозяйства на промышленный прогресс на примере уральской чёрной металлургии.

Металлургия Урала, которая базировалась главным образом на барщинном крепостном труде¹, заметно отставала от чёрной металлургии в ряде стран Европы. В своё время, когда европейский капитализм был ещё не развит, крепостное право послужило основой процветания Урала. В эпоху расцвета капитализма это же самое крепостное право послужило причиной упадка Урала. «Главной причиной застоя Урала было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве»².

Итак, в условиях дореформенной России в недрах феодально-крепостнического способа производства неуклонно пробивал себе дорогу как в сельском хозяйстве, так и в промышленности капиталистический уклад, разложение феодально-крепостнического общества освобождало элементы будущего капиталистического общества. Однако способ производства оставался старый, хотя он и переживал глубокий кризис и шёл к своему крушению. Объективный экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил стихийно пробивал себе дорогу и требовал ликвидации отжившего крепостного режима.

Крестьянская реформа была порождена ходом экономического развития России на путях капитализма. «Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России.

¹ По приблизительным подсчётам, применение вольнонаёмного труда на Урале (Пермская губ.) в 50-х годах XIX в. составляло в горнозаводской промышленности до 20—30% (см. *Ф. С. Горовой*, О вольнонаёмном труде на Урале во второй четверти XIX века, «Вопросы истории» № 3, 1953 г., стр. 80).

² *В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России Соч., т. 3, стр. 425.

Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*¹.

Борьба вокруг крестьянской реформы, которая происходила между крестьянами и помещиками, была по существу борьбой за те или иные условия буржуазного экономического развития страны. Если помещики ратовали за такой тип её буржуазного развития, который обеспечивал бы сохранение их хозяйства, доходов и кабальных приёмов эксплуатации, то крестьяне боролись за расширение свободного крестьянского землевладения, за ликвидацию помещичьих латифундий, за уничтожение крепостнической и кабальной эксплуатации.

Борьба крестьянских и помещичьих интересов была, как отмечал Ленин, борьбой за американский тип буржуазного развития, против прусского пути. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, обрекая крестьян в течение длительного периода времени на мучительную экспроприацию и кабалу, при выделении небольшого числа «крупных крестьян». Во втором случае помещичье хозяйство ликвидируется, причём исключительным агентом земледелия становится крестьянин, который эволюционирует в капиталистического фермера.

Борьба же между крепостниками и либералами сводилась к борьбе за различные методы осуществления прусского пути капиталистического развития².

Боролись сторонники обезземеления крестьянства и сторонники наделения его землёй.

Спор шёл о том, что выгодно для помещика — наличие арендаторов без земли или «с наделом». Ленин указывал, что реформа

¹ В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 95.

² Приведём высказывание Ю. Самарина, где он по существу выступает с апологией прусского пути капиталистического развития, типичной для представителей либерально-помещичьего лагеря: «История внутреннего обновления Пруссии в первой половине текущего года представляет во многих отношениях явление отрадное и глубоко поучительное... В промежутке времени, обнимающем менее 50 лет (с 1807 по 1852 г.), уничтожено крепостное состояние, освобождён труд, упразднена барщина, приобретено крестьянами право собственности на землю, положено начало выкупу денежных повинностей, — и это всё исполнено без просвещённого насилия сверху, без кровавых потрясений снизу, даже без рискованных финансовых операций, мирным путём законодательных преобразований, глубоко обдуманых и последовательно проведённых» (Ю. Ф. Самарин, Упразднение крепостного права и устройство отношений между помещиками и крестьянами в Пруссии, Сочинения, т. II, стр. 193—194). Ю. Самарин считал, что по этому столь излюбленному его сердцу прусскому пути и должна развиваться Россия.

1861 г., дав некоторый прирост капитализму, обрекла крестьян на горькие мучения. Вскрывая буржуазное содержание крестьянской реформы, он писал, что «это содержание выступало наружу тем сильнее, чем *меньше* урезывались крестьянские земли, чем *полнее* отделялись они от помещичьих, чем *ниже* был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем *свободнее* от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности»¹.

Крестьянская реформа была одним из эпизодов смены крепостничества буржуазным строем, шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Реформа 1861 г. по существу представляла собой грабёж крестьянства в пользу помещиков².

Реформа 1861 г. фактически свелась к сосредоточению лучших земель у помещиков, к лишению крестьян значительной части их земли и, наконец, к «выкупу» крестьянами их наделной земли.

То, что помещики в период реформы 1861 г. отняли значительную часть земель, которая в дореформенный период находилась в крестьянском пользовании, можно проиллюстрировать следующей таблицей³:

¹ В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 95.

² К. Маркс отмечал, что едва распространились слухи о предполагаемом освобождении крестьян, как помещики вступили на путь насильственной экспроприации крестьян или переселения их на самые бесплодные земли (см. К. Маркс [Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России], «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, 1952, стр. 14). О том, что ещё накануне реформы 1861 г. помещики путём всяческих ухищрений и махинаций исподволь готовили обезземеление крестьянства, обстоятельно повествует в своих записках А. И. Кошелев: «...Помещики, видя, что освобождение крестьян неминуемо, и опасаясь, чтоб оно не было произведено внезапно и притом с землёю, начинают в ограждение себя от убытков принимать разные меры, самые для крестьян разорительные. Я знаю многих помещиков, которые уже сократили или теперь сокращают наделы крестьян угодьями, страшась повторения того, что было в Киевской и в других губерниях, т. е. чтоб не уравнили в повинностях в отношении к помещику крестьян, пользующихся как большим, так и малым количеством земли. Другие помещики стараются прибрать к своим рукам ближнюю землю, отдавая крестьянам заповольные земли. Иные переселяют крестьян на отдалённые участки, оставаясь на старых местах, и потому овладевая коноплянниками, выгоном и всеми ближними уваженными землями. Сверх того, и это гораздо ужаснее: я знаю, что некоторые помещики *покупают теперь голые пески и туда выселяют крестьян*, имея в виду отдать им при освобождении эти пески и остаться при хорошей земле; известно, что земля без крестьян в хлебородных губерниях даже теперь дороже ценится, чем земля с крестьянами» (А. И. Кошелев, Записки по уничтожению крепостного состояния в России, см. «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы)», стр. 90. Приложение пятое.

³ См. Ал. Лосицкий, Хозяйственные отношения при падении крепостного права, «Образование» № 11, 1906 г., стр. 212.

Крестьянское землепользование до 1861 г.	«Отрезки»	%
15 нечернозёмных губерний 14 550 000	1 437 000	9,9
21 чернозёмная губерния 14 619 000	3 825 000	26,2
Всего по 36 губерниям 29 169 000	5 262 000	18,1

В некоторых губерниях процент отрезков был ещё выше. Так, например, в Харьковской и Симбирской — 28%, Казанской — 29, Полтавской и Екатеринославской — 37, Саратовской — 38 и в Самарской — 42%.

Эти «отрезки» стали орудием закабаления крестьян, они создавали барщинную зависимость крестьян от помещиков. Что касается выкупных платежей, то они значительно превышали существующие цены на землю. «В чернозёмной полосе,— пишет Лосяцкий,— стоимость крепостных душ вошла в выкупную сумму в размере половины стоимости земли; в нечернозёмной полосе эта стоимость крепостного превышает стоимость земли»¹. Лосяцкий приводит следующую таблицу, которая характеризует сущность «выкупной операции»:

Губернии	Ценность надела по продажным ценам (в млн. руб.)		Ценность надела по выкупу	Фактическая поставка за выкуп личности
	1854—1859 гг.	1863—1872 гг.		
Чернозёмные	219	284	342	123
Нечернозёмные	155	180	342	187
Западные	170	184	183	13

Выкупные платежи препятствовали агротехническому прогрессу в крестьянском хозяйстве, они усиливали экономическую зависимость крестьян от помещика.

Обезземеление крестьян оказалось залогом полукрепостнической аренды и барщинного хозяйства. Оно означало прежде всего создание огромного числа закабалённых арендаторов помещичьей земли, которые были вынуждены на деле отбывать барщину в форме обработки своим инвентарём помещичьей земли за выгон, за луга и т. п. Таким образом, так называемый «свободный труд» на деле оказался отработками и кабалой.

Характеризуя подлинную сущность освобождения крестьян в 1861 г., К. Маркс писал, что *«личное рабство уничтожено. Помещики потеряли власть над личностью крестьянина... Прежде, во времена крепостного права, помещики были заинтересованы в том, чтобы поддержать крестьянина, как необходимую*

¹ А. Л. Лосяцкий, Выкупная операция, Спб. 1906, стр. 18.

рабочую силу; это отпало. Крестьянин попал в экономическую зависимость от своего прежнего помещика»¹.

Обезземеление крестьянства означало по существу его пролетаризацию.

Пережитки крепостнического хозяйства, огромные выкупные платежи ложились тяжёлым бременем на крестьянство; кабальные условия аренды помещичьей земли, чрезмерные подати вынуждали крестьян уходить из деревень в поисках заработка.

Поток крестьян направлялся в разные концы России — в Новороссию, на окраины Сибири. Ленин писал о «земледельческом отходе», как о применении вольнонаёмного труда в земледелии, как о главном проявлении земледельческого капитализма. Наряду с «земледельческим отходом» происходил отход и в неземледельческие промыслы. Один из исследователей той эпохи, Б. Ленский, определяет приблизительную величину этой рабочей армии в 1,5 млн. человек, что составляло 14% трудоспособного крестьянского населения.

Передвижение рабочих армий по всей стране имело прогрессивное значение. Перемещения рабочих, происходившие в связи с наличием колебаний уровня заработной платы в различных районах, разрушали кабальные формы найма и отработки, они были источником подвижности крестьянского населения, создавая тем самым предпосылки для вовлечения его в общественно-политическую жизнь.

В связи с разложением патриархальной сельской общины, в которую вторгалась «власть денег», с увеличением подвижности населения, с приобщением деревни к городской жизни менялась и психология крестьянина. «На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наёмной работы»².

В результате реформы 1861 г. к помещицкому гнёту прибавился ещё растущий гнёт капитала. Увеличилась зависимость крестьянства от рынка. Власть денег усилила процесс расслоения крестьянства; пореформенная эпоха — это сплошной процесс «раскрестьянивания». Бедняцко-средняцкое крестьянство нещадно эксплуатировалось кулачеством³. Крестьянин, сохранивший

¹ К. Маркс, [Заметки о реформе 1861 г. и пореформенном развитии России], «Архив Маркса и Энгельса», т. XII, стр. 14.

² В. И. Ленин, Пятидесятилетие падения крепостного права, Соч., т. 17, стр. 66.

³ Содержательное описание деревенской жизни, быта крестьян и помещиков 70—80-х годов мы встречаем в книге А. Н. Энгельгардта «Из деревни», состоящей из очерков, печатавшихся ежегодно с 1872 по 1882 г. в журнале «Отечест

связи с землёй, подвергался двойной эксплуатации: «по наделу» со стороны помещика, «по заработкам» со стороны капиталиста. Ленин характеризовал такое положение вещей как господство полусредневековой.

В своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин обосновал своеобразие пореформенного строя помещичьего хозяйства, соединявшего в себе черты и барщинной и капиталистической систем, сводившегося к двум основным типам в различных сочетаниях, в причудливом их переплетении: системе отработочной и капиталистической. «Названные системы (отработочная и капиталистическая.— А. Р.) переплетаются в действительности,— пишет Ленин,— самым разнообразным и причудливым образом: в массе помещичьих имений соединяются обе системы, применяемые по отношению к различным хозяйственным работам. Вполне естественно, что соединение столь разнородных и даже противоположных систем хозяйства ведет в действительной жизни к целому ряду самых глубоких и сложных конфликтов и противоречий, что под давлением этих противоречий целый ряд хозяев

венные записки». Ленин находил публицистические очерки Энгельгардта интересными, живыми, полными метких характеристик и образов, в которых дана трезвая, простая и прямая оценка действительности, беспощадно вскрыта и разоблачена фальшивая идеализация крестьянского быта и общины. «Народничество Энгельгардта,— писал Ленин,— будучи выражено чрезвычайно слабо и робко, находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной *действительности* деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью, и если бы какой-нибудь экономист или публицист взял за основание своих суждений те *данные* и *наблюдения*, которые приведены Энгельгардтом, то народнические выводы из такого материала были бы невозможны» (В. И. Ленин, От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, стр. 475). Ленин отмечал даже, что работу Энгельгардта желательно положить в основу изучения деревни этого периода. Очерки «Из деревни», а также работы Энгельгардта по химии сельского хозяйства были известны Марксу по подлинникам. Из заметок в черновых тетрадах Маркса видно, что в середине 70-х годов его в особенности интересовала работа Энгельгардта «Химические основы земледелия». Что касается книги Энгельгардта «Из деревни», то на последнем письме, где речь идёт о крестьянских настроениях в связи с толками о «вольной земле», о хищничестве ведении хозяйства помещиками, о реформе севооборотов и т. п., в экземпляре Маркса имеются пометки.

О кулаках, о сельской буржуазии мы в книге Энгельгардта читаем:

«В наших местах крестьянин считается богатым, когда у него хватает *своего* хлеба до «нови». Такой крестьянин уже не нуждается в *продаже* своего летнего труда помещику, может всё лето работать на себя, а следовательно, будет богатеть, и скоро у него станет хватать хлеба не только до «нови», но и за «новью». И тогда он не только не будет запродавать свою летнюю работу, но ещё будет покупать работу мужика бедного...» (А. Н. Энгельгардт, Из деревни, Соцэкиз, 1937, стр. 367). И в другом месте: «...В деревне Б. есть настоящий кулак. Этот ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги. У этого всё зиждется... на капитале, на который он торгует, который раздаёт в долг под проценты. Его кумир — деньги, о приумножении которых он только и думает» (там же, стр. 396—397).

терпит крушение и т. д. Все это — явления, свойственные всякой переходной эпохе»¹.

Наряду с отработочной системой в сельском хозяйстве России того времени развивалась и капиталистическая. Помещичьи хозяйства капиталистического типа широко применяли наёмный труд и, располагая добавочным капиталом в виде выкупных платежей, применяли искусственные удобрения и машины. Усиливался ввоз сельскохозяйственных машин и орудий из-за границы, а также развивалось их отечественное производство.

Приведём данные ввоза земледельческих машин и орудий в течение интересующего нас десятилетия 1870—1880 гг.²

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ МАШИН
И ОРУДИЙ БЫЛО ВВЕЗЕНО:

В 1869 г.	на	711 366	руб.
» 1870 »	»	875 085	»
» 1871 »	»	1 042 828	»
» 1872 »	»	1 622 203	»
» 1873 »	»	1 546 479	»
» 1874 »	»	2 809 004	»
» 1875 »	»	3 151 960	»
» 1876 »	»	1 628 063	»
» 1877 »	»	1 231 130	»
» 1878 »	»	3 641 435	»
» 1879 »	»	3 999 863	»
» 1880 »	»	5 502 432	»
» 1881 »	»	4 487 861	»

Наряду с ввозом из-за границы в России было произведено машин в среднем с 1875 по 1879 г. на 3 420 093 руб. в год; за это же время в среднем ввезено их на 2 730 490 руб. в год. Таким образом, в России ежегодно производилось машин на 689 603 руб. больше, чем ввозилось. Быстрое развитие сельскохозяйственного машиностроения и употребление машин в русском пореформенном хозяйстве вели к дальнейшему развитию капиталистических отношений.

Развитие сельскохозяйственного машиностроения и употребление машин знаменовали собой прогрессивные тенденции в развитии пореформенного сельского хозяйства: вытеснение отработок наёмным трудом, повышение производительности труда в земледелии, концентрацию производства, применение капиталистической кооперации в земледелии и создание внутреннего рынка для капитализма как на средства производства, так и рабочую силу.

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 161.

² См. «Историко-статистический обзор промышленности России», под ред. Д. А. Тимирязева, т. I, Спб. 1883, стр. 156.

В целом после реформы 1861 г. сельское хозяйство страны становилось всё более товарным, производящим для рынка.

Реформа 1861 г., сопровождавшаяся экспроприацией крестьянства, создала тем самым для нужд капитала значительные массы рабочей силы. Крестьянское хозяйство, закабалённое помещиками, обременённое непосильными платежами, было тем источником, откуда вербовалась дешёвая рабочая сила как для помещичьих имений, так и для развивающейся промышленности города.

Разоряющаяся крестьянская беднота порывала связи с деревней, она вынуждена была уходить в отход, наниматься на фабрики и заводы — в той или иной форме выступать в роли продавца своей рабочей силы. Разложение натурального уклада создавало рынок для капиталистической промышленности. Наконец, одним из существенных факторов развития крупной капиталистической промышленности явилась капитализация денежных масс, накопленных ещё в крепостную эпоху, и выкупных свидетельств землевладельцев.

В результате реформы 1861 г. коренной перестройке должны были подвергнуться помещичьи вотчинные и посессионные фабрики.

Первые годы пореформенного периода были годами застоя для ряда отраслей промышленности ввиду отлива значительной массы рабочих в деревню за «наделом». Однако массовое обезземеление крестьян, порождённое реформой 1861 г., вскоре дало себя знать, и начался обратный приток рабочих на фабрики.

Следующая таблица иллюстрирует застойные тенденции главных отраслей промышленности¹:

Годы	Чугун	Железо	Сталь
1859	18 млн. пудов	13 млн. пудов	95 тыс. пудов
1860	20 » »	13 » »	97 » »
1861	17 » »	10 » »	119 » »
1862	13 » »	9 » »	117 » »
1863	16 » »	12 » »	120 » »
1864	18 » »	14 » »	176 » »
1865	19 » »	13 » »	236 » »
1866	17 » »	13 » »	243 » »
1867	17 » »	13 » »	233 » »

Как мы видим, в первые годы после реформы 1861 г. темпы непосредственно промышленного производства были довольно

¹ См. П. Туннер, Горнозаводская промышленность России, Спб. 1872, стр. 116—117, а также «Историко-статистический обзор промышленности России», под ред. Д. А. Тимирязева, т. I (Приложение).

слабые. Капиталы в форме акционерных капиталов устремились в сферу обращения — в банки и кредитные учреждения, в область железнодорожного строительства, а также частично в горнозаводскую промышленность. Если к концу 50-х годов в России было 1 205,9 версты железнодорожного пути, то к концу 70-х годов она обладала рельсовым путём протяжением в 20 942,1 версты.

Развитие транспорта способствовало объединению местных рынков в общероссийский рынок, а также связи общероссийского рынка с мировым рынком.

За период 60—70-х годов в кредитные учреждения было помещено 226,9 млн. руб., а в железнодорожные общества — 698,5 млн. руб., что составляло 62,6% средств, вложенных в промышленность. Следующая таблица сравнительного состояния главных операций всех акционерных банков коммерческого кредита наглядно показывает тенденции развития денежного рынка, в котором нуждалась развивающаяся промышленность и который в свою очередь должен был ускорить темпы промышленного развития страны¹:

Годы	Число банков и их отделений	Всего учёта и ссуд (в тыс. руб.)	Всего вкладов	Всего ресурсов (кредит и перезалог, акции и переводы, корреспон. и кредитеры)
1864	1	2 822	1 454	579
1866	2	7 518	4 451	2 458
1868	4	25 160	23 446	1 981
1870	16	121 760	99 363	14 192
1871	32	216 971	170 148	24 951
1872	53	340 961	234 826	60 951
1873	88	418 943	276 715	103 807

Обилие денежных капиталов, усиленное железнодорожное строительство скоро привели к росту и других отраслей капиталистической промышленности. В период 70—80-х годов происходит интенсивный рост лёгкой индустрии, развиваются нефтяная и каменноугольная промышленность, а также производство чугуна, железа.

Нижеследующая таблица показывает общую картину роста продукции горной промышленности за период 1860—1880 гг.²

¹ См. И. И. Кауфман, Статистика русских банков, ч. 2, Спб. 1875 стр. 422—423.

² См. «Историко-статистический обзор промышленности России», под ред. Д. А. Тимирязева, т. I (Приложение).

	1860 г.	1875 г.	1880 г.
	(производство в пудах)		
Золото	1 491	1 995	2 641
Платина	61	94	179
Серебро	1 099	601	616
Свинец	66 698	65 963	69 948
Медь	317 147	222 768	195 518
Чугун	20 467 526	26 079 711	27 375 370
Соль	26 232 500	35 738 685	47 571 916
Железо и сталь	12 942 190	19 336 912	35 591 929

Таким образом, 70-е годы в России были годами довольно быстрого развития капитализма как в промышленности, так и в земледелии. Техника производства во всех отраслях народного хозяйства стала быстро развиваться.

Новая промышленная эра, в которую вступила страна, была ознаменована беспощадной эксплуатацией пролетариата. Этому способствовало разорение огромных масс крестьянства, которые вынуждены были искать работу на капиталистической каторге. Проникновение капитализма в его наиболее хищнической форме в деревню, разложение общины породили обнищание и пролетаризацию широких крестьянских масс.

Обезземеление крестьян происходило в России не в такой классической форме, как в Англии, где мелкий производитель был насильственно полностью лишён земли. Урезанные наделы, выкупные платежи, огромные налоги были источником обезземеления русского крестьянства, источником огромной армии полупролетаризированных крестьян. В одном из черновиков своего письма к В. Засулич от 8 марта 1881 г. Маркс писал: «Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их с их земель, как это было в Англии и в других странах; точно так же нет необходимости уничтожить общую собственность посредством указа. Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к их полям»¹.

Констатируя наличие в России конца 70-х и начала 80-х годов разрыва между капиталистической промышленностью и отсталым сельским хозяйством, Маркс в письме к Н. Даниельсону от 10 апреля 1879 г. писал, что Россия напоминает «Францию времен Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная надстройка или, вернее, *фасад* общественного здания (имевший, правда, под собою гораздо более прочный фун-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 685.

дамент, чем в России) выглядел насмешкой над застойностью главной отрасли производства (сельскохозяйственного) и над голоданием производителей»¹.

В России капитализм как в сельском хозяйстве, так и в промышленности развивался при наличии груза феодальных пережитков, что придавало своеобразные черты обострению антагонистических противоречий, классовой борьбе в стране.

*
*
*

Разложение феодально-крепостнического хозяйства и формирование капиталистических отношений в России в первой половине XIX в., а также период победы капиталистического способа производства при сохранении феодальных пережитков в России 60—70-х годов — все эти этапы в развитии народного хозяйства России ознаменовались неуклонным нарастанием крестьянского движения, а также выступлением в форме стачечной борьбы складывавшегося рабочего класса против своих эксплуататоров-капиталистов.

В течение периода царствования Николая I — периода острого конфликта крестьянства с помещичье-самодержавным режимом — стихийное возмущение крестьянских масс против ярма крепостничества и царского самодержавия из года в год неуклонно нарастало, достигнув за отрезок времени с 1825 по 1854 г., по неполным данным, внушительной цифры — 674 крестьянских волнений.

Они принимали различные формы: отказы от работ на барщине, от уплаты повышенного оброка; убийства и избиения помещиков и управляющих имениями; массовые волнения, охватывавшие обширные районы страны при участии значительных масс закрепощённого крестьянства. Таковыми были сильное крестьянское движение в 30-х годах на Украине, возглавляемое Кармелюком, крестьянское движение летом 1839 г. в связи с засухой и неурожаем, охватившее 12 губерний, крестьянские волнения в 1847 г. в Белоруссии, вызванные слухами об освобождении от крепостной зависимости участвующих в постройке железной дороги между Петербургом и Москвой, волнения государственных крестьян в связи с реформой Киселёва, а также крестьянские волнения в ряде национальных районов. Кроме крестьянских волнений в николаевскую эпоху происходили также волнения крепостных рабочих, в частности уральских крепостных, а также борьба народов Кавказа против царизма.

Архивные материалы показывают, что ещё в конце 30-х годов наряду с бунтами, восстаниями, отдельными убийствами и т. д.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1951, стр. 105.

среди некоторых представителей крестьянства возникала идея народного представительства. Так, в отчёте шефа жандармов за 1837 г. сообщается, что «помещичий крестьянин самых ограниченных понятий, род юродивого, неспособный почти ни к какой работе, и по сей причине освобождённый даже своею помещицею от платежа оброка (это попытка жандармов опорочить этого борца за народное дело.— А. Р.) ...возымел мысль о составлении некоего посредничества между правительством и народом, через избранных из среды народа представителей, для улучшения быта простых людей. Мысль сию обдумывал он, как по исследованию оказалось, в продолжение нескольких лет и толковал о ней с разными людьми простого звания, которые его слушали и на которых он, не взирая на свою юродливость, имел в этом отношении значительное влияние». Любопытно заключение отчёта, что этот случай имеет особое значение, ибо в «простом сословии народа» возникают мысли о борьбе за изменение «в образе правительства». «Частный случай сей,— читаем мы в этом отчёте,— взятый отдельно, конечно, сам по себе не представляет особой важности, но он невольно ведёт к заключению, что и у нас в простом сословии народа могут порождаться мысли об изменениях в образе правительства, для ограждения себя от притязаний и несправедливостей начальств и своих помещиков»¹.

В 50-е годы, непосредственно примыкавшие к знаменательному периоду революционной ситуации 60-х годов, крестьянское движение, проявившееся в многочисленных открытых выступлениях, поднялось в сравнении с предшествовавшим периодом на более высокую ступень. Так, например, в 1854 г. в связи с указом о наборе в морское ополчение (созыв ополчений диктовался ходом Крымской войны, обусловившим необходимость поисков новых пополнений для армии) среди крестьян ходили слухи, что ополченцы и их семьи будут освобождены от крепостной зависимости. Крестьянские волнения, охватившие Петербургскую, Олонецкую, Тверскую, Новгородскую губернии, а также ряд других губерний, были подавлены военной силой. По своим масштабам это движение, носившее явно антикрепостнический характер, резко выделялось на фоне всех волнений на протяжении первой половины XIX в.

В 1855 г. волнения крестьян на почве формирования государственного подвижного ополчения развернулись с ещё большей силой. Самым крупным эпизодом в крестьянском движении 1855 г. были волнения на Украине. В Киевской губернии, где в силу местных условий общая ненависть к помещичье-самодержавному режиму и стремление добиться долгожданной свободы обостря-

¹ «Крепостной конституционалист в 1837 г.», «Красный архив», т. 7, 1924 г., стр. 253—254.

лись враждой к польским панам-помещикам, а также воспоминаниями о казачестве, прошёл слух о наличии указа («выводного листа») о призыве крестьян «в казаки», об освобождении крестьян от крепостной зависимости и о ликвидации помещичьего землевладения путём передачи в собственность крестьян земель и имущества помещиков. Крестьяне отказывались от помещичьих работ, требовали зачисления в казаки, вводили самоуправление, вступали в открытую борьбу с войсками. В великороссийских губерниях крестьянское движение 1855 г. приняло форму массового бегства в города, где крестьяне добивались зачисления в государственное ополчение. Наибольший размах крестьянское движение 1855 г. приняло в Воронежской губернии, где произошёл ряд столкновений крепостных крестьян с властями и войсками (крупнейшее из них в слободе Масловке, Бобровского уезда).

Киевские волнения нашли отклик в стране, в особенности среди киевского студенчества. Так, например, студент-поляк Иосиф Розенталь читал крестьянам рукописную прокламацию о борьбе против господ и царя. Прокламация Розенталя представляет собой исключительно интересный политический документ, содержащий лозунги революционно-демократического характера. Согласно прокламации, истоки деспотизма царей уходят в седую древность. По сей день могущество и самодержавие царей покоятся на силе войск, которые «удержали... народ от востания и мешали выбиться на волю». Прокламация выдвигает лозунг «Долой царя и господ... равенство, свобода и отечество...». Прокламация связывает, следовательно, осуществление революционно-демократических идеалов о водворении в результате крушения помещичье-самодержавного режима царства свободы и равенства с осуществлением патриотической мечты о процветании родины. Прокламация обращается к крестьянству с пламенным призывом к восстанию и выражает непоколебимую уверенность в неизбежности победы народа над своими вековыми угнетателями. Призывая закрепощённый народ на истребительную войну против своих поработителей, прокламация предостерегает против пагубного влияния попов, которые запродали себя царям для одурачивания народных масс, подчёркивает, что восставший народ должен «стараться соединиться в одну большую массу, действовать умно и осторожно». Прокламация призывает учесть опыт и традиции борьбы против угнетателей таких народных вождей, как Хмельницкий, Железняк. «Спросите предков ваших, как Железняк, Хмельницкий и другие вожди ваши сумели поставить вас в таком могуществе. И вновь так будет, если только захотите, если всеми силами приступите к святому делу и будете слушаться ваших путеводителей». Прокламация рисует яркую картину грядущего счастья народного, когда освобождённые от цепей рабства и угнетения «люди будут трудиться на себя».

«Тогда будете народом свободным, будете трудиться на своей земле не для царя, не для господ, а для самих себя, не посмеет никто разделить вас с жёнами и матерями и никто не будет взимать с вас ни податей, ни рекрута и вновь явится на земле равенство, свобода и счастье».

Прокламация Розенталя представляла собой выдающийся документ периода 50-х годов как по своему пафосу негодования против угнетения народа помещиками и царём, так и по разоблачению антинародного характера союза церкви и государства, разоблачению церковников и царей как врагов народа. Для той эпохи, когда крестьянством ещё не были изжиты царистские иллюзии, прокламация Розенталя представляла собой выдающееся явление. Русский революционер-демократ и замечательный мыслитель Н. А. Добролюбов посвятил Розенталю стихотворение, из которого приведём следующие вдохновенные строки:

Привет тебе за подвиг благородный,
Привет тебе, несчастный Розенталь!
Поборник истины, друг вольности народной,
За братьев ты восстал, ты понял их печаль.
Узнал страданья их, и, мыслию свободной
Прозрев грядущих лет в таинственную даль,
Сказал рабам томящимся: «Пора!
Идём во имя чести и добра!»¹.

Крестьянское движение 1855 г., с которым связана рассмотренная нами прокламация Розенталя, отличалось от предыдущих лет своими масштабами, своей большей зрелостью и организованностью, и, в частности, появлением агитаторов из крестьянской среды².

В 1856 г., после окончания Крымской войны, крестьянское движение принимало самые разнообразные формы: отказы платить барщину и оброк, побег, убийства помещиков. Под влиянием разнообразных слухов, ходивших среди крестьян (например, что правительство приглашает переселенцев для восстановления разорённого края, что царь решил дать волю в Крыму и т. д.), происходили массовые самовольные переселения крестьян ряда южных губерний на Крымский полуостров. Хотя это движение и было подавлено значительными воинскими силами, однако оно произвело большое впечатление на правительственные круги и сыграло известную роль в решении отменить крепостное право сверху.

В 1859 г. крестьянское движение приняло своеобразную форму «трезвенного движения», которое охватило целый ряд губерний и было вызвано дороговизной и плохим качеством вина. Крестьяне

¹ Н. А. Добролюбов, К Розенталю, Полное собрание сочинений, т. IV, М. 1937, стр. 440.

² См. Я. И. Линков, Крестьянское движение в России во время Крымской войны 1853—1856, М. 1940.

на мирских сходах составляли приговоры о воздержании от вина и подвергали взысканиям нарушителей запрета. Как отмечалось в отчёте III отделения («Нравственно-политическое обозрение за 1859 год»), «содержатели откупов всемерно старались отклонить крестьян от трезвости: угрожали взысканием правительства за уменьшение питейных доходов, понижали цены на вино, даже предлагали оное в некоторых местах безвозмездно. Но крестьяне твёрдо хранили свои обеты...».

Движение против питейных откупов приняло столь широкий размах, что правительство признало необходимым, как отмечает вышеуказанный отчёт, обратить внимание на «самовольные поступки ревнителей трезвости, которые принуждали других к воздержанию штрафами и взысканиями...»¹. Согласно официальному отчёту, «буйства» в 1859 г. происходили большей частью при «сборищах» на ярмарках и базарах; в 12 губерниях «было разбито 220 питейных заведений», предупреждено 26 покушений. Движение против питейных откупов было подавлено при помощи воинских частей.

Народное движение против откупов нашло отклик в революционно-демократическом лагере. В статье «Народное дело» Н. А. Добролюбов писал, что борьба народа с откупом служит «доказательством жизненности народных масс в России»². Противопоставляя «коренной народ» «цивилизованному обществу», Добролюбов подчёркивал, что в «народной массе... есть дельность, серьёзность, есть способность к жертвам», что в народе есть «сила на добро», что слово народное «никогда не праздно; оно говорится ими, как призыв к делу, как условие предстоящей деятельности»³. Добролюбов видел в «способности приносить существенные жертвы раз сознанному и порешённому делу... величие простой народной массы...»⁴. Так на эзоповском языке Н. А. Добролюбов пропагандировал идеи о крестьянстве как движущей силе предстоящей революции.

Крестьянское движение конца 50-х годов опровергает утверждения буржуазных историков о том, что правительственные заявления о предстоявшей реформе, деятельность государственных органов и дворянских комитетов внесли «успокоение» в крестьянские массы.

Крестьянское движение предреформенного периода как по количеству даже официально зарегистрированных «неповиновений», волнений, так и по многообразию форм борьбы закрепи-

¹ «Крестьянское движение 1827—1869 годов», вып. 1, Соцэкгиз, 1931, стр. 134.

² Н. А. Добролюбов, Народное дело, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 110.

³ Там же, стр. 138.

⁴ Там же, стр. 139.

щённого крестьянства против помещиков и самодержавного строя, стоявшего на страже помещичьих интересов, является ярким свидетельством массового возмущения крестьянских масс против помещичьей кабалы и царского деспотизма, обострения во время подготовки «освобождения» крестьян от крепостной зависимости классовой борьбы в стране.

Классовые противоречия и классовая борьба продолжали всё более обостряться в России 60—70-х годов в результате всё ухудшавшегося положения крестьянства, экспроприации мелких производителей, усиленного роста пролетариата, жестокой эксплуатации рабочих.

В связи с реформой 1861 г., обезземелившей крестьян и сохранившей целый ряд крепостнических пережитков, усилилось массовое крестьянское движение, которое в 1861 г. достигло наивысшего подъёма и составляло важнейший момент в создавшейся в России начала 60-х годов революционной ситуации.

Ярким проявлением разочарования и недовольства крестьян реформой 1861 г. было выступление крестьян, известное под названием кандеевского восстания. Оно охватило ряд уездов Пензенской губернии и несколько смежных уездов Тамбовской губернии, где чрезвычайно обременительны были барщина и подворная повинность¹.

Центром восстания было село Кандеевка, вокруг которого объединился ряд сёл и деревень и куда ежедневно собиралось около 10 тыс. крестьян. Крестьяне села Кандеевки в агитационных целях развозили по окрестным деревням красное знамя и призывали прекращать господские работы, громить помещиков и брать себе землю, луга и строения без всякого вознаграждения. Возглавляли движение крепостной крестьянин Леонтий Егорцев из молокан и отставной солдат Елизаров. Это восстание было в апреле 1861 г. подавлено царским сатрапом генералом Дренякиным, который учинил над восставшими жестокую расправу. Крестьяне, по свидетельству самих усмирителей, проявили исключительное бесстрашие.

На кандеевское восстание откликнулась революционная русская публицистика в лице «Колокола» Герцена. «Да, русская кровь льётся рекой... — читаем мы в «Колоколе», — и есть пресные души, робкие умы, упрекающие нас в выстраданных сло-

¹ Нешадный гнёт помещичьей кабалы, давивший кандеевских крестьян, вынуждены были признавать даже сами жандармские чины. Так, например, в донесении майора Лакса шефу жандармов Долгорукову от 15 апреля 1861 г. мы читаем: «...Озлобление кандеевских крестьян... против помещиков происходит от притеснительного управления ими. Они имеют основание говорить, что они на помещика уже отработали, потому что с тех пор, как существует трёхдневная барщина, они не пользовались этою льготою, а ходили на работу по 6 дней в неделю» («Красный архив», т. 1(92), 1939 г., стр. 101—102).

вах проклятья и негодования!». В этой же статье из «Колокола» приводятся выдержки из письма в редакцию, где подчёркивается недовольство крестьян реформой 1861 г. «Почти повсеместно крестьяне страшно недовольны новым временно-обязательным положением, во многих местностях отказываются верить, что объявляемый им манифест подлинный». Корреспондент «Колокола» подчёркивает, что «манифест, по мнению крестьян, таков, что им будет *тяжеле прежнего* и что в два года помещики *разорят их в конец*»¹. «Колокол» с едкой иронией заклеил «храбрость» Дренякина. *«Храбрый Дренякин* представлял к награде «молодцов», убивавших крестьян, наших братьев русских крестьян. Чем же их наградить? Надобно выписать австрийские или прусские кресты — не русскими же награждать за русскую кровь!». И далее «Колокол» советует русскому правительству выбить медаль: «с одной стороны венки из розог, связанный флигель-адъютантским эксельбантом — а с другой стороны: *«Сим освобождаю!»*»².

О кандеевском восстании писал и П. Г. Зайчневский в письме к Аргиропуло. Ссылаясь на сообщение полкового командира Казанского полка о том, что в день восстания кандеевские крестьяне везли красное знамя, Зайчневский восклицает: «Вот оно красное знамя начинает развеваться у нас и осенять собой толпы собравшихся, хотя и не вооружённых, но всё-таки на защиту великого дела социализма — общинного владения землёй!!!»³.

В крестьянских волнениях Зайчневский видел предвестников грядущей народной революции.

Другим крупным эпизодом в цепи целого ряда крестьянских волнений, которые происходили непосредственно после опубликования манифеста 19 февраля 1861 г., было движение крестьян, возникшее в селе Бездне, Спасского уезда, Казанской губернии, охватившее затем ряд уездов Казанской губернии и затронувшее также Самарскую и Симбирскую губернии. Восстание в Бездне возглавлялось крестьянином Антоном Петровым, который доискивался в Положениях 19 февраля настоящей «воли». В соответствии с Положениями «воля» представлялась Антону Петрову в следующем виде: «Помещичьи земли — горы да доли, овраги да дороги и песок да камыш, лесу им ни прута. Переступит он шаг с своей земли — гони добрым словом, не послушался — секи ему голову, получишь от царя награду»⁴. Антон Петров, как и

¹ «Русская кровь льётся!», «Колокол», лист 98—99, 15 мая 1861 г., стр. 821, 822.

² «Смесь», «Колокол», лист 104, 1 августа 1861 г., стр. 876.

³ «Красный архив», т. 1, 1922 г., стр. 277.

⁴ «Копия письма Н. А. Крылова помещице Ермоловой. Восстание в Бездне», «Красный архив», т. 4, (35), 1929 г., стр. 196.

все его односельчане, воспринимал первые сообщения о реформе 1861 г. как уничтожение помещичьих повинностей и переход всей помещичьей земли и угодий в собственность крестьян.

К Антону Петрову стекались толпы крестьян, чтобы услышать «истинную волю». Он призывал крестьян к неповиновению, к кровавой борьбе против помещиков и властей, за «истинную волю».

Безднинское движение было жестоко подавлено. Безоружная толпа крестьян — расстреляна. Кровавая расправа над крестьянами в Бездне нашла широкий отклик среди представителей различных течений русской общественной мысли того времени¹.

Правительственное толкование событий, разыгравшихся в селе Бездне, дала газета «Северная пчела»². Оно сводилось по существу к повторению рапорта Апраксина, усмирителя безднинского восстания, Александру II. «Северная пчела» вопреки очевидным фактам утверждала, что обнародование Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, было встречено «крестьянами с желаемым спокойствием и благоразумием».

Сознательно извращая истинный ход событий, «Северная пчела» пыталась представить безднинское восстание как случайный эпизод. По утверждению газеты, всё дело сводилось к злой воле Антона Петрова, жертвой которого сделались безднинские крестьяне. «Северная пчела» много внимания уделила также реабилитации Апраксина, утверждая, например, что «крайняя необходимость» заставила его расстреливать безоружных крестьян.

¹ На публичной панихиде по убитым в Бездне крестьянам, устроенной казанскими студентами, выступил с речью профессор истории А. П. Шапов. Шапов начал с того, что «демократ Христос, доселе мифический, — боготворимый европейским человечеством... возвестил миру общинно-демократическую свободу, во времена ига Римской империи и братства народов, — и за то военно-пилатовским судом приговорён был ко Кресту, и явился всемирно-искупительной жертвой за свободу». В России, продолжал Шапов, среди «горько страдавших тёмных масс народных» появились «свои Христы» — демократические конспираторы. С половины прошлого столетия они стали называться *пророками*, и народ верил в них, как в своих *искупителей*, освободителей. Шапов указывал, что безднинская кровавая трагедия — это искупительные жертвы «деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу» и что восставшие в Бездне крестьяне «нарушили наш сон, разрушили своей инициативой наше несправедливое сомнение, будто народ наш не способен к инициативе политических движений». В заключение Шапов сказал, что подвиг безднинских крестьян звучит призывом к восстанию народа, к его борьбе за свободу. «Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла вас мучениками в свои недра, — эта земля воззовёт народ к восстанию и к свободе...»

Закончил Шапов свою речь словами: «Да здравствует демократическая конституция!» («Подлинный текст речи А. П. Шапова», из «Записной книжки архивиста», «Красный архив», т. 4, 1923 г., стр. 409—410). Шапову за это выступление угрожала ссылка в монастырь, однако левые общественные круги во главе с Чернышевским отстояли его.

² См. «Крестьянское дело», «Северная пчела», 15 мая 1861 г.

«Отечественные записки» в своём отклике на безднинские события по существу повторили правительственную версию¹. «Отечественные записки» напыщенными, высокопарными тирадами описывали мероприятия правительства накануне реформы 1861 г. и самый акт освобождения крестьян.

Тут и «солнце правды», которое «загоралось» над русской землёй, тут и надежды, которые оно «зажгло своими первыми лучами», тут и встреча реформы 1861 г. всей страной «единодушным вздохом благодарности». Переходя после этих либеральных словословий по адресу царского самодержавия к событиям в селе Бездне, «Отечественные записки», ссылаясь на официальное известие, утверждали, что Антон Петров «один был причиною спасского происшествия». Более того, «Отечественные записки» прямо, без обиняков оправдывали расстрелы безоружных крестьян. Оказывается, что всё дело заключается в невежестве крестьян. «...Народ... не дорос до юридических тонкостей римского права и ни за что не поймёт ни слушаний решений, ни рукоприкладства, ни апелляций, ни иных судебных форм и проволочек». «Против такого невежества,— заключает журнал,— к сожалению, до настоящего времени не было другого средства, другой силы — кроме физической»².

Позиция «Отечественных записок» по отношению к безднинским событиям и реформе 1861 г.— наглядная иллюстрация к тому, как русские либералы, одержимые холопским недугом по отношению к официальному, правительственному курсу в крестьянском вопросе, выступали в качестве рьяных, заклятых врагов крестьянства.

Подлинным другом народа, непоколебимым защитником крестьянских интересов и блестящим разоблачителем либерализма и царского самодержавия, как сил, враждебных крестьянству, как врагов народа, выступил руководимый Н. Г. Чернышевским журнал «Современник», давший непревзойдённый для своего времени анализ движущих сил крестьянского движения в годы реформы 1861 г.

Очерки Пиотровского, помещённые в «Современнике», прежде всего подвергают критике абстрактный, догматический подход к жгучей проблеме современности — «сблизить народ с так называемыми образованными людьми», т. е. к проблеме классовых противоречий в России. Такого рода подход, который базируется на отвлечённых понятиях, вроде таких, как «народность», «историческая почва», «гармоническое развитие» и т. п., может быть лишь источником «смутных представлений», которые, по мнению

¹ См. «Современная хроника России», «Отечественные записки» № 6, 1861 г.

² Там же, стр. 39.

«Современника», и характерны для русской журналистики. Основной порок этого метода — игнорирование подлинных нужд народа.

«Даже рассуждая о чём-нибудь, прямо относящемся до простолюдина, до быта крестьянина или мещанина,— пишет Пиотровский,— мы нередко забываем о людях, прямо заинтересованных в этом деле, забываем низший класс, и относимся к предмету или отвлечённо, следовательно мертво, или затрагиваем одно состоятельное сословие»¹.

Призывая к изучению реальной действительности, живой жизни, «Современник», однако, напоминает, что путь исследования действительной жизни в противоположность пути, который ставит своей целью встречать «апатически всё несправедливое и нелепое», сопряжён с большими трудностями, это путь тернистый, чреватый «немалыми жертвами».

«Современник» разоблачает журналистику и тех, «выражением чьих мыслей она служит», которые «простонародье считают неспособными ни на что высокое, благородное, которые отрицают всякую возможность расшевелить живым словом эту, по их мнению, неподвижную массу». И далее «Современник» эзоповским языком указывает на всю важность событий, происходивших в крестьянской среде, он подчёркивает их естественную необходимость и неизбежность. «Здесь всё творится на основании естественных законов и оттого, если эти законы начинают проявляться, то можно сказать утвердительно, что иначе быть не может, что это естественная потребность»².

Больше того, «Современник» видел в событиях крестьянской, народной жизни важнейший критерий общественной жизни страны. Он считал факты из жизни народной «более точным указателем нужд общественных, нежели важное происшествие в кругу людей образованных». Отсюда следовал прямой вывод, что народная воля должна быть реализована, что народные нужды должны быть удовлетворены. «...Прямая обязанность людей образованных,— писал Пиотровский,— при проявлении народной воли стремиться достичь благотворных для народа результатов, то есть доставить ему удовлетворение...»³

Применительно к условиям текущей русской жизни все эти рассуждения ставили своей целью обосновать необходимость, неизбежность крестьянских восстаний, как естественных законов общественной жизни. «Современник» призывал интеллигенцию стать на сторону борющегося крестьянства, активно бороться за удовлетворение его чаяний, его потребностей. Политически это

¹ И. Пиотровский, Погоня за лучшим. Критические очерки. IV. К вопросу об отношении к народу, «Современник» № 7—8, 1861 г., стр. 240.

² Там же, стр. 241.

³ Там же.

означало оправдание крестьянской революции и призыв к борьбе за её победоносное завершение.

После этих общих предварительных замечаний, так сказать философского характера, которые ориентировали читателя на правильное понимание современной русской действительности (а правильное её понимание, по мнению «Современника», было возможно лишь с позиций объективных законов исторического процесса, которые соответствовали интересам крестьян, т. е. точке зрения революционно-демократической), «Современник» переходит к рассмотрению отдельных конкретных фактов.

Прежде всего вопрос о реформе 1861 г. С нескрываемой иронией «Современник» рассказывает, как вслед за манифестом 19 февраля в газетах появились восторженные статьи. Дело дошло до того, что даже «Полицейские ведомости» откликнулись на это событие фельетонами в стихах и прозе; от «Полицейских ведомостей» не отставали «Отечественные записки». «Словом, образованное общество торжествовало и уверяло, что вся Россия, весь народ точно так же мирно торжествует. Но в это самое время обнаружилось печальное явление: начались недоразумения... и в газетах появились статьи и известия о разных беспорядках по крестьянскому делу»¹. И в качестве иллюстрации происшедших «беспорядков» «Современник» даёт извлечения из газет о восстании в селе Бездне. «Современник» подчёркивает, что это — «факт не единичный. Почти то же самое, с некоторыми вариантами, повторилось во многих губерниях». «Современник» в едко насмешливых выражениях разоблачает либеральную печать, которая причину крестьянских волнений видела в невежестве и грубости «простонародья», в отсутствии у него «здорового смысла», которая полагала, что простонародье не привыкло самостоятельно управлять своим хозяйством, что за крестьян должны думать посредники. «Но простонародье,— пишет Пиотровский,— думает совершенно иначе. Оно, вследствие общей мании жить своим умом, считает себя самого способнее устроиться с помещиком. Возникают недоразумения...»²

В чём же причина крестьянских волнений? В общей форме Пиотровский её формулирует как «отдаление образованного класса от народа»³. Говоря конкретней о причинах, породивших выступления крестьян, в частности, раскрывая причины событий в селе Бездне, «Современник» указывает на неудовлетворительность реформы 1861 г. «Современник» прямо подчёркивает крепостнический характер реформы 1861 г.: «Крестьяне вышли из

¹ И. Пиотровский, Погоня за лучшим. Критические очерки. IV. К вопросу о сближении с народом, «Современник» № 7—8, 1861 г., стр. 242.

² Там же, стр. 246.

³ Там же.

крепостной зависимости с обязанностью оставаться в прежнем повиновении к своим помещикам»¹.

Что касается событий в селе Бездне, то в свете общей концепции «Современника» они рисуются совершенно иначе, чем об этом трубили официозная печать и либеральная журналистика. «В селе Бездне крестьяне требуют *чистой воли*; они ждали совершенно другого, чем им говорят. Антон Петров становится во главе недовольных. Крестьяне поднимаются... Они поднялись по зову Антона Петрова, сознательно толковавшего смысл прочитанных статей»². В отличие от разнузданной клеветы, которой не гнушалась либеральная печать по адресу Антона Петрова, со страниц «Современника» встает светлый образ, охарактеризованный ввиду цензурных условий хотя и скупыми, но выразительными словами, народного вожака, вдохновившего пошедших за ним крестьян на героическую борьбу за землю, за волю.

Как мы уже говорили, в России 1859—1861 гг. сложилась революционная ситуация, важнейшим фактором которой было крестьянское движение. Революция невозможна без революционной ситуации, хотя не всякая революционная ситуация приводит к революции. Ленин указывал на следующие три главных признака революционной ситуации:

«1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хстели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению»³.

¹ И. Пиотровский, Погоня за лучшим. Критические очерки. IV. К вопросу о сближении с народом, «Современник» № 7—8, 1861 г., стр. 242.

² Там же, стр. 246.

³ В. И. Ленин, Крах II Интернационала, Соч., т. 21, стр. 189—190.

О том, что кризис «верхов» действительно имел место в интересующую нас эпоху, писали сами представители либерального лагеря. Так, например, в «Записках по уничтожению крепостного состояния в России», поданных царю в 1858 г., А. И. Кошелев писал: «Уверенность помещиков в справедливости их прав на владение людьми слабеет видимо; вследствие этого способы их к приведению в исполнение собственных распоряжений становятся со дня на день недостаточнее... Помещичья власть явно слабеет, отчего умножаются ослушания и возмущения. Неопределительность и зыбкость отношений между помещиками и крестьянами становятся ощутительнее с каждым днём и грозят в близкой будущности величайшими бедствиями» (А. И. Кошелев, Записки по уничтожению крепостного состояния в России, см. «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы)», Приложения, стр. 89—90).

Но для того чтобы из революционной ситуации возникла революция, необходимо, как указывает Ленин, чтобы к перечисленным объективным переменам присоединилась субъективная — «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство...»¹.

В качестве одного из примеров такой революционной ситуации, которая не превратилась в революцию, были 1859—1861 годы в России. Крестьянские восстания могут привести к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Русское крестьянство в период проведения реформы 1861 г. потерпело поражение, так как крестьянское движение не было достаточно сознательным и организованным, так как крестьянские восстания в этот период носили характер стихийных и раздроблённых «бунтов», так как рабочий класс в те времена не выступил ещё в России в роли союзника и руководителя крестьянства в его революционной борьбе.

После реформы 1861 г. крестьянские волнения не прекращались ни на один год. Это можно проследить даже по отчётам III отделения, которые, конечно, преуменьшали размах крестьянского движения. Так, например, в отчёте о действиях III отделения за 1861 г. под рубрикой «О неповиновении крестьян» приводятся следующие данные о расправе над крестьянами в 1861 г.: «Всего в 1861 году, кроме незначительных слушаний, прекращённых без содействия местных властей, оказано было временно обязанными крестьянами неповиновение в 1176 имениях; воинские команды были введены в 337 имений; из них в 17 крестьяне нападали на нижних чинов; в 48 сопротивлялись арестованию виновных или насильно освобождали задержанных; в 126 буйствовали при укрощении неповиновавшихся. Из числа их убиты или от нанесённых ран умерли 140, легко ранены и ушиблены 170 человек; были заключены под стражу 868, из которых преданы суду военному 223, гражданскому 257, наказано шпицрутенами 117, сосланы в Сибирь 147, отданы временно в арестантские роты и в рабочие дома 93 человека. Кроме того, были подвергнуты наказанию розгами 1807 человек»². Отметим «теоретическое» обоснование, которое даёт III отделение крестьянскому движению 1861 г., выявившемуся в ряде восстаний. Под рубрикой «О внутреннем политическом состоянии России» в отчёте за 1861 г. мы читаем: «Земледельцы, понимая, что в настоящую минуту решается вековая их судьба, и питая свойственное всем людям желание стяжать по возможности больше выгоды, как бы не сознают пожер-

¹ В. И. Ленин, Крах II Интернационала, Соч., т. 21, стр. 190.

² «Крестьянское движение 1827—1869 годов», вып. 2, Соцэпгиз, 1931, стр. 17—18.

твований, делаемых в их пользу помещиками, не доверяют им и по сие время не оставляют надежды на предоставление им правительством постепенно ещё значительнейших льгот. Такое настроение умов у крестьян нарушает между ними и землевладельцами согласие, столь необходимое при устройстве новых обоюдных их отношений. Без посредничества и твёрдости правительства оно могло бы повести к плачевным последствиям»¹.

Тупым холопам самодержавного режима казалось, что всё дело в неблагодарности крестьян, которые не понимают «жертв», приносимых помещиками.

Отчёты III отделения отмечают, что в 1863 г. наиболее значительные неповиновения крестьян произошли в 386 имениях, в 1864—1865 гг. — в 95, в 1868 г. — в 54 и в 1869 г. — в 53 имениях.

В донесениях III отделения сообщаются факты борьбы крестьянства против помещичьего гнёта, которая часто выражалась в поджогах помещичьих имений, убийствах и т. п. Крестьяне требовали перехода всей земли в свои руки, не принимали земель, отведённых им, или отказывались от платежа выкупных денег, податей и налогов на земские повинности.

Реформа 1861 г. обострила тягу крестьян к земле вследствие возрастания малоземелья крестьян и усилившейся нужды в угодьях, чересполосицы крестьянских наделов с помещичьими землями, непосильного бремени выкупных платежей, помещичьих оброков и казённых повинностей.

Всё это способствовало новому подъёму крестьянского движения, которое наибольшее распространение получило к концу 70-х годов. Мечту о земле оживила также русско-турецкая война. Отказы крестьян от заключения арендных договоров с помещиками, отказы вносить оброчную подать, страховые взносы и лесной налог, волнения в связи с размежеванием помещичьих и крестьянских земель, волнения на почве переселений, самовольные порубки леса, поджоги помещичьих усадеб и гумён, захват помещичьей земли, помещичьих и казённых лесов — вот далеко не полный перечень форм крестьянского движения конца 70-х годов. Кроме крестьянских волнений, связанных с поземельными отношениями, в конце 70-х годов имелись факты, когда крестьяне, ещё не переведённые на выкуп, отказывались нести отдельные повинности в пользу помещиков, не платили податей и недоимок².

Таким образом, в течение 60—70-х годов крестьянское движение было направлено против полукрепостнической эксплуатации, которой крестьяне подвергались в результате реформы 1861 г.

¹ «Крестьянское движение 1827—1869 годов», вып. 2, Соцэкгиз, 1931, стр. 24.

² См. Я. Юферева, Крестьянское движение в России в конце 70-х и в 80-е годы XIX века, «Учёные записки Свердловского государственного педагогического института», вып. 2, Свердловск 1939, стр. 79—82.

Подавление крестьянского движения Ленин рассматривал как массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в России, в интересах укрепления помещичьей кабалы.

Наряду с крестьянским движением интересующая нас эпоха характеризуется стачечной борьбой рабочего класса.

Стачечное движение 70-х годов было обусловлено господствовавшими тогда наиболее грубыми, зверскими методами эксплуатации рабочих.

Ещё Маркс отмечал тяжёлое положение пролетариата в России той эпохи. В 1867 г. Маркс писал, что в России в полном расцвете воспроизводятся все ужасы младенческого периода английской фабричной системы. Маркс указывал также на чрезмерный труд, на непрерывные дневные и ночные работы и мизерную оплату рабочих.

По свидетельству исследователя Ф. Ф. Эрисмана, фабрики и заводы Клинского уезда по продолжительности рабочего дня распределялись следующим образом: 11 час.— механические заводы, 12 час.— ковровая и шелкоткацкая фабрика, бумагопрядильная фабрика (посменно), самоткацкие бумажные фабрики, 12½—13 час.— спичечные заводы, 12—14 час.— химические заводы, 13—14 час.— кожевенные заводы, зеркальные заведения, 13—15 час.— отбельные и красильные заведения, 14—15 час.— меднощепочные, бахромные, войлочные заведения, 15 час.— мелкие ткацкие фабрики, сапожные заведения¹. Ф. Ф. Эрисман указывает, что там, где производство носит характер кустарного промысла, и вообще в мелких заведениях рабочий день продолжительнее, нежели на больших фабриках. Однако, по Эрисману, отсюда нельзя делать заключения, что условия труда на больших фабриках благоприятнее в санитарном отношении, нежели в мелких заведениях. По мнению Эрисмана, работа в последних — «вольнее, не так втиснута в известные рамки, как на больших фабриках, в особенности на тех, которые работают при помощи пара и где каждая минута эксплуатируется с величайшей аккуратностью и всё время проходит в лихорадочной деятельности. Поэтому неудивительно, если... занятие на крупных фабриках, связанное с посменной и ночной работой, больше изнуряет рабочего, нежели занятие на маленьком заведении при большей продолжительности рабочего дня»².

Не более приглядную картину дают материалы по Московскому уезду, где рабочий день на ряде предприятий (например, серебряных изделий, ватных, колбасных, рогожных) достигал

¹ См. «Санитарные исследования фабричных заведений Клинского уезда» Ф. Ф. Эрисмана, «Сборник статистических сведений по Московской губернии» (Отдел санитарной статистики), т. III, вып. I, М. 1881, стр. 68.

² Там же, стр. 68—69.

15—16, 18 и более часов¹. Ф. Ф. Эрисман отмечает, что рабочий день в 13—15 час. чаще всего встречается в тех заведениях, где рабочие большей частью работают сдельно, так что рабочим этой категории в общем приходится трудиться больше, нежели тем, которые получают определённую месячную плату².

И. И. Янжул констатировал на 158 фабриках Московской губернии 217 случаев или «отдельных способов распределения времени работы», включая сюда как целые фабрики, так и отделения фабрик или отдельные процессы производства, имеющие своё особое рабочее время. Он писал: «Из этих 217 случаев в 151 время работы продолжается от *одинадцати* до *четырнадцати* часов в сутки для каждого рабочего без различия пола и возраста; и, следовательно, приблизительно средним временем на большинстве осмотренных фабрик и отдельных процессов производства можно считать 12½ ч., значительно больше, нежели это имеет место в большинстве промышленных заведений в Западной Европе»³.

И. И. Янжул подчёркивает, что на некоторых фабриках (как, например, рогожных и ситцевых) рабочий день доходит до 16—18 часов и выше⁴.

О высокой норме эксплуатации труда в России 70-х годов свидетельствуют и официальные документы той эпохи. Так, из заключения комиссии по расследованию «беспорядков» на Кренгольмской мануфактуре мы узнаём, что рабочие, как взрослые, так и малолетние, работали ежедневно на фабрике в течение 13 часов, причём малолетние рабочие должны были ещё ходить в школу, оставаясь в ней с 8½ до 10 часов вечера⁵. О занятиях в школе комиссия пишет:

¹ См. «Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда» Ф. Ф. Эрисмана, «Сборник статистических сведений по Московской губернии» (Отдел санитарной статистики), т. III, вып. IV, ч. I, М. 1882, стр. 224—225.

² См. там же, стр. 225.

³ «Фабричный быт Московской губернии. Отчёт за 1882—1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И. И. Янжула», Спб. 1884, стр. 39.

⁴ См. там же, стр. 38—39.

⁵ Интересно отметить, что тяжёлое положение кустарей в России 60-х годов вынужден был признать даже мракобес Победоносцев. В своих впечатлениях из путешествия по России он писал: «Много здесь (в селе Павлово на Оке. — А. Р.) было сделано расспросов о быте и заработках большинства павловского рабочего населения, и нельзя сказать, чтобы полученные сведения были утешительны. Общий вывод тот, что оно находится в совершенной, можно сказать, кабале у своих зажиточных сограждан или купцов, покупающих их изделия. «Богатые больно нас одолевают» — был общий ответ». («Письма о путешествии наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма», М. 1864, стр. 224). Но любопытнее всего те «рецепты» по «рабочему вопросу», которые предлагает этот реакционер. «Помочь здесь, конечно, нельзя, праздными и бесплодными филиппиками против капитала; они останутся всегда пустым разглагольством, никогда не приводившим ни к каким путным результатам. Конечно, богатые поступают часто жестоко, платят не наличными деньгами, а разным товаром, иной раз мастеру ненужным, и по дорогой цене; строго преследуют мастера.

«Достаточно только зайти в теперешнюю Кренгольмскую школу и посмотреть на крайне утомлённых 13-часовую дневную работу учеников, чтобы прийти к заключению о невозможности достигнуть хотя самых посредственных успехов. Утомлённые лица и слабый голос ясно свидетельствуют о физическом истощении, при котором, очевидно, нельзя ожидать и умственной деятельности»¹.

Исключительную эксплуатацию детского труда вынужден был отметить и московский губернатор в своём отчёте за 1871 г. В этом отчёте говорится, что на фабриках дети, нередко моложе 8 лет, работают столько же часов, как и взрослые, т. е. от 12 до 14 час. в сутки, причём работа меняется периодами, по неделям, на дневную и ночную, так что дети в течение целой недели не имеют ночного сна.

Яркую картину эксплуатации детского труда даёт писатель Н. А. Благовещенский в своих очерках рабочего быта 70-х годов².

На положении рабочих России 70-х годов тяжело отзывалось наличие широко разветвлённой системы штрафов и вычетов, налагаемых за «ослушание начальству» и за «порчу» обрабатываемых материалов и машин.

В своём отчёте за 1882—1883 гг. фабричный инспектор И. И. Янжул, констатируя многообразие штрафов, обрушивавшихся на рабочих в Московской губернии, подчёркивает, что как размеры, так и поводы к оштрафованию определяются исключительно «волей хозяина или фабричной администрации, не дающими в этом отношении никому отчёта»³. На большинстве фабрик, по мнению И. И. Янжула, эти штрафы достигают значительных размеров. В качестве примера И. И. Янжул приводит мануфактуру № 115, где за 1881 и 1882 гг. за нарушение разного рода фабричных правил взыскано было конторой 5 702 руб. Иллюстрируя

осмелившегося продать на сторону, мимо их, свой товар. Всё это так, но кто же без них будет покупателем товара? Куда идти мастерам с товаром, и время ли им искать себе покупателя, тогда как теперь у них постоянный сбыт под рукою? Здесь могут помочь не пустозвонные речи против монополии капиталистов и богачей, но учреждения общественные, как например, *общественная ссудная касса* или артель вроде известной артели столяров в Петербурге, основанной Мельниковым, и склады павловских изделий в главных местах сбыта» (там же, стр. 226).

Оказывается, и Победоносцев ратует за артельные начала! Трогательное единение реакционера и либералов в методах разрешения «рабочего вопроса»!

¹ «Записка № 1 по вопросу о точном и подробном исследовании положения рабочих на Кренгольмской мануфактуре», цит. по книге Э. А. Корольчука «Рабочее движение семидесятых годов», изд. Всесоюзного общества политкампторжана и ссыльно-поселенцев, М. 1934, стр. 68.

² См. Н. А. Благовещенский, Семидесятые годы на фабриках и заводах, «Земля и фабрика», М.—Л. 1929, стр. 31.

³ «Фабричный быт Московской губернии. Отчёт за 1882—1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И. И. Янжула», стр. 79.

чрезвычайное разнообразие величины штрафов по одному и тому же поводу, И. И. Янжул приводит следующие факты: на фабрике № 10 за прогул одного рабочего дня вычитается два дня, а на фабриках № 36 и 42 и многих других вычитается уже целых три дня. На фабрике № 11 встречается другая система штрафа за прогул, а именно: в первый раз 1 руб. серебром, во второй — 2 руб., в третий — 3 руб. и удаление с фабрики. На мануфактуре № 85 при сменной работе за прогул одной смены вычитается целых три смены.

Вскрывая виртуозность русских фабрикантов в деле разнообразия поводов к штрафам, И. И. Янжул писал:

«Крайняя регламентация, опутывающая рабочих на каждом шагу и влекущая за собой крупные более или менее штрафы, уменьшающие их заработок часто и без того небольшой, представляет собой весьма обычное явление на наших фабриках...»¹. По мнению И. И. Янжула, не существует границ для разнообразия поводов, по которым на фабриках взимаются штрафы. «Вообще хозяин фабрики,—пишет он,—неограниченный властитель и законодатель...: рабочие ему обязаны *беспрекословным повиновением*...»² Аналогичная картина наблюдалась и на многих фабриках Владимирской губернии, о чём свидетельствует отчёт за 1882—1883 гг. фабричного инспектора П. А. Пескова. По его мнению, «трудно даже представить себе ткача, который был бы в состоянии выполнить все предъявляемые ему требования и, невзирая на его старание и искусство, не подвергся бы несколько раз в году за что-либо штрафу или вычету»³.

О произволе, царившем в наложении штрафов, вынуждена была высказаться и вышеуказанная комиссия, обследовавшая Кренгольмскую мануфактуру: Комиссия вынуждена была констатировать, что «слишком широкое назначение пределов штрафов, с одной стороны, без всякой последовательности в наложении взысканий и полная неопределённость некоторых взысканий, с другой стороны, дают фабричной администрации полный произвол в её действиях и справедливо вызывают негодование рабочих...»⁴.

Следует также отметить, что в то время заработная плата зачастую носила натуральный характер, а это наряду с широко практиковавшейся системой штрафов являлось добавочным ме-

¹ «Фабричный быт Московской губернии. Отчёт за 1882—1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И. И. Янжула», стр. 81.

² Там же, стр. 83.

³ «Фабричный быт Владимирской губернии. Отчёт за 1882—1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа П. А. Пескова», Спб. 1884, стр. 68—69.

⁴ «Записка № 1 по вопросу о точном и подробном исследовании положения рабочих на Кренгольмской мануфактуре», цит. по книге Э. А. Корольчука «Рабочее движение семидесятых годов», стр. 82.

тодом урезывания реальной заработной платы. Так, например, фабричный инспектор И. И. Янжул в своём отчёте за 1882—1883 гг. указывал, что если в Москве и её окрестностях фабричные лавки встречаются лишь как редкое исключение, то вне Москвы и её ближайших окрестностей фабрики, по общему правилу, имеют свои собственные лавки¹. В них рабочие иногда вследствие нерегулярности расплаты, а иногда вследствие прямого письменного условия вынуждены брать все важнейшие жизненные припасы. Таким образом хозяину обеспечивался хороший доход, так как за всё переплачивались значительные суммы. Для того чтобы подчеркнуть, как на практике реализуется стремление к наживе московских фабрикантов не в качестве промышленников, а как торговцев съестными припасами, И. И. Янжул указывает, что цены в фабричных лавках одной и той же местности за одно и то же время были разнообразными и нередко отличались от рыночных на 20 и даже до 80 %².

Многие фабриканты Московской губернии, как утверждает И. И. Янжул, широко пользуясь «коммерческой монополией», доставляют себе «значительным повышением цен на продукты новый крупный источник дохода» и тем самым уменьшают «и без того сравнительно небольшой... заработок рабочего»³.

На некоторых фабриках, отмечает И. И. Янжул, лавки в целях получения крупного дохода сдаются в аренду. По его же свидетельству, иногда при фабриках для извлечения наибольшего барыша с рабочих существовали трактиры и кабаки⁴.

Такая же картина наблюдалась и во Владимирской губернии. В своём отчёте за 1882—1883 гг. фабричный инспектор П. А. Песков писал, что в большинстве случаев рабочие забирают съестные припасы, а также другие предметы в харчевых фабричных лавках по ценам выше вольных в среднем на 5—10 %. Цены на припасы значительно выше обычных, в особенности в лавках, отданных в аренду⁵. П. А. Песков отмечает, что на многих фабриках вместе с съестными припасами отпускается в кредит и красный товар, нередко изготовленный теми же рабочими, причём по розничным ценам, какие существуют в вольных лавках, а иногда и дороже⁶. Он же свидетельствует о плохом питании рабочих на владимирских фабриках, обусловленном низким заработком.

¹ См. «Фабричный быт Московской губернии. Отчёт за 1882—1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Московского округа И. И. Янжула», стр. 101—102.

² См. там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 101—102.

⁴ См. там же, стр. 105, 106.

⁵ См. «Фабричный быт Владимирской губернии. Отчёт за 1882—1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа П. А. Пескова», стр. 101, 104.

⁶ См. там же, стр. 105—106.

В частности, говоря о фабриках Шуйского уезда, П. А. Песков пишет: «...Здесь рабочие совсем почти не употребляют говядины и питаются единственно почти одним только хлебом, пустыми щами да гречневою крупой с салом или постным маслом...»¹.

То, что реальная заработная плата рабочих понижалась в результате натуральной их оплаты, вынуждены были признать и царские чиновники.

Так, в донесении по поводу волнений на фабриках Владимирской губернии осенью 1875 г. мы читаем, что в Шуе на фабрике купца Кокушкина был открыт магазин, в котором продавались съестные продукты, причём рабочие, не получая плату по 5—6 недель и нуждаясь в деньгах, вынуждены были забирать в лавке Кокушкина продукты по самым высоким ценам².

Из официального обзора Богородского и Дмитровского уездов Московской губернии, составленного в связи с волнениями на фабриках Московской губернии, происходившими в 1875 г., известно, что реальная заработная плата рабочих снижалась: «...раз установленная фабрикантом плата за труд рабочему почти никогда не изменяется в будущем, хотя жизненная обстановка рабочего вообще сделалась сравнительно дороже»³.

Писатель Н. А. Благовещенский в своих очерках рабочего быта, посвящённых 70-м годам, пишет:

«В лавках, нарочно устроенных предусмотрительным хозяином, имеется всё, нужное на потребу человека: и чай, и сахар, и хлеб, и мясо, и овощи, и ситцы, и разные принадлежности одежды, и всё это предлагается рабочим в долг, на книжку (конечно, втридорога)— бери, сколько душа просит, а в расчётный день книжка предъявляется в контору, и там уже вычтут всё сполна, не пропадёт ни одна хозяйская денежка. Особые хозяйские надсмотрщики строго наблюдают, чтобы рабочие не смели истратить ни одной копейки на продовольствие или одежду, помимо хозяйских лавок»⁴.

Приведённые примеры типичны для положения русского пролетариата 70-х годов. Стаечное движение 70-х годов и явилось протестом рабочих против этих жестоких методов эксплуатации.

¹ «Фабричный быт Владимирской губернии. Отчёт за 1882—1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа П. А. Пескова», стр. 107—108.

² См. «Донесение помощника начальника Владимирского губернского жандармского управления в Шуйском уезде начальнику Владимирского губернского жандармского управления от 22 ноября 1875 г. № 338», цит. по книге Э. А. Корольчука «Рабочее движение семидесятых годов», стр. 131.

³ Из «Обзора Богородского и Дмитровского уездов Московской губернии, составленного помощником начальника Московского губернского жандармского управления капитаном Кузьминым», цит. по книге Э. А. Корольчука «Рабочее движение семидесятых годов», стр. 135.

⁴ Н. А. Благовещенский, Семидесятые годы на фабриках и заводах, стр. 24.

Ещё в 30-х и 40-х годах XIX в. происходили рабочие волнения, причём к мотивам непосредственной экономической борьбы иногда примешивались и мотивы более глубокого характера, как это видно, например, из дела о событиях на заводе Лазарева в 1837 г.

В отчёте III отделения говорится: «На горных заводах Лазаревых Пермской губернии некоторые мастерские заводские... составили тайное общество, имевшее целью уничтожение помещичьей власти и водворение вольности между крепостными крестьянами»¹.

В конце 50-х и начале 60-х годов произошли беспорядки на новостроящихся железных дорогах. «Великая реформа» 1861 г. породила ряд столкновений горнозаводских рабочих с их бывшими владельцами. Архивные данные показывают, что рабочие волнения в связи с реформой 1861 г. отличались от крестьянских волнений, носивших характер стихийной борьбы за землю и волю, значительной внутренней организованностью и сплочённостью, предъявлением типично рабочих требований и борьбой за немедленный переход от крепостных кабальных условий фабричного труда к условиям вольнонаёмного труда². Некоторые экономисты той эпохи отмечали в России 60-х годов факты борьбы между капиталом и трудом. Так, например, видный буржуазный экономист той эпохи В. Безобразов вынужден был признать наличие в селе Иванове противоположности богатства и нищеты, порождённой развитием «европейского индустриализма».

«Главною пищею для внутренней общественной вражды служат в Иванове весьма неприязненные отношения между фабрикантами и рабочими. У нас нигде они не выступают так резко, как здесь. В Иванове несколько раз доходило — и мы были сами свидетелями — до настоящих английских и французских стачек рабочих (*grèves d'ouvriers, strikes*); работники массами покидали фабрики и составляли между собой складчины деньгами, а за неимением денег — *армяками и шапками*»³. Далее В. Безобразов утешает себя якобы своеобразными чертами положения русского пролетариата в отличие от западноевропейского, наличием иных отношений спроса и предложения труда, развитием артельного начала в рабочем быту и отсутствием резкой умственной и нравственной разграничительной черты между классом фабрикантов и классом рабочих.

¹ «К истории рабочего класса в России», «Красный архив», т. 2, 1922 г., стр. 178.

² См. М. Нечкина, Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г., «История пролетариата СССР» № 1, 1930 г., стр. 117—118.

³ В. Безобразов, Село Иваново. Общественно-физиологический очерк, «Отечественные записки» № 1, 1864 г., стр. 285.

По последним данным, в 60-х годах насчитывается свыше 50 массовых стачек и волнений. В 60-х годах преобладали ещё волнения, стачек в этот период было относительно мало. Возникли они стихийно, как правило, не превращались в крупные выступления рабочего класса и носили оборонительный характер. При всём этом они явились важной вехой в истории рабочего движения, так как при всей своей стихийности они явились зачаточной формой классового возмущения и были подготовительной школой для последующего, более высокого этапа развития классового самосознания рабочих¹.

Борьба русского рабочего класса в 70-х годах в сравнении с 60-ми годами стала более сознательной и более организованной. Общее число стачек и волнений в 70-х годах достигало 326.

Из стачек 70-х годов отметим некоторые, более крупные. Так, 22 мая 1870 г. произошла стачка на Невской бумагопрядильной фабрике, где 800 человек предъявили требования об увеличении заработной платы и об изменении тяжёлых условий труда.

Царское правительство утешало себя тем, что стачки в России — это якобы наносное, случайное явление, «чуждое» русскому народу, продукт агитации «неблагонадёжных» элементов. Однако царские сатрапы вынуждены были вскоре убедиться, что стачки в России представляют собой такое же «выражение неудовольствия», какое встречается во всех других странах, где происходит борьба между трудом и капиталом.

В своём отклике по поводу стачки на Невской бумагопрядильной фабрике «Отечественные записки» писали, что в России стачек, в западноевропейском смысле, ещё не было. Оказывается, по мнению журнала, что за границей стачки проводятся с заранее определённой целью, например с целью сокращения рабочего дня. На Невской же фабрике «рабочие трудились в сутки 15 часов, да, сверх того, исполняли разные сторонние работы, но они не требовали сокращения срока работы, а просили только, чтобы их не обижали при расчётах». В своих высказываниях о необходимости обратить внимание на положение рабочих «Отечественные записки» заявляют: «Наши рабочие до такой степени смирны и безответны, что готовы работать без счёта часов, сколько влезет, как крепостные помещику, лишь бы их не обижали». Оказывается, по мнению журнала, что русские «фабриканты, заводчики и вообще всякие предприниматели имеют в своём распоряжении таких работников, каких за границей уже давно отыскать невозможно...».

«Отечественные записки» приходят к итоговому выводу, что в России долго не было бы стачек, если бы «судебные учреж-

¹ См. А. М. Панкратова, Особенности формирования и борьбы пролетариата России в 60—80-х годах XIX века (вступительная статья), сборник «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 1, Госполитиздат, 1950, стр. 44.

дения постоянно решали подобного рода дела с полным беспристрастием, без всяких предвзятых мыслей...»¹.

Таким образом, «Отечественные записки» разрешают «рабочий вопрос» с исключительной простотой: надо, чтобы царские чиновники выступили в роли посредников между рабочими и предпринимателями.

Другой крупной стачкой начала 70-х годов была стачка, происходившая на Кренгольмской мануфактуре в 1872 г., охватившая до 5 тыс. человек. Эта стачка представляла собой одно из первых крупных выступлений русского пролетариата. Требования, которые были предъявлены рабочими, сводились главным образом к небольшому сокращению рабочего дня, уменьшению размеров штрафов, установлению более точных расценок при штучной работе и предоставлению детям времени для посещения школы. Забастовка на этот раз протекала в более бурных формах — дело дошло до вызова администрацией войск. По поводу этой стачки народническая «Неделя» писала, что необходим более бдительный надзор за фабрикантами, относящимися слишком небрежно к самым законным правам и интересам рабочих².

В первой половине 70-х годов происходила стачка рабочих на ткацкой фабрике Шибаева в Богородском уезде, Московской губернии, где бастовало свыше 800 рабочих.

Стачная борьба 70-х годов волновала не только правительство, но и либеральную печать. При всём «оптимизме», который разделялся как правительственными, так и либеральными общественными кругами, которые в стачках видели главным образом результат известной неурегулированности отношений между рабочими и предпринимателями, носящей чисто юридический характер, стачечная волна наглядно свидетельствовала о злободневности «рабочего вопроса» в России 70-х годов.

Стачки знаменовали собой по существу начало борьбы рабочего класса с капитализмом. Стачки являлись одним из средств борьбы пролетариата за своё освобождение.

¹ «Наши общественные дела», «Отечественные записки» № 8, 1870 г., стр. 252—253.

² См. «Неделя», 1 ноября 1872 г.

Глава вторая

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ 60—70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Перейдём к характеристике различных направлений русской общественной мысли, которые отражали процессы, происходившие в социально-экономической среде интересующей нас эпохи.

Крестьянское движение 60-х годов нашло своё отражение в идеологии революционных демократов. Это течение русской общественной мысли своей пропагандой идей крестьянской революции противопоставляло по существу в русской буржуазной революции интересам либеральной буржуазии интересы революционного крестьянства. Герцен и Чернышевский вошли в историю русской общественной мысли как вожди и идеологи крестьянской революции и в то же время как великие русские мыслители.

В роли идеологов буржуазии, интересы которой тесно переплетались с интересами помещного землевладения, подвизались либералы 60-х годов. Будучи сторонницей ликвидации крепостного права и в то же время противницей революции, либеральная буржуазия 60-х годов отстаивала путь медленного реформирования помещного землевладения в сторону буржуазного предпринимательства. В 70-х годах, в противоположность либералам, которые уже в новой исторической обстановке, в условиях первого десятилетия пореформенного развития социально-экономической жизни страны, продолжали отстаивать реформистский путь капиталистического развития России, идеологами крестьянства выступили революционные народники, борющиеся за капитализм демократический против капитализма либерально-помещичьего.

Деятельность русских революционеров 60-х годов, а затем 70-х годов была связана с разночинским периодом освободительного движения в России. Необходимо отметить, что уже в 40-х годах в борьбе с либерально-дворянским течением русской обществен-

ной мысли (Анненков, Боткин и др.), а также с выделившимся из него консервативным течением под названием «славянофилов» (И. Киреевский, А. Хомяков, братья Аксаковы) развернулась деятельность В. Г. Белинского, революционного демократа и великого мыслителя.

БЕЛИНСКИЙ — ЗАЧИНАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

В. Г. Белинский стоял во главе передовых людей России периода политической реакции 40-х годов. Он был зачинателем самостоятельного революционно-демократического движения в России, предтечей новых социальных слоёв русского общества — разночинной интеллигенции, которой предстояло в недалёком будущем выступить на арену общественно-политической деятельности.

Просветительная деятельность Белинского, будучи выражением мировоззрения русской разночинной интеллигенции, отражала протест крестьянства против идей крепостничества. Белинский считал, что борьба между враждебными классами русского общества должна завершиться крестьянской революцией, которая покончит с крепостной зависимостью народных масс. В письме к П. В. Анненкову в декабре 1847 г. Белинский писал, что когда народ проснётся и поднимет знамя восстания против своих поработителей — помещиков-крепостников, то вопрос об освобождении крестьян «решится сам собою... Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение»¹. Борьба Белинского в интересах крестьянства, против ярма крепостничества нашла своё наиболее яркое проявление в письме к Гоголю, в котором Белинский с огромной силой разоблачал самодержавно-крепостнический строй современной ему России. Россия, писал Белинский, «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми...; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: *Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками*; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей»². В качестве самых живых, современных вопросов в России Белинский называл уничтожение крепостного права, отмену телесного наказания, введение по возможности строгого исполнения хотя бы тех законов, которые уже есть. «Это чувствует, — продолжал Белинский, — даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут

¹ В. Г. Белинский, Письма, т. III, Спб. 1914, стр. 316—317.

² «Письмо Белинского к Гоголю», «Литературное наследство», т. 56, АН СССР, 1950, стр. 572.

первых), — что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута трёх-хвостую плетью»¹.

С негодованием заклеил Белинский роль церкви как оплота официальной России, как поборницы самовластия и обскурантизма. Православная церковь, утверждал Белинский, «всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма».

В противовес воззрению, что «русский народ — самый религиозный в мире...», Белинский утверждал, что русский народ по своей натуре — глубоко атеистический народ. По мнению Белинского, спасение России не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. «Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение»².

В отношении путей развития крепостнической России Белинский утверждал неизбежность её вступления на капиталистический путь. Он критиковал славянофилов за их идеализацию русской общины, которая, по его мнению, была остатком родовых отношений³. Белинский считал, что развитие буржуазии является условием дальнейшего политического и общественного прогресса России. Он писал в письме к П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г., что «внутренний процесс гражданского развития в России начнётся не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию»⁴.

Являясь предшественником постановки этого вопроса в борьбе марксистов с народниками, Белинский не был сторонником «мирных» путей исторического процесса. Его утопический социализм в отличие от западноевропейского находился в неразрывной связи с революционным демократизмом. Он считал, что политический строй самодержавной России может быть уничтожен лишь революционным путём.

Белинский, стремясь к революционно-демократическому преобразованию своей родины, относился также критически и к капиталистическому Западу.

Интересно отметить, что Белинский обнаружил глубокое понимание некоторых особенностей капиталистического хозяйственного режима, когда под покровом формального равенства про-

¹ «Письмо Белинского к Гоголю», «Литературное наследство», т. 56, АН СССР, 1950, стр. 572.

² Там же.

³ См. В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 409.

⁴ В. Г. Белинский, Письма, т. III, Спб. 1914, стр. 339.

летария и буржуа различал наёмное рабство капиталистического рабочего.

В статье о «Парижских тайнах» Евгения Сю (1844 г.) Белинский писал: «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (progrétaire) и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом, и по вине, наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот даёт ему работу и произвольно назначает за неё плату»¹. Белинский говорит о страданиях народных масс, погрязших в нищете, в современной ему Германии. Так, в письме к В. П. Боткину из Дрездена от 7 июля 1847 г. Белинский писал: «Что за нищета в Германии, особенно в несчастной Силезии, которую Фридрих Великий считал лучшим перлом в своей короне. Только здесь я понял ужасное значение слов: *науперизм и пролетариат*»².

Белинский превосходно разобрался в фарисейском фетишистском характере разглагольствований буржуазных наёмных писак о превосходстве буржуазной демократии. Он разоблачил продажность буржуазной демократии, её преклонение перед золотым кумиром. Ему не чуждо было также понимание исторической обречённости господства буржуазии. Белинский был сторонником перехода власти к народу, которая бы устранила гнёт крупной буржуазии.

Разоблачая моральное ничтожество царства капитала, Белинский противопоставлял ему вызревающие в недрах буржуазного общества оппозиционные элементы, ставящие своим девизом гибель этого общества.

«...Я знаю,— писал Белинский Боткину в декабре 1847 г.,— что владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором... Всё в нём мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости... Всё, в чём блещут искры жизни и таланта, всё это принадлежит к оппозиции — не к паршивой парламентской оппозиции, которая, конечно, несравненно ниже даже консервативной партии, а к той оппозиции, для которой bourgeoisie — сифилитическая рана на теле Франции»³.

Подчёркивая исторически преходящий характер буржуазного общества, Белинский писал о возникновении в его недрах идеи социализма. Он утверждал, что человечество придёт к социализму лишь в результате революционной борьбы. В письме к В. П. Боткину в апреле 1842 г. Белинский писал, что «тысячелетнее

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова, т. VIII, Спб. 1907, стр. 471.

² В. Г. Белинский, Письма, т. III, Спб. 1914, стр. 244.

³ Там же, стр. 326.

царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»¹. По Белинскому, наступление царства социализма будет знаменовать собой возникновение эры подлинного братства, свободы, отсутствия эксплуатации, угнетения.

Белинский подчёркивал, что он хочет наступления золотого века, но не прежнего «бессознательного», «животного» золотого века, но золотого века, «приготовленного обществом», обогащённого всеми достижениями истории человечества, как результата поступательного хода исторического процесса, во всём богатстве завоеваний и достижений мировой культуры.

Будучи пламенным патриотом, Белинский утверждал, что у всякой полной и здоровой природы тяжело лежат на сердце судьбы родины, всякая благородная личность глубоко сознаёт своё кровное родство, свои кровные связи с отечеством. Глубоко преданный своему народу, Белинский утверждал, что свободная и могучая Россия станет наследницей всех завоеваний общечеловеческой культуры, что русский народ, критически переработав величайшие достижения мировой культуры, на основе своего самобытного, оригинального творчества поднимет завоевания культурного человечества на новую ступень.

Белинский разоблачал представителей «западников», как космополитов, преклонявшихся перед западноевропейскими буржуазными порядками и культурой, перед буржуазной демократией и клеветнически утверждавших о неспособности русского народа к оригинальному, самостоятельному творчеству.

Белинский считал, что «даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддаётся напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы переработывать их, самостоятельности собственной национальности, в собственную же сущность, — тогда он гибнет политически»². Белинский клеймил космополитов за их некритическое отношение к Западу, называя их «беслачпортными бродягами в человечестве». Он утверждал, что для «космополитизма» характерна оторванность от народных масс, которые являются подлинными творцами национальной культуры. В то же время Белинский писал, что любовь к родине отнюдь не означает собой «мёртвое довольство тем, что есть», она включает в себя беспощадную борьбу с отжившими патриархально-помещичьими отношениями, с её старыми устоями и порядками. «Любить свою

¹ В. Г. Белинский, Письма, т. II, стр. 305.

² В. Г. Белинский, Взгляд на русскую литературу 1846 года, Полное собрание сочинений, под редакцией и с примечаниями С. А. Венгерова, т. X, стр. 409.

родину, — писал Белинский, — значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих спешествовать этому».

Белинский писал о России как о стране, которая призвана внести огромный вклад в сокровищницу мировой культуры.

Эту уверенность он черпал не из мистических упований на особую, провиденциальную роль русского народа, а из глубокого изучения исторических судеб своей родины.

По мнению Белинского, Россия лучше сумеет разрешить «социальный вопрос» и покончить с враждой между капиталом и трудом, чем Европа. Будущее России он связывал с особенностями русского народного характера — с наличием у русского народа большого здравого смысла, ясного и положительного ума. Ему принадлежат вдохновенные слова о великой будущности своей родины: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству, и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещённого человечества»¹.

Определяя место Белинского в истории русской общественной мысли, Ленин охарактеризовал его наряду с Герценом и Чернышевским как предшественника российской социал-демократии.

ПЕТРАШЕВЦЫ КАК КРИТИКИ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И КАПИТАЛИЗМА

Конец 40-х годов ознаменовался некоторым подъёмом политической активности русской интеллигенции, который был порождён ходом экономического развития страны и нашёл своё отражение в движении петрашевцев. Ленин указывал в 1903 г., что поучительная, более чем полувековая история развития революционной социалистической интеллигенции России ведёт своё начало примерно от кружка петрашевцев. Вслед за Белинским петрашевцы знаменовали собой переход дворянской революционности к этапу разночинскому. Будучи продолжателями основных традиций декабристов, петрашевцы подвизались прежде всего как пропагандисты идеологии оппозиционной, враждебной по отношению к крепостническому, монархическому режиму современной им России, причём некоторая часть из них ставила перед собой задачу — путём критического использования опыта открытого политического выступления декабристов подготовить народное восстание против царского самодержавия.

Русские социалисты-утописты 40-х годов искали ответа на вопрос о судьбах дальнейшего общественного и политического

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 12, М. 1926, стр. 224.

развития России, которая переживала кризис крепостнической системы.

Подвергая критике фантастические построения Фурье, пытаясь освободить его учение от религиозных и космогонических элементов, петрашевцы хотели приспособить систему Фурье, предварительно творчески её переработав, к русским условиям. Они мечтали о том, что социалистическая община—фаланга станет основой строительства социалистических общин крепостной России, что отдельные фаланги явятся превосходными пропагандистами нового мира—социализма без необходимости коренного революционного потрясения старого общества.

Петрашевский в своих выступлениях и работах неоднократно подчёркивал, что источником его социалистических убеждений являются наблюдения над действительной жизнью. Петрашевский указывал на великую будущность, которая ждёт Россию, и говорил, что она внесёт самостоятельный вклад в сокровищницу мировой культуры.

Разоблачая ненавистный им гнёт крепостного права и самодержавия, петрашевцы дали яркую характеристику тяжёлой доли крестьянства. Так, например, Момбелли писал: «...И теперь ещё пробегает холодный трепет по жилам при воспоминании о виденном мною кусочке хлеба, которым питаются крестьяне Витебской губернии: мука вовсе не вошла в его состав, он состоит из мякины, соломы и ещё какой-то травы; не тяжеле пуху и видом похож на высушенный конский навоз, сильно перемешанный с соломою»¹.

Момбелли с гневом обрушивался на социальные контрасты тогдашней русской действительности, когда народные массы изнывали под ярмом деспотизма, а небольшая группа тунеядцев вела паразитический образ жизни и утопала в роскоши.

В беседах петрашевцев широко обсуждался вопрос об освобождении крестьян, который тесно связывался с деспотизмом царского самодержавия, а также с такими вопросами, как судопроизводство, книгопечатание, просвещение и т. д. Петрашевский считал отмену крепостного права одним из «тех вопросов, от которого зависит действительно, а не метафорически благосостояние миллионов и те весьма важные и коренные изменения в отношениях как международных, так и общечеловеческих, которые должны быть неминуемо его следствиями...»².

В своём проекте об освобождении крестьян Петрашевский указывал, что самым простым и справедливым способом уничто-

¹ «Документы следствия по делу Н. А. Момбелли. Отрывки из статьи Момбелли «Основание Рима и царствование Ромула», сборник «Дело петрашевцев», т. I, АН СССР, 1937, стр. 280.

² М. В. Бутаевич-Петрашевский, Проект об освобождении крестьян, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», Госполитиздат, 1953, стр. 360.

жения «рабства» в России является прямое, безусловное освобождение крестьян без всякого вознаграждения за то помещика, на том основании, что «род человеческий есть в совокупности обладатель земного шара» и «всякий отдельный член человечества иметь может ту часть в своём владении земного шара, которая часть его может придтись по разделу земного шара поровну между всеми его обитателями...»¹.

Таким образом, Петрашевский на основании аргументов естественного права был принципиальным противником выкупа земли.

Проблему освобождения крестьян от крепостной зависимости в России, наделение крестьян землёй без выкупа петрашевцы считали одним из злободневнейших вопросов современности.

Петрашевцы были горячими патриотами своей родины. Они призывали к самостоятельному решению жгучих вопросов русской жизни, с использованием, однако, достижений западноевропейской культуры и творческой их переработки, исходя из запросов русской жизни. Так, например, Петрашевский говорил: «Теперь не шутка... надо говорить дело, стать думать русским умом, опираясь на науку запада и законы всеобщие природы...»².

И в другом месте: «На Западе далеко не решены ещё все вопросы... Быть может приходит пора и русскому уму, развивающемуся вдали от волнений тревожных — жизни общественной Запада, сказать толковое слово в беседе всего человечества...»³.

С негодованием петрашевцы отвергали утверждения тогдашних космополитов, что в России нет европейски образованных людей, «нет мысли и воли на просвещение». Русский народ, писал Баласогло, идёт богатырски вперёд, он «жаждет просвещения, науки, образованности, как араб, дотаскивающийся в степи до родника живой воды...»⁴.

Замечательным литературным памятником петрашевцев является «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», издававшийся Н. Кириловым, где при объяснении ряда слов, имевших принципиальное значение, проводились демократические и социалистические взгляды. Петрашевцы под прикрытием абстрактных, чисто теоретических

¹ М. В. Буташевич-Петрашевский, Проект об освобождении крестьян, «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», стр. 363—364.

² «Документы следствия по делу М. В. Буташевича-Петрашевского. 1849 г. мая 28. Показания М. В. Петрашевского», сборник «Дело петрашевцев», т. I, стр. 54.

³ «Документы следствия по делу М. В. Буташевича-Петрашевского. Показания М. В. Петрашевского «Не во имя закона, но во имя чувства, совести и справедливости»», см. там же, стр. 121.

⁴ «Документы следствия по делу А. П. Баласогло. 1849 г. мая 12. Бумаги А. П. Баласогло, отобранные Комиссией по разбору бумаг арестованных», сборник «Дело петрашевцев», т. II, стр. 46.

рассуждений ухитрялись подвергать критике самодержавно-крепостнический строй николаевской России, а также западноевропейскую капиталистическую цивилизацию. Прямой, непосредственной критики крепостного права в России в кириловском словаре нет. Однако в ряде статей просачивались высказывания, имевшие отношение к крепостничеству в России 40-х годов. Так, например, в статье «Негрофил» имеется следующее определение этого понятия: «Так называют благородных поборников правды, принимающих живое, деятельное участие в судьбе несчастного племени негров... и доблестные усилия которых, в новейшее время, увенчались успехом». И далее в этой статье подчёркивается, что важнейшие политические вопросы современности — это торговля неграми и уничтожение невольничества¹.

Словарь разоблачает лжеучёных, которые «возвысили голос в пользу невольничества» и либо ссылались на события из истории древнего мира, либо соболезновали о разорении владельцев колоний, либо торжественно изрекали, что негры якобы не способны к образованию и что они самой природой созданы для неволи.

В опровержение этих, с позволения сказать, доводов словарь ссылается на такие «живые факты», как колонии свободных негров. Словарь напоминает слова Питта, что «когда римляне в первый раз взяли в плен Британцев, то тоже сказали, что Британцы не способны к образованию»². К вопросу о расовой дискриминации негров словарь вновь возвращается при разборе слова «Негры». Словарь разоблачает воззрения некоторых «натуралистов», которые «утверждают, что самый организм и физиономия негров свидетельствуют о неспособности их к образованию и цивилизации». В противоположность клеветническим, человеконенавистническим измышлениям об отсталости негров, объясняемой якобы действием неумолимых извечных, роковых законов природы, словарь указывает на причины общественного характера. Словарь перечисляет следующие причины «неразвития негров»: «1) деспотизм, искони господствующий в мелких владениях, образуемых неграми в Африке, 2) отсутствие всяких сношений с странами более цивилизованными и преимущественно злостные поступки европейцев, которые, вместо того, чтобы очеловечить и развить эти младенческие племена, обманом или хищнически увозят их в тяжкую неволю...». Словарь подчёркивает, что «совершенно несправедливо, будто один только европеец может быть умён. Притом история революции в С. Доминго

¹ См. «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Издание Н. Кирилова», вып. 2, Спб. 1846, стр. 225.

² Там же, стр. 229.

и республиканское устройство о-ва Гаити достаточно могут убедить каждого в способности негров к общественной жизни»¹.

Рассмотренные статьи о неграх из кириловского словаря представляют двойкий интерес. С одной стороны, они эзоповским языком подвергали критике крепостной режим в России, ибо вопрос о «невольничестве» был самой жгучей проблемой русской жизни той эпохи, эпохи кризиса крепостного хозяйства. Тем более, что аргументация идеологов крепостничества против освобождения крестьян не блистала оригинальностью, она зачастую совпадала с апологией рабства негров в западноевропейской вульгарной политической экономии и публицистике. С другой стороны, в указанных статьях разоблачается идеология расизма, расовой дискриминации, которая в качестве одной из своих целей ставила оправдание рабства негров.

В ряде статей кириловского словаря подвергался критике политический строй в России 40-х годов, царское самодержавие николаевской эпохи. И в этих статьях применялся указанный выше приём. В рассуждения, носившие теоретический характер, вкрапливались замечания, имевшие характер невинных отступлений иллюстративного порядка, которые невольно наводили на мысль о самодержавном режиме тогдашней России.

Так, например, сущность понятия «Анархия» словарь определяет как «отсутствие законного управления в государстве, или уничтожение в нём той власти или властей, которые блюдут за охранением прав каждого лица и за исполнением законов, их охраняющих». Из этого определения делается вывод, что «анархия иногда господствует и в таком государстве, где *повидимому* существуют и стройность и порядок в управлении, но в *сущности* нет ни прочных постановлений, ни строгого выполнения их»². А вот определение «Деспотизма», как правления, в коем «безмерная власть государя переходит вся к тем, кого он ею облакает, а эти правители, не имея никаких правил, действуют согласно собственным прихотям, содержат народ в постоянном страхе казнями... Повелителю вздумалось, повеление дано и — дело кончено!»³. Кириловский словарь без обиняков отождествляет деспотизм с монархической властью. Так, определяя «Иронию», как «кажущийся разлад между мыслью и формой её выражения или между целью и средствами к её достижению», словарь ссылается на Макиавелли. Макиавелли «как будто бы с полным, глубоким убеждением доказывает, что монарх не должен стесняться ничем для усиления своей власти, между тем как

¹ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Издание Н. Кирилова», вып. 2, 1846, стр. 230.

² «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым», вып. 1, Спб. 1845, стр. 11.

³ Там же, стр. 53.

принимая в соображение другие сочинения того же писателя, можно догадаться, что похвалы его деспотам суть не что иное, как сильная сатира»¹. Ту же мысль словарь приводит и в отношении слова «Макиавеллизм», подчёркивая, что лучшие критики смотрят на произведения Макиавелли, как на «тонкую сатиру, изобличающую политику государей, современников Макиавелля»².

Прямым вызовом против угнетающего русский народ деспотизма николаевского режима были комментарии словаря к понятию «Национальное собрание». В словаре отмечалось, что в Национальном собрании «впервые законно и законодательно выразилась сознательная мысль народа французского, и его можно принять за начало рационального развития общественности у сего народа»³. Словарь перечислил важнейшие декреты Национального собрания, имевшие «великое и благотворительное влияние на последующее за сим нравственное развитие Франции», а именно: 1) объявление прав человека, 2) уничтожение рабства, 3) уничтожение феодальных судов, 4) постановление уравнительности раскладки налогов и подчинение им всех словий, 5) уничтожение продажности мест и др.

Давая итоговую оценку деятельности Национального собрания, словарь подчёркивает, что «всё, что носило на себе печать духа средних веков, в государственных, в гражданских постановлениях,— было, если не совершенно уничтожено декретами *Constituante*, то по крайней мере так преобразовано, что с тех пор возрождение этого в первобытных формах стало совершенным анахронизмом для Франции»⁴.

Читателю кириловского словаря нетрудно было распространить рассуждения, данные в статьях об анархии, деспотизме, иронии, Национальном собрании и т. д., на неприглядную русскую действительность, которая была наглядным воплощением произвола, беззакония и самодурства самодержавной царской власти.

В кириловском словаре нашла отражение не только критика крепостничества и самодержавного режима в России, но и критика капитализма и его политических институтов. Так, при разборе слова «Корпорация» подчёркивается, что корпорации сковывали свободу промысла. «Мало-помалу корпорации исчезли и место их заступил свободный ход промышленности, который в свою очередь сделался источником неисчислимых зол...»⁵

¹ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым», вып. 1, 1845, стр. 85.

² Там же, стр. 174.

³ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Издание Н. Кирилова», вып. 2, 1846, стр. 223.

⁴ Там же, стр. 224.

⁵ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым», вып. 1, 1845, стр. 143.

В статье «Мануфактурная промышленность» даётся более конкретная характеристика противоречий капиталистического способа производства: «В наше время нигде мануфактуры не достигли такой высокой степени развития, как в Англии. Но, к сожалению, выгодами её пользуются одни богатые хозяева предприятий (антрепренёры). Рабочий класс, отнятый от земли, живёт ничтожным заработком, изнурённый трудом, болезнями, развратом. Антрепренёры средней руки не могут выдерживать соперничества с богатейшими, и банкротства сделались там происшествиями обыкновенными»¹.

В словаре подвергается также критике «Майорат», как «обычай средневекового феодализма», и подчёркивается, что нищета английских трудящихся «имеет источником своим скопление огромных поместий в немногие руки»².

Словарь констатирует не только противоположность между богатством на одном полюсе и нищетой на другом, но и наличие конкурентной борьбы между самими капиталистами.

Интересные высказывания мы находим в словаре об отрицательной роли монополий, как о факторе, тормозящем технический прогресс, и как источнике наживы для немногочисленной кучки привилегированных лиц в ущерб интересам всего общества. «Монополии вредны для народного благосостояния потому, что монополист, уверенный в сбыте своих произведений и не имея соперников, менее заботится об усовершенствовании своих изделий и берёт за них цену, какую пожелает; притом, несправедливо ограничивать права всех членов общества для доставления выгоды одному или немногим лицам. Поэтому мудрые правительства допускают монополии в промышленности только в немногих случаях»³.

Словарь петрашевцев подвергает критике не только экономику буржуазного общества, но и его политические институты. Так, например, понимая под конституцией образ правления, в котором верховная власть разделена между монархом и выборными от народа, словарь критикует утверждение, что конституция обеспечивает участие каждого члена общества в управлении, ибо «на практике до сих пор это хвалёное правление есть не что иное, как аристократия богатства»⁴.

«Защитники конституции забывают, что человеческий характер заключается не в собственности, а в личности, и что признав

¹ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым», вып. 1, 1845, стр. 176.

² Там же, стр. 174.

³ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Издание Н. Кирилова», вып. 2, 1846, стр. 201.

⁴ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым», вып. 1, 1845, стр. 133.

политическую власть богатых над бедными, они защищают самую страшную деспотию! Двести тысяч богатых, управляющих 33-мя миллионами бедных и нищих — то же самое, что каста афинских или римских граждан, которые утопали в неге и роскоши, попирая личность миллионов людей, официально называвшихся *вещами*¹.

Петрашевцы были далеки от преклонения перед английским политическим строем, они превосходно понимали иллюзорность так называемых «свобод», которые провозглашаются буржуазным парламентаризмом.

Петрашевцы не только были глубокими и смелыми критиками современной им общественной жизни, как русской, так и западноевропейской, но они давали и теоретическое, философское обоснование необходимости этой критики, её важного значения для народного благосостояния, для общественного прогресса. Так, например, при разборе слова «Оппозиция» в словаре подчёркивается, что оппозиция представляет собой *«явление, необходимое при всякой форме бытия общественного, ибо она есть не что иное сама по себе как обнаружение в мире нравственном общего закона противодействия сил, под условием воздействия или взаимодействия которых совершается развитие всех форм бытия в природе»*. В этой же статье указывается, что на земле не существует ни одно человеческое общество, базирующееся на «солидарности интересов», в котором «элементы жизни общественной не находились бы между собой в дисгармонии и которое бы не представляло собою картину хаотического состояния мироздания...»². Петрашевцы указывали, что в их «век положительного рассудка», в их «критический век», оппозиция, чтобы быть «действительной», должна быть в соответствии с «духом времени» и базироваться на «определённых, хорошо выработанных началах»³. Следовательно, право на критику общественной жизни петрашевцы обосновывали по существу, исходя из противоречивого развития как природы, так и общества. Они не были сторонниками критики ради критики, они ратовали за критику, которая базировалась бы на передовых идеях эпохи.

Петрашевцы высоко ставили тех людей, которые посвящали себя критике отживших общественных отношений, пропаганде более совершенных форм человеческого общества, которые боролись за торжество новых, передовых, прогрессивных идей.

Они особенно подчёркивали, что в современную им эпоху «венец славы принадлежит уже не смелым или кровожадным

¹ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемый Н. Кириловым», вып. 1, 1845, стр. 134.

² «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Издание Н. Кирилова», вып. 2, 1846, стр. 285.

³ Там же, стр. 286.

проливателям крови ближних», не «мечу окровавленному», но «скромным новаторам в области науки и искусства... мирной гражданской доблести и мудрости законодательной... светлomu и ясному разумению»¹.

Петрашевцы понимали, что пропаганда передовых идей немислима без борьбы, ибо эта пропаганда приводит в движение самые яростные страсти человеческой души, затрагивает фурий частного интереса. «Чем важнее будет новаторство в сфере быта общественного,— читаем мы в словаре,— тем большее количество интересов оно должно потрясти, тем наибольшую реакцию встретить в нравах общественных...»². Примером смелого новаторства в области общественной науки петрашевцы считали системы Оуэна, Сен-Симона и Фурье.

Как мы уже говорили, петрашевцы были патриотами своей родины, они были глубоко преданы своему народу. Это нашло своё отражение и в кириловском словаре, который клеймил космополитов и отрицательно относился к национальному нигилизму.

У петрашевцев любовь к своему народу органически сочеталась с уважением к своеобразным особенностям каждой нации. Русский народ, которому, по мнению петрашевцев, принадлежит великая будущность, в результате переработки достижений всех наций внесёт свой самостоятельный вклад в сокровищницу мировой культуры.

Кружки петрашевцев своей пропагандистской деятельностью, направленной против крепостничества, абсолютистского гнёта и реакции, способствовали углублению кризиса самодержавно-крепостнического режима николаевской России.

ГЕРЦЕН — ПРЕДШЕСТВЕННИК РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Крестьянское движение 60—70-х годов, которое было стихийным протестом крестьянства против крепостнического характера крестьянской реформы, проведённой в интересах помещиков, в интересах постепенного превращения помещичьих латифундий в крупные капиталистические предприятия, нашло своё отражение в идеологии революционного просветительства и революционного народничества.

Ленин писал:

«...Революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и приглушили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний,

¹ «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Издание Н. Кирилова», вып. 2, 1846, стр. 256.

² Там же.

скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер»¹.

В лице Герцена и Чернышевского Россия эпохи кризиса крепостнической системы хозяйства выдвинула замечательных вождей и идеологов крестьянской революции.

Среди предшественников русской социал-демократии наряду с Белинским, Чернышевским и блестящей плеядой революционеров 70-х годов Ленин отмечал выдающуюся роль Герцена: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»².

Герцен — многогранный мыслитель. Его перу принадлежат блестящие философские работы, в которых он, продолжая материалистические традиции передовой русской философской мысли, а также критически воспринимая философские воззрения Гегеля и Фейербаха, выступает как оригинальный мыслитель. Герцен — один из виднейших политических писателей своей эпохи.

Борьба Герцена как революционера «дворянского периода» в освободительном движении русского народа, вся деятельность Герцена, который в 60-х годах выражал уже чаяния крестьянства, вступившего на путь революционной борьбы с крепостничеством, находилась в органической связи с его материалистическим мировоззрением. В. И. Ленин писал: «Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы», — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»³.

Герцен — родоначальник «русского социализма», «крестьянского социализма», положивший в основу своей доктрины своеобразный взгляд на крестьянский быт, на русскую общину.

«Русский социализм» Герцена

Герцен проделал сложный и трудный путь формирования своих социально-экономических воззрений, который привёл его к учению о самобытных путях русского исторического процесса,

¹ В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 96.

² В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 9—10.

³ Там же, стр. 10.

к учению о «крестьянском социализме». Происхождение его воззрений коренится в социально-экономических условиях его эпохи — кризисе крепостного хозяйства и в обусловленном этим кризисом обострении классово-борьбы. Идейные же их истоки восходят прежде всего к воззрениям Радищева и декабристов, а также к передовым для того времени идеям западноевропейского утопического социализма, которые он отнюдь не пассивно воспринимал, а критически перерабатывал и преодолевал.

До революции 1848 г. будущее Европы при всём критическом отношении Герцена к западноевропейской цивилизации не рисовалось ему в мрачных тонах. До революции 1848 г. Герцен считал, что Европа находится на путях к социализму, движущей силой этого развития он считал «блужника», за ценом стоящих рабочих и мастеровых, интересы которых непримиримы с возжеланиями буржуазии. Что касается России, то она, по мнению Герцена, вступит на путь социализма вслед за Европой и на основе усвоения пройденного Европой пути и её опыта.

Не поняв характера западноевропейских буржуазных революций 1848 г., рассматривая, в частности, французскую революцию 1848 г. как непосредственно социалистический переворот, Герцен, воочию наблюдавший поражение народных масс, переживал духовную драму, период глубокого пессимизма и скептицизма. Основой этой духовной драмы было отсутствие у Герцена подлинно научного понимания исторического процесса, то, что Герцен не возвысился до материалистического понимания истории.

«Духовный крах Герцена, — писал Ленин, — его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848-го года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще* не созрела»¹.

Подводя итоги своим наблюдениям над революцией 1848 г., Герцен пришёл к выводу, что исторические формы Западной Европы, современный государственный быт её не могут развиваться дальше сообразно новым потребностям. Предел западноевропейского развития, «во-первых, в сознании необходимости коренного переворота, в сознании нелепости государственной, юридической и экономической жизни, отставшей веками от общественной и научной; во-вторых, *в немогуте не только совершить этот социальный переворот, но даже формулировать его*»².

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 10.

² А. И. Герцен, *Mortuos plango...*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XV, 1920, стр. 7.

Пессимизм и скептицизм Герцена после 1848 г. отнюдь не привели к краху его веры в неизбежность обновления старого мира, смены отжившей буржуазной цивилизации более передовым общественным строем, к крушению его социалистических идеалов.

Герцен стремился найти те народы, которые в отличие от Запада могли бы успешно разрешить задачу строительства социализма, которые в противоположность «умирающей» Европе, заражённой разлагающимся духом «мещанства», в силу своеобразных особенностей своей исторической судьбы могли бы стать исходным этапом обновления страждущего человечества. Разочаровавшись в Западе, он обращает взоры к России и создаёт свою теорию «русского социализма». По мнению Герцена, выход для России — в народном быте, в русской общине. То, что на Западе может совершиться рядом катастроф, потрясений, то в России при её общинном укладе может произойти мирным путём.

Своё обращение к явлениям русской народной жизни Герцен по существу рассматривал как стремление путём критического преодоления западноевропейского утопического социализма практически, на подлинно научных основах реализовать свои социалистические идеалы.

«Мы *русским социализмом*, — писал Герцен, — называем тот социализм, который идёт от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, и идёт вместе с рабочей артелью навстречу той экономической *справедливости*, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука»¹.

Русский народ, утверждает Герцен, наиболее близок по своей природе к осуществлению того экономического строя, к которому стремятся социальные учения. В ходе исторического развития русский народ сохранил неприкосновенной земельную общину, и «этим он ближе к социальной революции, чем к какой-либо политической»².

Итак, резюмирует Герцен, вносимые русским крестьянским миром элементы стародавние, но теперь приходящие к сознанию и встречающиеся с западным стремлением экономического переворота; они состоят из трёх начал: 1) права каждого на землю, 2) общинного владения ею, 3) мирского управления. Только на этих началах может развиваться будущая Россия.

По Герцену, необходимо на базе науки сознательно развить общинное самоуправление до полной «свободы лица», минуя те

¹ А. И. Герцен, Порядок торжествует!, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIX, 1922, стр. 127—128.

² А. И. Герцен, Россия, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. V, 1915, стр. 360—361.

промежуточные формы, которыми по необходимости шло развитие Запада. Герцен утверждал, что в отличие от всех других народов община сохранилась лишь в одной России, где она устояла против вмешательства власти и дожила до развития социализма в Европе. Всё это свидетельствует о её исключительной жизнеспособности. Будущее России, её силу, её преимущество Герцен видел в сочетании русского народного быта с наукой Запада. Элементы русской общины надо освободить от примесей, приданных ей монгольским игмом, царизмом, бюрократией, крепостным правом. Взяв элементы общины за исходный, естественный пункт, надо просветить их социальной идеей Запада. Русская община, по его мысли, призвана обновить сгнившую западноевропейскую цивилизацию.

Говоря о двух тенденциях поземельной собственности в России — стремлении раздробиться в частное и личное владение, с одной стороны, и стремлении сосредоточиться в руках правительства — с другой, Герцен считал, что нужно всячески бороться против этих тенденций, что необходимо приостановить разложение общины, в которой он видел представительницу «социального единства», и тем самым предотвратить возникновение пролетариата. Герцен видел, что в России развивается капитализм, он видел процесс обуржуазивания помещиков. Однако Герцен считал, что Россия отнюдь не должна пройти фазу буржуазного развития, он склонялся к воззрению, что буржуазия в России — продукт искусственной политики царского правительства. «Я не вижу основания, — пишет Герцен, — чтобы Россия должна была непременно пройти через все фазы европейского развития, и тем более не понимаю, почему будущая цивилизация должна подчиняться всем тем же условиям развития, что и прошлая»¹.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно отмечали ошибочность утопических воззрений на общину как на базу, на зародыш социализма. Ещё Энгельс указывал, что каждая данная экономическая формация должна разрешить свои собственные, из неё самой возникающие задачи, а не браться за разрешение задач, стоящих перед другой, чуждой экономической формацией, что «исторически невозможно, чтобы общество, стоящее на более низкой ступени экономического развития, разрешило задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития»². Применительно к общине это означало, что община, как низшая

¹ А. И. Герцен, Россия, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. V, стр. 346.

² Ф. Энгельс, Послесловие к статье «Социальные отношения в России», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 393.

общественная форма, не обладала способностью породить из себя самой социалистическое общество, материальные предпосылки которого возникают в недрах капитализма. Полагая, что общинная форма землевладения явится преградой для господства капитала в сельском хозяйстве, Герцен не понимал, что для возникновения земледельческого капитализма отнюдь не требуется определённой формы землевладения. Маркс в «Капитале» писал, что капитализм сам создаёт адекватную себе форму поземельной собственности. «...И феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной (Markgemeinschaft) превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы»¹.

Герцен ошибался в своей оценке значения русской общины для крестьянства, так как он её рассматривал изолированно от всего хода русской истории, обособленно от изменений в социально-экономических условиях страны. Ошибка Герцена заключалась в том, что за формально существовавшим общинным землевладением он не разглядел процессы, происходившие в экономике русской деревни, развивающегося в её недрах капиталистического способа производства со всеми присущими ему антагонистическими противоречиями.

При всей ошибочности воззрений Герцена на русскую общину, при всей их теоретической несостоятельности в исторических условиях России 60-х годов они носили прогрессивный характер. «Социализм» Герцена, который он видел в освобождении крестьян с землёй, в ликвидации помещичьего землевладения, в уничтожении феодальной собственности на землю, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю», его аграрные воззрения по существу представляли собой отражение и защиту интересов революционного крестьянства в русской буржуазной революции.

Как писал Ленин, «идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»².

Теория «русского социализма» Герцена благодаря своему революционно-демократическому содержанию отличалась от западноевропейских теорий утопического социализма тем, что она перебрасывала мост от утопии к науке, устанавливала тесную связь между борьбой за социалистическое преобразование России и политической борьбой за республику.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, 1953, стр. 630.

² В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 11—12.

Герцен о крепостном праве

Осуществление своих социалистических идеалов Герцен прежде всего связывал с отменой крепостного права, которое он определял как основное зло России.

Крепостное право, по Герцену, является язвой, пятном, безобразием русского быта, ошейником рабства на шее народа. Герцен считал, что дальнейшие перспективы исторического развития России зависят от того, сумеет ли она освободиться от крепостного права или она будет и впредь прозябать под его тяжёлым ярмом.

Герцен считал, что освобождение крестьян сопряжено с «освобождением земли», последнее же в свою очередь является началом социальной революции, провозглашением сельского коммунизма. По вопросу о происхождении крепостного права в России Герцен стоял на неправильных позициях. Он рассматривал крепостное право в России отнюдь не как результат закономерного хода русского исторического процесса, а как институт, возникший в результате антинародной политики правительства. «Крестьянин был обманут, взят врасплох, загнан правительственным кнутом в капканы, приготовленные помещиками, загнан мало-помалу, по частям в сети, расставленные приказными; прежде, нежели он хорошенько понял и пришёл в себя, он был крепостным»¹.

Такой взгляд на крепостное право как на институт, не имеющий глубоких корней в социально-экономической жизни страны, был связан с тем, что Герцен не был вооружён знанием законов общественного развития.

В своих произведениях Герцен дал непревзойдённые описания бесправного, беспросветного положения крепостного крестьянства, перед которым не было никакой иной перспективы, кроме барщины и оброка, розог, голода, рекрутства.

Крепостническую эксплуатацию Герцен рассматривал как присвоение или кражу максимально возможной массы труда крепостных крестьян. Особенно тяжёлым Герцен считал положение барщинных крестьян мелкопоместных помещиков, так как наряду с барщиной здесь процветали натуральные и денежные повинности. Что касается оброка, то Герцен считал его столь же обременительным для крестьян, как и барщину, хотя оброчные крестьяне меньше чувствуют личную неволю и не верят своему помещику рабству.

Герцен указывал, что оброк отнюдь не представлял собой плату помещикам за землю, которой пользовался крестьянин.

¹ А. И. Герцен, *Крещёная собственность*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VII, 1917, стр. 269.

Помещик в гораздо большей степени берёт «окуп не с десятины, а с мышц, с дыхания, он заставляет платить за право работы, движения, существования»¹.

Вскрывая противоположность и непримиримость интересов закрепощённого крестьянства и помещиков, Герцен разоблачал в качестве прямых апологетов крепостничества Гакстгаузена и плантаторов из московских панславистов, которые рисовали помещика в несвойственной ему роли патриархальной главы общины.

Он разоблачал паразитический образ жизни помещиков-землевладельцев, вскрывал их неспособность к хозяйственной деятельности, показывал нерентабельность их поместий.

В качестве весьма характерной иллюстрации деградации помещичьего хозяйства Герцен ссылался на задолженность имений. Он отмечал, что ссуды, которые получали помещики из казённых банков, не могли предотвратить разорения помещиков, упадка дворянских имений, ибо полученные в ссуду деньги не находили производительного применения, а шли на удовлетворение личных нужд помещиков.

Герцен указывал, что эксплуатация русского крестьянства возрастала с ростом промышленности, с вовлечением помещичьего хозяйства в орбиту рыночных отношений, с превращением помещика, «патриархальной главы общины», вельможи, знатного и родовитого сановника, в мануфактуриста, крепостника-плантатора, торговца белыми неграми.

Дворянам надобны «деньги, и какими бы злодействами они их ни получали, им всё равно»².

По Герцену, крепостничество, как специфическая форма собственности, обречено на гибель, силой внутренних причин и особенностей оно поставлено перед неизбежностью полного крушения.

В Герцене вызывало глубокое чувство скорби печальное зрелище «мужика, ограбленного дворянством и правительством, продаваемого почти на вес, обесчещенного розгами, поставленного вне закона».

Герцен считал, что все действия народа против своих палачей оправданы наперёд.

Основой своей деятельности как революционного демократа Герцен прежде всего считал борьбу против крепостного режима своей родины. Он писал: «Главным камнем на дороге лежало чудовищное *крепостное право*; его обойти нельзя было ни конституционной хартией, ни каким-нибудь собранием «нотаблей».

¹ А. И. Герцен, Крещёная собственность, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VII, стр. 280.

² А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XI, 1919, стр. 47.

Против крепостного права и были устремлены все наши удары, все усилия; устранению его мы подчинили все интересы»¹.

И действительно, через всю жизнь Герцена проходит его неустанная, преисполненная огромной страсти и пафоса борьба против крепостнических порядков самодержавной России. Герцен ратовал за освобождение крестьян с землёй, в противном случае, по его мнению, перед Россией стояла бы перспектива создания 15-миллионного пролетариата. Герцен писал, что все прогрессивные силы страны стоят за освобождение крестьян с наделом, что народ не допускает даже возможности освобождения без земли. Он утверждал, что освобождение крестьян, которое породит пролетариат, невозможно в России, — это противоречит традиции, народному духу, здравому смыслу. Такое освобождение крестьян, по его мнению, наверно вызвало бы крестьянскую войну. Он рассматривал освобождение крестьян с землёй как экономическую революцию, которая должна коренным образом преобразовать землевладение и разрешить вопрос об отношениях собственника и рабочего.

По вопросу о том, как должно быть совершено освобождение крестьян, — должно ли правительство по своей инициативе освободить крестьян или само крестьянство плебейскими методами расправы со своими вековыми угнетателями должно добиться своего освобождения от ярма крепостничества — в этом вопросе Герцен первоначально колебался.

Герцен был то сторонником насильственного, революционного пути разрешения крестьянского вопроса, то ратовал за мирный путь, за освобождение крестьян «сверху», путём законодательных мероприятий самодержавного правительства.

Ленин писал, что представители нового поколения революционеров-разночинцев — Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьёвич — «были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму»².

Представления Герцена о возможности «самодержавной революции» были результатом непонимания значения форм политического строя и трактовки власти как категории внеклассовой. Колебания Герцена в сторону либерализма были временными. Если до реформы 1861 г. Герцен, как и Огарёв, отстаивал ликвидацию помещичьей власти над крестьянами и освобождение крестьян с землёй, находящейся в их пользовании, в чём сказывалась их тогдашняя дворянская ограниченность, то после реформы 1861 г. Герцен, точно так же как и Огарёв, будучи принципиальным противником выкупа, боролся за немедленный безвозмезд-

¹ А. И. Герцен, Порядок торжествует!, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIX, стр. 125.

² В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 12.

ный переход к крестьянству всей земли, без всякого переходного состояния¹.

Герцен, как основатель вольной русской прессы за границей, своей пропагандой содействовал пробуждению разночинцев, демократических элементов русского общества. Герцен призывал к народной революции против царизма. Судьбы грядущей русской революции он связывал с деятельностью нового поколения революционеров, главой которых был Чернышевский.

«Как декабристы,— писал Ленин,— разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»².

В своей критике крепостного строя и самодержавного режима России, в своём требовании республиканской формы государственного устройства Герцен в новых исторических условиях продолжал и развивал идеи замечательного мыслителя и деятеля русского освободительного движения XVIII в. Радищева, а также лучшие традиции движения декабристов. Борьба Герцена за землю и волю находилась в преемственной связи с идеями Радищева и дворянских революционеров-декабристов.

«Русский социализм» Герцена, направленный против угнетения и эксплуатации народных масс, применительно к объективным условиям русской действительности 60-х годов означал по существу своему, при всей идеализации Герценом борьбы с крепостничеством, программу расширения свободного крестьянского землевладения, уничтожения помещичьих латифундий, всех крепостнических и кабальных приёмов эксплуатации. Это была программа борьбы против исторически определённого вида угнетения и эксплуатации, против феодализма.

В. И. Ленин писал, что «Колокол» Герцена поставил вопрос о «различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции»³.

¹ В статье «Разбор нового крепостного права» Н. Огарёв, давая оценку реформы 1861 г., писал: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право *не отменено*. Народ царём обманут». И в другом месте: «...У него (у правительства — А. Р.) размягчение мозга, оно чуть дышит, оно умирает, оно умерло... Мёртвые скажут проворно, скорость падения растёт в десять тысяч раз на сто, и раз проснувшееся освобождение России совершится помимо и вопреки правительству, потому что: «Народ царём обманут!»» (Н. П. Огарёв, Разбор нового крепостного права, Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1, Госполитиздат, 1953, стр. 478, 526).

² В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, стр. 223.

³ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 12.

Герцен — критик капитализма и буржуазной политической экономии

В произведениях Герцена критика крепостничества и самодержавного строя в России была переплетена и срасталась с критикой капитализма. И это, конечно, не случайно. Герцен считал, что русская полуфеодальная община явится исходным пунктом перехода страны к социализму и Россия, вступив на путь некапиталистического развития, тем самым избегнет мук буржуазного режима. Поэтому критика капитализма была составной частью общеполитической программы Герцена — обоснования необходимости и неизбежности наступления социализма в России. До отъезда Герцена за границу у него встречаются отдельные высказывания, посвящённые критике института собственности. В результате же опыта революции 1848 г. Герцен выступил со всесторонней критикой капиталистического хозяйственного режима и всего многообразия его надстроек, выступил с разоблачением вульгарного характера буржуазной политической экономии, с углублённой критической оценкой представителей западноевропейского утопического социализма.

Экономический фактор, вопрос о материальном благосостоянии Герцен считает крупнейшей проблемой современности. По Герцену, от разрешения вопроса о материальном благосостоянии зависит вся будущность народов, от решения экономических проблем «зависит не только насущный хлеб большинства, но и его цивилизация».

Герцену не чужда была идея относительной прогрессивности капитализма в сравнении с феодализмом. Он писал: «С точки зрения общей экономики, переход феодального общества в общество буржуазное является неоспоримым прогрессом. Борьба и развитие перенесены на реальную почву, на землю; мир фантазёров и мечтателей начинает просыпаться; часть человечества отрезвляется, всё упрощается; аристократизм дворян был в их воображении и в крови; аристократизм буржуазии — в денежном сундуке»¹. Отмечая технико-экономический прогресс, которым ознаменовалась буржуазная эра в Европе, Герцен в то же время считал, что хозяйственная жизнь современной Европы противоречит разуму, потому что «бездна материала пропадает без рук, бездна рук гибнет без материала, огромные богатства без производительности, огромные запасы без сбыта, избыток и голод, наконец, большинство всех народов, страдающее в нужде и невежестве, именно от случайного распределения сил и орудий»².

¹ А. И. Герцен, О буржуазной Европе, «Литературное наследство», т. 61, стр. 108.

² А. И. Герцен, Письма к путешественнику, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVIII, 1920, стр. 136.

Таким образом, хаотическое состояние народнохозяйственной жизни Европы, раздираемой внутренними противоречиями между богатством и нищетой, между производством и потреблением, наблюдающуюся в Европе анархию производства Герцен объясняет нерациональным распределением средств производства.

Современная ему цивилизация представлялась Герцену как цивилизация меньшинства, предполагающая наличие большинства чернорабочих, как режим антропофагии, как режим людоедства в образованных формах.

Присущие капиталистическому производству категории — капитал, рента и заработную плату Герцен рассматривал как теоретическое выражение этого режима антропофагии. Он утверждал, что удел трудящихся масс в условиях буржуазной цивилизации — это голод и нищета.

Где же причины этого социального рабства, почему же этот режим людоедства в цивилизованных формах существует, своей железной пятой угнетая широкие массы работников? По Герцену, подлинной причиной устойчивости капитализма является невежество масс. Всё дело в том, что широкие массы не понимают своего подневольного положения при капитализме, не понимают, что они — неприглашённые на жизненный пир, создаваемый их трудом для привилегированного меньшинства. Когда же они протянут друг другу руку, тогда окончится поглощение большинства на выработывание светлой и роскошной жизни меньшинству, писал Герцен.

Герцен не только считает возможной совместную революционную борьбу рабочих и крестьян, он высказывает также замечательную, исключительно интересную мысль о возможности союза русского крестьянства с пролетариатом Запада, о возможности тесного единения русского крестьянства и европейского работника, ибо те и другие имеют одинаковые стремления и «удручены одинаковым роком».

Социальные идеи, которые раскрывают трудящимся подлинное положение при капитализме, объявляются Герценом тем рычагом, который призван обновить старый мир.

В приведённых рассуждениях Герцен поднимается над уровнем современных ему социалистов-утопистов. Он правильно характеризует капитализм как режим привилегированного меньшинства, угнетающего широкие массы трудящихся. Хотя невежество масс и рассматривается им как причина всех неурядиц современного ему строя, хотя он и является сторонником положения, что мнение правит миром, в то же время он возвышается до идеи классовой борьбы, считает возможным союз рабочих и крестьян в их революционной борьбе против твердынь капиталистического наёмного рабства и приходит, таким образом,

к выводу о неизбежной гибели капитализма путём революции народных масс.

Герцен критикует буржуазное право, мораль, психологию. «Вся нравственность свелась на то, что неимущий должен всеми средствами приобретать, а имущий — хранить и увеличивать свою собственность; флаг, который поднимают на рынке для открытия торга, стал хоругвью нового общества. Человек *de facto* сделался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу из-за денег... Жизнь свелась на биржевую игру, всё превратилось в меняльные лавочки и рынки...»¹

Герцен рассматривает деньги в условиях капитализма как рычаг, приводящий всё в движение. Деньги не вещь, утверждает он, а представитель вещей, «алгебраическая формула всякой вещи». Говоря о торговле, Герцен подчёркивает, что капиталисты равнодушны к качеству производимых ими товаров, их не интересует вопрос об удовлетворении потребностей членов общества; нажива, прибыль на массовом производстве — вот их стихия. Герцен утверждает, что в буржуазном обществе благородные идеи и возвышенные цели уступили место борьбе за материальные удобства, погоне за деньгами. В буржуазном обществе вещи главенствуют над личностью и главное в этом обществе — товар.

Герцен, конечно, не понимал природы денег, их сущности как экономической категории, но он дал блестящую, меткую, выразительную характеристику власти денег, культа денег в буржуазном обществе, как фетиша, как кумира, который всех приводит в трепет, который все обоготворяют, которому все слепо поклоняются.

Буржуазии, у которой нравственность основана на «арифметике, на силе денег, на любви к порядку», Герцен противопоставляет парижских пролетариев, «блузников», «Париж, за цензом стоящий». Он указывал на высокий моральный облик парижских бедняков, на то, что они в духовном отношении выше буржуа, кичащегося своей «образованностью». Будущность Франции олицетворяют собой не Генрих V, не Ламартин, а «блузник», столяр, плотник, каменотелец. Это единственное сословие во Франции, которое возвысилось до широкого политического кругозора, выходящего за рамки господствующего замкнутого круга понятий.

Герцен разоблачал пустозвонные декларации о свободе, равенстве в условиях капиталистической цивилизации. Подчёркивая, что неприкосновенность личности и подлинная свобода несовместимы с покровительством собственности со стороны государства, Герцен писал: «Нет *равенства* при неравенстве развития между верхами, залитыми светом, и массами, погрязшими во мраке. Нет *братства* между хозяином, перед которым открыто

¹ А. И. Герцен, Былое и думы, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIII, 1919, стр. 392.

«употребление и злоупотребление» своим имуществом, и рабочим, который сам является объектом «употребления и злоупотребления», ибо ничего не имеет»¹.

Никакая конституция, никакое правительство, утверждал Герцен, не в состоянии дать феодально-монархическим государствам истинной свободы и равенства в условиях буржуазной цивилизации. Буржуазная демократия представляет собой «лишь внешнее уравнивание: она признаёт право пролетариата на собственность, не давая ему средств...»².

Герцен был также далёк от той идеализации демократических свобод в Америке, которой страдали представители либерализма. Подчёркивая, что для США характерно наличие стечения ряда благоприятных обстоятельств для «разумного и свободного развития государственного», Герцен в то же время смотрел на США как на «колонизированную» Европу, как на часть Европы, которая никаких новых принципов не возвестила.

Герцен заклеил варварские обычаи в Соединённых Штатах Америки, где «перехватывают письма и журналы, секут граждан на площадях и продают с аукциона *вольных* негров»³, он с негодованием бичевал культ денег в заокеанской буржуазной республике, где всё является продажным — и свободы, и права, и даже честь и совесть человека.

Сопоставляя крепостное право в России с буржуазным режимом в Соединённых Штатах, Герцен писал: «До Северо- и Юго-Американских Штатов было рабство и крепостное состояние, неправая война и неправое стяжание, но этот цинизм, эта наглость, эта преступная простота, это бесстыдное обнажение, — это ново и принадлежит Америке»⁴. В своей критике американской демократии Герцен продолжал традиции передовой русской общественной мысли. Так, например, ещё Радищев писал об Америке: «...Сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надёжного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова»⁵.

Будучи в принципе за республику, против монархии, видя в республике «неминуемое начало» освобождения народов, Герцен в то же время призывал уметь разглядеть абсолютизм, в какой бы форме он ни являлся — в виде ли президента республики, или его временного правительства, или Национального собрания.

¹ А. И. Герцен, Прологомена, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XX, 1923, стр. 77.

² А. И. Герцен, О буржуазной Европе, «Литературное наследство», т. 61, стр. 109.

³ А. И. Герцен, Россия и Польша, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. X, 1919, стр. 244.

⁴ А. И. Герцен, *Mortuos plango...*, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XV, стр. 5.

⁵ А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Полное собрание сочинений, т. 1, АН СССР, 1938, стр. 317.

Герцен утверждал, что нет принципиальной разницы между различными формами западноевропейской буржуазной демократии, где господство принадлежит эгоистической, пошлой буржуазии, подлым мещанам.

Он считал, что буржуазная государственная машина стоит на страже интересов алчной буржуазии, что духовенство и армия охраняют её от ярости голодных масс.

Герцен даёт убийственную критику парламентской системы всеобщего избирательного права. По Герцену, в бесплодной качке парламентских прений, под румянами общих интересов сказывается стремление партий и групп осуществить свои узкие, эгоистические цели. Представительная система — это хитро придуманное средство перегонять в слова «общественные потребности и энергическую способность действовать».

В своей критике буржуазной свободы, равенства и братства, в характеристике политических институтов буржуазного общества Герцен шёл к научному социализму. Однако его разоблачение фетишизации, иллюзорности демократических свобод в условиях капиталистического хозяйственного режима и блестящая характеристика социально-политического строя при капитализме уживаются с идеалистической точкой зрения на исторический процесс, с непониманием подлинных противоречий капиталистического общества.

В работах Герцена ряд интересных страниц посвящён предмету политической экономии и характеристике буржуазных направлений в политической экономии. Буржуазная политическая экономия определяется Герценом как отвлечённая наука о богатстве. В руках буржуазии «наука Адама Смита измельчала, выродилась в торговую смыслённость, в искусство с наименьшей тратой капитала производить наибольшее число произведений и обеспечивать им наивыгоднейший сбыт»¹. Представителей буржуазной науки Герцен характеризует как пошлую посредственность, ибо они не могли возвыситься до общечеловеческих интересов. Буржуазные экономисты, по его мнению, отождествляли живой труд с мёртвым, превращали работника в машину и игнорировали человека. Буржуазная политическая экономия «рассматривала людей, как производительную живую силу, как органическую машину; для неё общество — фабрика, государство — рынок, место сбыта; она, в качестве механика, старалась об улучшении машин, об употреблении наименьшей силы для

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. V, стр. 166.

наибольшего результата, о раскрытии законов движения, богатства... До человека, собственно, ей не было дела; занимаясь им по мере его производительности, она равно должна была за пределами оставить того, который не производит за недостатком орудий, и того, который имеет мёртвый капитал»¹. Однако, продолжает Герцен, для немущих такая наука оказалась непригодной, ибо для них вопрос о материальном благосостоянии был неразрывно связан с критикой режима, который был причиной их бедности. Несколько смелых умов, глубоко сочувствующих бедствиям пролетариата, подвергло критике антропофагию современной цивилизации. Эта критика удалась вполне. «Политическая экономия», пишет Герцен, в её ограниченной доктринёрской и мешанской форме «была разбита». Однако эти люди, смелые на критику, были слабы на создание. Попытка нового хозяйственного устройства разбилась о чуждую крепость привычек и предрассудков. Полные желания общего блага, они никогда не достигали «бесчеловеческой плоскости старой науки», но зато они держались в мире отвлечённостей, всеобщностей.

Передовой деятель современной эпохи, революционер, должен, по Герцену, создать новую политическую экономию в интересах трудящихся. «Не уничтожить и разбить должен он политическую экономию,— писал Герцен,— а превратить её из эмпирического свода рассуждений и наблюдений, не смеющего касаться до святых твердынь существующего, в экономическую науку, посягающую на всё»². Между политической экономией и социализмом существует, по Герцену, внутренняя связь. Эта связь представляется ему в следующем виде:

«...Социализм есть осуществление идеала национальной экономики. Политическая экономия есть вопрос, а социализм — его разрешение. Политическая экономия есть наблюдение, описание, статистика, история производства, движения и циркуляции богатств. Социализм есть философия, организация и наука. Политическая экономия даёт материалы и документы, она исследует, а социализм произносит приговор. Политическая экономия констатирует самый факт богатства и бедности, социализм разрушает его не как исторический факт, но как необходимость, он уничтожает все границы и преграды, которые задерживают циркуляцию, делает собственность текучей, одним словом, уничтожает богатство и бедность. Даже из этого антагонизма видно, что социализм внутренне связан с национальной экономией. Это — анализ и синтез одной и той же мысли»³.

¹ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. V, стр. 164.

² А. И. Герцен, Письма к путешественнику, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XVIII, стр. 19.

³ А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии (в издании 1850 года), Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. VI, стр. 558—559.

Изложенные рассуждения Герцена о предмете политической экономии представляют собой значительный интерес. Герцен метко определяет вульгарный характер буржуазной науки. Некоторые его формулировки напоминают марксовы, когда, например, он говорит об ограниченно-вульгарном и доктринёрском характере буржуазной политической экономии. Герцен правильно отмечает апологетизм вульгарной политической экономии, принесшей человека в жертву вещам.

По Герцену, экономисты, идеологи трудящихся (речь идёт о социалистах-утопистах) хотели возратить работнику ту роль в производстве, которая похищена была у него идеологами и апологетами капитализма, но они впали также в ошибку, ибо у них человек, освобождённый от нищеты, оказался затерянным в общине.

Итак, критика буржуазной политической экономии, которую дал в своих произведениях Герцен, носила глубокий и оригинальный характер. Она в известной мере приближалась к марксовой оценке современных ему вульгарных экономистов.

Письма «К старому товарищу» — политическое завещание Герцена

Последний этап в эволюции мировоззрения Герцена нашёл своё отражение в его письмах «К старому товарищу», которые по существу представляют собой политическое завещание Герцена. В этом произведении Герцен поставил ряд проблем как теории, так и практики революционного движения. В качестве предварительного условия революционной практической деятельности Герцен выдвигал необходимость научного познания исторического процесса, раскрытия его внутренних закономерностей.

Герцен считал, что для того, чтобы не блуждать в потёмках, чтобы не быть во власти стихийных сил общественного развития, подлинный революционер должен быть вооружён передовой теорией, которая должна быть знаменем борьбы народных масс за осуществление их целей и стремлений. Герцен писал: «Наше время — именно время окончательного изучения, того изучения, которое должно предшествовать работе осуществления так, как теория паров предшествовала железным дорогам. Прежде дело хотели взять грудью, усердием, отвагой и шли зря на авось — мы на авось не пойдём»¹. Обойти процесс понимания, подчёркивал Герцен, так же невозможно, как обойти вопрос о силе. Тот же, «кто не хочет ждать и работать, тот идёт по старой колее пророков и прорицателей, иересиархов, фанатиков и цеховых револю-

¹ А. И. Герцен, К старому товарищу, «Литературное наследство», т. 61, стр. 160.

ционер»¹. В многогранном же мире социальных явлений Герцен ведущую роль отводит экономическому фактору, который он рассматривает как основу исторического процесса. «Экономический переворот, — указывает Герцен, — имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями — в трезвости своей основы»². На смену анархическим, противоречащим разуму экономическим отношениям должны прийти новые, передовые, разумные, гармоничные отношения. Герцен писал: «Если б не было неразвитых, дурно развитых, изуродованных экономических отношений, то не было бы и желания выпутаться из них и дойти до разумных»³.

Герцен в своей оценке «экономического переворота» приближается к воззрениям Маркса на экономические условия социальной революции. Исключительный интерес представляют собой высказывания Герцена о государстве.

Герцен считает собственность, семью, церковь, государство огромными «воспитательными формами» человеческого общества. Ссылаясь на Гегеля, который писал, что рабство является шагом к свободе, Герцен считает, что все исторические формы ведут от одного освобождения к другому, что каждый восходящий принцип в исторической жизни представляет высшую правду своего времени, под знаменем которого собираются лучшие люди, потом он делается ложью и, наконец, воспоминанием. Подобно всем другим историческим формам, и государство идёт к самоуничтожению, но до известного периода оно играет огромную освободительную роль.

«Государство — форма, через которую проходит всякое человеческое сожитие, принимающее значительные размеры. Оно постоянно изменяется с обстоятельствами и прилаживается к потребностям. Государство везде начинается с полного порабощения лица — и везде стремится, перейдя известное развитие, к полному освобождению его. Сословность — огромный шаг вперёд, как расчленение и выход из животного однообразия, как раздел труда. Уничтожение сословности — шаг ещё больший»⁴.

Государство, утверждает Герцен, не имеет собственного определённого содержания — оно может быть и орудием реакции и инструментом революции, в зависимости от того, на чьей стороне сила. «Этой государственной силой хотел воспользоваться Лассаль для введения социального устройства. Для чего же, — думалось ему, — ломать мельницу, когда её жернова могут молотить и нашу

¹ А. И. Герцен, К старому товарищу, «Литературное наследство», т. 61, стр. 164.

² Там же, стр. 160.

³ Там же, стр. 186—187.

⁴ Там же, стр. 170.

муку? На том же самом основании и я не вижу разумной применимости — в отречении»¹.

Герцену принадлежит следующий замечательный афоризм: «Из того, что государство — форма преходящая, не следует, что это форма уже прошедшая». Высказывания Герцена о государстве свидетельствуют о том, что Герцен, как писал Ленин, «рвет с анархистом Бакуниным», что Герцен считал возможным использование государственного аппарата в деле революционного преобразования общества, хотя он до конца и не мог понять классовой сущности государства. Применяя идею развития к современному ему обществу, Герцен считал, что капитализм находится накануне своей гибели, что дни его сочтены, что на смену должен прийти более передовой, прогрессивный, социалистический строй, подобно тому как в своё время отживший, обветшавший феодальный строй уступил место капитализму.

Однако Герцен в некоторых вопросах находится во власти старых буржуазных демократических фраз. Например, когда ратует за пропаганду социалистических идей не только среди рабочих, но и среди капиталистов. Социализм, по мысли Герцена, должен стать наукой. Он утверждает, что методами точного научного знания необходимо обосновать нелепость капитализма, надо доказать, что существующий строй невозможен, так как неимущие классы пришли к сознанию его обречённости.

Пока социальная мысль была неопределённой, писал Герцен, её проводники обращались к страстям и фантазиям, они склоняли собственников к добровольному отречению от своих богатств, они обращались к имущим классам с проповедью, что обладание богатствами при наличии ужасающих страданий нищеты противоречит справедливости.

«Не то надобно доказать собственникам и капиталистам, — восклицает Герцен, — что их обладание грешно, безнравственно, незаконно — понятия, взятые из совсем иного мирозерцания, чем наше, — а то, что *нелепость* его пришла к сознанию неимущих, в силу чего оно становится *невозможным*. Им надобно показать, что борьба против неотвратимого — бессмысленное истощение сил и что чем она упорнее и длиннее, тем к большим потерям и гибели она приведёт. Твердыню собственности и капитала надобно потрясти расчётом, двойной бухгалтерией, ясным балансом дебета и кредита. Самый отчаянный скряга не предпочтёт утонуть со всем товаром, если может спасти часть его и самого себя, бросая другую за борт. Для этого необходимо только, чтоб опасность была *так же* очевидна для него, как *возможность спасения*»².

¹ А. И. Герцен, К старому товарищу, «Литературное наследство», т. 61, стр. 170.

² Там же, стр. 163.

Герцен в то же время выдвинул замечательную мысль, что новый порядок, который придёт на смену капитализму, должен «являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной». Надо сохранить сокровища, накопленные человечеством в ходе исторического развития, надо сохранить всё то прекрасное, что было в былом и отходящем. Надо спасти всё, что достойно спасения из богатств старого мира. Герцен утверждал, что должен быть сохранён «капитал, идущий от поколения в поколение и от народа народу», Герцен ратовал за неприкосновенность капитала, в котором «оседала личность и творчество разных времён, в котором сама собой наслоилась летопись людской жизни и скристаллизовалась история...»¹.

Таким образом, подчёркивая неизбежность крушения буржуазной цивилизации, призывая к сохранению накопленных в ней материальных и культурных ценностей, которые должны стать достоянием народа, Герцен и в этом произведении разделял иллюзию, что можно путём пропаганды убедить капиталистов в неотвратимости крушения капиталистического строя и в необходимости приобщения их к социалистическим идеям.

Герцен придавал всемирно-историческое значение международному рабочему движению, которое развивалось под знаменем I Интернационала. Наблюдая за деятельностью первых конгрессов I Интернационала, Герцен писал:

«Международные работничьи съезды становятся ассизами (судилищами.— *А. Р.*), перед которыми вызывается один социальный вопрос за другим; они получают больше и больше организующий склад, их члены — эксперты и следопроизводители. Они самую стачку и остановку работ допускают, как тяжёлую необходимость, как *pis-aller*, как средство сосчитать свою силу, как боевую организацию. Серьёзный характер их поразил врагов»². Герцен видел в международном объединении рабочего класса «первую сеть и первый всход будущего экономического устройства».

Если, как писал Ленин, в своём разрыве с Бакуниным Герцен видит ещё только разногласия в тактике, а не противопоставление двух принципиально различных миросозерцаний, если он в письмах «К старому товарищу» не может отрешиться от пропаганды идей социализма как рабочим, так и капиталистам, не может воздержаться от выступления «с проповедью, равно обращённой к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину», Герцен всё же, разрывая с Бакуниным, обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, которым руководил Маркс.

В. И. Ленин видел в Герцене мыслителя, «сыгравшего великую роль в подготовке русской революции». Отмечая, что декаб-

¹ *А. И. Герцен*, К старому товарищу, «Литературное наследство», т. 61, стр. 172.

² Там же, стр. 164.

ристы разбудили Герцена, что Герцен развернул революционную агитацию, Ленин указывал, что «ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом»¹.

В лице Чернышевского, представлявшего новое поколение революционеров-разночинцев, передовая русская общественная мысль, продолжавшая материалистические воззрения своих предшественников, знаменовала собой дальнейший шаг в «подготовке русской революции».

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ — ВЕЛИКИЙ УЧЁНЫЙ И РЕВОЛЮЦИОНЕР ДОМАРКСОВА ПЕРИОДА

Великому революционному демократу Чернышевскому принадлежит заслуга выработки нового мировоззрения, под знаменем которого развивалось русское революционное движение 60-х годов.

Н. Г. Чернышевский — национальная гордость русского народа. Чернышевский — один из тех революционных демократов XIX в., которые сыграли огромную роль в русском революционном движении и в развитии революционной мысли. Чернышевский ближе других социалистов-утопистов домарксова периода стоял к научному социализму. По ряду вопросов он сделал шаг от утопии к науке и этим значительно способствовал восприятию в России идей марксизма.

Революционно-демократические воззрения Чернышевского складывались в условиях кризиса крепостнического хозяйства и подъёма крестьянского движения в России. На формирование его мировоззрения непосредственное влияние оказала в первую очередь предшествовавшая ему русская общественная мысль, представленная такими корифеями науки и публицистами, как Радищев, Белинский и Герцен. Не прошло бесследным для Чернышевского и знакомство с членами кружка петрашевцев — Ханьковым и Дебу. Ханьков, как писал Чернышевский, «заронил» в него мысль о революции, о «хилости правительства», показал ему элементы возможного возмущения.

Чернышевский испытал на себе также влияние прогрессивных течений западноевропейской науки: Фейербаха, классической школы политической экономии и утопического социализма. Западноевропейские влияния Чернышевский воспринимал отнюдь не пассивно, догматически, а критически, творчески их перерабатывал, исходя из потребностей русской действительности.

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 15.

Из наблюдений над крестьянским движением в России, а также из опыта классовых битв на Западе Чернышевский вынес поучительный урок, что идиллическое, мирное, спокойное течение исторического процесса невозможно, что в результате ожесточённой классовой борьбы угнетённых трудящихся масс со своими поработителями неизбежны кровавые революционные взрывы, насильственные потрясения всего общества.

Опыт массовой крестьянской борьбы в самодержавно-крепостнической России и ход европейских революционных событий приводят Чернышевского к самым радикальным революционным воззрениям. Он становится сторонником насильственного ниспровержения самодержавного строя и крепостнического режима, сторонником революционного захвата государственной власти.

Вся деятельность Чернышевского, вся его жизнь была посвящена борьбе за новый, передовой общественный строй. Всё многогранное творчество Чернышевского на всех своих этапах было обоснованием необходимости революционной борьбы трудящихся за своё освобождение.

Теоретической основой деятельности Чернышевского как революционного демократа были его философские воззрения. «Чернышевский, — писал Ленин, — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»¹.

Аграрный вопрос в произведениях Н. Г. Чернышевского

В центре внимания научно-публицистической деятельности Чернышевского прежде всего стояла борьба с крепостничеством. Чернышевский считал, что крепостное право — главный источник всех неурядиц русской жизни — должно быть ликвидировано революционным путём.

Сущность крепостного права, его экономическую основу Чернышевский видит в обязательном труде. Чернышевский писал, что крепостное право состоит в присвоении землевладельцем власти принуждать поселённых на этой земле крестьян к сельскохозяйственной работе в личную свою пользу. Утверждая, что крепостное право — коренное зло всех неурядиц русской жизни, причина хозяйственной, политической и культурной отсталости России, причина неудовлетворительного состояния русской промышлен-

¹ В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. 14, стр. 346.

ности, Чернышевский с особой силой подчёркивает губительное воздействие крепостного права на русское сельское хозяйство.

В ряду непосредственных причин, в своей совокупности отрицательно воздействовавших на сельское хозяйство России, Чернышевский отводит большое место вопросу о населении. Проблему населения в условиях дореформенной России Чернышевский ставит конкретно-исторически. Чернышевский отвергает абстрактные утверждения статистиков о связи степени успехов сельского хозяйства с густотой населения, применимые ко всем временам и народам и не учитывающие своеобразия определённых эпох.

Причины отсталости русского сельского хозяйства в сравнении с сельским хозяйством стран Западной Европы Чернышевский видит в исторических судьбах русского народа, в крепостническом хозяйстве, в самодержавном строе. Сельское хозяйство России убыточно, нерентабельно потому, что, по Чернышевскому, оно покоится на обязательном труде, который не создаёт стимулов для расчётливого хозяйствования. Коренной причиной сельскохозяйственной отсталости России Чернышевский считает крепостное право, обязательный труд, его низкую производительность. Такая постановка вопроса была весьма содержательна, она приближалась к воззрениям классиков марксизма.

Убыточность крепостного сельского хозяйства Чернышевский показывает на большом конкретном материале, подвергая обстоятельному исследованию как помещичье, так и крестьянское хозяйство.

Обобщая материалы, опубликованные русскими статистиками, Чернышевский утверждал, что крепостное право находится в непосредственной связи с помещичьим землевладением. На основе данных современной ему статистики Чернышевский сделал чрезвычайной важности теоретический вывод о том, что крепостное право связано с правом поземельного владения. На большом фактическом материале Чернышевский иллюстрирует нерациональный, убыточный характер хозяйствования в помещичьих латифундиях. Тут и нерациональное использование рабочей силы, нерентабельность применения машин, истребление лесов и т. д.

Полемизируя с современными ему апологетами крепостничества, Чернышевский для доказательства того, что обязательный труд разорителен не только для крестьян, но и для помещиков, ссылался на задолженность дворянских имений.

Чернышевский вообще считает, что землевладельческое сословие всех государств, базирующихся на несвободном труде, находится в разорённом положении. С наибольшей силой, указывает Чернышевский, эта закономерность проявляется в России. Нерентабельность помещичьего хозяйства, по Чернышевскому, — не случайное явление. Она коренится в обязательном труде, в

самой природе крепостнического хозяйства. Чернышевский писал, что тот, у кого источником доходов является обязательный труд, не может «экономически» вести свои расходы, ибо его доходы базируются на началах, противоречащих «экономическому расчёту». Ссылаясь на факты повышения производительности труда в поместьях России и Западной Европы, применявших наёмный труд, Чернышевский убедительно утверждает, что всё зло — в низком уровне производительности обязательного труда. Чернышевский превосходно понимал различие между крупным землевладением и крупным хозяйством. Он полагал, что сохранение помещичьего землевладения отнюдь не будет знаменовать собой развитие производительных сил на основе крупного производства. Он считал, что рента находится во враждебных отношениях ко всякому прогрессу. Что касается класса, который присваивает ренту, то он всегда был классом консервативным, борющимся против всяких усовершенствований. Чернышевский утверждал, что помещичье землевладение будет базой кабальной эксплуатации крестьянства, основой консервирования крепостнических отношений в русском сельском хозяйстве.

Земельная собственность, указывал Чернышевский, должна быть соединена с земледельческим производством не на основе сохранения помещичьего землевладения, а путём его ликвидации, в результате перехода земли к крестьянству.

Помещичье землевладение — оплот крепостничества, а тем самым источник деградации русского сельского хозяйства — таков итоговый вывод Чернышевского. Из анализа помещичьего хозяйства у Чернышевского с непреложностью следовало, что лишь с ликвидацией помещичьего землевладения, а тем самым и крепостничества перед Россией откроется широкая дорога для расцвета её производительных сил. Чернышевский глубоко проанализировал сущность помещичьего хозяйства. Чернышевский, писал Ленин, превосходно понимает, что в современной ему России царили и правила общественные классы, враждебные трудящимся, предопределившие разорение и экспроприацию крестьянства. Чернышевскому принадлежит заслуга теоретико-экономического обоснования положения, что помещичье землевладение не может быть базой прогрессивного хозяйствования, более того, что класс помещиков символизирует собой деградацию, застой в народном хозяйстве.

Чернышевский понимает, что землевладение, носящее крепостнический характер, по самому существу своему является помехой для развития торгового оборота, что крепостное право ближе всего связано с крепостническим землевладением, что помещичья земельная собственность — источник и оплот крепостнической эксплуатации, источник сохранения нищенского положения крестьянства.

В тесной связи с воззрениями Чернышевского на крепостническое землевладение, на помещичью земельную собственность находились и его взгляды на положение крестьянского хозяйства. Чернышевский убедительно доказал, что оборотной стороной многоземелья крупных землевладельцев является малоземелье прикреплённых к помещикам путём внеэкономического принуждения обнищавших крепостных крестьян. Чернышевский доказал, что разорение и экспроприация крепостного крестьянства объясняются отнюдь не роковыми неумолимыми законами природы, не абстрактными законами населения, не леностью крестьян и т. д., как об этом трубили современные Чернышевскому вульгарные экономисты, а общественными отношениями, командным положением общественных классов, которые управляли и царили в самодержавно-крепостнической России. Приводя многочисленные цифры, факты, таблицы, Чернышевский показал, что крепостное хозяйство знаменует собой деградацию и угрожает гибелью его ведущей производительной силе — крепостному крестьянству.

Большой заслугой Чернышевского является и то, что он рассматривал крепостное право отнюдь не только как совокупность правовых норм, не только как учреждение юридическое, но и как особую систему взаимодействия патриархального помещичьего и крестьянского хозяйств, как совокупность специфически определённых общественных отношений. В представлении Чернышевского крепостное хозяйство было законченной системой феодальных связей, во главе которой стоял помещик, наделявший крестьян землёй и методами внеэкономического принуждения присваивавший их прибавочный труд.

Чернышевский с большой теоретической глубиной поставил проблему кризиса крепостного хозяйства, уделив особое внимание вопросу низкой производительности труда в условиях крепостничества.

Низкую покупательную способность крестьянского населения Чернышевский считал основным препятствием на пути к улучшению земледельческого производства и к расширению сбыта фабричных изделий в деревне.

Обосновывая необходимость перехода к более прогрессивному способу производства на основе наёмного труда, Чернышевский по существу ратовал за развитие земледельческого капитализма, нуждающегося в машинах, за создание внутреннего рынка для индустрии, за свободное и быстрое развитие капитализма вообще.

В своей критике крепостничества Чернышевский, продолжая традиции своих предшественников — Белинского и Герцена, сделал в сравнении с ними значительный шаг вперёд.

Чернышевский как критик крепостничества выступает не только в роли превосходного публициста, но и в роли политико-эко-

нома, мобилизовавшего свою огромную эрудицию в области конкретных знаний русской экономической действительности и свой талант экономиста-исследователя, экономиста-теоретика.

Исследования Чернышевского, посвящённые кризису крепостничества, свидетельствуют о том, что он шёл к научному социализму, характеризуют его как предшественника русской социал-демократии.

Подвергая глубокой критике крепостническое хозяйство, Чернышевский понимал его органическую связь с царским самодержавием. В легальной печати Чернышевский, разоблачая утверждения либералов о надклассовой природе самодержавия, дал бичующую характеристику самодержавного режима, его классовой сущности как политической формы помещичьего господства, его прогнившего государственного аппарата. Чернышевский понимал тесную связь крепостничества с самодержавным государственным аппаратом, он понимал, что царская власть являлась существенным фактором, обострившим подневольное положение крепостного крестьянства России.

Ленин отмечал как заслугу Чернышевского понимание им того, что «существование правительства, прикрывающего наши антагонистические общественные отношения, является страшным злом, особенно ухудшающим положение трудящихся»¹.

Воззрения Чернышевского на самодержавный режим, его оценка бюрократического аппарата эпохи крепостного права особенно ярко выразились в его отношении к так называемому «освобождению крестьян».

С великим гневом Чернышевский обрушился на реформу 19 февраля 1861 г., доказывая, что этот акт был порождён совместным выступлением помещиков и бюрократии против крестьянства. Причину провала реформы 1861 г. Чернышевский видел в том, что за проведение её взялась власть, которая по самой своей сущности стояла на страже привилегий дворянства.

Причину неудовлетворительности реформы 1861 г. Чернышевский видел в противоречии «сущности предпринимаемого дела с качествами элемента, бравшегося за его исполнение».

С исключительным сарказмом Чернышевский бичевал либералов, которые в реформе 1861 г. видели новую эру исторического развития России и, страшась плебейской расправы крестьянства, вступили в сделку с самодержавием.

Чернышевский в подцензурной печати раскрыл кабальный характер реформы, показал крепостнический характер реформы 1861 г., которую он называл мерзостью.

Ленин писал: «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 264.

реформы (когда еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»¹.

Чернышевский превосходно понимал, что выкупные платежи представляют собой остатки старого крепостного права и что они породят собой экономический и политический застой страны. И действительно, в результате реформы 1861 г. платёж выкупных денег по существу представлял собой выплату старинного оброка помещику.

Ленин ставит в заслугу Чернышевскому то, что он предпочитал добровольную сделку крестьян с помещиками «освобождению с выкупом». «При добровольной сделке о покупке земли, с крестьян *не могли бы* содрать столько, сколько содрали с них посредством *правительственного* «примирения» крестьян с помещиками. И великий русский социалист оказался прав»².

Чернышевский был принципиальным противником выкупа, он был сторонником того, чтобы вся земля, находившаяся до реформы 1861 г. во владении крестьян, перешла к ним без выкупа, он боролся за безвозмездное отчуждение у помещиков крестьянского труда и наделов. Это была программа последовательно демократическая, ибо во всех странах как на Западе, так и в России крестьянская поземельная собственность была основой буржуазного способа производства.

В прокламации «К барским крестьянам от их доброжелателей поклон», написанной языком боевого политического памфлета, призывавшего к народному восстанию, кабальный характер реформы 1861 г. показан с исключительной наглядностью. Чернышевский считал, что реформа 1861 г. оставила крестьянина в кабальной зависимости от помещика.

Большую прозорливость Чернышевский проявил в своём прогнозе последствий реформы 1861 г.

Чернышевский предвидел, что «отрезки» будут знаменовать собой сохранение кабальной зависимости крестьян от помещика. Он понимал, что обезземеление крестьян в 1861 г. означало создание кабального арендатора помещичьей земли, фактически вынужденного отбывать барщину путём обработки своим инвентарём помещичьей земли за луга, за выгон, за необходимую пахотную землю и т. д.

¹ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 263.

² В. И. Ленин, Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе, Соч., т. 12, стр. 257.

Чернышевский предсказывал, что реформа 1861 г. приведёт к освобождению крестьян от земли и к росту безземельного пролетариата: «А мужику в деревне без хозяйства да без земли, что делать, куда деваться кроме как в батраки наняться... Помещичья воля будет, какое житьё им определить, они (батраки. — А. Р.) торговаться не могут, как ноне батрак с хозяином торгуется: они куску хлеба рады будут, а то у самого-то в животе-то пусто, да и семья-то приюта не имеет».

Следовательно, Чернышевский по существу рассматривал реформу 1861 г. как «чистку земли», необходимую для развития капитализма, хотя он и не понимал того прогрессивного значения, какое имел процесс формирования кадров наёмных рабов капитала.

По вопросу об «отрезках», как и вообще в своей характеристике реформы 1861 г., Чернышевский является предшественником русской социал-демократии¹.

В воззрениях Чернышевского на аграрный вопрос, в его борьбе за интересы крестьянства большую роль играло учение об общинном землевладении в России, которое находилось в тесной связи с проблемой ликвидации крепостного права и с отношением Чернышевского к реформе 1861 г.

Чернышевский превосходно понимал, что частная поземельная собственность в сравнении с общинной собственностью представляет собой продукт более позднего исторического развития, хотя он и ошибался, утверждая, что общинная собственность — существенная принадлежность не земледельческого, а «бродячего, пастушеского или звероловческого быта». Чернышевский критиковал немецких историков, которые доказывали, что у немецких племён испокон веков существовала частная поземельная собственность, а общинного поземельного владения вообще никогда не существовало.

Разделяя точку зрения об одинаковости племенного устройства у всех народов, проходящих первые ступени исторического развития, Чернышевский, опираясь на работы Грановского, считал ошибочным воззрение о «совершенном, будто бы, различии славянской общины от общин, какие застаёт история у германских и кельтских племён»².

¹ К. Маркс дал следующую оценку реформы 1861 г. и отношения к ней Н. Г. Чернышевского: «...Акт освобождения был не чем иным, как ловкой воровской проделкой. Значительная часть земли была отнята у ее действительных владельцев, и была провозглашена система выкупа земли крестьянами. Этот акт царского вероломства послужил для Чернышевского и его партии новым и неопровержимым аргументом против императорских реформ» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 639).

² Н. Г. Чернышевский, Сочинения Т. Н. Грановского, Полное собрание сочинений, т. III, 1947, стр. 366—367.

Чернышевский рассматривал общину как универсальный институт, который на пороге цивилизации существовал у всех народов, как «общую человеческую принадлежность известного периода в жизни каждого народа»¹, в то же время он в общинном укладе находил преимущество России в сравнении с Западом. Чернышевский рассматривал общину как «спасительное учреждение», на которое Запад начинает уповать, как на «избавление своих земледельческих классов от бедности и бездомности».

Считая, что капитализм в сравнении с крепостничеством играет прогрессивную преобразовательную роль, Чернышевский в то же время благодетельность принципа общинного владения видел в том, что он ограждает Россию от «страшной язвы пролетариата».

Чернышевский превосходно понимал, что Россия вступает в полосу глубоких экономических преобразований, связанных с новой эпохой усиленного развития прогрессивных капиталистических форм хозяйствования. Он писал, что Россия начинает подчиняться воздействию экономических законов капитализма и что скоро она, может быть, будет вовлечена в сферу действия закона конкуренции.

Чернышевский выражает твёрдое убеждение, что в интересах национального благосостояния следует, исходя из уроков истории Западной Европы, при всех предстоящих великих и благотворных переменах сохранить принцип общинного поземельного владения. Таким образом, Чернышевский считал, что общинный уклад может быть сохранён и в условиях грядущего и неизбежного развития капитализма в России.

Идеальной формой поземельной собственности как с точки зрения агрикультурной, так и со стороны народного благосостояния Чернышевский считал государственную собственность с общинным владением, ибо только она соединяет в одном лице собственника, хозяина и работника. «Только общинное владение распределяет землю таким образом, что рента, проценты оборотного капитала и труд соединяются в одном лице, которое потому имеет всю выгоду и трудиться наилучшим образом, и затрачивать наибольшее количество капитала на оживление труда улучшениями и, по возможности увеличивать ренту»².

При этой форме, считал Чернышевский, вся выгода от улучшений и затраченного труда достаётся трудящимся и каждый земледelec становится землевладельцем. В частности, Чернышевский считал, что общинное владение благоприятствует применению машин в сельском хозяйстве, что невозможно при частной собственности на землю, которая является препятствием для

¹ Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V, 1950, стр. 362.

² Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, 1948, стр. 441.

объединения мелких землевладельцев в целях общинной обработки земли.

Чернышевский превосходно понимал, что расширение крестьянского землевладения немыслимо без серьёзных демократических преобразований во всём политическом строе «азиатского» самодержавного режима крепостной России.

Вопрос об идеальной форме владения Чернышевский не ставит изолированно от социально-политических условий страны. Форма владения не есть единственное основание как земледельческого прогресса, так и национального благосостояния. Нужны ещё и другие условия. Община сможет стать основой развития производительных сил в сельском хозяйстве и роста национального благосостояния лишь в том случае, если русский народ сбросит с себя оковы крепостничества и ярмо самодержавного режима.

Со всей резкостью и определённою Чернышевский поставил вопрос о гарантиях, необходимых для реализации идеальной, по его мысли, формы поземельного владения, в своей работе «Критика философских предубеждений против общинного владения».

Таковыми гарантиями он считал два условия: во-первых, принадлежность ренты тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении; во-вторых, лицо, её получающее, не должно быть обременено кредитными обязательствами, вытекающими из самого её получения¹. Только при соблюдении второго условия, считал Чернышевский, получение ренты выгодно. И далее Чернышевский иносказательно иллюстрирует свой подлинный взгляд на те гарантии, которые необходимы для того, чтобы идеальная форма поземельной собственности стала реальностью.

Вопрос об общинном землевладении Чернышевский ставит в тесную зависимость от проблемы борьбы антагонистических общественных классов страны, от перспектив крестьянской революции в России. В этой же статье Чернышевский, обосновывая возможность некапиталистического развития России, утверждал, что общинное землевладение может быть непосредственно исходным пунктом социалистического способа производства.

Теоретической основой воззрений Чернышевского о переработке общинного землевладения в социалистическое производство была идея диалектического развития, идея о переходе от низшей стадии развития к высшей. На основе привлечения большого количества иллюстраций Чернышевский делал вывод: «1. Высшая степень развития по форме совпадает с его началом. 2. Под влиянием высокого развития, которого известное явление общественной жизни достигло у передовых народов, это явление может у других народов развиваться очень быстро, подниматься

¹ См. *Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 360.*

с низшей степени прямо на высшую, минуя средние логические моменты»¹.

Перед Россией, по его мнению, в силу определённых исторических условий, связанных с сохранением в ней общинного уклада, открывается на основе учёта уроков западноевропейской истории перспектива некапиталистического пути развития.

Аргументация, выдвинутая Чернышевским в защиту общинного землевладения, сводилась по существу к тому, что политической предпосылкой использования общины как столбовой дороги к социализму Чернышевский считал крестьянскую революцию, которая должна была железной метлой очистить русскую землю от помещиков, от крепостного режима, от самодержавия. Чернышевский полагал, что общинное землевладение явится исходным пунктом для перехода к общинному производству, ибо последнее не только «предотвращает пролетариат», но и содействует «возвышению производства». Чернышевский писал: «Через тридцать или двадцать пять лет общинное владение будет доставлять нашим поселянам другую, ещё более важную выгоду, открывая им чрезвычайно лёгкую возможность к составлению земледельческих товариществ для обработки земли; не можем сказать, чтобы это соображение не оказывало сильного влияния на нашу приверженность к общинному владению...»². Перерастание общинного владения землёй в общинное производство Чернышевский объясняет материалистически: прогресс механики и технологии — вот движущая сила в поступательном движении человечества ко всё более прогрессивным формам коллективного хозяйствования.

В этом процессе перехода от общинного владения к общинному производству Чернышевский отводит большую роль духу коллективизма, присущему русским общинникам. В наличии «общинного духа» он видел преимущество России перед Западом в деле перехода сельского хозяйства на рельсы коллективного производства.

В то же время Чернышевский не считал нужным форсировать переход к общинному производству, ибо большинство русского земледельческого сословия ещё не знает общинного труда, не знает выгод, которые он с собой несёт в отличие от общинного владения, к чему русские земледельцы привычны. Но Чернышевский был глубоко убеждён в неотвратимости перехода к общинному производству.

Перед умственным взором Чернышевского вставала будущая свободная Россия, которая обрабатывает свои огромные

¹ Н. Г. Чернышевский, Критика философских предубеждений против общинного владения, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 389.

² Н. Г. Чернышевский, Ответ на замечания г. Провинциала, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 151.

земельные массивы на базе крупного социалистического хозяйства, оснащённого самой передовой техникой.

Чернышевский связывал осуществление своих социалистических идеалов с крестьянством, как с классом, который более, чем все остальные группы населения, страдал под игом крепостничества. Таким образом, движущую силу предстоявшей революции Чернышевский видел в крестьянстве.

Не вдаваясь в детальный разбор всех звеньев аграрной программы Чернышевского, нужно, однако, отметить его ошибочные представления о тенденциях развития общинного землевладения в условиях капитализма.

Чернышевский рисовал себе картину процветания в условиях капитализма общинного строя, ограждённого от тлетворного воздействия окружающей среды. Чернышевский не понимал, что в результате развития капитализма старая сословная община придёт в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями, что капиталистическое земледелие проникнет и в общинную деревню и заставит её приспособляться к капиталистическому режиму. Чернышевскому было чуждо представление, что с ростом благосостояния крестьянства вообще всё быстрее должен был бы происходить процесс его разложения на антагонистические классы капиталистического сельского хозяйства. Чернышевский идеализировал русскую общину. В отличие от Маркса и Энгельса, которые считали, что русская община сама по себе не может быть исходным пунктом социалистического производства, Чернышевский полагал, что в самой общине была заложена возможность непосредственного перехода к социализму и что эта возможность превратится в действительность, если крестьянская революция освободит общину от тлетворного влияния крепостничества и самодержавия. Идеализируя русскую общину как демократическую организацию, как товарищеский союз, ведя борьбу за её освобождение от феодальных пут, Чернышевский игнорировал противоречия экономических интересов внутри неё, имущественные различия внутри общины и рассматривал общинное крестьянство как нечто однородное, солидарное внутри себя. Это отнюдь, конечно, не означает, что Чернышевскому было чуждо понимание наличия в общине неравенства, выделения в ней кулаков и формирования батраков. Чернышевский писал, что «и между общинниками встречаются люди, которые бывают беднее иного батрака»¹. Говоря об образовании в малоземельных селениях значительного числа затыглых, которые не владели непосредственно землёй, Чернышевский в то же время считал, что положение затыглых лучше безысходного и безотрадного

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 385.

положения западных пролетариев хотя бы потому, что для каждого затаятого существует возможность при будущем переделе получить во владение особый участок. Чернышевскому хорошо известно, что «между общинниками иные служат наёмниками у других домохозяев, не имея своего хозяйства», что внутри общины возможно «фермерство», однако Чернышевский утешает себя тем, что «это исключения из правила». Все указанные явления, которые свидетельствовали о том, что в общине происходит процесс расслоения, Чернышевский рассматривал как случайные эпизоды, отнюдь не присущие общинному укладу. Отсюда его стремление давать общую характеристику общинного крестьянского хозяйства на основании одних только средних данных. Более того, Чернышевский считал подобного рода методологические приёмы подлинно научными.

Чернышевский не раз утверждал, что исследование общинного землевладения возможно только на основе «средних цифр». Он писал: «Общинники неодинаково возделывают свои участки, и частные собственники тоже, но разве это мешает выводу средней цифры?»¹.

В этом проявляются несовершенство и ошибочность методологических приёмов Чернышевского. Общие и огульные «средние цифры», как в своё время писал Ленин, имеют совершенно фиктивное значение, общие средние данные не могут дать правильного представления об экономике деревни.

У Чернышевского на первом месте стояла форма землевладения отдельных крестьянских общин, где социальные противоположности находились в зачаточном состоянии. Эта форма и заслоняла тенденции развития всего народного хозяйства России, хотя об этих тенденциях у него имелись некоторые представления. Это привело к тому, что Чернышевский разделял иллюзию о возможности обобществления труда, минуя капитализм, что он не понимал неизбежности расслоения внутри общины, несмотря на уравнительность общинных традиций.

При всей ошибочности теоретических воззрений Н. Г. Чернышевского на общину его выступления в защиту общинного землепользования представляли собой, с одной стороны, легальную форму отстаивания крестьянского землевладения, самостоятельности крестьянского хозяйства, с другой стороны, это была своеобразная форма пропаганды его социалистических идеалов.

Чернышевский неоднократно подчёркивал, что его борьба за общину вызвана не только соображениями широких

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 385.

перспектив исторического развития, но что она продиктована практическими запросами текущей жизни.

Чернышевский утверждал, что общинное владение с точки зрения национального благосостояния обладает рядом бесспорных преимуществ. Только община гарантирует каждому поселянину сохранение «звания» поземельного собственника. Чернышевский боролся против разграбления помещиками общинных земель. Защищая неотъемлемое право крестьян на общинные земли, он выдвигает мысль о необходимости подходить к этому вопросу с общегосударственной точки зрения, т. е. с точки зрения интересов крестьянства.

Реальным содержанием аграрной программы Чернышевского было самое полное, самое решительное искоренение крепостничества и устранение самодержавного царского режима, отмена монополий, стеснявших развитие капитализма, самое последовательное расчищение путей для его развития.

Национализация земли представляла собой наилучший и единственный способ ликвидации крепостничества в земледелии, она в то же время представляла собой самый совершенный в условиях капитализма аграрный режим.

Чернышевский боролся за расширение свободного крестьянского землевладения, за самостоятельность крестьянского хозяйства, которое должно было порвать всякие связи с крепостническим надельным землевладением. Это была программа отнюдь не консервирования мелкого крестьянского хозяйства, как об этом мечтали мелкобуржуазные социалисты типа Сисмонди, а его коренного обновления. Предпосылкой этого обновления мелкого земледельческого хозяйства в условиях буржуазного способа производства была ликвидация плебейскими методами расправы деградировавших крепостнических латифундий и создание тем самым условий для обновлённого, наиболее быстрого и свободного развития капитализма.

Чернышевский был далёк от примитивной крестьянской идеи о мелком уравнительном землепользовании. Он выдвинул программу постепенного перехода к крупному машинизированному социалистическому сельскому хозяйству. Однако его представления о путях, ведущих к социализму, носили утопический характер, хотя они и возвышались над уровнем социалистов-утопистов Запада. Он не понимал, что путь для достижения этой цели как в городе, так и в деревне — это классовая борьба пролетариата против буржуазии. Чернышевский по существу выдвинул программу борьбы всего крестьянства против крепостничества, т. е. борьбы за создание предпосылок развития капитализма по американскому пути. Аграрная программа Чернышевского была направлена как против крепостничества, так и против капитализма, против всех и всяческих форм эксплуа-

тации вообще человека человеком, объективно же она преследовала наиболее быстрое, свободное и широкое развитие капитализма. Таковым было действительное историческое содержание аграрной программы Чернышевского в силу объективных законов развития человеческого общества.

Ошибочное в формально-логическом смысле может быть правильным в историческом смысле. Исторически Чернышевский был глубоко прав, ибо он сформулировал самую жгучую проблему своей эпохи — проблему ликвидации крепостничества теми радикальными путями, которые могла дать современная ему эпоха.

Чернышевский не понимал, что аграрная революция, за которую он самоотверженно боролся, по своему общественно-экономическому содержанию будет буржуазно-демократическим переворотом, который усилит развитие капитализма и имманентных ему антагонистических противоречий. Чернышевский не сознавал, что национализация земли, которая принесла бы с собой гибель крепостнических отношений, по своему существу означает перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера, что она откроет собой эру процветания фермерского хозяйства, что крестьянская аграрная революция принесёт с собой подчинение всего землевладения интересам прогрессивного развития и роста прежде всего буржуазного крестьянства. Чернышевскому было чуждо представление о том, что даже переход всей земли в руки крестьян не только не уничтожит капитализма, но, наоборот, создаст условия для его широкого, свободного и могучего развития.

Как писал Ленин, Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму, веря в старую, полупфеодальную крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественные силы для осуществления социализма¹.

В своей программе разрешения аграрного вопроса в России Чернышевский ратовал за осуществление насущных нужд народных масс, он выступал как горячий поборник интересов крестьянства.

Чернышевский в своих аграрных воззрениях развил дальше и поднял на новую ступень идейное наследство декабристов и Герцена.

Если декабристы, ведя борьбу за избавление крестьянства от ига крепостного права, в то же время считали, что освобождение крестьян не должно лишать дворян дохода, получаемого ими от своих имений, если борьба Герцена за переход помещичь-

¹ См. В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, стр. 97.

ей земли в руки крестьян не носила последовательного характера, то Чернышевский выдвинул программу ликвидации помещичьего землевладения в результате крестьянской революции. Это была наиболее радикальная буржуазно-демократическая программа разрешения аграрного вопроса.

Чернышевский ошибочно, с утопической точки зрения представлял себе грядущую революцию как революцию непосредственно социалистическую. Он полагал, будто крестьянство выступает в качестве представителя трудящегося и эксплуатируемого населения. Такие воззрения являются отражением влияния современной ему эпохи — периода падения крепостного права, когда крестьянство действительно выступало как единый класс крепостнического общества, когда солидарность внутри крестьянства вызывалась материальными условиями, ибо крепостное право стесняло и кулака, и дворового, и обедневшего мужика, попавшего в кабалу к купцу. Выдвинув идею социалистического переворота на основе крестьянской общины с её мелким сельским хозяйством, Чернышевский, не понимая, что только капиталистический способ производства подготавливает объективные и субъективные предпосылки для осуществления социализма, по существу боролся за самые передовые формы капиталистического развития России — без помещичьих латифундий, без феодального землевладения. Однако этим не ограничиваются заслуги Чернышевского перед русской экономической наукой. Чернышевский поставил проблему некапиталистического развития отсталых стран, хотя он и не разрешил её. Чернышевский выдвинул ряд глубоких идей о неизбежности победы социализма в сельском хозяйстве. Он был убеждён в грядущей победе социализма в самой отсталой отрасли русского народного хозяйства — в земледелии. Аграрные работы Н. Г. Чернышевского были большим достижением русской и мировой науки той эпохи.

Критика капитализма Н. Г. Чернышевским

Чернышевский соединял в своём лице революционного демократа и социалиста. Как революционер-демократ Чернышевский пропагандировал идеи крестьянской революции, которая должна была объективно привести к победе буржуазной демократии, уничтожению царизма и крепостничества. Как социалист Чернышевский боролся за подлинную, а не формальную свободу, за уничтожение эксплуатации человека человеком. В тесной связи с борьбой Чернышевского с крепостничеством, которое он рассматривал как главнейший источник всех неурядиц русской жизни, находится и его критика капитализма.

Эта критика была вызвана наблюдениями над ростом капиталистических отношений в России и над тенденциями капиталистического развития Западной Европы. Чернышевский, по словам Ленина, дал замечательно глубокоую критику капитализма, несмотря на свой утопический социализм. Критика капитализма составляла основное содержание «экономической теории трудящихся», которую Чернышевский противопоставлял теории капиталистов.

Чернышевский рассматривал капитализм как необходимый продукт исторического развития, становясь тем самым на материалистическую точку зрения. Он отмечал связь системы наёмного труда с определённым уровнем развития производительных сил. Противопоставляя рабскому труду свободный, наёмный, труд, Чернышевский писал: «При грубых процессах производства, какими ограничивалась техника варварских обществ, рабский труд не представлял несообразности с орудиями, к которым прилагался: то и другое было одинаково дурно.

Когда техника несколько развилась, когда явились довольно многосложные и деликатные орудия, грубый труд раба оказался непригодным: машина не терпит подле себя невольничества; она не выдерживает тяжёлых рук его беспечности. Не выдерживают невольничества и все те мастерства, в которых введены сколько-нибудь усовершенствованные инструменты. Для них необходим вольный человек»¹.

Характеризуя специфические черты капитализма, Чернышевский уделяет большое внимание его классовой структуре. Соотношение классовых сил в капиталистическом обществе Чернышевский связывает с факторами производственного процесса. Он отмечал, что из трёх элементов, участвующих в производстве ценностей, недвижимая собственность, и в особенности земля, принадлежит «высшему классу», не участвующему прямым образом в производстве. Он писал, что оборотный капитал вносится в производство средним классом, так называемыми антрепренёрами, мануфактуристами, заводчиками и фермерами; что же касается труда, то он «почти весь совершается простым народом, который в политическом отношении до сих пор служил только орудием для среднего и высшего сословий в их взаимной борьбе, не сохраняя постоянного независимого положения в политической истории. Среднее сословие, естественно, придаёт наибольшее значение тому элементу производства, которым владеет само»².

При всей туманности термина «простой народ», под которым Чернышевский подразумевает трудящихся в широком смысле

¹ Н. Г. Чернышевский, Основания политической экономии, Полное собрание сочинений, т. IX, 1949, стр. 220.

² Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, 1950, стр. 35.

этого слова, в приведённом высказывании ярко подчёркивается тезис о связи общественных классов с определёнными элементами процесса производства, о классах как олицетворении определённых факторов производства. Замечательна также мысль великого русского мыслителя о том, что «простой народ» до сих пор в сфере политики таскал каштаны из огня для буржуазии и земельных собственников.

Земельных собственников Чернышевский называет сословием, господство которого характерно для феодального строя. Далее он пишет, что при владычестве этого сословия богатства приобретаются посредством насилия, причём в своей стране эта цель достигается через систему феодальных учреждений, а в чужих странах — посредством войн. Феодализм несовместим с высоким уровнем хозяйственного развития. Если же, по Чернышевскому, феодалы чужды производству и обмену, то источником богатства среднего сословия, существенную принадлежность которого составляет оборотный капитал, является участие в производстве. Противоположность интересов «высшего» и «среднего» сословий Чернышевский видит в том, что собственник-феодал пользуется рентой. Он получает, но ничего не даёт в обмен. Купец же и хозяин промышленного заведения приобретают богатство при помощи обмена, покупая один предмет и продавая другой. Они берут сырой материал и возвращают обработанный продукт, меняют товары на деньги, кредит на деньги и на товары, дают простолюдину деньги, покупая его труд.

Чернышевский констатирует наличие личных связей между банкирами, купцами, мануфактуристами и «высшим сословием». Слияние между ними дошло до того, что представители «высшего сословия» занялись промышленной деятельностью, а множество лиц «среднего сословия» обратили часть своих денежных капиталов в недвижимую собственность.

В борьбе, которую ведёт «средний класс» с «высшим сословием», перевес принадлежит первому, который с каждым годом во всех странах одерживает над своим соперником экономические победы и наносит ему политические поражения.

По Чернышевскому, «средний класс», несмотря на борьбу, которую он ведёт с «высшим сословием», находится с последним в более приятных отношениях, нежели с «простым народом».

Враждебность интересов «среднего» и «высшего» сословий чрезвычайно ослабляется наличием личных связей между их представителями. Но ещё большую роль в этом отношении играет «одинаковость их положения в деле распределения ценностей при нынешнем порядке»¹.

¹ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 35.

Сходство между «высшим» и «средним» сословиями, отмечает Чернышевский, заключается в том, что и те и другие присваивают количество ценностей, далеко превышающее то количество, которое в экономическом смысле производится трудом одного работника. Поэтому они заинтересованы в уменьшении той доли, которая приходится представителям труда. Чернышевский констатирует факт эксплуатации «простого народа» представителями «высшего» и «среднего» сословий. Он отмечает, что по распределению ценностей общество распадается на два разряда. Экономическое положение первого основывается на том, что у каждого из его членов остаётся количество ценностей, которое производится трудом многих лиц второго разряда. У людей же второго разряда часть ценностей, производимых трудом каждого из его членов, переходит к лицам первого разряда.

Чернышевский разоблачал как раболепие перед буржуазной цивилизацией, иллюзорное представление о том, что Западная Европа представляет собой «земной рай». Он указывал, что в Западной Европе общество разделено на две половины, из которых одна живёт чужим трудом и благоденствует, а вторая — своим собственным трудом и терпит горькую нужду.

Все эти высказывания свидетельствуют о том, что Чернышевский подверг глубокому анализу классовую структуру капиталистического общества. Чернышевскому ясно, что под оболочкой кажущейся враждебности «высшего» и «среднего» сословий покоится солидарность их интересов. Чернышевский вскрывает глубокие корни этой солидарности. При капитализме «высшее сословие» занимается промышленной деятельностью, «среднее сословие» осело на земле. При наличии борьбы между этими сословиями они единым фронтом выступают против трудящихся, безвозмездно присваивая долю их труда.

Мысль Чернышевского, что «простолюдины» являются орудием в политической борьбе «среднего сословия» с «высшим», приближается к аналогичного рода высказываниям, которые имеются в работах Маркса и Энгельса. Так, в статье, написанной в 1847 г. и посвящённой политическому положению Германии, Энгельс указывал, что во всех странах в период между 1815 и 1830 гг. демократические движения рабочих были подчинены либеральному движению буржуазии¹.

Маркс и Энгельс писали, что на этой ступени развития капитализма рабочие представляли собой рассеянную по всей стране и разъединённую конкуренцией массу. Рабочее движение вызывалось буржуазией в её же политических интересах.

¹ См. Ф. Энгельс, Статьи из «Полярной звезды», Положение Германии. Письмо третьё, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 20.

Критикуя капиталистический хозяйственный режим, Чернышевский уделяет много внимания «соперничеству», т. е. конкурентной борьбе.

Высказывания Чернышевского по вопросу о конкуренции при всём преувеличении её роли в хозяйственной жизни капитализма содержат ряд правильных идей. Чернышевский понимал исторически обусловленную прогрессивность режима свободной конкуренции. Отрицательно относясь к капитализму, он в то же время отмечал прогрессивную роль современного ему капитализма по сравнению с феодализмом. Это выгодно отличает Чернышевского от западноевропейских социалистов-утопистов, которые не понимали неизбежности и прогрессивности на определённом этапе капиталистического хозяйственного режима и ограничивались тем, что не скупились на проклятия по его адресу.

Одновременно великий русский мыслитель вёл блестящую полемику с буржуазными экономистами, превращавшими конкуренцию в универсальный принцип регулирования хозяйственной жизни. Он указывал на необходимую связь, которая существует между конкуренцией и частной собственностью.

Чернышевский превосходно понимал, что конкуренция связана с наживой паразитических классов, что возможны иные формы «экономического расчёта», которые будут источником развития производительных сил и интересов всех трудящихся.

Он высказывает глубокие для своего времени мысли о том, что конкуренция служит тормозом для развития производительных сил. Это ярко представлено в его рассуждениях о влиянии конкуренции на развитие усовершенствований в производственном процессе, о «секретности» развития техники в условиях капитализма.

Конечно, анализ конкуренции, данный Чернышевским, далеко не безупречен. Так, Чернышевский неверно считает конкуренцию основной причиной всех неурядиц капитализма, неправильно указывает, что источником всех недостатков механизма конкуренции является её базирование на игре рыночных цен. Недостаточно отражена в его работах прогрессивная роль конкуренции. Существенно, однако, то, что трактовка Чернышевским такого важного фактора капиталистического хозяйственного режима, как конкуренция, является в значительной мере материалистической.

Чернышевский считал, что кризисы представляют собою неизбежное порождение капитализма, при котором в силу «неверного», «загадочного» характера как необходимых масштабов производства, так и действительного уровня потребления сбыт продукта становится делом многосложным, затруднительным, рискованным.

Он пишет, что производство капиталиста подвержено застою, а весь экономический порядок, основанный не на потреблении, а на сбыте, подвержен неизбежным промышленным и торговым кризисам, каждый из которых приводит к потере миллионов и десятков миллионов рабочих дней. Он метко характеризует социальные последствия кризисов как землетрясения в сфере хозяйства, ломающие фирмы, разрушающие фабрики, разоряющие тысячи богачей, оставляющие без куска хлеба миллионы работников.

Чернышевский превосходно понимал преимущества крупного капиталистического производства в сравнении с мелким, преимущества, реализующиеся в ходе конкурентной борьбы. Он писал о концентрации производства, как о закономерности капиталистического способа производства. Более того, у Чернышевского встречаются гениальные высказывания о подчинении закону концентрации производства не только промышленности, но и сельского хозяйства: «...Нет рациональных причин считать сельское хозяйство исключением из общих законов промышленной деятельности. Перевес выгод, даваемых делу усовершенствованными процессами, требующими обширных размеров производства, так велик, что ни в какой отрасли экономического быта мелкое хозяйство не может выдерживать соперничества с большим, как скоро процесс технологии и механики открывает возможность усовершенствованных процессов в этом деле и начинает прилагаться к делу капитал большими массами...»¹.

Чернышевский утверждал, что никакое усердие в труде не спасёт мелкого хозяина от неизбежного разорения, когда ему противостоит крупное производство, применяющее передовую технику.

Он предсказывал, что с точки зрения «выгодности производства в большом размере» причины различия между земледелием и фабричной промышленностью неизбежно должны в ближайшем будущем исчезнуть.

Но, по мнению Чернышевского, не только мелкая собственность несовместима с рациональным земледелием, но и крупная земельная собственность в условиях капиталистического способа производства является оковами для развития производительных сил.

Чернышевский подверг сокрушительной критике догму экономистов старой школы, утверждающую, что так как личная выгода — могучий двигатель технического прогресса в сельском хозяйстве, то частные собственники кровно заинтересованы в производстве улучшений в земледелии, ибо в отличие от общин-

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 458.

ников они пользуются всеми выгодами, пристекающими от развития земледельческой техники.

По мнению Чернышевского, национальное благосостояние и преуспевание сельского хозяйства не обеспечиваются институтом частной собственности и находятся с ним в противоречии.

Переходя к вопросу о тенденциях развития частной собственности на землю, Чернышевский считает, что, как только «нация достигнет значительного развития экономических отношений», необходимым следствием частной поземельной собственности является фермерская система сельского хозяйства. Если, утверждает Чернышевский, фермерство очень хорошо удовлетворяет своему назначению быть источником праздной ренты и аренной применения капиталов, то «с точки зрения сельскохозяйственных успехов это самое неудобное учреждение». Чернышевский относит фермерство к такому роду учреждений, которые возникли из «стремлений, чуждых интересам той области, которая захватывается ими», которые «держатся не сообразностью своею с здравыми понятиями, а ответственностью своею с выгодами так или иначе установившегося общественного порядка»¹.

Вскрывая теоретические корни заблуждения вульгарной политической экономии, утверждавшей, что в условиях частной собственности на землю существует в сравнении с общинным владением большая заинтересованность в производстве земельных улучшений, Чернышевский пишет: «Эта мнимая идиллия основана на том наивном предположении, что при частной поземельной собственности интересы всех трёх факторов земледелия (собственность земли, оборотный капитал с администрацией работы и труд) соединяются в одном лице, и это лицо производит улучшения»². Но в нашем железном веке, продолжает далее Чернышевский, увы, идиллиям мало приюта.

Исходя из предпосылки, что значительно бóльшая часть земли сконцентрирована в крупных участках и что носителями собственности на землю, оборотного капитала и труда являются различные общественные классы, Чернышевский устанавливает следующую закономерность по вопросу о выгодности «прочных улучшений» в условиях капитализма:

1) Собственник, не участвующий ничем в улучшениях, пользуется большею частью выгод от них;

2) Фермер, производящий улучшения своим капиталом, пользуется только меньшею половиною выгод от них;

3) Работники, не имеющие ровно никакого интереса в успехе или неудаче предприятия, производят всё; конечно, они

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 432.

² Там же, стр. 431.

небрежны и своею небрежностью портят всё, что требует заботливой внимательности,— а такова большая часть улучшений»¹.

Таким образом, по мнению Чернышевского, капиталистическая собственность на землю, как мелкая, так и крупная, несовместима ни с благосостоянием трудящихся, ни с развитием производительных сил страны.

Воззрения Чернышевского на закономерности капиталистического способа производства в области земледелия с его волчьим законом борьбы всех против всех, с капиталистической конкуренцией, с господством института частной собственности, с пролетаризацией земледельческого населения представляют исключительный интерес. Правда, наряду с материалистическими тенденциями в трактовке генезиса капитализма в сельском хозяйстве Чернышевский выдвигал и то положение, что фермерская система хозяйства отнюдь не является результатом закономерного хода исторического процесса, а представляет собой продукт злой воли паразитических классов буржуазного общества.

Чернышевский дал убийственную, уничтожающую критику воззрений вульгарных экономистов, которые в целях увековечения капиталистического способа производства трактовали отношения между классами в условиях капиталистического земледельческого производства как отношения «услуг», как гармонические отношения. Этой апологии частной собственности Чернышевский противопоставил свои глубокие воззрения на классовую структуру капиталистического общества.

Высказывания Чернышевского о губительном влиянии частной собственности на земледелие перекликаются с высказываниями К. Маркса в «Капитале». К. Маркс писал: «При обеих формах (т. е. мелкой и крупной земельной собственности.— А. Р.) на место сознательного рационального возделывания земли, как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства для ряда сменяющихся человеческих поколений, выступает эксплуатация и расточение сил земли... При мелкой собственности это происходит от недостатка средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда. При крупной собственности — вследствие эксплуатации этих средств для возможно быстреего обогащения арендаторов и собственников»². И далее Маркс продолжает: «Вся критика мелкой земельной собственности в последнем счете сводится к критике частной собственности как границы и помехи для земледелия. К этому же сводится и вся

¹ Н. Г. Чернышевский, О поземельной собственности, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 431.

² К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 825.

противоположная критика крупной земельной собственности»¹.

В работах Чернышевского не найдено достаточного отражения революционизирующая роль крупной промышленности, в особенности её социальные последствия — накопление в лице пролетариата исторической силы движения общества вперед. Однако у Чернышевского встречаются замечательные высказывания о росте в результате конкуренции богатства на одном полюсе и нищеты — на другом. Он писал о «тенденции технической стороны экономического прогресса понижать благосостояние рабочего класса при нынешнем устройстве быта»². Он утверждал, что в условиях капитализма при росте массы богатства страны отнюдь не увеличивается та часть его, которая приходится на долю «простолюдинов». Более того, уменьшается даже и «безотносительная» величина фонда рабочей платы, которая в результате конкуренции между рабочими имеет тенденцию ко всё большему понижению. Чернышевский сделал такой замечательный вывод: «По роковому закону безграничного соперничества, богатство первых должно всё возрастать, сосредоточиваясь всё в меньшем и меньшем числе рук, а положение бедняков должно становиться всё тяжелее и тяжелее»³.

Таким образом, Чернышевский тонко подметил тенденцию к усилению поляризации богатства и нищеты, к относительному и абсолютному обнищанию трудящихся. Однако ему было чуждо понимание исторической миссии рабочего класса, понимание того, что частная собственность и рабочий класс представляют собой противоположности.

В тесной связи с анализом отрицательных сторон конкуренции находится и взгляд Чернышевского на капитализм как на убыточный способ производства. Капитализм, по его мнению, характеризуется специфическими особенностями в распределении труда между различными отраслями промышленности: «При системе производства, основанной на обмене, или при производстве на продажу распределение производительных сил между разными занятиями определяется распределением покупательной силы в обществе»⁴.

По мнению Чернышевского, капиталистический способ производства характеризуется непропорциональным распределением труда, в результате которого не удовлетворяются насущ-

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 826.

² Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 627.

³ Н. Г. Чернышевский, Славянофилы и вопрос об общине, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 740.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 552.

ные потребности членов общества, в то время как часть общественного труда используется непроизводительно — на производство предметов роскоши.

Свои воззрения на капитализм как на убыточный способ производства великий русский учёный базирует на разделении потребностей на низшие и высшие — на потребности материального благосостояния, потребности умственной деятельности и эстетического наслаждения. Он устанавливает следующее соотношение между предметами необходимости, комфорта и роскоши: «...Пока нет достаточного количества предметов необходимости, не должны иметь никакой ценности предметы комфорта; когда нет достаточного количества предметов комфорта, не должны иметь никакой ценности предметы роскоши»¹.

Трактовка капитализма как убыточного способа производства — это основа сурового обвинительного приговора, который Чернышевский выносит этому строю эксплуатации и угнетения трудящихся масс. Органической частью такой характеристики капитализма как неэкономного, убыточного способа производства является классификация потребностей. В основе последней лежит по существу тезис о том, что удовлетворение потребностей в условиях капитализма базируется на классовом антагонизме, что потребление продуктов определяется теми социальными условиями, в какие поставлены потребители.

Чернышевский, конечно, прав, что капитализму присуще такое распределение труда, которое связано с производством предметов роскоши, употребляемых эксплуататорскими классами. Этим утверждением он подчёркивает, что потребление продуктов определяется социальным положением потребителей. Однако Чернышевский заблуждался, когда считал, что отвлечение в условиях капитализма части общественного труда на производство предметов роскоши влечёт за собой непропорциональное распределение труда. Капитализму присущи специфические пропорциональные соотношения, которые включают в качестве составной части общественного производства также и производство предметов роскоши.

Чернышевский осуждает роскошь отвлечённо, с точки зрения разума, противопоставляя капитализму общественный строй, который покончит с таким положением, когда потребности одних людей удовлетворяются за счёт неудовлетворения потребностей других. Маркс же показывает, что производство роскоши — этой официальной экономической формы наслаждений буржуазии — имманентно капитализму, что производство предметов роскоши следует рассматривать под углом зрения процесса воспроизводства.

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 550.

Следовательно, в трактовке капитализма как убыточного способа производства у Чернышевского тенденции, созвучные марксизму, переплетаются с высказываниями в духе утопического социализма. Но через все его построения проходит красной нитью резкое порицание капитализма, как режима эксплуатации и паразитического существования господствующих в нём классов.

Составной частью критики капитализма у Чернышевского является анализ наёмного труда и трактовка труда как товара. По Чернышевскому, основные черты рабства, все невыгодные стороны невольничества воспроизводятся при капитализме, где собственность и труд не соединены в одном лице.

Продаже труда, по словам Чернышевского, присущи существенные черты сходства с наиболее смягчёнными формами невольничества, где рабский труд освобождён от своих грубых «неудобств» для самого господина, но с сохранением основной черты невольничества — власти отдельного человека над «экономическими силами» другого человека.

Покупка труда отличается, по Чернышевскому, от покупки человека двумя обстоятельствами: 1) продолжительностью времени, на которое совершается продажа, и 2) степенью власти, которую приобретает покупатель над своей покупкой. Это суть различия количественного, отнюдь не качественного характера, различия только по степени, а не по основному своему характеру. Что касается вознаграждения за труд, здесь вся разница между невольником и наёмным работником заключается в том, что первый получает вознаграждение натурой, второй же — деньгами. Количество вознаграждения в обоих случаях совершенно одинаковое: наёмный рабочий, подобно невольнику, получает за свой труд не больше и не меньше того, сколько нужно для поддержания его существования.

Если труд свободного наёмного работника производительнее труда невольника, то это зависит от того, что свободный рабочий выше невольника по нравственному и умственному развитию; поэтому он и работает умнее и добросовестнее.

Во всех данных рассуждениях ценной является прежде всего постановка вопроса о капитализме как о системе наёмного рабства. Чернышевский далёк от иллюзий в отношении формальной, юридической свободы рабочего, он превосходно понимает, что как при рабстве, так и при капитализме происходит безвозмездное присвоение чужого труда, что при обоих способах производства оплата труда в натуральной или денежной форме по существу тяготеет к минимальному уровню. Он не даёт подлинно материалистического объяснения различий между трудом свободного рабочего и раба (в особенности следует подчеркнуть непонимание им исторической роли пролетариата), но правильно

подчёркивает ряд черт сходства и различия между рабом и наёмным рабочим.

У Маркса мы неоднократно встречаем характеристику капитализма как системы наёмного рабства. Он называет рабство пролетария «косвенным рабством» в противоположность «рабству прямому», рабству чернокожих в Африке, Бразилии, в южных областях Северной Америки. Маркс считает капитализм царством замаскированного рабства.

Таким образом, высказывания Чернышевского о капитализме как о системе наёмного рабства глубоки и содержательны. Однако у Чернышевского нет подлинно научной трактовки различий между наёмным рабочим и рабом.

Продолжая традиции предшествующей ему прогрессивной ветви русской общественной мысли¹, Чернышевский в вопросе о наёмном рабстве при капитализме, как и в ряде других проблем экономической теории, шёл к научному социализму.

Интересны воззрения Чернышевского на труд, как на товар. Под товаром он понимал продукт деятельности человека или предмет природы, обращённый в частную собственность и существующий отдельно от человека. Что касается труда, то он, по мнению Чернышевского, как часть человеческого бытия, не может существовать отдельно от человека. Поэтому, по Чернышевскому, покупка и продажа труда представляют собой не что иное, как покупку и продажу человека.

Высказывания Чернышевского о труде как товаре находятся в тесной связи с его взглядом на капитализм, как на убыточный способ производства. Чернышевский осуждает такое положение вещей, когда человек вынужден выносить на рынок свой мозг, мускулы и нервы; он считает, что труд как товар убыточен для трудящихся, что этот своеобразный товар несовместим с достоинством человеческой личности.

Тем самым Чернышевский сбивается на утопическую точку зрения, кладя в основу своего анализа не сущее, а должное. Однако при всём наличии утопических тенденций во взглядах Чернышевского на труд, как на товар, он выступает в роли борца за человеческое достоинство, которое капитализм жестоко попирает; его анализ проникнут любовью к трудящимся, подлинной гуманностью.

Отметим также выдвигаемое Чернышевским весьма содержательное обоснование тезиса, что труд не имеет стоимости. По Чернышевскому, если труд — общее мерило ценностей, то он не должен иметь меновой ценности. Чернышевский пишет:

¹ О пролетарии как наёмном рабе капитала ещё до Чернышевского высказывался великий русский революционный демократ В. Г. Белинский. О неравенстве между капиталистом и рабочим писал также и А. И. Герцен.

«...Если ценность должна иметь свою норму (как имеет свою норму всё в человеческой жизни), то сама эта норма не может быть ценностью. Господствующая теория только потому и не могла понять норму ценности, что причислила труд к ценностям»¹.

По Чернышевскому, точка зрения на труд, как на деятельность, которая служит мерилom ценностей, и взгляд на то, что труд не должен иметь меновой ценности, находятся друг с другом в логической связи.

Воззрения Чернышевского на стоимость труда представляют большой интерес. В данном вопросе мы имеем наглядную иллюстрацию преодоления Чернышевским представлений классической школы политической экономии и его продвижения к марксизму. Чернышевский в отличие от представителей классической политической экономии, которые заработную плату рассматривали как цену или стоимость труда, понимает, что труд стоимости не имеет. Однако он в своём анализе остановился на полпути и не перешёл от стоимости, или цены труда, к стоимости, или цене рабочей силы.

Чернышевский, как мы видим, дал теоретико-экономическое обоснование наличия всеобщей продажности при капитализме, тем самым обогатив и далее развив трактовку этого вопроса Белинским и Герценом, которые заклеили пошлость и бессердечие капиталистической эксплуатации. В своей критике капитализма как царства всеобщей продажности он приближается к характеристике, данной Марксом, который 'показал, что лучезарное сияние перестало окружать отношения старого общества, ибо они превратились в простые денежные отношения. Чернышевский правильно констатирует факт превращения в товар в капиталистическом обществе высших проявлений человеческого духа. Но у него нет, однако, оценки этого факта как прогрессивного явления, он не показывает положительной роли того обстоятельства, что труд умственный, художественный и т. д. лишился своего прежнего ореола и превратился в предмет торговли.

Чернышевский в этом вопросе, как и вообще во всём своём экономическом учении, ввиду специфических условий своей творческой деятельности не сумел, или, вернее, не смог, прийти к тем выводам, к которым пришёл Маркс. Но в своей глубокой критике капитализма Чернышевский по ряду вопросов шёл к научному социализму.

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 596.

Критика буржуазной политической экономии в трудах Н. Г. Чернышевского

Составной частью экономических воззрений Чернышевского является исключительная по своей теоретической глубине критика, которой он подверг современную ему вульгарную политическую экономию на Западе и в России. Чернышевский даёт поражающую своей близостью к оценкам Маркса оценку основных школ буржуазной политической экономии в их историческом развитии.

Подвергая критике самодержавно-крепостнический режим России и буржуазный способ производства на Западе, Чернышевский выступил как замечательный мастер полемики против идеологов феодализма в России и вульгарных апологетов капитализма на Западе и в России. Чернышевский клеймил презрением низкопоклонство русских экономистов Горлова, Тенборгского, Вернадского и других перед Западом, их стремление перенести на русскую почву западноевропейскую вульгарную политическую экономию и применить её к разрешению насущных проблем русской жизни. Разоблачая пресмыкательство современных ему русских экономистов из крепостнического и либерально-буржуазного лагеря перед экономической наукой Запада, Чернышевский набросал необычайно яркую, глубоко научную, политически заострённую картину развития буржуазной политической экономии, непревзойдённую для своего времени никем, кроме Маркса и Энгельса.

Для Чернышевского история экономических учений не является случайным нагромождением теорий, идей, понятий, она для него не представляет также причудливой галереи человеческих заблуждений. Для него ясна историческая преемственность различных школ политической экономии, их обусловленность соответствующими историческими условиями, определённой социально-политической средой.

Меркантилизм Чернышевский рассматривал как экономическую теорию, адекватную феодализму; состояние экономической науки, когда подвизались меркантилисты, было, по его мнению, обусловлено уровнем экономического развития.

Если Чернышевский ошибочно и связывал меркантилизм с феодализмом, в то время как в действительности формирование меркантилистической теории относится к периоду возникновения капиталистического способа производства, всё же он понимал, что эта первая школа буржуазной политической экономии отражала подлинную потребность народного хозяйства в благородных металлах.

Чернышевский писал: «В те времена, при слабом развитии кредита, звонкая монета, конечно, должна была иметь всю

ту важность, какая ныне принадлежит биржам, банкирам и вексельным оборотам. Натурально было, что накоплением драгоценных металлов дорожили тогда точно так же, как ныне дорожат упрочением и возвышением кредита»¹.

Большой интерес представляют те высказывания Чернышевского о физиократизме, в которых он подчёркивает его социальные корни. Чернышевский писал о физиократах, что они заслуживают одобрения за «верное понимание недостатков и потребностей своего времени»².

Чернышевский проводит параллель между физиократами и школой Сэя; он указывает, что, подобно последней, «физиократы предоставляли всё отдельному лицу, думая, что общее благо не требует никаких особенных гарантий в экономической сфере»³.

Однако смысл этого требования у сторонников Сэя иной, нежели был во времена Кенэ и Тюрго. И далее Чернышевский выдвигает замечательный тезис, который звучит материалистически: «Одно и то же слово может быть представителем прогресса или отсталости, смотря по различию времён»⁴.

Подчёркивая историческую ограниченность идей индивидуализма, Чернышевский в то же время указывает на их прогрессивную роль в ту эпоху, когда подвизались физиократы.

«...Одни и те же слова: «безусловная независимость индивидуума» имеют совершенно различный характер у физиократов и у школы Сэя. Физиократам не мешали они вести общество вперёд; нынешние поклонники формулы *laissez faire, laissez passer* — люди старины, неудовлетворяющие требованиям своего времени. То было время, когда человек рвался из средневековых уз, как птица из клетки»⁵.

Чернышевский считал, что физиократизм представляет собой идеологию буржуазии, триумфально шествовавшей ещё в недрах феодализма к своему господству.

По мнению Чернышевского, физиократы, которые подвизались под знаменем индивидуализма, были носителями прогрессивного этапа в истории экономических учений. Этот знаменательный период в развитии экономической науки соответствовал той исторической эпохе, когда в недрах феодализма вызревали капиталистические отношения.

¹ Н. Г. Чернышевский, *Капитал и труд*, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 32.

² Н. Г. Чернышевский, *Тюрго*, Избранные сочинения, т. II, второй полутом, Соцэкгиз, 1935, стр. 289.

³ Там же, стр. 310.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 312.

Высказывания Чернышевского о физиократическом учении свидетельствуют о глубоком понимании им особенностей этого этапа в истории экономических учений.

Большое внимание уделяет Чернышевский в своих работах классической школе буржуазной политической экономии.

Чернышевский видит заслугу А. Смита в том, что он разлагает сложные экономические феномены на простейшие элементы, лежащие в их основании, составляющие их сущность.

Ставя в заслугу А. Смиту то, что он за поверхностностью явлений ищет их скрытую сущность, Чернышевский в то же время констатирует наличие у представителей классической школы смешения анализа скрытых процессов народнохозяйственной жизни с рассмотрением внешней формы их проявления.

Чернышевский констатирует дуализм в методологии А. Смита, наличие у неё научной стороны — попытки за процессами, разыгрывающимися на поверхности явлений, найти их скрытую сущность, и вульгарной стороны, — ограничивающейся описанием непосредственно данных фактов экономической действительности. Чернышевский писал: «Школа Смита не замечает этой двойственности, в соответствии с которою через всю теорию школы проходит раздвоение понятий и беспрестанное спутывание одной системы воззрений, чисто научной, идущей к корню вещей, с другою системою, принадлежащею разговорному языку и поверхностному образу мыслей людей, не привыкших к отвлечённому мышлению. Мы постепенно увидим, как проявляется эта раздвоенность воззрения, эта спутанность несовместных между собою понятий, по каждому частному вопросу в смитовской системе, какую односторонность, шаткость и непоследовательность производит она во всей смитовской теории...»¹

Высказывания Чернышевского о дуализме методологии Адама Смита поразительно близко, можно сказать, текстуально близко подходят к оценке метода автора «Богатства народов», сделанной Марксом².

Чернышевскому не удалось при его гипотетическом методе вскрыть ошибки представителей классической школы в трактовке ряда проблем политической экономии. Так, например, Чернышевский объявлял себя сторонником теории ренты Рикардо. Правда, теория дифференциальной ренты Рикардо для своего времени была прогрессивным учением, она была направлена против земельной аристократии, которая представляла собой самую реакционную часть английского общества. Чернышевский, однако, не подметил, что если она и рисует пессимистическую картину судеб капиталистического развития, то

¹ Н. Г. Чернышевский, Основания политической экономии, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 30.

² См. К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 1, 1936, стр. 8.

всё же исходит из понимания капитализма как вечного, естественного способа производства.

Но знаменательно, что Чернышевский констатирует отсутствие у Рикардо теории абсолютной ренты. Чернышевский писал: «...Теория Рикардо совершенно основательна, но не совершенно полна; она объясняет только причину различия в ренте различных земель, не принимая, что и самая плохая из обрабатываемых земель приносит ренту, и не объясняя этого; он выводит ренту ниже действительной величины её, потому что берёт ренту только при достаточности, а не при недостаточности производства»¹.

Чернышевский не даёт объяснения причин отсутствия у Рикардо теории абсолютной ренты. У самого Чернышевского также отсутствует анализ категории абсолютной ренты. Но он обнаружил большую научную проницательность, подметив указанную погрешность в теории ренты Рикардо.

Чернышевскому были ясны социальные корни классической школы политической экономии. «Дух её (т. е. классической школы.— А. Р.) совершенно соответствует,— писал Чернышевский,— положению среднего сословия в обществе и роду его занятий»².

По Чернышевскому, классическая школа политической экономии исходила из той предпосылки, что «распределение продукта по трём разным классам составляет совершеннейшую форму экономического устройства»³, что эта форма распределения единственно «нормальная», соответствующая подлинным требованиям науки. Таким образом, Чернышевский понимал, что классическая школа политической экономии увековечивала капитализм, превращала его в «естественный» способ производства. Чернышевский считал, что ограниченность буржуазного кругозора Адама Смита определялась не случайными обстоятельствами, а находилась в зависимости от исторических условий, в которых протекало его творчество.

По Чернышевскому, Адам Смит был учеником французских энциклопедистов, причём последние не замечали, что у народа имеются свои интересы, отличные от интересов буржуазии, что потребности народа не во всём сходны с интересами среднего сословия, возглавлявшего общую борьбу против феодалов. «То были времена, когда требования среднего сословия выводились из демократических принципов и оживлялись мыслями, гово-

¹ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на книгу «О земле, как элементе богатства» А. Львова, Полное собрание сочинений, т. II, 1949, стр. 397.

² Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 33.

³ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 460.

рившими о человеке вообще, а не о торговце, фабриканте или банкире»¹. Следовательно, по мнению Чернышевского, классовая ограниченность учений Смита и Рикардо не случайна, она коренится в социально-экономических условиях эпохи, в которую они подвизались. Чернышевский считал, что на базе науки, созданной «средним сословием», должна быть воздвигнута теория трудящихся, которая должна переработать учение классической школы политической экономии в соответствии с требованиями времени.

Большое внимание Чернышевский уделил экономическим воззрениям Мальтуса. Подвергая критике мальтусовскую «теорию» народонаселения, Чернышевский показал её связь с законом убывающего плодородия почвы.

По мнению Чернышевского, даже самые высокие формы современной ему плодопеременной системы далеко не составляют границы, до которой можно увеличить производительность сельского хозяйства, даже при соответствующем состоянии естественных наук, технологии и механики².

Чернышевский рассматривал как пустую фразу идею о несоответствии населения со средствами существования.

Он считал глубоко ошибочным то положение, что Мальтус обосновывал свою теорию роста населения по геометрической прогрессии ссылкой на удвоение населения в Северной Америке за 25 лет. Чернышевский указывал, что Мальтус игнорировал такой важный фактор, как эмиграцию из Европы. Тем самым Мальтус в одной из своих прогрессий оставил без внимания то обстоятельство, которое самым очевидным образом напрашивалось на «участие в его соображениях». По мнению Чернышевского, обе прогрессии, выдвинутые Мальтусом, как в отношении средств существования, так и размножения населения, не находятся между собой в причинной зависимости, более того, они базируются на искажении фактов действительности.

Критикуя Мальтуса и его последователей, Чернышевский пришёл к прямо противоположным выводам. Мальтус писал, что «нищета и страдания происходят от естественного закона, непобедимого никакими человеческими учреждениями»³. «... Нищета, — утверждал Чернышевский, — происходит не от закона природы, а просто от человеческих отношений...»⁴. Чернышевский связывал улучшение жизни трудящихся масс с исчезно-

¹ Н. Г. Чернышевский, *Капитал и труд*, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 38.

² См. Н. Г. Чернышевский, *Основания политической экономии*, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 271.

³ Цит. по книге Н. Г. Чернышевского *«Основания политической экономии»*, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 254.

⁴ Там же, стр. 315.

вением классовых противоречий между наёмными рабочими и их нанимателями.

Чернышевский объяснял генезис теории Мальтуса на английской почве воздействием идей, провозглашённых великой французской революцией, и тем, что в Англии начали играть большую роль писатели из демократического лагеря и самый талантливый из них — Годвин.

Вскрывая классовые корни учения Мальтуса о народонаселении, Чернышевский писал, что Мальтус своими исследованиями ставил перед собой определённые задачи — противопоставить радикальным, прогрессивным воззрениям на судьбы капитализма реакционную защиту этого строя рабства, нищеты и угнетения.

«Дух книги Мальтуса таков: надобно заботиться об улучшении существующих учреждений, а не разрушать их, не стремиться к основанию общественного устройства на иных принципах, потому что никакие иные принципы не могут дать обществу большего благосостояния, чем какое даётся нынешним коренным его принципом, частной собственностью»¹.

Трактовка Чернышевским социальных корней «теории» народонаселения Мальтуса и её идейных истоков перекликается с высказываниями Маркса, указывавшего, что успех, который выпал на долю памфлета Мальтуса, объясняется исключительно партийными интересами.

Чернышевский не мог предвосхитить марксовой идеи об относительно избыточном населении как о необходимости для крупной промышленности и не мог объяснить «перенаселения» исключительно историческими законами капиталистического производства. Однако в своём объяснении нищеты при капитализме, в своей критике так называемого закона убывающего плодородия почвы, в своём анализе генезиса идей Мальтуса и их социальных корней Чернышевский приближался к подлинно научной трактовке этих вопросов.

Большое внимание уделял Чернышевский Д. С. Миллю, дав перевод его книги «Principles of Political Economy with some of their Application to Social Philosophy» и сопроводив его своими комментариями. По мнению Чернышевского, Д. С. Милль безмерно выше представителей вульгарной политической экономии. «Милль пишет, как мыслитель, ищущий только истины...»²

Указав на превосходство Д. С. Милля над представителями вульгарной политической экономии, Чернышевский в то же время весьма далёк от того, чтобы считать его экономические воз-

¹ Н. Г. Чернышевский, Основания политической экономии, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 252.

² Там же, стр. 7.

зрения подлинно научными. Чернышевский полагал, что Д. С. Милль не был в состоянии создать новую оригинальную теорию, которая соответствовала бы духу времени, ибо, будучи мыслителем честным и человеком, сочувствующим добру, он всё же не в состоянии «сойти с точки зрения, на какую он поставлен своими учителями, Мальтусом и в особенности Рикардо... Он умеет только ценить всё хорошее, что успевает заметить с этой точки зрения»¹.

Отсюда и эклектизм Милля, его половинчатость и научная неполноценность, ибо Милль «усиливается вложить новые стремления в рамку прежней доктрины, и потому стоит одиноко между людьми, решительно отсталыми, и людьми, решительно идущими вперёд»².

Таким образом, Чернышевский объясняет эклектизм Милля тем, что он находится в плену старых догм политической экономии, которые он старается несколько модернизировать путём исправления и дополнения отдельных частностей.

Чернышевский резко критиковал Д. С. Милля за то, что, несмотря на сочувствие к трудящимся, его высказывания о судьбах капитализма и об общественном строе, который придёт ему на смену, носят весьма неопределённый характер, с явным перевесом в сторону иллюзорных представлений о возможности улучшить эксплуататорский механизм капитализма путём социального реформаторства.

В противоположность реформистским иллюзиям Милля Чернышевский был принципиальным сторонником социализма.

Чернышевский отмечал превосходство учения Милля над вульгарной экономией и вместе с тем власть над этим учением устаревших экономических теорий. Эта оценка приближается к той общей характеристике, которую дал эклектизму Д. С. Милля К. Маркс³.

И когда Маркс писал, что Чернышевский вскрыл банкротство буржуазной политической экономии, то он имел в виду прежде всего комментарий Чернышевского к Миллю.

В ряде своих работ Чернышевский дал убийственную характеристику вульгарной политической экономии. С большим мастерством и глубоким знанием дела вскрывает он её скрытый апологетизм.

Чернышевский рассматривал вульгарных экономистов как апологетов капиталистического хозяйственного режима, где господствует культ золотого тельца.

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 460.

² Н. Г. Чернышевский, Библиография («Современник» № 1, 1861 г.), Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 910—911.

³ См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 616.

Чернышевский проводил резкую грань между классической школой в лице Смита и Рикардо и вульгарной политической экономией.

Вульгарные экономисты в своём изложении смитовской теории, утверждал Чернышевский, выветривали её научный характер, превращали её в схоластическую игру понятий.

Чернышевский неоднократно отмечал, что вульгарная политическая экономия ничего не сделала для развития науки. Он констатирует тот факт, что вульгарная политическая экономия суха, скучна и мертва, что она стояла в стороне от тех животрепещущих, злободневных вопросов, которые были в центре общественной мысли той или другой страны.

Чернышевский бичует вульгарных экономистов за их уверения о наличии гармонии между трудом и капиталом, за их фальшивые демагогические утверждения о том, что капиталисты пекутся о жизненных интересах трудящихся.

Чернышевский даёт яркую характеристику социальных корней вульгарной политической экономии. Он пишет: «Лисбопытно узнать, в пользу каких же классов действовали Сэ, Мак-Коллох, Росси, Мишель Шевалье, Фредерик Бастиа и Жозеф Гарнье? Мы полагали, что они усерднее всего проповедывали в пользу банкиров и негоциантов, а в особенности негоциантов, ведущих заграничную торговлю»¹.

Чернышевский не щадит красок в своём разоблачении грубого апологетизма, мертвенности, застойности и схоластичности вульгарных экономистов. Он срывает маски научного беспристрастия, строгого объективизма, которые они напялили на себя, и показывает их подлинное лицо — жалких эпигонов классической школы политической экономии.

Бичующая характеристика вульгарной политической экономии, какую мы встречаем у Чернышевского, созвучна с той оценкой, какую дал ей Маркс.

Маркс писал о вульгарных экономистах как о наёмных писаках, прославившихся предвзятой, угодливой апологетикой. Маркс отмечал, что вульгарная политическая экономия ограничивается тем, что она педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления агентов капиталистического производства о буржуазном обществе как о лучшем из всех миров и возводит эти представления в ранг вечной истины.

Чернышевский, опираясь на предшествующее ему развитие русской экономической мысли, подверг глубокой критике вульгарную политическую экономию, критике, близко подходившей к марксовской оценке.

¹ Н. Г. Чернышевский, Библиография («Современник» № 9, 1860 г.), Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 468.

Ряд высказываний имеется у Чернышевского и об исторической школе политической экономии. Чернышевский рассматривал это течение в экономической науке как разновидность вульгарной политической экономии, буржуазной апологетики, направленной против социалистов-утопистов, против людей, которые были, по словам Чернышевского, мыслителями последовательными, «представителями не того сословия, которому как раз пригодны нынешние экономические формы, а представителями массы...»¹.

Историческая школа в поисках формы, наиболее пригодной для сознательной апологии, избрала исторический метод как наиболее удобное орудие замаскированного преклонения перед существующим экономическим строем общества и защиты его эксплуататорского механизма.

Чернышевский тонко и правильно вскрывает беспочвенность исторической школы политической экономии, отсутствие в ней подлинного историзма. Историческая школа, в понимании Чернышевского, по существу увековечивает современные экономические формы, ссылаясь на их якобы неизменность или на усовершенствование, т. е. на количественное изменение хозяйственных явлений, исключая революционные изменения на протяжении всего хода мировой истории. Чернышевский превосходно подметил своеобразие апологетики этой школы, которая оправдывала частную собственность и социальное угнетение трудящихся масс, исходя из предпосылки, что всё это освящено ходом истории и вековыми традициями.

Вульгарной политической экономии Чернышевский противопоставляет воззрения утопического социализма. По Чернышевскому, «теории национального благосостояния», которые были выдвинуты французскими социалистами-утопистами, возникли в противовес «бездушному и убийственному учению» вульгарных экономистов.

Чернышевский указывал на несоизмеримое превосходство социалистов-утопистов над вульгарными экономистами.

Он отмечал, что под фантастической формой, в которую облечены утопические системы французских мыслителей, скрывались «здравые и высокие основные идеи», скрывались «истины и глубокие и благодетельные».

По мнению Чернышевского, социалисты-утописты проникали в «законы человеческой жизни глубже Адама Смита и его учеников...»².

¹ Н. Г. Чернышевский, Библиография («Современник» № 4, 1861 г.), Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 980.

² Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 630.

В работах Чернышевского имеется ряд высказываний об отдельных представителях утопического социализма. Так, например, сен-симонизм он рассматривал как систему, витающую в сфере туманных мечтаний и неосуществимую из-за её фантастичности. У сен-симонистов, считал Чернышевский, экономическая задача, которую перед собой ставил социализм, «расплывалась в неопределённой экзальтированной жажде пересоздать вообще всю жизнь человека»¹.

По Чернышевскому, идеи сен-симонизма имеют лишь историческое значение — они давным-давно канули в вечность.

Чернышевский в то же время отдаёт должное сен-симонизму как одному из тех ранних социальных учений, которые поставили вопрос о реформировании общества. В следующих замечательных словах Чернышевский даёт оценку исторического значения сен-симонизма: «...Серьёзный человек не станет обращать большого внимания на ошибочные гипотезы, посредством которых Сен-Симон развивал свою основную идею, не станет много заниматься разоблачением фантастичности тех средств, какими он думал осуществить её: все эти слабые стороны очевидны каждому, не доведённому экзальтацией до моноμανии. Нет, серьёзный человек скорее посоветует обратить внимание на основную идею, которая лежит под всеми этими заблуждениями, выкупает все ошибки и странности теории Сен-Симона. Эта идея проста и чиста: «для успокоения общества необходимо наискорейшее возможное улучшение материальной и нравственной жизни многочисленного и беднейшего класса»»².

Не лишено интереса, что Энгельс в «Анти-Дюринге» теми же словами Сен-Симона, которые привёл Чернышевский, подчёркивает основную идею учения Сен-Симона. Энгельс писал: «Но что Сен-Симон особенно подчеркивает,— это следующее: всюду и всегда его в первую очередь интересует судьба «самого многочисленного и самого бедного класса» (*la classe la plus nombreuse et la plus pauvre*)»³.

Маркс в «Капитале» писал: «Не следует вообще забывать, что лишь в последней своей работе «*Nouveau Christianisme*» Сен-Симон прямо выступил от лица рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений»⁴.

Интересны высказывания Чернышевского о Фурье. Чернышевский ставит в заслугу Фурье то, что он выступил как критик капитализма, в частности его заслугой Чернышевский считает

¹ Н. Г. Чернышевский, Подстрочные примечания к переводу Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 829.

² Н. Г. Чернышевский, Июльская монархия, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 164.

³ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1953, стр. 243.

⁴ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 618—619.

блистательную критику им вреда торговли в современном ему виде. Чернышевский видит в фурьеризме в отличие от других систем утопического социализма то преимущество, что его больше всего интересуют экономические проблемы. «Фурьеризм, — пишет Чернышевский, — ... занимается всего более экономической стороною жизни. Но она в нём рассматривается нераздельно от всех других научных, нравственных и общественных вопросов... Надобно даже сказать, что экономическая часть системы, хотя и составляет самый обширный предмет исследования, исследуется у фурьеристов на основании психологической их теории, которая и служит корнем всего учения»¹. И далее Чернышевский указывает, что социалистическая мысль в своём дальнейшем развитии должна была приобрести «вид более частный или специальный, чем какой имеется в фурьеризме». Таким образом, Чернышевский отмечает у Фурье в отличие от других социалистов-утопистов интерес к экономическим проблемам. За мистической формой концепции Фурье Чернышевский видит реалистические мотивы. Он отдаёт дань Фурье как критику капитализма.

Если Чернышевский давал в основном положительную оценку воззрений Оуэна, Сен-Симона и Фурье, то к мелкобуржуазному социализму Прудона он относился отрицательно. Чернышевский связывал неопределённость, туманность теоретических построений Прудона с тем обстоятельством, что он находился под влиянием системы Гегеля, что он «узнал немецкую философию под формую системы Гегеля и остановился на этой форме, как на окончательном выводе, между тем как в Германии наука развивалась дальше».

Чернышевский пишет, что система Прудона представляла собой сплав гегелевской философии с ненаучными построениями французских философов. Чернышевский считал, что философские воззрения Прудона не могут удовлетворить «простолюдинов».

Таким образом, Чернышевский понимал как поверхностность и примитивность той критики капитализма, которую давали социалисты-утописты, так и фантастичность их собственных социальных идеалов. Чернышевский видел всю химеричность, беспочвенность тех фантастических утопий земного рая, которые витали перед умственным взором западноевропейских социалистов-утопистов. Чернышевский видел, что эти социальные романтики не понимают подлинных нужд и чаяний «простолюдинов», ему ясна была оторванность западноевропейских социалистических теорий от подлинно массового движения. В то же время под покровом их фантастических схем Чернышев-

¹ Н. Г. Чернышевский, Подстрочные примечания к переводу Милля, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 829.

ский разглядел «рациональные зёрна» глубокой критики капитализма. Если Чернышевский и был представителем утопического социализма, то его воззрения далеко не укладываются в рамки тех различных оттенков утопических систем, критику которых дали Маркс и Энгельс.

В то время как социалисты-утописты Запада верили в мирные пути преобразования капитализма, в возможность убедить правящие классы отказаться от своих привилегий, Чернышевский, чьи воззрения складывались в условиях нарастания крестьянской революции в России и обострения противоречий между трудом и капиталом на Западе, считал, что социальный строй может быть преобразован в результате революционной борьбы тех классов, которые в этом заинтересованы, что творчество новых общественных форм — дело рук самих трудящихся, ибо интересы эксплуататоров и эксплуатируемых непримиримы, враждебны, антагонистичны.

Н. Г. Чернышевский о социалистическом производстве

В своих многочисленных высказываниях о социализме Чернышевский намечает контуры нового строя, который придёт на смену капитализму — системе наёмного рабства.

Чернышевский глубоко уверен в том, что на смену строю эксплуатации и угнетения придёт новый общественный строй, который будет торжеством справедливости. Свой прогноз о неизбежности наступления новой эры в истории человечества Чернышевский строит на материалистической основе. Он утверждает, «что если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность её улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов»¹.

Подобно периоду невольничества, и форма наёмного труда, пишет Чернышевский, может в передовых странах продержаться ещё довольно долго — несколько десятилетий или несколько поколений. В этой связи Чернышевский высказывает следующую мысль: «В вопросах о будущем можно определительно видеть только цель, к которой идёт дело по необходимости своего развития, но нельзя с математической точностью отгадывать, сколько времени потребуется на достижение этой цели: историческое движение совершается под влиянием такого множества разнородных влечений, что видно только бывает, по какому направ-

¹ Н. Г. Чернышевский, Основания политической экономии, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 222.

лению идёт оно, но скорость его подвержена постоянным колебаниям...»¹.

По Чернышевскому, наука не даёт ответа на вопрос о том, когда именно произойдёт смена существующих экономических норм, она даёт лишь перспективу развития, она намечает лишь тенденции экономического прогресса, она указывает лишь на то, какие перемены должны наступить в общественной жизни.

Будущий строй, противопоставляемый капитализму, он мыслит себе как строй, рассчитанный на собственное потребление производителей. Системе производства, основанной на обмене, Чернышевский противопоставляет систему производства, базирующуюся на «прямом сочетании производства и потребления», на тождестве производителя и потребителя. Различие между капитализмом и будущим строем Чернышевский видит не только в том, что первый рассчитан на обмен, второй — на потребление; Чернышевский указывает на ряд дополнительных признаков, которые проводят демаркационную линию между этими двумя системами производства.

Чернышевский пишет: «...Цель производства для трудящегося есть потребление произведённых ценностей, а для капиталиста — сбыт их в другие руки для выигрыша через обмен. Мерилом производства для трудящегося служат надобности его собственного потребления.., а мерилom производства для капиталиста служит только размер сбыта»².

Будущий строй, утверждает Чернышевский, осуществит требования теории, состоящие в том, чтобы производство главной массы продуктов в каждой группе производителей было рассчитано на потребление самой группы. Лишь незначительная часть продуктов может быть обменена, что весьма полезно.

В будущем же строе, как утверждает Чернышевский, будет осуществлён принцип примата удовлетворения низших потребностей по сравнению с высшими, распределение занятий будет базироваться на материальных потребностях людей.

Таким образом, по Чернышевскому, в будущем обществе в связи с новым типом распределения занятий, основанным на научном взгляде на соотношение высших и низших потребностей, потребление работников поднимется на значительно более

¹ Н. Г. Чернышевский, Основания политической экономии, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 222. В пометках Маркса на книгу Н. Г. Чернышевского «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Джона Стюарта Милля» (т. III, Женева 1869) приведённые высказывания Чернышевского о неизбежности смены капитализма социализмом подчёркнуты Марксом и сопровождаены на полях замечанием «Вgavol» (К. Маркс [Пометки на книгах Н. Г. Чернышевского], см. Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения, т. II, первый полутом, Соцэкгиз, 1937, стр. XL).

² Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 49.

высокий уровень по сравнению с уровнем их потребления в капиталистическом обществе. Перед будущим обществом открываются блестящие перспективы развития производства, расцвета науки и искусства, ибо будет осуществлено такое распределение занятий, которое уничтожит бедность. Капитализму, как невыгодному, убыточному способу производства, Чернышевский противопоставляет выгодный с точки зрения материального благосостояния трудящихся социальный строй, который будет базироваться на распределении труда в соответствии с потребностями членов общества.

Чернышевский не только даёт общую характеристику социального строя, который придёт на смену капитализму, он подвергает также анализу и принципы регулирования хозяйственной жизни при социализме.

Принципы регулирования социалистического хозяйства представляются Чернышевскому в виде учёта потребностей членов общества, планового распределения производительных сил, непосредственного определения труда, затраченного на производство продукта.

Все эти меры должны обеспечить, по его мнению, строгое сбалансирование спроса и предложения.

В приведённых высказываниях Чернышевского интересна проводимая им идея, что в противоположность стихийным законам, существующим в условиях капиталистического способа производства, по которым в условиях этого хозяйственного режима происходит распределение труда и средств производства между различными отраслями народного хозяйства, при социализме развитие народного хозяйства осуществляется в порядке планового руководства.

Большой интерес представляет собой также глубокое понимание Чернышевским принципов планового регулирования при будущем строе. О хозяйственном плане писали и социалисты-утописты.

В отличие от западноевропейских социалистов-утопистов, которые мыслили себе социалистическое хозяйство и возможность его планирования при сохранении в известной степени отношений эксплуатации, при наличии капитала и наёмного труда, Чернышевский превосходно понимает, что плановое регулирование социалистического производства связано с уничтожением системы наёмного труда.

Если социалисты-утописты Запада и говорили о планировании в условиях социализма, то принципам регулирования социалистического хозяйства, которые они представляли себе весьма туманно и неопределённо, они не уделяли почти никакого внимания. Выдвинув оригинальное учение о «балансе» коренных элементов производства, Чернышевский и в этом вопросе возвы-

шается над социалистами-утопистами Запада своим более глубоким, реалистическим пониманием экономики социализма.

В своём анализе принципов регулирования социалистического хозяйства Чернышевский уделяет большое внимание вопросу о соревновании среди трудящихся, которое должно прийти на смену режиму соперничества, т. е. конкуренции.

При социализме, где главная масса продуктов не будет обращаться на рынке, на смену конкуренции придёт, утверждает Чернышевский, более высокая форма экономического расчёта. Исходя из того, что принцип соперничества «не может считаться всеобщим принципом экономической деятельности»¹, Чернышевский противопоставляет конкуренции по теории капиталистов конкуренцию по теории трудящихся. Если выгода капиталиста требует увеличения числа покупателей, что предполагает при данном размере рынка стремление отбивать покупателей у своих соперников, то выгоды трудящихся требуют увеличения количества производимых продуктов. Отсюда конкуренция по теории трудящихся состоит «в выгоде производить наибольшее количество продуктов в данное время». По Чернышевскому, интересы трудящихся, занятых производством одних и тех же продуктов, отнюдь не враждебны, как это имеет место у капиталистов. Различные группы трудящихся не только не заинтересованы во взаимном подрыве своей деятельности, но и преисполнены желания, чтобы во всех промыслах успешность производства повышалась.

В своём противопоставлении конкуренции по теории капиталистов конкуренции по теории трудящихся Чернышевский по существу выдвигает идею о соревновании в условиях социализма, принципиально отличном от капиталистической конкуренции. Чернышевский убедительно показывает преимущества отношений взаимопомощи в условиях товарищеского производства над разрушительной конкурентной борьбой, которая является волчьим законом капитализма.

Чернышевский дал глубокое теоретическое обоснование необходимости организации товариществ трудящихся. По Чернышевскому, стремление трудящихся к самостоятельности в труде, их заинтересованность в том, чтобы весь продукт труда был их собственностью,— всё это может быть достигнуто лишь посредством организации производственных товариществ. «...Товарищество есть единственная форма, при которой возможно удовлетворение стремлению трудящихся к самостоятельности, и

¹ Н. Г. Чернышевский, Очерки из политической экономии (по Миллю), Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 409.

потому... производство должно иметь форму товарищества трудящихся»¹.

По Чернышевскому, производство в условиях товарищества, будучи выгодно каждому трудящемуся, так как оно реализует его стремление к владению всем созданным продуктом, тем самым выгодно и для всего общества. Чернышевский считает, что форма товарищества знаменует собой в сравнении с капитализмом более высокий уровень производительности труда.

Подобно тому как в условиях свободного труда, указывает Чернышевский, производство идёт успешнее, нежели при рабстве, так и при форме товарищества оно идёт успешнее, нежели при хозяйстве отдельного капиталиста. Чернышевский выдвигает ряд причин, которые являются источником большей успешности производства, т. е. более высокой производительности труда, при товариществе. Прежде всего он подчёркивает тезис, что энергия труда пропорциональна степени участия трудящегося в продукте труда, а потому наивыгоднейшее для производства положение дел то, когда весь продукт труда принадлежит трудящемуся. «Форма товарищества трудящихся одна даёт такое положение дел, потому должна быть признана формой самого успешного производства»².

Вторую причину успешности производства при товариществе Чернышевский видит в направлении производства, в характере производимых продуктов. Так как экономический смысл самостоятельности трудящихся заключается в том, что они трудятся для собственного потребления, то из этого следует, что, пока не будет в достаточном количестве продуктов первой необходимости для их потребления, они не займутся производством других продуктов. Это является источником избытка продуктов, порождаемым формой товарищества. И, наконец, третью причину большей успешности труда при форме товарищества Чернышевский видит в том факте, что мерилom производства для трудящегося служит не сбыт продуктов, а потребность собственного потребления.

Не вдаваясь в детальный анализ высказываний Чернышевского по вопросу о преимуществах труда в условиях товарищества, отметим лишь глубокое понимание им значения новых форм кооперации труда в условиях социализма и их принципиальное отличие от кооперации капиталистической.

Чернышевский в своих высказываниях о преимуществах труда в условиях товарищества обнаружил глубокое понимание того обстоятельства, что в условиях социализма находит своё

¹ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 54.

² Там же.

действительное проявление общественный характер производительных сил.

В отличие от Сен-Симона, который в своём идеальном строе сохранял противоположность между работающими «промышленниками» и «праздными», от Фурье, который считал, что фаланги будут своеобразной ассоциацией трудящихся и капиталистов, где доход будет распределяться между трудом, капиталом и талантом, в отличие от великих социалистов-утопистов Запада, которые в своих мечтаниях о грядущем социальном обновлении фантазировали об идеальном общественном строе, где сохраняется капитал и неравенство в распределении и потреблении продуктов, Чернышевский выдвинул программу строительства общественного строя, где отдельные классы наёмных рабочих и нанимателей исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе, где при отсутствии какой бы то ни было эксплуатации безраздельным владыкой будет труд. В качестве своего социального идеала Чернышевский выдвигает бесклассовое коллективное производство, базирующееся на отношениях товарищеского сотрудничества.

Таким образом, в понимании самой внутренней структуры товарищеского производства у Чернышевского были значительные преимущества в сравнении с социалистами-утопистами Запада, а это означает, что Чернышевский в этом вопросе сделал шаг вперёд от утопии к науке.

Производство в условиях товарищества, утверждает Чернышевский, не знает кризисов. По Чернышевскому, кризисы, неизбежные при капитализме, невозможны в условиях товарищеского производства трудящихся, целью которого является потребление. Эти кризисы, эта насильственная утрата рабочего времени невозможны при производстве, мерилom которого служит потребление.

Чернышевский писал, что современному ему поколению трудно даже представить себе все преимущества формы товарищества трудящихся перед производством отдельного капиталиста. «Если мы сообразим все эти обстоятельства, дающие перевес производству под формою товарищества трудящихся над производством отдельного капиталиста..., то мы должны будем сказать, что степень возвышения, которую должна произвести в благосостоянии общества эта форма, далеко превосходит все ожидания, к каким мы способны теперь, при нашем рутинном понятии об идеале общественного благосостояния»¹.

Приведённые нами высказывания Чернышевского свидетельствуют о его замечательной прозорливости. Социалистиче-

¹ Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений т. VII, стр. 56.

ский строй не знает кризисов, он открывает, по словам Чернышевского, эру невиданного роста производительных сил.

Социализм, утверждает Чернышевский, открывает блистательные перспективы для роста материального благосостояния трудящихся и для всестороннего развития их творческих способностей. Всё это далеко превзойдёт ожидания современного ему поколения, кругозор которого не в состоянии охватить величественных перспектив грядущего хозяйственного прогресса.

Практика социалистического строительства в нашей стране — наглядная иллюстрация правильности и глубины замечательного прогноза Чернышевского.

Чернышевский уделял большое внимание вопросу о труде в социалистическом обществе.

«...Труд,— утверждает Чернышевский,— есть деятельность мозга и мускулов, составляющая природную, внутреннюю потребность этих органов, находящихся в ней своё наслаждение, а внешним своим результатом имеющая приведение сил и предметов природы к производству предметов и явлений, удовлетворяющих нуждам человеческого организма»¹.

Говоря о сущности труда и отвлекаясь от обстановки, в которой он затрачивается, Чернышевский ссылается на естественные науки, которые утверждают, что труд, даже мускульный, доставляет человеку наслаждение, «приятность», не говоря уже об умственном труде, чья привлекательность известна каждому по опыту. Труд есть сам по себе деятельность приятная, деятельность привлекательная, и, если «отстраняется внешняя неблагоприятная для труда обстановка, он составляет наслаждение для трудящегося».

По Чернышевскому, неприятные ощущения, вызываемые трудом, проистекают не из сущности самого процесса труда, но из «случайных, внешних обстоятельств», под которыми Чернышевский понимает организацию труда, обыкновенно сопровождающую трудовую деятельность в условиях современного экономического строя и устранимую при наличии другого хозяйственного режима.

Высказывания Чернышевского о труде при социализме исключительно интересны. Чернышевский правильно противопоставил труду как радостному творческому процессу, где реализуются потенциальные способности людей, ту уродливую социальную форму, в которой этот процесс протекает при капитализме.

В своё время Энгельс подметил глубокую постановку этого вопроса у Фурье, с которым по данной проблеме в известной мере перекликался и Чернышевский.

¹ Н. Г. Чернышевский, Основания политической экономии, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 154.

Энгельс писал, что Фурье показывает «единство труда и наслаждения и обнаруживает всю безрассудность современной социальной системы, отрывающей друг от друга эти оба понятия, делающей труд тягостным и лишаящей большинство рабочих радости»¹.

В отличие от наивных воззрений Фурье на труд, как на забаву, простое удовольствие, для Чернышевского творческий труд при социализме — глубоко содержательный труд, предполагающий борьбу, связанный с преодолением препятствий. И Чернышевский устанавливает, как и Фурье, единство труда и наслаждения, но для него труд представляет собой элемент производственного процесса, назначение которого — удовлетворение человеческих потребностей во всём их многообразии.

Чернышевский пишет, что, с одной стороны, в условиях современного строя разделение труда оказывает вредное действие на экономический быт и на самый организм рабочих. С другой стороны, для человеческого благосостояния нужен рост производства, а возрастание производства предполагает разделение труда. Но если разделение труда необходимо, то отсюда отнюдь не следует, что рабочий должен посвятить всю свою жизнь выполнению отдельной дробной операции.

«При высоком разделении труда нет работнику никакого затруднения поочерёдно переходить от одной операции к другой, меняя их так, чтобы организм его поочерёдно работал всеми частями, поочерёдно находился в разных положениях, чтобы разнообразием сохранилось его здоровье»².

Принцип разделения труда, утверждает Чернышевский, отнюдь не является препятствием к разнообразию занятий. Более того, благодаря разделению труда монотонность дробной операции уступает место живому разнообразию занятий. А этого и требует гигиена.

Чернышевский отмечает, что в условиях капиталистического производства разделение труда оказывает вредное влияние как на физиологическое состояние работников, так и на их экономический быт. Принцип разделения труда, утверждает Чернышевский, сам по себе находится в полном соответствии с физиологическими потребностями человеческого организма. Лишь наличие формы производства, не соответствующей гигиеническим условиям, приводит к тому, что разделение труда организовано неудачно и применяется односторонне.

Принцип разделения труда в представлении Чернышевского — источник сочетания разнообразных занятий в одном лице.

¹ Ф. Энгельс, Прогресс движения за социальную реформу на континенте, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 11, стр. 397.

² Н. Г. Чернышевский, Основания политической экономии, Полное собрание сочинений, т. 1X, стр. 192.

Разнообразие же занятий — основа духовного роста трудящихся. «Решительно ни один из элементов успешности производства не имеет такого громадного значения, как степень умственного развития в работнике»¹.

Чернышевский отмечает, что недостаточное разделение труда в земледелии объясняется несовершенством экономических условий, в которых затрачивается труд, между тем «поселянин, занимающийся собственно земледелием, мог бы уделять много времени на фабричные занятия, а фабричные работники сильно помогать земледелию в недолгие периоды пашни и уборки хлеба»². Такой периодический прилив и отлив рабочей силы из земледелия в промышленность был бы выгоден, утверждает Чернышевский, для увеличения производства.

Чернышевский понимает, что при социализме должно исчезнуть старое разделение труда, которое по своему содержанию принципиально отлично от разделения труда при социализме. Чернышевскому ясно, что разделение труда при капитализме порождает профессиональный идиотизм узких специалистов, раздробление человека, его духовное и телесное искажение.

В своих воззрениях на труд при социализме Чернышевский, как и по ряду других проблем, возвышался над уровнем западноевропейских социалистов-утопистов.

В своих высказываниях о труде при социализме, базирующихся на классификации человеческих страстей, Фурье стирает черты различия между трудом, спортом и игрой, что рельефно представлено в его системе трудовых сеансов.

У Чернышевского же учение о труде при социализме — составная часть его общетеоретической концепции противопоставления социализма, как выгодного, расчётливого способа производства, капитализму, как невыгодному, убыточному способу производства.

И Фурье писал о свободном, радостном и привлекательном труде в условиях гармоничных общественных отношений. Но Чернышевский отбросил его идею о примирении труда с капиталом и фантастические представления о труде как игре, как забаве.

Таким образом, в работах Чернышевского имеются высказывания по ряду проблем, связанных с экономикой социализма. И по вопросу о генезисе социалистического способа производства, и по вопросам планирования, внутренней структуры товарищеского производства, и в своих воззрениях на труд при социализме Чернышевский возвышается над уровнем западноевропейских социалистов-утопистов глубиной своего тео-

¹ Н. Г. Чернышевский, Основания политической экономии, Полное собрание сочинений, т. IX, стр. 197.

² Там же, стр. 194.

ретического анализа, реалистичностью и конкретностью своего подхода.

Чернышевский не понимал, что переход к социализму предполагает наличие объективных и субъективных предпосылок, которые возникают в недрах капитализма. Чернышевский не понимал исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и организатора коммунизма. Пролетарская революция, диктатура пролетариата отсутствуют в схеме Чернышевского. Но в ряде прогнозов о социализме как способе производства Чернышевский шёл от утопии к науке.

* *
*

Чернышевский — революционный демократ и социалист — боролся одновременно и за буржуазную демократию, и за ликвидацию в огне крестьянской революции помещичье-самодержавного строя — за уничтожение всех и всяческих форм эксплуатации человека человеком.

В отличие от крупнейших представителей западноевропейского утопического социализма — Сен-Симона, Фурье, Оуэна, мечтавших о том, чтобы их социальные идеалы были осуществлены представителями просвещённого абсолютизма или богатыми филантропами, которые будут очарованы величием и грандиозностью открывающихся перед страждущим человечеством блестящих перспектив грядущего развития, Чернышевский апеллировал к классовой борьбе, к революционной активности самих трудящихся, к крестьянству как классу, который изнывал под ярмом крепостничества. Чернышевский обладал исключительным умением пропагандировать в легальной печати идею крестьянской революции, народного восстания.

Мотивы народного восстания явственно звучат в ряде его произведений, предназначавшихся для этой печати.

Если идея народного восстания пропагандировалась Чернышевским в подцензурной печати эзоповским языком, то в прокламации «Барским крестьянам...» открыто провозглашалась необходимость насильственного уничтожения самодержавного строя и помещичьего землевладения.

В этом документе, как в фокусе, отразился боевой, революционно-демократический характер научно-пропагандистской деятельности Чернышевского, которая перебрасывала мост от оружия критики к критике оружием, к плебейской расправе над угнетателями народа, к борьбе под знаменем крестьянской революции. Специфические условия русской действительности не дали Чернышевскому возможности ясно увидеть, полностью понять истинные объективные и субъективные предпосылки осуществления социалистического строя.

Чернышевский верил в неизбежность наступления прекрасного, светлого будущего в родной стране и всю свою замечательную жизнь отдал делу революции, делу борьбы за народные интересы.

Вся жизнь Чернышевского была подвигом во имя торжества революционных идей, которые он теоретически обосновал и за торжество которых он самоотверженно боролся.

Без колебаний, мужественно поднял Чернышевский знамя непримиримой борьбы с царизмом и помещичьим строем за освобождение крестьянских масс от гнёта крепостного режима. В условиях самодержавного режима царской России, гнёта крепостничества Чернышевский пропагандировал идею крестьянской революции, «идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (*Ленин*).

Революционная деятельность Чернышевского находилась в тесной связи с революционной для своего времени теорией, которую он создал и с исключительным мужеством пропагандировал.

Своей многогранной деятельностью Чернышевский сыграл огромную роль в деле подготовки в России почвы для восприятия идеологии пролетариата — идей марксизма.

Итак, в лице Герцена и Чернышевского русская общественная мысль выдвинула крупных мыслителей, которые, не находясь под непосредственным влиянием идей К. Маркса и Ф. Энгельса, возвышались над западноевропейским утопическим социализмом. Герцен и Чернышевский, будучи революционными демократами, продолжая традиции предшествовавших им этапов развития русской общественной мысли, критически, творчески перерабатывая лучшие образцы современных им западноевропейских философских и социально-экономических учений, выступили с передовыми, оригинальными и самостоятельными воззрениями во всех областях социальной науки, представлявшими собой наивысшее достижение мировой науки до Маркса и Энгельса.

Герцен и Чернышевский — вожди и идеологи крестьянской революции — в то же время были оригинальными, великими русскими мыслителями, которые своим многогранным творчеством, в частности своими аграрными взглядами, своей критикой капитализма, критикой его экономических учений, подготовляли в России идейные предпосылки для восприятия идей марксизма.

ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ 60—70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Революционные демократы Герцен и Чернышевский вели ожесточённую борьбу главным образом с либералами 60-х годов, хотя они, конечно, отнюдь не игнорировали и прямых крепостников.

Борьба между крепостниками и либералами была борьбой внутри господствующего класса, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок. Те и другие отстаивали кабальное подчинение крестьян помещикам. Однако если крепостники (Г. Бланк, С. Голицын, И. Безобразов и др.), отвергая в принципе право крестьян на обрабатываемую ими землю, выступали против выкупа крестьянами полевой земли и были сторонниками лишь выкупа личной зависимости крестьян от помещиков и выкупа усадебной оседлости крестьян, т. е. сторонниками консервирования безнадельного крестьянства, то либералы предпочитали в качестве придатка помещичьего хозяйства крестьянина с наделом.

Либералов 60-х годов Герцен и Чернышевский разоблачали как врагов народа, как сторонников реформистского пути развития России.

Либералы были идеологами буржуазии. Принадлежа к сторонникам ликвидации крепостного права, они в то же время не хотели революции, которая могла бы покончить с монархическим режимом и с властью помещиков. Поскольку либеральная буржуазия была связана тесными экономическими нитями с поместным землевладением, так как их интересы были взаимно переплетены, постольку подавляющее большинство либеральных буржуа полагало, что лучше самое медленное реформирование поместного землевладения, но отнюдь не его уничтожение.

Крупными представителями дворянского либерализма 60—70-х годов были Кавелин и Чичерин. Они проводили свои взгляды и с университетских кафедр, и в публицистике, и в практической земско-общественной деятельности.

В конце 50-х годов Кавелин, этот, как характеризует его Ленин, «один из отвратительнейших типов либерального хамства»¹, ратовал за освобождение крестьян, ибо он рассматривал крепостное право как тормоз промышленного и культурного прогресса.

Кавелин считал несостоятельным убеждение, что Россия представляет собой якобы одну из самых богатых стран в мире. По его мнению, «едва ли можно найти другое государство, где бы благосостояние было на такой низкой ступени, где бы меньше было капиталов в обращении и бедность была бы так равномерно распространена между всеми классами народа»².

Переходя к анализу причин бедности России, Кавелин указывает на ряд обстоятельств: на ошибочную систему управления,

¹ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 13.

² К. Д. Кавелин, Записка об освобождении крестьян в России, Собрание сочинений К. Д. Кавелина, т. II, Спб. 1893, стр. 5

на отсутствие строгого правосудия и правильного кредита, на целый кодекс стеснительных для торговли и промышленности правил, на губительное начало «хозяйственных заготовлений и хозяйственного управления вообще» и на глубокое невежество всех классов народа. Но ни одна из этих причин «не проникает так глубоко в народную жизнь, ни одна так не поражает промышленной деятельности народа в самом её зародыше, ни одна так не убивает всякий нравственный и материальный успех в России, как *крепостное право*, которым опутана целая половина сельского народонаселения империи»¹.

В своей критике крепостного права Кавелин выдвинул ряд правильных соображений. Рассматривая крепостное право «в экономическом отношении», Кавелин видел его сущность в обязательном труде, в труде без вознаграждения, в труде по принуждению. Вопреки всякому здравому смыслу 25,5 миллиона жителей мужского и женского пола России лишены «самого действительного побуждения к занятию промыслами — права требовать плату или вознаграждение за свой труд, чего он действительно стоит»². В частности, говоря об оброке, Кавелин подчёркивал, что «оброк с крепостных, живущих по паспортам, есть налог на труд, личная подать, часто до того неумеренная, что лишает крепостного всякой энергии, всякой охоты заняться чем бы то ни было»³.

Крепостной труд, по мнению Кавелина, «держит массы рабочих в нищете», и так как крепостные люди почти ничего не покупают, то они не доставляют дохода и казне. Ввиду незаинтересованности работника в результатах своего труда крепостной труд — это труд низкой производительности. «Нравственное и физическое бездействие и дремота овладевают массами и делают невозможным всякий успех, всякое развитие...»⁴. Кавелин уделяет много внимания разоблачению отрицательного воздействия крепостного права на народное хозяйство страны. Отмечая расхищение рабочей силы в условиях крепостного режима, Кавелин пишет, что «весьма значительный процент рабочих сил всего крепостного населения России утрачивается без всякой пользы как для помещиков, так и для крепостных, и след. и вообще для государства»⁵. Крепостное право является также источником неправильного распределения сельского населения по стране и искусственного направления его промышленной деятельности. «Владельцы,— пишет Кавелин,— при направле-

¹ К. Д. Кавелин, Записка об освобождении крестьян в России, Собрание сочинений К. Д. Кавелина, т. 11, стр. 6.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 13.

⁴ Там же, стр. 17.

⁵ Там же, стр. 25.

нии промышленной деятельности своих крепостных не всегда соотносятся с местными условиями края, а весьма часто только с собственными, нередко невежественными, случайными и для них самих убыточными понятиями о вещах»¹.

Крепостное право связано с примитивным хозяйственным расчётом, с режимом низких хлебных цен. «Не имея возможности, — утверждал Кавелин, — рассчитать, во сколько ему самому обошлось производство хлеба, помещик не в состоянии определить и низшей, наименьшей цены, ниже которой нельзя ему продать хлеба, не потерпев убытка, и потому наибольшая часть помещиков соотносится только с торговыми ценами и с своими потребностями»². Создаётся, таким образом, искусственная дешевизна хлеба, поражающая всех, «кто в России живёт и кормится от земли»³. Наконец, даровой труд огромных людских масс сбивает также цены на труд вообще. «От этого не только терпят низшие классы, но и само правительство...»⁴

Итоговый вывод Кавелина, увенчивающий его критику крепостного права, следующий:

«... Россия осуждена окаменеть, существовать в теперешнем виде, не подвигаясь [ни] на шаг вперёд. И ничто не в силах изменить этого положения, пока крепостное право будет составлять основу нашей общественной и гражданской жизни, ибо это гордиев узел, к которому сходятся все наши общественные язвы»⁵.

Изложенные соображения Кавелина, вскрывавшие отрицательные стороны крепостного права, формально носили прогрессивный характер. Однако критика критике рознь. Для определения подлинной позиции Кавелина по вопросу об освобождении крестьян решающее значение имеют не общие его декларативные заявления, а конкретные предложения, конкретная программа по разрешению самой жгучей проблемы той эпохи — ликвидации крепостного права. В своих же практических предложениях Кавелин выступает перед нами как дворянский либерал, который, желая провести реформу, стремился использовать капиталистическое развитие страны в интересах помещичьего класса.

Особенное внимание уделяет Кавелин связанным с крепостным правом опасностям в «политическом отношении». Это обстоятельство в сильнейшей степени тревожило Кавелина. С каждым днём, пишет Кавелин, внутреннее положение страны становится «всё более и более затруднительным, шатким, опасным и

¹ К. Д. Кавелин, Записка об освобождении крестьян в России, Собрание сочинений К. Д. Кавелина, т. II, стр. 26.

² Там же, стр. 27.

³ Там же, стр. 28.

⁴ Там же, стр. 29.

⁵ Там же, стр. 34.

безысходным. Каждый день более и более уносит надежду на возможность мирного разрешения этого вопроса и приближает нас к страшной катастрофе...»¹.

Кавелин ратует за то, чтобы отмена крепостного права была произведена мирным, «нечувствительным» образом, «постепенными» законодательными и административными мероприятиями.

Переходя к анализу «главных начал» или «оснований» освобождения помещичьих крестьян, Кавелин, базируясь на идентичных принципах «строгой справедливости» и «государственной пользы», выдвигает следующие мероприятия: «1) крепостных следовало бы освободить вполне, совершенно, из-под зависимости от их господ; 2) их надлежало бы освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землёю, и 3) освобождение может совершиться во всяком случае не иначе, как с вознаграждением владельцев»².

Проведение указанных мероприятий соответствует, по утверждению Кавелина, как интересам государства, так и интересам помещиков и крепостных. На словах Кавелин ратует за то, чтобы освобождение крестьян было проведено без сохранения хотя бы «тени зависимости» бывших крепостных от их бывших помещиков. Так, например, он против освобождения крестьян без земли. Он указывает, что в этом случае сохранится, если не формально, то по существу, в сильнейшей степени материальная зависимость крестьянства от помещиков, владельцев земли. На самом же деле Кавелин выступает за сохранение помещичьих хозяйств, которые должны приспособиться к новым социально-экономическим условиям и вступить на путь капиталистических методов хозяйствования. Правда, Кавелин — сторонник перехода к крестьянству всей той земли, которая находится в действительном владении и пользовании крепостных. Однако Кавелин этот переход связывает с целым рядом таких мероприятий, которые по существу должны содействовать консервированию старых, феодальных отношений.

¹ К. Д. Кавелин, Записка об освобождении крестьян в России, Собрание сочинений К. Д. Кавелина, т. II, стр. 39—40. О том, что в либерально-помещичьем лагере царил панический страх перед надвигающимся грозным обтекательским восстанием, свидетельствует ряд высказываний видных представителей этого лагеря. Так, например, славянофил Ю. Самарин писал: «При современном настроении крепостного сословия пьяная речь беглого солдата, превратно понятый указ, появление небывалой болезни, приезд государя в Москву..., всякое происшествие, почему-либо обращающее на себя внимание, может произвести где-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободе; ничтожный беспорядок может также легко перейти в бунт, а бунт развиться до всеобщего восстания» (Ю. Ф. Самарин, О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе, Сочинения, т. 2, М. 1878, стр. 33—Приложение).

² К. Д. Кавелин, Записка об освобождении крестьян в России, Собрание сочинений К. Д. Кавелина, т. II, стр. 43.

Так, например, в своём проекте Кавелин уделяет много внимания проблеме выкупа. Он писал: «Освобождение крестьян без вознаграждения помещиков, во-первых, было бы весьма опасным примером нарушения права собственности, которого никакого правительство нарушить не может, не поколебав гражданского порядка и общежития в самых основаниях; во 2-х, оно внезапно повергло бы в бедность многочисленный класс образованных и зажиточных потребителей в России...; в 3-х, владельцы тех имений, где обработка земли наймом больше будет стоить, чем приносимый ею доход, с освобождением крепостных совсем лишатся дохода от этих имений»¹.

Однако дело не только в том, что Кавелин является принципиальным сторонником выкупа. Он выдвигает такой вариант выкупной операции, который представляет собой по существу выплату капитализированной суммы всех феодальных повинностей. Выплата помещикам денег за одну землю, не принимая в расчёт крепостных людей, считает Кавелин, была бы весьма несправедлива и неуравнительна. «Несправедлива — потому что крепостные составляют такую же собственность владельцев, как и земля; неуравнительна — потому что только в некоторых губерниях, преимущественно густонаселённых и земледельческих, земля имеет большую ценность, а крепостные почти никакой, или весьма малую; в других же губерниях, преимущественно промышленных, или хотя и земледельческих, но мало населённых, владельцы получают доход не от земли, а от крепостных»².

Всю эту выкупную сумму в результате оценки крепостных со следуемой им землёю по существующим на месте ценам необходимо, по мнению Кавелина, выдать помещикам сполна «при самом отчуждении крепостных из частного владения». Только при таком способе выкупа, «примиряющего пользы всех, новое начнёт заступать место старого без перерыва и с необходимою постепенностью»³.

Хотя Кавелин и считал, что осуществление его проекта освободит крестьянское хозяйство от всякой зависимости от помещичьего, но по существу это была программа в целях сохранения прав и интересов помещика.

Кавелин предлагал произвести наделение крестьян землёй в неурезанном размере, но даже и это на первый взгляд радикальное мероприятие не в состоянии было освободить крестьянское хозяйство от феодальных пут помещичьего землевладения.

¹ К. Д. Кавелин, Записка об освобождении крестьян в России, Собрание сочинений К. Д. Кавелина, т. II, стр. 41—42.

² Там же, стр. 46—47.

³ Там же, стр. 48.

Дело в том, что земля была урезана уже в течение дореформенного периода, и это предопределяло деградацию крестьянского хозяйства даже при сохранении за крестьянами земли, которой они пользовались. Следует учесть, что сами помещики считали, что сохранение существующего надела не обеспечит крестьянину возможность содержать себя и выплачивать все причитающиеся с него платежи. Тем более, что наделение крестьян землёй предполагало выкуп в таких гигантских размерах, которые по существу представляли собой капитализацию феодальных повинностей. Для реализации же этих выкупных сумм крестьянину ничего не оставалось, как идти в кабалу к помещику, ибо при данной системе выкупа, при сохранении помещичьего землевладения, при наличии старых наделов помещичья кабала, крепостнические методы эксплуатации были бы неизбежны. Выдвинутый Кавелиным проект выкупа на основе капитализации доходов, возникающих на основе крепостного права, представлял собой по существу программу грабежа крестьян в пользу помещиков, ибо даже выкуп на основе цены земли обеспечил бы бюрократическими методами реализацию крепостнических приёмов эксплуатации. Перед нами ярко выраженные взгляды идеолога прусского пути капиталистического развития, ратовавшего за то, чтобы помещичья хозяйства заняли доминирующее положение в стране, постепенно приспособляясь к изменяющимся в ней социально-политическим условиям.

Для характеристики реакционной «философии истории» Кавелина приведём следующую выдержку из его письма к Герцену от 30 мая (11 июня) 1862 г.: «Я счёл бы себя бесчестным человеком, если бы советовал барину, попу, мужику, офицеру, студенту ускоривать процесс разложения обветшалых исторических общественных форм. Нет, я буду им кричать, сколько у меня достанет голоса: идите осторожно, бережно, не подливайте масла в огонь, не вносите свечи в пороховой погреб. Дайте мыслям отстояться немного, дайте кристаллизации начаться. Мы не доживём,— что нужды,— после нас скажут нам спасибо будущие поколения. Всякое новое дело есть труд и большой труд: потерпите!»¹

В письме к Герцену от 6(18) апреля 1862 г. Кавелин высказывается следующим образом о конституционном движении 60-х годов: «...Эта игра в конституцию меня пугает так, что я ни об чём другом и думать не могу. Разбесят дворяне мужиков до последней крайности, уверят их своим псевдолиберальным балагурством, что они, дворяне, в самом деле затевают что-то против царя, и пойдёт потеха. Это ближе и возможнее, чем ка-

¹ «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева 1892, стр. 57.

жется. Наше историческое развитие страшно похоже на французское; не дай бог, чтоб результаты его были также похожи, а чего доброго, дворянство своим безрассудством, просвещённое большинство своим доктринаризмом и отсталостью приведут к тому»¹.

Такого же рода соображения о либеральном движении в дворянстве были высказаны Кавелиным в специальной записке, напечатанной в 1862 г. в Берлине. Кавелин предостерегает дворянство против бесплодных мечтаний о представительном правлении. Он призывает дворянство к «нравственному перерождению» и к деятельному участию в органах самоуправления, которые представляют собой, по его мнению, любимую мечту всего просвещённого и либерального в России и являются превосходной школой для дальнейшей, более обширной политической деятельности дворянства.

Кавелин мечтает об административных реформах, которые должны быть осуществлены царём. В письме к Герцену от 10 (22) мая 1862 г. Кавелин пишет, что народ идёт с царём, и поэтому вопрос сводится к замене «византийско-татарско-французско-помещичьего идеала русского царя идеалом народным, славянским, посредством самой широкой административной реформы по всем частям»².

В своих работах послереформенного периода Кавелин, исходя из позиций вульгарного историзма, пропагандировал идеи развития в России буржуазного способа производства без присущих ему антагонистических противоречий, которые в условиях Западной Европы угрожали гибелью этого способа производства. Не лишено интереса, что в своих высказываниях, направленных против революции, Кавелин пытался опираться на «Капитал» К. Маркса. Так, например, в 1880 г., исходя из высказывания Маркса в предисловии к I тому «Капитала», что развитие общественно-экономических формаций представляет собой естественно-исторический процесс, Кавелин писал: «Одних этих слов было бы достаточно для людей, умеющих читать, но таких везде очень мало. Маркс не просто сказал — исторический процесс, но счёл нужным добавить — естественно-исторический, т. е. такой, где все переходы из одной формы в другую совершаются не насильственно, но сами собой»³. Кавелин подобно

¹ «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», стр. 47

² Там же, стр. 52. В своём конспекте книги Кавелина «Чем нам быть?» К. Маркс отмечает, что Кавелин стремится сохранить монархию, лишь несколько её улучшив. Маркс характеризовал Кавелина как «ультра-умеренного русского либерала», уповающего на действия царя, «без которого ничего нельзя сделать» (К. Маркс, Конспект книги Кавелина «Чем нам быть?», «Архив Маркса и Энгельса», т. XI, стр. 118).

³ К. Д. Кавелин, Разговор, Соч., т. II, стр. 1001—1002.

многим буржуазным учёным и публицистам пытался обосновать свои прогнозы социально-экономического развития России, опираясь на «Капитал» К. Маркса, однако предварительно превратив Маркса в сторонника эволюционных воззрений на исторический процесс.

Кавелин — типичный идеолог помещичье-буржуазного либерализма. Через все его работы проходит животный, панический страх перед плебейскими методами расправы крестьянина с помещиками, крайняя тревога и беспокойство от ожидания революции.

Крупным представителем дворянского либерализма был и Б. Н. Чичерин, подвизавшийся в роли одного из первых в русской литературе вульгарных «критиков» К. Маркса.

Подобно Кавелину, Чичерин был сторонником постепенного перехода к капитализму, прусского пути его развития, сторонником сохранения дворянства и господствующего его положения.

Чичерин считает, что вся сила общества заключается в независимых элементах, которые могут служить прочной опорой государственного порядка, и что к числу таких элементов принадлежит прежде всего землевладение. При этом Чичерин ссылается на Англию, где общественный строй базировался на союзе крупного землевладения с городским капиталом, и на Францию, где разрыв этих элементов привёл к политическим неурядицам. Чичерин считал насущно необходимым для России существование класса независимых, обеспеченных и образованных землевладельцев.

По отношению к крестьянству Чичерин выступал как откровенный представитель помещичьих интересов. Это можно проследить как по его программным выступлениям по «крестьянскому вопросу», относящимся к периоду проведения «освобождения крестьян» в 1861 г., так и по его оценкам самих принципов крестьянской реформы 1861 г. и тенденций развития аграрных отношений в России в пореформенный период.

Б. Н. Чичерин писал в 1858 г., что «изменение быта помещичьих крестьян», «постепенное отменение крепостного права» представляют собой самый «существенный интерес России»¹.

Подобно Кавелину, будучи «критически» настроенным по отношению к крепостному праву, Чичерин выдвигает ряд правильных соображений об отрицательном воздействии крепостного быта на развитие русского народного хозяйства.

Так, например, Чичерин утверждает, что крепостное право, будучи обломком отжившей старины, является «преградою раз-

¹ Б. Н. Чичерин, О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян, «Атеней», ч. 1, январь и февраль 1858 г., М. 1858, стр. 486.

витию», что оно — «существенное препятствие улучшениям»¹.

Ссылаясь на принципы политической экономии, на опыт практической жизни, согласно которым «свободный труд один может дать настоящее развитие силам народа», Чичерин приходит к выводу, что в России невозможно «правильное экономическое развитие», что от «язвы» крепостничества страдают все отрасли народного хозяйства страны, в особенности сельское хозяйство. «Пока не будет устранён этот корень всех наших зол, всякая попытка улучшить экономический быт народа должна остаться безуспешною»².

Итак, по мнению Чичерина, необходимость освобождения крестьян диктуется всем ходом экономического развития страны, преимуществами свободного труда перед крепостным. Однако Чичерин боится крестьянской революции, которая способна свергнуть монархию и ликвидировать власть помещиков.

В целях торжества «справедливости», в целях «постепенного», «мирного» завершения назревающей крестьянской реформы он рядится в тогу арбитра противоречивых интересов крестьян и помещиков. Чичерин пишет: «Теперь нам предстоит одна забота: стараться совершить преобразование мирным и законным путём, зрело и обдуманно, при общем содействии всех граждан, с сохранением справедливости для обоих сословий»³.

Цель, во имя которой крестьянство должно быть освобождено от крепостной зависимости, формулируется Чичериным как торжество принципа свободы. Реформа должна привести к победе свободы труда и свободы собственности.

Чичерин не прочь пощеголять радикальной фразой о необходимости для дворянства «пожертвований» во имя великого дела освобождения крестьян. Однако все эти разглагольствования, громкие слова о «справедливости», о «свободе», о «пожертвованиях», представляли собой напускной лоск, модную болтовню или лицемерие, лишь ширму, за которой скрывалось подлинное, заветное желание Чичерина: провести «освобождение» крестьян в интересах помещичьего класса.

То, что в центре внимания Чичерина находились судьбы помещичьего хозяйства, со всей наглядностью явствует из анализа тех мер, посредством которых следует, по его мнению, реализовать цель и свободу собственности. Рассматривая вопрос о методах проведения крестьянской реформы, Чичерин подвергает критической оценке английский опыт и освобождение крестьян в Померании.

¹ Б. Н. Чичерин, О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян, «Атеней», ч. 1, январь и февраль 1858 г., М. 1858, стр. 489, 491.

² Там же, стр. 491.

³ Там же, стр. 492.

Против взгляда, что крестьян следует отпустить на волю без земли, Чичерин выдвигает возражение, что «существенное средство к возвышению земледелия состоит в умножении капиталов, а отнюдь не в лишении крестьян поземельной собственности»¹. Россия, утверждает Чичерин, ещё не доросла до «улучшенного фермерского хозяйства», освобождение же без земли приведёт к бедственному положению крестьянства, о чём свидетельствует пример Померании. Немаловажную роль в аргументации Чичерина играют и политические соображения: боязнь социальных катастроф, создания базы для постоянных крестьянских восстаний.

Итак, крестьянство должно быть освобождено с наделом в интересах «существующего порядка», в целях незаблестности царского самодержавия, сохранения крупной помещичьей поземельной собственности, командного положения дворянства, помещиков в общественно-политической жизни страны.

Будучи сторонником «наделения» крестьян землёй, Чичерин отнюдь не ратовал за создание свободного, самостоятельного земледельца. Он выступал за формирование прикреплённых к земле кабальных арендаторов помещичьей земли.

Что именно к этому сводилось широковещательное провозглашение Чичериным «наделения» крестьян землёй, свидетельствует трактовка проблемы выкупа, которая стояла в центре его аграрной программы. Назначение выкупа сводилось к тому, чтобы доставить помещикам в новых условиях хозяйствования необходимые для них денежные капиталы, к тому, чтобы превратить провозглашённые им «свободы» — «свободу труда» и «свободу собственности» в чистые фикции. Не вдаваясь в анализ схоластических рассуждений Чичерина о выкупе, отметим лишь утверждение Чичерина о том, что «справедливая плата может быть установлена только валовой оценкою тех экономических выгод, которые помещик извлекает из имения, отходящего от него вследствие освобождения крестьян»².

Как мы уже говорили при анализе высказываний Кавелина по вопросу о выкупе, выкуп крестьянами земли в размерах, представлявших собой по существу капитализацию феодальных повинностей, при сохранении даже существующего надела обеспечил бы сохранение феодальных пережитков, привёл бы на деле к реализации крепостнических приёмов эксплуатации. Таким образом, за «наделением» крестьян землёй, за проектом выкупа, выдвинутым Чичериным, скрывалась идеология прусского пути капиталистического развития, идеология приспособления

¹ Б. Н. Чичерин, О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян, «Атеней». ч. 1, январь и февраль 1858, стр. 494.

² Там же, стр. 497—498.

собственности и власти помещиков к изменяющимся социально-политическим условиям страны. Не удивительно поэтому, что в работах Чичерина мы встречаем прямую апологию так называемого «освобождения» крестьян. Положение 19 февраля Б. Н. Чичерин рассматривает как «лучший памятник русского законодательства»¹.

По мнению Чичерина, «крепким сельским сословием», способным служить источником обогащения для себя и для страны, может быть только «сословие личных собственников или арендаторов-капиталистов». Реформа 1861 г. — и именно в этом Чичерин видит её значение — открыла путь «личному» землевладению, предоставив каждому крестьянину право выкупить свой участок. По утверждению Чичерина, выкупная операция выступает как благодетельное для крестьянства мероприятие, открывшее перед ним перспективы «личного» землевладения.

«Положение 19-го февраля, — писали Чичерин и Герье, — разрешавшее вековые отношения двух сословий, мудро остановилось на средней норме существующего надела, за которую оно определило справедливую плату»².

Подвергая критике, с одной стороны, «закоснелых помещиков», которые утверждали, что крестьянам дано было в результате крестьянской реформы 1861 г. слишком много, с другой стороны, «демократов», которые уверяли, что крестьянам дано было слишком мало, Чичерин и Герье утверждают, что была соблюдена «строгая справедливость». В чём же заключалась эта «справедливость»? Оказывается, «справедливость» сводилась к тому, что крестьянская реформа 1861 г. была проведена в интересах помещиков. Землевладельцы чернозёмной полосы, указывали Чичерин и Герье, ничего не потеряли; они в большинстве местностей получили плату за землю, которая в то время существовала, и были в состоянии с успехом перестраивать своё хозяйство на основе вольного найма.

Что касается помещичьего хозяйства в нечернозёмной полосе, то оно, по мнению Чичерина, оказалось в более затруднительном положении. Многие помещики были вынуждены порвать связи с землёй. Но эти помещики, признаёт Чичерин, в виде оброка получили за свои земли и плату за «отходящий труд». Если при новых условиях часть помещиков разорялась, то виновата в этом, по мнению Чичерина, неподготовленность значительной доли русского дворянства к «правильной экономической деятельности».

¹ «Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет», изд. М. и С. Сабашниковых, 1929, стр. 12.

² В. Герье и Б. Чичерин, Русский дилеттантизм и общинное землевладение, М. 1878, стр. 233.

Переход же многих дворянских имений в руки капиталистов Чичерин рассматривал как естественное последствие «подвижности земельной собственности». Только чисто искусственным путём можно было удержать земли в руках лиц, обременённых долгами, и помешать их покупке теми, у кого были деньги на руках. Ухудшение же положения крестьян после реформы 1861 г., наступившее «всеобщее обеднение» Чичерин объяснял рядом приводящихся причин: тут и рост населения, непривычность крестьян к сбережениям, сохранение общинного владения, железные дороги, семейные разделы и даже пьянство. Всё что угодно — и психологический фактор и законы природы, — только не наличный социально-экономический строй, который был подлинной причиной тяжёлой доли крестьянства, изнывавшего под тяжестью крепостнических пережитков в сельском хозяйстве.

Исходя из того, что крестьянская реформа 1861 г. якобы правильно разрешила вопрос о земле, Чичерин полагает, что крестьянство должно нести всю тяжесть налогового бремени, он против увеличения крестьянских наделов. Единственной разумной мерой, утверждал Чичерин в статье 1881 г., написанной совместно с Герье, было бы освобождение русского крестьянина от общины и круговой поруки.

Чичерин предвидит, что с переходом мирского владения в участковое следует «ожидать образование сельского пролетариата». Чичерин и Герье прямо указывают, что «известная часть членов общины непременно должна остаться без земли». Но это не смущает Чичерина и Герье. Они пишут, что «Положение 19-го февраля наделило крестьян землёй и сделало хорошо... Но объявить, что крестьяне, выходящие из крепостной зависимости, имеют право выкупать те земли, на которых они сидят, совсем не то, что требовать, чтобы все непременно имели землю. Первое делалось во всех европейских государствах; второе же всегда должно оставаться мечтою немногих утопистов»¹. Таким образом, Чичерин и Герье ратуют за ломку некоторых старых отношений в деревне — общины и круговой поруки — для того, чтобы в результате разорения крестьянских масс укрепились «собственность», т. е. возникли кулаки — надёжный оплот царского самодержавия и барьер против распространения в стране социалистических идей. Чичерин питает звериную ненависть к революционерам, к «нигилистам». В своих «Воспоминаниях» он с презрением и ненавистью отзываясь о Добролюбове, Чернышевском и др.

В конце 70-х годов Чичерин выступил с критикой первого тома «Капитала» с позиций вульгарной политической экономии,

¹ В. Герье и Б. Чичерин, Русский дилеттантизм и общинное землевладение, стр. 240.

обстоятельную антикритику которой дал Н. И. Зибер. Достойную отповедь Чичерину дал также и Карл Маркс, указав, что идейным источником его «критических» lamentаций против «Капитала» является школа Бастиа.

Ещё накануне реформы 1861 г. оппозиционное настроение дворянских кругов проявилось в выработке адресов правительству. В одном из этих адресов (тверского депутата Унковского) от имени либеральной части дворянства говорится, что «по причине неограниченной правительственной опеки над всею жизнью народа, соединения всего управления в руках одной неответственной исполнительной власти и совершенного отсутствия судебной власти — вся администрация наша представляет целую систему злоупотреблений, возведённую на степень государственного устройства. Система этого управления, или, лучше сказать, злоупотребления властью, так сильна и последовательна, что она покрывает собою всю Россию, не оставляя ни одного живого места для разумно-свободной жизни...».

Однако Унковский не считал необходимым полное уничтожение дворянских преимуществ. Он полагал, что «поместное дворянство, просвещённое более всех сословий, одно может руководить и вразумлять народ в исполнении правительственных распоряжений». Что касается проведения предполагаемых реформ, то Унковский высказал убеждение, что они должны быть поручены лицам, не состоящим на службе и не ожидающим от неё великих и благих милостей.

На политическое притязания оппозиционного дворянства правительство реагировало высылкой наиболее крупных представителей либерального движения¹. Петиции к правительству о допущении представителей дворянства к управлению были самым «радикальным» проявлением «оппозиционного» настроения русских либералов.

В конце 60-х годов дворянская оппозиция под влиянием роста революционного движения в стране начинает угасать. В течение нескольких лет 60-х и начала 70-х годов ряд северных и поволжских губерний был захвачен сильнейшими неурожаями, которые привели к разорению широких масс населения. Ввиду сильного обнищания крестьянства земство предпринимает специальные статистические исследования экономического положения населения, в кругу земских деятелей становится популярной идея ссудосберегательных товариществ. За 70-е годы при содействии земств было основано 359 товариществ, причём субсидии им оказывались за счёт специальных сумм, преимущественно позайм-

¹ О том, что движение либералов 60-х годов носило по существу благонамеренный характер, свидетельствует письмо А. М. Унковского Александру II, которое он прислал из Вятки, места своей ссылки (см. М. Лемке, Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», Спб. 1908, стр. 450—456).

ствованных из продовольственного капитала¹. На этой же почве возникло в 70-х годах движение в пользу организации артелей, преимущественно в районе нечернозёмной полосы. Земские деятели поддерживали мероприятия в духе артелей, ссудосберегательных товариществ и т. п. по различным мотивам. Одни под известным влиянием идей народничества рассматривали эти мероприятия как средство избавления России от пролетариата и как путь превращения рабочих в предпринимателей, другие, злобно клеветая на крестьянский люд, видели в них средство борьбы с присущими якобы крестьянству «леностью, распущенностью и беспечностью».

Следует также отметить начавшееся в конце 70-х годов на юге земское движение за конституцию.

Ленин подчёркивал, что либералы, в частности земские либералы, в своей «борьбе с самодержавием» революционной борьбы за ниспровержение самодержавия никогда не вели. Что касается «оппозиционного» настроения русских либералов, выразившегося в петициях, то это была форма легальной оппозиции, разрешённая самой самодержавной властью.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО 70-х ГОДОВ. ЛИБЕРАЛЬНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО НАЧАЛА 80-х ГОДОВ

В противоположность либералам 70-х годов, идеологам буржуазии, проповедовавшим «постепенный», «мирный», «спокойный», реформистский путь капиталистического развития России, идеологом угнетённого крестьянства выступила различная мелкобуржуазная интеллигенция.

Крестьянские восстания, направленные против крепостнических пережитков в пореформенной России, сопротивление трудящихся политике самодержавия, угнетавшего колонию империи, развитие прогрессивно-освободительного движения против царизма породили народническое движение 70-х годов.

После падения крепостного права различинец стал главным массовым деятелем освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности.

Ленин отмечал, что народничество 70-х годов было до известной степени цельным и последовательным учением. Русское народничество этих лет не отрицало в пореформенной России роста культуры и богатства на одном полюсе, нищеты и безработицы — на другом полюсе, но оно отрицало антагонизм внутри крестьянства, сводя его исключительно к антагонизму между кулаком-мироедом и его жертвой — крестьянином, якобы коммунистом по инстинкту.

¹ См. Б. Веселовский, История земства, т. III, Спб. 1911, стр. 163.

Народничество исходило из веры в общинный строй крестьянского хозяйства, из веры в особый уклад русской народной жизни. Народники не понимали передовой роли рабочего класса. Они утверждали, что Россия придёт к социализму через общину.

Формально существовавшее общинное землевладение и периодически происходившие переделы земли по душам отнюдь не означали зачатков социализма и не подрывали командного положения мироедов-кулаков. Кулаки, будучи владельцами средств и орудий производства, пользовались общинной землёй, в то время как безлошадные крестьяне, бедняки, отдавали землю кулакам, а сами нанимались в батраки. Крестьянская община была на самом деле удобной формой для прикрытия кулацкого засилья и средством в руках царизма для сбора налогов с крестьян по принципу круговой поруки. Потому-то царизм не трогал крестьянскую общину. Вполне естественно, что такая община не могла быть зародышем или базой социализма.

В тесной связи с воззрениями народников на общину находится их взгляд на крестьянина как на коммуниста по инстинкту, как на борца за социализм. Народники считали наличие капиталистических форм в России и буржуазию явлением случайным. Они утверждали, что капитализм в России не будет развиваться и что, следовательно, не будет развиваться и пролетариат. Народники отрицали значение борьбы за буржуазную политическую свободу. Передовым борцом за социализм они признавали не промышленный пролетариат, а крестьянство, руководимое интеллигенцией, которое в силу общинного уклада по самой своей природе якобы готово к бою за непосредственно социалистический переворот. Народники осуждали либерализм, однако они не понимали его исторической правомерности, его неизбежности в условиях капиталистической организации общественного хозяйства.

Рассматривая «буржуазность» в качестве исторической случайности, идеализируя «народный строй» как предвестник и залог более передовых в сравнении с капитализмом общественных отношений, народники не понимали прогрессивности капиталистического производства в сравнении с крепостничеством, не понимали исторической миссии, революционной роли порождаемого капитализмом пролетариата.

Вера в особый уклад русского народного хозяйства, «хождение в народ», своеобразная критика либерализма — всё это были звенья мировоззрения народничества, находившиеся друг с другом в известном внутреннем единстве.

Что касается террористических методов народовольцев, то ленинизм всегда рассматривал их как заговор интеллигентских групп, не связанных с массами, как симптом и спутник неверия в восстание.

Известно, с какой беспощадностью изобличал Ленин вреднейшую для революционного дела террористическую практику народничества, вытекавшую из совершенно неправильного представления о роли классов, неумения видеть, какой класс является главной движущей силой революции. Народническая политика индивидуального террора исходила из отрицания самостоятельной творческой роли народных масс в истории, из неправильного взгляда на историю как на продукт деятельности «выдающихся личностей», «героев», противопоставляемых народу как аморфной массе, пассивной «толпе».

Тактика народников тормозила образование самостоятельной рабочей партии и задерживала развитие революционного движения, развитие революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства. Без решительного идейного разгрома этой вреднейшей для революционного движения тактики народников, которая мешала рабочему классу понять его руководящую роль в революции, нельзя было создать революционную партию и подготовить социалистическую пролетарскую революцию.

Хотя революционное народничество было враждебно марксизму и характеризовалось наличием реакционной идеалистической и эклектической доктрины, борьба революционных народников против крепостничества и самодержавия была объективно прогрессивна, ибо они стремились к низвержению самодержавно-крепостнического строя, к революционному разрешению аграрного вопроса.

Народническая утопия о возможности победоносной социалистической крестьянской революции была в то же время, как писал В. И. Ленин, «спутником *и* симптомом великого, массового демократического подъема крестьянских масс, т. е. масс, составляющих *большинство* населения в буржуазно-крепостнической, современной, России»¹.

Исторически реальное и прогрессивное содержание народничества заключалось в том, что оно представляло собой теорию массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего.

Наглядной иллюстрацией той теоретической базы, на которую опиралось революционное народничество 70-х годов, являются социально-экономические воззрения представителя одного из его течений — П. Н. Ткачёва. А критика, с которой Энгельс выступил против воззрений Ткачёва, — яркая страница в истории борьбы основоположников марксизма с народничеством. П. Н. Ткачёв в своих работах неоднократно ссылается на «Капитал» К. Маркса и другие его произведения. Однако марксист-

¹ В. И. Ленин, Две утопии, Соч., т. 18, стр. 328.

ские идеи подвергались Ткачёвым извращению. Во взглядах Ткачёва причудливо сочетались идеи экономического материализма, утилитаризма, бланкизма и народничества¹.

Будучи сторонником немедленного проведения социальной революции в России, Ткачёв пытался обосновать её путём анализа специфических социально-политических условий русской действительности.

Ткачёв утверждал, что Россия в ряду других стран занимает исключительное положение. Если коренные причины социальных неурядиц в России те же, что и на Западе, то в Западной Европе благодаря более высокому развитию экономической жизни они проявляются в более рельефных формах и их пагубное влияние на все стороны социальной жизни, в особенности на сферу политическую, нагляднее, осязательнее.

Проводить полную аналогию между Россией и Западом — значит, по Ткачёву, не понимать того кардинального различия, которое существует между экономическими и политическими условиями общества, только что начинающего делать первые шаги на пути буржуазного прогресса, и обществом, достигшим высшей, кульминационной точки этого прогресса. Если на Западе пролетариат порождён развитием промышленности, эксплуатацией и конкуренцией, то Россия, по мнению Ткачёва, не знает городского пролетариата.

В отличие от Западе Ткачёв видит источник, порождающий русский пролетариат, в невысоком уровне промышленного и торгового развития.

¹ В дореволюционной литературе Ткачёв оценивался как представитель русского «радикализма» и как близкий к марксизму революционный деятель. Так, например, Н. Ф. Анненский писал о Ткачёве, что он по своим «социологическим воззрениям» был «крайний и последовательный «экономический материалист»» (*Н. Ф. Анненский*, Ткачёв, Энциклопедический словарь Брокгауз—Ефрон, т. XXXIII, Спб. 1901, стр. 366). С. А. Венгеров считал, что «Ткачёв был человек самого крайнего радикализма, до которого когда-либо доходила русская революционная мысль» (*С. А. Венгеров*, Очерки по истории русской литературы, изд. 2, Спб. 1907, стр. 107).

В таком же примерно духе, как о представителе «радикализма», писал о Ткачёве и П. Л. Лавров: «П. Н. Ткачёв оставил... заметный след в русской легальной радикальной литературе и играл... выдающуюся роль в литературе русской эмиграции...» (*П. Л.*, Пётр Никитич Ткачёв (Некролог), «Вестник Народной Воли», Революционное социально-политическое обозрение № 5, Женева, 1886, стр. 172).

По вопросу о роли Ткачёва в истории революционного движения пропагандировались ошибочные, немарксистские концепции и в послереволюционной литературе. Так, например, М. Н. Покровский видел в народническом движении 70-х годов черты будущей пролетарской революции. Покровский называет Ткачёва «первым русским марксистом» (см. *М. Н. Покровский*, Очерки истории революционного движения в России XIX и XX вв., Госиздат, стр. 50). Это связано с его общими ошибочными установками, с его попытками уложить русский исторический процесс в прокрустово ложе безжизненных социологических схем.

Россия, по ошибочному мнению Ткачёва, лишена также буржуазии, ибо власть капитала находится ещё только в зародыше. «Наше tiers état¹ состоит более чем наполовину из пролетариата, из нищих, и только в меньшинстве его начинают выработываться настоящие буржуа в западноевропейском смысле этого слова»².

Что касается землевладельцев, то они, по Ткачёву, как по своей численности, так и по своему экономическому положению играют ничтожную роль. Не представляют собой ни экономической, ни политической силы и высшие классы русского общества, к которым Ткачёв причисляет дворянство и купечество. Он проводит также принципиальное различие между государством в условиях Запада и России. Если западноевропейское государство зиждется на силе капитала, то в России государство не имеет никаких корней в социально-экономических условиях страны. В России «...общественная форма обязана своим существованием государству, государству, висящему, так сказать, в воздухе, государству, которое не имеет ничего общего с существующим социальным строем и корни которого находятся в прошлом, а не в настоящем»³.

Полемизируя с Ткачёвым, Энгельс разъясняет ему социальную базу самодержавия, чьи интересы оно отражает и на какие слои населения оно опирается. Энгельс пишет: «В Европейской России крестьяне владеют 105 миллионами десятин земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) — 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15 000 дворян, имеющих, таким образом, в среднем по 33 000 десятин каждый. Крестьянской земли, следовательно, только чуть-чуть больше, чем земли дворянской. Как видите, у дворян нет ни малейшей заинтересованности в том, — иронизирует Энгельс, — чтобы существовало русское государство, обеспечивающее им владение половиною страны!»⁴. Наряду с крупными землевладельцами Энгельс указывает и на другие эксплуататорские группы. Тут и ростовщик, и кулак, и хлебо-торговец, и крупная буржуазия, развивающаяся благодаря строительству железных дорог, и экспортёры продуктов сельского хозяйства, и армия чиновников. «И когда после этого г. Ткачев уверяет нас, — пишет Энгельс, — что русское государство... висит «в воздухе», то нам начинает казаться, что

¹ Третье сословие, буржуазия.

² П. Н. Ткачёв, Задачи революционной пропаганды в России, Избранные сочинения, т. III, М. 1933, стр. 69.

³ П. Н. Ткачёв, Открытое письмо господину Фридриху Энгельсу, Избранные сочинения, т. III, стр. 92.

⁴ Ф. Энгельс, Эмигрантская литература, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 254.

не русское государство, а скорее сам г. Ткачев висит в воздухе»¹.

Русская община, доказывал Ткачёв, в своём первоначальном, а отчасти даже в современном её виде ничем не отличается от индийской и западноевропейской общины. История разложения общинного землевладения представляется в сущности своей одинаковой во всех странах. С течением времени происходит процесс выделения и обособления частных хозяйств, разрушающих волостную общину и захватывающих крестьянские общинные земли. Эти частные землевладельцы представляют собой элемент, чуждый общине. Община не могла его выделить из своей собственной среды, ибо она является самой прочной, консервативной и неподвижной из всех экономических организаций. Она способна к прогрессу или регрессу лишь в том случае, если какой-нибудь внешний толчок выведет её из устойчивого равновесия. От категорического суждения о причинах разложения общины Ткачёв воздерживается.

По поводу современного ему состояния русской общины Ткачёв вынужден признать, что она разлагается, ибо против неё в заговор вступили дворянство, бюрократия, кулаки-мироеды — всё, что живёт грабежом и эксплуатацией, всё, что питается плотью и кровью мужика.

Экономический прогресс коснулся коренных основ русской народной жизни. Уничтожается самый «принцип общины», нарождаются формы буржуазной жизни, развивается кулачество, воцаряется принцип индивидуализма, экономической анархии.

Ткачёв исходил из того, что русский народ (т. е. прежде всего крестьянство) в большинстве своём проникнут принципами общинного владения, он — коммунист по инстинкту, по традиции.

Общественный идеал русского народа — самоуправляющаяся община, «идеал с ясно выраженным коммунистическим оттенком». Эти положительные идеалы народа, по мнению Ткачёва, не революционны, ибо они не идут далее заставших форм его быта. Если предоставить народу возможность реформаторской деятельности по его собственному разумению, то она сведётся к реставрации старого крестьянского мира, с его окаменевшими устоями, с его неподвижным консерватизмом. Но и революционно-разрушительная сила русского народа, по мнению Ткачёва, имеет лишь относительное значение, ибо, представленный сам себе, он возвратит себе отнятую у него землю, разрушит всё, что угнетало его мир, его общину, — дальше он не пойдёт.

¹ Ф. Энгельс, Эмигрантская литература, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 256.

В своих воззрениях на экономические отношения в России Ткачёв стоит на позициях народников: он идеализирует общину и рассматривает её как исходную основу для развития России в сторону социализма.

Развитие капиталистических форм в промышленности и в земледелии представляется ему печальным явлением, расшатывающим «устои» экономической жизни страны и потому задерживающим приближение социальной революции. Подобно народникам, Ткачёв смотрел на крестьян как на главную силу революционной армии. Рабочий интересуется его лишь в той мере, в какой он может поддержать крестьянское восстание. Ткачёв стремится к захвату власти для того, чтобы при помощи государственного вмешательства приостановить развитие капитализма и содействовать непосредственному превращению общинного быта в социалистический строй.

В полемике с Ткачёвым Энгельс указывал, что общинная собственность представляет собой строй, который встречается на низшей ступени развития у всех индогерманских народов. Наличие же её в России отражает низкий уровень сельскохозяйственного производства и соответствующих ему производственных отношений. Энгельс указывал на ряд факторов, способствующих разложению общины, как, например, периодический передел земли между отдельными главами семей, выкуп барщины, гнёт податей и ростовщичество.

Маркс и Энгельс в 70—80-х годах полагали, что русская общинная собственность может развиваться в более высокую форму в условиях пролетарской революции на Западе, которая предоставит материальные средства для кооперирования русского мелкого единоличного хозяйства и перевода его на социалистические рельсы. В 90-х годах у Энгельса уже складывается иная оценка состояния русской общины. Так, например, в письме к Даниельсону от 15 марта 1892 г. Энгельс писал: «Повидимому, приближается момент, когда — по крайней мере в некоторых областях — старые социальные устои русского крестьянства в своей совокупности не только потеряют свою ценность для отдельного крестьянина, но и станут для него путями в точности так, как это происходило ранее в Западной Европе. Боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу *общину*¹ как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией»².

Ткачёв ошибочно утверждает, что всякий народ в силу условий своей социальной среды всегда может сделать революцию,

¹ Написано Энгельсом по-русски.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 154.

он всегда готов к ней. И если он её не делает, то лишь потому, что в нём подавлена всякая внутренняя инициатива. Нужен внешний толчок для того, чтобы вывести его из этого состояния, тогда народ поднимется, как бурный ураган, и сделает революцию. Это абсолютно неправильное положение было подвергнуто Энгельсом убийственной критике. Энгельс писал: «У нас, на европейском Западе, всем этим ребячествам был бы положен конец простым ответом: если ваш народ в любое время готов к революции, если вы считаете себя в праве в любое время призвать его к революции и если вы поэтому совершенно не можете ждать, чего же ради вы еще надоедаете нам своею болтовней, почему же, черт возьми, вы не начинаете?»¹.

Своеобразие русской экономической и политической жизни предопределяет, по Ткачёву, наличие особого положения русских революционеров по сравнению с революционерами Западной Европы.

На основе своей оценки характера русского народа и его революционной силы Ткачёв выдвигает совершенно неправильную формулу о значении социальной революции, революционного меньшинства и народа. Революционное меньшинство, по мнению Ткачёва, пользуясь революционной силой народа, уничтожит врагов революции и положит основание новому, разумному общественному строю.

Ткачёв, как народник, имеет неправильные представления о путях революционной деятельности. В частности, он не только проповедует путь государственного политического заговора, но и отводит заговору главенствующую роль.

Опираясь на народническую доктрину о путях русского исторического процесса, Ткачёв считал, что тайное общество заговорщиков должно бороться за непосредственный переход общинного быта в социалистический строй, против враждебных сил начавшегося капиталистического развития. Если марксистская теория утверждает, что пролетарская революция связана с определёнными условиями экономического развития, то для Ткачёва предпосылок пролетарской революции вообще не существует.

Ткачёв не понимает, что капитализм создаёт материальные условия, без которых социалистическая революция немыслима. Указывая, что в силу разложения общины, в силу развития капитализма необходим немедленный заговор революционного меньшинства, выдвигая, по существу, экономическую отсталость России в роли союзника революции, Ткачёв, сам того не сознавая, вскрывает порочность своей доктрины.

¹ Ф. Энгельс, Эмигрантская литература, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 237.

По Ткачёву, революционная партия слагается из одной учащейся молодёжи, ибо в силу своего социального положения она представляет собой благоприятную почву для революционных настроений.

Ткачёв был далёк от усвоения учения Маркса о всемирно-исторической роли пролетариата и о неизбежности доведения классовой борьбы до установления диктатуры пролетариата. Он повторял выдвигавшееся против Маркса бакунистами и бланкистами демагогическое обвинение в «отсутствии революционного инстинкта». Он повторял бакунистическую клевету, что в основе западноевропейского рабочего движения, в основе немецкой программы Интернационала лежит мечта об эре «бескровных революций». Ткачёв, как и все народники, находился в плену мелкобуржуазной идеологии. Он, по существу, отрицает классовую борьбу и необходимость пролетарской классовой партии, опирающейся на рабочее движение. Для него не существует пролетарской классовой борьбы, он сторонник «бланкистских авантюр», импровизированных заговоров. На место исторического развития он ставит волю.

Захват власти Ткачёв рассматривает как условие революции, а не как самую революцию. Революция, по его мнению, проводится революционным государством, которое должно в интересах осуществления социальной революции предпринять ряд реформ.

Ткачёв намечает также программу этих реформ: 1) постепенное преобразование современной крестьянской общины в общинно-коммуны; 2) постепенная экспроприация орудий производства; 3) постепенное введение учреждений, изменяющих принципы обмена продуктов; 4) постепенное устранение физического, умственного и нравственного неравенства между людьми; 5) постепенное уничтожение существующей семьи и 6) развитие общинного самоуправления.

Ткачёв пишет, что необходим особый переходный период, который будет осуществляться диктатурой революционного меньшинства.

Как видно из изложенного, переходный период в представлении Ткачёва весьма далёк от того переходного периода от капитализма к социализму, о котором писали классики марксизма. Переходный период Ткачёв представлял себе не в виде диктатуры революционного класса — пролетариата, а в виде диктатуры заговорщиков, незначительного меньшинства, совершившего революцию.

Хотя Ткачёв горячо отстаивал необходимость политической борьбы, однако он, как впоследствии и народовольцы, узко понимал эту задачу, отождествляя её с политическим заговором, с политикой, оторванной от рабочего движения.

По существу Ткачёв был бланкистом, пытавшимся сочетать политическую борьбу, сведённую к заговору, с народнической доктриной о путях экономического развития России.

В своих работах Ткачёв уделил много внимания критике капитализма. Как крупный идеолог народничества, Ткачёв ставил своей целью революционным путём, методами заговорщической деятельности инициативного меньшинства, приостановить победное шествие капитализма в России. Отсюда стремление Ткачёва теоретически обосновать несостоятельность этого режима угнетения народа и порабощения трудящихся масс.

В критике, которой Ткачёв подверг капитализм, имеется ряд правильных положений.

Ткачёв констатировал ряд противоречий, присущих капиталистическому способу производства. Так, например, Ткачёв характеризует капиталистический хозяйственный режим как режим анархии экономических отношений, как промышленную анархию, вечную, ни на минуту не прерывающуюся борьбу, которая делает из людей поочерёдно то рабов, то тиранов.

По Ткачёву, вся современная западноевропейская экономическая практика держится на соперничестве, которое, будучи её основным принципом, является продуктом современного промышленного направления.

По вопросу о конкуренции Ткачёв формально не соглашается с теми, которые полагают, что конкуренция, вытекающая из самой сущности человеческой природы, присуща всем периодам развития народного хозяйства.

Конкуренция, которая в представлении Ткачёва выступает как один из существеннейших признаков капитализма, трактуется им, однако, либо как результат борьбы людей за существование, либо как продукт человеческой природы, эгоистического стремления человека быть совершеннее других. Мы уже не говорим о том, что самые принципы эти — борьба за существование и стремление человека к превосходству над другими людьми — взяты из арсенала буржуазной социологии.

Ткачёв не ограничивается этим общим определением капитализма, как способа производства, построенного на конкуренции, он пытается вскрыть противоречивость его, своеобразие той борьбы, которая в нём происходит.

В анализе противоречий капитализма рельефно проявляется идеализм, утопизм Ткачёва. Ткачёв правильно указывает на противоположность интересов капитала и труда, на господство труда прошлого над настоящим, труда овеществлённого над живым. Однако корни неурядиц и несчастий капиталистического хозяйства, анархии производства, противоположности интересов капитала и труда, порабощения труда настоящего трудом прошлым

Ткачёв ищет в противоречии между наличием в условиях капитализма права на труд и возможностью его реализации, в дуализме между правом фиктивным и правом активным, т. е. не в производственных, а в правовых отношениях.

Ткачёв, как и все народники, не уяснил себе сущности основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Утопизм Ткачёва особенно наглядно выражается в его постановке вопроса о гибели капитализма. Необходимость замены капитализма другой системой хозяйства Ткачёв выводит не из развития внутренних противоречий капитализма, а из того, что капитализм противоречит человеческой природе, и поэтому он, как строй неразумный и противоестественный, обречён на гибель. Не поняв подлинной природы противоречий капиталистического способа производства, находясь под влиянием буржуазной социологии, Ткачёв рассматривает капитализм как режим, который должен быть устранён во имя всеобщей пользы. Это является по существу приложением утилитаристического принципа к обоснованию замены капитализма гармонической формой капиталистического общежития.

К числу наиболее жгучих проблем современной ему эпохи Ткачёв относит положение рабочего класса. Он отмечает, что положение рабочего класса в условиях капитализма улучшается абсолютно и ухудшается относительно. Он пишет: «Что бы ни говорили нам оптимисты насчёт великих благ промышленного прогресса, насчёт развития и умножения всеобщего благосостояния и благополучия, ни один честный человек не повторит вместе с ними, что положение рабочего изменилось в последнее время к лучшему. Конечно, если мы будем смотреть на это дело с абсолютной точки зрения, то мы, пожалуй, и увидим нечто утешительное. Несомненно, что работники нынче лучше одеты, что они имеют лучшие жилища, лучший стол, чем прежде. Но если взглянуть на их положение с относительной точки зрения, то не трудно убедиться, что оно не только улучшилось, а, напротив, ухудшилось. Если отношения господина к рабу, мастера к подмастерью и ученику были жестоки, то отношения фабриканта к рабочим возмутительны, бесчеловечны»¹.

По вопросу о влиянии машин на положение рабочего класса у Ткачёва встречается ряд правильных замечаний, позаимствованных им из «Капитала». Ткачёв неоднократно отмечает связь между промышленным прогрессом в условиях капиталистического способа производства с изобретением машин. Он отмечает

¹ П. Н. Ткачёв, Рецензия на книгу Э. Пфейффера «Об ассоциации», Избранные сочинения, т. I, стр. 78—79.

как общее свойство машинного производства стремление к «централизации рабочих сил и капиталов»¹.

Ткачёв понимает различие между машиной как производительной силой, назначение которой — облегчить труд человека в его борьбе с природой, и капиталистическим её применением, которое поработает, угнетает рабочего.

Благодаря машине, утверждает Ткачёв, труд рабочего упрощается. Продолжительное обучение, которое было присуще рабочему мануфактурного периода, становится излишним для фабричных рабочих.

Ткачёв неоднократно говорит о напряжённом, нередко чисто механическом, притупляющем ум занятии рабочих. Машина притупляет умственные способности рабочего, а человек выжидается в жалкий придаток машины. По Ткачёву, «факт вырождения рабочей расы свидетельствуется глубокомысленнейшими наблюдателями общественной жизни во Франции, Англии и Германии, его подтверждают цифры даже официальной статистики»².

Он отмечает также понижение заработной платы в результате введения машин. Рабочий может потерять свою работу в силу самых разнообразных причин: и вследствие наступившего кризиса, и в результате изобретения какой-нибудь новой машины, неудавшейся спекуляции, неурожая или даже тревожного политического слуха.

Ткачёв указывает на то, что в условиях капитализма происходит рост богатства на одном полюсе и нищеты — на другом. Тенденция экономического прогресса, тенденция капитала, необходимое условие его осуществления заключаются в непрерывном увеличении массы производимых продуктов. Чем производительнее капитал, тем более он конкурентоспособен. Отсюда — расширение производства в «чудовищной прогрессии».

«Таким образом, — говорит Ткачёв, — при постоянно увеличивающейся сумме общественных потребностей источник рабочих сил будет продолжаться, и, следовательно, раса рабочих попрежнему будет вырождаться, тупея умственно, ослабевая физически; круг потребностей рабочих станет всё более и более ограничиваться, нищета и бедность всё более и более возрастать»³.

Ссылаясь на свидетельство публицистов, изучавших быт французских и английских рабочих, Ткачёв утверждает, что развитие машинного производства, технические усовершенствования и чрезмерное разделение труда «ухудшили положение рабочих и способствовали понижению производственного уровня в среде их»⁴.

¹ П. Н. Ткачёв, Женский вопрос, Избранные сочинения, т. I, стр. 393.

² П. Н. Ткачёв, Закон общественного самосохранения, Избранные сочинения, т. II, стр. 150.

³ Там же, стр. 151.

⁴ П. Н. Ткачёв, Рецензия на книгу Д. Льюиса и Д. С. Милля «Огюст Конт и положительная философия», Избранные сочинения, т. V, стр. 329.

По Ткачёву, не может быть и речи ни о каком умственном и нравственном совершенствовании рабочих при капитализме. Пролетариат, в представлении Ткачёва, — класс, физически и нравственно деградирующий под железной пятой капитала. Пролетариат рассматривается Ткачёвым как класс консервативный. Так, например, в своём отзыве о лекции Элизе Реклю Ткачёв пишет, что лектор развивал и доказал с «убедительной ясностью», что на пролетариат не следует возлагать никаких надежд, что он консервативен, он пропитан предрассудками окружающего его экономического строя, он антиреволюционен¹.

Ткачёв, находясь под влиянием идей I тома «Капитала» К. Маркса, обнаруживает правильное понимание влияния машин на положение рабочего класса, противоречия между машиной как производительной силой и её капиталистическим применением и т. п. Ткачёв правильно констатирует наличие физической деградации рабочих при капитализме, однако, не говоря уже об отрицании им абсолютного обнищания пролетариата, он не понимает, что если рабочий и равнодушен к специфической сфере приложения своего труда, если труд для него в условиях капиталистической каторги — проклятие и мука, то сам механизм производства и классовая борьба являются школой для пролетариата, где он готовится к своей высокой исторической роли могильщика капитализма. Не удивительно, что непонимание подлинного положения рабочего класса при капитализме приводит Ткачёва к признанию его классом консервативным и к игнорированию ведущей роли пролетариата в революционном движении.

Критика капитализма в произведениях Ткачёва находилась в тесной связи с народническим мировоззрением Ткачёва, с его стремлением теоретически обосновать необходимость для России особых путей исторического развития. Правильно указав на ряд специфических особенностей капиталистического производства, иллюстрирующих его антинародный характер, в особенности на тяжёлую долю трудящихся в условиях капиталистического наёмного рабства, Ткачёв, однако, не уяснил себе подлинной сущности противоречий в буржуазном обществе, не уяснил себе исторической миссии пролетариата.

Вскрывая реакционность утопических воззрений Ткачёва как идеолога народничества, не следует, разумеется, забывать и о прогрессивной для своего времени стороне его деятельности как представителя крестьянской демократии, как борца за освобождение России от цепей крепостничества.

¹ См. П. Н. Ткачёв, Публичные чтения в Женеве, Избранные сочинения, т. III, стр. 260.

Осуществление программы Ткачёва означало бы переход земли к народу, уничтожение крепостнических пережитков, свержение царизма, развитие России на путях капитализма.

Критикуя меньшевизм, который вытраивлял ценное демократическое ядро в народнических утопиях, Ленин писал: «Воюя с народничеством, как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества, как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского». Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея... что крестьянское *движение* реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (=классическая постановка) *противоречит «всему ходу хозяйственного развития»*¹.

Социально-экономические воззрения Ткачёва наглядно свидетельствуют о том, как один из видных деятелей народничества в России пытался, основываясь на экономическом учении Маркса, подвергая его извращению, пропагандировать свои социально-политические идеалы.

Чем дальше шло капиталистическое развитие в стране и вместе с ним усиливалось революционное движение пролетариата, тем быстрее вырождалось и разлагалось народничество. Народничество 70-х годов, как и 90-х, относилось враждебно к марксизму. Однако старое народничество вело революционную борьбу против царского правительства, против помещиков; либеральные же народники 80—90-х годов, ставшие выразителями интересов кулачества, никакой революционной борьбы не вели, все чаяния и надежды на осуществление своей программы они возлагали на царское правительство.

Одним из крупнейших идеологов либерального народничества 80—90-х годов был переводчик «Капитала» Н. Ф. Даниельсон. Несмотря на своё знакомство с «Капиталом» и переписку с Марксом и Энгельсом, он был реакционным мелкобуржуазным экономистом-романтиком. В своей книге «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», изданной в 1893 г., он пытался «по Марксу» обосновать неприменимость к России экономического учения К. Маркса. Однако основные элементы народнической концепции — о реформе 1861 г. как залоге некапиталистической эволюции России, о беспочвенности и мертворождённости русского капитализма и о необходимости для России перехода к коллективным формам хозяйства через общину, минуя капиталисти-

¹ В. И. Ленин, Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909 г., Соч., т. 16, стр. 102.

ческую стадию развития, — сложились у Даниельсона уже к началу 80-х годов, о чём свидетельствует его статья «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»¹ (1880 г.). Крымская война, полагают Даниельсон, заставила Россию сблизиться с хозяйственными условиями Западной Европы, что привело в России к борьбе двух начал: с одной стороны, принципа производства, при котором орудие труда принадлежит самим производителям на общественном, общинном начале, с другой стороны, принципа капиталистического, основанного «не только на безусловном отделении производителя от владения орудиями производства, но на индивидуальном пользовании силами, порождёнными общественными отношениями»². Реформа 1861 г., утверждает Даниельсон, с её наделением крестьян землёй, с её доставлением производителям «орудий труда для наибольшего развития производительности, а следовательно для развития условий, наиболее обеспечивающих экономический рост всего народа»³, находилась в полном противоречии с основами хозяйственного строя западноевропейских государств. И если основы реформы 1861 г. препятствовали, полагает Даниельсон, применению капитала к земле, выполнению капиталом его исторической миссии, то вся пореформенная государственно-хозяйственная деятельность способствовала, наоборот, развитию капиталистического хозяйства. Эти два взаимно уничтожающих направления хозяйственной деятельности и составляют, по мнению Даниельсона, источник всех противоречий русской жизни. Капиталистическая тенденция развития народного хозяйства страны, сетует Даниельсон, пересиливает: всё большая часть производителей экспроприируется, доля производителя в продукте уменьшается, между тем как доля капиталиста, наоборот, возрастает, общинное пользование землёй всё более превращается в индивидуальное, новым же хозяйственным условиям (железным дорогам, кредиту и др.) нет никакого дела ни до «народного производства», ни до производителя. «В то время, когда в земледельческом производстве употребляются ещё орудия каменного века, для отделения продукта от производителя применяются последние выводы науки»⁴.

Общий вывод Даниельсона — реформа 1861 г. «вместо того, чтобы стать по мысли законодателя началом начал, становится началом конца»⁵. «Правовые узы «Положением» порваны; узы хозяйственные, связывавшие помещика и крестьянина, хотя также порваны, но общественно-хозяйственная деятельность послед-

¹ См. *Николай — он*, Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, «Слово», октябрь 1880 г.

² Там же, стр. 78.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 138.

⁵ Там же, стр. 139.

них лет всё более и более приковывала последнего к силе вновь народившейся — к капиталу»¹.

Развитие народного хозяйства в пореформенной России изображается, следовательно, Даниельсоном как уклонение от истинного пути, сопровождающееся бедствиями для трудящихся. Усматривая в реформе 1861 г. санкцию «народного производства», Даниельсон считает русский капитализм случайностью, нелепостью, ибо он разоряет народ, но в то же время не знаменует собой прогрессивной стадии организации производства. Даниельсон не понимал, что капитализм отнюдь не противоречит «народному строю», а, как писал Ленин, есть прямое, ближайшее и непосредственное продолжение и развитие его. Рассматривая государство как могущественный и стоящий над всякими классами институт, Даниельсон обвиняет государство в том, что оно поддерживает капитализм вместо того, чтобы развивать те же устои, на базе которых якобы была проведена реформа 1861 г.

Какой же выход намечает Даниельсон из того тупика, в котором, по его мнению, очутилось пореформенное русское народное хозяйство? Выход оказывается простой: «Необходимо сойти с того пути, который стремится к развитию обмена, торговли и пр., и направить все силы на развитие успешности труда производителей при свободном владении ими орудиями труда, в чём «Положение», совершенно справедливо, видит «залог домашнего благополучия и блага общественного»»².

Таким образом, Даниельсон все свои надежды возлагает на государство, классовая природа которого им совершенно игнорировалась. Даниельсон ждёт от самодержавного государства водворения настоящих, правильных порядков, освобождения излюбленного его сердцу «народного производства» от разрушающей силы капитала. Не усвоив законов общественного развития, не поняв значения классовой борьбы в ходе исторического процесса, не помышляя о том, каким образом капиталистический способ производства возник в России, как он развивался, Даниельсон ограничивается лишь глубоко ошибочным противопоставлением капитализму «народного производства» и увенчивает по существу свои рассуждения сентиментальными фразами о необходимости исторический процесс повернуть вспять во имя торжества утопических идеалов об ограждении России от тлетворного воздействия капиталистических порядков.

Отметим, что в полемике с народниками, которые рассматривали капиталистическую промышленность России как искусственный продукт, вызванный к жизни царским правительством, Энгельс указывал, что результаты промышленной революции

¹ Николай — он, Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, «Слово», октябрь 1880, стр. 142.

² Там же.

в России ничем не отличаются от того, что происходит в Англии, Германии и Америке. Полемизируя с народниками, Энгельс утверждал, что если после Крымской войны для России потребовалась крупная промышленность, то она могла получить её лишь в капиталистической форме.

К судьбам русской крупной промышленности Маркс и Энгельс подходили конкретно-исторически. Рассматривая крупную промышленность России как неизбежный результат хозяйственного развития страны, Маркс и Энгельс в то же время указывали на своеобразные условия, ускорившие темпы промышленного развития.

Классики марксизма считали, что Россия, опираясь на технические достижения Западной Европы, не была обречена на необходимость пройти долгий период «вылупления механической промышленности». Железнодорожное строительство, в частности, отмечал Энгельс, явилось в России революционизирующим фактором, ускорившим темпы промышленного переворота.

Классики марксизма указывали также на быстрое развитие в России и кредитной системы. Русской буржуазии, утверждал Маркс, удалось «сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков...»¹.

Констатируя тот факт, что в России за постройкой железных дорог и фабрик шло расширение уже существующих банков и основание новых, Энгельс приходил к выводу, что в короткий срок были заложены все основы капиталистического способа производства. Стремление русского самодержавия создать крупную капиталистическую промышленность на путях разрушения домашней крестьянской промышленности Энгельс рассматривал в связи с протекционистской политикой. По словам Энгельса, сочетание капитализма с разрушающимися докапиталистическими формами в России создаёт основу узости рынка.

В письме к Даниельсону от 22 сентября 1892 г. Энгельс писал: «...Одно из необходимых последствий крупной промышленности заключается в том, что она *разрушает* свой собственный внутренний рынок в ходе того самого процесса, посредством которого она его *создает*. Она создает рынок, разрушая основу крестьянской домашней промышленности. Но без домашней промышленности крестьяне не могут существовать. Они разоряются как крестьяне; их покупательная способность доходит до минимума, и, пока они, как *пролетарии*, не создадут себе новых условий существования, они представляют из себя весьма жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов»². Вопреки народ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 678.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 167.

нической утопии о «народном производстве» Энгельс показал процесс превращения части крестьян в пролетариев.

* * *

Среди деятелей 70-х годов видное место занимали рабочие Пётр Алексеев, Степан Халтурин и др.

Рабочие вожаки 70-х годов, будучи связаны с рабочим движением, вступили на путь, неприемлемый для народничества, путь собирания сил рабочего класса для борьбы за его освобождение. Не будучи марксистами, оставаясь в плену народнических положений, они идейно переросли своих руководителей из народнического лагеря.

В замечательной речи на суде ткач Пётр Алексеев, использовавший судебную трибуну для революционной пропаганды среди фабричного люда, нарисовал яркую картину гнусных методов эксплуатации и обмана рабочих в России 70-х годов.

«Взрослому работнику, — говорил он, — заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются всевозможными способами отнимать у рабочих последнюю трудовую копейку и считают этот грабёж доходом... Рабочие склоняются перед капиталистом, когда им, по праву или не по праву, пишут штраф, боясь лишиться куска хлеба, который достаётся им 17-часовым дневным трудом»¹.

С исключительной силой Пётр Алексеев подчеркнул крепостнический характер реформы 1861 г. и тесную связь между полицейским режимом в стране и крепостническим по существу укладом на русской фабрике.

Ткач Пётр Алексеев был представителем передовых рабочих 70-х годов, которые приходили к убеждению о необходимости политической борьбы. Тем самым они стояли на голову выше народников-интеллигентов, всё более замыкавшихся в рамки заговорнической, террористической организации.

В. И. Ленин ценил в Алексееве выдающегося профессионального революционера-практика, неустрашимого борца против царизма и видел в нём наряду с Мышкиным, Халтуриним и Желябовым одного из корифеев русского революционного движения. Ленин писал, что этому кружку корифеев были «доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса»².

¹ Цит. по книге «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. 2, Госполитиздат, 1950, стр. 44.

² В. И. Ленин, Что делать?, Соч., т. 5, стр. 416.

И. В. Сталин рассматривает Алексеева как одного из деятелей революционной России, составляющих национальную гордость пролетариата.

В 70-х годах возникают классовые организации пролетариата: «Южно-российский союз рабочих» (с 1875 г.), «Северный союз русских рабочих» (с 1878 г.).

В то время как народники отрицательно относились к политической борьбе, указанные рабочие организации ставили своей целью добиться политических прав для народа.

Как писал Ленин, «эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»¹.

Инициатива создания «Южно-российского союза рабочих» принадлежит группе одесских рабочих, которая возглавлялась революционером-интеллигентом Е. О. Заславским. Задача и цели союза регулировались особым уставом, который представлял собой одновременно и программу союза.

Первый параграф устава союза гласил:

«Сознавая, что установившийся порядок ныне не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих;

что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основой личного и общественного благосостояния;

что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении,— мы, рабочие южно-российского края, соединяемся в один союз под названием «Южно-российского Союза Рабочих», поставляя себе целью:

Во-первых: пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнёта капитала и привилегированных классов. Во-вторых: объединение рабоч[их] Южно-Российского края. В-третьих: для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком»².

В этом уставе обращает на себя внимание отсутствие указаний на подлинные противоречия капитализма. Устав в духе идей утопического социализма констатирует противоречие капиталистического режима с идеалами справедливости. Устав свидетельствует также, что его авторам не ясна была историческая роль пролетариата как гегемона в отношении других групп трудящих-

¹ В. И. Ленин, Попятное направление в русской социал-демократии, Соч., т. 4, стр. 237.

² «Устав Южно-российского союза рабочих», сборник «Южно-российский союз рабочих», Госиздат Украины, 1924, стр. 17.

ся, в особенности крестьянства, в предстоявшей революционной борьбе. Что касается непосредственной борьбы против существующего социально-политического режима, то устав рассматривал её как дело будущего, выдвигая на первый план пропагандистскую деятельность союза среди рабочих.

Устав «Южно-российского союза рабочих» был составлен под идейным влиянием устава I Интернационала, а также лавристов, которые в отличие от анархистов-бакунистов были сторонниками пропагандистской тактики. «Южно-российский союз рабочих» при всех слабых сторонах его программы знаменовал собой разрыв рабочих с народничеством, он знаменовал собой зарождение новых тенденций в развитии революционного движения: стремление рабочих к созданию самостоятельной классовой революционной организации.

Во главе «Северного союза русских рабочих» стояли столяр Халтурин и слесарь Обнорский¹. На программу «Северного союза русских рабочих» наложила отпечаток деятельность социал-демократических партий и I Интернационала, руководимого Марксом.

Союз ставил своей конечной целью проведение социалистической революции — «ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого». В качестве своей ближайшей задачи союз выдвинул завоевание политической свободы и политических прав для народа. Союз начал принимать участие в стачках рабочих. Однако он был разгромлён царским правительством.

В России 70-х годов, как писал Ленин, в общем потоке народничества пролетарско-демократическая струя не могла выделиться. Это выделение стало возможно лишь после возникновения в 1883 г. группы «Освобождение труда» и развёртывания непрерывного рабочего движения в связи с появлением социал-демократии.

¹ В 1879 г. Обнорский был арестован и приговорён к каторжным работам на 10 лет. Каторгу отбывал на Каре, а потом отправлен был на поселение в Сибирь. В настоящее время собраны очень ценные материалы и воспоминания, которые освещают дальнейший жизненный путь Обнорского в Сибири. Выйдя на поселение, он первое время жил в Забайкалье, а последние 10 лет (с 1909 по 1919) — в Кузнецке, Томской губернии. В продолжение всей своей жизни в Кузнецке Обнорский занимался слесарным делом. Когда знакомые спрашивали, есть ли у него семья, Обнорский отвечал: «Моя семья — весь рабочий класс». Во время первой мировой войны, в 1915 г., Обнорский своим друзьям говорил: «Воевать надо... только не с немцами, а с самодержавием». Когда до Кузнецка дошла весть о Великой Октябрьской социалистической революции, Обнорский, семидесятилетний старик, плакал от радости. Он с головой ушёл в общественную жизнь. Он любил повторять: «И мы не напрасно в мире жили». После захвата Сибири колчаковцами и интервентами Обнорский заболел. 16 апреля 1919 г. он умер в Томске (см. «Новое о В. П. Обнорском», «Литературная газета», 3 августа 1950 г.).

«РАБОЧИЙ ВОПРОС» В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 70-х ГОДОВ

Промышленный прогресс, происходивший в стране, развитие капитализма и в промышленности, и в земледелии, рост классового самосознания пролетариата и в особенности стачечного движения предопределили интерес к судьбам развития капитализма в России и, в частности, к «рабочему вопросу» среди различных представителей русской общественной мысли.

Так, например, Н. К. Михайловский писал: «Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует *передачи* условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только *сохранение* условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности»¹.

Разрешение «рабочего вопроса» Михайловский видел в «развитии тех отношений труда и собственности, которые уже существуют в наличности, но в крайне грубом, первобытном виде»². Михайловский — сторонник широкого государственного вмешательства, которое в первую очередь должно осуществить законодательное закрепление поземельной общины.

Либерально-народническая газета «Неделя» также считала, что «рабочий вопрос» ставится по-разному на Западе и в России. «Наш рабочий, благодаря общине, утраченной на Западе и к счастью оставшейся у нас ещё до сих пор, — землевладелец; он, следовательно, имеет возможность приложить значительную долю своего труда, не нуждаясь в предпринимателе, что на Западе буквально невозможно. Это сразу изменяет всю постановку вопроса и ставит у нас фабричную работу или домашнюю промышленность в тесную зависимость от условий землевладения»³. Однако, утверждает «Неделя», всякого рода налоги, связанные с русским землевладением, подушные, поземельные, оброчные и выкупные платежи уничтожают все выгоды, которые могли бы иметь русские «рабочие классы» от своего землевладения. Разрешение «рабочего вопроса» «Неделя» видит в мероприятиях государственной власти в области налоговой политики, которые приведут к тому, что землевладение обеспечит «свободу труда».

Таким образом, «Неделя» в духе либерального народничества все свои упования возлагает на царское правительство, которое своей «реформаторской» деятельностью способно разрешить «рабочий вопрос».

¹ Н. Михайловский, Литературные и журнальные заметки, «Отечественные записки» № 8, 1872 г., стр. 395.

² Там же.

³ «Постановка рабочего вопроса», «Неделя», 2 (14) ноября 1871 г.

Журнал «Вестник Европы», проводивший взгляды русской либеральной буржуазии, писал, что «рабочий вопрос» и тесно связанный с ним пролетариат представляют собой лишь частное проявление неправильно решённого аграрного вопроса. По мнению «Вестника Европы» оказывается, что проблема спроса и предложения труда вовсе недостойна быть предметом научного изучения, что «рабочий вопрос» — это «экономическая фантазия, сочинённая на основании принципа грубого эгоизма», что это «вопрос разнузданных страстей».

«Вестник Европы» договаривается до утверждения того, что антагонистический характер отношений между капиталистами и рабочими якобы коренится в «неясности самого термина» «рабочий вопрос», в туманности его «определения»¹.

Конечный смысл всех этих высокопарных, напыщенных рассуждений «Вестника Европы» сводится к тому, что никаких антагонистических противоречий в буржуазном обществе не существует, что такого рода утверждения представляют собой лишь порождение «экономической фантазии». Борьба же рабочих за улучшение своего положения — это лишь проявление «разнузданных страстей», она «бессмысленна» и «безнравственна», ибо посягает на устои капитализма, на его священный принцип — частную собственность.

Либеральная газета «С-Петербургские ведомости», которую Щедрин называл «старейшей российской пенкоснимательницей» и клеймил её исключительную бессодержательность и стремление жгучие проблемы русской жизни топить в потоке пустых, общих фраз, писала, что если на Западе существует так называемый «рабочий вопрос» — антагонизм интересов между пролетариями и предпринимателями, то иная картина наблюдается в России.

«Нетрудно убедиться в том, — писала газета, — что нашему обществу не грозит никакой опасности в виде «социального движения» в западном смысле, что нет и тени сословной вражды между русскими хозяевами и рабочими и что мы должны стремиться только к тому, чтоб не возбуждать её искусственно несправедливыми мерами, клонящимися к покровительству одним на счёт других»².

Исходя из других «теоретических» позиций, реакционер Катков считал, что «рабочего вопроса» в России не существует, что в применении к России нельзя говорить ни о пролетариате, ни о деспотизме капитала.

Газета «Московские ведомости», которая представляла собой монархическо-националистический орган, проводивший взгляды

¹ См. Юрий Россель, Аграрный вопрос и его главные задачи, «Вестник Европы», т. III, № 6, 1877 г., стр. 605—606.

² «С-Петербургские ведомости», 22 июня (4 июля) 1871 г.

наиболее реакционных слоёв помещиков и духовенства, также отмечала, что судьба «рабочего вопроса» в России отличается от его постановки в Западной Европе. В духе великодержавного (великорусского) шовинизма газета считала, что в возбуждении тревоги «призраком рабочего вопроса» повинны «антинациональные партии» на окраинах России. Газета вынуждена признать, что в России «действительно бывают большие замешательства в отношениях рабочих к рядчикам», однако «Московские ведомости» утешали себя тем, что в России «все столкновения и недоразумения между рабочими и хозяевами происходят от причин чисто внешних, именно от недостатков законодательства, совершенно устарелого сравнительно с новыми условиями как вольнонаёмного труда, так и судебного порядка, а равно и от дурного строя администрации, препятствующего развитию свободы труда»¹.

Если в приведённых высказываниях и утверждается, что на русской почве нет благоприятных условий для «рабочего вопроса», то всё же в них чувствуется тревога, ибо налицо были «замешательства» в виде стачек, которые являлись предвестниками грядущих острых конфликтов между капиталом и трудом. Крупную роль в деле пробуждения интереса к положению рабочего класса в России 70-х годов сыграла книга Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». В этой книге Берви-Флеровский развенчал легенду о том, что в России нет пролетариата. Основываясь на богатом конкретном материале, автор дал описание бесправия и эксплуатации русского рабочего класса, под которым он понимал или сельскохозяйственных рабочих, или крестьян, уходивших на отхожие промыслы. Россия, доказывал Берви-Флеровский, — страна повального пауперизма, несмотря на наличие в ней общинного землевладения, которое «отдаёт землю почти исключительно во власть тех, кто её обрабатывает». Высокую оценку книги Берви-Флеровского дал Маркс, назвавший её первым произведением, в котором сообщается правда об экономическом положении России.

Наряду с положительной оценкой книги Берви-Флеровского, этого, по словам Маркса, «серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника»², те места книги Флеровского, где отражены его народнические

¹ «Московские ведомости», 14 февраля 1871 г.

² См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 39. В письме к К. Марксу от 30 сентября (12 октября) 1869 г. Н. Ф. Даниельсон писал, что Флеровскому удалось «ознакомиться до мельчайших подробностей с экономическим укладом и жизнью русского мужика... Посылаю Вам эту книгу («Положение рабочего класса в России» Флеровского.— А. Р.), — заключает своё письмо Даниельсон, — в надежде, что она даст Вам необходимый материал для следующих частей Вашего классического труда «Капитал» и т. д.» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 70—71).

воззрения, характеризуются Марксом как «фантастическая болтовня», «повторение Прудона».

Интересно следующее замечание Маркса в письме к Энгельсу от 12 февраля 1870 г., сделанное им по прочтении книги Флоровского: «Из его книги неопровержимо вытекает, что нынешнее положение в России не долго удержится, что уничтожение крепостного права, of course ¹, лишь ускорило процесс разложения и что предстоит страшная социальная революция» ².

Приведённое замечание Маркса находится в тесной связи с его воззрениями на международное значение революционного движения в России 60—70-х годов. В связи с победой реформизма в рабочем движении Англии 70-х годов и с наступлением после поражения Коммуны реакции во Франции Маркс считал, что центр революционного движения переносится на Восток, особенно в Россию ³.

«Рабочий вопрос» стоял также на повестке дня I Всероссийского съезда фабрикантов, происходившего в 1870 г. Даже на этом съезде, где речи ораторов были проникнуты «идеями» гармонии труда и капитала, в некоторых выступлениях нашёл своё отражение вопрос о непомерной эксплуатации рабочих, в особенности детей. Наметились две точки зрения. Одни настаивали на том, что всякая попытка ограничительных мероприятий в области женского и детского труда является нарушением движущей силы хозяйственной деятельности — свободы; другие считали необходимым ввести ряд ограничений. Отметим выступление либераль-

¹ В сущности.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 292.

³ Маркс был представителем русских социалистов в I Интернационале, хотя он и не разделял их теоретических взглядов. Маркс и Энгельс проявляли большой интерес к образовавшейся в Женеве группе молодых русских эмигрантов, в которую входили Утин, Трусов и Дмитриева. В письме к Марксу Комитета русской секции I Интернационала мы читаем: «Наше настойчивое желание иметь Вас нашим представителем объясняется тем, что Ваше имя вполне заслуженно почитается русской студенческой молодежью, вышедшей в значительной своей части из рядов трудового народа... Воспитанные в духе идей нашего учителя Чернышевского, осужденного за свои сочинения на каторгу в Сибирь в 1864 г., — мы с радостью приветствовали Ваше изложение социалистических принципов и Вашу критику системы промышленного феодализма... Русская демократическая молодежь получила сегодня возможность устами своих изгнанных братьев высказать Вам свою глубокую признательность за ту помощь, которую Вы оказали нашему делу Вашей теоретической и практической пропагандой, и эта молодежь просит Вас оказать ей новую услугу: быть ее представителем в Генеральном Совете в Лондоне» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 36—37). Маркс весьма положительно отнёсся к обращению к нему группы русской революционно настроенной молодежи, рассматривая её как соратника в борьбе с панславизмом, с Бакуниным. Об этом свидетельствует конфиденциальное сообщение, где Маркс писал о подрывной работе М. Бакунина в Интернационале (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 366—367).

ного экономиста Вредена. Исходя из той предпосылки, что отношение предпринимателя к наёмным рабочим является отношением двоякого рода: экономическим, обусловленным увеличением прибыли предпринимателя, и юридическим, порождаемым общими требованиями гражданской ответственности, Вреден считал необходимым провести ряд законодательных мероприятий в области детского труда.

Он выразил пожелание, чтобы труд малолетних до 12 лет вообще не допускался, а от 12 до 17 лет применялся с ограничением. Вреден говорил: «...Я полагаю, что раньше известного возраста ни в каком случае не следует допустить малолетних в промышленные заведения, какого бы рода они ни были: и в силу того юридического соображения, что кто сам защищать своих прав не может, о том должно пещись общество, да и в силу того экономического соображения, что это не подспорье, а прямое разорение рабочей семьи»¹. Отметим также выступление Мясоедова, который утверждал, что в России в отличие от Запада нет рабочего класса, а имеются работники на фабриках, применяющие там труд вне времени, занятого земледелием и некоторыми ремёслами. Он говорил: «Главной причиной того, что рабочий класс у нас не может представляться в том виде, как на Западе, есть то, что у нас нет пролетариата... У нас та среда, которая составляет рабочий класс, почти вся занимается земледелием». Мясоедов считал, что съезд должен обратиться к правительству с ходатайством о разработке и развитии артельных начал, искони присущих русскому рабочему.

Дискуссия по «рабочему вопросу» на I съезде русских фабрикантов является доказательством того, что «рабочий вопрос» в 70-х годах был проблемой, которая с разных сторон интересовала и вызывала беспокойство как капиталистов — фабрикантов, заводчиков и торговцев, так и литераторов и учёных. Причиной дебатов по «рабочему вопросу» в рядах представителей русской буржуазии были стачечное движение, рост классового самосознания пролетариата.

Ярким показателем злободневности «рабочего вопроса» в России является живой интерес, который проявили различные течения русской общественной мысли к драматическим событиям, связанным с судьбой Парижской Коммуны 1871 г.

Передовая журналистика, несмотря на господствовавший цензурный гнёт, выражала своё сочувствие парижским коммунарам. По требованию цензуры из номера журнала «Отечественных записок» была изъята V глава анонимных «Итогов» Салтыкова-

¹ «Протоколы и стенографические отчёты заседаний I Всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью», Спб. 1870, Стенографический отчёт заседаний 6-го отделения, стр. 59.

Щедрина, в которой эзоповским языком излагались события в Париже. Салтыков-Щедрин писал: «...Ежели перед нашими глазами в обществе происходит движение, стремящееся расширить арену человеческой индустрии (деятельности.— *А. Р.*) и освободить её от связывающих пут, то как бы ни поражало нас это движение своею необычностью, мы не имеем права видеть в нём ни анархии, ни так называемого «попрания авторитета»¹.

С ненавистью и презрением Салтыков-Щедрин относится к палачам Коммуны, к «одичалым консерваторам Франции». Говоря о жестокостях «анархистов успокоения», которые изобретательны до уточнённости в своих истязаниях, великий сатирик восклицает: «Нет ничего отвратительнее, как зрелище торжествующей анархии консерватизма». Салтыков-Щедрин указывает, что «жертвами консервативной анархии являются обыкновенно люди, находящиеся в полном развитии сил», и что «исчезновение их непосредственно посекает жатву будущего». Салтыков-Щедрин предвидит новый взрыв революции, ибо победа торжествующих «анархистов успокоения» — это пиррова победа. Как грозное предсказание, звучали следующие строки статьи Салтыкова-Щедрина: ежели обделённый «не протестует, то или потому, что он находится в оцепенении, или потому, что приберегает свой протест до более благоприятного случая»².

Об отношении Салтыкова-Щедрина к Парижской Коммуне Ленин писал следующее: «Щедрин классически высмеял когда-то Францию, расстрелявшую коммунаров, Францию пресмыкающихся перед русскими тиранами банкиров, как республику без республиканцев»³.

Пётр Боборыкин писал в августовском номере «Отечественных записок» о Парижской Коммуне, что это «был вооружённый взрыв небывалых громадных размеров, где впервые выступил работник не с пикой и ножом, а с грозной артиллерией»⁴.

Рисуя ужасы солдатской расправы, невиданно варварской бойни живых людей, которую устроили палачи Коммуны, Боборыкин пишет: «Чем дальше вы проникаете в Сент-Антуанское предместье или по направлению к Вилетте..., тем ярче рисуется

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин, Итоги, сборник «Неизвестные страницы», Academia, М.—Л. 1931, стр. 292.

² М. Е. Салтыков-Щедрин, Итоги, сборник «Неизвестные страницы», стр. 304. Имеются основания предполагать, что и стихотворения Н. А. Некрасова «Смолкли честные, доблестно павшие...» и «Страшный год» являются откликами на события Парижской Коммуны и франко-прусской войны (см. «Некрасов и Парижская Коммуна», «Литературное наследство» № 49—50, 1946 г., стр. 397—428).

³ В. И. Ленин, Плеханов и Васильев, Соч., т. 11, стр. 384.

⁴ Пётр Боборыкин, На развалинах Парижа (Письмо первое), «Отечественные записки» № 8, 1871 г., стр. 287.

перед вами картина кровавой бойни, тем осязательнее нащупываете вы примеры глухого, но рокового брожения, чреватого новыми ужасающими взрывами»¹. «Но нетрудно предсказать,— пишет в заключение Боборыкин,— что если Париж дѣла и мысли будет опять в услужении у Парижа безделья и бессмыслия, новое 18 марта — не за горами»².

Внимание Боборыкина привлекло также участие в Парижской Коммуне деятелей науки и искусства.

«Для Коммуны,— утверждал Боборыкин,— участие таких даровитых художников, как Курбе, было фактом, показывающим, что её идеи проникли и в сферу, которая до того сторонилась от всякого социально-политического движения»³.

О Парижской Коммуне и её значении высказался и Берви-Флеровский. Он писал, что в то время, как «Франция погрязла в жалком болоте крови, невежества и грязных чувств, в одном Париже звучал голос истины, в одном Париже указывали народу единственный путь, которым можно было идти в его безвыходном положении»⁴. В противоположность немцам, которые, по мнению Берви-Флеровского, проповедовали насильственное обращение «путём завоевания всех народов в немцев», французы противопоставили «идею свободной жизни народов при условиях свободной федерации равносильных и притом таких слабых административных единиц, чтобы ни одна не могла навязывать себя или своей национальности или религии и мысли другим...»⁵.

Парижская Коммуна, по мнению Берви-Флеровского, боролась под знаменем свободы народов. Автор ставит в заслугу Парижской Коммуне идею децентрализации, широкого развития местного самоуправления и идею дешёвого управления. Отдавая дань уважения вождям Парижской Коммуны, Берви-Флеровский с негодованием пишет о терроре Тьера, сравнивая его с теми деятелями мировой истории, которые заслужили печальную известность своей бессмысленной жестокостью. Берви-Флеровский был далёк от понимания подлинного значения Парижской Коммуны. Но всё же он выступил как представитель прогрессивного лагеря русской общественной мысли, сочувствовавший борьбе трудящихся за своё освобождение⁶.

¹ Пётр Боборыкин, На развалинах Парижа (Письмо первое), «Отечественные записки» № 8, 1871 г., стр. 306.

² Там же, стр. 312.

³ Пётр Боборыкин, На развалинах Парижа (Письмо второе), «Отечественные записки» № 11, 1871 г., стр. 132.

⁴ [В. Берви], Исследования по текущим вопросам, Спб. 1872, стр. 233.

⁵ Там же.

⁶ В своём заключении о книге Берви-Флеровского «Исследования по текущим вопросам» министр внутренних дел Тимашёв писал, что «рассматриваемое сочинение опирается на такие начала, которые опровергают основания всякого государственного строя», что Берви-Флеровский «оправдывает побуждения

На события Парижской Коммуны откликнулась и подпольная печать в России 70-х годов. Так, например, Н. П. Гончаров, который был идейно близок к конспиративным организациям 60-х годов, является автором революционных листовок о Парижской Коммуне, носивших название «Виселица». Автор рассматривает Парижскую Коммуну как пролог мировой революцией, он призывает к помощи Парижу, погибающему от версальских разбойников¹.

Говоря о победе «нашей кровной русской революции», которая приведёт к тому, что «тысячи коммун покроют русскую землю», автор в духе «Европейского революционного комитета» недооценивает революционность крестьянства. Он считает, что двинуть на «самостоятельную работу» крестьянство, «окостеневшего мучика» почти невозможно.

Ставя перед собой задачу «кровавой расправы с неравенством прав, с неравенством благ, во имя абсолютного равенства людей в будущем», автор видит движущую силу русской революции в молодёжи, в инициативном революционном меньшинстве. «Надежды наши на здоровых умственно и физически, сильных волею и кипучей страстью, молодых русских людей. Они разобьют власть, сравняют людей во всём и воспитают следующее поколение в роскошной обстановке коммун. Ни судей, ни докторов не понадобится тогда, и воцарится счастье и мир на русской земле»².

Листовки о Парижской Коммуне Н. П. Гончарова были созвучны идеям каракозовцев и нечаевцев с их культом индивидуального террора.

Первым откликом русских рабочих на Парижскую Коммуну был адрес, посланный одесскими рабочими французским рабочим 18 марта 1878 г. «Мы трепетно ждём наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за права трудящихся против эксплуататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы. А пока, — у нас идёт глухая, неравная борьба, в которой гибнут медленной, мучительной смертью, в тюрьмах и на каторге, наши лучшие люди, эти мужественные застрельщики святого дела народного освобождения... Вы правы были, когда в 1871 г. вы говорили, что сражаетесь за всё человечество: да! интересы всех народов так тесно связаны

государственных преступников к революции и представляет Парижскую коммуну единственным путём к достижению благосостояния, а коневодов её — олицетворением чести и благородства».

Согласно решению комитета министров указанная книга Берви-Флеровского была уничтожена 22 июня 1873 г. (см. «Запрещённые и уничтоженные книги В. В. Берви-Флеровского», «Литературное наследство» № 7—8, 1933 г., стр. 176).

¹ См. «Виселица. Революционные листовки о Парижской Коммуне», «Литературное наследство» № 1, 1931 г., стр. 161.

² Там же, стр. 162.

между собою, что торжество народа в одной стране немедленно повлечёт за собою торжество народа во всём мире...»¹. С выступлением русского рабочего класса на историческую арену день 18 марта 1871 г. стал одной из самых памятных дат в его революционном календаре.

К событиям Парижской Коммуны проявляла большой интерес также русская либеральная и реакционная печать. Так, например, «С.-Петербургские ведомости» пытались стать в позу арбитра между враждующими сторонами, доказывая, что «одна сторона — отжившие люди и клерикалы Версаля — опиралась лишь на юридическую легальность и на физическую силу; другая сторона — тёмные фанатики парижской Коммуны — отрицала действительность и следовала только влечению народной страсти»².

Ссылаясь в качестве авторитета на Бисмарка, газета утверждает, что Коммуна выражала «известную долю истины», так как она провозгласила необходимость широкого самоуправления для городов и общин. В ряде статей и фельетонов «С.-Петербургские ведомости» проводили ту мысль, что Франция должна в виде самоуправления завести у себя спасительный от революции «колпак».

Умеренно либеральная газета «Голос», которая провозглашала необходимость единомыслия, солидарности печатного слова с «действиями и предначертаниями правительства», писала: «Торжество революции повлекло бы за собой анархию, в которой погибнут и собственность, и все основы гражданского устройства»³. Через несколько дней эта же газета писала, что было бы бесполезно искать главную причину парижского восстания в тех или других современных нам событиях: «События эти послужили лишь предлогом; но корень зла лежит гораздо глубже... Социализм и разрушительные учения — вот что подкапывало почву целые десятки лет»⁴.

Органы либеральной печати — «С.-Петербургские ведомости», «Голос» выступали как заклятые враги социализма, революционного движения; сущность Парижской Коммуны 1871 г. они сводили к борьбе за городское и общинное самоуправление.

Показателем враждебного отношения к Парижской Коммуне эпигонов славянофильства в России 70-х годов могут служить высказывания поэта Ф. И. Тютчева. В письме к И. С. Аксакову от 7(19) мая 1871 г. он вынужден признать, что встречает «людей серьёзных, учёных и даже нравственных, которые несколько

¹ «Община» № 3—4, Женева 1878 г., стр. 4—5.

² «С.-Петербургские ведомости», 15(27) мая 1871 г.

³ «Голос», 9(21) марта 1871 г.

⁴ «Голос», 12(24) марта 1871 г.

не скрывают своего горячего сочувствия к Парижской коммуне» и которые, более того, «видят в её действиях занимающуюся зарю всемирного возрождения». И далее Тютчев выдвигает несуразное толкование событий Парижской Коммуны 1871 г. как борьбы «нигилистов» за осуществление принципов анархизма.

Трактуя программу Парижской Коммуны в бакунистическом духе, Тютчев в то же время понимает, что враги Коммуны могут противопоставить ей только грубую силу. Уже в первые дни Коммуны Тютчев писал: «Возможно, что и на сей раз европейское общество не даст нападающим поработить себя, но уже в нём нет того, что могло бы победить их и сдерживать»¹.

Таким образом, Тютчев вынужден был признать наступление сумерек старого, буржуазного общества.

Оценку Парижской Коммуны, которая была близка к тютчевской, давал либеральный цензор, представитель университетской науки Никитенко. В его дневнике, в записи, датированной 10 апреля 1871 г., мы читаем: «Парижская коммуна требует совершенной перестройки или, лучше сказать, замены государства конфедерацией общин, т. е. полного осуществления социалистических теорий. Государство, по мнению этих великих реформаторов и учителей, отжило, и начинается жизнь общин. А что же вы делаете из государств и больших ныне существующих государств, которых, всё-таки, немало найдётся на белом свете? Как, что? Мы их разрушим: для этого-то и следует учредить всемирную революцию, а затем что будет — не наше дело»².

Считая, что Коммуна ставила своей целью осуществление бунта в духе Бакунина, Никитенко приходит к выводу, что Коммуна своим стремлением к «господству черни» посягала на идею свободы. Так преломлялось в сознании либеральствующего профессора великое восстание французских коммунаров.

Ещё до восстания парижских коммунаров III отделение департамента полиции получило информацию о состоянии рабочего движения на Западе. Русская реакционная печать, проявлявшая также большой интерес к проникновению в Россию идей социализма, приписывала все события революционного движения в России — и в этом отношении она не отставала от департамента полиции — «посторонней агитации», крамоле, идущей с Запада. Так, например, покушение Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. Катков считал делом рук Интернационала. По мнению Каткова, каракозовцы — это часть «революционной сети, охватившей всю Европу».

¹ «Ф. И. Тютчев о французских политических событиях 1870—1873 гг.», «Литературное наследство» № 31—32, 1937 г., стр. 763.

² А. В. Никитенко, *Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»*. Записки и дневники (1804—1877), т. II, изд. 2, Спб. 1905, стр. 426—427.

Реакционная печать изображала Интернационал то как группу случайных элементов, то как всемогущих заговорщиков, являющихся орудием международной политики Англии, ловким инструментом в её дипломатической игре. Тот же Катков писал, что деятельность Интернационала направлена на Россию в интересах сохранения монопольного положения Англии на мировом рынке. Польское восстание 1863 г. Катков также трактовал как продукт международного заговора.

С наступлением 1871 года — года Парижской Коммуны — реакционная печать ещё более резко ополчилась против Интернационала и К. Маркса. Катков приходит в ярость, когда он обращается к документам Интернационала. Так, например, образцом «шутовства» этот подлый лакей самодержавия считал слова одного документа Интернационала, в котором указывается делегатам Гаагского конгресса, что они собрались «дать лучшую организацию партии освобождения рабочих и распространить её на все нации». И на процессе Ткачёва прокурор Шрейбер сказал: «Всему читающему миру сделалось известным, что вожаки международного товарищества рабочих преследуют цели атеистические, коммунистические и революционные, и что посему не следует дозволять в публике уставов этого общества»¹.

Нападки на Интернационал усилились в русской реакционной прессе с провозглашением Французской республики 4 сентября 1870 г. и с всенародным, в знаменательный день 18 марта 1871 г., торжественным объявлением о совершившейся первой в мире рабочей революции.

В связи с событиями Парижской Коммуны европейская буржуазная печать открыла кампанию гнусной лжи и клеветы против коммунаров, против Интернационала, руководимого Марксом и Энгельсом, вставшего на защиту героических пролетариев Парижа. От этого неистовствующего хора не отставали и русские реакционные газеты и журналы.

Парижская Коммуна возбудила в русских консервативных кругах беспокойство и предчувствие грядущих социальных потрясений². Возникло опасение, что и на русскую

¹ «Правительственный вестник» № 194, 1871 г., стр. 2.

² Судьба Коммуны привлекла особое внимание царского правительства. Как видно из архивных документов, решительное наступление версальцев на Париж в конце апреля было в интересах царского правительства и активно им поддерживалось. В донесениях царского посла Окунева из Парижа, где освещён последний этап истории Коммуны — май 1871 г., сообщаются царю и Горчакову подробности подготавливаемого наступления на Париж. Царский дипломат интересовался судьбой Коммуны также потому, что среди повстанцев активное участие принимали поляки. Так, в донесении Горчакову от 26 апреля (8 мая) 1871 г. Окунев сообщает, тем самым выполняя функцию и полицейского агента, список 47 польских эмигрантов, состоящих на службе у Коммуны. По сведениям Окунева, число политических эмигрантов, участвовавших в Ком

почву может быть перенесена борьба французских коммунаров¹.

Правда, печать, как консервативная, так и либеральная, убаюкивала себя тем, что трезвый взгляд на «рабочий вопрос» не позволяет тратить силы на борьбу с «несуществующим пролетариатом», однако «несуществующий пролетариат» становился на ноги и давал себя знать такими внушительными «замешательствами», как стачки. Страх перед возможностью революционного взрыва был настолько велик, что на страницах прессы можно было встретить призывы к правительству о немедленном спасении. Так, например, «Сын отечества» писал: «Хотя Лондон служит одним из главных центров международного революционного общества (I Интернационал), но работа этой ассоциации производится преимущественно на европейском материке. Парижские события слишком ясно доказали могущество этих тайных революционеров, и так как их деятельность распространяется не на одну Францию, а на всю Европу, то все правительство должно заблаговременно принять против них меры предосторожности»². Парижская Коммуна, бывшая, по словам Маркса, правительством рабочего класса, результатом борьбы производительного класса против присваивающего, названная Лениным «величайшим образцом величайшего пролетарского движения XIX века», бывшая, как указывает И. В. Сталин, зародышем той политической формы, в рамках которой должно быть совершено экономическое освобождение пролетариата, нашла широкий отклик среди различных течений русской общественной мысли.

Многообразные оценки Парижской Коммуны в русской журналистике 70-х годов — наглядный показатель живейшего интереса в России в эту эпоху к «рабочему вопросу». Злободневность «рабочего вопроса» была порождена развитием капитализма во всех сферах русского народного хозяйства, всё обостряющимися классовыми противоречиями в недрах русского общественного строя, всё возрастающей ролью наёмного труда в народном хозяйстве, неуклонным ростом классового самосознания рабочего класса, всё усиливающейся стачечной борьбой пролетариата. Эти же обстоятельства были и причиной пробуждения интереса к «Капиталу» в России 70-х годов.

муне, достигало цифры 500—600 человек («Парижская коммуна 1871 г.», «Красный архив», т. 2 (45), 1931 г., стр. 18).

¹ Секретный циркуляр шефа жандармов графа П. А. Шувалова от 13(25) марта 1871 г. предписывал всем жандармам усилить надзор за неблагонадёжными элементами страны и прислушиваться к настроениям разных кругов общества «ввиду происходящей в Европе смуты и возможного возникновения разных толков по сему прискорбному поводу среди части населения, увлечённой крамольной агитацией» (Р. М. Кантор, Царская охранка и Парижская Коммуна, «Прожектор», 18 марта 1928 г., стр. 6).

² «Сын отечества», 21 мая 1871 г.

Интерес к экономическому учению Маркса в России 70-х годов был идейно подготовлен предшествующим развитием русской общественной мысли, деятельностью Герцена и Чернышевского, которые в своих философских и социально-экономических воззрениях шли к научному социализму и тем самым готовили почву для восприятия в России идей марксизма.

Начиная с 40-х и до 90-х годов XIX в. «...передовая мысль в России,— писал Ленин,— под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области»¹.

«Марксизм,— указывал Ленин,— как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»². Естественно поэтому, что, когда в России 70-х годов злободневным стал вопрос о судьбах капиталистического развития, идеологи классов, «критически» настроенных к капитализму, стали искать в «Капитале» ответов на вопросы, связанные с перспективами народнохозяйственного развития страны, поскольку в «Капитале» была дана непревзойдённая критика капиталистической эксплуатации, с замечательной глубиной была вскрыта закономерность возникновения, развития и гибели капитализма.

«...Для русских социалистов,— писал Ленин,— почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»³.

В интересах обоснования той или иной концепции судеб капитализма в России идеи Маркса подвергались извращению и перерабатывались на соответствующий лад.

«Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву мар-

¹ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 9.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 249.

ксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»¹.

Показателем пробуждения интереса к Марксу в России 70-х годов были ссылки на «Капитал» в ряде произведений русских учёных и экономистов 60—70-х годов, работы Зибера, выход в свет русского перевода I и II томов «Капитала», обилие рецензий на «Капитал» в русской периодической печати на фоне «заговора молчания», которым буржуазная наука и публицистика встретили работы Маркса в странах Западной Европы и Америки, острая полемика вокруг «Капитала» на страницах легальных журналов.

Этот интерес к гениальному творению Маркса, как мы видели, коренился в социально-экономической обстановке России 70-х годов, поставившей вопрос о судьбах капиталистического развития России в центре внимания общественной мысли.

¹ В. И. Ленин, По поводу юбилея, Соч., т. 17, стр. 85.

Глава третья

ОТКЛИКИ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА В РОССИИ 40—60-х ГОДОВ XIX в.

Интерес отдельных представителей русской общественной мысли к Марксу и Энгельсу, как к выдающимся деятелям западноевропейского революционного движения и носителям передовой науки, относится ещё к 40-м годам XIX в. Представители русской интеллигенции познакомились с отдельными произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса. А некоторые из них встречались лично с Марксом и Энгельсом.

Ещё Белинский был знаком с единственным выпуском «*Deutsche Französische Jahrbücher*» 1844 г., в котором сотрудничал К. Маркс¹. Белинский писал Герцену: «Два дня я от неё (книжки «*Deutsche Französische Jahrbücher*». — *A. P.*) был бодр и весел, — и всё тут. Истину я взял себе, — и в словах *Бог* и *религия* вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре»².

В 1842 г. вышла в свет анонимная брошюра «Шеллинг и откровение», автором которой долго считался Бакунин. На самом деле она была написана Энгельсом. В этой книге, как и в других работах этого периода, Энгельс выступает как пламенный революционный демократ. Он подвергает сокрушительной критике «философию откровения» Шеллинга, берёт под свою защиту Гегеля, вскрывая в то же время в гегелевской философии противоречие между основной философской идеей и умеренными выводами. Эти работы Энгельса нашли широкий общественный отклик не только в Германии, но и в России. Реакционные положения «философии

¹ Ленин даёт следующую оценку статьям, которые Маркс опубликовал в «*Deutsche Französische Jahrbücher*»: «В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*» (*В. И. Ленин*, Карл Маркс, Соч., т. 21, стр. 31).

² В. Г. Белинский, Письмо к А. И. Герцену 26 января 1845 г., Письма, т. III, 1914, стр. 87.

откровения» Шеллинга послужили философской основой для славянофилов. О Каткове в своё время Белинский писал: «...Лекции Шеллинга об откровении кажутся ему глубже всего, что только есть на свете. Бедный Гегель!»¹.

Критика, которой Энгельс подверг «философию откровения» Шеллинга, была с удивительным встречена прогрессивными русскими деятелями того времени. Брошюра Энгельса «Шеллинг и откровение» была хорошо известна Боткину, как это видно из его статьи, написанной в 1843 г.

В этой статье Боткин констатирует перемещение умственных интересов в Германии из области художественной литературы к вопросам практической жизни. Боткин пишет: «Полнейшим представителем современного движения в Германии должно считать её историческую и философскую критику, в которой преимущественно сосредоточиваются все её современные вопросы науки и жизни. Никогда ещё Германия не разделялась на столько учёных партий, как в настоящее время, никогда ещё не было такой ожесточённой борьбы между партиями, как ныне. На первом плане этой борьбы стоит так называемая «молодая гегелевская школа». Она собственно пробудила эту борьбу, сосредоточив в ней все современные вопросы»². Переходя к лекциям Шеллинга, которые, по мнению Боткина, имели целью «парализовать критическое движение», Боткин излагает, а местами даёт буквальный перевод ряда страниц указанной брошюры Энгельса. Статья Боткина, а по существу Энгельса, была известна Белинскому, которому она очень понравилась. По поводу этой статьи Белинский писал Боткину: «Твоя статья о «Немецкой литературе»... мне чрезвычайно понравилась — умно, дельно и ловко»³. Плеханов, который в 1911 г. ещё не мог знать, кто является автором анонимной брошюры «Шеллинг и откровение», писал о статье Боткина следующее:

«Боткин сочувствует «левой школе» именно за то, что она «вне-сла» в диалектику Гегеля «все жизненные вопросы времени». Это выражение, разумеется, неправильно. Надо было сказать, что левые гегельянцы *воспользовались диалектическим методом Гегеля* для решения названных вопросов. Но дело не в выражении, а в мысли; а мысль здесь та же, какую мы встретили и у Белинского. Заслуга «левой школы» состоит в том, что она восстала против абсолютных выводов Гегеля... и выдвинула на первый план диалектическую сторону его системы, т. е. принялась развивать «идею отрицания»⁴.

¹ В. Г. Белинский, Письма, т. II, Спб. 1914, стр. 306.

² В. Б.-н, Германская литература, «Отечественные записки» № 1, 1843 г., разд. VII, стр. 1.

³ В. Г. Белинский, Письма, т. II, стр. 334.

⁴ Г. В. Плеханов, О Белинском, Соч., т. XXIII, 1926, стр. 174.

В 40-х годах в легальной русской печати встречается первое упоминание о Марксе и Энгельсе. «Справочный энциклопедический словарь», относившийся к коммунистическим идеям резко враждебно, подвергал критике «грубо-материальное, атеистическое философское направление» и клеветнически утверждал в 1848 г., что якобы «ни Маркс, ни Энгельс, которых, кажется, можно принять за главнейших проповедников нового германского материализма, ни другие, ещё не обнародовали ничего, кроме частных черт этого учения»¹.

В 40-х годах имело место проявление известного интереса к воззрениям Маркса со стороны отдельных представителей русской общественной мысли. Об этом свидетельствуют, в частности, письма П. В. Анненкова к Марксу. В письме от 1 ноября 1846 г., обращаясь к Марксу с просьбой сообщить своё мнение о книге Прудона «Система экономических противоречий, или философия нищеты», Анненков писал: «Идеи автора (Прудона. — А. Р.) о боге, провидении, антагонизме духа и материи (которого в действительности не существует) весьма путаны, но экономическая часть кажется мне поистине необычайно сильной»². Не лишено интереса следующее замечание Анненкова, обратившее внимание Маркса: «Самый план книги кажется мне скорее игрой ума, которому приоткрылся уголок немецкой философии, чем планом, естественно вытекающим из самого предмета и из требований его логического развития»³. В своём известном большом письме к Анненкову от 28 декабря 1846 г. Маркс дал предварительный набросок «Нищеты философии»⁴.

В статье «Замечательное десятилетие», напечатанной в «Вестнике Европы» за 1880 г. (№ 1—5), П. Анненков приводит выдержку из письма Маркса к нему о «Философии нищеты» Прудона. В этом письме Маркс пишет о своём согласии с Прудоном в его отвращении к социалистической сентиментальности. Далее Маркс сопоставляет Прудона с Фурье. В переводе П. Анненкова это место звучало так: «Но г. Прудон странно ошибается, заменяя один вид сентиментализма другим, именно сентиментализмом мелкого буржуа и своими декламациями о святости домашнего очага, супружеской любви и других тому подобных вещах, — той сентиментальностью, которая, вдобавок, ещё и глубже была выражена у Фурье, чем во всех самодовольных пошлостях нашего доброго г. Прудона»⁵.

¹ «Философия», Справочный энциклопедический словарь, т. 11, Спб. 1848, стр. 139.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 9.

³ Там же.

⁴ См. там же, стр. 10—21.

⁵ П. В. Анненков, Замечательное десятилетие, «Вестник Европы», кн. 4, 1880 г., стр. 501.

К. Маркс, который читал воспоминания П. Анненкова с карандашом в руке, подчеркнул слова от «той сентиментальности» до «Фурье» и сбоку написал: «J'ai écrit tout à fait le contraire de ce qu'il me fait dire sur Fourier! C'est Fourier qui le premier a persiflé l'idéalisation de la petite bourgeoisie»¹.

Таким образом, Маркс отметил искажение своих взглядов на Фурье в воспоминаниях П. Анненкова. И действительно, Маркс в указанном письме писал, что Прудон противопоставляет свою «сентиментальность мелкого буржуа» «социалистической сентиментальности, которая у Фурье, например, гораздо более глубока, чем претенциозные пошлости нашего доброго г. Прудона»². Об отношении П. В. Анненкова в этот период к коммунизму свидетельствует его письмо к Марксу от 6 января 1847 г., в котором он выражал сомнение, «не предполагает ли коммунизм отказа от некоторых преимуществ цивилизации, отречения от некоторых прерогатив личности, завоеванных с таким трудом, и, наконец, не предполагает ли он весьма трудно достижимого высокого уровня всеобщей нравственности»³. Пошлые ламентации, типичные для вульгарных критиков коммунистических идей.

Знакомство отдельных представителей русской общественной мысли той эпохи с идеями Маркса было случайным, никакой идейной преемственности между западничеством «русских аристократов» 40-х годов, этих просвещённых «гурманов» последнего слова западноевропейской науки и публицистики, и современным пониманием марксизма быть не могло, ибо и Анненков, и Боткин, и Сазонов были далеки от восприятия марксистских идей⁴.

¹ «О Фурье я писал совершенно обратное тому, что он мне приписал! На самом деле именно Фурье первый высмеял идеализацию мелкой буржуазии» (фр.) (см. С. Ан-ский, К характеристике Маркса, «Русская мысль», кн. VIII, 1903, стр. 63).

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 20.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Имя Маркса стало известным в 40-х годах в кругах III отделения по донесениям из Парижа тайного царского агента Якова Толстого. Так, например, в клеветническом, полном инсинуаций донесении от 4(16) марта 1844 г. даётся информация об издании Марксом и Руге журнала «Deutsche Französische Jahrbücher». Толстой писал: «Несколько немецких писателей, высланных за революционные убеждения из Германии и нашедших себе убежище в Париже, основали здесь журнал «Deutsche Französische Jahrbücher» под редакцией профессоров Руге и Маркса. Предприняли они это издание для того, чтобы, пользуясь существующей во Франции свободой печати, распространять в Германии свои разрушительные теории...». Особенно возмущает Я. Толстого, что статьи журнала не оставляют камня на камне от старого мира, от «всего, что достойно самого высокого уважения...». Скорбит Я. Толстой также и о том, что «возмутительные по своему содержанию статьи направлены против королей Пруссии и Баварии». Далее Толстой сообщает, что издание немецко-французского ежегодника прекратилось из-за запрета французских властей. На самом деле издание прекратилось вследствие расхождений между Марксом и Руге и из-за трудно-

Имеются сведения о знакомстве некоторых представителей петрашевцев с отдельными произведениями Маркса и Энгельса.

В коллективной библиотеке петрашевцев наряду с сочинениями философскими (Дидро, Лейбниц, Фейербах и др.), большим количеством фурьеристской литературы и сен-симонистских брошюр имелись произведения политико-экономические, среди последних же наряду с А. Смитом, Сисмонди, Прудоном и др. также «Нищета философии» К. Маркса и «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса. Так, например, Спешнев читал «Нищету философии» Маркса, которую он брал в коллективной библиотеке петрашевцев, прочитав предварительно «Философию нищеты» Прудона¹. Это свидетельствует о том, что петрашевцы живо интересовались передовыми западноевропейскими течениями социалистической мысли.

Герцен, несомненно, знал целый ряд произведений Маркса. Однако взгляды Герцена на русскую общину, якобы призванную обновить сгнившую западноевропейскую цивилизацию, теория «русского социализма» были причиной резких отзывов о Герцене, которые мы встречаем у Маркса и Энгельса.

Так, например, в письме к Энгельсу от 13 февраля 1855 г. Маркс писал: «...Я с Герценом не хочу никогда и нигде фигурировать вместе, так как не держусь того мнения, будто «old Europe»² может быть обновлена русскою кровью»³.

Маркс и Энгельс критиковали теорию «русского социализма» Герцена, но они в то же время видели в Герцене революционера и демократа. Маркс и Энгельс отдавали должное Герцену как деятелю, который своим печатным словом содействовал борьбе за освобождение крестьян. Маркс и Энгельс высоко оценивали «Колокол», как источник, дававший правдивую информацию о России. Об этом свидетельствует, например, письмо Энгельса к Марксу от 21 октября 1858 г., в котором он писал: «Русская история идет очень хорошо. Теперь у них и на юге беспорядки. А rgoros!⁴ Не можешь ли достать мне у Тхоржевского или кого-нибудь, кто состоит теперь агентом Герцена, некоторые из его последних изданий? У них кое-что должно быть, например, его «Голоса из России» или «Колокол». Там, может быть, можно найти материал —

стей распространения журнала в Германии (см. *Е. Тарле*, *Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение, «Литературное наследство» № 31—32, 1937 г., стр. 605*).

¹ Цензура в России рассматривала в 1848 г. французское издание «Нищеты философии». Оно было разрешено, так как, по мнению цензора, «предмет сочинения не может быть применен к России и представляет умозрения довольно отвлеченные» (см. *Л. Полянская*, *Обзор фонда центрального комитета цензуры иностранной, «Архивное дело» № 1(45), 1936 г., стр. 78*).

² Старая Европа.

³ *К. Маркс и Ф. Энгельс*, *Соч.*, т. XXII, стр. 86.

⁴ Кстати!

вряд ли много, но все же кое-где в корреспонденциях и т. д.»¹. Показателен также интерес, который проявляли Маркс и Энгельс к позиции, занимаемой Герценом по поводу польского восстания 1863 г. В письме к Энгельсу от 13 февраля 1863 г. Маркс писал: «...Ты должен теперь внимательно watch² за «Колоколом», ибо теперь Герцену и К^о представляется случай доказать свою революционную честность, хотя бы в той мере, в какой она совместима со славянскими predilections³»⁴. Как известно, Герцен в период событий 1863 г. высоко держал знамя русской демократии.

Нерасположение Герцена к Марксу нашло наибольшее отражение в «Былом и думах». В последние годы своей жизни Герцен, очевидно под влиянием деятельности Интернационала, вступил на путь пересмотра своих взглядов на «марксистов». В частности, это нашло своё отражение в его благожелательном отношении к работе Бакунина над переводом I тома «Капитала».

В письме к Огарёву от 29 сентября 1869 г. Герцен писал: «Дай бог успеха Бакун[инскому] переводу Маркса; я одного не понимаю: почему же он держал под сурдинкой свои сношения с ним? Вся вражда моя с марксистами из-за Бакунина...»⁵.

Этим письмом Герцен косвенно признал ошибочность своих несправедливых нападок на Маркса, допущенных им в середине 50-х годов. У Герцена в противоположность буржуазным либералам, как писал Ленин, «скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, неподвижной классовой борьбе пролетариата»⁶, ибо, как это ярко видно из его произведений, опубликованных после его смерти, Герцен, повторяя ряд своих старых утопических воззрений, подвергает критике анархизм Бакунина и обращает свои взоры не к либерализму, а к интернационализму.

В 60-х годах раздавалась по России могучая проповедь великого просветителя Чернышевского, который был властителем дум разночинной, радикальной молодёжи своего времени.

Как известно, Маркс в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» рассматривает Чернышевского как «великого русского ученого», который в своих «Очерках политической экономии по Миллю» «мастерски выяснил» банкротство буржуазной политической экономии.

В письме к членам комитета русской секции в Женеве от 24 марта 1870 г. Маркс заявляет: «Такие труды, как Флеровского

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 364.

² Следить.

³ Симпатиями.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 134.

⁵ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XXI, 1923, стр. 490.

⁶ В. И. Ленин, Памяти Герцена, Соч., т. 18, стр. 11.

и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века»¹.

Известный народник Герман Лопатин в письме к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. П. Синельникову, объясняя причины своей попытки освободить Н. Г. Чернышевского, писал:

«Он (г. е. Маркс.— А. Р.) не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения; что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем; что политическая смерть Чернышевского есть потеря для учёного мира не только России, но и целой Европы и т. д.»².

Е. Паприц жаловалась в своём письме к Энгельсу на то, что у русских социалистов нет идей и настоящих научных знаний. Энгельс в ответ писал следующее (26 июня 1884 г.): «Мне кажется, что Вы немного несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа,

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 39. В письме к Зигфриду Мейеру от 21 января 1871 г. Маркс писал, что его изучение с начала 1870 г. русского языка было вызвано присылкой из Петербурга сочинения Флеровского «Положение рабочего класса в России», а также желанием «познакомиться... с экономическими (превосходными) работами Чернышевского (в благодарность сосланного в Сибирь на каторгу на семь лет)». И дальше Маркс продолжает: «Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко внизу происходит брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 87, 88). В письмах Маркса мы встречаем оценки отдельных работ Чернышевского. Так, например, в письме к Даниельсону от 12 декабря 1872 г. Маркс оценивает рукопись «Писем без адреса» Чернышевского как очень интересную (см. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 87). Маркс хотел выступить в печати с оценкой жизни и деятельности Чернышевского, чтобы «вызвать к нему симпатию на Западе» (там же). В письме к Даниельсону от 18 января 1873 г. Маркс писал: «Что касается Чернышевского, то Ваше дело решить: должен ли я говорить только об его научных заслугах или могу затронуть и другую сторону его деятельности? Во втором томе моего сочинения он будет фигурировать, конечно, только как экономист. Значительная часть его сочинений мне известна» (там же, стр. 90).

² «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)», П. 1922, стр. 71.

давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой¹.

Энгельс писал о Чернышевском как о «великом мыслителе», «которому Россия обязана бесконечно многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя»². И далее Энгельс указывает на специфические условия русской действительности, в которых протекало творчество Чернышевского: «Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилуйске, среди якутов. Все его умственное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим интеллектуальным барьером. То, чего не пропускала русская цензура, почти или даже совсем не существовало для России. Поэтому, если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше»³.

В работах Чернышевского мы не встречаем ссылок ни на Маркса, ни на Энгельса, однако некоторые косвенные признаки свидетельствуют, что Чернышевский читал Маркса в ссылке. Кроме того, в «Современнике» в 60-х годах печатались статьи по «рабочему вопросу» Н. В. Шелгунова — одного из последователей Чернышевского, которые представляли собой первую популяризацию в России книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Отсюда можно предположить, что Чернышевскому была знакома работа Энгельса.

В конце 50-х и в 60-х годах в отдельных работах и на страницах русских журналов неоднократно встречаются ссылки на

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 276—277.

² Ф. Энгельс, Послесловие к статье «Социальные отношения в России», «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 286. Негодующую оценку царского правосудия, учинившего расправу над Чернышевским, дал также и Маркс. В письме Маркса к Энгельсу от 5 июля 1870 г. мы читаем: «...*Сенат*, по императорскому приказу... послал в Сибирь этого хитрого человека (т. е. Чернышевского.— А. Р.), который «так ловок», как значилось в приговоре, что «сохраняет в своих сочинениях неуязвимую с точки зрения закона форму и вместе с тем открыто изливает в них яд». *Voilà la justice russe*. (Вот оно, русское правосудие.) (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 349.)

³ Ф. Энгельс, Послесловие к статье «Об общественных отношениях в России», «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 286—287.

книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», которую В. И. Ленин рассматривал как одно из лучших произведений в мировой социалистической литературе, и появляются даже оценки этого произведения.

Так, профессор Иван Горлов в полемике с писателями, которые стремились поощрять развитие отечественной промышленности методами протекционизма, в качестве одного из авторитетов ссылался на Энгельса. Исходя из того, что в России мануфактурная промышленность находится в первом периоде своего развития, в «состоянии ремесленности», большей частью распространённой по сёлам и деревням, Горлов настаивал на постепенном введении фабричной системы, в противном случае, по его мнению, будут нарушены «естественные законы общественной экономики».

Горлов писал, что идеи Листа о значении мануфактурной системы нашли последователей и в России, которые утверждали, что ввиду преимуществ «мануфактурной системы» перед земледелием её следует всячески вводить и поощрять методами протекционизма. По Горлову, «протекционизм есть бессильное и ненадёжное орудие успехов народа на пути образованности и хозяйства», и, по его мнению, «плоды мануфактурной промышленности тогда только питательны и обильны, когда народная промышленность развивается постепенно и естественно»¹.

В другом месте Горлов пишет: «Фабричная система устраивается только с течением времени и постепенно, и это составляет истинное благо для народов, ибо, в противном случае, возможные бедствия этой системы дали бы себя чувствовать слишком часто и тягостно. Те, кои при первоначальных формах народного хозяйства настаивают на непрерывное введение фабрик, противятся естественным законам общественной экономики и преждевременным, быстрым развитием могут породить бедствия, которые легче устраняются при естественном и постепенном ходе дел»².

По Горлову, если технические и экономические последствия, порождаемые развитием фабричной системы, выгодны для потребителей, то этого нельзя сказать о хозяйственных результатах, которые она несёт самим производителям.

Для подтверждения своей точки зрения Горлов приводит ряд фактов, иллюстрирующих тяжёлое положение фабричных рабочих. Чтобы «охладить жар приверженцев фабричной системы», Горлов ссылается на ряд авторитетов, в частности на Энгельса как на автора книги «Положение рабочего класса в Англии»³.

¹ *Иван Горлов*, Начала политической экономики, т. I, Спб. 1859, стр. 347

² Там же, стр. 353.

³ См. там же. Для теоретических воззрений Горлова показательны его высказывания в духе вульгарной политэкономии о собственности и коммунизме. По Горлову, частная собственность — это институт, присущий всем временам

Таким образом, Горлов, будучи противником протекционистской политики, ставит вопрос о дальнейших путях экономического развития России, темпах промышленного развития страны. Высказывания Горлова отражают ту идейную борьбу, которая происходила в дореформенной России между представителями свободной торговли — фритредерами и протекционистами. Конечно, вопрос о тарифе, как об этом справедливо писал Н. Г. Чернышевский, не был самой жгучей экономической потребностью эпохи 60-х годов, когда в первую очередь выдвигалась задача ликвидации крепостного права. Однако покровительственная система, которая содействовала развитию в России крупной капиталистической промышленности, носила в ту эпоху прогрессивный характер. Но любопытнее всего, что Горлов, пропагандировавший консервативную экономическую программу развития России, пытается «по-своему» использовать книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», как яркий документ, свидетельствующий о тяжёлой доле рабочих в условиях развитой крупной промышленности.

Отклики на работу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» имелись и в статье Г. Каменского «Рабочий народ в Англии».

Приведя выдержки из книги Леона Фоше («Etudes sur l'Angleterre» par Léon Faucher), в которой богатству и роскошной жизни английской аристократии противопоставляются нищета и высокая смертность трудящейся части населения, Каменский отмечает, что подобного рода изображения состояния английского общества встречаются у большинства европейских публицистов, из которых Леон Фоше является самым умеренным. «Читая сочинения Л. Фо-

и народам. Горлов пишет, что «собственность, как факт, есть принадлежность человеческой природы, что она, происходя через труд, образует право, самое священное, что признание этого права возбуждает человека к деятельности, награждает его обилием произведений и предупреждает раздоры и несогласия» (там же, стр. 238).

По вопросу о коммунизме Горлов повторяет пошлые аргументы вульгарной политической экономии, что в системе коммунизма работник не одушевлён идеей работать на благо общества, что «всякий будет стараться получить работу самую лёгкую и притом самую вознаградительную», что нельзя «надеяться на отсутствие всякого пристрастия и ошибок со стороны коммунистических властей» и т. д. Чернышевский в «Современнике» оценивал теоретические воззрения Горлова как перепев идей западноевропейской вульгарной экономии. Критикуя Горлова за его необоснованное утверждение, что с экономической точки зрения освобождение негров во французских колониях было делом разорительным, Чернышевский писал: «...Русский автор, пишущий для общества, в котором вопрос об освобождении ещё не покончен, не должен был бы без всякой критики заимствовать всякое пустословие о вредных последствиях освобождения из французских книжек или книжищ с дурным направлением, потому что у нас нелепые суждения об этом предмете могут иметь дурное влияние» (Н. Г. Чернышевский, Капитал и труд, Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 10).

ше, Бюре, Энгеля (Энгельса.—А. Р.) и других,— пишет Каменский,— мы встречаем положительные данные, заимствованные из официальных документов,— рапортов, представленных различными комиссиями парламенту, мы находим свидетельства, приводимые из английских писателей, которым, повидимому, не кстати клеветать на свою страну, вскрывая с патриотическим беспристрастием её больные раны»¹. Каменский полагал вместе с тем, что у названных писателей характеристика социальных противоречий в английском обществе, заключая в себе много справедливого, страдает односторонностью и преувеличивает социальные язвы Англии.

Причину неурядиц в общественном строе Англии, как и вообще в буржуазном обществе, Каменский видит в «механическом труде», который сам по себе является источником страданий бедного труженика и далеко не облагораживает человеческой природы.

Причисляя Энгельса к писателям, давшим якобы одностороннее освещение социальных отношений Англии, Каменский всё зло капитализма свёл к «механическому труду». По его мнению, нужны лишь некоторые реформы буржуазного общества, нужно исправить «маленькие недостатки» его механизма, чтобы трудящийся люд освободился от оупляющего действия «механического труда». Статья Каменского интересна как один из самых ранних откликов России на книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Поводом к появлению ряда новых откликов на это произведение Энгельса в России 60-х годов послужил выход в свет русского перевода книги Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего». В этой работе Гильдебранд дал обзор главных течений в экономической литературе своего времени, подверг критике классическую политическую экономию и различные направления социалистической мысли. Он уделил большое внимание и Энгельсу, давая при этом вульгарную и клеветническую оценку его критики политической экономии и анализа положения рабочего класса в Англии. Будучи ярым врагом социализма, Гильдебранд, однако, вынужден признать Энгельса самым одарённым и сведущим среди всех немецких писателей по социальным вопросам. По мнению Гильдебранда, Энгельс «с большим мастерством» представил «отвратительную безнравственность» «фабричной системы» и «беспощадно обличил лицемерие политико-экономов». Гильдебранд утверждал, что книга Энгельса обосновывала коммунистические идеи.

Отмечая, что книга Энгельса «имела большое влияние» и что «все социальные теории ссылаются на неё как на сборник фактов»,

¹ Г. Каменский, Рабочий народ в Англии, «Промышленность», т. IV, 1859 г., стр. 3.

Гильдебранд в то же время выдвигает против неё ряд «критических» замечаний, которые должны, по его мнению, обезвредить её.

Гильдебранд писал, что при исследовании буржуазного общества Энгельс будто бы исходил из неверных общих исторических и статистических положений, что он в своей работе обобщил только отдельные факты и потому сделал неправильные выводы ¹.

В связи с переводом книги Гильдебранда на русский язык в ряде русских журналов 60-х годов появились рецензии, содержащие высказывания и о книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». В этих рецензиях отразилось отношение различных направлений русской общественной мысли той эпохи к проблемам социализма.

В помещённой в «Современнике» рецензии отмечалась ошибочность выдвинутых Гильдебрандом критических положений против социализма: «Главная заслуга Гильдебранда состоит, как надобно думать, в том, что он принимает на себя роль солидного наставника незнакомых с действительной жизнью социалистов; жаль только, что Гильдебранд обнаруживает крайнюю несостоятельность своих понятий и склонность к пустому словоизвержению, когда вступает в борьбу с их положениями» ².

Так называемые утопические теории, продолжал рецензент, стремятся к тому, чтобы все классы общества были в состоянии равномерно пользоваться всеми достижениями изобретательской мысли, чтобы благодетельные открытия гения служили общему благу, а не частным целям богатых капиталистов, чтобы ложное положение современного человечества изменилось в соответствии с требованиями разума.

¹ Будучи вульгарным экономистом, представителем исторической школы политической экономии, Бруно Гильдебранд вёл борьбу против абстрактно-дедуктивного метода классиков и предлагал заменить его индуктивным методом, базирующимся на наблюдении. Как представитель вульгарного историзма, Гильдебранд в апологетических целях отрицал общие экономические законы, противопоставляя экономической теории конкретно-исторические исследования. К Гильдебранду целиком применима классическая характеристика, которую дал Маркс исторической школе как своеобразной форме апологетики капитализма, как разновидности вульгарной политической экономии.

«Последняя форма — это профессорская форма, которая приступает к делу исторически и с мудрой умеренностью собирает везде «лучшее»; дело не в противоречиях, а в полноте. Все системы обездушены; во всех системах отложено острее; и они мирно уживаются в коллекционной тетради. Пыл апологетики здесь умеряется ученостью, которая благосклонно смотрит вниз на преувеличения экономических мыслителей и лишь в виде курьезов позволяет им плавать в своей умеренной размазне. Так как подобного рода труды появляются также лишь тогда, когда политическая экономия как наука уже закончила свой путь, то они являются в то же время *могилой* этой науки» (К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. III, 1936, стр. 367).

² «Современник» № 3, 1861 г., стр. 68.

Бруно Гильдебранду, писал «Современник», следовало бы «познакомиться лучше с действительной жизнью и спросить рабочие классы, в самом ли деле машины пробудили в них сознание своего человеческого достоинства, вырвали их из тупого и бессмысленного коснения и пр., и хладнокровно вдуматься в то, как и самые благотворные открытия гения, при аномальности существующих порядков, могут делать зло большинству и вести совершенно к противоположным целям»¹.

Критикуя утверждения Гильдебранда, что мечтания социалистов далеки от действительной жизни, рецензент из «Современника» утверждал, что неисполнимость утопий коренится в тех «случайных обстоятельствах, в каких находится ныне европейский мир», в том, что «ещё сильны в нынешнем обществе остатки средневековых убеждений»². Идеал стремления человечества к справедливости рецензент видит в абсолютном справедливом законе «уравнения заслуг с наслаждениями», к достижению этого идеала человечество будет приближаться «вековыми опытами».

Рецензия «Современника» явилась показателем отношения к социалистическим идеям «школы Чернышевского», она свидетельствовала также о том, что Чернышевский, как редактор «Современника», был знаком с идеями «Положения рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса и сочувственно к ним относился.

«Современник» не ограничился косвенной защитой идей «Положения рабочего класса в Англии». На его страницах появилась большая статья Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции». В этой статье впервые в России в легальной печати пропагандировались идеи одного из более ранних произведений Энгельса по научному социализму. Статья состояла из двух основных частей: рабочие в Англии и рабочие во Франции. Первая часть написана была на основании книги Энгельса, вторая — на основании работ французских буржуазных писателей: умеренного республиканца Жюль Симона, адвоката Лорана — и материалов Французского экономического общества. Шелгунов писал, что этих представителей французской буржуазной науки никто не заподозрит в неблагонамеренности, ибо это «люди порядка». У названных авторов Шелгунов взял фактический материал о положении рабочих во Франции и обработал его, исходя из теоретической концепции Энгельса о судьбах пролетариата в условиях капиталистического хозяйственного режима.

В своей статье Шелгунов недоумевает, почему «мещанские» рассуждения Гильдебранда, написанные им в 1848 г., встречают живой отклик и высокую оценку в русских периодических изданиях. «И что за светило Гильдебранд? И кому нужны его

¹ «Современник» № 3, 1861 г., стр. 69.

² Там же, стр. 70.

личные рассуждения? — восклицал Шелгунов. — Нет, не так следует относиться к публике, — дайте ей факты, а вывод уж она сделает и сама»¹. О Гильдебранде Шелгунов отзывался, как о представителе устарелой буржуазной науки, которая даёт извращённую апологетическую картину экономического быта Западной Европы.

Противопоставляя Гильдебранду Энгельса, Н. В. Шелгунов писал: «В числе писателей, на которых нападает Гильдебранд, есть и Энгельс, один из лучших и благороднейших немцев. Имя это у нас совсем неизвестно, хотя европейская экономическая литература обязана ему лучшим сочинением об экономическом быте английского рабочего. Разница между Гильдебрандом и Энгельсом в том, что Энгельс называет худое худым и не хочет этого худого; а Гильдебранд, напротив, находит, что дурное не только не дурно, но что оно так и должно быть»².

Приводя иногда дословный перевод из книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», Н. В. Шелгунов в сжатых чертах излагал историю развития английской промышленности. Он рассказывал, как бурное развитие её за период с 1760 по 1830 г привело к централизации капиталов и росту богатства на одном полюсе и быстрой пролетаризации населения на другом, как в результате промышленного переворота произошли коренные изменения во всех сферах жизни английского города. Самым же важным результатом экономического переворота Шелгунов вслед за Энгельсом считает нарождение пролетариата, которого не знала старая Англия. Развитие промышленности привело к образованию пролетариата, который «сделался прочным, постоянным классом населения». «Теперь, кто сделался рабочим, тот имел в будущем одно — быть вечным пролетарием. Пролетариат сложился в целое. Но он пошёл и дальше, — он стал чувствовать свою силу. Этим путём огромные массы рабочих сплотились в одно целое, наполнили Британию»³.

Н. В. Шелгунов приводил большой фактический материал из книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», посвящённый тяжёлым условиям жизни английского пролетариата. Он писал: «Если мы вдадимся в подробности жизни рабочего, рассмотрим, какое вознаграждение получает он за свой труд в денежной плате, жилище, одежде, пище, какое существование обеспечено рабочему, то приведённые факты убедят читателя, что война капитала и труда, распадение европейского общества на эксплуатирующих и эксплуатируемых, деление людей на имеющих

¹ Н. В. Шелгунов, Рабочий пролетариат в Англии и во Франции, «Современник» № 9, 1861 г., стр. 137.

² Там же.

³ Там же, стр. 148.

больше, чем им нужно, и на не имеющих ничего и не знающих, что ждёт их завтра, людей, у которых выбор невелик — кусок хлеба или голодная смерть,— есть величайшая язва современной цивилизации и промышленности, разбившей европейское общество на два крайних и враждебных лагеря»¹.

Шелгунов не ограничивался изложением одних фактов, иллюстрирующих положение английского пролетариата. Его внимание привлекали также и теоретические вопросы, связанные с возникновением в Англии пролетариата. Так, например, источник тяжёлого положения рабочего класса Шелгунов видел в конкуренции. Он рассматривал конкуренцию как войну всех против всех.

Шелгунов различал минимум и максимум заработной платы. Минимум заработной платы, определяемый самими рабочими,— это минимум потребностей, до которого может опуститься рабочий, максимум её определяется конкуренцией среди буржуазии, вызванной растущим спросом на товары и вовлекающей в процесс производства всё большие массы товаров. Подчёркивая, что средняя заработная плата определяется средними потребностями рабочих и степенью их образования и развития, Шелгунов писал, что «средняя задельная плата должна быть такого размера, чтобы рабочий имел возможность усвоить себе эту ловкость и вообще те качества, какие нужны, чтобы он владел производством»².

Шелгунов проводил известное разграничение между рабочим и рабом. Исходя из того, что капитал должен быть производительным и применяем с выгодой, Шелгунов делал вывод, что рабочий — наёмный раб. «...Рабочий,— писал Шелгунов,— совершенный раб того, на кого он работает. Раб в такой степени, что он ценится и продаётся, как товар, и как товар поднимается и падает в цене. Поднимается запрос на рабочих,— поднимается и цена на них; падает запрос,— падает цена. Если же запрос так мал, что часть рабочих остаётся без дела, залежится, то и лежат они, как товар, без сбыта... Такой рабочий...— «человек лишний»: ему нет дела на земле»³. Шелгунов всё различие между рабством на фабрике и деревним рабством видит в том, что последнее было чистосердечнее, открытее, честнее. Шелгунову ясна обманчивая видимость формальной свободы наёмного рабочего. Он писал:

«Прежний раб и считался рабом, а нынешний рабочий считается человеком свободным, по крайней мере кажется таким, потому что продаётся не на всю жизнь, а на день, на неделю, на год; наконец потому, что продаётся не другими, а продаёт сам себя; и не одному лицу, а целому сословию, всем, кто богаче его, всем

¹ Н. В. Шелгунов, Рабочий пролетариат в Англии и во Франции, «Современник» № 9, 1861 г., стр. 151.

² Там же, стр. 169.

³ Там же, стр. 170.

капиталистам. В сущности дело от этого не изменилось, и если с одной стороны, рабочий пользуется так называемой свободой, то с другой стороны, никто и ничто не гарантирует его содержание»¹. Наёмный труд доставляет, утверждал Шелгунов, больше выгод, чем обязательный труд, так как он избавляет от необходимости заботиться о содержании рабочих.

Далее указывалось также на наличие в Англии незанятых рабочих, т. е. резервной армии труда, причём «запас» этих «лишних людей» колеблется, по его мнению, в зависимости от фаз промышленного цикла: «Такой запас лишних людей был до сих пор очень выгоден для английской индустрии; только он и давал возможность усиливать деятельность фабрик и мануфактур в те месяцы, когда рынки бывали особенно оживлены и являлся усиленный запрос на товары.

Этот запас рабочих бывает более или менее велик, смотря по положению рынка, т. е. по большему или меньшему запросу на товары. Во время промышленных кризисов число лишних людей доходит до громадной цифры; но и средним числом, т. е. при обыкновенном состоянии промышленности, число их постоянно довольно велико»².

Шелгунов понимал, что пролетарий, несмотря на своё физическое вырождение в условиях капитализма, по своему духовному и нравственному облику выше буржуа, что для рабочих каждый человек есть человек, тогда как для буржуазии рабочий не есть человек — он рабочий.

В таких же словах Шелгунов отзывался и о французском пролетариате, подчёркивая тем самым тезис, что пролетариат по своему нравственному и духовному облику выше буржуазии. О французском рабочем Шелгунов писал, что, «несмотря на ужасный гнёт всех обстоятельств, рабочий ещё так хорош, что при всех своих недостатках он далеко гуманнее и нравственнее французской буржуазии»³. Таким образом, Шелгунов критически относился к буржуазным французским авторам, у которых он брал фактический материал. У них Шелгунов, конечно, не мог почерпнуть тезиса, что пролетариат выше буржуазии в моральном отношении.

Шелгунов отмечал также рост классового самосознания английского пролетариата.

Из книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» Шелгунов извлёк для своих статей не только фактический материал, характеризующий отдельные стороны условий жизни

¹ Н. В. Шелгунов, Рабочий пролетариат в Англии и во Франции, «Современник» № 9, 1861 г., стр. 170.

² Там же, стр. 171—172.

³ Н. В. Шелгунов, Рабочий пролетариат в Англии и во Франции, «Современник» № 11, 1861 г., стр. 206.

английского пролетариата, но и ряд высказываний теоретического характера по вопросу о наёмном труде и его судьбах в условиях капитализма. Таким образом, в лице Н. В. Шелгунова 60-е годы выдвинули популяризатора «Положения рабочего класса в Англии».

Однако статьи Шелгунова о положении пролетариата в Англии, зачастую представлявшие собою дословный перевод частей книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», носили в то же время печать русского просветительства 60-х годов. Так, например, Шелгунов разделял иллюзию, что Россия в силу наличия института общинной собственности имеет якобы свои, особые, отличные от Запада пути исторического развития. В пролетариате же Шелгунов видел «язву» современности. Сопоставляя Европу с Россией, Шелгунов считал, что у России иные пути исторического развития, чем у Запада, что в отличие от Европы в России нет буржуазии. Он спрашивал: «Где наша буржуазия? Уж не те ли это мешане, которых разместили у нас подгородными слободами и которые отличаются от крестьян только тем, что разучились пахать землю? Или мы хотим создать у себя этот привилегированный класс, забравший на Западе в свои руки всё и не оставивший остальному населению ничего, кроме права дышать воздухом, не всегда чистым, и греться по праздникам на солнце?»¹ Ещё резче эта мысль о своеобразных путях русского исторического процесса была выражена Шелгуновым в прокламации «К молодому поколению», написанной им в 1861 г.: «Кто может утверждать, что мы должны идти путём Европы, путём какой-нибудь Саксонии или Англии или Франции?.. Мы стоим на новине и, нисколько не пленясь немецкими садиками и рощами, хотим разделить своё поле не по немецкой методе, не в заграничном духе, а как делилась земля встарь, когда ещё людям не было тесно, — и мы можем сделать это. Вот отчего у нас нет страха пред будущим, как у Западной Европы; вот отчего мы смело идём навстречу революции; мы даже желаем её. Мы верим в свои свежие силы; мы верим, что призваны внести в историю новое начало, сказать своё слово, а не повторять зады Европы».

¹ Н. В. Шелгунов, Рабочий пролетариат в Англии и во Франции, «Современник» № 11, 1861 г., стр. 136. Приведённое высказывание Шелгунова повторяется и в первом издании его сочинений (см. Н. В. Шелгунов, Соч., т. 1, Спб. 1871, стр. 68). Во втором издании, вышедшем в 1895 г., где вводная часть статьи резко сокращена, этого места нет. Это объясняется тем, что к началу 90-х годов Н. В. Шелгунов отказался от своих старых воззрений на особые пути исторического процесса в России и приблизился к пониманию исторической миссии пролетариата. Шелгунов писал: «Пролетариат земледельческий и фабричный стал теперь у нас таким же экономическим явлением, как и в Европе; он только не достиг ещё до подобного же напряжения, но, как показывают факты, достигнет и этого, потому что он не убывает, а растёт» (Н. В. Шелгунов, Очерки русской жизни, Спб. 1895, стр. 314).

Есть указания, что статья Шелгунова о положении английского и французского пролетариата пользовалась большим успехом среди революционно настроенной молодёжи 60-х годов. Так, например, Пётр Кропоткин в своём письме к брату Александру от 7 декабря 1861 г. писал: «...Теперь, когда я перечитал о том, как живёт несчастный рабочий в Англии и во Франции (речь идёт о статье Шелгунова.—А. Р.), когда меня несколько раз дрожь пробирала читая это, когда я убедился, что теории политической экономии тут не помогут, тогда я сделался таким же, если не более даже, горячим защитником пролетария, как и ты»¹. Более того, Петру Кропоткину принадлежит рецензия на статью Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции»².

По свидетельству ряда деятелей русского революционного движения, работа Шелгунова о «Рабочем пролетариате Англии и Франции» в течение ряда десятилетий, вплоть до революции 1905 г., играла в рабочих кружках крупную пропагандистскую роль.

Статьи Шелгунова по «рабочему вопросу» долгое время привлекали внимание передовых рабочих ещё и потому, что отсутствовал полный перевод книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Впервые эта книга была полностью переведена на русский язык и издана типографским способом лишь в 1905 г.³ Появление полного русского перевода книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» лишь в 1905 г. в значительной степени объясняется отношением к ней царской цензуры, которая ещё в 70-х годах XIX в. запретила издание этой работы⁴.

Первый русский перевод введения и I—IV глав книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» появился в 1884 г. в Москве, в литографированном сборнике⁵. Этот сборник состоял из трёх работ: 1) Луи Блан «Организация труда», Введение, гл. I,

¹ Пётр и Александр Кропоткины, Переписка 1857—1862, М. 1932, стр. 245.

² См. «Книжный вестник» № 24, 1861 г., стр. 44.

³ В 1905 г. вышло три издания книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»: 1-е — «Положение рабочего класса в Англии». С приложением очерка проф. В. Зомбарта «Фридрих Энгельс (1820—1895 гг.)— истории развития социализма» и портрета автора. Перевод с немецкого Г. А. Котляра, изд. Н. Глаголева, Спб.; 2-е — «Положение рабочего класса в Англии», перевод Е. К. и И. Н. Леонтьевых, изд. «Общественная польза», Спб.; 3-е — «Положение рабочего класса в Англии», книгоиздательство «Молот», Спб. В 1906 г. вышли ещё два издания этой книги: в издании журнала «Популярная научная библиотека» и издании т-ва «Северных книгоиздателей». Вплоть до Октябрьской социалистической революции книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» больше в России не переиздавалась.

⁴ См. «Царская цензура о произведениях Ф. Энгельса», «Красный архив», т. IV (71), 1935 г., стр. 6. Царский цензор колебался в своём отзыве — запретить или не запретить книгу, однако характерно, что он не может не признать, что работа Энгельса — выдающееся научное исследование.

⁵ Этот сборник, представляющий исключительную библиографическую редкость, имеется в библиотеке ИМЭЛС.

2, 3 (перевод с французского), Энгельс «Положение рабочего класса в Англии», Введение, гл. 1, 2, 3, 4 (перевод с немецкого), его же «Социализм утопический и социализм научный» (перевод с немецкого). В предисловии, помеченном февралём 1884 г., издатели этого литографированного сборника писали: «Ближайшая цель этого издания — побудить одних в нашем обществе, особенно в молодой его части, глубже вникнуть в смысл социального вопроса нашего времени, включая сюда и вопрос о положении трудящихся масс России; другим же, которые сами ищут ближайшего знакомства с этим предметом, облегчить это знакомство. Этим мы имеем в виду содействовать увеличению числа людей, сознательно относящихся к важнейшим вопросам русской жизни, и суммы умственных сил, направленных к их разрешению». Особенностью этого издания является наличие ряда пропусков в переводе, мотивированных переводчиком, а также наличие нескольких примечаний фактического характера.

На книгу Гильдебранда кроме «Современника» откликнулся ряд других журналов той эпохи.

Так, в издававшемся М. Катковым журнале «Русский вестник» была помещена большая рецензия В. Заочного на книгу Бруно Гильдебранда. Рецензент утверждал, что социалисты в своих взглядах на современность сходятся в том, что она страдает общественным недугом, который они называют «пролетариатом», и что этот недуг надо лечить в самом корне его. «Между немецкими социалистами, или точнее коммунистами, г. Гильдебранд даёт видное место Фридриху Энгельсу и его книге о положении рабочих классов в Англии... Энгельс почитает Англию классической страной пролетариата, и в названном сочинении разоблачает английский пролетариат так, что он является у него классической формой пролетариата вообще, и вместе с нею необходимым следствием новейшей цивилизации, великим всемирно-историческим предостережением, как он выражается...

Он отдаёт прошлому времени безусловное преимущество ради его большей нравственности и того материального довольства, которое, по мнению его, было в то время уделом каждого человека. Мало того, в одном месте своего сочинения, он даже серьёзно доказывает, что положение английских свободных работников в 1845 году было гораздо печальнее, чем положение несвободных саксов под игом норманских баронов в 1145 году»¹.

Рецензент соглашается с критикой, которую дал Гильдебранд воззрениям Энгельса на положение английского пролетариата и считает, что Гильдебранд доказал, что «положение рабочих классов в Англии с каждым годом улучшается и в материаль-

¹ «Литературное обозрение и заметки», «Русский вестник», т. 32, 1861 г., стр. 48—49.

ном, и в нравственном отношении»¹. Опираясь на данные «Quarterly Review», рецензент пытается статистически обосновать повышение заработной платы английских рабочих в ряде отраслей промышленности. Он утверждает, что английское фабричное законодательство чрезвычайно много сделало для улучшения быта рабочего класса. Ссылаясь на ограничение рабочего дня детей, на роль английских просветительных обществ и религиозных проповедей, автор в своём ослеплении тем «раем» для рабочих, который существует в современной ему Англии, договорился даже до заявления, что английские рабочие якобы успешно наступают на капитал. Рецензент пишет:

«Товарищества (тред-юнионы. — *A. P.*) собирают складчиной громадные капиталы и получили теперь такое могущество, что в аристократической Англии, в Англии, не допускающей ещё своих рабочих к парламентской льготе, теперь уже не хозяева прижимают рабочих, а наоборот. Нужно ли упоминать об этих, так часто повторяющихся, стачках, в которых рабочие какой-нибудь фабрики, переставшие работать, живут на счёт своих собратьев-рабочих, разбросанных по всей Англии, об этих стачках, которые обходятся, правда, очень дорого английским рабочим, но которых за то трепещут и хозяева»².

В полемике с противниками экономической свободы, которые будто бы всячески старались оклеветать Англию, представить в мрачном виде её социально-политический режим, автор утверждал, что экономическая свобода приводит к положительным результатам и в стачечной борьбе. При разумных основаниях стачки экономическая свобода предоставляет английским тред-юнионам все средства для достижения успеха. Разумными рецензент называл стачки, возникавшие в связи с тем, что, несмотря на возросший хозяйский барыш, хозяева не прибавляют рабочим жалования «не потому, что не могут, а потому что не хотят»³. (Получалось, что на свете бывают и такие капиталисты, которые горят желанием улучшить положение рабочих.) Далее рецензент указывал, что блестящим результатом свободы экономической жизни является участие рабочих в прибылях. По мнению рецензента, благосостояние рабочего класса не зависит исключительно от заработной платы. Ссылаясь на опыт Англии, он утверждал, что решающее влияние на судьбу рабочего класса оказывает бережливость. Поэтому подлинной причиной неудовлетворительности быта рабочих является отсутствие благодетельного влияния просвещения; невежество и грубость нравов порождают дикий

¹ «Литературное обозрение и заметки», «Русский вестник», т. 32, 1861 г. стр. 49.

² Там же, стр. 57.

³ Там же, стр. 58.

разгул и нетрезвую жизнь, которые увеличиваются с ростом заработной платы.

По мнению рецензента, «рабочий вопрос» может быть разрешён путём сохранения «свободы» экономических отношений, под которой понималась свобода эксплуатации, а также посредством филантропической деятельности дам из «общества» и бережливости рабочих.

Рецензия из «Русского вестника» с её идеализацией английского народнохозяйственного режима, с её пропагандой «свободы» в экономической жизни страны отражала общую политическую программу Каткова в этот период: стремление внедрить на русской почве ряд специфических особенностей английской общественно-политической жизни. Ленин писал о Каткове: «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъёма в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству»¹.

Рецензия «Русского вестника» свидетельствовала о том, что экономические идеи этого журнала — органа умеренного либерализма в конце 50-х годов и рупора крайней реакции после польского восстания 1863 г. — вдохновлялись теорией Бастиа, о котором Маркс отзывался как о самом пошлом, а потому и самом удачливом представителе вульгарно-экономической апологетики.

Рецензент из «Вестника промышленности» И. Бабст выдвинул ряд соображений по вопросу о социализме вообще, утверждал, что проблемы социализма коренятся в насущных потребностях общественной жизни и что социализм и социальные теории — это великие факты современной действительности. Отвергать их значение — значит впадать в великую ошибку современных экономистов господствующей школы.

Заслугу социалистов Бабст видел в том, что они первые указали на мрачные стороны современной промышленной жизни, на бедствия миллионов людей и подняли завесу той печальной будущности, которая угрожает европейскому обществу, если оно не позаботится об изменении коренных основ своего быта. По Бабсту, социалисты сильны в своей критике мрачных сторон современной промышленной организации. Но, будучи принципиальным сторонником частной собственности, Бабст упрекает социалистов в том, что они из мира действительности, практической жизни переносятся в мир призраков, в царство теней.

Взгляды Бабста показательны для отношения к социалистическим идеям либеральных кругов русского общества эпохи 60-х годов.

¹ В. И. Ленин, Карьера, Соч., т. 18, стр. 250.

Бабст считал оценку социализма Гильдебрандом авторитетной, тем самым, повидимому, соглашаясь с той критикой, которой подверг Гильдебранд книгу Энгельса. Высказывания Бабста о положительных заслугах социалистов как критиков промышленной жизни Запада находились в тесной связи с его критикой русской действительности в духе умеренного либерализма.

Большую рецензию на книгу Гильдебранда поместил журнал «Время», выходявший под редакцией Ф. Достоевского¹. Рецензент рекомендует работу Гильдебранда как первоклассное экономическое сочинение. «Время» не скупится на хвалебные эпитеты в адрес книги Гильдебранда. Тут и «сила и оригинальность мышления», и «обилие сведений» и «громадный критический талант», и, наконец, «ясное художественное изложение». Об Энгельсе в этой рецензии написано следующее: «Наибольшее место в его (Гильдебранда.—А. Р.) книге занимает разбор сочинения Энгельса «О положении рабочего класса в Англии». Тут сосредоточивается вся блестящая сторона критического таланта нашего автора».

Отдавая дань книге Гильдебранда как «крупному явлению в мировой экономической литературе», «Время», однако, выдвигает ряд критических замечаний против её апологии капиталистического хозяйственного режима. «При всей осмотрительности,— пишет «Время»,— и обычной умеренности в своих критических приёмах, Гильдебранд в разгаре полемики увлекается сам к некоторым весьма сомнительным заключениям»².

¹ Журнал «Время» держался направления, известного под названием «почвенничества». Сущность этого направления была сформулирована Ф. Достоевским в объявлении, разосланном в сентябре 1860 г. в газеты и журналы, об издании с января 1861 г. журнала «Время». Ф. М. Достоевский — главный вдохновитель «почвенников» — в этом объявлении писал, что уже с реформы Петра развелись между собой народ и класс образованных людей. Но теперь это разделение заканчивается, ибо все последовавшие за Петром узнали Европу, примкнули к её жизни и всё же европейцами не сделались. «Мы убедились, наконец, — писал Ф. М. Достоевский, — что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал» («Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского», Спб. 1883, стр. 279). Но из этого вовсе не следует, продолжал Достоевский, что в петровской реформе не было ничего положительного: она раздвинула наш кругозор, через неё мы осмыслили наше значение в великой семье народов. Для того, чтобы примирить цивилизацию с коренными, почвенными началами народной жизни, для того, чтобы примирить последователей реформы Петра с народным началом, Достоевский полагал, что в первую очередь надо распространить среди народа образование.

Представляя собой разновидность славянофильства, «почвенничество» по существу пропагандировало реакционную идею об особом призвании русского народа—благодаря особенностям своего национального духа спасти мировую цивилизацию от тлетворного влияния идей социализма.

² «Время», т. II, 1861 г., стр. 85.

Так, под большое сомнение был поставлен тезис Гильдебранда, что положение рабочего класса постоянно улучшалось, а заработная плата английского рабочего с XVI столетия увеличилась вдвое. На утверждение Гильдебранда, что Англии предстоит блестящее будущее, о чём свидетельствует её конституция, политическая свобода, дух её работников, «из которых каждый носит в своём сердце идею общественности и государства», «Время» замечало: «В будущем Англии едва ли кто сомневается; но заслонить социальные её бедствия великолепным политическим устройством никогда не было и не будет разумным. К несчастью, это в обычае у нас теперь, хотя выходит уже из обычая в Западной Европе»¹.

«Время» подвергает также критике воззрения Гильдебранда на «совокупное» хозяйство и его утверждения, что попытки осуществления такого рода хозяйства в отдельных общинах безнадежны. «Время» писало: «Если же под всяким совокупным хозяйством разуметь и общинное хозяйство с соразмерным вознаграждением за труд, с частным пользованием и частным приобретением, то невозможность такого вовсе некоммунистического хозяйства, вне влияния одной какой-либо могучей личности, перестала как известно давным давно уже быть фактом. Она перестала им быть именно с тех пор, как в Англии, Франции и Германии осуществилось до 600 всякого рода трудовых рабочих общин, и между ними есть чисто производительные ассоциации, которые развиваются и обогащаются именно при строго совокупном, собирательном хозяйстве, а долготелая история многих из этих общин и ассоциаций показала, что члены их не сдерживаются никакою «одною особенно сильною и даровитою личностью», а сдерживаются гораздо проще — нравственными убеждениями и личными интересами всех членов»².

Корень всех заблуждений Гильдебранда «Время» видит в том, что «он смотрит на человеческий труд, при каких бы то ни было условиях, как на дело насильственное и мучительное, а между тем при нравственной обстановке труд непременно сам за себя ручается и сам в себе находит поддержку своей энергией»³.

В качестве живого факта «Время» ссылается на производительные ассоциации в Западной Европе. Более того, «Время» считало, что следует учесть опыт Запада, где существует роковая необходимость противодействовать владычеству капиталов и злоупотреблениям денежного хозяйства и где следует вступать на путь ассоциаций капитала и труда в их органических, тесных соединениях.

¹ «Время», т. II, 1861 г., стр. 86.

² Там же, стр. 87—88.

³ Там же, стр. 89.

Рецензия в журнале «Время» представляет собой большой интерес не только как один из ранних откликов в русской журналистике на книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Она даёт также представление о тех экономических идеях, под влиянием которых находились в то время известный русский писатель Ф. Достоевский и другие группировавшиеся вокруг журнала деятели литературы и публицистики.

Подвергая критике в духе славянофильства теневые стороны западноевропейской цивилизации, Достоевский и его сторонники были в то же самое время противниками социализма, революции, демократии. За это они подвергались бичующей критике со стороны «Современника».

Позицию «Современника» по отношению к книге Гильдебранда и тем самым в отношении «Положения рабочего класса в Англии» Энгельса подверг критике журнал «Библиотека для чтения». Этот журнал выделялся своей исключительной «чуткостью» к официальному политическому курсу. «Библиотека для чтения» часто меняла своё направление и ориентировалась на умеренные буржуазные круги и служилую интеллигенцию. Д. Щеглов, автор критической статьи в этом журнале, с одной стороны, констатировал, что «Русский вестник» защищает идеи гармонии интересов Бастиа, что он «закрывает глаза на всё, что говорится не в духе этих идей или даже в противность им», с другой стороны, он недоумевает, почему «Современник» выступил с критикой воззрений Гильдебранда, когда по существу экономические воззрения «Современника» и Гильдебранда весьма схожи. Д. Щеглов писал: «На каком основании «Современник» осудил Гильдебранда — об этом трудно сказать что-нибудь. Если Гильдебранд не довольно рационально критиковал взгляд Энгельса на современное состояние Англии, так, во-первых, это относится к одной из подробностей, в сущности весьма незначительной, а во-вторых, в книге было много другого, что было вполне рационально»¹.

Д. Щеглов упрекал «Современника» в склонности к полемике, ярко демонстрируя этим своё враждебное отношение к той борьбе за прогрессивные экономические идеи, которую вёл «Современник».

Итак, книга Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» нашла широкий отклик на страницах русских журналов 60-х годов XIX в. В многообразии оценок этого выдающегося произведения мировой социалистической литературы нашло своё отражение отношение представителей различных направлений русской общественной мысли к перспективам социально-политического

¹ Д. Щеглов, Об отношении русской экономической литературы к науке, «Библиотека для чтения», март 1862 г., стр. 130.

развития России. В вопросе об оценке работы Энгельса наглядно видна роль «Современника» — передового органа русской общественной мысли эпохи Чернышевского, пропагандиста прогрессивных экономических идей.

Большой успех и широкое распространение имела в России книга Маркса «К критике политической экономии», в то время как западноевропейская наука и публицистика встретили эту работу, так же как и другие его работы, полным молчанием.

В письме от 15 сентября 1860 г. Маркс писал Ф. Лассалю: «В России моя книга вызвала большой шум, и один профессор прочел о ней в Москве лекцию. Кроме того, я получил от русских множество дружеских писем по поводу нее...»¹.

Маркс был осведомлён о публичном выступлении известного либерального профессора Бабста. Бабст читал курс публичных лекций по политической экономии. Первая лекция свидетельствует о влиянии на его взгляды книги Маркса «К критике политической экономии». Бабст говорил: «Не в наше ли время, время великих общественных битв и переворотов, двинулись вперёд история и наука права, не в наше ли время по преимуществу материальных интересов понято, что в юридических формах известного народа выражается его хозяйственная жизнь, что нельзя понять историю народа, не зная его хозяйственных отношений, и что законодательство необходимо должно изменяться рука об руку с изменением народного хозяйства»².

В этом высказывании Бабст отразил вопрос об экономической структуре общества как реальном базисе, на котором возвышается юридическая надстройка. В другом месте лекции Бабст говорил: «Одного хозяйственного идеала быть не может. Каждая форма народного хозяйства соответствует потребностям известного народа в данное, определённое время. Держится она долее, чем того требуют условия, среди которых она выросла, и держится ещё в добавок насильственно, то отсюда проистекает неловкость, часто и совершенное расстройство народного хозяйства. Каждая, следовательно, эпоха исторической жизни необходимо имеет и свои формы народного хозяйства»³. Здесь также чувствуется влияние предисловия «К критике...».

В целом же лекция Бабста была выдержана в либеральном духе. Лектор подвергал критике существующие формы собственности, главным источником которых везде в Европе являются, по его мнению, завоевание и насилие. Бабст ратовал за общность интересов капитала и труда, за «нормальные» и «свободные» отношения между ними. Лекция Бабста имела большой успех.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 371.

² «Московские ведомости», 24 января 1860 г., стр. 142.

³ Там же, стр. 143.

Различные общественные круги оценивали её по-разному. Так, например, «Указатель экономический» писал: «Первая публичная лекция проф. Бабста... произвела на нас странное впечатление. В новом блестящем изложении почтенного профессора мы встретили между прочим нечто вроде протекционизма, прикрытого удобным покровом исторического направления»¹.

В журнале «Gazette du Nord» в сообщении из Петербурга от 25 февраля 1860 г. Маркс рассматривался как один из виднейших представителей экономической науки, причём характерно, что он ставился в один ряд с такими её «корифеями», которые были разоблачены Марксом либо как представители мелкобуржуазного социализма (Прудон), либо как вульгарные экономисты (Кэри).

Говоря о популярном в то время вульгарном экономисте Молинали, автор корреспонденции сомневался, чтобы сам Молинали считал себя достаточно сильным в области «науки политической экономии, которая насчитывает теперь среди своих представителей Карла Маркса, Стюарта Милля, Кэри, Прудона и многих других оригинальных исследователей»². Об этих откликах на книгу «К критике...» и о публичной лекции Бабста Н. И. Сазонов, русский журналист, эмигрант во Франции и Швейцарии, в 1849 г. увлекавшийся коммунистическими идеями, написал Марксу.

Маркс опубликовал это письмо в своём знаменитом памфлете «Господин Фогт» как письмо «известного русского писателя». В этом письме от 10 мая 1860 г. Сазонов писал Марксу: «Вы дали ученому миру первую часть прекрасного труда, который призван преобразовать экономическую науку и построить ее на новых, более солидных основах... Вы пользуетесь огромным успехом среди мыслящих людей, и если Вам приятно узнать, какое распространение Ваше учение находит в России, то я могу Вам сообщить, что в начале этого года профессор*** прочел в Москве публичный курс политической экономии, первая лекция которого представляла не что иное, как изложение Вашего последнего труда. Посылаю Вам номер «Gazette du Nord», из которого Вы увидите, каким уважением окружено Ваше имя в нашей стране»⁴.

В 60-х годах Ткачёв написал рецензию на книгу Ю. Жуковского, в которой, в частности, даёт разбор работы К. Маркса «К критике...»⁵.

¹ «Указатель экономический», 1860 г., стр. 100.

² «Gazette du Nord», 5 mai 1860.

³ Имеется в виду профессор И. К. Бабст.

⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 31.

⁵ См. П. Н. Ткачёв, Рецензия на книги Ю. Жуковского «Политические и общественные теории XVI в.» и «Прудон и Луи Блан», Избранные сочинения, т. I, изд. Всероссийского общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М. 1932, стр. 69.

Единственно правильным методом изучения социальных явлений Ткачёв считает аналитико-критический метод, сформулированный Марксом в книге «К критике политической экономии», который «сделался почти общим достоянием всех мыслящих людей». Далее Ткачёв даёт краткую характеристику метода Маркса. Он пишет: «Личный интерес, стремление к улучшению своего положения, к расширению средств существования, наслаждения и обладания над миром бесспорно составляют главный стимул как в деятельности индивидуума, так и целого общества. А так как улучшение благосостояния человека и расширение его средств прежде всего выражается в обеспечении его суммой вещей или материальных предметов, то отсюда естественно следует, что общее историческое стремление человека к улучшению своего положения прежде всего должно выражаться в интересе *экономическом*, который таким образом и составляет настоящую закваску, настоящее начало, своеобразно выражающееся в праве и политике. Великая практическая важность подобного мировоззрения заключается в том, что оно сосредоточивает энергию и деятельность людей, искренне преданных общественному делу, около самых насущных, животрепещущих интересов народа...»¹.

Из приведённого высказывания видно, как Ткачёв пытается сочетать ошибочно понимаемый им примат экономических явлений над всеми сторонами социальной жизни с утилитаризмом.

Метод Маркса представляется Ткачёву как метод критический, единственно научный метод изучения социальных явлений в противоположность объективному методу естествознания.

Взгляд Ткачёва на метод Маркса находится в тесной зависимости от проводимого им разграничения между естественными и общественными науками. К явлениям природы, полагает Ткачёв, следует относиться объективно, к явлениям же общественной жизни — критически. Если явления природы можно возводить в общие правила и более или менее безусловные законы, то явления общественные «не могут и не должны быть возводимы в законы: возводить их в закон — значит узаконять

¹ П. Н. Ткачев, Рецензия на книги Ю. Жуковского «Политические и общественные теории XVI в.» и «Прудон и Луи Блан», Избранные сочинения, т. 1, стр. 70. В 1868 г. проявлял интерес к работе над переводом «К критике политической экономии» на русский язык А. А. Серно-Соловьевич. В письме к М. В. Трубицкой от 19 июня 1868 г. он писал: «Переведены ли у нас: Kritik der politischen Oekonomie K. Marx...?» («Звенья», кн. V, Academia, 1935, стр. 395). В том же 1868 г. кружок народника М. Ф. Негрескула пытался перевести «К критике...» на русский язык. Однако этот перевод не был закончен ввиду ареста Негрескула в 1869 г., замешанного в нечаевском деле (см. «Герман Александрович Лопатин», П. 1922, стр. 55—62).

многое множество нелепостей, облечённых в принципы, благодаря ничем не возмущающейся рутине»¹.

По Ткачёву, изучать объективные закономерности — значит признавать нормальным наличный социально-политический режим. Он совершает здесь ошибку, типичную вообще для народничества, которое не понимало, что, лишь став на почву самой объективной действительности и познав её при помощи диалектического метода, можно с успехом бороться за изменение существующего строя.

В конце 60-х годов начинается издание произведений К. Маркса на русском языке, преимущественно за границей. Первым произведением Маркса, переведённым на русский язык, был «Временный Устав» Международного Товарищества Рабочих, написанный Марксом в 1864 г. Он был помещён в качестве приложения к книге Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению»².

Однако книга Бехера вскоре после своего выхода в свет была конфискована.

В 1869 г. появился также первый русский перевод «Манифеста Коммунистической партии», подготовленный Бакуниным и изданный в Женеве Вольной русской типографией. Этот перевод в ряде случаев искажал и извращал существенные положения и понятия этого важнейшего произведения классиков марксизма³.

¹ П. Н. Ткачёв, Рецензия на книги Ю. Жуковского «Политические и общественные теории XVI в.» и «Прудон и Луи Блан», Избранные сочинения, т. I, стр. 69.

² См. Эрнст Бехер, Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению, Спб. 1869—1871, стр. 427—432.

³ Перевод Бакуниным «Манифеста» является одним из тактических приёмов в его подрывной работе в Интернационале, в его стремлении пробраться любыми способами к руководству рабочим движением. Бакунин и его сторонники пытались использовать идеи «Манифеста», конечно, в существенно искажённом и извращённом виде, для того, чтобы придать своим абсурдным планам «практической организации» видимость теоретического обоснования. О своих намерениях Бакунин осведомлял Герцена. В письме к Герцену от 28 октября 1869 г. Бакунин отмечал заслуги Маркса в деле социализма, которому «он служит умно, энергически и верно, вот уже скоро 25 лет...», но в то же время заявлял следующее: «А может случиться и вероятно случится, что мне скоро придётся вступить с ним в борьбу... по поводу государственного коммунизма, которого он и предводительствуемая им партия, английская и немецкая, горячие поборники. Ну, тогда будем драться не на живот, а на смерть. Но всё в своё время, теперь же время ещё не пришло.

Я пощадил и превознёс его также из тактики, из личной политики. Как же ты не видишь, что все эти господа вместе наши враги, составляют фалангу, которую нужно прежде разъединить, раздробить, чтобы легче её разбить. Ты учнее меня и потому лучше меня знаешь, кто первый сказал Divide et impera. Если б я пошёл теперь открытою войною против Маркса, три четверти интернац. мира обратились бы против меня, и я был бы в накладе, потерял бы един-

Приведём несколько иллюстраций. Бакунин переводит: вместо «историей борьбы классов» «историей сословной борьбы»; вместо «современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий» в переводе написано: «новое гражданское общество не уничтожило сословных различий». Вместо того, чтобы передать мысль Маркса и Энгельса, что рабочие являются рабами класса буржуазии, буржуазного государства, Бакунин пишет: «Они не только являются рабами буржуазии, буржуазного сословия, они ежедневно и ежечасно поработаются буржуазией...». Имеются прямые пропуски. Маркс и Энгельс пишут, что рабочего кроме фабриканта эксплуатируют домовладелец, лавочник, ростовщик и т. п., а Бакунин выбрасывает слово «лавочник» и переводит: «...домовладельцы, ростовщики и пр.». Маркс и Энгельс пишут, что буржуазия на определённой ступени своего развития ведёт борьбу с остатками абсолютной монархии, с землевладельцами, непромышленными буржуа, мелкими буржуа, а Бакунин слова — «мелкими буржуа» совершенно выбрасывает. Маркс и Энгельс указывают, что на определённой ступени развития, когда рабочие рассеяны по всей стране и раздроблены конкуренцией, всё историческое движение сосредоточивается в руках буржуазии, и каждая одержанная в таких условиях победа является победой буржуазии, Бакунин же, явно извращая мысль Маркса, переводит: «...каждая победа является победою буржуазии». Термин «пролетарская революция» Бакунин переводит «социальная революция». Маркс и Энгельс пишут, что если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной, Бакунин же исказил это существенное положение марксистской теории классовой борьбы, подставив вместо слова «национальной» слово «социальной». Бакунин также грубо исказил мысль классиков марксизма о скрытой гражданской войне, которую ведёт пролетариат, подставив вместо слов «гражданскую войну» слово «борьбу». Вместо категории «наёмный труд» Бакунин употребляет термин «заработная плата», что ведёт к искажению смысла всей фразы. Вместо понятия «отношения собственности» Бакунин употребляет термин «право собственности»; вместо «частной собственно-

ственную почву, на которой хочу стоять» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву», Спб. 1906, стр. 339—340).

Маркс и Энгельс указывали, что «Альянс» для достижения своих целей не отступал «ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством; ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла — все это свойственно ему в равной мере», что «Альянс» «под видом самого крайнего анархизма направляет свои удары не против существующих правительств, а против революционеров, не приемлющих ни его догмы, ни его руководства» (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество рабочих, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 539*).

сти» Бакунин пишет просто «собственность». Вместо «экспроприация» Бакунин пишет «отчуждение»; вместо «аграрной революции» в переводе Бакунина стоит: «...радикальное изменение условий быта сельского населения...» и т. д.

«Коммунистический манифест» в переводе Бакунина распространялся главным образом за границей¹ и потому, конечно, не мог играть существенной роли в пропаганде идей марксизма в России 60-х годов².

Ряд ссылок на «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса встречается в работах П. Л. Лаврова. П. Л. Лавров писал, что «в «Манифесте коммунистов» 1847 года, формулировавшем всё последующее социалистическое движение знаменитым изречением: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», это изречение было обращено к пролетариату»³. По мнению Лаврова, в Западной Европе социалистическая пропаганда приняла во второй половине XIX в. «характер весьма близкий к нормальному», потому что там на почве машинного производства и всемирной конкуренции из-за рынков «выработался» пролетариат. «Когда раздался призыв: «Пролетарии всех стран, соеди-

¹ Один экземпляр этого издания Маркс отправил Энгельсу. В письме от 29 апреля 1870 г. Маркс писал Энгельсу: «Наконец, один экземпляр *русского перевода* нашего «Коммунистического манифеста» для тебя. Я увидел в «*Werkes*» и пр., что унаследованное Бакуниным издательство «Колокола» издает и «Манифест»; я выписал поэтому из Женевы шесть экземпляров. Это все же интересный факт для нас» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 328—329).

² В письме к Марксу от 30 августа (11 сентября) 1871 г. Н. Ф. Даниельсон информировал Маркса о результатах нечаевского процесса. Попутно он сообщает интересный факт о проникновении русского перевода «Коммунистического манифеста» в Россию. Даниельсон писал: «Среди осужденных на длительный срок имеется некая г-жа Александровская, которая привезла ряд прокламаций из Женевы в Россию. В большинстве своем это были прокламации в бакунинско-нечаевском духе, но среди них оказалась также одна вещь, не имеющая ничего общего с ними, а именно: русский перевод «*Манифеста Коммунистической партии*» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 75). Русский перевод «Коммунистического манифеста» был впервые задержан русской почтой 8 ноября 1869 г. Отсюда вполне логичен вывод, что первый перевод «Коммунистического манифеста» на русский язык появился не в 1870 г., как принято считать, а в 1869 г. (см. Б. К., О первом русском переводе «Коммунистического Манифеста» (Историческая справка), «Каторга и ссылка», кн. 3 (100), стр. 174). В. В. Воровский писал следующее о бакунинском переводе «Коммунистического манифеста»: «В его голове (т. е. Бакунина. — А. Р.) «Манифест» не мог не отразиться в преломлённом, субъективном виде, соответствующем всему пониманию общественных отношений и, в частности, социализма современной ему передовой интеллигенцией». Сославшись на слова Плеханова, который в 80-х годах указывал, что в перевод Бакунина «закралось несколько неточностей, мешавших правильному пониманию мыслей автора», В. В. Воровский продолжает: «Вот эти именно «неточности» и представляют в настоящее время самую ценную часть бакунинского перевода. К сожалению, приходится пока отказаться от их разбора» (В. В. Воровский, «Коммунистический манифест» и его судьба в России, Соч., т. 1, Партиздат, 1932, стр. 83).

³ П. Л. Лавров, Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., изд. «Колос», 1925, стр. 19.

няйтесь!», особенно же когда Генеральный Совет Интернационала открыл свои заседания, когда «Капитал» Маркса выставил теорию прибавочной стоимости и классовой борьбы, вполне готовые элементы сознанных интересов формулировались в «классовом сознании рабочих». Партия рабочих была уже «в возможности» повсюду, и на этой почве создался крепкий союз социалистической интеллигенции и рабочего пролетариата всех стран»¹.

П. Л. Лавров подчёркивал, что «фатальную неизбежность социального переворота, который должен быть произведён пролетариатом, выработанным капиталистическим хозяйством и вступающим с ним неизбежно в борьбу, высказали ещё в 1847 году авторы «Манифеста Коммунистической партии»².

П. Л. Лавров рассматривал «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса как одно из значительнейших произведений мировой социалистической литературы, сыгравшее крупную роль в деле сплочения пролетариата, в превращении его в целостный, солидарный «организм».

«С тех пор, как «Манифест коммунистов» бросил рабочим свой призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», прошло более четверти века. С тех пор, как образовалась «Международная ассоциация рабочих», прошло более 10 лет. Много неудач, много препятствий, много разочарования перенесли деятели этого процесса организации рабочего класса и по вине исторической среды их действия, и по личной вине чужой и своей собственной; но рабочие союзы распространяются по всем странам; рабочая организация крепнет и растёт; пролетариат *делается* организмом; его члены всё более проникаются солидарностью и всё более убеждаются, что место борца в армии этой растущей исторической силы имеет более шансов в будущем, чем место мелкого эксплуататора в последних рядах буржуазии, обречённой на бесконечную конкуренцию, причём мелкие эксплуататоры неизбежно гибнут жертвою крупных»³.

Хотя П. Л. Лавров и считал себя учеником Маркса, сторонником научного социализма, он склонен был, однако, сближать идеи «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса с воззрениями буржуазных учёных, в частности социолога Огюста Конта. Так, например, утверждая, что приверженцы рабочего социализма следуют «принципу позитивного мышления», что «различных социальных вопросов *нет*, а есть *один* социальный вопрос, требующий, во имя самых начал *позитивной* социологии, *единого* решения», Лавров пишет: «Они

¹ П. Л. Лавров, Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., стр. 275.

² П. Л. Лавров, Государственный элемент в будущем обществе, Избранные сочинения на социально-политические темы, т. IV, М. 1935, стр. 290.

³ «Рабочий социализм», «Вперёд!», 15(3) октября 1875 г., Лондон, стр. 592—593.

(т. е. сторонники «рабочего социализма». — А. Р.) экспериментально и логически убедились, что нынешний строй в его целом... не включает в себе необходимого согласия между частями для здорового развития; что в нём заключается один элемент, составляющий большинство, — следовательно, *возможная* сила, — интересы которого существенно солидарны в его среде и противоположны интересам его эксплуататоров, следовательно — элемент, удовлетворяющий требованиям гармонической общечеловечности; что в этом же строе находится другой элемент, по существу не допускающий солидарного общежития, исторически выработанный и эту же самую историю обречённый на гибель, элемент, фатально «производящий своих собственных могильщиков», по выражению Маркса. Это воззрение, относящееся к «целому», обусловило все отношения последователей рабочего социализма к частным общественным вопросам. Социальный переворот, как *неизбежный* вывод «совокупности предшествующего движения», определяет их отношение ко всем отдельным общественным явлениям, так как их практической задачей (опять-таки вполне согласно указаниям Конта...) заключается в «обязательном содействии» тем «стремлениям», которые сами собою существуют, и в отыскании «главных средств», которые могут ускорить и облегчить *неизбежную* катастрофу (социальную революцию), устраняя «всякое ошибочное потребление каких бы то ни было сил»¹.

Таким образом, идеи «Манифеста Коммунистической партии» о непримиримости антагонистических классовых противоречий в недрах буржуазного способа производства П. Л. Лавров подмечает рассуждениями в духе контовского принципа общественной солидарности, всеобщего согласия, в духе контовских lamentаций о «взаимной солидарности и рациональной нераздельности» различных элементов общественной жизни.

П. Л. Лавров применял также идеи «Манифеста» для обоснования своих воззрений на судьбы капиталистического развития России. Так, например, в одной из своих статей в газете «Вперёд!» П. Л. Лавров констатирует быстрое и успешное развитие в России буржуазии, соперничающей «с европейской буржуазией лишь в отсутствии всяких убеждений, в торговле всем, в спекуляции на всё, в обкрадывании народа всеми легальными — а, при случае, и нелегальными — средствами, и в самой безобразной конкуренции между её членами из-за личного обогащения». Эта буржуазия, воспользовавшись всеми приёмами капиталистического хозяйства, добилась, по мнению Лаврова, чрезвычайных успехов в царствование Александра II «в смысле

¹ «Возрождение Интернационала и его философские противники», «Вперёд!», 15(3) ноября 1876 г., стр. 688—689.

разорения прежних собственников, в смысле быстрого создания и разрушения состояний спекуляциями, в смысле непрочности всякой собственности, брошенной в поток спекуляторства, в смысле разорения страны для обогащения немногих»¹. Однако Лавров полагает, что русская буржуазия никогда не сделается политической силой ввиду того, что невозможна солидарность среди «этих биржевых волков, пожирающих друг друга», ввиду отсутствия у русских либералов достаточной энергии и политического смысла.

По мнению П. Л. Лаврова, при всех обстоятельствах «час капиталистической собственности» неизбежно пробьёт в силу действия роковых, неумолимых законов капитализма: «Но неумелость русских социалистов-революционеров подготовить и организовать революцию, обрушившись тяжёлыми страданиями на русский народ, всё-таки не спасёт хищнической буржуазии от фатального процесса, ею самою подготовленного. В пролетариате, ею созданном, она вырабатывает себе казнь. «Она сама производит собственных могильщиков. Её гибель и торжество пролетариата одинаково неизбежны» («Маниф. Коммун. партии», 1847)»².

Общий вывод Лаврова, что «русская либеральная партия не имеет никакой будущности; русская же буржуазия обречена одной и той же будущности со всеми буржуазиями мира, и вопрос лишь в том, удастся ли революционерам-социалистам настоящего сократить ход её возвышения и гибели организованным народным восстанием, или этот ход развернется и в России на более продолжительный период, со всеми прелестями безземельного пролетариата»³.

Хотя Лавров и признавал развитие капитализма в России и считал, что в силу имманентных экономических законов он обречён на крушение, тем не менее Лавров полагал, что социальному перевороту в России способствуют народные традиции, заключающиеся в «живой общественной единице» мелкой земельной общины и подвижной рабочей артели, и деятельность «критически мыслящих личностей», т. е. интеллигентской молодёжи с её идейными устремлениями. Лавров, опираясь на «Манифест Коммунистической партии», на «Капитал», пытался обосновать свои народнические воззрения.

Немногочисленные отклики на «Манифест» встречаются и в русской легальной печати 60—70-х годов. Так, например, под несомненным влиянием «Манифеста» написана редакционная заметка к статье «Национальность» Лудвига Рюдигера, поме-

¹ «Роль народа и роль интеллигенции», «Вперёд!», 1 июня (20 мая) 1876 г., стр. 314.

² Там же, стр. 314—315.

³ Там же, стр. 315.

щённой в «Заграничном вестнике» в 1864 г. Автор этой заметки сетует на то, что наблюдающаяся в ходе истории борьба как между различными общественными классами, так и между личностями и отдельными кружками становится «беспрестанно по-мехою для правильного развития общества вообще, для его исторического роста». Автор считает, что исторический успех возможен лишь при условии, когда борющиеся общественные силы «забывают временно свои распри во имя высшего начала, т. е. высшего для них, а в сущности весьма часто фиктивного и заключающего гораздо менее действительного содержания, чем начала, во имя которых происходила борьба». И далее мы в этой заметке встречаем высказывание, навеянное текстом «Манифеста»:

«Экономические вопросы всегда составляли самую существенную основу исторических столкновений: господин и раб, помещик и крепостной, собственник и пролетарий, капиталист и подёнщик, всё это были различные формы проявления того же самого экономического дуализма, который возбуждал продолжительную борьбу, ряд административных реформ, ряд политических сделок»¹.

Религиозное движение в XVI в., по мнению автора, породило период реформации, политическое же движение XVIII—XIX вв. породило период революций. Таким образом, перед нами типичная эклектическая смесь множественности факторов исторического процесса и в числе их «экономический дуализм».

Ряд цитат из «Коммунистического манифеста» и комментариев к ним мы встречаем в 70-х годах в статье, посвящённой книге Ф. Меринга «История германской социал-демократии», напечатанной в журнале «Вестник Европы». Будучи весьма далёким от понимания идей «Манифеста», автор статьи выдвигает против него ряд «критических» замечаний. Так, например, в качестве иллюстрации нереальности практических революционных мероприятий, выдвинутых творцами «Манифеста», автор пишет: «...В «Манифесте» прямо требовалась «конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков (Rebellen) — действительно наивное заявление со стороны ничтожного в то время по силе кружка...»². Автор не гнушается также клеветнических измышлений о якобы несамостоятельности, неоригинальности «Манифеста». Приведя известное место из «Манифеста», где речь идёт о буржуазии с её культом чистогана, автор делает следующую оговорку: «Какова бы ни была самобытность Маркса в его учёных трудах, то-есть в подкреплении взглядов и требований коммунизма аргументами экономического свойства, но самые

¹ Редакционная заметка к статье Лудвига Рюдигера «Национальность», см. «Заграничный вестник», т. 2, 1864 г., стр. 413.

² Л. А-в, Социальное движение в Германии, «Вестник Европы», кн. I, 1879 г., стр. 223.

взгляды, выраженные в упомянутом «Манифесте», прямо заимствованы у французских социалистов»¹.

По мнению автора, оказывается, что пламенный лозунг «Манифеста» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — тоже, «судя по форме, даже прямо переведён с французского».

Как видим, автор пользуется избитым приёмом, ставившим своей целью опорочить великие творения классиков марксизма, прибегая к имевшему широкое хождение среди буржуазных учёных и публицистов обвинению Маркса в неоригинальности, в плагиате и т. д.²

В 40—60-х годах имя Карла Маркса было известно лишь отдельным представителям русской интеллигенции. Лишь с выходом в свет I тома «Капитала» и в особенности после первого перевода его на русский язык имя Карла Маркса становится действительно популярным в России.

¹ Л. А-в, Социальное движение в Германии, «Вестник Европы», кн. I, 1879 г., стр. 224.

² Там же. После Парижской Коммуны царская цензура усилила свои преследования по отношению к произведениям К. Маркса и Ф. Энгельса. В докладе цензора А. П. Есипова Петербургскому комитету цензуры иностранной от 29 марта 1872 г. мы читаем:

«Рассмотренный нами манифест Коммунистического союза если и не поведует тех ужасов разрушения, которыми ознаменовалась международная ассоциация рабочих в Париже, то тем не менее он бросил её семена на производительную и восприимчивую для всякого беспорядка почву пролетариата, которые возросли, созрели и принесли свои плоды в последних её проявлениях.

Мы представляем эту брошюрку к запрещению для публики» («Коммунистический манифест и царская цензура», «Историк-марксист» № 2 (66), 1938 г., стр. 106). По постановлению комитета цензуры иностранной за подписью поэта Ф. Тютчева «Манифест Коммунистической партии» был запрещён к распространению. Однако никакие ухищрения царской цензуры не помешали «Коммунистическому манифесту», этому программному документу коммунизма, стать настольной книгой русского революционного подполья.

Глава четвёртая

О ПЕРЕВОДЕ I ТОМА «КАПИТАЛА» К. МАРКСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

ОТКЛИКИ НА «КАПИТАЛ» К. МАРКСА ДО ВЫХОДА В СВЕТ ЕГО РУССКОГО ПЕРЕВОДА

Первым критиком «Капитала» Маркса в России ещё до появления русского перевода был Евгений де Роберти. Де Роберти известен как философ-позитивист и как противник «субъективного метода в социологии». Будучи земским деятелем, де Роберти в 1880 г. в Тверском дворянском собрании выдвинул предложение о необходимости ходатайствовать о введении представительного правления. Это привело к тому, что он был вынужден эмигрировать из России. В своей работе «Политико-экономические этюды», изданной в 1869 г., в которой изложены экономические воззрения Кэри, де Роберти выступает с плоской и поверхностной критикой Маркса.

Де Роберти рассматривает Маркса как представителя школы «умеренных социалистов», которой «принадлежит честь обновления социализма на научных основаниях и восстановления репутации этого направления в общественном мнении»¹.

По мнению де Роберти, критерием научности является метод. Он пишет: «Такой критерий мы находим только в методе. В этом отношении Маркс является достойным учеником Прудона. Диалектика его ещё тоньше и запутаннее прудоновской, но она зато и тяжелее, и пространнее»².

На самом деле диалектический метод Маркса является непревзойдённым орудием познания природы и общества и не имеет ничего общего с «диалектическими» упражнениями Прудона, представляющими собой праздную игру понятиями, оторванную от реальной действительности. Маркс ещё в своих ранних работах, относящихся к 40-м годам, разоблачил реакционный характер мелкобуржуазного социализма Прудона.

¹ Евгений де Роберти, Политико-экономические этюды, Спб. 1869, стр. 58.

² Там же.

Извращая диалектический метод, де Роберти представляет его как хитросплетённую цепь понятий, не опирающихся на факты действительности, живущих самостоятельной жизнью и объединённых лишь априорными исходными положениями исследователя.

В «Капитале», вынужден признать де Роберти, много фактического материала, почерпнутого из ряда официальных документов. Но вся эта масса фактов и сведений, продолжает утверждать «критик», ничего не доказывает. Особенно де Роберти нападает на марксову теорию прибавочной стоимости, клеветнически представляя её как искусно придуманную игру понятий, лишённых серьёзной исторической основы. Но курьёзнее всего то, что де Роберти пытается установить близость Маркса к Кэри.

Близость Маркса к Кэри де Роберти видит в его (Маркса) понимании ценности (по терминологии де Роберти) и полезности. «Ценность, в глазах Маркса,— пишет де Роберти,— происходит от преодоления живым трудом известных трудностей, отделяющих средства для удовлетворения наших потребностей от самого удовлетворения, но отсюда к определению ценности мерою власти природы над человеком очевидно только один шаг. Не менее ясно и то, что полезность Маркс понимает как экономическое свойство, стоящее в обратном отношении к ценности или, другими словами, как меру власти человека над природой»¹. После такой интерпретации марксовых категорий «ценности» и «полезности» «критик» устанавливает близость Маркса к Кэри. Де Роберти считает, что взгляд Маркса на «процент с капитала» как на неоплаченный труд или как на избыток над заработной платой, величина которого находится в обратном к ней отношении, должен был привести Маркса к формулированию закона прогресса, по которому «ценность труда» должна повышаться, а «ценность капитала», или «процентная прибыль», постоянно понижаться. В этом де Роберти видит близость Маркса к Кэри. Концепция де Роберти довольно примитивна. Приписав Марксу мысль о наличии антагонизма «ценности» и «полезности», присущего всякой «ценности», и распространив этот антагонизм на «ценность труда» и «ценность капитала», нетрудно было уже констатировать близость «утописта» Маркса к подлинному «учёному» Кэри. Такими несложными, грубыми «критическими» приёмами пользовался де Роберти, этот первый «интерпретатор» Маркса на русской почве, первый критик «Капитала» в России с позиций вульгарной политической экономии.

Об оценке, которую Маркс дал экономическим взглядам Кэри, свидетельствует его письмо к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г., в котором Маркс указывал, что Кэри рассматривал

¹ Евгений де Роберти, Политико-экономические этюды, стр. 70.

экономические категории как теоретическое выражение отношений ассоциации и гармонии, а отнюдь не борьбы и антагонизма. «В действительности же он доказывает лишь то, что «незрелые» общественные отношения Соединенных Штатов расцениваются им как «нормальные общественные отношения»¹.

Де Роберти выдвигает избитое, тривиальное положение буржуазных критиков «Капитала» о неоригинальности марксовской теории прибавочной стоимости. По мнению де Роберти, «Маркс только выводит из известного положения Рикардо о ценности все скрытые в нём последствия и облачает их в самую выгодную для социалистических требований форму». Превратив Маркса по существу в представителя «рикардианского социализма», де Роберти считает, что Маркс смотрит на экономические факты ещё с распределительной точки зрения, что Маркс «остановился на полдороге между социализмом и наукой»². Вся система его поэтому не имеет большого значения ни в теории, ни на практике.

И это пишется про Маркса, который вскрыл ненаучность попыток социалистических утопий, ставивших своей целью реформирование распределения, который первый доказал, что отношения распределения представляют собой оборотную сторону отношений производства³.

Ещё до выхода в свет русского перевода «Капитала» в печати появился ряд статей, в которых Маркс рассматривается как крупный научный авторитет и где цитаты из «Капитала» приводятся для подкрепления тех или иных положений.

Ряд ссылок на «Капитал» К. Маркса и цитат из «Капитала» приводился в статье Елисеева — выдающегося публициста народнического направления. В своей статье о производительных силах России Елисеев высказал мнение, что в условиях крепостного права движение народонаселения происходило в ненормальных условиях. Он писал: «...На крепостное право мы смотрим только, как на общий гнёт, задерживающий нормальное движение народонаселения. Но кроме его были всюду местные причины, которые могли уменьшить или увеличить силу этого гнёта. К числу таких причин, ослабляющих вредное влияние крепостного права, принадлежало, между прочим, благоприятное положение местности, в торговом или промышленном

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 145.

² Евгений де Роберти, Политико-экономические этюды, стр. 74, 76.

³ Восторженную оценку сочинения Е. де Роберти дал Г. Н. Вырубов, который писал, что книга Е. де Роберти «представляет важное приобретение для экономической литературы», что она становится в один ряд «с лучшими трудами в этой области социальных явлений» («С-Петербургские ведомости», 22 мая (3 июня) 1869 г.). Такая оценка Вырубова не случайна, ибо он считает, что «наука не есть политический инструмент», что она должна быть «архивом» добытых реальных истин, что она должна быть «беспристрастной».

отношении»¹. Однако Елисеев отнюдь не считает, что отмена крепостного права вывела страну на путь хозяйственного преуспевания, значительно улучшила положение крестьянства. В условиях переходного, тяжёлого времени для крестьян, при обременительных налоговых тяготах, при трудности для крестьян ориентироваться в новых сложившихся хозяйственных условиях, при общем расстройстве дел «и скудости капиталов, можно опасаться,— писал Елисеев,— что уровень благосостояния в более или менее истощённых уже во время крепостного права губерниях ещё более понизится, и это неблагоприятным образом отразится не только на движении народонаселения, но и на ходе вообще всех дел»².

Такое положение страны может продолжаться весьма длительно, «если только экономические и социальные условия будут оставаться *существенно* неизменными противу прежнего»³.

Переходя к вопросу о желательных изменениях в социально-экономических условиях жизни русского народа, Елисеев ограничивает круг своих рассуждений отношениями города к деревне. Высказав ряд соображений, что народное благосостояние может быть прочным, надёжным и подлинно цветущим при взаимной помощи, оказываемой друг другу городом и деревней, Елисеев видит выход из тяжёлого положения страны в «полном самоуправлении города», в местном самоуправлении. По мнению Елисеева, вследствие отсутствия самоуправления происходило неравномерное распределение капиталов и знаний по стране, которые концентрировались в столичных городах, местности же, расположенные вдали от столиц и обладавшие более благоприятными природными условиями для промышленности, лишались как капиталов, так и людей, нужных для ведения фабричного и заводского дела.

Высказывания Елисеева типичны для народников 70-х годов, выступавших в легальной печати. Правильно объяснив причины деградации народонаселения в условиях крепостного хозяйства, подчеркнув тяжёлое положение крестьянства в начале пореформенного периода, Елисеев в своих конкретных предложениях ограничивается такими паллиативными мероприятиями, как местное самоуправление, т. е. по существу он обращается за помощью к самодержавному царскому правительству.

Суждения Елисеева о влиянии крепостного права на народонаселение были подвергнуты критике Ю. Жуковским. Он утверждал, что рассуждения Елисеева противоречат как практике хозяйствования в условиях крепостного права, так и выводам

¹ Г. Елисеев, Производительные силы России, «Отечественные записки» № 3, 1868 г., стр. 436.

² Там же, стр. 440.

³ Там же.

экономической науки. По мнению Ю. Жуковского, всякий лиш- ний крепостной был источником увеличения капитала помещика.

Ю. Жуковский ссылается также и на экономическую лите- ратуру, которая, по его мнению, отнюдь не даёт оснований для воззрений, которые отстаивал Елисеев. «Когда Мальтус рассу- ждал о развитии народонаселения, то находил, что не только какой-нибудь крепостник-барич, но даже азиатский кочевой князёк находил для себя лично выгодным поощрять развитие народонаселения, потому что увеличение личного состава под- властных слуг или рабов увеличивало его силу»¹.

Ю. Жуковский отрицает также пагубное влияние крепост- ного права на народонаселение, если подходить к этой проблеме с точки зрения присущего этому режиму нравственного гнёта и деспотизма. «...Все экономисты ... останавливались на том факте, что... деспотизм нигде не препятствовал быстрому на- растанию избытка рук, везде дело подходило к тому, что терри- тория отказывалась питать разросшееся население, которое приводилось в границы уже другими естественными силами — голодом, мором, войной и т. д.»².

Итоговый вывод Ю. Жуковского сводится к тому, что вопрос о развитии населения есть вопрос сложный, на который дей- ствует несколько причин и влияний, и что суть анализа этой проблемы сводится к тому, чтобы определить относительную величину этого многообразия факторов.

Таким образом, Ю. Жуковский в своей полемике с Елисее- вым, который правильно связывал деградирование народонасе- ления в дореформенной России со специфическими особенностями крепостного строя, стал на позиции вульгарной политической экономии, следуя за апологетической, человеконенавистниче- ской теорией Мальтуса. Исторический подход Елисеева к вопросу о народонаселении был обусловлен тем, что ему, очевидно, была хорошо знакома позиция Чернышевского по этому вопросу. Известную роль здесь сыграли и высказывания Маркса в «Капитале», та критика, которой Маркс подверг теорию народо- населения Мальтуса. Это видно из того, что в своей антикри- тике выступления Ю. Жуковского Елисеев непосредственно опи- рается на «Капитал» К. Маркса.

Елисеев пишет: «...Я считаю нужным поставить мои доводы под защиту учёного авторитета. Таким авторитетом я избираю даровитейшего и честнейшего из современных политико-эконо- мов, Маркса, известного своим сочинением: «Das Kapital», 1867. Маркс составляет совершенную противоположность Мальтусу.

¹ Ю. Г. Жуковский, Содержание и программа «Отечественных записок» за прошлый год, сборник «Материалы для характеристики современной русской литературы», Спб. 1869, стр. 157.

² Там же, стр. 160.

Как Мальтус, а вслед за ним и г. Жуковский, утверждают, что как ни дави людей, и как их плохо ни корми, они всё-таки будут размножаться одинаково быстро, так, напротив, Маркс держится того мнения, что давлением людей и держанием их впроголодь можно не только уменьшить и даже вовсе истребить»¹.

Елисеев излагает те страницы «Капитала», где Маркс, анализируя высказывания предшественников Мальтуса по вопросу о народонаселении, доказывает, что последний по существу был плагиатором².

Резюмируя высказывания Маркса о Мальтусе, Елисеев продолжает: «Итак, подкладкою самых quasi-тщательных изысканий о чрезмерном размножении населения служила практическая мысль о том, чтобы держание работающего населения впроголодь возвести для всех в принцип и сделать перманентным. Нет ничего удивительного, что задавшись подобною мыслью, известного сорта изыскатели должны были во что бы то ни стало отыскать самые твёрдые аргументы для утверждения того положения, что как человека сильно ни дави и как дурно ни корми, он всё-таки будет здравствовать и одинаково быстро размножаться»³.

Для обоснования влияния крепостного права на жизненные условия крестьянства наряду с другими аргументами Елисеев пользуется высказываниями Маркса в «Капитале» об относительном уменьшении английского народонаселения⁴.

Для доказательства, что принцип крепостного хозяйства состоял в том, чтобы извлечь как можно больше дохода из наличного числа работников «без всякой заботливости о их здоровье и продолжительности их жизни ввиду тех неистощимых фондов, которые всегда обильно покрывали этот дефицит», Елисеев цитирует ряд страниц «Капитала», где Маркс показывает хищническую эксплуатацию рабского труда на рисовых полях Георгии и в болотах Миссисипи и вскрывает разрушительное воздействие капитала на здоровье и жизнь рабочих⁵.

В этой же статье Елисеев упрекал Ю. Жуковского, который своё предисловие к сочинениям Бентама превратил в панегирик этому глашатаю буржуазной конкуренции и свободы, в том, что «он нисколько не задумывается возвести в идеал гражданской мудрости и доблести Иеремию Бентама, сего мудреца, поучающего приносить людям как можно больше пользы с наименьшими издержками для себя, сего, по выражению Маркса, фили-

¹ Гр. Елисеев, Ответ на критику, «Отечественные записки» № 4, 1869 г., стр. 347.

² См. там же, стр. 349.

³ Там же.

⁴ См. там же, стр. 351—352.

⁵ См. там же, стр. 352—354.

стера из филистеров (urphilister), гения буржуазного тупоумия, который наивно принял современного ему филистера, и при том английского, за нормального человека, и признав безусловно полезным то, что полезно сему сычу в человеческом образе, вымерял эту меркою прошедшее, настоящее и будущее человечества»¹.

Таким образом, в полемике между Елисеевым и Ю. Жуковским по злободневным вопросам русской жизни «Капитал» К. Маркса привлекался как авторитетнейшее произведение, как самое последнее достижение экономической науки для обоснования таких конкретных проблем, как тенденции пореформенного развития России.

Влияние «Капитала» Маркса до выхода в свет русского перевода можно встретить и в работах специального характера, например в трактующих социально-гигиенические или социологические проблемы.

В статье, напечатанной под псевдонимом П. Я. в «Архиве судебной медицины и общественной гигиены», посвящённой положению рабочих на Западе², мы читаем: «...Труд, конечно чужой, является для имущих классов средством жить не только не издерживая, но ещё увеличивая своё имущество; он делается орудием, и за представлением об орудии пропадает и ступёвывається представление о личности работающего, который сводится на *«живой механизм, на руки»*... Рабочий для фабриканта, по принципу, есть только *орудие* производства, орудие необходимое, иногда и в некоторых отношениях значительно более выгодное, нежели паровые машины, и часто несравненно более выгодное, нежели рабочий скот...»³.

В приведённой цитате излагается по существу соответствующее место «Капитала», где Маркс указывает, что для капиталиста нет принципиального различия между средством труда и рабочим. В другом месте этой интересной статьи мы читаем: «...При данной величине рабочей платы интересы капиталиста и работника диаметрально противоположны друг другу в определении продолжительности рабочего времени, покупаемого за эту плату. Размер рабочей платы *никогда* не определяется продолжительностью рабочего времени; напротив, сокращение рабочего времени всегда сопровождается возвышением рабочей платы, и наоборот, чем ниже рабочая плата, тем продолжительнее рабочее время, потому что продолжительность рабочего

¹ Гр. Елисеев, Ответ на критику, «Отечественные записки» № 4, 1869 г., стр. 347.

² Авторами этой статьи были Н. Якобия и В. А. Зайцев.

³ П. Я., О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения, «Архив судебной медицины и общественной гигиены» № 3, 1870 г., стр. 164.

времени *всегда* определяется только степенью зависимости рабочих от капитала, т. е. степенью их нищеты»¹.

Авторы в своей статье ссылаются на фактические данные из «Капитала», иллюстрирующие положение рабочих в период раннего капитализма. Интересно следующее замечание авторов: «Было бы несправедливо приписывать непомерное растяжение рабочего дня индивидуальной жестокости и корысти капиталистов, видеть в нём злоупотребление, зависящее от личного произвола. Оно является результатом производства, основанного на подчинении труда капиталу, работника, человека — орудию труда, деньгам, и никакая частная филантропия не может устранить этот результат. В вопросе о величине рабочего времени заключается вопрос жизни или смерти для капитала»². «Изобретение и усовершенствование машин не только облегчают его труд, — пишут авторы в другом месте, — а, напротив, усиливают. Только одно обстоятельство действует, безусловно, благотворно на его положение, а именно сокращение законом его рабочего дня»³. Авторы здесь также ссылаются на «Капитал», на те главы, где речь идёт о повременной и поштучной оплате труда.

Таким образом, рассмотренная нами статья представляет интересный этюд о положении рабочих на Западе, написанный под влиянием глав «Капитала» о рабочем дне. За «настойчивое проведение крайне социалистических идей» рассмотренная статья была запрещена цензурой. Эта статья была известна Марксу⁴.

В письме к Зигфриду Мейеру от 21 января 1871 г. Маркс писал: «В Петербурге выходит каждые две недели *«Архив судебной медицины»* (на русском языке). Один из сотрудничающих в этом журнале врачей поместил в последнем номере статью *«О гигиенических условиях, в которых живет западно-европейский пролетариат»*, в которой главным образом — но с указанием источника — цитирует мою книгу. В результате произошло следующее несчастье: цензор получил сильный нагоняй от ми-

¹ П. Я., О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения, «Архив судебной медицины и общественной гигиены» № 3, 1870 г., стр. 184.

² Там же, стр. 191.

³ Там же, стр. 215.

⁴ Об этой статье Г. Лопатин писал К. Марксу 15 декабря 1870 г.: «Наднях я сообщал Вам, что в «Архиве судебной медицины и гигиены» (русский медицинский журнал) была напечатана статья о положении рабочего класса в Западной Европе. Материал для нее был в основном почерпнут из Вашей книги, и статья эта имела несчастье вызвать неудовольствие правительства. Теперь она окончательно запрещена и предана сожжению, а так как журнал является в известной мере официальным органом, то главный редактор его снят с должности» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 188).

нистра внутренних дел, главный редактор смещен, а самый номер журнала,— все экземпляры, которые еще можно было захватить,— предан сожжению!»¹.

Целый ряд ссылок на главы «Капитала» о рабочем дне встречается в статье А. Михайлова, посвящённой производительным ассоциациям, где автор свои соображения о положении рабочего класса на Западе зачастую подкрепляет соответствующими цитатами из Маркса².

В 1870 г. статистик и экономист В. Покровский посвятил «Капиталу» статью, которая представляет собой изложение главы «Капитала» о рабочем дне. Автор пишет: «Капиталист представляет собою... олицетворённый капитал; его душа — капитальная душа. А капитал имеет единственное жизненное стремление — увеличиваться, создавать избыток ценностей, всасывать в себя свою *постоянную* часть, средствами производства, возможно бóльшую массу излишнего труда. Капитал в существе своём есть не что иное, как похороненный труд, но подобно вампиру, он оживает чрез всасывание чужого труда, и живёт тем долее, чем более его всасывает. Время, в продолжение которого работник трудится, есть вместе с тем время, в продолжение которого капиталист *потребляет* купленную им рабочую силу. Если в это время рабочий вздумает несколько минут отдохнуть, то буржуазная экономия, следящая с беспокойством за движением работника, утверждает, что работник обкрадывает капиталиста.

Капиталист опирается в этом случае на закон *обмена товаров*. Он, как и всякий купец, старается извлечь как можно больше пользы из внутренней ценности купленного им товара»³. Приведённый отрывок представляет собой изложение соответствующих строк «Капитала». Далее автор приводит изложение главы «Капитала» о рабочем дне. Интересны заключительные строки автора о положении рабочих в России, где даётся характеристика тяжёлых условий труда русских рабочих. «Относительно того,— пишет автор,— сколько часов рабочий должен трудиться в продолжение дня, у нас не существует никаких определений. Обыкновенно работник работает столько, сколько велит хозяин. А при общей бедности и нередко голодовании наших рабочих «свободной конкуренции» между ними так много, что воля хозяина может решительно ничем не стесняться, кроме пределов физической возможности»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 87.

² См. А. Михайлов, Производительные ассоциации, «Дело» № 4, 1870 г., стр. 220, 224.

³ В. П[окровский], Что такое рабочий день, «Отечественные записки» № 4, 1870 г., стр. 407.

⁴ Там же, стр. 434.

Ссылки на «Капитал» до выхода в свет русского перевода имеются у Н. К. Михайловского. В одной из своих статей Михайловский утверждает, что большинство экономистов и биологов не поняло сущности разделения труда и что истинное значение разделения труда понято почти исключительно только социалистами всех оттенков ¹. И далее автор приводит ряд выдержек из «Капитала», посвящённых разделению труда в обществе и на мануфактуре.

Таким образом, в рассмотренных нами откликах на «Капитал» до его перевода на русский язык мы видим, что наибольший интерес вызывают главы «Капитала», посвящённые положению рабочего класса.

Одним из первых читателей «Капитала» в России до выхода в свет русского перевода был известный учёный К. А. Тимирязев ². О своём знакомстве с «Капиталом» К. А. Тимирязев в статье «Ч. Дарвин и К. Маркс» пишет следующее: «...С «Капиталом» я ознакомился, вероятно, один из первых в России... Осенью 1867 г. проездом из Симбирска, где я производил опыты по плану Д. И. Менделеева, я заехал к П. А. Ильенкову, в недавно открытую Петровскую академию. Я застал П. А. Ильенкова в его кабинете-библиотеке за письменным столом; перед ним лежал толстый, свеженький немецкий том с ещё заложённым в нём разрезальным ножом, — это был первый том «Капитала» Маркса. Так как он вышел в конце 1867 г., то, очевидно, это был один из первых экземпляров, попавших в русские руки. Павел Антонович тут же с восхищением и свойственным ему умением прочёл мне чуть не целую лекцию о том, что уже успел прочесть; с предшествовавшей деятельностью Маркса он был знаком, так как провёл 1848 год за границей» ³.

С выходом в свет I тома «Капитала» имя Маркса становится популярным в России.

К ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА I ТОМА «КАПИТАЛА» К. МАРКСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Впервые за перевод «Капитала» К. Маркса на русский язык взялся Михаил Бакунин ⁴. Однако после перевода нескольких

¹ См. Н. Михайловский, Теория Дарвина и общественная наука, «Отечественные записки» № 3, 1869 г., стр. 76.

² См. К. Тимирязев, Наука и демократия, Сборник статей 1904—1919 гг., Гиз, 1920, стр. XVI.

³ Там же, стр. 466.

⁴ Переводить «Капитал» К. Маркса собирался и А. А. Серно-Соловьевич. Так, например, в письме к М. В. Трубниковой от 14 июня 1868 г. он писал: «Мне хотелось бы перевести «Das Kapital» К. Marx'a. Найдётся ли издатель? Книга солидная, его вышедшая 1-я часть занимает 800 стр.» («Звенья», кн. V, Academia, 1935 г., стр. 396). Намерение А. А. Серно-Соловьевича перевести

страиц первой главы Бакунин от дальнейшей работы отказался¹.

История бакунинского перевода нашла своё отражение в письме Любавина к Марксу от 8(20) августа 1872 г. Любавин состоял в 1867 г. членом кружка молодёжи в Петербурге, группировавшейся вокруг Германа Лопатина, в который входили Н. Ф. Даниельсон, М. Ф. Негрескул и др. Этот кружок, интересовавшийся западноевропейским движением и социалистической литературой, задумал перевести I том «Капитала» на русский язык. Узнав о тяжёлом материальном положении Бакунина, Любавин предложил ему сделать перевод «Капитала». Бакунин согласился и получил в качестве аванса 300 руб. Однако под всякими предложениями он откладывал перевод «Капитала». В упомянутом письме к Марксу Любавин указывает, что Бакунин ему писал о «различных трудностях перевода». «Я хочу вам упомянуть, — писал Любавин Марксу, — только об одной из них, так как я сильно подозреваю, что Б[акунин] здесь солгал. Он приводит фразу из вашей книги: «Стоимость есть застывший труд» и говорит: «М[аркс] просто пошутил — впрочем, он мне сам в этом признался»².

Из переписки К. Маркса с Даниельсоном видно, что Маркс хотел воспользоваться документами, связанными с работой Бакунина над переводом «Капитала», в целях разоблачения перед международным рабочим движением подлинного облика Бакунина. Последний под маской лицемерного заявления о роспуске созданной им организации «Альянс» скрывал свою подрывную работу в Интернационале. В письме к Даниельсону от 15 августа 1872 г. Маркс писал: «Бакунин годами тайно подготовлял взрыв Интернационала, но в последнее время до такой степени прижат нами к стене, что вынужден был, наконец, сбросить маску и открыто отколоться вместе с руководимыми им глупцами. Он был главным заправилкой нечаевского дела». Далее Маркс пишет о работе Бакунина над переводом «Капитала»: «...Вместо того, чтобы представить работу, он написал или велел написать некоему Любавину..., который вел с ним переговоры по поручению издателя, в высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо. Это письмо могло бы мне весьма пригодиться, если бы я мог получить его немедленно»³.

«Капитал» не осуществилось, так как М. Трубникова ему сообщила, что перевод «Капитала» затевает В. О. Ковалевский.

¹ О том, как Бакунин расценивал «Капитал» К. Маркса, свидетельствует его письмо к Герцену от 4 января 1870 г., в котором он писал: «А я, брат, перевожу экономическую метафизику Маркса» («Литературное наследство» № 41—42, 1941 г., стр. 151).

² «Письмо Н. Н. Любавина К. Марксу», «Литературное наследство» № 41—42, 1941 г., стр. 158.

³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 84—85. (Письмо «Народной расправы» Н. Н. Любавину. Публикация

Первым переводчиком «Капитала» К. Маркса на русский язык был Герман Лопатин¹ — один из наиболее крупных и Б. Козьмина, «Литературное наследство» № 41—42, 1941 г., стр. 155—156.) Об отношении Бакунина к этому письму до сих пор ничего не известно.

¹ Биография Лопатина, изобилующая эффектными драматическими моментами, вдохновила Глеба Успенского на повесть «Удалой, добрый молодец». Так, например, он писал Н. К. Михайловскому: «Повесть, которую пишу, — автобиография, не моя личная, а нечто вроде Лопатина. Чего только он не видел на своём веку! Его метало из губернаторских чиновников в острог на Кавказ, с Кавказа в Италию, прямо к битве под Ментоной, к Герцену, потом в Сибирь на три года, потом на Ангару, на которой он плыл тысячу вёрст, потом в Шенкурск, в Лондон, в Цюрих, в Париж. Он видел всё и вся. Это — целая поэма. Он знает в совершенстве три языка, умеет говорить с членом парламента, с частным приставом, с мужиком, ... и в то же время может войти сейчас на кафедру и начать о чём угодно вполне интересную лекцию. Это — изумительная натура. Я и думать не могу охватить всё это, но уголок я постараюсь взять в свою власть» (см. А. И. Иванчин-Писарев, Глеб Успенский и революционеры 70-х годов, «Былое» № 10, 1907 г., стр. 45). С. Г. Лопатиним Глеб Успенский познакомился ещё в 70-х годах и виделся с ним в Париже и в Петербурге. В 1893 г. Успенский вспоминал: «С Г[ерманом] А[лександровичем] я познакомился скоро. Он жил в Латинском квартале в улице, близкой к «Пантеону», квартирка крошечная... Приехал я к Г[ерману] А[лександровичу] вечером, он был занят переводом Маркса». И далее Успенский вспоминает со слов Г. Лопатина ряд ярких фактов из его биографии (Мемуарная запись «Мои дети», 1893 г. августа 22-го. Летописи государственного литературного музея. Книга четвёртая, Глеб Успенский, М. 1939, стр. 200). Лестную оценку личности Г. Лопатина дал также П. Л. Лавров, который в 1888 г. отзывался о нём как об одном из лучших русских людей нашего времени. Лавров писал, что с падением самодержавия «может быть, найдётся человек, который будет достаточно счастлив, что будет иметь в руках материал для биографии, имеющей интерес рыцарского романа с приключениями, причём он будет иметь дело с личностью, которой предлагали кафедру при самом оставлении скамьи университета, с писателем, блестящие страницы писем которого восхищали Тургенева, с мыслителем, которого уважал, как немногих, Карл Маркс, очень неподатливый на уважение, с деятелем, который не останавливался ни перед какими трудностями положения дел и, в то же время, с собеседником, который прельщал всех и каждого, был душою всякого общества, привлекал к себе и самодура генерал-губернатора Восточной Сибири, и учёных исследователей, и молодых девушек, и острожных каторжников, и фанатиков-революционеров. При достаточном материале и при умении писателя понять личность и выпукло выставить её в её характеристических особенностях и во всём разнообразии её сил, это будет произведение, которым будут зачитываться и которое одно может доставить литературную славу его автору» (П. Л. Лавров, Герман Александрович Лопатин, изд. «Колос», 1919, стр. 15—16). В этой же работе Лавров писал по личным воспоминаниям об отношении Маркса к Лопатину:

«...О немногих людях Карл Маркс говорил мне и с такою тёплой симпатией к человеку, и с таким уважением к силе его ума, как о Г. А. Едва ли кто понимал так хорошо, по его словам, то, что он сделал и что он намерен был выполнить в последующих томах своего труда, как это понимал Лопатин. А знаменитый учитель социализма был в этом отношении очень требователен от людей, с которыми сблизился» (там же, стр. 29—30).

Интересен также отзыв И. С. Тургенева о Лопатине. В письме к П. Л. Лаврову от 5 декабря 1874 г. Тургенев писал: «Я видел нашего несокрушимого юношу Л-на; он умница и молодец попрежнему — и сообщил мне много интересных фактов — светлая голова» («Из писем И. С. Тургенева к П. Л. Лаврову», «Былое» № 2, 1896 г., стр. 216).

ярких представителей революционного народничества 70—80-х годов.

Лопатин, поселившийся в Лондоне, находился в тесном общении с Марксом. Маркс высоко ценил Германа Лопатина. Это нашло своё отражение в письмах Маркса к Энгельсу и к Даниельсону. Так, в письме от 5 июля 1870 г., где Маркс сообщает Энгельсу некоторые факты из биографии своего нового знакомого, Германа Лопатина, Маркс с удовлетворением отмечает его отрицательное отношение к деятельности Бакунина и Нечаева. Маркс писал о Лопатине: «У него очень живой *критический* ум, веселый характер, стоический, как у русского крестьянина, который довольствуется тем, что имеет»¹.

Письма Маркса к Энгельсу отражают также старание Маркса выбить из головы Лопатина его народнические предрассудки. В письме к Энгельсу от 3 августа 1870 г. Маркс пишет: «Он — единственный «солидный» русский, какого я до сих пор встречал, а национальные предрассудки я скоро из него выбью»².

В письме к Марксу от 29 ноября 1873 г. Энгельс даёт обстоятельную характеристику Лопатина как человека, которого давит груз народнических представлений об особых путях русского исторического процесса в отличие от западноевропейского³.

Лопатин начал перевод «Капитала» со второй главы (в последующих изданиях второй отдел), так как первая глава (в последующих изданиях первый отдел) нуждалась, по мнению Лопатина, в коренной переработке. Маркс выразил желание целиком переработать для русского перевода первую главу⁴.

Лопатин не только проявил себя как добросовестный переводчик, но он иногда у цитируемых в «Капитале» авторов отмечал благодаря знакомству с подлинниками путаницу понятий, которая нуждалась в дополнительной критике.

По инициативе Лопатина Маркс внёс в «Капитал» ряд добавлений. Так, например, Лопатин заметил путаницу понятий в воззрениях Сениора, Маркс согласился с Лопатиным и сделал добавление к примечанию 34, которое впервые появилось именно в русском издании⁵. В ряде случаев он комментирует соответствующие места текста. В разделе, посвящённом деньгам, как средству обращения, Лопатин в одной из сносок разъясняет выражение Маркса «Geldlarve». Он пишет: «В подлиннике

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 347—348.

² Там же, стр. 372.

³ См. там же, стр. 422.

⁴ См. Письмо Н. Ф. Даниельсона К. Марксу от 11 (23) мая 1871 г., «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 71.

⁵ См. «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса», т. I, Спб. 1872, стр. 170.

Geldlarve, т. е. деньги на известной стадии своего метаморфоза, который автор сравнивает с метаморфозом насекомых»¹.

Иногда Лопатин считал, что изложение Маркса может ввести читателя в заблуждение, и делал соответствующую выноску, о чём сообщал Марксу. Так, в пояснение сущности нормы прибавочной стоимости Лопатин приписал: «Читатель должен всегда иметь в виду, что норма прибавочной стоимости и общая сумма прибавочной стоимости — большая разница. Положим, в одном случае, необходимый труд = 3 часам; прибавочный труд пусть будет также = 3 часам; а в другом случае, необходимый труд = 6 часам, прибавочный труд также = 6 часам. Очевидно, что норма прибавочной стоимости, т. е. степень эксплуатации работника, будет и в том и в другом случае одинакова (т. е. = 100%); но положение работника, физическое и нравственное, т. е. общая сумма его тягостей в этих двух случаях — весьма различна (именно в одном случае вдвое больше, чем в другом)»².

Таким образом, Лопатин не отнёсся формально к своим обязанностям переводчика, а старался вникнуть в смысл идей переводимого им текста. Эту тщательность и добросовестность работы Лопатина отмечает последующий переводчик «Капитала» — Н. Ф. Даниельсон³.

После перевода значительной части I тома «Капитала»⁴ Лопатин вынужден был бросить дальнейшую работу над «Капиталом», так как он поехал в Сибирь освобождать Чернышевского, находившегося в ссылке под строжайшим надзором.

Работа над переводом I тома «Капитала» на русский язык была завершена Н. Ф. Даниельсоном.

В письме от 18 (30) сентября 1868 г. Н. Ф. Даниельсон обратился к К. Марксу с предложением издать «Капитал» на русском языке. Даниельсон писал Марксу: «Значение Вашего последнего труда — «Капитал. Критика политической экономии» — побудило одного из здешних издателей (Н. П. Полякова) предпринять перевод этой работы на русский язык. Различные приходящие обстоятельства делают желательным выпуск в свет одновременно с первым также и второго тома. Поэтому, как уполномоченный издателя, я покорнейше прошу Вас, если Вы сочтете

¹ См. «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса», т. I, Спб. 1872, стр. 61. Примечание.

² См. там же, стр. 163. Примечание.

³ См. «Объяснительная заметка», «Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса к Николаю — ону», перевёл Г. А. Лопатин. Спб. 1908, стр. 11.

⁴ В письме к В. В. Водовозову от 22 января 1906 г. Лопатин, перечисляя свои главные переводы, указывает, что он перевёл треть I тома «Капитала» Маркса (см. «Герман Александрович Лопатин», стр. 8). В письме к Марксу от 29 ноября 1873 г. Энгельс писал: «В переводе «Капитала» главы 2—5 (включая машины и крупную промышленность) принадлежат ему, следовательно значительная часть» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 423).

это возможным, выслать мне, по мере их напечатания, отдельные листы второго тома»¹. Далее он просит Маркса прислать свои более ранние произведения в целях ознакомления с ними русской публики путём изложения их в нескольких рефератах. В ответ на предложение Даниельсона Маркс в письме от 7 октября 1868 г. писал: «Вам не следует дожидаться второго тома, так как появление его может задержаться еще месяцев на шесть... К тому же первый том представляет собой законченное целое»².

Маркс и Энгельс с удовлетворением встретили известие о предпринимаемом русском издании «Капитала». В письме к Энгельсу от 4 октября 1868 г. Маркс писал: «Меня, разумеется, чрезвычайно обрадовало известие о том, что моя книга появится в Петербурге в *русском* переводе. Я пошлю им то, что они требуют (поскольку могу), как только ты вернешь письмо Даниельсона»³.

В письме к Марксу от 8 октября 1868 г. Энгельс писал: «Русский перевод — весьма отрадное явление; лишь только дело несколько подвинется вперед, надо будет сообщить о нем в газетах»⁴.

В письме от 12 октября 1868 г. Маркс писал Кугельману: «Несколько дней тому назад один петербургский издатель поразил меня известием, что печатается русский перевод «Капитала»...Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет непрерывно боролся, и не только по-немецки, но и по-французски и по-английски, всегда были моими «доброжелателями». В 1843—44 гг. в Париже тамошние русские аристократы носили меня на руках. Мое сочинение против Прудона (1847) и то, что издал Дункер (1859), нигде не нашли такого сбыта, как в России. И первым переводом «Капитала» на иностранный язык оказывается перевод на русский. Но этому не следует придавать большого значения. Русская аристократическая молодежь воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она гонится всегда за самым крайним, что только дает Запад. Это чистейшее гурманство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии. «Это не для портных и сапожников», — говорил тогда Вольтер о своих просветительных идеях. Это не мешает тем же русским, поступив на государственную службу, делаться негодьями»⁵.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 67.

² Там же, стр. 68.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 110—111.

⁴ Там же, стр. 112.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 534. В связи с переводом на русский язык I тома «Капитала» Фридрих Лесснер, немецкий рабочий, член Союза коммунистов, в своём письме к Марксу писал: «Мне кажется, что русские обладают большим и лучшим вкусом, чем цивилизованные англичане

Однако Марксу вскоре пришлось убедиться, что «Капитал» в России, как ни в одной стране, с первых дней его появления имел превосходных ценителей и пропагандистов (Кауфман, Зибер), что против «Капитала» в России не только не было «заговора молчания», но что крупнейшие русские публицисты и учёные на страницах «легальной» печати вели вокруг «Капитала» ожесточённые споры и что, наконец, в России 70-х годов был также подпольный читатель «Капитала» — революционер-народник, воспринимавший «Капитал» как призыв к борьбе против социально-политического режима самодержавной России.

В переписке Маркса и Даниельсона отражены различные этапы подготовки к печати русского перевода «Капитала». Так, например, в письме от 11(23) мая 1871 г. Даниельсон, ссылаясь на слова Лопатина, что Маркс намеревается переработать первую главу «Капитала», пишет Марксу: «Так как перевод сейчас близится к концу, то не будете ли Вы так добры,— если Вы не переменили Вашего намерения,— прислать мне означенную главу вместе с другими изменениями Вашей книги, которые Вы находите желательными (например, относительно Н. Сениора). Если же, как я предполагаю, первая глава Вами еще не переработана, то я очень прошу Вас указать хотя бы приблизительно, когда Вы сможете ее прислать»¹.

В письме к Даниельсону от 13 июня 1871 г. Маркс писал: «Я с удовольствием займусь «первой главой», но не могу приступить к этому делу ранее, чем *через две недели*. Вследствие восьминедельной болезни у меня накопилось много работ, которые должны быть выполнены в первую очередь. Тогда же пришлю Вам и список разных мелких исправлений»².

Даниельсон решил выпустить перевод «Капитала», не дожидаясь переработки первой главы. В письме к Марксу от 17 (29) октября 1871 г. Даниельсон писал: «Закончив полностью первый том «Капитала», мы остановились в ожидании обещанной Вами переработки первой главы. Но затем нам стало жаль лишать русских читателей возможности познакомиться с мастерским изложением этой главы, ибо, если отвлечься от ее абстрактности, она, на наш взгляд, одна из лучших в книге. Чтобы не задерживать выхода тома (решено выпустить его не позже декабря этого года), мы приступили уже к печатанию. Перерабо-

и французы. Это звучит совершенно невероятно. Может быть, под влиянием этого факта другие нации, которые претендуют на то, чтобы задавать тон, устыдятся, что новые и великие идеи немецкого учёного должны вбиваться в голову им через посредство России» (Архив ИМЭЛС, цит. по ст. М. Митина «Карл Маркс. К 125-летию со дня рождения», «Под знаменем марксизма» № 4—5, 1943 г., стр. 11).

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 71.

² Там же, стр. 72—73.

танную первую главу (если Вы не отказались еще от Вашего намерения), а также различные другие мелкие изменения мы решили дать в виде приложения в конце книги (читатель, разумеется, ничего не потеряет от двух вариантов первой главы).— Исходя из этого, мы просим Вас сообщить нам, к какому приблизительно времени можно ожидать получения рукописи»¹.

В письме от 15(27) марта 1872 г. Даниельсон сообщает Марксу о выходе русского перевода «Капитала»: «Печатание русского перевода «Капитала», наконец, закончено, и я могу переслать Вам экземпляр книги. Я рассчитывал кончить эту работу к концу декабря; не моя вина, если она затянулась дольше. Сначала мы хотели поместить в книге портрет автора на отдельном листе, он был уже награвирован, но это не удалось нам и опять-таки не по нашей вине: цензура не допустила этого. Она же не разрешила поместить его портрет в тексте.

Отзывы наших журналов об этом труде я, разумеется, Вам перешлю»².

В письме к Даниельсону от 28 мая 1872 г. Маркс даёт высокую оценку русскому переводу «Капитала». Он пишет: «...Большое спасибо за прекрасно переплетенный экземпляр. Перевод сделан *мастерски*. Мне очень бы хотелось получить еще один непереpletенный экземпляр для Британского музея.

Мне очень жаль, что *абсолютный* [недостаток времени] (в *буквальном смысле этого слова*) не позволил мне приступить к переработке моего труда для второго издания ранее конца декабря 1871 г. Это было бы очень полезно для русского издания»³.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 76. Организатор русской секции I Интернационала в Женеве Н. И. Утин писал Марксу 15 апреля 1872 г.: «Третьего дня я увидел в «Русских Ведомостях» объявление о Вашей книге (т. е. о русском переводе I тома «Капитала» Маркса.— А. Р.) и не поверил глазам своим. Я немедленно попросил одну мою приятельницу прислать мне ее, так как меня чрезвычайно интересует перевод. Очень боюсь, что переводчикам не удалось точно передать подлинник. Во всяком случае, поздравляю Вас с выходом книги; с еще большим правом можно поздравить русскую молодежь, которая сможет, наконец, познакомиться с нашим великим учением на основании подлинного источника». И далее Утин интересуется выходом в свет второго издания I тома «Капитала». Он пишет: «Если первые главы полностью переделаны и я мог бы получить их в гранках, то я послещил бы перевести их и предложил бы какому-нибудь издателю для опубликования в виде *дополнения*» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 57—58).

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 77—78. С.-Петербургский цензурный комитет свой отказ приложить к I тому «Капитала» портрет Маркса мотивировал тем, что «дозволение портрета его при сочинении «Капитала»... можно было бы принять за выражение особенного уважения к личности автора» (Центральный архив внутренней политики в Ленинграде (ЦА ВПЛ), журнал заседания СПб цензурного комитета от 8 марта 1872 г. № 10. Цит. по статье И. Книжника (Ветрова) «Н. П. Поляков—издатель «Капитала» К. Маркса», «Вопросы истории» № 6, 1947 г., стр. 75).

³ Там же, стр. 79.

В русском переводе I тома «Капитала» имеются примечания переводчика, носящие принципиальный характер.

В главе второй «Преобразование денег в капитал» в § 1 «Общая формула капитала» встречается интересное обоснование необходимости слова «Mehrgwerth» — «прибавочная стоимость». Переводчик пишет: «...Выражение «Mehrgwerth» мы сначала думали перевести словом «сверхстоимость», построение которого вполне согласно с духом русского языка и которое также представляет все выгоды одного сложного слова по сравнению с двумя простыми. Но потом мы вынуждены были перевести его словами «прибавочная стоимость», для того чтобы сохранить этимологическую аналогию с словом «прибавочный труд (Mehrgarbeit), соответствующую той аналогии, которая существует между этими двумя названиями в сфере экономической.— Конечно, было бы лучше перевести Mehrgarbeit каким-нибудь одним словом, но, к сожалению, такие слова, как Mehrgarbeit, Mehrproduct и т. п., не имеют соответствующих им русских выражений»¹.

В третьей главе «Производство прибавочной стоимости» в § 1 «Процесс труда и процесс образования стоимости» к словам текста, где речь идёт о полуфабрикате, как о сыром материале, который может быть употреблён для последующего процесса труда, имеется следующее примечание переводчика: «Маркс говорит, что было бы лучше называть его *Stufenfabricat*, т. е. такой продукт, который лишь *постепенно* доходит до степени настоящего фабриката; но нам не удалось подыскать русского слова, которое передавало бы эту идею сколько-нибудь удовлетворительно»².

В марте 1872 г. появилось первое издание «Капитала» на русском языке³.

¹ См. «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса», т. I, Спб. 1872, стр. 92. Примечание.

² См. там же, стр. 126. Примечание.

³ Об издательстве русского перевода Маркса книгопродавец Николае Петровиче Полякове В. В. Берви-Флеровский писал следующее: «Некто Поляков, человек нигилистического направления, живший в кругу людей, оставшихся после Чернышевского и разделявших его воззрения, издавал книги крайнего направления. Он был человеком идеи и печатал исключительно произведения, ценные по своему содержанию, но встречавшие на пути своём большие цензурные препятствия. Когда появился закон, по которому книги значительного объёма могли быть изъяты из обращения только по суду, он воспользовался им в самых широких размерах. Русских сочинений он издавал очень мало, потому что в то время действительно мало писалось книг, достойных такого издания, а он ценил и себя и свою деятельность. Им издавались преимущественно переводы самых замечательных произведений, появившихся в цивилизованном мире. Он ставил себе целью издавать их без всяких искажений, изменений и сокращений и спорил упорно из-за каждого слова. Участь его была печальная: когда правительству надоела игра в свободу печати, у него было арестовано изданий на сто тысяч рублей, и он был разорён. Но в 1869 году, во время появ-

Издание I тома «Капитала» было допущено царской цензурой в переводе как произведение «строго научное, тяжёлое и мало доступное». Цензор Скуратов отмечал в своём докладе: 1. Автор, как он и сам высказывается в предисловии, стоит на точке зрения исторического процесса. Современный капиталистический строй не зависит от добрых или злых наклонностей отдельного капиталиста, и никакое общественное лицо не ответственно за те экономические отношения, которые им олицетворяются.

2. Изложение автора относится по преимуществу к формам капиталистического развития Западной Европы, по преимуществу Англии, из промышленной истории которой он и заимствует свои примеры.

3. Его выводы не могут быть приложены к России, развитие которой совершается по-иному и где свободная конкуренция ограничивается вмешательством правительства¹.

По русскому переводу «Капитала» Даниельсона заключение давали цензоры Скуратов и де Роберти. «Капитал» К. Маркса, писал цензор Скуратов в своём докладе в Петербургский цензурный комитет от 23 марта 1872 г., на рассмотрение которого было представлено 323 страницы русского перевода, «заключает в себе, как и должно было ожидать, немало мест, обличающих социалистические и антирелигиозные направления пресловутого президента Интернационального общества»². Далее цензор для доказательства ссылается на ряд страниц «Капитала». Отметим те места из «Капитала», которые обратили особенное внимание цензора и цитируются им в докладе. Из второй главы «Превращение денег в капитал» цензор обращает внимание на то место, где Маркс показывает, как меняются физиономии капиталиста и рабочего при переходе из сферы обращения в сферу производства: «Наш прежний владелец денег шествует теперь

ления моих первых произведений, он ещё процветал, и дела его шли хорошо» (В. Берви, Воспоминания, «Голос минувшего», кн. 1, 1916 г., стр. 211). О личности Н. П. Полякова и его издательской деятельности см. статью И. Книжника (Ветрова) «Н. П. Поляков — издатель «Капитала» К. Маркса», «Вопросы истории» № 6, 1947 г., стр. 75—78.

¹ См. «Сочинения Карла Маркса в русской цензуре» (Архивная справка), «Дела и дни», кн. 1, 1920 г., стр. 324. Русская цензура следила даже за объявлениями о выходе «Капитала». Так, например, Г. Лопатин, извещая Маркса в письме от 15 декабря 1870 г. о конфискации в русском переводе второго тома произведений Ф. Лассаля, писал:

«На обложке этой книги было напечатано сообщение о выходе в ближайшие месяцы «Капитала», но даже и это невинное объявление, как мне передавали, не ускользнуло от бдительного ока правительственных чиновников. Главный цензор запросил издателя, не является ли «Капитал» произведением того самого Маркса, который играет такую видную роль в «Интернационале», и если это так, то как он допустил подобное объявление?» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 188—189).

² «Карл Маркс и царская цензура», «Красный архив», т. I (56), 1933 г., стр. 6.

вперед уже как *капиталист*, а владелец рабочей силы следует за ним, как *его работник*. Один идет с . . . улыбкой на губах, полный энергии, пылая желанием поскорее начать дело; другой выступает робко, неохотно, как человек, вынесший на рынок свою собственную шкуру и ожидающий, что ее таки порядочно *промнут* прежде чем выжмут из нее то, для чего ее купили»¹.

Из главы третьей «Производство абсолютной прибавочной стоимости» в § 4 «Рабочий день» цензор обращает внимание на следующую формулировку Маркса: «Капитал есть мертвый труд, который, подобно вампиру, оживает, вследствие всасывания в себя живого труда, и приобретает при этом тем более жизненной силы, чем более всосано им этого труда»². Интересно отметить, что внимание цензора привлекли также высказывания Маркса из параграфа о рабочем дне, посвящённые России, где речь идёт о барщинном труде в придурнайских княжествах³. Из этого же параграфа цензор отмечает одно место, где Маркс писал о ненасытной жажде прибыли, присущей капиталисту, который в своём безмерном, слепом стремлении к прибыли, в своём бешеном, волчьем голоде по отношению к прибавочному труду переходит *«не только нравственные, но и чисто физические наивысшие границы рабочего дня*. Он узурпирует время, необходимое для роста, развития и здорового сохранения тела. Он грабит у ребенка время, требующееся для поглощения свежего воздуха и солнечного света. Он отжиливает минуты от времени, отведенного для еды, и старается, если это оказывается возможным, чтобы еда совершалась во время самого процесса производства; так что пища доставляется в этом случае работнику, как простому орудю производства, как уголь доставляется паровому котлу, или масло и сало колесам машины»⁴.

Отмеченные выдержки из «Капитала» должны были, очевидно, по мнению цензора Скуратова, с особой убедительностью разоблачить социалистические убеждения Маркса. Однако Скуратов не считает, чтобы «Капитал» мог получить значительное распространение. Он пишет: «Но как ни сильны, как ни резки отзывы Маркса об отношениях капиталистов к работникам, цензор не полагает, чтоб они могли принести значительный вред, так как они, так сказать, тонут в огромной массе отвлечённой, частью тёмной, политико-экономической аргументации, составляющей содержание этой книги. *Можно утвердительно сказать, что её немногие прочтут в России, а ещё менее поймут её*. При-

¹ «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса», т. I, Спб. 1872, стр. 120.

² Там же, стр. 178.

³ См. там же, стр. 182—183.

⁴ Там же, стр. 212—213.

том же исследование автора относится исключительно к заграничным порядкам фабричной промышленности, преимущественно английской, о русских фабриках упоминается только вскользь в двух или трёх местах»¹. Далее цензор считает, что Маркс в «Капитале» до стр. 324 не защищает и не предлагает коммунистической организации труда. Маркс, по мнению Скуратова, отнюдь не критикует существование индивидуальных капиталов или частную собственность,— критика Маркса направлена лишь против злоупотреблений как собственностью, так и капиталом, проистекающим из неограниченной конкуренции, породившей рост частных состояний за счёт благосостояния рабочего класса. К России же это в отличие от Англии, по мнению цензора, неприменимо. Скуратов пишет: «Цензор полагает, что книга эта тем менее может быть подвергнута судебному преследованию, что правительство наше вовсе не следует принципам теории невмешательства и свободной торговли и что в настоящее время особой комиссией составлен проект, в котором благосостояние рабочих столь же заботливо ограждается против возможных злоупотреблений со стороны хозяев, как и выгоды хозяев против распущенности или невыполнения обязанностей со стороны работников»².

Отзыв о «Капитале», начиная со стр. 324, был дан цензором А. де Роберти в докладе в цензурном комитете от 25 марта 1872 г. После краткого изложения содержания соответствующих глав «Капитала», в которых «нельзя не заметить его (К. Маркса.—А.Р.) социалистических стремлений», он высказывает следующее своё мнение: «Принимая в соображение: 1-е,— что приведённые здесь и многие другие афоризмы социалистического характера тонут в массе технических подробностей процесса экономических явлений и потому не могут произвести опасного впечатления при допущении к обращению в публике объёмистого сочинения, заключающего в себе 678 страниц; 2-е,— что при изложении предмета своего сочинения автор, как он высказывается и сам в предисловии (стр. XII), стоит на точке зрения исторического развития экономического процесса, а никакое общественное лицо не считает ответственным за те экономические отношения, которые им олицетворяются, и, наконец, 3-е,— что настоящее сочинение в подлиннике допущено уже к свободному обращению и к переводу Комитетом иностранной цензуры,— цензор полагает, что, несмотря на явно социалистическое направление сочинения Карла Маркса, не представляется возможности к возбуждению судебного преследования по отсутствию закона, применение которого

¹ «Карл Маркс и царская цензура», «Красный архив», т. I (56), 1933 г., стр. 7.

² Там же.

давало бы надежду на осуждение этого сочинения в русском переводе»¹.

К. Маркс знал об отношении русской цензуры к «Капиталу», об этом его осведомил Даниельсон в письме от 23 мая (4 июня) 1872 г. Даниельсон писал: «В цензуре, куда эта книга была, согласно закону, сдана на три дня, ее просматривали два цензора, которые дали свое заключение о ней цензурному комитету. Еще до просмотра было принципиально решено не задерживать книги из-за одного только имени автора, но при этом все же самым тщательным образом изучить ее и поискать, нет ли в ней мест, которые могут разрушить или поколебать основы экономического строя. Вот вкратце постановление, единогласно принятое комитетом и переданное на заключение главного управления по делам печати: «Хотя автор по своим убеждениям вполне социалист, и вся его книга носит вполне определенный социалистический характер..., однако, принимая во внимание, что изложение отнюдь не может быть названо общедоступным и что, с другой стороны, способ доказательства облечен всюду в строго математическую научную форму, комитет (можно подумать, что комитет вполне удовлетворился доводами и превратился вообще в социалистический клуб) не находит возможным подвергнуть это сочинение судебному преследованию и решает выпустить книгу в свет»². Царский цензор своим ограниченным умом, конечно, не в состоянии был охватить глубоко революционный смысл учения Маркса и то обстоятельство, что самый интерес к гениальному творению Маркса в тогдашней России был вызван её вступлением на путь капиталистического развития. В результате этого двойного за-

¹ «Карл Маркс и царская цензура», стр. 8, 10.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 80—81. В ряде газет и журналов были помещены объявления о поступлении в продажу русского перевода «Капитала» К. Маркса. «С-Петербургские ведомости» 27 марта 1872 г. напечатали следующее объявление: «В книжном магазине Черкесова поступила в продажу новая книга: Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса. Перевод с немецкого, том I. Процесс производства капитала. СПб 1872. Издание Н.П.Полякова. Цена 2 р. 50 к.». Это же объявление было напечатано и в № 91 от 2 апреля 1872 г. в той же газете. Газета «Новости» в № 90 от 30 марта 1872 г. включила «Капитал» К. Маркса в библиографический указатель книг, вышедших с 19 до 25 марта. Журнал «Знание» в № 4 1872 г. сообщал в библиографическом указателе русских книг о выходе «Капитала» К. Маркса под рубрикой «Общественные науки». Более того, в этом же номере журнала «Знание» на отдельном листе давалось объявление о выходе «Капитала» К. Маркса, аналогичное тому, которое давали «С-Петербургские ведомости». Объявления были помещены также и в журналах «Отечественные записки» (№ 5, 1872 г.), «Беседа» (кн. V, 1872 г.) и др. «Капитал» К. Маркса вскоре попал в книжные каталоги как столичных, так и крупных провинциальных городов. Так, например, «Каталог русских книг, газет и журналов, находящихся в Василе-Островской библиотеке» поместил «Капитал» К. Маркса в разделе VI «Правоведение, социальные и политические науки», стр. 60.

блуждения русская общественность смогла получить перевод «Капитала» и ознакомиться с его замечательными идеями. Выпуская в свет эту книгу, цензурный комитет рассчитывал главным образом на то, что её никто не прочтёт. Однако царская цензура грубо просчиталась. Книга вышла в свет 27 марта, а до 15 мая было уже продано 900 экземпляров из всего тиража в 3 тыс. экземпляров. За полтора месяца разошлась третья часть всего тиража — цифра для того времени весьма значительная.

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ 70-х годов О «КАПИТАЛЕ» К. МАРКСА

Целый ряд газет и журналов поместил рецензии и статьи, в которых обсуждались не только отдельные вопросы, освещённые Марксом в «Капитале», но и делались попытки дать оценку всей его экономической системы в целом. Рецензии общего характера были помещены в газетах «С-Петербургские ведомости», «Новое время» и «Современные известия».

Рецензия «С-Петербургских ведомостей» отмечала, что «Капитал» К. Маркса принадлежит к числу крупных трудов в экономической литературе последнего времени, что мыслящее меньшинство читателей «найдёт для себя в сочинении Маркса поучительные уроки не только научного свойства, но также и общественного, хотя бы оно не было согласно с основной его мыслью». Далее краткая заметка в «С-Петербургских ведомостях» обращает внимание на обилие и интересную группировку фактического материала в «Капитале»: «Особенный интерес и ценность настоящей книги придаёт то обстоятельство, что автор, анализируя теорию производства капитала, исследует её везде на основании массы фактических данных. Эти данные, имеющие значение сами по себе по своей внутренней сущности, представляются ещё более интересными в той группировке, какую даёт им настоящее сочинение»¹. Рецензия указывает также на ясность, общедоступность и необыкновенную живость изложения, «несмотря на научную высоту предмета. В этом отношении автор «Капитала» далеко не походит на большинство немецких учёных, которые, считая науку доступной только для посвящённых, пишут свои сочинения таким тёмным и сухим языком, от которого у обыкновенных смертных трещит голова»².

Маркс живо интересовался тем приёмом, который был оказан «Капиталу» в России. В письме к Даниельсону от 12 декабря 1872 г. Маркс писал: «С нетерпением ожидаю обещанной критики (рукописной), а также всякого печатного материала, имеющегося у Вас по этому вопросу. Дело в том, что один из моих друзей

¹ «С-Петербургские ведомости», 8 апреля 1872 г.

² Там же.

хочет в ближайшее время написать статейку о приеме, оказанном моей книге в России»¹.

Упоминание о рецензии, помещённой в «С-Петербургских ведомостях», мы встречаем у Маркса в послесловии ко второму изданию «Капитала». Маркс писал: «Косноязычные болтуны германской вульгарной экономии бранят стиль и способ изложения «Капитала». Литературные недостатки моего труда я сознаю лучше, чем кто-либо другой. Тем не менее ради удовольствия и поучения этих господ и их публики я процитирую мнение английской и русской критики»². И далее Маркс ссылается на «Saturday Review» и «С-Петербургские ведомости».

Более развёрнутая рецензия была помещена в «Новом времени». Газета указывала на значение «Капитала» для осмысливания тенденций хозяйственного развития России. «В настоящее время, когда пересматривается экономическая жизнь нашего отечества, значение этого труда особенно важно не только для занимающихся экономической литературой, но и для всякого образованного русского».

Для иллюстрации своей мысли, что до Маркса буржуазная наука потратила много «остроумия и учёности» для обоснования несостоятельного положения о «правильном» отношении труда к капиталу, газета проводит следующую параллель, направленную против тогдашних космополитов, слепо преклонявшихся перед иностранной наукой, против иностранного засилья: «Вообразите себе, что членам какой-либо академии наук задали бы сочинение на тему о влиянии, например, иностранного элемента на Россию. Сочинение вышло бы блестящее, изумляло бы глубокомыслием, непрерывными рядами цитат; доказало бы, что Россия обязана всем иностранцам; что в 1872 году следовало бы праздновать не Петровский юбилей, а двухсотлетие с того времени, как иностранцы принялись благодетельствовать Россию; что своим величием Россия обязана цивилизаторскому их влиянию; не говорилось бы только об одном: о неблагоприятном влиянии иностранного элемента на русский»³.

В рецензии даётся далее краткий очерк эволюции буржуазной экономической мысли. «Сначала учёные,— пишет автор,— приверженцы буржуазии, утверждали, что по мере её преобладания доля капитала в барышах капиталистического производства всё уменьшается; а доля, приходящаяся на рабочую плату, соразмерно увеличивается; что капитал тогда только и может благотворно действовать на производительность страны, когда он накапливается в руках немногих, что нажива их, сравнитель-

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 87.

² К. Маркс, Капитал, т. I, 1953, стр. 14 (Примечание).

³ «Новое время», 23 апреля (5 мая) 1872 г.

но с риском, микроскопически мала, и если создаются колоссальные богатства, то на них нужно смотреть или как на премию за необыкновенные способности и знания, или как на плоды сбережения». Доводы эти, указывает рецензент, уже давно разбиты экономистами противного лагеря. Ввиду очевидных фактов пауперизации пролетариата толкователи экономических законов «укрылись за другой завал». «Они построили его из парадоксов так называемой *исторической* школы экономистов, во главе которых появились Рошеры и ему подобные». Выбитая из этой цитадели, буржуазная экономическая мысль выдвинула девиз «гармонии интересов»; однако новому повороту буржуазной «эквилибристики» пришлось столкнуться с серьезными попытками самопомощи среди рабочих. Тогда «консервативно-буржуазные» экономисты в целях защиты капиталом западноевропейской цивилизации стали советовать применять репрессии против стачек и доказывать их вред и бесцельность. Таким образом, в рецензии правильно отмечается, что при всём разнообразии форм вульгарной политической экономии их объединяет стремление к апологии капиталистического производства. В рецензии указывается, что «Капитал» даёт научную основу для борьбы с капитализмом. «Такою массою неотразимых фактов, взятых из жизни, такими неопровержимыми доводами в пользу правого дела, какими обладает Маркс, едва ли мог бы похвалиться хотя один из его предшественников. Если присоединить к тому беспристрастие и хладнокровие, с которым автор «Капитала» производил все свои разносторонние исследования над общественной язвою, ещё не закрывшеюся и растравляемую паллиативами, — то без всякого преувеличения можно считать Маркса первым учёным, дающим строго научную основу экономистам, ведущим борьбу с капиталистическим производством»¹. Отсутствие исходящей из буржуазного лагеря серьёзной критики положений, выдвинутых Марксом в «Капитале», автор объясняет «неимением» борцов, чувствующих в себе силы померяться с Марксом, ибо «опровергать главные тезисы, положенные в основание этого труда, было бы слишком рискованно для защитников буржуазии»². В заключение автор останавливается на основных идеях «Капитала». Он пишет: «Если посмотреть на экономические явления, сопровождающие деятельность современного человека, по производству, по процессу обмена, по кредиту и по способам передвижения — то всё покажется в принципе очень хорошим и вполне соответствующим целям, для которых люди соединились в общества»³.

¹ «Новое время», 23 апреля (5 мая) 1872 г.

² Там же.

³ Там же.

Всё зло в привилегиях непроизводительной части общества, которые являются болезненными «наростами» в народнохозяйственном организме. От этих «наростов» общество не может отделаться, несмотря на указания науки, «уже достаточно выяснившей, что в этих наростах нет никакой нужды и что устранение их очень возможно». «Наросты эти — не что иное, как привилегии всевозможного рода, вредно отзывающиеся и на деятельности народа, направленной к производству ценностей, и на сущности кредита, предназначенного оживлять эту деятельность. Привилегии эти отдают трудящуюся, и единственно производительную часть общества, во власть другой — непроизводительной, и порождают новый род крепостничества, правда менее унижительного по внешней обстановке, нежели прежнее, но несравненно более тяжкого по своим последствиям и более сокращающего жизнь, посвящённую труду»¹.

Автор этой рецензии в духе мелкобуржуазного социализма отмечает наличие в капитализме «дурных» и «хороших» сторон. Следует отсесть «дурные» стороны капитализма, оставив неизблемыми самые основы капитализма. Хотя автор рецензии и весьма далёк от правильного понимания идей Маркса, всё же он даёт в общем вполне положительный отзыв на I том «Капитала».

Об этой рецензии в письме к Зорге от 23 мая 1872 г. Маркс писал: «В Петербурге появился превосходный русский перевод. *Русская* социалистическая газета «Новое время» ...поместила недавно весьма хвалебную передовую статью в пять столбцов о моей книге; статья эта, однако, должна была служить лишь введением к целому ряду других статей. За это газета получила от полиции предостережение, и ей пригрозили закрытием»².

Иной характер носит помещённая в «Биржевых ведомостях» большая рецензия, которая является попыткой дать краткое изложение содержания «Капитала». «Наша цель, — пишет автор, — передать в сжатом очерке всю суть учения этого учёного (Маркса. — А. Р.) и те выводы из него, которыми полна его книга»³. Рецензент начинает своё изложение с анализа товара. Правильно указав на двойственную природу товара, как единство потребительной стоимости и меновой стоимости, автор переходит к анализу взаимоотношения между этими двумя различными сторонами товарной формы. Автор пишет: «Меновая стоимость относится к потребительной, как общее к частному. Меновая стоимость есть отвлечение; потребительная — отпечаток или вещественное проявление меновой». Автор останавливается

¹ «Новое время», 23 апреля (5 мая) 1872 г. Рецензия, помещённая в «Современных известиях» от 26 апреля 1872 г. представляет собой почти дословный пересказ рецензии «Нового времени».

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 253.

³ «Биржевые ведомости», 30 мая (11 июня) 1872 г.

также и на двойственной природе труда. «Стоимость как товар,— читаем мы в рецензии,— есть выражение человеческого труда. В форме меновой стоимости товары относятся между собой как вещественные знаки одной и той же субстанции труда. Только труд человека делает безразличные вещи природы полезными, потребительными стоимостями, а они при обмене становятся меновыми стоимостями или стоимостями вообще. Следовательно, источник, зародыш всех экономических представлений и всех жизненных сил экономического быта общества является в труде. Строго следует различать труд в форме товара от труда в форме качественно различных полезных предметов»¹. Далее автор переходит к анализу функции денег, учения о рабочей силе, постоянном и переменном капитале. Всего любопытнее та интерпретация, которую автор даёт выводам, вытекающим из экономической системы Маркса. Рецензент пишет: «Маркс, взяв для примера Англию, приходит к следующему заключению: чтобы был свободный труд, а не труд под гнётом эксплуататоров, рабочий класс требует сильной руки закона, которая защищала бы его. По словам автора, в законодательстве вместо пышных рубрик «о неотчуждаемых правах человека» гораздо почётнее должна занять место рубрика об ограничении рабочего дня, в которой объяснялось бы, когда оканчивается время, проданное работником, и когда начинается время, принадлежащее ему самому. Quantum mutatus ab illo»².

Таким образом, для рецензии «Биржевых ведомостей», как, впрочем, и для большинства откликов того времени на «Капитал», характерно извращение идей «Капитала», непонимание революционной стороны учения Маркса. Положение о том, что капиталистическое общество путём классовой борьбы сменится новой общественной формацией, где свободное развитие каждого будет условием развития всех, где социальные изменения не будут сопровождаться политическими революциями, рецензент подменяет выводом о необходимости фабричного законодательства, ограничивающего рабочий день и являющегося залогом свободного труда.

К откликам на «Капитал» К. Маркса относится также статья «Учение современного социализма и коммунизма», помещённая в газете «Сын отечества» от 28 и 29 апреля 1872 г. В статье дано изложение двух лекций Генриха Зибеля — профессора Берлинского университета и члена либеральной партии в прусской палате депутатов, который ставил своею целью опровергнуть с «научной» точки зрения «учения современного социализма и коммунизма». Отметим предварительные замечания газеты

¹ «Биржевые ведомости», 30 мая (11 июня) 1872 г.

² Там же.

«Сын отечества». «Хотя... мы стоим в стороне от социального движения, которое происходит в Западной Европе и для которого у нас нет почвы, однако толки о нём доходят и до нас разными путями одновременно с известием о событиях, порождаемых этим движением во Франции, Англии, Германии и других европейских государствах. Следовательно, и для вас будет не совсем безынтересно познакомиться с мнением одного из первоклассных европейских учёных (Зибеля.— А. Р.) относительно самостоятельности новейших социалистических и коммунистических учений»¹.

Очевидна лживость, фарисейский характер лицемерного заявления газеты «Сын отечества» о том, что Россия ограждена от западноевропейских учений. Достаточно вспомнить те отклики, помещённые в газете, которые вызвала Парижская Коммуна.

Охарактеризовав «Капитал» как «обширное и весьма любопытное сочинение» по социализму, Зибель считает, что Маркс — «ревностный последователь гегелевской философии». Зибель — этот отъявленный враг марксизма — вынужден признать, что Маркс «принадлежит к числу самых основательных знатоков сельскохозяйственной литературы во всех европейских странах», что в «Капитале» «изложение отличается последовательностью и законченностью» и поэтому «тот, кто согласится с его первой фразой, должен признать справедливость и последних его выводов». И вот для того, чтобы опорочить выводы «Капитала», т. е. революционную сущность «Капитала», выводы о необходимости гибели капитализма в результате пролетарской классовой борьбы, Зибель подвергает критике «первую фразу» из «Капитала», т. е. учение о товаре. В своём «критическом» разборе теории стоимости К. Маркса Зибель выступает перед нами как типичный представитель вульгарной политической экономии. Так, например, превратив Маркса по существу в представителя рикарданского социализма, Зибель утверждает, грубо смешав абстрактный труд с конкретным, что «целесообразность работы служит истинным источником и мерилом всякой ценности».

Против теории прибавочной стоимости Маркса Зибель повторяет затасканные аргументы вульгарной политической экономии, что капиталист, возглавляющий большую мануфактуру или фабрику, «будучи творцом цели... является вместе с тем производителем ценностей», что рабочие «в ходе фабричных работ играют почти такую же роль, как и машины», и тому подобные пошлости худших представителей западноевропейских апологетов капитализма.

Отметим высказывания Зибеля об учении Маркса о первоначальном накоплении капитала. Зибель признаёт, что факты,

¹ «Сын отечества», 28 апреля (10 мая) 1872 г.

приводимые Марксом из истории первоначального накопления в Англии, справедливы. Однако эти факты якобы «имеют весьма мало значения» относительно других стран, в частности Германии. В Германии, по утверждениям Зибеля, число мелких собственников с 1817 г. постепенно возрастает. Что касается германских фабрикантов, то они, по мнению Зибеля, отнюдь не являются эксплуататорами, подобно своим английским собратьям, так как в Германии путь капитализма особый, идилический, не такой разбойничий, как в Англии. В Германии «каждый день из среды рабочего сословия выдвигаются вперёд, при помощи труда, благоразумия и бережливости, новые люди, которые делаются хозяевами — фабрикантами и капиталистами»¹. Заключительные строки статьи, помещённой в «Сыне отечества», о том, что доктрина Маркса может вызвать и отчасти оправдать «ужасную революцию», что «Парижская Коммуна 1871 года доказала, до чего могут дойти увлечения коммунизма», убедительно раскрывают мотивы, побудившие эту газету опубликовать подробный большой реферат о «Капитале», принадлежавший вульгарному экономисту Зибелю. «Сын отечества» отразил животный страх правящих кругов самодержавной России перед научным социализмом, перед грядущей народной революцией.

Отклики на «Капитал» появились также в крупнейших журналах 70-х годов: «Отечественных записках» и «Вестнике Европы». В анонимной статье («По поводу русского издания книги Карла Маркса», «Отечественные записки» № 4, 1872 г.), автором которой был Н. К. Михайловский, подчёркивается своевременность появления русского перевода «Капитала».

Михайловский считает, что благодаря Петру Великому путь России к науке, свободе и промышленности расширен, и, несмотря на все ухищрения мракобесов, торжество начал общечеловеческой цивилизации в России обеспечено. «Но мы знаем, — пишет Михайловский, — что чем ближе мы подходим ко дню торжества цивилизации, тем более усиливается вероятность, что она у нас примет те же формы, какие она приняла в Европе, а она приняла, между прочим, и формы неправильные. Пока крепостное право стояло твёрдо, естественно было сосредоточивать все усилия на его отмене. Но когда крепостное право пошатнулось, центр тяжести вопроса передвинулся: вопросом дня стало не освобождение крестьян, а освобождение их с землёй. Когда крепостное право пало, не менее естественно указывать на теневые стороны этого падения, причём имеется в виду упрёк не самому факту падения, а тем условиям, которые его сопровождают»². Если в условиях крепостного права, утверждал

¹ «Сын отечества», 29 апреля (11 мая) 1872 г.

² [Н. Михайловский], По поводу русского издания книги Карла Маркса, «Отечественные записки» № 4, 1872 г., стр. 182.

Михайловский, когда промышленность не имела никакого значения, естественно было ждать её развития, то после реформы 1861 г. на первый план выдвигается вопрос о формах промышленности.

Задачу общественной деятельности Михайловский видит в том, чтобы на путях к торжеству общечеловеческой цивилизации в России избежать отрицательных сторон европейской жизни. Он пишет: «Мы не только не презираем Россию, но видим в её прошедшем, а покуда ещё и в настоящем многое, за что можно ухватиться для предотвращения неправильностей европейской цивилизации»¹. И далее Михайловский уточняет, какие социальные невзгоды угрожают России и от каких её необходимо предотвратить — это, оказывается, распадение общины, переход всех государственных земель, заводов в частные руки, сосредоточение в частных руках мелкой собственности, развитие батрачества и «укрепление ложного направления мысли...».

В свете этих задач общественной деятельности Михайловский подходит и к «Капиталу». Он прямо пишет, что выход русского перевода «Капитала» своевременен по тем же причинам, по каким своевременна деятельность народников. Михайловский ссылается на известное высказывание Маркса, что одна нация может и должна учиться у других и что если общество напало на след естественного закона своего развития, то оно не может перескочить через естественные фазы развития, но оно может сократить и смягчить муки родов. На основании этого высказывания Маркса Михайловский, очевидно, хотел подчеркнуть, что книга Маркса будет полезна в деле предотвращения России от пагубных последствий европейской цивилизации. Михайловский считает, что «Капитал» будет поучителен для русского читателя в силу следующих оснований: 1) Маркс, как глава Международного Товарищества Рабочих, находится в оппозиции к европейской цивилизации, и именно по своему недовольству он интересен для русского читателя; Маркс не утопист, а строгий, а иногда и сухой учёный; 2) будучи революционным элементом на Западе, Маркс в России не может произвести никакого «нарушения общественного спокойствия». «Идеи и интересы, — заключает Михайловский, — с которыми он (Маркс. — А. Р.) борется, слишком ещё слабы у нас, чтобы от их расшатывания могла воспоследовать какая-нибудь опасность. Но они уже достаточно сильны для того, чтобы для нас было обязательно призадуматься над результатами их дальнейшего развития. Вот почему мы и говорим, что книга Маркса является как нельзя более кстати»².

¹ [Н. Михайловский], По поводу русского издания книги Карла Маркса, «Отечественные записки» № 4, 1872 г., стр. 183.

² Там же, стр. 184.

Михайловский указывает, что «Капитал» является критикой буржуазной политической экономии и вместе с тем представляет собой искусно обработанную историю экономического развития Англии. «Маркс немец, — пишет Михайловский, — но он не ждал, чтобы его соотечественники поднялись или опустились... до Англии. Он выбрал для своего исследования Англию потому, что в ней наименее затемняется посторонними влияниями объект его исследования, то, что он называет «капиталистическим способом производства»¹.

Таким образом, отзыв Михайловского о «Капитале» преследовал определённые задачи политического характера. «Капитал» потому полезен, писал он, что он вскрывает отрицательные стороны европейской цивилизации, он может оказать большую пользу в борьбе за народнические идеалы. Михайловский считал необходимым опереться на «Капитал» в целях обоснования своей народнической концепции.

Самым ярким откликом на «Капитал» непосредственно вслед за выходом в свет его русского перевода является известная рецензия буржуазного экономиста, профессора Петербургского университета Кауфмана. В отличие от разобранных рецензий отзыв Кауфмана посвящён главным образом анализу метода Маркса. Свою общую оценку «Капитала» Кауфман формулирует следующим образом: «Книга Маркса имеет, таким образом, тройную цену: она, во-первых, даёт новые самостоятельные выводы, полученные автором из исследований таких вопросов, за которые до него вовсе не брались; во-вторых, она даёт систематическую критику главных оснований современного экономического строя; наконец, в-третьих, она представляет громадный запас историко-литературных и культурно-исторических сведений, весьма метко характеризующих развитие капитализма»².

Кауфман дал характеристику диалектического метода, которая была приведена Марксом в послесловии ко второму изданию «Капитала». Для Маркса «важно только одно: найти закон тех явлений, исследованием которых он занимается. И притом для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него сверх того ещё важен закон их *изменяемости*, их развития, т. е. переходы от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому... Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и

¹ [Н. Михайловский], По поводу русского издания книги Карла Маркса, «Отечественные записки» № 4, 1872 г., стр. 183—184.

² И. К—н, Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса. «Вестник Европы», кн. III, 1872 г. стр. 427—428.

намерения человека, но и сами ещё определяющие его волю, сознание и намерения»¹. Таким образом, Кауфман подчеркнул, что в «Капитале» был развит диалектический метод применительно к анализу объективных законов капитализма, независимых от воли и сознания людей.

О рецензии Кауфмана Маркс писал: «Автор, очертив так удачно то, что он называет моим действительным методом, и отнесшись так благосклонно к моим личным приемам применения этого метода, тем самым очертил не что иное, как диалектический метод»².

Кауфман не ограничивается одной только характеристикой диалектического метода Маркса, он даёт и краткий обзор основных идей «Капитала». Отметив, что «Капитал» начинается анализом обмена на разных ступенях развития, Кауфман считает, что, по Марксу, «уже простейшая форма обмена, в период так называемого натурального хозяйства, содержит в себе зародыши, развитием которых порождаются усложнённые явления денежного обмена»³.

«Выяснив общий закон обмена,— продолжает Кауфман,— Маркс показывает, что товарное обращение, насколько оно проявляется в обмене продуктами, не способно давать капиталисту никаких излишков над сделанными им затратами. Для получения таких излишков необходимо обращению втянуть в свою сферу рабочую силу человека, лишённого экономической независимости»⁴.

Далее он говорит, что благодаря применению общего закона обмена к рабочей силе капиталист получает «барыши». Обращает на себя также внимание формулировка Кауфмана, где он категорию общественно необходимый труд подменяет понятием издержек производства. Он пишет: «По меновому закону каждый товар оплачивается по средним и необходимым издержкам его производства, выраженным в количестве затраченного труда»⁵. Кауфман понимает, что капитал — верховная категория экономической теории Маркса. Он пишет: «Так как в действительной жизни капитал в настоящее время представляет преобладающее явление; так как он составляет теперь главный и почти единственный источник богатства и благосостояния; так как от него исходят и к нему возвращаются, как к центральному пункту, все отдельные экономические процессы, и так как в настоящее

¹ И. К—н, Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса, «Вестник Европы», кн. III, 1872 г., стр. 428—429.

² К. Маркс, Капитал, т. I, 1953, стр. 19.

³ И. К—н, Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса, «Вестник Европы», кн. III, 1872 г., стр. 435.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

время всякое экономическое явление только в той мере имеет практическое жизненное значение, в какой им с той или иной стороны, положительно или отрицательно, затрачивается капитал, — то понятно, что теория, желающая исчерпать последний, должна исчерпывать всю современную экономическую жизнь, её причины и последствия»¹.

Отметим, что прибавочная стоимость фигурирует у Кауфмана как «излишки ценности». Указав, что «излишки ценности» — главная особенность капитализма, Кауфман пишет, что в «Капитале» Маркса речь идёт об эксплуатации труда капиталом путём удлинения рабочего дня и путём возвышения «производительности труда и уменьшения издержек его содержания сравнительно с тем, что он производит». Здесь он говорит о кооперации и о машинном производстве как о способах «получения возможно большей разности между ценою труда и ценою его продуктов»². Таким образом, Кауфман считает, что, по Марксу, труд имеет цену. Новое, что внёс Маркс в трактовку рабочей силы по сравнению с классической школой политэкономии, — то, что продаётся не труд, а рабочая сила, — Кауфману неясно. Удачно охарактеризовав диалектический метод Маркса, Кауфман совершенно не понял революционных выводов «Капитала». Так, о последней главе «Капитала» он говорит, что Маркс в ней «анализирует исторические условия образования капитала и как бы наглядно демонстрирует процесс его образования на теории и практике колонизации»³.

О том, что Маркс здесь показывает неизбежность гибели капитализма и подготовку пролетариата к выполнению своей исторической миссии — могильщика капитализма и строителя коммунизма, об этом в рецензии Кауфмана нет ни слова. В трактовке социологической теории Маркса рецензент допускает существенные погрешности. Так, например, он пишет, что для Маркса рост производительных сил — «факт почти механический, или во всяком случае в той же мере механический, в какой таким может быть признан всякий физический рост. Сознание только отражает в себе как самый этот рост, так и его последствия. Последствия же производятся указанною причиною совершенно независимо от него»⁴. Эта формулировка дана в духе экономического материализма, который превращает исторический процесс в результат действия одних экономических закономерностей и игнорирует роль политических и идеологических факторов в общественном развитии.

¹ И. К—н, точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса, «Вестник Европы», кн. III, 1872 г., стр. 432—433.

² Там же, стр. 436.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 431.

В другом месте Кауфман указывает, что Маркс в известном смысле соглашается с законом Мальтуса. Он пишет: «Он (Маркс.— А. Р.) не отвергает... мальтусовского закона, а строго определяет только пределы, в которых он сохраняет свою силу, т. е. условия, при которых происходят управляемые им явления»¹.

На самом деле Маркс указывал, что вульгарно-апологетическая концепция Мальтуса не имеет никакой познавательной ценности.

Отметим также отношение Кауфмана к той критике, которую дал Маркс Контю. Кауфман упрекает Маркса в том, что в «Капитале» много ругани. «Так, Конт для него «погряз по колени в католицизме»,— пишет Кауфман,— а позитивная система Конта — только ученическое упражнение, слабое подражание гегелевской энциклопедии, которое имеет интерес для одной только истории развития французских философских взглядов. Из этого, однако, не следует выводить, что Маркс противник того, что у нас называется реальным мирозерцанием. Вышеизложенные его взгляды достаточно в этом убеждают»². Таким образом, Кауфман не только берёт Конта под свою защиту, но приходит к нелепому выводу, что Маркс в известной мере близок к Контю.

Однако при всех ошибках в трактовке историко-философской и экономической теории Маркса рецензия Кауфмана представляет собою выдающееся явление.

Ленин писал, что «рецензия *И. Кауфмана* (И. К—на) на «Капитал» ... замечательна тем, что Маркс в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» цитировал рассуждения И. К—на, признавая их правильным изложением своего материалистически-диалектического метода»³. Ленин писал, что у Кауфмана дано «описание диалектического метода, которое Маркс выудил из бездны журнальных и газетных заметок о «Капитале» и перевел на немецкий язык потому, что эта характеристика метода, как он сам говорит, совершенно точна»⁴.

Маркс живо интересовался работами И. Кауфмана, который был представлен в библиотеке Маркса так полно, как никто другой из русских авторов. Однако вскоре по прочтении новой книги И. Кауфмана, посвящённой кредиту, Маркс изменил мнение о своём «рассудительном критике». В письме от 10 апреля 1879 г. Маркс писал Даниельсону: «Г-н Кауфман был настолько

¹ *И. К—н*, Точка зрения политико-экономической критики у Карла Маркса, «Вестник Европы», кн. III, 1872 г., стр. 434.

² Там же, стр. 431—432.

³ *В. И. Ленин*, Карл Маркс, Соч., т. 21, стр. 73.

⁴ *В. И. Ленин*, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 150.

любезен, что прислал мне свою книгу «Теория и практика банковского дела», но я был несколько удивлен, увидев из нее, что мой прежний рассудительный критик из петербургского «Вестника Европы» превратился в какого-то Пиндара современного биржевого плутовства»¹.

В письме к Энгельсу от 1 августа 1877 г. Маркс писал: «По поводу «стоимости» Кауфман в первой (весьма неудовлетворительной, абсолютно ошибочной, но все же не безынтересной) главе «Теория колебания цен»² — делает о «стоимости», после обзора всех мудрствований немецких, французских и английских схоластиков, следующее абсолютно правильное замечание: «В нашем обзоре учений о стоимости... мы видели, что политико-экономы хорошо понимали важность категорий ценности и субъективного момента в последней... Несмотря, однако, на это, сущность субъективного момента, его роль, обусловливаемые им последствия — мало разъяснены. Этим объясняется известный всем занимавшимся хозяйственной наукой факт, что обыкновенно на словах до крайности возвышают значение ценности, на деле же забывают ее скоро после того, как о ней было более или менее сказано во введении; нельзя привести ни одного примера, где бы то, что говорится о ценности, было в органической связи с тем, что говорится о других вопросах, — чтоб сказанное во введении о ценности влияло на последующие рассуждения. Конечно, мы здесь имеем в виду чистую категорию ценности, отдельную от цены».

Это в самом деле отличительная черта всякой вульгарной экономии. Ввел это Адам Смит; его два-три глубоких и удачных применения теории стоимости носят случайный характер и остаются без всякого влияния на развитие его теории, как таковой. Великий грех Рикардо, сделавший его учение заведомо непереваримым, состоял в попытке доказать правильность своей теории стоимости как раз на таких экономических фактах, которые, по видимости, больше всего противоречили ей»³.

Повидимому, К. Маркс обратил внимание на это высказывание Кауфмана потому, что Кауфман правильно указывал на игнорирование вульгарной политической экономией категории стоимости, которая должна быть основой всего здания экономической науки. Маркса могли привлечь и содержательные критические замечания Кауфмана, направленные против трактовки стоимости у представителей классической школы политической экономии — А. Смита и Д. Рикардо.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 105.

² Написано Марксом по-русски.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 489—490.

К откликам из буржуазного лагеря на «Капитал» К. Маркса в России 70-х годов относятся и высказывания М. М. Ковалевского¹.

Знакомство Маркса с Ковалевским состоялось приблизительно зимой 1874/75 г. в Лондоне при посредстве Поля Корнеса, очевидца Парижской Коммуны и мемуариста революции 18 марта 1871 г.

Вскоре Ковалевский встретился с Марксом в Карлсбаде. Об этой встрече Ковалевский писал И. И. Янжулу 15 октября 1875 г.: «В Карлсбаде я провёл много приятных часов в обществе Маркса. Это благороднейшая и даровитейшая натура. Жаль только, что он был и остался гегельянцем и что научные положения его написаны поэтому на песке. Я прочёл в Карлсбаде большую половину его книги, которую он подарил мне, и нашёл в ней новое подтверждение тому, что всякое уклонение от позитивного метода и, более всего, приложение к научным исследованиям положения «les grandes idées viennent du coeug»² — неизбежно ведёт к часто бессознательному заблуждению»³.

Приведённый отрывок из письма Ковалевского примыкает к серии откликов на «Капитал» в России 70-х годов из буржуазного лагеря, с позиций буржуазной социологии, в данном случае позитивизма.

В духе позитивизма была выдержана и оценка М. М. Ковалевским книги К. Маркса «Нищета философии». В письме, относящемся примерно к 1879—1880 гг., Ковалевский писал К. Марксу: ««Нищета философии» меня очень заинтересовала, я там часто встречаю подтверждение тех мыслей, которые не раз приходили мне в голову при чтении «Экономических противоречий». Польза, которую приносит мне это чтение, заключается в том, что я с каждым днем все больше убеждаюсь в бессилии метафизики создать точную науку из огромного множества экономических фактов, исследованных и более или менее плохо объяснен-

¹ В своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс дал высокую оценку М. М. Ковалевскому как исследователю первобытного общества.

² Великие идеи рождаются в сердце.

³ Цит. по статье П. М. Стулова «М. М. Ковалевский о Марксе», «Вестник Академии наук СССР» № 3, 1933 г., стр. 36. Там воспроизводится автограф письма М. М. Ковалевского к И. И. Янжулу, которое хранится в фонде последнего в архиве Академии наук СССР. При передаче текста письма в прежних публикациях, взятых из книги «Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг.», Спб. 1910, стр. 137, были допущены искажения. В 1909 г., вспоминая свои первые встречи с Марксом, Ковалевский писал: «Из бесед с Марксом нетрудно было вынести убеждение, что фундаментом его экономических и исторических доктрин была философия Гегеля. Он однажды сказал мне в упор, что логически можно мыслить только по диалектическому методу, ну а нелогически — хотя бы и по позитивному» (М. Ковалевский, Две жизни, «Вестник Европы», кн. VII, 1909 г., стр. 21).

ных официальными экономистами. Конт, следовательно, был прав, когда не соглашался признать в настоящий момент политическую экономию законченной наукой; она еще «в процессе становления», и Вы не мало сделаете для ее окончательного построения, применяя к изучению экономических фактов великий закон борьбы интересов»¹.

Письма Маркса к Ковалевскому не сохранились. Имеется лишь письмо Маркса к Ковалевскому, написанное в начале 1879 г., в котором даётся характеристика физиократов, в ответ на книгу Н. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.».

Это письмо, посвящённое физиократам, даёт дополнительный материал к оценке классовых корней физиократизма, оно тесно примыкает к высказываниям Маркса о физиократической школе, развитым в «Теориях прибавочной стоимости».

Мы рассмотрели в данной главе только отзывы о первом русском переводе «Капитала» К. Маркса, помещённые в газетах и журналах того времени. Самым ярким проявлением интереса к «Капиталу» К. Маркса в России 70-х годов является полемика вокруг «Капитала», в которой участвовали Ю. Жуковский, Михайловский, Зибер и Чичерин, а также работы Зибера — этого первого крупного комментатора экономического учения К. Маркса.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 234.

Глава пятая

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА В РОССИИ 70-х ГОДОВ

В 70-х годах на страницах крупнейших русских журналов «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Слово» происходила оживлённая полемика вокруг «Капитала» Маркса, в которой участвовали виднейшие публицисты и учёные той эпохи — Ю. Жуковский, Михайловский, Зибер и Чичерин¹. Споры вращались вокруг теоретических проблем политической экономии. Ю. Жуковский и Б. Чичерин выступили в роли критиков «Капитала». При всём различии «критических» аргументации их объединяет духовное родство с вульгарной политической экономией в лице Сэя и Бастиа. Своеобразна была в этой полемике 70-х годов позиция Михайловского. В отличие от своих позднейших выступлений,

¹ Маркс проявил живой интерес к полемике в русской печати вокруг «Капитала» в 1877—1879 гг. Так, например, 15 ноября 1878 г. Маркс писал Даниельсону: «Я получил из Петербурга несколько печатных произведений, за которые Вам очень благодарен. Из полемики Чичерина и некоторых других против меня мне ничего не попадалось на глаза, за исключением того, что Вы прислали мне в 1877 г. (статья Зибера и другая — кажется, Михайлова (Михайловского. — А. Р.), — обе в «Отечественных Записках», — написанные в ответ этому чудаку, мнящему себя энциклопедистом, Жуковскому). Находящийся здесь профессор Ковалевский говорил мне, что «Капитал» вызвал довольно оживлённую полемику» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 98). Вскоре Маркс познакомился и с другими статьями, связанными с указанной полемикой.

В письме Энгельсу от 11 августа 1878 г. Лавров писал: «Следили ли Вы за ожесточённой полемикой в русской литературе этого года вокруг имени Маркса? Жуковский (рenegат) и Чичерин выступают против Маркса, Зибер и Михайловский за него. И все это длинные статьи. Я думаю, что нигде в другом месте не было так много написано о его работе. Poleмика еще не закончена: Зибер, которого я видел несколько дней тому назад в Париже, сказал мне, что он готовит ответ Чичерину, статью которого он только что прочел. Работа Зибера о теории Маркса будет опубликована отдельно, вероятно, в конце года» (там же, стр. 229).

относящихся к 90-м годам, в полемике 70-х годов он рядился в тогу защитника Маркса от нападков Ю. Жуковского. Но, как это будет видно из дальнейшего изложения, интерпретация «Капитала» у Михайловского была по существу народнической его ревизией. Сторонником Маркса выступил Н. И. Зибер — видный русский экономист. Зибер обнаружил глубокое понимание ряда проблем марксистской политической экономии, однако он не понял основного в «Капитале»: его материалистической диалектики и глубоко революционного вывода о необходимости низвержения капитализма и установления диктатуры пролетариата.

За покровом теоретических рассуждений участников полемики вокруг «Капитала» К. Маркса в России 70-х годов скрывалась различная оценка перспектив капиталистического развития страны — самого жгучего вопроса той эпохи.

Полемика вокруг «Капитала» К. Маркса была открыта статьёй Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале».

Основное содержание своей статьи Жуковский направляет против теории прибавочной стоимости Маркса. Однако Жуковский не ограничивается анализом экономических воззрений автора «Капитала», он подвергает «критическому» разбору и историко-философскую теорию Маркса.

Маркс, по Жуковскому, является представителем формалистического течения политической экономии, ограничивающего своё исследование исключительно формальной, «морфологической» стороной общества, т. е. правовыми отношениями. Провозгласив это явно абсурдное положение, Ю. Жуковский пытается его доказать. Для этого он ссылается на предисловие Маркса к его работе «К критике политической экономии». Маркс говорит здесь следующее: «...Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления»¹. Ю. Жуковский считает, что это утверждение Маркса не соответствует современным научным воззрениям, ибо если юридические формы и вырастают на экономической почве, то в сознании человека могут возникать не только такие «формы, для осуществления которых есть готовые материальные средства...»².

Утверждение Ю. Жуковского, что Маркс — представитель формалистического направления, было подвергнуто критике Михайловским и Зибером. Михайловский считал неправильным

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, 1953, стр. 8.

² Ю. Жуковский, Карл Маркс и его книга о капитале, «Вестник Европы», кн. IX, 1877 г., стр. 68.

причислять Маркса к «формалистам», которые обходят прямое исследование материальных условий юридических отношений. «В действительности,— утверждает Михайловский,— ни «Капитал», ни другое, цитируемое г. Жуковским сочинение Маркса, «Zur Kritik der Politischen Öconomie» — отнюдь такой цели в виду не имеют. «Конечная цель этого сочинения — показать экономический закон развития новейшего общества», говорит Маркс о своём «Капитале» и строго выдерживает эту программу»¹.

«Капитал», по мнению Михайловского, целиком посвящён анализу условий производства и экономических отношений. Михайловский полагает, что в «Капитале» мы видим «превосходно разработанный материал для решения общего вопроса об отношении форм к материальным условиям их существования и превосходную постановку этого вопроса для частной области»².

Таким образом, в отличие от Жуковского, который воспринимал «Капитал» как формальное исследование, где исторический процесс рассматривается как игра случайностей, Михайловский видел в «Капитале» изучение закономерностей капиталистического общества, однако он интерпретировал эти закономерности в народническом духе.

Отчётливая критика обвинения, выдвинутого Жуковским о якобы присущем Марксу «формализме», имеется у Зибера. «Мы остаёмся при том убеждении,— возражает Зибер,— что исследование задачи материальной повсюду предшествует у Маркса формальной стороне его работы... Маркс шаг за шагом ведёт своих читателей по лабиринту капиталистического производства и, анализируя все составные его элементы, даёт понять нам временный его характер»³.

«Не подлежит сомнению,— продолжает Зибер,— что у отдельных личностей и групп рождаются во множестве идеи неосуществимые, фальшивые и неестественные. Но когда речь идёт о человечестве или, по меньшей мере, о всей Европе, тут просчитаться трудно, если не вовсе невозможно»⁴. В качестве примера Зибер ссылается на новейшую политическую литературу, которая появилась отнюдь не до рождения Христа и не в Китае, а лишь в XV и XVI вв. в Италии и в Англии.

Таким образом, Зибер правильно разоблачает «критический» приём Ю. Жуковского. Маркс говорит о человечестве, которое ставит себе только разрешимые задачи. Жуковский вместо коллективного сознания берёт изолированно человека с наличием

¹ Н. М., Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки» № 10, 1877 г., стр. 336.

² Там же, стр. 339.

³ Н. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 6.

⁴ Там же, стр. 7.

представлений, для осуществления которых нет соответствующих предпосылок.

Для Жуковского осталось непонятным также положение марксизма, что история человеческого общества, представляя собой закономерный процесс, не зависящий от воли и сознания людей, вовсе не имеет фатального характера, ибо люди являются одновременно и действующими лицами истории. Жуковский полагает, что, по Марксу, «процесс развития человечества был чисто прозябательный, и его сознание составляло лишний придаток такого чисто растительного процесса...»¹. Нельзя не отметить внутреннего противоречия в рассуждениях Ю. Жуковского. С одной стороны, он считает Маркса сторонником формалистического учения, которое ставило форму общества исключительно в зависимости от произвола человека, с другой стороны, он полагает, что марксова система исключает деятельность человека и рассматривает историю человеческого общества фаталистически. Нелепость заключительного вывода Ю. Жуковского о том, что «Капитал» Маркса посвящён лишь изучению юридической и политической стороны общества, очевидна.

Провозгласив, что Маркс ограничивается анализом формальной юридической и политической сторон жизни общества, Жуковский указывает, что по своему отношению к юридическим основам общества Маркс выделяется из школы социалистов. «Если мы примем, — писал Жуковский, — за отличительный признак последних (т. е. социалистов. — А. Р.) критическое отношение к началу личной собственности, то должны будем признать, что исследование Маркса держится другой почвы: он остаётся на той почве личной собственности, которая отрицается социалистами крайнего направления; он признаёт это начало, как начало, и всё его исследование направлено к тому, чтобы объяснить все тёмные стороны европейской социальной жизни вовсе не присутствием этого начала, а тем, что это начало было нарушено по отношению к работнику»². По Марксу, говорит Жуковский, основанием процесса первоначального капиталистического накопления является экспроприация земли у работника. Следовательно, если в Европе произошло обезземеление крестьян, то мы имеем там капитализм; в другом месте этот процесс мог бы не произойти, и капитализм там мог бы и не быть. Итак, Маркс, по утверждению Жуковского, остаётся «на почве личной собственности», «он признаёт это начало, как начало», капитализм не есть необходимый результат предыдущего развития человеческого общества, он является случайным историческим эпизодом, все противоречия капитализма — результат

¹ Ю. Жуковский, Карл Маркс и его книга о капитале, «Вестник Европы», кн. IX, 1877 г., стр. 68—69.

² Там же, стр. 70.

нарушения начала личной собственности на средства производства.

Жуковский превращает Маркса в социалиста-утописта, который рассматривает капитализм как историческую случайность, взор которого обращён к пройденным этапам общественного развития, когда не было эксплуатации и работнику принадлежал полный продукт его труда. В статье, направленной против Ю. Жуковского, Михайловский ссылается на «Коммунистический манифест», где самое заглавие этого документа свидетельствует о подлинных взглядах Маркса на собственность.

«Какое уж тут уважение к личной собственности,— восклицает Михайловский,— когда предсказывается и рекомендуется общинное владение землёй и средствами производства»¹.

Общая оценка, которую даёт Ю. Жуковский «Капиталу», сводится к тому, что в этом произведении дана апология прав рабочих, обоснование их прав на прибыль: «Для Маркса, повидимому, всё дело может ограничиться одним закреплением за рабочими права на прибыль»².

Таким образом, Ю. Жуковский вычитал в «Капитале», где дано научное обоснование гибели капитализма, необходимости диктатуры пролетариата и неизбежной смены капитализма коммунизмом, мелкобуржуазный лозунг права рабочих на прибыль. Незадачливым, вульгарным «критиком» Маркса был Ю. Жуковский.

Переходя к анализу идей «Капитала», Ю. Жуковский вынужден был констатировать преимущества Маркса перед официальной цеховой наукой. Он пишет: «Как писатель, Маркс выделяется из массы публицистов многими почтенными преимуществами. Его книга полна свидетельств серьёзного и добросовестного труда, начитанности и эрудиции, свойственных немецким писателям, но отличается от цеховой немецкой начитанности богатством не мёртвых, бесцельных цитат, а богатством живых примеров, взятых из официальных документов.

Маркс был тем вольнодумным учеником, который не хотел убедиться, что «идея добра, дошедшая до сознания самой себя», осуществилась в прусской конституции, но он не мог освободиться от веры в силу диалектических доказательств»³.

Оценка «Капитала» как произведения, базирующегося на солидном фактическом материале, не мешает Жуковскому в то же время рассматривать экономическое учение Маркса как надуманную, утопическую схему.

¹ Н. М., Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки» № 10, 1877 г., стр. 335.

² Ю. Жуковский, Карл Маркс и его книга о капитале, «Вестник Европы», кн. IX, 1877 г., стр. 104.

³ Там же, стр. 71.

Прежде всего Ю. Жуковский критикует диалектический метод Маркса. Диалектика Маркса представляет собой, по Жуковскому, априорную конструкцию, не соответствующую реальной действительности.

Жуковский обвиняет Маркса в том, что он своё учение облекает в «различные диалектические формы», которые будто бы удлинняют изложение и утомляют внимание, а для читателя непривычного делают его непонятным.

Критика диалектического метода Маркса, которую преподносит Ю. Жуковский, не блещет оригинальностью. И современные Ю. Жуковскому «критики» Маркса и последующие «критики» «Капитала» — все, как бы сговорившись, выдвигали одни и те же банальные доводы, направленные против марксовской диалектики, утверждавшие, что ей присущи якобы абстрактность, схематизм и т. п., между тем как на самом деле категории политической экономии Маркса являются результатом обобщения огромного конкретно-исторического материала. Материалистическая диалектика вызывает у буржуазных апологетов злобу и ужас, ибо из неё вытекает неприятный для них вывод о неизбежном крушении системы капиталистической эксплуатации. В своей критике «Капитала» Жуковский особое внимание уделяет теории прибавочной стоимости. Жуковский различает «монополизацию» капитала и «образование» капитала. «...Ни свобода распоряжения трудом,— пишет Жуковский,— ни вынужденность продавать его в форме труда — не составляют условий, которые бы были нужны для капитала вообще. Они нужны только для монополизации капитала и потому составляют условия не образования капитала, а его монополизации; не образования или возникновения капитала в обществе вообще, а возникновения его путём обмена»¹. Таким образом, Жуковский полагает, что монополизация капитала присуща определённому периоду исторического развития; образование капитала, «начало капитала», представляет собой, по мнению Жуковского, процесс внеисторический. «Начало капиталу даёт не исключительно человеческий труд, а совместная деятельность самой природы и человека. Раз живая сила, получающаяся при совместном действии труда и сил природы в форме продукта, значительнее той, которая истрачена была на её образование, излишек её, составляя чистую прибыль, даёт основание капиталу»².

Вульгарная, грубо фетишистская трактовка капитала у Ю. Жуковского была подвергнута критике Зибером. Зибер в

¹ Ю. Жуковский, Карл Маркс и его книга о капитале, «Вестник Европы», кн. IX, 1877 г., стр. 77.

² Там же.

противоположность Жуковскому утверждает, что «не только для монополизации, но и для возникновения капитала в смысле Маркса, вся совокупность приведённых им условий является абсолютной необходимостью»¹. Ошибку Ю. Жуковского Зибер видит в том, что он вслед за осмеянными Марксом вульгарными экономистами понимал под капиталом всякое средство производства, хотя бы это был лук дикаря-охотника. «Из всей совокупности исследований Маркса, — пишет Зибер, — со всей очевидностью следует, что он под капиталом понимает совсем не ту или другую вещь, а только «общественное отношение между лицами, выражаемое посредством вещей»...»².

Точно так же Жуковский совершенно в духе вульгарной буржуазной политической экономии противопоставляет производство распределению, утверждая, что производство определяется вечными законами природы, распределение же представляет собой общественную случайность.

В тесной связи с фетишистской, вульгарно-апологетической точкой зрения Ю. Жуковского на капитал находится его критика марксовой теории прибавочной стоимости, которую он начинает с центрального вопроса — с учения о рабочей силе как товаре. По Жуковскому, величина оплаты труда определяется выработкой рабочего, производящего без участия капитала. «...Без содействия машин, — пишет Ю. Жуковский, — работник отработывает своё содержание... в течение того времени, в которое на последнем обрабатываемом участке, не приносящем никакой ренты, свободный работник отработывает своё содержание; это время может быть, при благоприятных условиях, менее одного рабочего дня, но оно непрестанно стремится к этой величине и всегда выражает действительную рабочую плату, получаемую работником»³. Если бы рабочий не получал ту выработку, которую он даёт, то что заставляло бы его, спрашивал Жуковский, пойти на фабрику, если бы его труд на самом деле был производительнее его рабочей платы.

Рассуждения Ю. Жуковского о заработной плате представляются Михайловскому «формальным приёмом», заимствованным у Рикардо: естественная убывающая градация производительности земель применена к анализу отношения труда к прибыли.

«...В случае ренты, — пишет Михайловский, — мы имеем действительные различия в плодородии земель, тогда как последний фабричный рабочий есть миф. Тут нет ни первых, ни послед-

¹ Н. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 18.

² Там же, стр. 17.

³ Ю. Жуковский, Карл Маркс и его книга о капитале, «Вестник Европы», кн. IX, 1877 г., стр. 82.

них, с точки зрения производительности — все работают одними и теми же орудиями и над одним и тем же сырым материалом... Последний участок земли, действительно, ренты не даёт, но последний фабричный рабочий решительно в такой же мере содѣлает прибыль, как и первый»¹.

Более обстоятельную критику воззрения Ю. Жуковского на заработную плату дал Зибер.

По Зиберу, рассуждения Ю. Жуковского ничего общего не имеют с фактами реальной действительности. «...Где это встретил г. Жуковский,— спрашивает Зибер,— такого благотворительного фабриканта, который употреблял бы хоть одного рабочего только благодаря прибыли, получаемой от прочих рабочих? На что ему он нужен?»²

На вопрос Ю. Жуковского, что заставило бы рабочего идти на фабрику, если бы труд его был производительнее, Зибер отвечает: рабочий вынужден идти первоначально из-за отсутствия земли и работы в ремесле, а впоследствии — из-за сосредоточения на фабрике соответствующих промыслу орудий страны. Что касается упоминания Ю. Жуковского о рабочем трудящемся без капитала, то Зибер пишет, что «найти в настоящее время в Западной Европе такого рабочего немногим разве легче, чем найти жар-птицу или живую воду»³.

Не говоря уже о вздорности пристѣгивания вульгарно понимаемой ренты к объяснению заработной платы рабочего, всё «построение» Ю. Жуковского носит откровенно апологетический характер, оно призвано «доказать», что капиталистический рабочий получает полный продукт своего труда. Последнее утверждение «критика», что от доброй воли рабочего зависит, идти ли ему на фабрику или отказаться от этого удовольствия, звучит анекдотически. Только под угрозой голодной смерти рабочий вынужден идти на капиталистическую каторгу.

Жуковский утверждает здесь, что огромный фактический материал, приводимый Марксом в разделе о рабочем дне, не свидетельствует о подлинных противоречиях капитализма. Он пишет: «Всё это давно повторяется почти каждым сочинением, посвящённым исследованию пауперизма; всё это там совершенно на месте и способно вселить читателю много участия к положению рабочего, но всё это говорит только о злоупотреблениях, которые делают капиталисты из своего права; говорит более об общей порочности людей и заставляет серьёзно помышлять о

¹ Н. М., Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки» № 10, 1877 г., стр. 354.

² Н. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 21.

³ Там же, стр. 21—22.

мерах к устранению этих злоупотреблений. Но всё это в существе нисколько не подтверждает той постановки вопроса, которую принял Маркс, не подтверждает взгляда на прибавочную стоимость, как на продукт труда»¹.

Оказывается, по мнению Жуковского, ужасы капиталистической каторги — это лишь «маленькие недостатки» механизма капиталистического общества, легко устранимые, если капиталисты перестанут «злоупотреблять» своими правами «благотелей». Между тем именно из существа капиталистической эксплуатации вытекает безработица, пауперизм и все другие ужасы капиталистического наёмного рабства.

По Жуковскому, источником прибыли является организация труда. Тому или другому полезному изменению в направлении труда должно предшествовать знание того направления, которое должно быть дано труду для того, чтобы в результате могла увеличиться его производительность. Для приобретения этого знания, «кроме труда физического,— утверждает Ю. Жуковский,— человечество затрачивало значительную сумму труда иного, психического, умственного и нравственного, и результатом этих-то последних затрат только и являлись те улучшения в его производстве, которые давали начало чистой прибыли»².

Смысл этой пресловутой «теории» заключается в том, чтобы представить прибыль справедливым вознаграждением капиталиста за его труд по организации производства. Далее, Жуковский как на источник прибавочной стоимости указывает на природу. Таким источником может быть «дерево, земля, скот — словом всё, что способно само собой порождать сумму новых полезных потребительных стоимостей, могущих обратиться в меновые»³.

Самая значительная работа во всяком производстве совершается, пишет Жуковский, за счёт сил природы. Роль человеческого труда состоит в освобождении и направлении сил природы. Прибыль определяется Ю. Жуковским как «разность живой силы, капитализированной в продукт из природы, и живой силы, истраченной человеком на устройство процесса такой капитализации»⁴.

Взгляд Ю. Жуковского на «психический» труд как на самостоятельный источник прибыли был подвергнут критике Михайловским. «...Измывлённый г. Жуковским психический труд,

¹ Ю. Жуковский, Карл Маркс и его книга о капитале, «Вестник Европы», кн. IX, 1877 г., стр. 89.

² Там же, стр. 85—86.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Там же, стр. 87—88.

как творец прибыли,— пишет Михайловский,— есть карточный домик, распадающийся от одного дуновения»¹.

По Михайловскому, психический труд «в тех случаях, когда он заслуживает этого имени, даёт продукт, обусловленный не одним, а тремя факторами: природною способностью, знанием и собственно трудом, т. е. текущею тратой силы... На эти три давно известных фактора разваливается таким образом и пресловутый психический труд, отнюдь, следовательно, не составляющий фактора самостоятельного»². Далее, Михайловский правильно отмечает, что капиталист не потому получает прибыль, что он организатор производства, т. е. представитель психического труда, а, наоборот, является организатором потому, что он владелец капитала. По Михайловскому, фабрикант выступает как «представитель капитала, а вовсе не новоявленного психического труда»³. Точно так же, продолжает Михайловский, «и землевладелец получает ренту отнюдь не потому, чтобы он психическим трудом занимался, а просто потому, что он — землевладелец»⁴.

Опираясь в своей критике, направленной против Ю. Жуковского, на Маркса, Михайловский делает ряд правильных замечаний. Михайловский в отличие от Жуковского не считает психический труд самостоятельным фактором; он проводит правильное разграничение между функцией управления вообще и той социальной формой, которую она принимает в капиталистическом обществе. Михайловский также правильно указывает на ошибочность противопоставления психического труда физическому. «Отсутствие психического труда в организуемых классах,— замечает Михайловский,— есть изобретение гг. Зибеля и Жуковского». «...Если труд организации чужого труда,— пишет Михайловский,— есть труд, подлежащий высокой оценке, то ведь быть организуемым тоже нелегко, тоже требует значительной психической затраты»⁵.

Содержательную критику вульгарных представлений Ю. Жуковского об источнике прибавочной стоимости дал Зибер. «Самое выражение «стоимость»,— пишет он,— в применении к земле, дереву, лошади и другим даровым силам природы звучит донельзя странно...»⁶. В отличие от Жуковского, который в

¹ Н. М., Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки» № 10, 1877 г., стр. 349.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Н. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 16.

качестве примера источника прибавочной стоимости указывал на лошадь, Зибер писал, что «в обществе людей, которым, как известно, только и занимается общественная экономия, лошадь есть то же самое, что и какая-нибудь сила пара или ветра, или иная даровая сила внешней природы и ценится в ней только труд ухода и труд на производство и доставление ей корму»¹. Следует отметить постановку Зибером вопроса об источнике прибавочной стоимости. Для обоснования тезиса, что субстанцией стоимости и прибавочной стоимости является человеческий труд, Зиберу достаточно указания, что политическая экономия — наука общественная, наука, изучающая отношения между людьми.

В противоположность Жуковскому, который производство прибавочной стоимости относил за счёт природы и умственного труда, Зибер пишет, что «прибавочная стоимость есть результат продления текущего, физического и умственного труда за известные пределы, которое должно необходимо сопровождаться расширением рынка»². Если бы представители умственного труда, полагает Зибер, получали прибавочную стоимость так, как её понимает Жуковский, то общество немедленно отказалось бы от всяких улучшений. «Стоит подумать, например, — восклицает Зибер, — что было бы в том случае, если бы семья Уатта или Фультона наложила своё embargo на всё то сокращение общественной работы, какое получилось от изобретения паровой машины и парохода. Можно наверно сказать, что все и каждый предпочли бы попрежнему остаться при силах ветра и воды и охотно отреклись бы от пользования столь дорогими улучшениями транспорта и производства»³. Зибер пишет, что нельзя в каком-либо деле отделять умственные операции от физических. «Умственный труд имеет всюду свою необходимую задельную плату, под видом ли жалованья, или привилегии за изобретение, и, в этом смысле, одинаково с мускульным трудом входит в состав каждого атома рабочего времени»⁴. В доказательство того, что заработная плата, получаемая умственным трудом, играет ничтожную роль в сравнении с общей массой прибавочной стоимости, Зибер ссылается на грандиознейшие дивиденды, получаемые владельцами различных акционерных предприятий. Зибер обращает внимание на то, что если бы текущий труд на фабриках был ограничен одною только необходимой нормой времени, то это положило бы немедленный конец капиталисти-

¹ Н. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 15.

² Там же, стр. 25.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 27.

ческому производству, а, вместе с тем, и накоплению капитала и сосредоточению его в одних руках¹.

Возражения Зибера правильны. Отметим лишь, что трактовка прибавочной стоимости Ю. Жуковским близка к учению Сэя. Как известно, по Сэю, существуют три фактора производства, или, как он их называет, три «производительных фонда»: природа (земля), труд и капитал. По Сэю, производимые стоимости обязаны своим возникновением действию труда, капитала и сил природы, из которых главным, но не единственным из многих других факторов является, как и у Жуковского, земля. Стоимость и прибавочная стоимость создаются благодаря совместному действию природы, труда физического и психического и капитала, причём природе принадлежит главенствующая роль. Ещё Рикардо указал на основную методологическую ошибку Сэя: смешение потребительной и меновой стоимости. Сэй говорит о стоимости, писал Рикардо, «придаваемой товарам естественными факторами, как солнце, воздух, давление атмосферы и т. д., которые иногда заменяют труд человека, а иногда оказывают ему содействие в производстве. Но эти естественные факторы придают товарам только *потребительную стоимость*, а не меновую, о которой говорит г-н Сэй... [Г-н Сэй всё время не замечает существенной разницы между потребительной стоимостью и меновой стоимостью]»². В своих «Теориях прибавочной стоимости» Маркс приводит следующий пример. Посеяно 100 кварталов зерна. В процесс, который превращает 100 кварталов зерна в 120 кварталов, входят кроме 100 кварталов зерна ещё химические составные части, содержащиеся в земле: соль, вода, воздух, свет. «Без прибавления материи,— говорит Маркс,— и последняя составляет физиологическую затрату — никогда и ни за что не получилось бы 120 кварталов из 100. Можно следовательно действительно сказать только с точки зрения потребительной стоимости, с точки зрения зерна как зерна, что в неорганической форме в него вошло как «затрата» то, что в *органической* форме является как покоящийся (ruhendes) результат в 20 кварталах, как излишек собранного зерна сверх посеянного»³.

Но эти рассуждения, говорит в заключение Маркс, никакого отношения к вопросу о прибыли не имеют, которая представляет собой лишь меновую стоимость, хотя носителем этой меновой стоимости и является прибавочный продукт.

Ю. Жуковский своей вульгарной точкой зрения на категорию прибавочной стоимости вслед за Сэем стал на путь грубого

¹ См. *Н. Зибер*, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 28.

² *Давид Рикардо*, Начала политической экономии и налогового обложения, Соч., т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 235—236.

³ *К. Маркс*, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 58.

смешения потребительной стоимости со стоимостью, смешения технологического процесса со специфическо-общественной формой процесса производства.

Теория «производительных услуг» Сэя носит ярко выраженный характер апологии капиталистической системы. Капиталистическая система представляет собой, по Сэю, отнюдь не единство классовых противоположностей, а гармоническую общественную форму, ибо «производительная услуга» каждого из факторов производства доставляет своему владельцу соответствующий фонд. Подобно Сэю и Жуковский становится на апологетическую точку зрения. Жуковский не возражает против «участия» рабочих в прибылях, однако оно может иметь место только на почве сохранения капиталистической системы. «Мера, в которой случится это участие,— заключает Ю. Жуковский,— зависит от материальных условий вопроса, лежащих как в степени развития личности рабочего, так и в материальных условиях производства»¹.

Система «участия» рабочих в прибылях является одним из излюбленных рецептов разрешения «рабочего вопроса». Это типичная реакционная утопия, назначение которой — посеять в рабочем классе иллюзии о возможности коренного улучшения его положения в рамках капитализма.

В заключение отметим, что общественная и государственная деятельность Ю. Жуковского находилась в полном соответствии с его экономическими воззрениями. Литературная деятельность Ю. Жуковского, начатая в конце 50-х и начале 60-х годов, показала его как буржуазного политика, стремившегося к постепенному увеличению свободы личности в сфере хозяйственной деятельности².

Выступление Ю. Жуковского вызвало ответ Михайловского. Свою критику Михайловский направляет как против высказываний Ю. Жуковского об историко-философских воззрениях Маркса, так и против его критики экономического учения автора «Капитала».

Михайловский выдвинул ряд правильных соображений против утверждения Ю. Жуковского, что Маркс — представитель формалистического направления. Интересна следующая формулировка Михайловского: «...*Весь «Капитал»*... посвящен исследованию того, как раз возникшая общественная форма все раз-

¹ Ю. Жуковский, Карл Маркс и его книга о капитале, «Вестник Европы», кн. IX, 1877 г., стр. 103.

² Выступление Ю. Жуковского пришлось по вкусу «Северному вестнику», который писал, что статья Ю. Жуковского представляет собой «едва ли не первую попытку в русской журналистике отнестись строго критически к теории немецкого учёного и определить его место в ряду других экономистов настоящего времени» (*Ал-й*, Журнальные заметки, «Северный вестник», 11(23) октября 1877 г.).

вивается, усиливает свои типические черты, подчиняя себе, ассимилируя открытия, изобретения, улучшения способов производства, новые рынки, самое науку, заставляя их работать на себя, и как, наконец, дальнейших изменений материальных условий данная форма выдержать не может»¹.

Вместе с тем в ряде случаев Михайловский поддерживает в корне ошибочные положения Жуковского. Так, Михайловский склонен считать, что Марксу присуща уверенность, что тенденция развития современного общества состоит в закреплении за рабочим права на прибыль. Михайловский пишет: «Правда, для него право рабочих на прибыль несомненно; правда, он уверен, что, в конце концов, и самый закон развития новейшего общества гяготееет к признанию этого права. Поэтому там и сям, в особенности в примечаниях, в предисловиях, в заключительных словах некоторых глав можно найти указания на право рабочих. Но систематически доказывать его он вовсе не думал»².

В этом своём утверждении Михайловский весьма близок к Ю. Жуковскому, который в «Капитале» вычитал обоснование права рабочих на прибыль. В оценке диалектического метода Михайловский вполне соглашается с Жуковским. По Михайловскому, Маркс в отличие от Прудона не по наслышке, а действительно знаком с гегелевской диалектикой, а потому прилагает её к делу искусснее, но вместе с тем считает, что Маркс слишком охотно прибегает к гегелевской диалектике, чем без нужды усложняет и затрудняет понимание своих выводов.

По Михайловскому, «книга Маркса требует большой переделки в смысле очищения её от многочисленных наростов и прожилок ненужных диалектических тонкостей»³.

Критикуя утверждение Ю. Жуковского, что Маркс относится положительно к началу личной собственности, Михайловский упрекает Жуковского, что он не понял «фокусов» марксовой диалектики, так как по существу Маркс предсказывает победу общинной собственности. Михайловский пишет: «Г. Жуковского, очевидно, смутило слово «индивидуальный». Дело в том, что в схему свою Маркс ввернул два общеизвестные фокуса гегелевской диалектики, к которой г. Жуковский так строг, но которой, в данном случае, не заметил или не хотел заметить. Во-первых, вся схема построена по закону гегелевской триады: сначала идёт положение, тезис, затем отрицание, анти-

¹ Н. М., Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки» № 10, 1877 г., стр. 339. Противопоставляя высказываниям Михайловского о «Капитале» К. Маркса в 1894 г. его оценку этого произведения К. Маркса в 1871 г., В. И. Ленин в работе «Что такое «друзья народа»...» приводит указанную формулировку (см. В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 163).

² Там же, стр. 336.

³ Там же, стр. 339.

тезис, и, наконец, отрицание отрицания, дающее в окончательном результате синтезис. Во-вторых, этот синтезис основывается на тождестве противоположностей: индивидуальной и общественной собственности. Значит, тут слово «индивидуальный» имеет особый, чисто условный смысл члена диалектического процесса, и ничего ровно на нём основывать нельзя¹.

Рассматривая последнее высказывание Михайловского о «фокусах» марксовой диалектики, Ленин указывает, что та критика, которую по этому же вопросу дал Энгельс Дюрингу, целиком приложима и к Михайловскому. Ленин писал: «Это говорил человек с самыми благими намерениями, защищая перед русской публикой «сангвиника» Маркса от буржуа г. Жуковского. И вот с этими-то благими намерениями он поясняет Маркса таким образом, что тот свое представление о процессе основывает на «фокусах»! Г. Михайловский может извлечь отсюда бесполезную для него мораль, что одних благих намерений для какого бы то ни было дела цемножко мало»².

Взгляд Михайловского на диалектический метод напоминает точку зрения Ланге, который удивлялся тому, что Маркс и Энгельс принимали Гегеля всерьёз, но в то же время утверждал, что в эмпирическом материале Маркс движется с «редкой свободой». О Ланге Маркс 27 июня 1870 г. писал Кугельману: «То, что... Ланге говорит о гегелевском методе и о моем применении его, является поистине ребяческим. Во-первых, он ничего не понимает в гегелевском методе и поэтому, во-вторых, имеет еще гораздо меньше представления о моем критическом способе его применения... Ему и в голову не приходит, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как другое название известного *метода* изучения материала, — именно *диалектического метода*»³.

Подобно Ланге, Михайловский, рассматривающий диалектику как ненужное украшение стиля, затемняющее истинный ход изложения, не понял её подлинной сущности.

В своей полемике с Михайловским Плеханов писал: «Вас... Энгельс никогда не принял бы за диалектика. Ему достаточно было бы прочесть вашу статью «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», чтобы бесспорно отнести вас к числу неисправимых метафизиков»⁴.

Общая оценка экономических взглядов Жуковского, данная Михайловским, сводится к тому, что для него Маркс «важен

¹ Н. М., Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки» № 10, 1877 г., стр. 335.

² В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 153 (Примечание).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 58.

⁴ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Госполитиздат, 1949, стр. 105.

не как объект критики, с точки зрения какой-нибудь научной доктрины, а, главным образом, как политический противник, как автор апологии, которой нужно противопоставить другую»¹.

Маркс, полагает Михайловский, неправильно понял Жуковским потому, что этот критик не рассматривает экономическое учение Маркса и его связи с предшествующим развитием научной мысли. «Маркс,— пишет Михайловский,— не с неба свалился. Он вырос на почве установившейся науки, с одной стороны, на почве известных общественных стремлений — с другой. Отрывая его от предшествующей науки, г. Жуковский лишает читателя возможности оценить, до какой степени многие положения Маркса стоят прочно, до какой степени они научны, совершенно независимо от каких бы то ни было практических выводов»².

Михайловский не понимал революционного переворота, совершённого Марксом в политической экономии, в то же время он отметил преемственную связь теории Маркса с классической школой политической экономии. «Основная нить, связывающая Маркса с классиками,— пишет Михайловский,— состоит в положении, что источник и мерило ценности есть труд. Это — тезис чисто научный, теоретический, достаточно разработанный, чтобы была какая-нибудь надобность его здесь доказывать»³. Хотя Михайловский и не проводит различия между Марксом и Рикардо, но во всяком случае констатирование преемственности между теорией Маркса и классической школой политической экономии следует поставить в заслугу Михайловскому 70-х годов, который в этом вопросе находился, очевидно, под влиянием Зиберы⁴.

В заключение отметим, что воззрения Маркса на генезис западноевропейского капитализма Михайловский превратил в историко-философскую теорию, обязательную для всех народов, независимо от специфических условий исторического развития каждого из них, следовательно, в схему, обязательную и для России.

Русский человек, утверждал Михайловский, который уверовал бы в истинность исторической теории Маркса, — что весьма возможно, так как «...Маркс и общей своей научной физиономией способен внушить безграничное доверие», кроме того, его «историческая теория обставлена, в фактическом отношении,

¹ Н. М., Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки» № 10, 1877 г., стр. 346.

² Там же, стр. 355.

³ Там же, стр. 351.

⁴ «Новое время» упрекало Михайловского за резкую манеру его полемики с Ю. Жуковским, за то, что он «поспешил» «отделать» своего противника по обычной системе (см. В. Буренин, Литературные очерки, «Новое время», 4(16) ноября 1877 г.).

с большою роскошью, а в отношении логическом представляет, во всяком случае, нечто стройное, цельное, а потому соблазнительное»¹, — оказался бы в чрезвычайно странном и трудном положении. Процесс «обобществления», уверяет Михайловский, в России мало подвинулся вперёд. «Крестьянин наш далеко не в такой мере «свободен» от земли и орудий производства, в какой это необходимо для пышного развития капиталистического производства. Напротив, несмотря на его печальное положение, как земледельца и землевладельца, многие обстоятельства, даже помимо его собственных инстинктов, держат его у земли. С другой стороны, капиталы наши представляют в сравнении с европейскими нечто крайне мизерное. Следовательно, нам предстоит ещё пройти вслед за Европой весь тот процесс, который описал и возвёл на степень философско-исторической теории Маркс. Разница, однако, в том, что нам придётся повторить процесс, т. е. совершить его сознательно»².

В душе русского ученика Маркса должно происходить, по Михайловскому, столкновение нравственного чувства с исторической необходимостью. «Идеал его, — пишет Михайловский, — если он — ученик Маркса, состоит, между прочим, в совпадении труда и собственности, в принадлежности рабочему земли и орудий и средств производства. Но в то же время, если он — ученик Маркса со стороны философско-исторического взгляда последнего, он должен радоваться разлучению труда и собственности, расторжению связи между работником и условиями производства, как первым шагам необходимого и, в конце концов, благодетельного процесса»³.

Исходя из тезиса Маркса, что одна нация может и должна учиться у другой, Михайловский спрашивает, какой урок можно извлечь из истории развития экономических отношений Англии. Имея в виду Германию, Маркс, поучает Михайловский, с особенным вниманием отнёсся к фабричному законодательству. «Здесь именно лежат те поправки к фатальной непреклонности исторического процесса, которые могут быть заимствованы у самого Маркса»⁴.

Фабричным законодательством можно смягчить непреклонность процесса, можно облегчить муки родов. «Но для нас, очевидно, — пишет Михайловский, — и этих смягчений мало, ибо, как ни желательно у нас развитие и известное направление фабричного законодательства, оно может охватить лишь очень

¹ Н. М., Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки» № 10, 1877 г., стр. 325.

² Там же.

³ Там же, стр. 326.

⁴ Там же, стр. 338.

малое, сравнительно, число народа, а потому необходимо изыскание путей для более непосредственного обхода средних стадий описанного Марксом процесса»¹.

Интерпретируя Маркса в соответствии со своими социально-политическими взглядами, Михайловский, как критик Маркса, выступает с позиций народничества. Кстати сказать, он сам себя называет критиком Маркса.

Предметом своих «критических» упражнений кроме диалектического метода Маркса он как раз и избрал вопрос о тенденциях капиталистического развития. Будучи идеологом своеобразных, в отличие от Запада, путей русского исторического процесса, наш «критик» изображает Маркса как автора фаталистической «философии истории», при которой необходимость исключает свободу, железная поступь исторического процесса исключает активную деятельность людей. Михайловский живо изображает Маркса как автора схоластической системы исторического процесса, где не учитывается своеобразие путей развития различных стран и народов, как творца исторической теории, которой роковым неумолимым образом должны подчиниться все народы вне учёта особенностей времени и места.

В ответ на рассуждения Михайловского о применимости схемы первоначального капиталистического накопления к русской действительности Маркс написал письмо в редакцию «Отечественных записок»², в котором писал: «Ему (Михайловскому.— А. Р.) непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются,—для того, чтобы притти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечи-

¹ Н. М., Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского, «Отечественные записки» № 10, 1877 г., стр. 338.

² В письме к В. И. Засулич от 6 марта 1884 г. Энгельс писал: «Прилагаю при сем рукопись Маркса (копию), которой можете распорядиться так, как найдете нужным. Не знаю, в «Слове» ли или в «Отечественных записках» он нашел статью: «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Он написал этот ответ, который, повидимому, был предназначен для опубликования в России, но так и не послал его в Петербург, боясь, что одно его имя поставит под угрозу существование журнала, где будет напечатан его ответ» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 306). В своём ответном письме от 5 октября 1884 г. В. И. Засулич писала: «Очень благодарю Вас (хотя и с опозданием) за присланную мне статью Карла Маркса. Она заставляет меня с еще большим нетерпением ожидать выхода второго тома «Капитала», где мы найдем, по всей вероятности, изложение взглядов великого учителя на экономическое развитие России. Я перевела статью, и мы ее скоро напечатает» (там же, стр. 307). Письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных записок», написанное им в 1877 г., было впервые опубликовано в № 5 «Вестника Народной Воли», Женева 1886.

вает, вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда, наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня»¹.

В качестве примера Маркс ссылается на древний Рим. Плебеи древнего Рима первоначально были свободными крестьянами, которые с течением времени были обезземелены. Однако римские пролетарии не сделались наёмными рабочими, а хозяйство Римской империи не стало капиталистическим. «Таким образом, события, поразительно аналогичные,— заключает Маркс,— но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности»².

Что касается перспектив экономического развития России, то Маркс писал: «Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы,— а за последние годы она немало потрудились в этом направлении,— она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие несчастные пароды»³.

По поводу высказываний Михайловского о тенденциях капиталистического развития Ленин писал, что он «сначала перевирает Маркса, приписывая материализму в истории вздорные претензии «все объяснить», найти «ключ ко всем историческим замкам» (претензии, сразу же, конечно, и в очень ядовитой форме отвергнутые Марксом в его «письме» по поводу статей Михайловского)...»⁴.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 222.

² Там же, стр. 223.

³ Там же, стр. 222.

⁴ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 129. О письме Маркса в редакцию «Отечественных записок» Г. В. Плеханов писал следующее: «Что мог сказать Маркс по поводу статьи г. Михайловского? Человек впал в беду, приняв за философско-историческую теорию Маркса то, что вовсе ею не было... Надо было показать русскому писателю, что диалектический материализм никакими стран ни к чему не приговаривает, что он не указывает пути, общего и «обязательного» для всех народов во всякое данное время; что дальнейшее развитие всякого данного общества всегда зависит от соотношения общественных сил внутри его, и что, поэтому, всякому серьёзному человеку надо, не гадая и не ноя по поводу какой-

Давая оценку народнической теории некапиталистического пути развития России, Ленин писал: «Какое значение имеет теория о «миновании Россией фазы капитализма», теория Михайловского и его группы, державшаяся до 90-х годов прошлого века?»

Эта теория была теорией утопического, мещанского социализма, т. е. мечтанием мелкобуржуазных интеллигентов, которые искали выхода из капитализма не в классовой борьбе наемных рабочих с буржуазией, а в воззваниях ко «всему народу», к «обществу», то есть к той же буржуазии¹.

Итак, статья Михайловского при правильности ряда содержащихся в ней критических замечаний по адресу Жуковского, в то же время, повторяем, представляла собой критику Маркса с позиций народничества.

Благожелательная оценка «Капитала», данная Михайловским в 70-х годах, была по существу народнической его ревизией. «Не только в экономической области, но и в философии и в социологии,— писал Ленин,— взгляды Михайловского были буржуазно-демократическими взглядами, прикрытыми якобы «социалистической» фразой. Такова его «формула прогресса», его теория «борьбы за индивидуальность» и пр. В философии Михайловский сделал шаг назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России»².

Для Михайловского осталась непонятой основа «Капитала» — материалистическая диалектика, которая третировалась им как схоластика. Михайловский склонен был также трактовать историко-философскую концепцию Маркса как учение, рассматривающее историю человеческого общества фаталистически и обрекающее людей на роль марионеток в заранее

то фантастической «обязательности», изучить прежде всего это соотношение; только такое изучение и может показать, что «обязательно» и что «необязательно» для данного общества» (Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Госполитиздат, 1949, стр. 257).

В письме к Энгельсу (июнь 1894 г.) Плеханов писал про Михайловского, что он «до смешного гордится» письмом Маркса в редакцию «Отечественных записок». И далее Плеханов продолжает: «Он следующим образом изображает весь этот инцидент: до прочтения его статьи «Карл Маркс перед судом Ю. Жуковского» Маркс думал, что Россия должна пройти через капитализм; но прочитав эту замечательную статью, он изменил мнение. «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно», — как говорит наш Лермонтов» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 332).

¹ В. И. Ленин, Народничество и класс наемных рабочих, Соч., т. 20, стр. 88—89. О письме Маркса в редакцию «Отечественных записок» Глеб Успенский в 1888 г. в статье «Горький упрек» писал: «Несколькими строками, написанными так, как написана каждая строка в его «Капитале», т. е. с безукоризненной точностью и беспристрастием, Карл Маркс осветил весь ход нашей экономической жизни с 61 г.» («Новый мир» № 3, 1933 г., стр. 252).

² В. И. Ленин, Народники о Н. К. Михайловском, Соч., т. 20, стр. 100.

предопределённом потоке вечного движения; Михайловский полагал, что, по учению Маркса, необходимость исключает свободу. Михайловский не понимал, что лишь изучение закономерностей общественного развития даёт подлинную основу для практической деятельности.

Несмотря на непонимание основы «Капитала» — материалистической диалектики, Михайловский в отличие от Ю. Жуковского дал положительную оценку экономического учения Маркса. Этим Михайловский 70-х годов отличается от Михайловского 90-х годов, который уже полностью скатился в болото вульгарных «критиков» Маркса.

Самым резким критиком «Капитала» в России 70-х годов был известный юрист и философ Б. Н. Чичерин. Чичерин был крупным представителем русского либерализма, связанного с богатым дворянством. Он — сторонник мирных, буржуазных реформ, прусского развития капитализма, сохранения дворянства и его господствующего положения¹.

Чичерин начинает свою критику Маркса с характеристики его диалектического метода и вопроса об отношении марксовской диалектики к диалектике Гегеля.

Чичерин считает, что если исходить из прямых заявлений Маркса, то диалектика Гегеля представляет собой «отрицание действительности», а диалектика Маркса — «восстановление действительности». Однако фактически всё выходит наоборот. Диалектика Гегеля «ставит на голову» истинные отношения вещей, выступает защитницей существующей действительности, диалектика же Маркса, которая истину видит в действительности, становится к ней в отрицательное отношение, является критической и революционной, указывает на необходимость гибели «каждой окрепшей формы в потоке движения». «Таким образом, — заключает Чичерин, — диалектика должна разом служить выражением крайнего материализма и крайнего идеа-

¹ Яркую характеристику Чичерина дал Герцен, который встретился с ним в Лондоне в 1858 г. «Он подходил не просто, не юно, у него были камни за пазухой; свет его глаз был холоден, в тембре голоса был вызов и страшная, отгаливающая самоуверенность. С первых слов я почувал, что это — не противник, а враг... С первых дней начался спор, по которому ясно было, что мы расходимся во всём... Он в императорстве видел воспитание народа и проповедовал сильное государство и ничтожность лица перед ним. Можно понять, что были эти мысли в приложении к русскому вопросу. Он был гугерненталист, считал правительство гораздо выше общества и его стремлений и принимал императрицу Екатерину II почти за идеал того, что надобно России. Всё это учение шло у него из целого догматического построения, из которого он мог всегда и тотчас выводить свою философию бюрократии. «Зачем вы хотите быть профессором, — спрашивал я его, — и ищите кафедру? Вы должны быть министром и искать портфель». (А. И. Герцен, Былое и думы, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XIII, стр. 227—228.)

лизма; она должна, с одной стороны, брать свою точку опоры в действительности, считая её за истинную свою основу, с другой стороны, отрицать эту самую действительность во имя идеала, обретающегося только в человеческой голове. Карл Маркс повидимому не подозревает, что он служит двум разным божествам»¹.

Таким образом, по мнению Чичерина, диалектика является одновременно выражением материализма и идеализма.

Здесь Чичерин прежде всего обнаруживает полное непонимание или нежелание понять, что такое идеализм и материализм. Но основной порок его рассуждений состоит в непонимании сущности диалектики. Диалектика, в понимании Чичерина, сводится к положению «всё действительное разумно», к тезису, ложно понятому ещё в России 40-х годов. Чичерин, таким образом, на место диалектического метода подставляет ложно понятый тезис системы Гегеля. Эти рассуждения Чичерина были подвергнуты критике Зибером. Чичерин, указывает Зибер, смешал две совершенно различные вещи: признание действительности и защиту действительности. «Можно действительность не признавать,— пишет Зибер,— и одновременно с этим стоять за неё всем существом своим, и...наоборот, можно считать действительность за то, что она есть, и при этом доказывать её непрочность и несостоятельность. Весь смысл и толк разногласия между Гегелем и Марксом по вопросу о методе только в том и состоит, что первый был идеалист в теории, что нисколько не мешало ему под крылышком прусского короля находить всё к лучшему в сём наилучшем из миров»².

Чичерин, полагает Зибер, не в состоянии понять, что отнюдь нельзя назвать идеализмом в философском смысле этого слова «недовольство существующим, основанное на объективно и научно установленных признаках происходящей в нём перемены...»³.

«Г-н Чичерин,— продолжает Зибер,— повидимому, даже не догадывается, что слово «идеализм» имеет два совершенно различные смысла — философский и обыкновенный, что философы-идеалисты в действительности часто оказывались всем на свете, только не идеалистами, и что идеальная философия есть только ступень в развитии человеческого мышления, между тем как «идеалист», в обыкновенном смысле слова, значит человек, не погрязший в омут чревоугодничества и стремящийся к осуществлению более широких задач, нежели те, которые ставятся ему его мелкими эгоистическими целями, или таковыми же

¹ Б. Н. Чичерин, *Немецкие социалисты*. II. Карл Маркс, «Сборник государственных знаний», под ред. В. П. Безобразова, т. VI, Спб. 1878, стр. 2.

² Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 65—66.

³ Там же, стр. 66.

целями его партии, будь это хоть партия какого-нибудь английского клуба или англазированных ташкентцев»¹.

Зибер точно так же не понимал души марксизма — материалистической диалектики, но в приведённых критических замечаниях против Чичерина Зибер правильно подметил ошибочный и путаный характер его высказываний.

В отличие от Жуковского и Михайловского, которые при всём своём отрицательном отношении к диалектике отмечали богатство фактического материала в «Капитале», Чичерин считает этот фактический материал «придатком», который освещается априорными, заранее придуманными положениями. Для доказательства своего взгляда на систему Маркса, как на искусно придуманную игру категорий, назначение которых — основание утопической социальной системы, Чичерин переходит к анализу отдельных проблем «Капитала». По Чичерину, утверждение Маркса, что меновая стоимость не содержит в себе ни одного атома природного вещества, является не только ничем не оправданным логическим скачком, но представляет собой прямое противоречие тому, что ежедневно происходит при обмене товаров. «Если мы спросим: что есть общего между двумя товарами, которые обмениваются? то всякий здравомыслящий человек, — пишет Чичерин, — наверное ответит: то, что оба полезны, поэтому они и меняются»².

Побудительным стимулом для обмена является, по Чичерину, то обстоятельство, что во всякой меновой сделке человек сравнивает ту пользу, которую он даёт, с той, которую он получает. Общая полезность, по Чичерину, представляет собой основание количественного сравнения различных товаров. Определяется стоимость товаров, как полагает Чичерин, спросом и предложением.

Таким образом, Чичерин рассматривает процесс обмена не как выражение эквивалентности обмениваемых товаров, базирующейся на труде. Он считает, что отнюдь не равенство, а различие оценок является побудительной основой обмена. Остроумно раскритиковал этот тезис Чичерина Н. И. Зибер. «Когда и где вы, напр., встречали, — обращается Зибер к Чичерину, — чтобы в обществе с широко и глубоко разделённым трудом человек «во всякой мене сравнивал ту пользу, которую он даёт, с тою пользой, которую он получает»? Разве же какой-нибудь шеффилдский булавочный фабрикант может прикалывать собственное своё платье теми миллиардами булавок, которые он производит на продажу? Разве лионский фабрикант шёлко-

¹ Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 66—67.

² Б. Н. Чичерин, Немецкие социалисты. II. Карл Маркс, «Сборник государственных знаний», т. VI, 1878, стр. 4—5.

вых тканей может надеть на себя те миллионы аршин бальных и иных парадных материй, которые он продаёт? Какую же такую собственную пользу отдают они покупщикам своих товаров?.. Не ясно ли отсюда даже для пятилетнего ребёнка,— заключает Зибер,— что вся ваша теория сравнительной настоятельности потребностей, как элемента, определяющего меновую ценность, есть не что иное, как никуда негодная ветошь?»¹

Ошибочность утверждения Чичерина в том, что различие оценок — основа обмена — базируется на противопоставлении объективной стороны менового процесса — равенства эквивалентов — его субъективной стороне — различной оценке товаров обменивающимися лицами. О субъективной стороне процесса обмена Маркс писал: «...Поскольку дело касается потребительных стоимостей, в выигрыше могут оказаться оба обменивающиеся между собою лица. Оба отчуждают товары, которые бесполезны для них как потребительные стоимости, и получают товары, в потреблении которых они нуждаются»². Но так как Маркс исследует отнюдь не мотивы агентов товарного производства, а закономерности производственных отношений товарно-капиталистического общества, то товары выступают не как продукты с различной индивидуальной оценкой, а как вещи, обладающие общественным свойством эквивалентности. Если отвлечься от потребительной стоимости товаров, то у них остаётся лишь одно свойство: они являются продуктами человеческого труда.

Чичерин недоумевает, почему человеческий труд — единственно остающееся качество. Как пример он приводит покупку леса, за который платят золотом. Лес и золото представляются ему в гораздо большей степени произведениями природы, чем продуктами труда. Маркс, утверждает Чичерин, произвольно оставляет в стороне таких деятелей производства, как природа и капитал, отдавая исключительное предпочтение человеческому труду.

Против утверждений Чичерина выступал Зибер. Сущность его возражений сводится к правильному указанию, что Чичерин не понимает значения категории потребительной стоимости. Без последней невозможны меновые отношения товаров, но отсюда отнюдь не следует, что потребительная стоимость определяет меновую стоимость. Зибер в полном согласии с Марксом правильно указывает на соотношение потребительной стоимости и стоимости.

Подобно тому как Чичерин не делает различия между потребительной стоимостью и стоимостью, он смешивает труд, создающий потребительные стоимости, т. е. конкретный труд,

¹ Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 69.

² К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 163.

с трудом, создающим стоимость, т. е. абстрактным, и затем устанавливает наличие якобы противоречия закона стоимости, открытого Марксом, с действительностью.

Чичерин целиком повторяет вульгарно-апологетическую теорию Сэя, согласно которой производимые стоимости обязаны своим возникновением действию трёх «производительных фондов» — природы, труда и капитала. Ту же самую ошибку совершает Чичерин в своём утверждении, что дары природы (лес) обладают стоимостью. По поводу учения Маркса о сведении сложного труда к простому Чичерин пишет следующее: «Если ценность произведений определяется исключительно временем употреблённой на них работы, то очевидно, что всякая работа должна оплачиваться одинаково. Больше ли количество полезной стоимости работник производит в данное время или меньшее, цена должна быть одна»¹. Из этого положения Чичерин делает тот вывод, что качественно различная работа должна цениться одинаково.

«Картина Рафаэля, — пишет Чичерин, — будет иметь меньшую цену, нежели картина самого бездарного труженика, если она написана в более скорое время. Тут нельзя сослаться и на то, что в картине Рафаэля оплачивается предыдущая przygotowательная работа художника. Труженик и прежде мог работать даже более Рафаэля: гению достаётся легко то, что труженик никогда не достигнет даже самою кропотливою работою. Следовательно, — заключает Чичерин, — приходится или признать, что ценность произведений определяется не одним количеством, но и качеством работы, или отвергнуть самые очевидные и неотразимые факты, как не имеющие законного основания»².

Чичерин недоумевает, в чём заключается общественный процесс сведения сложного труда к простому, который совершается за спиной товаропроизводителей. По Чичерину, если ссылаться на опыт, то не «работа» — мерило стоимостей, а деньги, причём соотношение различных «работ» определяется не свойством или продолжением самой «работы», а совершенно посторонними обстоятельствами.

Зибер в своей критике Чичерина обнаружил глубокое понимание вопроса приведения сложного труда к простому. «...Необходимо заметить, — писал Зибер, — что хозяйственный строй держится, восстанавливается и изменяется в своём составе совершенно независимо от того, дорого или дёшево покупается неработающими классами какой-нибудь десяток картин

¹ Б. Н. Чичерин, Немецкие социалисты. II. Карл Маркс, «Сборник государственных знаний», т. VI, 1878, стр. 7.

² Там же, стр. 8.

Рафаэля, точно так же как и от того, дорого или дешево получают за свою красоту какая-нибудь г-жа Лавальер или Монтеспан»¹.

Относительно высокую стоимость, создаваемую сложным трудом, Зибер объясняет предварительной специальной подготовкой. «...Более производительная и более сложная работа,— пишет Зибер,— совсем не одно и то же, так как под первую из них разумеется такая, которая, при прочих равных обстоятельствах, даёт в единицу времени более продукта, более полезностей, а под вторую такая, которая, благодаря предварительной подготовке, плотнее наполняет поры данной единицы времени, и потому имеет высшую ценность»².

По вопросу о сведении сложного труда к простому Зибер пишет: «...Общественный процесс действительно ежедневно приводит более сложную работу к простой и заставляет оплачивать дороже один час более сложной работы, нежели целый день простой. Что же касается до утверждения г. Чичерина, что не труд, а деньги служат мерилем ценности, то оно тогда только годилось бы на что-нибудь, если бы автор показал нам, чем измеряются сами деньги, или какое качество их, независимо от труда, в них заключающегося и принятого хозяйственной историей за единицу, служит для измерения труда в других товарах»³. Зибер правильно отметил существенные особенности проблемы редукции квалифицированного труда к простому: 1) частные случаи высокой оценки невоспроизводимых благ не являются нарушением закона стоимости; 2) стоимость продукта сложного труда связана со специальной предварительной подготовкой; 3) сведение сложного труда к простому представляет собой стихийный общественный процесс. Отметим, что аргументация Чичерина по вопросу о приведении сложного труда к простому переключается с несостоятельными доводами, выдвинутыми по этой проблеме против экономического учения К. Маркса Бем-Баверком — представителем вульгарной апологетической «австрийской школы», сыгравшей реакционную роль в борьбе с рабочим движением. Бем-Баверк требовал от Маркса эмпирического доказательства его теории редукции и полагал, что это доказательство заключалось бы в установлении полного соответствия в каждом отдельном случае между ценой и стоимостью товара, определяемой рабочим временем. Критики Маркса в данном случае были далеки от понимания того, что специфическая особенность обмена товаров в капиталистическом обществе заключается в том, что он осуществляется лишь

¹ Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 76.

² Там же.

³ Там же, стр. 77.

путём постоянных отклонений и нарушений. Отклонение цен от стоимости есть единственный способ проявления самого закона стоимости. Только благодаря постоянным колебаниям цен вокруг стоимости достигается такое распределение труда и средств производства между различными отраслями товарно-капиталистического хозяйства, которое обеспечивает развитие товарно-капиталистических отношений.

Чичерин, далее, подвергает критике учение Маркса об общественно необходимом труде. «По этой теории,— пишет Чичерин,— мы должны будем сказать, что на всемирном рынке цена товаров определяется средним рабочим временем всего человеческого рода, как единой рабочей силы... На деле, цена товаров определяется отнюдь не выводом среднего рабочего времени для всего человеческого рода, а просто борьбою частных сил. Более дешёвые товары вытесняют с рынка более дорогие. Конкуренция же происходит вовсе не оттого, что разнообразные силы сводятся к одной, а именно оттого, что силы разные»¹.

Зибер остроумно замечает, что критика Чичерина преисполнена глубокомыслия Ключникова, который в своём «Марева» учил, что молодого поколения не существует, потому что люди рождаются каждую минуту. «Если бы эта новая, преисполненная чисто ключниковского глубокомыслия, выходка стоила опровержения,— пишет Зибер,— то мы бы отослали г. Чичерина хоть на берлинскую или лондонскую биржу за справками о том, продаётся ли там в данный день один пуд шерсти или льна по одинаковой, или же по различной цене со всяким другим пудом такой же шерсти или льна, т. е. принимаются или не принимаются, при определении цены, в расчёт те бесконечно разнообразные «единичные силы», которые изготовляют лён и шерсть в различных закоулках нашего обширного отечества. Интересно было бы узнать, сумел ли бы г. Чичерин подметить в подобной оптовой цене какой-нибудь само-малейший след тех «единичных сил», которые вошли в состав нашего вывоза товаров»².

Таким образом, в согласии с Марксом Зибер в своих воззрениях на общественно необходимый труд исходит из предпосылки объективного существования совокупной рабочей силы, предполагающей процесс реализации всех единичных рабочих сил. Не говоря уже о смешении общественно необходимого труда с квалифицированным трудом, стоимости с ценой, весь ход рассуждений Чичерина обнаруживает, как он далёк был от понимания проблемы общественно необходимого труда, связанного с тем обстоятельством, что в стоимостях товарного мира

¹ Б. Н. Чичерин, Немецкие социалисты. II. Карл Маркс, «Сборник государственных знаний», т. VI, 1878, стр. 11.

² Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 78—79.

выражается совокупная рабочая сила общества, хотя последняя и состоит из бесчисленных единичных рабочих сил.

Чичерин критикует Маркса за то, что он в своём анализе форм стоимости вводит в отношении обмениваемых товаров полезность, от которой он абстрагировался на всём протяжении своего исследования; он критикует Маркса также и за то, что в относительной стоимости выражается стоимость, а в эквиваленте — полезность. Это, по мнению Чичерина, противоречит первому положению Маркса о том, что меновая стоимость одного товара выражается в потребительной стоимости другого. Отсюда Чичерин приходит к выводу, что анализ форм стоимости у Маркса движется на холостом ходу.

Содержательную критику этих положений Чичерина даёт Зибер. Если обе части менового отношения совершенно одинаковы, то как объяснить тот факт, спрашивает Зибер, что «все люди и во всякое время рады иметь деньги, а товары не все и не во всякое? Каким образом объясните вы то явление, что во время экономических кризисов все желают продавать и никто не хочет покупать? Независимо от этого, разве не правда, что в акте купли-продажи деньгам принадлежит качественно отличная от других товаров роль — мерил ценности, орудия обращения, орудия покупки, орудия платежа? Это ли не достаточно показывает вам, что, кроме количественного сходства, между двумя членами менового уравнения имеется ещё и качественное различие?»¹. В своей антикритике Зибер не ограничивается простым констатированием качественной противоположности полярных сторон менового отношения ссылками на факты повседневной жизни, на кризисы. Зибер правильно связывает особенности относительной формы стоимости и эквивалентной формы с явлением товарного фетишизма, с вещным характером производственных отношений товарного хозяйства. Чичерин упрекал Маркса в том, что в анализе форм стоимости Марксом снова вводится потребительная стоимость, от которой он всё время абстрагируется. «Потребительная стоимость,— пишет Зибер,— была устранена, но когда и зачем? Тогда, когда у Маркса говорилось, что в меновом отношении *уравнивается* только трата человеческих усилий. Затем, чтобы показать, что ценность как до обмена, так и в самом обмене, и полезность суть различные вещи. Когда же, вслед затем, Маркс показывает нам, что ценность товара А *выражается* в полезности товара Б и благодаря этому становится меновой ценностью, то он говорит уже нечто совершенно иное. Он указывает этим на то, что, благодаря вещному характеру разделённого по отдельным хозяйствам труда, отношения между людьми представляются им отношениями

¹ Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 81.

между вещами и что, поэтому, люди называют ценностью своего осуществлённого труда ту вещь, которую получают от других»¹. Как видно из приведённой цитаты, Зибер правильно связывает анализ форм стоимости с явлениями товарного фетишизма, который, однако, трактуется им как форма мышления хозяйствующих субъектов. Ошибка Зибера в данном случае заключается в игнорировании объективной стороны товарного фетишизма.

Противоречие видит Чичерин и в утверждении Маркса, что при определённых условиях цена товара может быть выше или ниже стоимости.

Между тем, по Марксу, закон стоимости, как закон движения товарного хозяйства; только и может осуществляться путём отклонения цен от стоимости.

Переходя к анализу марксовой теории капитала, Чичерин критикует разграничение, проводимое Марксом между метаморфозами Т—Д—Т и Д—Т—Д. «Читатель спрашивает, — пишет Чичерин, — где же мы после этого найдём простое товарное обращение, которое противопоставляется денежному? Если мы возьмём приведённый Марксом пример крестьянина-производителя, который продаёт хлеб, с тем чтобы купить платье, то мы увидим, что и крестьянин для производства хлеба должен был сначала положить деньги... Купец-капиталист делает то же самое: часть своей прибыли он употребляет на свою собственную жизнь, а другую прилагает к капиталу»². Чичерин подошёл к анализу обеих метаморфоз Т—Д—Т и Д—Т—Д с чисто формальной стороны. Чичерин был чужд понимания принципиального отличия этих двух метаморфоз, где в первом случае мы имеем производственные отношения простого товарного производства, а во втором — производственные отношения капиталистического способа производства.

В полемике с Чичериным, который считал, что крестьянин-производитель ничем не отличается от капиталиста, Зибер выдвинул ряд интересных соображений по вопросу о различии между простым товарным производством и капиталистическим производством.

Зибер пишет, что Маркс в своём «Капитале» берёт пример крестьянина, который жил на рубеже средних веков и живёт доньше во многих закоулках России, Австрии и Турции. Этим самым примером он хотел показать, что до возникновения капитала и капиталиста существовало одно только простое товаро-

¹ Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 83—84.

² Б. Н. Чичерин, Немецкие социалисты. П. К. Маркс, «Сборник государственных знаний», т. VI, 1878, стр. 17—18.

обращение, одно только удовлетворение взаимных потребностей двух или более производителей, меняющихся своими произведениями. При этом и самые даже деньги служили ещё почти исключительно одному только удобству обмена, не оказывая никакого или почти никакого влияния на образование капитала, за исключением того случая, когда они попадали в руки ростовщика. «Ни сам ростовщик, ни крестьянин-собственник, ни ремесленный мастер не могли в то время надлежащим образом превратить свои деньги в капитал, как по отсутствию свободного рабочего класса, так и вследствие цеховых стеснений. Когда же впоследствии началось накопление капитала путём производства, то и простое товарообращение усложнилось»¹.

Далее Зибер указывает, что когда с появлением капитализма вместо крестьянина как простого товаропроизводителя выступает на сцену фермер, то имеет место специфическая сделка покупки рабочей силы. «...Достаточно сравнить между собою, — заключает Зибер, — средневековый или ремесленный способ производства и нынешнюю мануфактуру или фабрику: отсутствие в первом случае купли-продажи рабочей силы и громадное её значение во втором немедленно же разрешат и устранят всякое... недоумение»². Следовательно, Зибер отчётливо представляет себе отличие простого товарного производства от капиталистического. Для него простое товарное производство не есть «леса», которые воздвигает исследователь для изучения капитализма, для него простое товарное производство не форма мышления экономиста-теоретика, желающего осознать мир хозяйственных явлений, как об этом впоследствии неоднократно писали «критики» Маркса. Для Зибера простое товарное производство — историческая реальность, оно исторически предшествует капитализму.

В тесной связи с фетишистской, вульгарно-апологетической точкой зрения Чичерина на капитал находится и его взгляд на сферу обращения как на источник создания стоимости и его критика воззрений Маркса на рабочую силу, как на товар.

Чичерин считает неправильным утверждение Маркса, что стоимость не создаётся в обращении. В своей антикритике Зибер тонко замечает, что в I томе «Капитала» Маркс не даёт анализа торгового капитала, так как для анализа этой категории нужен целый ряд промежуточных звеньев, которые в I томе «Капитала» отсутствуют. В качестве доказательства правильности своих положений Зибер ссылается на «Капитал», в котором Маркс говорит: «Чтобы объяснить возрастание торгового капитала иначе чем простым надувательством товаропроизводителей, необходим длинный ряд промежуточных звеньев, здесь совершенно не

¹ Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 88—89.

² Там же, стр. 90.

существующих для нас, так как единственной нашей предпосылкой является пока товарное обращение и его простые моменты»¹. Зибер на материале уже I тома «Капитала» понимает, что Маркс начинает свой анализ с производительного капитала, к торговому же капиталу переходит через целый ряд промежуточных звеньев.

Обстоятельную критику даёт Зибер высказываниям Чичерина по поводу марксова учения о рабочей силе как товаре. На утверждение Чичерина, что рабочая сила не есть товар, так как она является постоянным достоянием рабочего, Зибер отвечает: «...Наёмные рабочие обыкновенно работают по найму в течение целой жизни и, следовательно, не имеют физической возможности распоряжаться своею рабочею силою, раз она продана...»². На второй аргумент Чичерина, что рабочая сила потому не является товаром, что рабочий сам целесообразно направляет труд, Зибер пишет: «...Неправда и то, что рабочий и во время самой работы контролирует свою рабочую силу сам, потому что, находясь в мануфактуре или при машине, он должен делать исключительно то и так, что и как ему укажут, а за отступления от нормы он подвергается тяжкому штрафу»³. Опровергая третий аргумент Чичерина, что учение о рабочей силе как товаре противоречит включению в стоимость рабочей силы культурно-исторического момента, Зибер ссылается на факты действительности. «Никто не усомнится,— пишет Зибер,— что хотя английская работница и привыкла жить лучше итальянской, но она всё же proletарий, а не капиталист...»⁴.

Основную ошибку Чичерина Зибер видит в том, что этот критик смешал рабочую силу с трудом.

При этом Зибер отмечает, что, отвергая куплю-продажу рабочей силы, Чичерин отказывается от научных завоеваний всей классической политической экономии, начиная с XVI в. до 80-х годов XIX в. «Установление ценности рабочей силы,— пишет при этом Зибер,— соответственно средствам существования рабочего и его семейства признано было бесчисленным множеством писателей... Маркс в своём анализе рабочей силы изменил только запутанную терминологию, которая сбивала с толку лучших классических экономистов, а не самую сущность дела. ...Различие между трудом, как товаром — его-то и называет справедливо Маркс рабочей силой — и трудом, содержащимся в товаре, установлено уже давным-давно»⁵.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 171.

² Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 94

³ Там же, стр. 94—95.

⁴ Там же, стр. 95.

⁵ Там же, стр. 93.

В своём письме к Энгельсу от 8 января 1868 г., посвящённом Дюрингу, Маркс указывает, что теория заработной платы наряду с учением об общей норме прибавочной стоимости и двойственной природе труда является одним из трёх важнейших и совершенно новых элементов «Капитала». Дюринг не заметил, что в «Капитале» впервые было доказано, что заработная плата есть иррациональная форма проявления скрывающегося за нею отношения стоимости и цены рабочей силы¹. Не понимая различия между стоимостью труда, ценой труда, с одной стороны, и стоимостью рабочей силы и ценой рабочей силы — с другой, Чичерин видит только поверхность явлений. Однако Зибер также не понял того нового, что внёс Маркс в учение о рабочей силе как товаре и связанную с этим учением трактовку проблемы заработной платы. Различие между Марксом и классиками политической экономии в учении о рабочей силе и заработной плате не только терминологического характера: Маркс произвёл переворот в политической экономии и, в частности, в трактовке этих проблем.

Классики от рыночных цен труда спускались к мнимой «стоимости труда», но, как говорит Маркс, они не замечали, что ход анализа заставляет эту стоимость труда в свою очередь свести к стоимости рабочей силы.

Отвергнув взгляд Маркса на рабочую силу как на товар, Чичерин рассматривал прибавочную стоимость отнюдь не как результат эксплуатации рабочей силы, а как порождение производительной силы капитала².

То, что Маркс называет производительной силой работы, говорит Чичерин, в сущности есть производительная сила капитала. «...Почему же капиталист... должен производить даром? Очевидно, что и тут, как везде, имеется двоякая мера и двое весов.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 6—7.

² Чичерин был принципиальным противником сокращения рабочего дня. Борьба рабочего класса за восьмичасовой рабочий день вызывала в нём злобу и ужас. Так, например, в своих воспоминаниях, относящихся к пребыванию за границей, Чичерин писал: «Мы с Капустинным знакомимся и с другими курьёзами чисто английской общественной жизни. В это время между рабочими шла деятельная агитация в пользу девятичасового рабочего дня». И далее Чичерин с иронией отзываясь как о «невообразимой политико-экономической чепухе» о попытке обосновать девятичасовой рабочий день как «максимум нормального рабочего дня для всякого человека». В заключение он пишет: «В настоящее время дело идёт уже не о девятичасовом рабочем дне. Надобно надеяться, что со временем рабочий день совершенно сократится, а будет получаться только заработная плата» («Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу», кооперативное издательство «Север», 1932, стр. 106). Будучи заклятым врагом рабочего класса, Чичерин был сторонником превращения всей жизни трудящихся, всего времени рабочих в рабочее время в интересах свободного времени капиталистов-эксплуататоров.

В одном случае отвергается то, что признаётся в другом, единственно потому, что так нужно автору»¹.

Подвергая критике теорию производительности капитала, сторонником которой был Чичерин, Зибер писал: «...Если... вы употребляете выражение — машина *работает*, машина *производит* и тому под., то вы просто-напросто переносите атрибуты человека на внешнюю природу, т. е. придерживаетесь фетишизма, который представляет, как известно, одну из самых низших форм человеческого мировоззрения... Быть производителем, *производить*, — заключает Зибер, — может только человек, посредственно ли, т. е. прямо головой и руками, или же косвенно, т. е. сперва *произведя* для этого орудия, и потом, с помощью этих удлинённых членов своего тела, комбинируя нужным для себя образом силы природы, которые, если что и производят, то разве только сами себя»².

Чичерин по существу выступает как сторонник вульгарно-апологетической теории Сэя, который не проводил различия между трудом человека и работой машины и выводил прибыль, получаемую капиталистом, из действия одного из «производительных фондов» — приложенного капитала.

В заключение Чичерин подвергает критике марксову теорию крушения капитализма.

Чичерин возражает против теории Маркса о концентрации производства в руках немногих магнатов капитала и разорения мелких производителей. «...Мы знаем, напротив, — пишет Чичерин, — что в новой Европе, и именно вследствие капиталистического производства, всё более и более растёт средний класс, который является главным деятелем, как в промышленном производстве, так и в политической области»³.

Для того, чтобы опорочить марксову теорию пролетарской революции, Чичерин ссылается на революцию 1848 г., когда, по его мнению, было провозглашено начало экспроприации богатств в пользу бедных и в результате зажиточные классы начали относиться с недоверием к демократическим учреждениям⁴.

¹ Б. Н. Чичерин, Немецкие социалисты. II. Карл Маркс, «Сборник государственных знаний», т. VI, 1878, стр. 32.

² Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 100.

³ Б. Н. Чичерин, Немецкие социалисты. II. Карл Маркс, «Сборник государственных знаний», т. VI, 1878, стр. 37.

⁴ В своих «Воспоминаниях», написанных в последние годы его жизни, Чичерин прямо указывает на то, что, начиная ещё с периода революции 1848 г., он преклонялся перед западноевропейской вульгарной политической экономией. Оказывается, что, разочаровавшись в «жизненной силе демократии, в теоретическом значении социализма», он «получил большое уважение к Бастиа, и это уважение ещё возросло при чтении его «Экономических гармоний», которые возвратили его к «началу свободы, как истинному основанию экономических отношений в образованных обществах» («Воспоминания Бориса Ни-

Классовый инстинкт заставил Чичерина понять смертельную опасность для господствующих классов поднятой Марксом борьбы против капитализма, как строя угнетения и эксплуатации, за диктатуру рабочего класса. Чтобы опорочить этот важнейший вывод, увеличивающий экономическую теорию Маркса, Чичерин ссылается на «опыт» истории, который якобы показывает, что неимущие ещё «нравственно не доросли» до постановки подобного рода задач. Это обычный клеветнический приём, применяемый врагами марксистского учения о пролетарской диктатуре. Судьба низших классов, снисходительно замечает Чичерин, заслуживает внимания и теоретиков и государственных людей, «но разрешения этих вопросов следует искать не в извращении экономических законов, управляющих человеческими обществами»¹. Социализм, по Чичерину, не является случайным заблуждением человеческого ума, «он составляет необходимый момент в развитии мысли, но момент, по своему содержанию, всё-таки радикально ложный»². Для социализма, по Чичерину, характерно: 1) крайнее развитие исключительного идеализма, 2) отрицание частного во имя общего, 3) поглощение лица государством, 4) отрицание опыта, выработанного историей, во имя фантастического будущего.

Рассматривая собственность не как исторически обусловленное общественное отношение, а как продукт природы человека, разумно свободного существа, Чичерин клеветнически утверждает, что «отрицание собственности составляет самую сущность социализма».

Рассуждения Чичерина о социализме и его социально-экономические воззрения вскрывают подлинное реакционное лицо его как врага революции, как сторонника мирного, постепенного течения исторического процесса.

Чичерин — певец «освободительной» реформы 1861 г., сторонник прусского пути капиталистического развития России.

колаевича Чичерина. Москва сороковых годов», изд. М. и С. Сабашниковых, 1929, стр. 76—77).

Чичерин не только восторженно отзывался о западноевропейской вульгарной политической экономии, но и вообще некритически относился к западноевропейской культуре. Он перед ней низкопоклонствовал, всячески её идеализировал, видел в ней предел. Так, например, в своих «Воспоминаниях» он писал: «Европа дала мне всё, что могла дать. Я собственными глазами видел высшее, что произвело человечество, в науке, в искусстве, в государственной и общественной жизни. И я не мог не убедиться, что всё это бесконечно превосходило то, что я оставил в своём отечестве» («Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу», 1932, стр. 126). Чичерин принадлежал к той группе русских буржуазных учёных, раболепствовавших перед иностранщиной, учёных-космополитов, которую разоблачали ещё русские революционные демократы.

¹ Б. Н. Чичерин, *Немецкие социалисты*. II. Карл Маркс, «Сборник государственных знаний», т. VI, 1878, стр. 39.

² Там же, стр. 38.

В то же время он — критик «Капитала», вдохновляемый вульгарными экономистами Сэем и Бастиа; он — ярый враг социализма¹.

Убийственную характеристику «критики» Чичериным «Капитала» дал К. Маркс в письме к Н. Ф. Даниельсону от 28 ноября 1878 г. Маркс писал: «Мои русские друзья уже подготовили меня к тому, что от г. Чичерина следует ждать весьма слабого произведения, но действительность превзошла мои ожидания. Он, очевидно, не знаком с элементарными понятиями политической экономии и воображает, что пошлости Бастиа и его школы, будучи высказаны от его собственного имени, превращаются в оригинальные и непререкаемые истины»².

¹ Б. Н. Чичерин был избран в 1893 г. в почётные члены Академии наук. Помимо других «заслуг» Б. Н. Чичерин был избран, как это значится в представлении, за «тонкую критику социализма» (Архив АН, ф. 1, оп. 2, приложение к протоколам ОС 1893 г. § 143. Цит. по статье П. М. Стулова «Академики-экономисты 70—90-х годов о Карле Марксе», «Вестник Академии наук СССР» № 3, 1933 г., стр. 27).

Острую критику идеологов реакции на языке бичующего памфлета дал В. Зайцев в газете «Общее дело», выходившей в Женеве. Констатируя наличие в так называемом образованном обществе «вавилонского смешения» всевозможных принципов, идей, мнений с самыми различными понятиями, профессиями, положениями, В. Зайцев писал: «Берём первый попавшийся журнал, читаем первое попавшееся объявление: вышел-де Сборник Государственных Знаний. Тут и статья о Марксе Б. Чичерина... Но в ту же минуту вспоминаешь, что все эти государственные мужи и философы только что кого-нибудь высекли, или присутствовали при порке, или собираются сесть, или построили православные церкви и обратили униатов, или сняли соломенные крыши с крестьянских изб для взыскания недоимок, или надули на целковый рубль мужика, или донесли полицмейстеру на нигилиста учителя, или поставили втроедорога в казну негодную клячу...» (В. З., Наши шансы, «Общее дело» № 11, 1878 г., стр. 3—4).

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 99.

Глава шестая

Н. И. ЗИБЕР КАК НАУЧНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ В РОССИИ 70-х И НАЧАЛА 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Николай Иванович Зибер был виднейшим русским экономистом 70—80-х годов. Перу Зибера принадлежит ряд крупных работ и множество статей. Из сочинений Зибера кроме его основной работы «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» отметим перевод сочинений Рикардо (1873 г.), явившийся крупным событием в экономической литературе, так как в России того времени не было ни одного перевода сочинений Рикардо, ни одной серьёзной, посвящённой этому экономисту работы.

В своих произведениях Зибер выступает как оригинальный и самостоятельный учёный, пытавшийся в своеобразной системе взглядов, в теоретико-экономических исследованиях базироваться на экономическом учении К. Маркса, на «Капитале» и других работах К. Маркса.

Роль Зибера приобретает тем большее значение, что его творчество протекало на фоне «заговора молчания», которым встречали буржуазная наука и публицистика Запада гениальные произведения Маркса.

Большой известностью пользовалась книга Зибера «Очерки первобытной экономической культуры», которая являлась первым крупным исследованием на русском языке, основанным на громадном фактическом материале и посвящённым проблемам первобытного общества.

Зибер напечатал ряд работ в журналах того времени: в «Знании», «Слове», «Отечественных записках», «Вестнике Европы», в «Русской мысли» и в «Юридическом вестнике». Зибер первый в России стал пропагандировать работу Энгельса «Анти-Дюринг». Он дал следующую оценку «Анти-Дюринга»: «Книга эта заслуживает особенного внимания как ввиду последовательности и цельности проводимых в ней философских и общественно-экономи-

ческих понятий, так и потому, что для объяснения практического приложения метода диалектических противоречий она даёт ряд новых иллюстраций и фактических примеров, которые не мало способствуют ближайшему ознакомлению с этим столь сильно прославляемым и в то же время столь сильно унижаемым способом исследования истины. Можно сказать, повидимому, без преувеличения, что в первый ещё раз с тех пор, как существует так называемая диалектика, она является глазам читателя в таком реальном освещении»¹.

Статья Н. Зибера об «Анти-Дюринге» осталась незаконченной, несмотря на обещание редакции дать продолжение статьи в последующих номерах «Слова». Оказывается, цензура не пропустила даже изложения «Анти-Дюринга» без упоминания автора!

Вторым откликом Н. И. Зибера на «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса была его статья, помещённая в № 15 журнала «Критическое обозрение» за 1879 г. Работы Дюринга, в особенности его философские произведения, были известны русским учёным в 70-х годах, следившим за развитием философской мысли Запада.

Под влияние воззрений Дюринга попадали и представители революционно настроенной молодёжи конца 70-х годов, которые пытались самым причудливым образом «синтезировать» идеи Маркса с идеями Прудона и Дюринга. Поэтому статьи Зибера об «Анти-Дюринге» немало содействовали делу разоблачения реакционных философских взглядов Дюринга.

Условия русской действительности — развивающийся в стране капиталистический способ производства, борьба между различными направлениями русской общественной мысли вокруг вопроса о перспективах народнохозяйственной жизни страны, в частности народнические идеи об особых путях русского исторического процесса, — предопределили основную тематику научного творчества Зибера: его интерес к проблемам первобытного общества и к экономическому учению К. Маркса.

Ещё в студенческие годы Н. И. Зибер пришёл к выводу, что самой злободневной проблемой русской жизни является вопрос о перспективах капиталистического развития России, который мог быть правильно разрешён, как он это считал, лишь на основе экономического учения К. Маркса. Зибер полагал, что развитие капитализма в России неизбежно в силу объективных законов исторического процесса. Он отрицательно относился к народническим утопическим теориям о возможности для России миновать капиталистическую стадию развития в силу наличия крестьянской общины. Зибер вскрыл всю несостоятельность воззрений на-

¹ Н. З., Диалектика в её применении к науке, «Слово», ноябрь 1879 г., стр. 117.

родников на русскую общину, которые исходили из предпосылки о якобы прирождённости этого социального института русскому народу, а поэтому всякое посягательство на эту «исконную» для русского общества форму землевладения считали противоречащим всему ходу русской истории.

Зиберу принадлежит крупная научная заслуга обоснования наличия коллективных форм владения землёй у всех народов на ранних ступенях общественного развития.

Зибер утверждал, что «экономическая сторона быта народов, стоящих на первоначальных ступенях развития», которая должна быть положена в основу изучения первобытного общества, обычно игнорируется в сочинениях по народоведению. А это приводит к тому, что исследователи не пытаются «связать рациональной нитью экономическую организацию данной ступени развития с организацией семьи на той же ступени, между тем, как всё заставляет подразумевать, что различные роды семьи, как, напр., полиандрия, полигамия, экзогамия и эндогамия, семья римская, германская, славянская и пр., находятся в теснейшей зависимости от экономического строя общества»¹. Упуская эту зависимость, исследователи, писал Зибер, становятся на путь ненаучный, стараясь вывести одну форму из другой наподобие логических понятий.

Зибер показал, что «в Индии, в Греции и в Италии земля была, как и в Германии, обладаема сообща, прежде чем сделалась собственностью семейства или индивидуума»². Зибер прямо указывал, что общинная собственность на землю не есть чисто русская особенность, а представляет собой универсальный факт исторической жизни различных народов.

На основании изучения огромного конкретного материала о землепользовании и формах земельной собственности у европейских и неевропейских народов Зибер считал необходимым рассматривать индивидуальную недвижимую собственность как новую идею, которая постепенно развилась из коллективного права на землю³.

Зибер утверждал, что существует тесная связь, непосредственная зависимость и «историческое соотношение» между «идею индивидуального обладания вещами и прогрессом открытий и изобретений». «Разделение труда,—писал Зибер,—представляет одно из первых инстинктивных изобретений, ведущих к увеличению

¹ Н. З., К истории русской общины. Рецензия на книгу П. А. Соколовского «Экономический быт сельскохозяйственного населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом», «Слово», август 1879 г., стр. 196—197.

² Н. И. Зибер, О коллективном характере первоначальной недвижимой собственности, Собрание сочинений, т. I, Спб. 1900, стр. 47.

³ См. там же, стр. 27.

производительной силы труда, а между тем оно оказывает под видом меновых сношений и общественной организации в высшей степени крупное влияние на разложение общинного землевладения»¹. И далее Зибер конкретизирует этот тезис. Так как труд и его организация представляют собой «самые решительные элементы общежития», то по мере специализации труда, по мере превращения той или другой профессии в пожизненную функцию необходимо «специализируется и обладание вещами». А это неизбежно отражается на судьбах деревенской общины. По мере роста в ней населения вследствие образования крупного поместного владения непременно рано или поздно наступит такой момент, цитирует Зибер Соколовского, когда «естественно последует уничтожение пределов на подворные участки, округление этих участков и вообще возникновение права мелкой собственности»². Таков, по Зиберу, объективный, стихийный ход исторического развития, независимый от воли и сознания людей. Что касается России, то Зибер утверждал, что под воздействием роста производительных сил, капиталистического развития страны община стала разлагаться.

Зибер рассматривает возникновение частной собственности на базе разложения общины в качестве универсального закона исторического развития. По его мнению, эта закономерность в различных конкретных исторических условиях может подвергнуться видоизменению, модификации.

Своими воззрениями на общину, на неизбежность её разложения, на закономерности развития частной собственности Зибер подкапывался под один из важнейших устоев народнической доктрины.

Он считает также ошибочными воззрения народников на тенденции развития русской промышленности. Так, например, в своей большой рецензии на книгу В. В. «Судьбы капитализма в России» Зибер подвергает критике заявления В. В. о «декапитализации» кустарных промыслов. В противовес В. В. Зибер утверждает, что русские кустарные промыслы в громадном большинстве случаев «капитализированы». Это выражается хотя бы в том, что производимые кустарями продукты сбываются ими монополистам-купцам, не говоря уже о том, что зачастую, «оставаясь дома, они работают по материалу предпринимателя и в сущности являются не самостоятельными ремесленниками, а батраками капитала»³.

¹ Н. З., К истории русской общины. Рецензия на книгу П. А. Соколовского «Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом», «Слово», август 1879 г., стр. 204.

² См. там же.

³ П. С., Капитализм в России, «Вольное слово» № 41, 1882 г., стр. 13.

Подчёркивая неблагоприятные гигиенические условия, при которых совершается работа на дому, страшное изнурение от продолжительной работы, Зибер пишет, что невольно придёшь к выводу, что «живётся лучше там, где есть полный капитализм, нежели там, где он ещё прячется и маскируется, но уже знатно грабит условия существования рабочих»¹.

Зибер также считает необоснованными утверждения В. В., что иностранная мелкая промышленность ещё достаточно сильна и может развиваться в «ассоциационном направлении». Он указывает на несостоятельность всех попыток к «ассоциации без капитала», которые предприняли ремесленники за границей. В качестве иллюстрации Зибер ссылается на швейцарскую часовую промышленность и промышленность музыкальных коробок, положение которых оказалось в те годы сильно подорванным в результате конкуренции американских фабрик. Что касается швейцарских земледельцев, которые занимаются также промышленностью на дому или работают на фабрике, то их занятие земледелием оказывается весьма выгодным для капиталистов, так как этим создаётся для них «оседлый класс рабочих».

Неубедительной считал Зибер также ссылку В. В. на прусскую перепись 1875 г. в целях доказательства того, что число рабочих в мелкой промышленности превышало в 3,5 раза число рабочих, занятых в крупной промышленности. Цифры эти несостоятельны, писал Зибер, для «обнаружения сравнительного значения ремесла» потому, что, как указывала немецкая печать, громадное большинство этих мелких ремесленников хотя и работает дома, но состоит в найме у фабрикантов.

В критике Зибера воззрений В. В. подчёркнуты, таким образом, весьма существенные особенности кустарного производства: преобладание капиталистической эксплуатации в кустарных промыслах, что вопреки очевидным фактам игнорировалось народниками; порабощение кустарей скупщиками; доминирующая роль домашней системы крупного производства; безобразно низкая оплата труда, т. е. грубые крепостнические формы эксплуатации в результате неполного подчинения труда капиталу.

Зибер упрекал народников в лице В. В. также за их преклонение перед самодержавным царским режимом, за их чаяния, которые они возлагали на русский абсолютизм в деле осуществления их экономической программы. Зибер писал, что «из чрезмерной ненависти к капитализму, автор преувеличивает даже значение абсолютной власти в России и одаряет её такими добродетелями и прочностью, в которых она вовсе не виновна»².

¹ П. С., Капитализм в России, «Вольное слово» № 41, 1882 г., стр. 13.

² Там же, стр. 15.

Он полемизирует с мнением В. В., будто русское правительство желает бороться с кулаком, в то время как именно «оно-то самое и есть архи-кулак». Он напоминает, что в России, как ни в какой другой капиталистической стране, рабочие отданы в безграничную власть фабрикантов, которые предают их «всевозможным мучительствам», что в России рабочие «не ограждены от совершенно скотской жизни никаким законодательством»¹.

В скором изменении формы правления в России, писал Зибер, не приходится сомневаться. И далее он указывает на те причины, которые неизбежно должны привести к изменению государственного строя в России. Эти причины он видит в росте производительных сил страны, в условиях её капиталистического развития. Анализируя те обстоятельства, которые должны были привести Россию к неизбежному изменению её государственного строя, Зибер указывает на «общее развитие цивилизации, в котором *осложнение общественной организации, распределение страны на города и сёла, расчленение народа на отдельные классы, влияние капиталистической Европы* играло громадную и неотменную роль»².

Таким образом, Зибер правильно критикует В. В. за то, что он считал русскую буржуазию случайностью и не видел её связей с государственным строем. Зиберу ясно, что политические порядки коренятся в экономических условиях, что они ими обусловлены.

Отмечая благотворительную роль, которую оказал капитализм на судьбы исторического развития России, Зибер высказывает общие соображения о тенденциях развития капитализма как исторически определённого способа производства.

В противоположность В.В., который рассматривал капитализм как явление «частное и второстепенное», Зибер утверждал, что капитализм, будучи явлением универсальным, возникает во всяком обществе на известной ступени его развития и «расчленяет на классы народы всего мира, ведёт к обогащению одних классов и к разорению других, порождает в обществе крайний эгоизм, подсекает здоровье рабочего класса, — но в то же время безмерно ослабляет политическую власть, связует в одно целое рабочие классы всех народов, социализирует производство и потребление, вводит фабричное законодательство, чем облегчает наносимое рабочим зло, и всё же делает в пользу окончательного мира больше, чем все предыдущие ступени развития на земле»³.

Что касается России, то, по мысли Зибера, капитализм в ней «не разовьётся до конца», но «вовсе не вследствие частности своего

¹ П. С., Капитализм в России, «Вольное слово» № 41, 1882 г., стр. 15.

² Там же.

³ Там же.

характера, а потому, что придёт раньше к окончанию в других странах»¹.

Вместе с тем Зибер считает, что для противодействия вредным последствиям капитализма необходимо всестороннее изучение подлинного хода исторического процесса, изучение окружающей действительности в многообразии её «универсальных учреждений», со всеми их «недостатками и достоинствами, чтобы дать возможность воздействием на практику уменьшить первые и увеличить последние».

Итоговый вывод Зибера следующий: «Противодействовать вредным последствиям капитализма следует, но думать *о полном его упразднении, пока он не упразднится сам*, значит думать поднять себя за волосы»².

Итак, догме либеральных народников, что России предстоят особые пути исторического развития в силу наличия в ней общинного землевладения и «народного производства», Зибер противопоставил убедительные соображения о неизбежности разложения общины и процессе «капитализации» кустарных промыслов. Община, по его мнению, существовала у всех народов на определённой ступени исторического развития. Разложение общины, возникновение частной собственности на землю — это всеобщий закон исторического развития. Что касается России, то в ней община уже разлагается и всякие мечтания о её сохранении противоречат объективным законам исторического развития³.

¹ П. С., Капитализм в России, «Вольное слово» № 41, 1882 г., стр. 15.

² Там же.

³ О критическом отношении Н. И. Зибера к воззрениям народников на русскую общину свидетельствуют некоторые дореволюционные исследователи русского народного хозяйства, а также материалы мемуарного характера. Так, например, И. Гурвич писал: «Родоначальники скептического отношения к общине в русской литературе — покойный Зибер и М. М. Ковалевский, весьма определённо высказывавшиеся по этому вопросу ещё в семидесятых годах. Наряду с ними нужно поставить Глеба Успенского. Никто так много не сделал, как он, для развенчания иллюзии мужицкого «коммунизма». С этой стороны Глеб Успенский ждёт ещё оценки экономической критики. К концу семидесятых годов труды этих писателей успели создать небольшую горсть адептов, совершенно, впрочем, теряющуюся в народнической массе» (И. Гурвич, Экономическое положение русской деревни, М. 1896, стр. VIII—IX). Об отрицательном отношении Зибера к социально-экономической программе народников свидетельствует и П. Б. Аксельрод. В письме к Г. В. Плеханову в феврале 1903 г. он писал: «Впервые мне пришлось услышать ясное, вполне определённое осуждение народнических взглядов на капитализм и общину из уст Зибера. Но на вопрос: «что же делать нам, русским социалистам», он ничего не ответил. Вывод получается такой: крестьянство предоставить на волю исторической стихии, а самим сделаться либералами, или же совсем сидеть сложа руки» («Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. II, М. 1925, стр. 197). Д. Н. Овсяннико-Куликовский также утверждает, что Зибер отрицал «спасительность так называемых коренных «начал» или «устоев» русской жизни. Народничество он отвергал всецело; крестьянская община была, в его глазах, лишь жалким пережитком прошлого, обречённым на гибель» (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания, изд. «Время», П. 1923, стр. 147).

Кустарные промыслы, в которых эксплуатация наёмного труда доходит до чудовищных размеров, знаменуют собой наличие низших стадий капиталистического развития, культивирующих застои, деградацию в условиях производства. Таким образом, точке зрения В. В., что у буржуазии нет глубоких корней в русских производственных отношениях, что это не более как «пройдохи», Зибер противопоставил взгляд, что речь идёт о капиталистическом развитии России как результате стихийного хода исторического процесса, как продукте предшествующего общественного развития.

Что касается смены капитализма вообще, и в частности русского капитализма, более прогрессивной общественной формой, то Зибер выдвигает чисто фаталистический прогноз: капитализм должен «упраздниться сам». Из утверждения, что в русской действительности царит буржуазия, Зибер отнюдь не делает вывода, что нужно идти к антиподу буржуазии — к пролетариату. Зибер правильно подчёркивал факт идеализации народниками политического режима в России, но, критикуя абсолютизм, ратуя за политическую свободу, Зибер не вскрыл антагонистического характера общественных отношений в России, не выяснил исторической роли рабочего класса как передового борца за освобождение всех трудящихся.

Всё это, конечно, не случайно. Это объясняется в конечном счёте историческими условиями, в которых протекало творчество Н. И. Зибера, ранним этапом развития капитализма в России. Отсюда и своеобразие понимания Зибером экономического учения К. Маркса. Зибер подвизался как пропагандист «Капитала» К. Маркса, как комментатор экономического учения К. Маркса, но материалистическая диалектика, революционная сторона марксизма, Зибером не была усвоена. Зибер, как это будет видно из дальнейшего изложения, дал такое толкование экономического учения Маркса, которое было теоретическим основанием для выводов, что на смену капитализму должен прийти новый, более передовой, коллективистический строй, но не в силу присущих капитализму противоречий, а в результате плавного, спокойного. «без скачков», эволюционного его развития.

Это была идеология радикального буржуазного реформаторства — развития буржуазного законодательства, культивирования кооперативных форм предприятий и т. д. Дело, конечно, не в том, что Зибер отстаивал необходимость частных реформ в условиях капиталистического способа производства. Всю борьбу с капитализмом он сводил к этим частным реформам, он стоял на позициях борьбы с капитализмом его же средствами, он не признавал классовой борьбы пролетариата в целях насильственного ниспровержения капиталистической общественно-экономической формации

Н. И. ЗИБЕР КАК ЭКОНОМИСТ

В своих социологических воззрениях Зибер признавал эконо­мику единственной силой общественного развития.

«Экономические отношения,— говорил Зибер,— всегда и вез­де играли, играют и будут играть роль самую первостепенную, так как для человечества вопрос о способах существования всегда стоял на самом первом плане»¹.

Зибер неоднократно указывает на примат экономики по отно­шению к праву: «Право есть не более не менее, как юридическое отражение соответствующего экономического строя»².

Он подчёркивает, что, по Марксу, право представляет собой не что иное, как «надстройку над зданием общественной продук­ции»³.

Зибер полемизирует с Родбертусом, который, по его мнению, придаёт праву слишком самостоятельное значение в хозяйствен­ной жизни общества.

Понятие о собственности, которая определяется Зибером как отношение между двумя лицами, принявшее «вещную оболочку», нелегально, полагает он, без двух существенных идей: одна из этих идей — «общество», другая — «общественно-экономический производственный процесс»⁴.

Собственность как проявление присвоения сначала «добавоч­ного труда рабов, потом холопов, потом наёмных батраков пло­допеременного хозяйства»⁵ предполагает систему общественно разделённого труда и военно-общественную иерархию отдельных должностей и функций.

Зибер указывает, что преобразования права собственности в ходе истории коренятся в развитии общественно-экономи­ческой организации, которую право собственности санкциони­рует.

Интересно отметить также его высказывание о государствен­ном строе: «...Теперь же государство Запада представляет не что иное, как различные оттенки диктатуры в руках различных фракций среднего сословия»⁶. Во всех этих высказываниях Зибер правильно подчёркивает примат экономики по отношению к праву и политике.

¹ Н. З., Ф. Лассаль сквозь очки г. Б. Чичерина, «Слово», апрель 1878 г., стр. 74.

² Николай Зибер, Карл Родбертус-Ягцов и его экономические исследова­ния, «Юридический вестник» № 1, 1881 г., стр. 55.

³ Н. З., Мысли об отношении между общественною экономией и правом, «Слово», июнь 1880 г., стр. 66.

⁴ Н. З., Ф. Лассаль сквозь очки г. Б. Чичерина, «Слово», апрель 1878 г., стр. 69.

⁵ Там же, стр. 72.

⁶ Там же, стр. 76.

По вопросу о предмете политической экономии Зибер даёт ряд формулировок, определяющих политическую экономию как науку общественную, изучающую закономерности общественных явлений.

Вещи, по Зиберу, добываются при помощи труда или достаются людям даром. Если вещи первого рода являются источником отношений между обществом и вещами, а равно и между членами общества по поводу вещей, то даровые блага находятся в отношениях только с отдельными лицами.

«Общественная экономия может иметь дело исключительно с общественными отношениями и потому, естественно, оставляет в стороне отношения второго рода»¹.

Зибер неоднократно подчёркивает историческую обусловленность производственных отношений, он ведёт борьбу с отождествлением различных хозяйственных форм, с подведением под одни и те же законы хозяйственной жизни различных времён и народов.

Зибер подчёркивает, что политическая экономия — наука общественная, что исторический процесс представляет собой смену различных хозяйственных форм, которым присущи особые закономерности. Это свидетельствует о том, что он понимает общественный характер политической экономии и историческую обусловленность общественных отношений².

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, Соцэкгиз, 1937, стр. 239. (В дальнейшем название этой книги будет даваться сокращённо.)

² У Зиберы иногда встречаются формулировки, в которых он склонен, правда в условном смысле этого слова, говорить о стоимости и прибавочной стоимости в царстве животных. В своей статье «Экономическая теория Маркса» («Знание» № 1, 1874 г.), говоря об откликах на «Капитал» в Германии, Зибер писал: «Рецензент (повидимому, Рёсслер.— А. Р.) задаёт Маркусу, между прочим, следующий вопрос: «мы бы желали, чтобы нам кто-нибудь, наконец, объяснил, почему пища, поступающая в желудок работника, служит источником образования прибавочной ценности, а пища, съедаемая лошастью или воллом, не имеет такого же значения?». Если бы такой «кто-нибудь» действительно нашёлся, в чём автор рецензии заявляет решительное сомнение, то он, вероятно, объяснил бы дело так, что экономисты и социологи, к числу которых принадлежит и Маркс, имели до сих пор слабость думать, что главный предмет их исследований представляет человеческое общество, а не общество домашних животных, рогатых и иных, а потому и занимались тою прибавочною ценностью, которая производится человеком; займись они, подобно Дарвину, естествознанием, они, вероятно, нашли бы нечто вроде прибавочной ценности и у разных других животных — напр., у некоторых пород муравьёв или у пчёл (стр. 44)». Не удовлетворённый ответом Зиберы, Маркс в своих заметках об этой статье писал:

«Ответ, который Зибер не находит: потому что в одном случае пища производит человеческую рабочую силу (людей), а в другом — нет. Стоимость вещей есть не что иное, как отношение, в котором люди находятся друг к другу, как выражение израсходованной человеческой рабочей силы. Господин Рёсслер очевидно думает: если лошадь работает дольше, чем необходимо для про-

Ставя в заслугу Марксу, что он применил в области политической экономии единый и цельный метод исследования, тщательно продуманный во всех частностях, Зибер отмечает поразительно логическую последовательность грандиозного сооружения «Капитала», базирующегося на нескольких основных предпосылках.

«...Сила ума К. Маркса поразительна, как в этом сознаются даже собственные его враги, и как в этом можно убедиться даже всякому не посвящённому из одной только строжайшей логической последовательности, с которою он сооружает здание социальной экономии на нескольких основных фактах общественной организации, ни разу не забывая принятых им предпосылок и не уклоняясь от них ни на волос»¹.

Отдавая дань большим достоинствам метода Маркса, Зибер в то же время не решается категорически утверждать о пригодности диалектического метода, который он отождествляет с эволюционной теорией, к применению в различных отраслях науки. Зибер пишет: «...Мы, с своей стороны, воздержимся от суждения о годности этого метода (диалектики.— А. Р.) в применении к различным областям знания, а также и о том, представляет ли он собою или не представляет,— насколько ему может быть придаваемо действительное значение,— простое видоизменение или даже прототип метода теории эволюции или всеобщего развития»².

К вопросу о том, что диалектику следует рассматривать как эволюционную теорию, Зибер возвращается в своих работах неоднократно.

Зибер вообще не склонен был придавать серьёзное значение выбору того или иного метода; выводы как результат исследования являются, по Зиберу, пробным камнем правомерности применённого метода.

Зибер не только отождествляет марксову диалектику с эволюционной теорией, не только воздерживается от признания её единственно подлинным научным методом, но под диалектикой он склонен понимать своеобразный способ изложения. Зибер соглашается с критиками Маркса, что «диалектическую сторону своего изложения Маркс, кажется, мог бы действительно

изводства стоимости лошадиной силы, то она создает стоимость таким же образом, как рабочий, который работает 12 часов вместо 6. В таком случае это имеет место и с каждой машиной» («Из черновой тетради К. Маркса», «Летописи марксизма», кн. IV, 1927 г., стр. 61).

Высказывания такого рода — о применимости в известной степени категорий политической экономии к царству животных, о наличии объекта для этой науки и вне человеческого общества — для Зибера не характерны.

¹ Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 64.

² Н. З., Диалектика в её применении к науке, «Слово», ноябрь 1879 г. стр. 117.

немножко сократить, не нанося тем ни малейшего ущерба делу»¹.

Зибер указывает на «несколько схоластический язык», которым написан «Капитал», на «тяжеловесность аргументации, закованной в непроницаемую броню человеческих противоречий». Зибер противопоставляет способ изложения у Маркса, который, как он считает, носит априорный характер, самому содержанию его учения, опирающегося на факты реальной жизни. «...У Маркса мы читаем,— пишет Зибер,— что исследования его носят априористический характер лишь настолько, насколько речь идёт об одном лишь способе изложения (Darstellung); что же касается до самого их содержания, то оно строго ограничивается пределами фактической действительности»².

Таким образом, взгляд Зибера на диалектику как на произвольную схему исследования, как на априористический способ изложения, характеризуются отчётливо выраженными чертами субъективизма. Зибер не понимает, что материалистическая диалектика является душой «Капитала» К. Маркса, что метод Маркса не является априорной конструкцией исследователя, что он соответствует действительности; будучи результатом изучения этой действительности, он является в то же время исходным пунктом её дальнейшего познания.

Зибер не понимал, что только благодаря единственно научному методу материалистической диалектики Маркс мог дать своё учение, правильно отражающее ход общественного развития. Однако если Зибер и не понимает марксову диалектику, то он далеко не эмпирик. Зибер, прошедший школу классической политической экономии, понимает роль абстракции в изучении хозяйственных явлений. Подвергая критике теорию стоимости Маклеода, он писал: «Не думаем..., что цель индуктивной философии заключается в применении законов, выведенных из отдельных случаев, ко всяким другим случаям. Выводы, делаемые без предварительного классифицирования явлений,— не выводы, а просто бессмыслица»³.

Чичерин — один из участников полемики вокруг «Капитала» К. Маркса в 70-х годах — обвинял Маркса в том, что он вместо наблюдения начинает с отвлечения. Зибер ему разъясняет, что отвлечение и наблюдение не только не исключают друг друга, но, напротив того, отвлечение только и характеризует собою наблюдение, что «отвлекать точным образом представляет абсолютно необходимое условие для правильного исследования, и что по-

¹ Н. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 9.

² Там же.

³ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 122.

добное отвлечение производится именно от различных сторон действительности, чтобы тем рельефнее выставить другие её стороны»¹.

Таким образом, Зибер правильно указывает Чичерину, что последний противополагает опыт абстракции, как будто бы абстракция имеет дело с царством теней.

При теоретической разработке тех или иных хозяйственных явлений экономисты, полагает Зибер, совершали ряд крупных методологических ошибок, которые дали начало большинству заблуждений в теории стоимости и капитала.

Первая ошибка состояла в отождествлении общественного хозяйства с частным. Зибер устанавливает следующие пункты различия между общественным и частным хозяйством:

Во-первых, результаты простого и сложного сотрудничества, которые порождают значительное увеличение производительной силы труда, наиболее рельефно выступают в совокупности хозяйств.

Во-вторых, все части общественного хозяйства находятся во взаимной между собой зависимости. «Зависимость эта такого рода,— указывает Зибер,— что, под страхом неправильных заключений, никогда не следует упускать из виду действие какой-нибудь силы на известном пункте — на другой соседний или отдалённый пункт, или на всю совокупность хозяйств»².

В-третьих, подчинённое положение частного хозяйства по отношению к общественному — как следствие взаимного соотношения их в качестве целого и части. Подчинённость эта, по Зиберу, выражается в том, что «каждое частное хозяйство в своих внешних сношениях с другими частными же хозяйствами должно непременно подчиняться тем условиям, которые вырабатываются и ставятся целой массой хозяйств»³.

Вторая важная ошибка экономистов, полагает Зибер, заключается в нарушении методологического правила, что всякое общественно-экономическое явление должно быть наблюдаемо в чистом виде и с соблюдением времени и места его действительного совершения.

И, наконец, третью ошибку экономистов Зибер видит в некритическом смешении разнообразных, иногда противоположных явлений, фигурирующих, однако, под общим названием, что ведёт к ложным выводам о законах, управляющих известным кругом явлений.

В приведённых высказываниях Зибер обосновывается противопоставление общественного хозяйства частному, обосновывается идея примата общества над индивидуумом.

¹ Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 67.

² Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 17—18.

³ Там же, стр. 20.

Полагая, что задача науки — раскрытие связей и закономерностей общественного производства, которые определяют явления индивидуального производства, Зибер подчёркивает как один из важнейших принципов методологии марксистской политической экономии, что отправным пунктом исследования является общественно обусловленное производство индивидов.

Зибер неоднократно подчёркивает определяющую роль производства по отношению к обмену и распределению.

По Зиберу, при изменениях соотношений спроса и предложения «...прочно и неизменно действует закон преобладания производственных отношений над распределительными, условия производства управляют условиями обмена»¹.

По мнению Зибера, полагать, что распределение богатства является делом человеческой воли, значит «не иметь ни малейшего понятия об относительном значении различных экономических явлений»².

Ряд интересных замечаний имеется у Зибера и по вопросу о способе изложения, о порядке экономических категорий. Зибер полагает, что исследование должно идти от простых явлений к более сложным. Он ратует за необходимость применения абстрактного, дедуктивного метода. Он пишет: «Вместо того, чтобы... начинать исследование с наблюдения наиболее *простых, крупных и общих* явлений капитала и *постепенно* переходить к тем осложнениям, которые прирастают к этим явлениям сначала вообще, потом в отдельных странах и в отдельные эпохи, весьма многие писатели или *сразу* кидаются в определение наиболее сложных форм упомянутых явлений, или, что ещё хуже, делают внезапный скачок от простых и общих отношений к наиболее *сложным, мелким и частным*»³.

Зибер понимает, что капитал является более конкретной категорией, чем стоимость и деньги, что категория капитала не может быть понята без предварительного анализа стоимости и денег. Зибер говорит о необходимости «предпосылать учению о капитале исследование о ценности». «Если бы не было установлено,— считает Зибер,— ясного представления о меновой и потребительной ценностях вообще, то, по отношению к системе хозяйств с разделённым трудом, оставался бы совершенно необъяснимым тот феномен капитала, что, несмотря на все случайности обмена, каждое хозяйство располагает известною частью продукта, не входящую в счёт общего или среднего содержания хозяйств»⁴.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 132.

² Н. З., Мысли об отношении между общественною экономией и правом, «Слов», июнь 1880 г., стр. 65.

³ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 246—247.

⁴ Там же, стр. 320.

Зибер видит заслугу классиков в том, что они в основу своих экономических систем положили категорию стоимости. Подчёркивая, что только сквозь «призму ценности» делается возможным рассмотрение условий и порядка производства и распределения продуктов, Зибер пишет:

«Учение о ценности явилось поэтому в глазах классиков-экономистов самым общим отделом политической экономии, при помощи которого только и могли быть объясняемы другие части науки»¹.

Зибер также указывает, что порядок исследования категорий определяется их местом в системе капитализма. Чичерин обвинял Маркса в том, что Маркс игнорирует торговую прибыль и что купец рассматривается в «Капитале» в качестве паразита, барыши которого объясняются надувательством. Зибер замечает: «Маркс ведь нигде и не думает делать какие-нибудь возражения против справедливости дележа между капиталистом и предпринимателем, его этот вопрос даже вовсе и не интересует. Он всё время занят исключительно вопросом, каким образом *оба эти персонажа вместе*, которых он в первом томе и рассматривает как одно неразрывное лицо, поступают с своим капиталом по отношению к публике и к рабочим»². Зибер ссылается на известное место I тома «Капитала», где Маркс говорит, что для анализа торгового капитала необходим длинный ряд промежуточных звеньев. Так глубоко понял Зибер некоторые положения марксовской методологии, хотя был знаком только с I томом «Капитала» и с работой «К критике политической экономии».

Остановимся на трактовке Зибером *категорий политической экономии*. В полемике с Жуковским Зибер указывал, что категории «Капитала» отнюдь не являются пустыми абстракциями: ему ясно, что марксовы категории являются объективными формами мышления товарно-капиталистического общества. «Заслуга Маркса, — пишет Зибер, —... в том именно и заключается, что он вскрыл ножом научной критики генезис тех понятий, которые *необходимо* слагаются о ценности на почве существующих капиталистических хозяйственных явлений»³. В другом месте Зибер пишет, что автор «Капитала» старается показать, какими путями происходило в экономической истории движение и развитие тех понятий, в которые укладывались у людей явления их собственной общественной организации. «Он только ищет реальных оснований для того способа экономического созерцания, который

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 7.

² Н. З. Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 91.

³ Н. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 10.

возникает у самих членов общества на свои взаимные экономические отношения»¹.

По Зиберу, экономические категории реальны, он сознаёт, что понятие представляет собой переработанное в человеческой голове материальное.

Хотя Зибер постоянно говорит об исторической обусловленности марксовских категорий, у него всё же имеется ряд формулировок, где он скатывается к внеисторической характеристике отдельных категорий. Так, Зибер соглашается с родбертусовским делением категорий на исторические и логические.

Маркс и Энгельс считали родбертусовское деление категорий на логические и исторические праздной, схоластической игрой в дефиниции, которая является скрытой формой апологетики капиталистического хозяйственного режима. В «Замечаниях на книгу Адольфа Вагнера» Маркс писал: «Вся поверхностность Родбертуса выступает в этой противоположности «логического» и «исторического» понятия!»².

Большое внимание уделяет Зибер анализу *проблемы товара*. Зибер не ограничивается простым изложением соответствующих страниц «Капитала» К. Маркса. Он пытается комментировать учение Маркса о товаре. В товарном производстве, или, как он его называет, в совокупности хозяйств, ведущих обмен, Зибер предполагает наличие известного хозяйственного плана при полной как бы самостоятельности частных хозяйств. Этот общий экономический «план», по Зиберу, заключается в следующем: «Производить продукта столько и такого качества, сколько и какого требуется другими хозяйствами, и производить по средним техническим приёмам, с затратою определённых количеств труда, — вот признаки, придерживаясь которых каждая хозяйственная группа выполняет общественно-экономический план, вытекающий из существа господствующей экономической формы производства — разделения в обществе труда, создаёт *постоянные* условия снабжения общества продуктами»³. Известно, что в условиях стихийных закономерностей товарного хозяйства плана нет и быть не может; принудительные стихийные законы товарного производства насильственно навязываются его агентам, формальная независимость которых дополняется их вещной зависимостью.

Обмен, по Зиберу, представляет собой не просто взаимную передачу полезных вещей, но и передачу вещей, в известном отно-

¹ Н. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 11.

² К. Маркс, Замечания на книгу Адольфа Вагнера, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 474.

³ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 43.

шении между собой равных. Обменивающиеся предметы обладают, по Зиберу, общим экономическим качеством: элементом, который подлжит сравнению, является труд.

Аргументация Зибера по вопросу о труде как основе стоимости сводится к следующему. В своей теории стоимости школа Рикардо исходит из типической средней сделки, выведенной из множества меновых сделок. Но, спрашивает Зибер, какой степенью достоверности обладает вывод, что средняя рыночная сделка не является результатом изучения материала, собранного и сгруппированного по правилам статистики? В основу гипотезы стоимости, полагает Зибер, положен бесспорный факт, что *«сходство между размерами человеческих сил, размерами и качеством человеческих потребностей, — несравненно значительнее, крупнее, нежели различие между ними»*¹. Равенство сил и потребностей, по Зиберу, путём однообразного обмена предметов существования обуславливает известную хозяйственную устойчивость. «Но какая сила может поддержать, — спрашивает Зибер, — однообразие меновых случаев, без которого немислима экономическая устойчивость, следовательно немислимо и экономическое общество...»² Силой, которой держится хозяйственный строй, по Зиберу, является труд. Зибер говорит: «Раз признано, что *разделение труда* есть наиболее важное условие обмена, то нет возможности отрицать, что единственно уместное для общества мерило сравниваемых между собой продуктов — это труд».

Зародыши трудовой теории следует, по Зиберу, искать в древнейших обычаях первобытных народов, когда общинный труд ведёт к общинной, а отдельный труд — к частной собственности.

По мере накопления историко-экономического материала становится очевидным, полагает Зибер, что отнюдь не гипотезой, но действительным универсальным фактом является обмен по принципу возмещения трудовых эквивалентов.

По Зиберу, «труд представляет единственную силу, творящую не только богатство, но и экономическую и политическую организацию общества...»³. Изложенная цепь аргументов Зибера о связи между стоимостью и трудом свидетельствует о глубине его анализа. То обстоятельство, что основой стоимости является труд, Зибер обосновывает, исходя из труда как фактора, придающего обществу «устойчивость». Зибер правильно связывает стоимость с трудом как с движущей силой общественного развития.

В работах Зибера встречается ряд высказываний об абстрактном труде, свидетельствующих о понимании им этой категории как категории социальной и исторической. Он пишет: «Различие

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 81.

² Там же, стр. 82.

³ Николай Зибер, Карл Родбертус-Ягцов и его экономические исследования, «Юридический вестник» № 2, 1881 г., стр. 211.

конкретных родов труда служит источником того качественного различия между продуктами, без которого немислим обмен. Но тот же обмен требует и количественного сходства и находит его в равенстве количеств труда, отвлечённого от конкретных свойств своих и представляющего общий человеческий труд, затрату мозга, мускулов, нервов и т. д.»¹.

Зибер неоднократно подчёркивает, что абстрактный труд реализуется в процессе обмена. Так, например, в своей статье против Чичерина Зибер пишет, что «каждый отдельный вид труда в нынешнем обществе имеет специфический характер, доставляет специальную полезность и только путём обмена, в котором приходится сравнивать равное с равным, этому специальному труду придаётся общечеловеческий характер,— характер траты человеческого рабочей силы»². По Зиберу, «общечеловеческий труд уравнивается в обмениваемых произведениях»; он пишет, что содержащийся в меновой стоимости труд — это труд «абстрактный и общий, возникающий из всестороннего отчуждения индивидуальных работ»³.

Трактовка Зибером категории абстрактного труда не потеряла интереса и для наших дней.

Содержательна также у Зибера характеристика категории общественного труда. Зибер различает труд непосредственно общественный и скрыто общественный. Он пишет, что «в обществе с разделённым по отдельным хозяйствам трудом» «труд становится общественным непременно при посредстве соотношений между ним и продуктами и непременно при посредстве всеобщего эквивалента... Здесь каждый отдельный род труда не имеет непосредственно общественной формы, но должен ещё приобрести её с помощью превращения в такой продукт, которому природой отношений присваивается форма, годная для сравнения меновых пропорций остальных продуктов»⁴.

Любой товар, полагает Зибер, представляет собой вещь двойственную: продукт конкретного полезного труда и в то же время продукт ещё не признанного общественного труда. Труд же, воплощённый в деньгах, Зибер считает непосредственно общественным трудом.

Ни Рикардо, ни последователи его, полагает Зибер, не обратили внимания на качественное различие между трудом, содержащимся в деньгах, и трудом, содержащимся в других продуктах, и не заметили, что только труд первого рода есть труд непосредственно общественной формы.

Следует отметить, что Зибер глубоко усвоил учение Маркса

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 233.

² Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 74.

³ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 63.

⁴ Там же, стр. 237.

об общественном труде. Зибер проводит правильное разграничение между трудом скрыто общественным и непосредственно общественным. В своём анализе общественного труда Зибер обнаруживает глубокое понимание соотношения между производством и обменом. Зиберу ясно, что сфера производства господствует над сферой обмена, но что в то же время обмен — отнюдь не пассивный рефлекс процессов, происходящих в сфере непосредственного производства.

Зибер отмечает также важность учения Маркса об общественно необходимом труде. «Ценность отдельного продукта,— пишет Зибер,— подводится здесь под среднюю ценность; но только последняя может считаться общественной ценностью и служить первым и главным предметом исследования о ценности вообще. Продукт обошёлся дешевле, но пока эта сравнительная дешевизна производства не стала общественной, владелец продукта пользуется на рынке известной рентой, которая также не нарушает закона средней, общественной ценности, потому что представляет особое и индивидуальное явление»¹. Зибер правильно и тонко замечает, что воззрения Маркса на общественно необходимый труд раз навсегда исключают возможность обсуждения проблемы стоимости в тех «узких, атомистических пределах», которые обычны для весьма многих экономистов.

В своём анализе товара Зибер уделяет мало внимания категории потребительной стоимости. По Зиберу, потребительные стоимости товаров служат материалом для своеобразного учения — товароведения. Однако у него встречается формулировка из «Капитала» К. Маркса, где он подчёркивает исторический характер потребительной стоимости товара, а именно, что она является потребительной стоимостью для других, общественной потребительной стоимостью.

Популяризируя марксову теорию стоимости, Зибер в противоположность многим определениям стоимости, наделяющим сами вещи способностью обмениваться, считает, что единственный способ добиться правильной постановки решения вопроса о стоимости состоит в том, чтобы «обратить исключительное внимание на отношения, возбуждающие в умах людей представление о ценности, и рассмотреть действительные свойства этих отношений»².

Таким образом, Зибер утверждает, что при анализе стоимости следует обратиться к анализу производственных отношений, теоретическим выражением которых она является³.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 231.

² Там же, стр. 15.

³ Сопоставление первого и второго изданий основной работы Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс...» наглядно показывает, как Зибер освобождался от влияния Конта с его различением статических и динамических явлений и категорий. Так, например, Н. И. Зибер в первом издании своей книги писал:

Стоимость определяется Зибером как закон менового равновесия, как закон, «...по которому уравниваются части имущества, движущиеся из хозяйства в хозяйство...»¹. В этом случае Зибер даёт в корне неправильную трактовку закона стоимости как закона равновесия товарного производства. На самом деле стоимость, по Марксу, является законом движения товарного производства, осуществляемым посредством бесконечных отклонений цен от стоимости, а равновесие является случайностью в этом полном противоречий движении товарного производства.

Маркс показал действие закона стоимости во всех его проявлениях как экономического закона движения капиталистического общества, как стихийного естественного закона, как тенденции, действующей и осуществляющейся с железной необходимостью, подобно закону тяготения.

Развивая положение Маркса, Ленин писал, что стоимость есть закон цен, т. е. обобщённое выражение явления цены.

Закон стоимости есть прежде всего закон товарного производства. Закон стоимости, имеющий широкую сферу действия в условиях капитализма, являющийся регулятором производства при капитализме, играет большую роль в деле развития капиталистического производства. Однако закон стоимости не является основным экономическим законом капитализма, ибо он не определяет существа капиталистического производства, его сущность.

Зибер склонен иногда отождествлять стоимость с трудом. Он пишет: «Недостаточно сказать, что размеры обмениваемых продуктов, *ценности...* следуют за размерами труда, или *регулируются трудом*. Труд, а не продукт оказывается основным элементом отношения. Сам *труд* есть ценность, говорит К. Маркс. Иными словами, труд является единственным *общественным* образователем тех пропорций, в которых происходят меновые акты. *Труду отводится, таким образом, роль не только регулятора, но также и образователя меновых размеров*»².

Кроме того, по мнению Зибера, стоимость в действительности не существует вне формы своего проявления — меновой стоимо-

«Систематическое разграничение между динамикою и статикою экономических явлений, если мы не ошибаемся, в первый раз последовательно проводится Дж. Ст. Миллем в его «Основаниях политической экономии». В более широкой сфере — социологии тот же приём употребляет Ог. Конт» (*Н. Зибер*, Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями. Опыт критико-экономического исследования, Киев 1871, стр. 21). Стоимость Зибер относил к разделу статики экономических явлений. О строении, организации в противоположность росту, развитию, упадку явлений Зибер пишет: «Вопрос о ценности несомненно принадлежит к категории вопросов этого рода, по крайней мере, тою своею стороною, о которой идёт речь» (там же, стр. 73).

¹ *Н. И. Зибер*, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 7.

² Там же, стр. 230.

сти. Зибер пишет, что в изолированном хозяйстве, под которым он понимает хозяйство плановое, организованное, имеются налицо все элементы стоимости. В совокупности же хозяйств с разделённым трудом, т. е. в хозяйстве меновом, возникает меновая стоимость. По Зиберу, «меновые отношения немислимы без ценности, но ценность мыслима и без меновых отношений»¹. Элементы ценности «...состоят налицо и в хозяйстве, отнюдь не ведущем мены...»². Разница между изолированным и общим хозяйством и хозяйством с разделённым трудом заключается только в появлении «новой идеи о меновой ценности».

Таким образом, для взглядов Зибера характерен разрыв между стоимостью и меновой стоимостью. Он универсализирует категорию стоимости, объявляя её приложимой и к тем способам производства, в которых нет обмена. Меновую же стоимость он считает категорией, исторически обусловленной.

Следует отметить, что Зиберу ясна связь между меновой стоимостью и явлениями товарного фетишизма, он понимает, что меновая стоимость есть вещная форма приравнивания труда. Сравнивая хозяйство, сознательно регулируемое, с хозяйством, основным на обмене, Зибер пишет, что в «совокупности хозяйств с разделённым трудом «личное отношение людей между собою прикрывается вещною формой»». Относя продукты своего труда друг к другу в качестве товаров, люди на самом деле сравнивают только различные работы, находя общее для них выражение в человеческом труде. Но отношение это является замаскированным отношением между собою продуктов³. Если Зибер и правильно рассматривает меновую стоимость как вещную форму приравнивания труда, он в то же время не чужд трактовки явлений товарного фетишизма как иллюзорных форм мышления хозяйствующих субъектов. Это видно из его объяснений форм стоимости, денег и других категорий. У Зибера имеется ряд замечаний по вопросу о формах стоимости. Он рассматривает марксово учение о формах стоимости как обоснование необходимости денег. Зибер указывает, что в своём теоретическом анализе форм стоимости Маркс воспроизводит в дедуктивной форме грандиозный исторический материал; в ряде страниц своих работ Зибер приводит интересный фактический материал для иллюстрации абстрактных положений Маркса. Зибер пишет, что в единичном меновом акте содержится в зародыше понятие денег как всеобщего товара, что «исследование генетического развития денежного обмена составляет в «Капитале» содержание учения о формах ценности»⁴. Однако формы стоимости он склонен рассматривать как фикции, как иллю-

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 7.

² Там же, стр. 48.

³ См. там же, стр. 236.

⁴ Там же, стр. 213.

зорные формы мышления, как исторически обусловленные представления агентов производства. Зибер пишет: «Все эти формы в глазах Маркса представляют собою не реальные явления в их настоящем смысле, а только представления людей на данной ступени их экономического развития о своих собственных отношениях, — всеобщие и установившиеся формы мышления известной эпохи. Одно уже это обстоятельство в состоянии снять с автора «Капитала» значительную долю обвинений в употреблении метафизических приёмов, при обсуждении этого предмета»¹.

Таким образом, по вопросу о товарном фетишизме у Зибера имеется причудливое переплетение как правильных, так и неправильных высказываний. С одной стороны, Зибер очень тонко и глубоко подметил связь стоимостных отношений с явлениями товарного фетишизма, правильно рассматривал меновую стоимость как вещную форму приравнивания труда, с другой стороны, он склонен был трактовать товарный фетишизм как субъективную иллюзию хозяйствующих субъектов, а ряд категорий политической экономии — как фетишистские представления людей.

Маркс, утверждает Зибер, сделал два крупных вклада в науку по теории денег: выяснил генетическое развитие денежного обмена и строго обособил исследование специальных свойств различных денежных функций².

До Маркса, по мнению Зибера, денежный обмен никем не был понят в его истинном смысле «вполне инстинктивного социально-экономического процесса, самостоятельно возникшего на различных концах земного шара, где только общественная кооперация принимала известные, соответствовавшие ему формы, и развивавшегося потом крайне медленно и постепенно»³.

Деньги являются, таким образом, необходимым и неизбежным фактором процесса обмена. Деньги представляются Зиберу как самостоятельный вид богатства, возникновение которого связано со специфической потребностью общества, потребностью «во всеобщем эквиваленте для разнообразных самостоятельных родов труда»⁴. В противоположность большинству буржуазных экономистов, которые возникновение денег связывают с затруднениями, возникающими в меновом процессе, Зибер усвоил из работ К. Маркса, что «деньги представляют не случайный, введённый только ради увеличения удобств, член общественно-хозяйственной системы, а, напротив — безусловно необходимое, вполне интегральное звено всякого развитого общественного разделения труда»⁵.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 213—214.

² См. там же, стр. 212.

³ Там же, стр. 213.

⁴ Там же, стр. 239.

⁵ Там же, стр. 240.

Зибер указывает, что товар необходимо должен быть обменён на деньги, ибо в противном случае потенциальный, ещё не признанный общественный труд обмениваемого товара не будет реализован как действительный труд.

По Зиберу, деньги — единственный товар, который представляет собой материализацию непосредственного общественного труда. «Содержащийся в деньгах частный и конкретный труд, — писал Зибер, — принимает непосредственно общественную форму, уравниваясь со всяким другим трудом. Все прочие товары, представляющие свою ценность в деньгах, не служат овеществлением непосредственно общественных работ»¹.

Таким образом, Зиберу удалось хорошо изложить учение Маркса о необходимости денег, о необходимости раздвоения товарного мира на товар и деньги, о необходимости удвоенного существования товара в виде товара и денег, как закона выражения продукта, являющегося товаром.

Переходя к анализу функций денег, Зибер насчитывает в теории Маркса пять самостоятельных денежных функций: всеобщего товара, или орудия покупки, мерил ценности, орудия обращения, сокровища и орудия платежа. Что касается всемирных денег, то Зибер отказывает им в самостоятельной роли. Основной и главной Зибер считает функцию всеобщего товара, которой он приписывает роль объединителя всего многообразия разнородных представителей товарного мира. Этой функции, которая, по Зиберу, устанавливает известную однородность между товаром и деньгами, он придаёт все свойства всеобщего эквивалента, разрешающего присущие товару противоречия потребительной стоимости и стоимости, частного труда и общественного труда. Подобная трактовка функции всеобщего товара приводит к тому, что Зибер скатывается на чуждые Марксу позиции смешения функций денег с их сущностью.

В зиберовском изложении воззрений Маркса на функции денег ценным является тезис об их взаимной зависимости, о последовательности в их развитии, — тезис, иллюстрируемый им на ряде функций.

«Только соединение всех этих денежных функций в одно целое, — писал Зибер, — даёт нам более или менее ясное понятие о различных особенностях денежного обмена, только совместное их изучение, в котором в то же время не упущены из виду индивидуальные черты отдельных денежных ролей, ведёт нас к выяснению наиболее тёмных и запутанных явлений современной индустриальной системы»².

¹ *Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс...*, стр. 235.

² Там же, стр. 228.

Таким образом, в своём анализе функций денег Зибер правильно подметил важный методологический принцип марксистской теории денег — что каждая форма денег включает в себя все предыдущие формы денег и представляет собой в то же время новую определённую формы.

Зиберу принадлежит заслуга первой постановки в международной экономической литературе вопроса о преемственной связи между классической школой и экономическим учением Маркса в целом и теорией стоимости и денег К. Маркса и Смита — Рикардо, в частности.

Зибер писал: «...Книга К. Маркса является ничем иным, как продолжением и развитием начал, лежащих в основании учений Рикардо и Смита»¹. Зибер обвиняет современных ему противников Маркса в том, что они, ведя борьбу с Марксом, отказываются и от классической школы. Зибер прямо говорит, что с «появлением книги *Капитал* некоторые экономические писатели начали хвататься за последнюю соломинку, чтобы разорвать всякие связи с классическими экономистами, которым прежде повиновались довольно слепо»².

Конкретизируя этот тезис о преемственности между Марксом и классической школой по вопросу о товаре, Зибер подчёркивает заслуги Маркса по исследованию двойственного характера заключающегося в товарах труда. Зибер указывает, что представители классической школы уделяли преимущественное внимание различию между трудом сложным и простым. «Сходство или различие между видами труда, удовлетворяющими одинаковым или различным потребностям, представляют с этой точки зрения не более как второстепенное явление. У Маркса, наоборот, речь идёт исключительно о различии видов труда по отношению к свойствам потребностей, о таком различии их, которое обуславливает обмен. Такие конкретные виды труда образуют потребительную ценность. Абстрактный, или общечеловеческий труд служит образованию меновой ценности вещей. Но труд последнего рода не сразу приобретает в умах людей такую форму, и меновая ценность также не сразу получает полнейшее своё выражение»³.

По вопросу о деньгах Зибер разъясняет, что вследствие исключительного внимания классической школы к величине стоимости она главным образом интересовалась количественной стороной проблемы денег, в частности вопросом о количестве денег, необходимом для обращения товаров. «... Формальная сторона вопроса, именно определение тех специфических особенностей, которые

¹ Н. И. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 3.

² Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 318.

³ Там же, стр. 234.

характеризуют денежный обмен в хозяйствах с разделённым трудом и на которых сосредоточил свои исследования К. Маркс, была оставлена экономистами в стороне»¹.

В основу своего анализа преемственной связи между Марксом и классиками по вопросу о товаре и деньгах Зибер положил известные высказывания Маркса, что классическая школа нигде прямо не проводит вполне отчётливого и сознательного различия между абстрактным и конкретным трудом и что классическая школа рассматривала форму стоимости как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. Но если Зибер поставил вопрос о преемственности между Марксом и классической школой, если он для обоснования преемственности по вопросам товара и денег и привлёк соответствующие высказывания К. Маркса, то общая оценка соотношения между теорией стоимости и денег Маркса и Рикардо, какую мы встречаем у Зибера, неправильна. Зибер писал: «...От постановки вопроса школы Смита — Рикардо был только шаг к такому определению предмета, который в отношении к ясности, точности и определённости не оставляет ничего желать. Заслуга в отыскании такого определения вместе с целым рядом важнейших дополнений к известной теории принадлежит немецкому экономисту К. Марксу»². По Зиберу, Маркс лишь уточнил и дополнил рикардианскую теорию стоимости и денег. На самом деле Маркс дал новую оригинальную трактовку этих проблем, которая знаменовала собой переворот в науке. Указав на преемственную связь между классической школой и Марксом, Зибер не понял всего различия между Марксом и Рикардо, в частности по проблемам товара и денег, не понял того переворота, который совершил Маркс в политической экономии.

В своём анализе учения К. Маркса о *капитале* Зибер констатирует факт более поздней разработки этой категории сравнительно с категорией стоимости. Причина — новые явления современной индустрии, находящиеся в теснейшей связи с развитием постоянного капитала: удешевление продукта, широкое разделение труда, сбыт на отдалённые рынки, экономические кризисы, колебания заработной платы. Зибер неоднократно говорит о том, что капитал — не вещь, а производственное отношение, исторически обусловленное. Он ссылается на упоминаемого Марксом в «Капитале» Уэкфильда, который понимал, что переселением денег и орудий в колонию ещё нельзя создать там капитала, если не будет налицо условий для капиталистического способа производства.

Устанавливая связь между капиталом и обменом, Зибер пишет: «Вне договора купли-продажи рабочей силы по меньшей

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 243.

² Там же, стр. 140.

ценности её самой, чем её продукта, не существовало бы ни капитала, ни капитализма. Поэтому капитал не есть та или другая вещь в частности, а то вещное отношение между капиталистом и рабочим, которое даёт первому возможность развиваться и богатеть на счёт второго, в силу той чисто юридической особенности, главным образом, существовавшей из римского права, что кому принадлежит имущество, тому принадлежат и *плоды от него*¹. Далее Зибер ссылается на работу Маркса «К критике политической экономии», где Маркс говорит, что следует проводить различие между абстрактными определёнными, которыми деньги обладают в отличие от товара, и теми определёнными формы денег, в которых скрываются более конкретные отношения, как, например, капитал.

«Идея капитала, — писал Зибер, — не применяется к определённым *вещам*, а только к определённым *вещным* отношениям между людьми различных классов общества при нынешней экономической организации последнего»².

Таким образом, Зибер даёт правильное определение капитала как вещного производственного отношения.

В своё время определение Зибером капитала как общественного отношения отметил В. И. Ленин. Критикуя экономические воззрения «друзей народа», которые не могли понять, что в крестьянские промыслы проник капитализм, что капитал — это известное отношение между людьми, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития этого отношения, Ленин писал: «...Буржуазные экономисты никогда не могли понять этого: они всегда возражали против такого определения капитала. Помнится, в «Русской мысли» один из них, говоря о книге Зибера (о теории Маркса), приводил это определение (капитал — отношение), ставил восклицательные знаки и негодовал»³.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 274.

² Н. З., О влиянии прогресса на бедность, «Русская мысль», кн. XI, 1883 г., стр. 337.

³ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 201. Рецензент из «Русской мысли» о толковании Зибером категории капитала писал, что «можно вполне признавать все последствия, вытекающие из исторической роли капитала в хозяйстве с частной собственностью на орудия производства, но нельзя субституировать эту форму логической категории капитала, как это делает г. Зибер...». И далее рецензент разъясняет, что он имеет в виду. Оказывается, что определение капитала как общественного отношения «хуже даже тех слабых определений, которые вносили в понятие капитал и землю, и талант, и национальное единство, против которых так удачно возражал сам г. Зибер...» (См. «Русская мысль», кн. XI, 1885 г., стр. 14—15). Таким образом, рецензент из «Русской мысли» целиком погряз в буржуазно-апологетических воззрениях на капитал как на средство и орудие производства, как на накопленный труд, превратив тем самым эту категорию в вечное и естественное условие человеческой жизни.

Аналогичное замечание замечание выдвинул и М. Я. Герценштейн против определения капитала у Зибера как отношения. Полагая, что капитал —

В работах Зибера мы встречаем также содержательную критику ряда буржуазных и мелкобуржуазных теорий капитала.

Зибер, например, критиковал Прудона за то, что он отношения между капиталистом и рабочим подводит под обязательство ссуды, между тем как они представляют собой специфический вид купли-продажи, в которой «продаваемый товар есть живая, не затраченная рабочая сила».

Зибер в известной степени переоценивает трактовку капитала у Родбертуса. Он разделяет его разграничение между категориями логическими и историческими, в частности применительно к капиталу. Однако он считает неправильным проводимое Родбертусом различие между запасом орудий и материалов изолированного производителя и капиталом современным; причина этой погрешности Родбертуса в том, что он «сам ещё не умел отделаться как следует от распространённой привычки величать капиталом всякое орудие производства»¹.

Зибер вскрывает также ненаучность теорий производительности капитала. В капитале, пишет он, независимо от труда, который в нём содержится и «который только переносится на товары и входит в состав их ценности... не может лежать таинственного источника прибыли»². Однако он считает, что производительность капитала представляет собой лишь иллюзорную форму мышления, специфический способ воззрений людей на «свои особые же исторические взаимные отношения». Зибер не понимает, что производительность капитала — не только заблуждение человеческого мышления, но что о производительности капитала можно говорить как об объективно существующем производственном отношении, как о принудительной силе, побуждающей наёмный труд производить стоимость и прибавочную стоимость. «...Капитал производит стоимость,—писал К. Маркс,—только как отчужденная от труда и господствующая над ним сила его собственных вещественных условий, вообще только как одна из форм самого наемного труда, как условие наемного труда»³.

В трактовке Зибером проблемы прибавочной стоимости следует прежде всего отметить его взгляд на неё как на центр «Капитала», как на ядро этого монументального творения Маркса. Зибер пишет: «...Теория происхождения чистого дохода или

не отношение, а вещь, Герценштейн ссылается на своего кумира — вульгарного экономиста Родбертуса, у которого якобы определение капитала «и лучше и точнее...» (Архив М. Я. Герценштейна, М. 5770-б, отдел рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина).

¹ Николай Зибер, Карл Родбертус-Ягцов и его экономические исследования, «Юридический вестник» № 2, 1881 г., стр. 213.

² Н. З., Ф. Лассаль сквозь очки г. Б. Чичерина, «Слово», апрель 1878 г., стр. 115.

³ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, 1955, стр. 61.

прибавочной ценности, в связи с общеою теориею ценности, представляет ядро всего сочинения «Капитал», дальнейшее содержание которого является не более как развитием деталей и усложнений той и другой»¹. Однако в работах Зибер не нашли достаточного отражения высказывания Маркса о прибавочной стоимости как определяющей цели, движущем мотиве и конечном результате капиталистического производства, как верховной категории экономической системы капитализма. Зибер не понимал, что учение о прибавочной стоимости является краеугольным камнем экономической теории Маркса.

По Зиберу, то или другое решение вопроса о происхождении прибавочной стоимости характеризует собой не только отдельных экономистов, а целые экономические школы. Зиберу ясна преемственная связь между категориями прибавочной стоимости и стоимости. Он правильно указывает, что объяснение прибавочной стоимости неоплаченным трудом не постулат, не гипотеза исследователя, желающего осознать мир хозяйственных явлений, а теоретическое отражение объективной действительности, реальный факт, исторически и логически вытекающий из того, что субстанцией стоимости является труд. Он пишет: «...Все те, кто соглашается, что регулятор меновых пропорций и созидательных меновых ценностей, есть человеческий труд, волею-неволею должны также согласиться и с логическим последствием этого учения—теориею прибавочного продукта и прибавочной ценности Маркса»².

В работах Зибер имеются содержательные страницы, посвящённые юридической и экономической «свободе» рабочего. «...Пресловутая юридическая свобода «личности», которая для рабочего ограничивается почти только правом перехода туда, где в нём больше нуждается капитал, и ещё правом дебатировать о заработной плате, во избежание неравенства в этом отношении самих гг. капиталистов и установления частных юридических монополий отдельных между ними лиц, столь вредных для преуспевания всего их класса, не всегда гарантирует рабочему даже порядочное обращение с ним хозяина, не говоря уже о праве, напр., подавать голос за какого он хочет кандидата. Что же касается до экономической свободы, то кто же в настоящее время сомневается, что она есть полнейший миф?»³.

«...Говорить об экономической свободе голодных людей,—воскликает Н. И. Зибер,— есть самая горькая, злая и софистическая насмешка, на которую только способен враг рода человеческого»⁴.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 303.

² Там же, стр. 318.

³ Н. З., Ф. Лассаль сквозь очки г. Б. Чичерина, «Слово», апрель 1878 г., стр. 91.

⁴ Там же, стр. 90.

Таким образом, Зибер понимает, что классовое отношение между капиталистом и рабочим дано уже в сфере обращения, что один выступает как персонифицированный прошлый, овеществлённый труд, другой — как носитель живого труда. Зибер резко полемизирует со взглядом Чичерина о равноправии капиталиста и рабочего; он развенчивает буржуазную трактовку юридической и экономической «свободы» рабочих. Однако и по вопросу о развитии теории прибавочной стоимости Зибер, констатируя преемственность между Марксом и классической школой, неправильно представляет себе роль Маркса в разработке этой части его экономического учения.

По Зиберу, вопрос о происхождении прибавочной стоимости был уже решён Рикардо. Он пишет, что у Рикардо «показано, во-первых, что труд, содержащийся в товарах, есть вполне универсальное мерило их меновых пропорций; во-вторых, что этот труд и ещё не истраченная рабочая сила совсем не одно и то же, и в-третьих, что хотя чистый доход и выплачивается в цене или в меновой ценности произведений, но что это только форма дела, и получается он у себя в мастерской, от производительности труда своих наёмных рабочих». Оказывается, что автору «Капитала» удалось прибавить лишь только то, что «производительность труда наёмного рабочего не есть явление, существующее вне условий пространства и времени, а составляет результат приложения прибавочной работы в течение прибавочного времени для создания прибавочной ценности или продукта. Не знаем, нужно ли после этого доказывать, что если *Адам Смит* и *Рикардо* сказали бы А, то *Марксу* предстояло сказать Б?»¹.

Заслуга Маркса в объяснении прибавочной стоимости сводится, по мнению Зибера, лишь к терминологическому улучшению. Классики говорили о «продаже труда», Маркс же — «о продаже рабочей силы». На самом же деле классики буржуазной политической экономии в силу своей буржуазной ограниченности, в силу метафизического характера своего метода не могли дать подлинно научного объяснения прибавочной стоимости. Классики не понимали двойственного характера труда, создающего товар. Смешивая труд с рабочей силой, школа Рикардо не смогла, по словам Энгельса, «...согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом»². Если бы капиталист оплачивал «стоимость труда» рабочего, то не могла бы возникнуть прибавочная стоимость. Маркс доказал, что капиталист покупает не труд рабочего, а его рабочую силу и что рабочий в необходимое рабочее время воспроизводит эквивалент стоимости рабочей силы, в прибавочное же рабочее время

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 315.

² См. К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 15 («Предисловие» Ф. Энгельса).

безвозмездно создаёт для капиталиста прибавочную стоимость. Если Зибер и не разрешил вопроса о преемственности между экономическим учением Маркса и классической школой, то сама постановка этой проблемы является его значительной научной заслугой.

Немало интересных страниц посвятил Зибер также разбору учения Маркса *о кооперации и машинном производстве*. Если исследования Маркса о стоимости, деньгах, о капитале, считает Зибер, имеют одинаковое применение если не ко всей эпохе капитализма, то лишь к среднему его моменту, изображают *«существующие»* отношения этого способа общественной продукции», то лишь «...с учения о кооперации мы входим, вместе с Марксом, в область философской истории капиталистической эпохи в её целом»¹. «Можно сказать без малейшего преувеличения, — заключает Зибер, — что эта попытка изобразить главные моменты постепенного развития новейших способов ведения общественного хозяйства является не только самой удачной, — как в методологическом, так и во всех прочих отношениях, — но также и первой в своём роде»².

Указав, что экономисты не уделяют должного внимания проблеме кооперации, Зибер считает, что никто из них и не подозревал, что «теория кооперации в обширном смысле слова является теорией самого общества, что она представляет, так сказать, остеологию общественной науки, кадры, в которых должно быть размещено всё остальное содержание последней...»³.

Зибер обвиняет экономистов в смешении мануфактурного разделения труда с общественным разделением труда. Если Адам Смит и другие писатели XVIII в. возводили мануфактурное разделение труда «на высоту всеобщего типа этой формы сочетания работ», — это было естественно в их эпоху, когда господствовала мануфактура; аналогичные же ошибки, совершаемые позднейшими экономистами, являются весьма странными. Мануфактурное разделение труда, пишет Зибер, «в действительности... представляет не более, как скоропреходящий исторический феномен»⁴.

Зибер утверждает, что Маркс, возведя мануфактурный способ деления труда на степень самостоятельной эпохи в развитии капиталистической продукции, впервые совершенно ясно и наглядно, при помощи превосходного фактического материала показал, что прогрессивное движение общества характеризуется в последнем счёте не чем иным, как определёнными изменениями в общественном сложении труда⁵.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 357.

² Там же.

³ Там же, стр. 358.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 359.

Переходя к учению Маркса о машинах и крупной промышленности, Зибер пишет, что оно представляет собой неисчерпаемый источник новых мыслей и оригинальных исследований.

На первый план Зибер выдвигает характеристику машинной индустрии, которая является дальнейшим после мануфактуры периодом в развитии капитализма¹.

Мануфактурная промышленность является переходной стадией между промышленностью ремесленного типа и крупной машинной промышленностью. «Нельзя ни на минуту допустить, — пишет Зибер, — чтобы фабричная индустрия с её широкою технической и кооперативною основой, с её всемирными сношениями и громадным накоплением капитала, имела непосредственные корни в ремесленном устройстве... Гораздо больше шансов на осуществление имеет постепенный и незаметный переход сначала от ремесла к мануфактуре, а потом уже от мануфактуры к фабрике; одни условия тут неизбежно и логично порождаются другими; тут нет ни перерывов, ни скачков»². Приведённое высказывание характерно для методологических воззрений Зибера: путь от простой кооперации к фабрике, как и вообще поступательный ход мировой истории, — это плавный эволюционный процесс, не знающий ни разрывов непрерывности, ни скачков.

Считая, что замена ремесла мануфактурой, а мануфактуры машинной индустрией есть общественный закон, Зибер в то же время указывает, что мануфактурное или фабричное производство отнюдь не представляет собой вполне обособленных и замкнутых периодов экономического развития; ремесло, мануфактура и фабрика могут существовать одновременно в одних и тех же отраслях производства. В качестве доказательства Зибер приводит фактический материал.

Говоря о влиянии машин на удешевление товаров, Зибер, после краткого анализа постановки этого вопроса у Рикардо, приходит к выводу, что никому из экономистов, не исключая и самого Рикардо, не удавалось представить это дело в таком ясном и бесспорном свете, как это сделал Маркс. Большею оригинальностью отличается, по Зиберу, та часть учения о машинах и крупной промышленности, где Маркс указывает на те специфические условия, при которых применение машин становится выгодным капиталисту. Если у Рикардо и имеется, отмечает Зибер, ряд интересных замечаний по этому вопросу, то всё же можно

¹ Полемизируя с Чичериним, Зибер писал: «Никто из нас не слышал о существовании в древнем мире фабрик в нынешнем смысле этого слова и обширного населения наёмных рабочих» (*Н. З.*, Ф. Лассаль сквозь очки г. Б. Чичерина, «Слово», апрель 1878 г., стр. 113).

² *Н. И. Зибер*, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 416.

сомневаться, что «Рикардо имел вполне отчётливое понятие о том различии, какое существует между употреблением машин в виде капитала и всяким иным употреблением их. Ещё темнее должна была ему казаться та причина, которой обуславливается подобное различие»¹. Ещё большего внимания заслуживает в «Капитале», пишет Зибер, оценка результатов влияния крупной промышленности на положение рабочего класса. Некоторые разделы этой проблемы, не говоря уже о том, что Маркс привлёк массу неизвестных прежде фактов, отличаются «...полнейшей самобытностью и новизною»².

Интересными и полными глубокого значения представляются Зиберу также исследования Маркса о влиянии машин на отношения рабочих к капиталу. Зибер пишет, что приводимый Марксом пример, имеющий целью показать, что «перемещение части капитала из непосредственного производства на сооружение машин оставляет без дела и без средств существования не только тех рабочих, которые оказываются излишними при самых машинах, но, сверх того, и тех, которые занимались производством этих средств существования, — не оставляет ничего желать по ясности и убедительности»³.

В изложенных рассуждениях Зибера о значении разделов «Капитала», посвящённых стадиям развития капитализма в промышленности, особенно ценным является выделение машинной индустрии как особого этапа в развитии капитализма. Эту заслугу Зибера в своё время отметил В. И. Ленин. Ленин писал: «Зибер вполне справедливо указывал на ... необходимость выделять машинную индустрию от капиталистической мануфактуры»⁴.

Высказывания Зибера о последовательности стадий капиталистического развития имели большое значение для борьбы с народниками, которые не понимали связи между кустарной и капиталистической промышленностью. Критикуя народников, которые не понимали прогрессивной роли машин, Ленин ссылается на Зибера: «Сравнивая «сочетание труда» в общине и в капиталистическом обществе с машинной индустрией, Зибер вполне справедливо замечает: «Между «слагаемым» общины и «слагаемым» общества с машинной продукцией существует приблизительно такое же различие, как, напр., между *единицей* 10 и *единицей* 100»»⁵.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 436—437.

² Там же, стр. 437.

³ Там же, стр. 438.

⁴ В. И. Ленин, К характеристике экономического романтизма, Соч., т. 2, стр. 168 (Примечание).

⁵ Там же, стр. 167 (Примечание).

Зибер по-своему трактовал учение Маркса о *заработной плате*. Он даёт следующее определение этой категории. «Задельная плата,— пишет Зибер,— есть денежное выражение так называемой классическими экономистами ценности *труда*. Мы знаем, однакоже, что труд сам есть ценность и потому выражение *ценность труда* есть чисто фиктивное выражение. То, что экономисты разумели под ценностью труда, есть не что иное, как ценность *рабочей силы* живой и ещё не затраченной в дело, которая настолько отличается от труда, насколько, например, машина отличается от своих операций. Итак, задельная плата есть денежное выражение ценности не *труда*, а *рабочей силы*»¹.

По Зиберу, выражение заработной платы в денежной форме маскирует её внутреннюю природу, которая состоит в том, что труд рабочего длится сверх необходимого ещё и прибавочное рабочее время.

Всякий рабочий сам производит свою заработную плату, и поэтому выплата её капиталистами рабочему носит, по мнению Зибера, чисто фиктивный характер. С теоретической точки зрения, утверждает Зибер, размер заработной платы и количество затраченного труда не находятся ни в какой зависимости друг от друга. Заработная плата зависит от того, как велика цена средств существования, удовлетворяющих потребности рабочих, каково соотношение спроса и предложения рабочей силы.

В высказываниях Зибера о заработной плате имеется ряд неточных формулировок. Однако он правильно указывает, что стоимость труда есть, как он выражается, фиктивное выражение, что выдвинутая классиками категория стоимости труда по существу представляет собой стоимость рабочей силы, что в заработной плате скрывается деление рабочего дня на необходимый и прибавочный труд.

Он вполне справедливо констатирует неисторический, метафизический подход к проблеме заработной платы у представителей классической школы политической экономии Смита и Рикардо. Так, например, утверждая, что при сопоставлении различных экономических форм общества следует учитывать как черты сходства, так и «различные порядки распределения имущества», Зибер отмечает, что даже классики часто говорят о заработной плате и прибыли применительно к обществу дикарей. Зиберу ясна была ошибочность воззрений на заработную плату Фердинанда Лассалья. Подчёркивая тяготение заработной платы к минимуму средств существования, Зибер отнюдь не разделяет лассалевский «железный закон» заработной платы. Он писал, что так называемый железный закон заработной платы отнюдь

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 410.

не является «изобретением» Лассалья, что Лассаль толковал этот закон в духе мальтузианства.

Зибер также не был заворожён тем престижем, каким пользовались писания Родбертуса у представителей буржуазной экономической науки. Он выдвинул следующее возражение против теории заработной платы Родбертуса: «...Родбертус совсем не прав, когда он, основываясь на том, что заработная плата есть часть продукта, отказывает ей в принадлежности к капиталу. Она и то и другое, только в разное время, — капитал, пока принадлежит капиталисту, и продукт, с того момента, когда поступает в руки рабочего»¹. Зибер, таким образом, отчётливо представляет себе различие между переменным капиталом, который остаётся в руках капиталиста и который, как известно, никогда не уходит от капиталиста, а меняет только своё вещественное содержание, и заработной платой, являющейся доходом рабочего.

Зиберу принадлежит большая заслуга глубокого истолкования и популяризации учения Маркса о соотношении мелкого и крупного производства в промышленности и в особенности в земледелии.

Крупное хозяйство, по его утверждению, должно быть рассматриваемо в целом как явление прогрессивное и многообещающее в будущем, только в крупном хозяйстве содержится источник благополучия грядущих поколений, хотя его становление и порождает ряд губительных последствий для интересов многочисленных классов общества.

Рассматривая крупное производство как носителя прогрессивного хода мировой истории, Зибер прямо говорит, что борьба крупного производства с мелким в земледелии подчиняется тем же законам, что и в промышленности. Он пишет: «...Отношение крупного земледелия к мелкому есть совершенно такое же и ведущее к тем же результатам, как и отношение крупной промышленности к ремеслу. Только самый процесс поглощения крупным производством мелкого совершается в этой области более медленным и искусственным путём... Если мелкая собственность держится ещё в некоторых странах так упорно, то единственно потому, что ей до поры до времени благоприятствуют многие специальные условия»².

По Зиберу, крупные землевладельцы, заинтересованные в росте ренты, выступают в качестве адвокатов системы мелких ферм. Основной порок сторонников мелкого производства Зибер видит в том, что они игнорируют исторические судьбы сельского хозяйства, его вековую отсталость в сравнении с промышленно-

¹ Николай Зибер, Карл Родбертус-Ягцов и его экономические исследования, «Юридический вестник» № 2, 1881 г., стр. 215.

² Н. И. Зибер, Экономические эскизы, Собрание сочинений, т. I, стр. 465.

стью. «...Мелкое хозяйство, подобно мелкому ремеслу, должно быть сочтено достоянием прошедшего»¹.

Ссылаясь на сельское хозяйство в Калифорнии и в других западных штатах Америки, Зибер предсказывал, что в недалёком будущем крупное земледельческое хозяйство поравняется с промышленностью².

Если Зибер и говорит о техническом превосходстве крупного производства над мелким в сельском хозяйстве, не видя в нём принципиальных различий в сравнении с промышленностью, он отнюдь не солидаризируется с оптимизмом ряда английских экономистов, которые полагают, что английская система консолидации мелкого фермерства в крупное — это последнее слово истории цивилизации.

Подвергая критике английского учёного Дженкинса, Зибер тонко замечает, что тезисом о большей выгодности и производительности крупного производства в сравнении с мелким отнюдь не «решается вопрос о сравнительной выгодности и полезности крупной и мелкой собственности на землю». Таким образом, Зибер утверждает, что не следует смешивать крупное производство с крупной земельной собственностью, и если крупное производство прогрессивно по сравнению с мелким, то это отнюдь не применимо к английскому крупному землевладению.

Он пишет: «Чтобы крупная собственность была такою формою земледелия, которая должна бесповоротно заменить собою мелкую, в этом позволительно сомневаться. Подобно этой последней, она представляет лишь временную форму обладания землёю, которая, в свою очередь, уступит место иным, более сложным формам»³.

Зибер считает, что на смену крупной поземельной собственности должны прийти более сложные формы.

О новых формах обладания землёй Зибер говорит при анализе форм земледельческого хозяйства в Ирландии. Дробление ферм, введённое в Ирландии англичанами, является вредным по своим результатам как для всего общества, так и для фермеров, так же как и попытки улучшить земледелие путём консолидации ферм, усовершенствования систем обработки, введения машин ложатся мёртвым грузом на ирландский народ, которому придётся в результате этих улучшений эмигрировать из страны.

«Единственным правильным решением вопроса, — пишет Зибер, — было бы, по нашему мнению, возможно широкое приме-

¹ *Н. З.*, Экономические эскизы, «Отечественные записки» № 6, 1882 г., стр. 201.

² См. *Н. Зибер*, Распределение поземельной собственности в Германии, «Русская мысль», кн. I, 1883 г., стр. 282.

³ *Н. И. Зибер*, Экономические эскизы, Собрание сочинений, т. I, стр. 366.

нение кооперативной формы труда, которая одновременно обеспечила бы ирландцам и преимущества крупного хозяйства и соблюдение общих интересов»¹.

Эта концепция кооперативной формы организации сельского хозяйства находится в тесной связи с его общим воззрением на перспективы развития капиталистического хозяйственного режима, с его общими социально-политическими воззрениями.

Отметим, однако, что Зибер обнаружил большую научную проницательность, когда он, опираясь лишь на I том «Капитала», защищал применимость закона концентрации производства к земледелию в равной степени, как и к промышленности.

Зибер не понимал связи крупного землевладения с развитием производительных сил в условиях капиталистического хозяйственного режима, в частности, это сказалось на его оценке проекта единого налога Генри Джорджа. Зибер считает учение Джорджа о национализации земли несостоятельным, так как «землевладение есть только одна из многих составных частей запутанного и сложного экономического общественного механизма, которая связана с остальными его частями множеством прочных звеньев и потому не может быть от него оторвана односторонней законодательной мерой, направленной хотя бы и в видах общей пользы»².

Зибер не понимал значения буржуазной национализации земли для развития производительных сил. Однако воззрения Зибера на мелкое и крупное производство в сельском хозяйстве представляли собой первую после Маркса и Чернышевского правильную постановку этой кардинальной важности проблемы не только в русской, но и в мировой экономической литературе. Заслуга Зибера в этой области выступает ещё более рельефно, когда мы вспомним ту борьбу, которую в новой исторической обстановке пришлось вести Ленину со всякого рода буржуазными толкованиями и ревизионистскими извращениями тенденций развития капитализма в сельском хозяйстве.

Перейдём к трактовке Н. И. Зибером вопроса о *пути перехода от капитализма к социализму*.

Зибер утверждает, что капиталистический способ производства, который на известной ступени исторического процесса является его необходимым этапом, обречён на смену новой, более прогрессивной общественной формой.

«Маркс,— пишет Зибер,—... на основании точнейших официальных и иных данных, показывает, что капиталы всё более и более сосредоточиваются в одних руках, что труд сосредоточивается вместе с ними и объединяется всё более и более, что

¹ Н. И. Зибер, Аграрный вопрос в Ирландии, Собрание сочинений, т. I, стр. 292.

² Н. Зибер, О влиянии прогресса на бедность, «Русская мысль», кн. XII, 1883 г., стр. 135—136.

введение машин всё более и более эмансипирует громадную долю человечества от пожизненной и наследственной принадлежности к определённым функциям, показывает всё это и многое другое, и в целом приходит к заключению, что капиталистическому производству предвидится со временем конец»¹.

Смену капитализма новым экономическим строем Зибер представляет себе как чисто фаталистический процесс, в его схеме нет противоречий, присущих капитализму, которые на исторической арене проявляются в классовой борьбе. В его схеме нет пролетариата как класса, который является носителем нового, более прогрессивного строя.

Новый общественный строй, по мнению Зибера, должен возникнуть в результате плавного, эволюционного развития капитализма, в котором произойдёт социализация производства. Творцом этого нового строя будет междугосударственный конгресс буржуазных правительств. Капитализм как определённый вид общественной солидарности является определённой, исторически необходимой фазой в развитии человечества потому, что тот вид общественной солидарности, который обеспечивает возможность существования под всегдашним опасением остаться без работы, быть обойдённым, оттиснутым слепую общественною необходимостью, не может служить идеалом ни для отдельных лиц, ни для общественных союзов². В результате концентрации и централизации капитала возникнут монополистические союзы, более общие, нежели само государство.

В качестве примера Зибер ссылается на французские и американские железные дороги, на французскую спичечную компанию, пломбьерские воды, компании парижских омнибусов и др. Зибер говорит о «социализации производства», порождаемой развитием крупной промышленности. «Социализация производства находится в логическом и в историческом противоречии с теориею свободы торговли. Крупная промышленность, крупная торговля есть приближение к государственной монополии, а не к свободному соперничеству»³.

Зибер пишет о государственной монополии, которая должна сменить частную монополию, и в качестве примера приводит процесс объединения американских железных дорог, который достиг уже такой ступени, когда на место частной, своекорыстной и вредной для общества монополии должна стать монополия государства.

По мнению Зибера, «так называемая частная промышленность, теперь уже состоящая в руках миллионных компаний

¹ Н. З., Б. Чичерин contra К. Маркс, «Слово», февраль 1879 г., стр. 66.

² См. Н. З., Ф. Лассаль сквозь очки г. Б. Чичерина, «Слово», апрель 1878 г., стр. 82.

³ Н. И. Зибер, Экономические эскизы, Собрание сочинений, т. I, стр. 473.

и дающая занятия десяткам тысяч рук, со временем вдвинется в общие союзы...»¹ Зибер подвергает критике апологетический взгляд профессора Неймана Спалларта, согласно которому в результате международных сношений образовался высший организм — всемирное хозяйство, в котором отдельные народные хозяйства, без вреда для своей самостоятельности и не отрекаясь от своей индивидуальности, выполняют функцию членов огромного целого и находятся на путях преуспевания и расцвета.

По мнению Зибера, такого рода утверждения продиктованы классовыми интересами буржуазии, ибо опыт истории учит другому: «в борьбе международных интересов, точно так же как и в борьбе интересов отдельного народа, одерживает победу всё сильное, богатое, более образованное над слабым, бедным и невежественным»². Трудно поверить, подчёркивает Зибер, что Китай, покупая индийский опиум, сохраняет самостоятельность или что страны, ведущие преимущественно торговлю сырьём, развивают свою цивилизацию.

Для того, чтобы мировое хозяйство стало подлинным союзом равноправных, самостоятельных народных хозяйств, необходимо, полагал Зибер, чтобы торговые сношения приобрели более «общечеловеческий» характер. Необходимо, чтобы «международные сношения вступили в состояние действительно объективных функций и чтобы совокупные интересы отдельных обществ действительно образовали единое целое»³. Новую эру, которая должна наступить в международных сношениях, Зибер связывает с тенденциями процесса накопления капитала.

По мнению Зибера, накопление капитала будет непременно приостановлено в результате повсеместного распространения капитализма и насыщения всех рынков на континентах Азии и Африки.

«Ведь если каждая страна, — писал Зибер, — будет иметь свои фабрики важнейших средств существования, — а это так же верно, как то, что днём светит солнце, — то где они найдут себе непрерывно расширяющийся сбыт, необходимый для накопления капитала? Быть может, нам ответят словами Рикардо и Смита, что пределы имеет один только человеческий желудок; все же прочие потребности людей безграничны, а след., и спросу на всё большее и большее количество товаров не может предвидеться конец»⁴.

¹ Н. З., Ф. Лассаль сквозь очки г. Б. Чичерина, «Слово», апрель 1878 г., стр. 90.

² Н. З., Ход всемирного хозяйства в последнее десятилетие, «Русская мысль», кн. VII, 1882 г., стр. 70.

³ Там же, стр. 71.

⁴ Н. З., Ф. Лассаль сквозь очки г. Б. Чичерина, «Слово», апрель 1878 г., стр. 87—88.

Но если признавать, продолжает Зибер, закон необходимой заработной платы, который самым рельефным образом подтверждается всеми статистическими данными, то рабочий класс, представляющий собой главного потребителя, не найдёт средств, при помощи которых он мог бы непрерывно увеличивать свой спрос на предлагаемую рынком фабричную продукцию. А если рабочий класс не будет в состоянии поддерживать своим спросом на предметы необходимости непрерывное увеличение накопления, то он не будет в состоянии найти средства для предъявления возрастающего спроса на предметы потребления и роскоши.

Но, может быть, замечает Зибер, нам ответят, что богатым классам понадобится большее количество прислуги, тонких тканей, вин, серебряных и золотых изделий и пр. «Но ведь богатым людям нужно делать одно из двух: или проживать свой доход с капитала, или затрачивать его производительно, иными словами, способствовать накоплению капитала, и если они станут скупать все предметы роскоши, то накопление всё же прекратится»¹. По мнению Зибера, сначала замедление, а потом и прекращение накопления при существующей хозяйственной системе составляют прямое и непосредственное последствие не отсутствия у людей потребностей на всевозможные товары, а просто пустоты кармана у большинства народонаселения.

Зибер ошибочно представляет себе процесс накопления капитала. Он игнорирует то обстоятельство, что часть годовичного прибавочного труда должна быть обращена на изготовление добавочных средств производства и жизненных средств, что при капитализации прибавочной стоимости прибавочный продукт уже включает в себе вещественные составные части нового капитала.

Следует также заметить, что Зиберу, ограниченному рамками I тома «Капитала» К. Маркса, трудно было усвоить себе, что марксова теория реализации общественного продукта при простом и расширенном воспроизводстве даёт ответ на вопрос — как проявляется присущее капитализму противоречие между громадным ростом производства и узким базисом народного потребления. На основе своей ошибочной трактовки процесса расширенного воспроизводства Зибер и выдвигает свою схему автоматического крушения капитализма в результате приостановки процесса накопления капитала.

В последнем звене схемы Зибер исходит из того, что в международной обстановке наступит пора, когда в результате приостановления процесса накопления капитала международный конгресс организует новый строй. Он пишет: «...Если ... столкновение всех европейских стран на общем рынке, в связи с другими обстоятельствами, понизит число рабочих часов на фабриках и до-

¹ Н. З., Ф. Лассаль сквозь очки г. Б. Чичерина, «Слово», апрель 1878 г., стр. 89.

ведёт до *minimum*'а накопление, а с ним и эту форму власти, то между-государственный конгресс правительств немедленно же должен будет положить начало совершенно новым юридическим порядкам»¹.

Таким образом, экономические воззрения Зибер увенчиваются схемой нового, коллективистического социального строя, где будут преодолены противоречия капитализма в результате международного сговора буржуазных правительств.

Как же представляет себе Зибер активное вмешательство людей в поступательный ход исторического процесса, сознательное участие в смене капитализма новым, гармоническим общественным строем?

Социалисты 30-х и 40-х годов, указывает Зибер, составили множество планов желательного кооперативного строя будущего общества. Противники социалистов, стоявшие на страже *status quo*, отрицательно относились к замене существующего строя кооперативным, ибо идеи социалистов казались им превратными, опасными и вредными. Наконец, третья группа стремилась повернуть назад колесо истории и мечтала о возвращении к ремесленно-феодальному строю. Зибер пишет, что все представители различных мнений одинаково признавали за человеком право и возможность творить общественные формы из ничего, т. е. независимо и даже наперекор действительности. Только первая и третья группы относились к предполагаемой свободе действий человека одобрительно, вторая же большей частью опасалась тех последствий, к которым могло бы привести употребление этой свободы в дело. Естественные фазы общественного развития, под которыми Зибер понимает специфические формы общественной кооперации, «идут одна другой на смену в силу необходимого и неизбежного закона внутреннего развития общества, а потому и не могут заменяться какими угодно *другими* формами кооперации. Форму общественного строя во всём её целом нельзя придумать, нельзя и воротить назад, как невозможно перескочить из ремесла, помимо мануфактуры, в фабрику, или из фабрики в мануфактуру. Форма эта даётся самой жизнью»².

Зибер писал, что на протяжении всего «Капитала» К. Маркса нельзя встретить решительно «ни одного даже намёка на необходимость какой бы то ни было переделки имущественных форм, в надежде, что за подобной переделкой само собою последует и изменение в материальном положении»³. Таким образом, Зибер утверждает, что у Маркса нигде или почти нигде не говорится

¹ Н. Э., Ф. Лассаль сквозь очки г. Б. Чичерина, «Слово», апрель 1878 г., стр. 73.

² Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 378.

³ Н. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г.,

о пользе или надобности каких бы то ни было практических преобразований.

Ссылаясь на Маркса, который писал, что если общество и не может перескочить через естественные фазы своего развития и отменить их при помощи декрета, то оно может сократить и облегчить муки родов нового строя, Зибер представляет себе возможную роль человека в процессе смены капитализма высшей формой следующим образом: «Но неужели же, спросит, может быть, читатель, так и предоставить всё естественному течению вещей, воздерживаясь от всякого сознательного вмешательства в движение общественных форм?

Нет, ответим мы ему: во-первых, подобное воздержание... невозможно..., а во-вторых, упомянутое «сокращение и облегчение мучения родов» представляет само по себе в высшей степени обширную и благодарную задачу воздействия на общественные явления». И далее Зибер указывает, что для регулирования капитализма как определённой формы общественной кооперации необходимо предварительно «отыскать в ней некоторые слабые пункты; одним из таковых является, например, продолжительность рабочего дня в фабричных предприятиях машинной индустрии. Сократите здесь труд, вы этим подействуете на *уровень* системы сочетания труда и вместе с тем вы сократите переход из одной формы общественной кооперации в другую»¹.

Наряду с регулированием рабочего дня Зибер отводил большую роль страхованию как фактору, который может содействовать смягчению классовых противоположностей капиталистического общества. Подчёркивая важную общественную роль, которая принадлежит широко развитому страхованию, Зибер писал: «При таком экономическом состоянии общества, какое господствует в настоящее время в Западной Европе и к которому неудержимо стремимся мы сами — а, именно, при состоянии всеобщей борьбы экономических интересов, — начало страхования может сделаться одним из могучих средств к уравниванию шансов

стр. 4. В своём представлении от 16 ноября 1871 г. факультету работы Зибер «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» (Киев 1871) в качестве магистерской диссертации профессор Г. Цехановецкий отметил главным образом её достоинства с точки зрения исследования теории ценности и капитала Д. Рикардо. Что касается теории Маркса, то почтенный профессор ограничивается скудным замечанием, что «автор считает учение Маркса прямым продолжением и развитием учения Рикардо о труде, как основании ценности». Профессор Цехановецкий подчёркивает также, что Зибер подробно разбирает теорию ценности и денег Маркса и оставляет в стороне «практическую сторону его учения» («Университетские известия» № 12, Киев 1871, стр. 3, «Разборы диссертаций»). Таким образом, очевидно, благодаря игнорированию Зибером революционных выводов из «Капитала» профессор Цехановецкий и считал возможным рекомендовать книгу Зиберу в качестве магистерской диссертации.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 379.

борьбы между отдельными членами общества. Начало это является, быть может, одним из видов той силы, которая имеет своим назначением снова спаять в одно целое и связать прочными нитями воедино разрозненные и разбросанные части общественно-экономического механизма¹. В другой своей работе Зибер, отмечая техническое преимущество крупного земледелия по сравнению с мелким, считает, что крупная поземельная собственность должна будет уступить место кооперативной форме труда, которая обеспечивает преимущества крупного производства и соблюдение общих интересов². Зибер, следовательно, представлял себе сознательное участие в общественной жизни исключительно на путях рабочего законодательства, развития страхования, распространения кооперативных форм, на путях реформаторской деятельности, которая должна облегчить муки рождения нового строя.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. ЗИБЕРА

В связи с общими воззрениями Зибера на возможность сознательного воздействия на общественные явления развивалась его общественная деятельность — участие в организации Киевского потребительского общества, сотрудничество в «Киевском телеграфе», а в последние годы его жизни — сотрудничество в «Вольном слове».

Зибер в январе 1869 г. был избран в члены совета Киевского потребительского общества³. В феврале 1869 г. Зибером была написана для «Киевлянина» перепечатанная затем в «Киевском телеграфе» статья, где он, говоря о незначительном числе пайщиков, сообщает, что члены-учредители в целях ближайшего ознакомления публики с принципами потребительских ассоциаций решили издать брошюру, посвящённую возникновению и развитию главнейших потребительских товариществ в России и за границей. В этой статье Зибер в кратких чертах останавливается на сущности потребительских обществ. Основная задача потребительских товариществ, по его мнению, заключается, во-первых, в устранении посредничества между производителями и оптовыми торговцами, с одной стороны, и потребителями — с другой, и, во-вторых, в сбережении на содержании большого числа лавок и магазинов, печатании реклам и пр.⁴ Изложив ряд фактов

¹ *Н. Зибер*, Цена труда, «Университетские известия» № 2, Киев 1875 г., стр. 76—77.

² См. *Н. И. Зибер*, Аграрный вопрос в Ирландии, Собрание сочинений, т. I, стр. 292.

³ См. «Киевский телеграф», 6 января 1869 г.

⁴ См. *Н. Зибер*, О потребительских обществах, «Киевский телеграф», 19 февраля 1869 г.

из истории иностранных и русских товариществ (Рочдель, Харьковское потребительское общество), Зибер подвергает разбору и критике некоторые параграфы устава Киевского общества потребителей. Зибер издал также в 1869 г. популярную брошюру, от имени совета Киевского общества потребителей под заглавием «Потребительные общества». Эта брошюра написана в обычном духе буржуазных реформаторов. Приведём несколько наиболее важных принципиальных положений Зибера. Задачу потребительских обществ Зибер видит в том, чтобы дать обществу возможность так устроить своё потребление, чтобы выгодно обходиться без розничного торговца и выгодно приобретать товар сразу в большом количестве. «Наибольшую пользу потребительные общества, — пишет Зибер, — без сомнения должны приносить рабочему классу и, как мы увидим ниже, в его среде они первоначально и возникли. Но с течением времени нашли не безвыгодным для себя обратиться к устройству потребительных обществ и средние, а отчасти и высшие классы общества»¹. Последнее обстоятельство является, по Зиберу, доказательством того, что «дух бережливости не чужд ни одному сословию». Что касается «образованных сословий», то они участвуют в потребительских обществах из желания принести пользу обществу. Зибер считает, что «русским обществам не мешало бы позаботиться о привлечении в свои члены простого народа, которому очевидно нужнее чем кому бы то ни было дешёвые предметы потребления»². Рабочий, получив возможность покупать предметы потребления дешевле прежнего, мог бы расплачиваться во-время. Ещё больше могут принести пользы производительные общества. Итоговый вывод Зибера: «В дальнейшем развитии общественной жизни от обществ потребителей совершается переход к обществам производителей»³.

Зибер в своих воззрениях на потребительские общества не выходит за пределы буржуазного кругозора. Он считает, что потребительские общества являются одним из тех мероприятий, которые исправляют некоторые «дурные» стороны капиталистического хозяйственного режима, что их назначение — принести пользу всему обществу, в особенности «простому народу», и что «образованные сословия», к которым он относит попа, адвоката, учёного и т. п., участвуют в потребительских обществах во имя «общего блага». Что касается значения потребительских обществ для рабочих, то Зибер не связывал их с политическими задачами рабочего класса. Он полагал лишь, что потребительские общества в известной мере окажут положительное влияние на бюджет рабочего.

¹ «Потребительные общества», составил Н. Зибер, Киев 1869, стр. 36—37.

² Там же, стр. 38.

³ Там же, стр. 42.

Зибер сотрудничал в газете «Киевский телеграф», где было помещено несколько его статей. В статье «О жилищах бедного населения Киева» от 13 января 1875 г. Зибер на основании результатов переписи, произведённой в 1874 г., приводит ряд ярких фактов острой жилищной нужды киевской бедноты. «Было бы долго, и вряд ли имело бы значение, — писал Зибер, — отыскивать специальные причины, обуславливающие подобное положение дела — в одном, хотя бы и большом городе, когда уже à priori можно сказать, что последнее должно находиться в связи со множеством явлений, гораздо более широкого значения и гораздо более обширной сферы действия»¹. Зибера интересуют меры, принятые городским управлением для устранения хотя бы известной доли жилищной нужды.

Зибер написал небольшой очерк о кустарном кожевенном производстве в одной из слобод Курской губ. и об артелях среди табачниц в городе Нежине. В последнем очерке Зибер пишет: «...Так как артельный способ насаждения табаку при том же количестве рабочих рук (и даже меньшей — ввиду большей успешности труда артелей) оплачивает их труд лучше, то он оказывается более предпочтительным и с народно-хозяйственной точки зрения»².

«Рабочему вопросу» на Западе Зибер посвятил большой фельетон от 30 июля 1875 г., где описывает ряд забастовок в различных городах Европы. Виновниками забастовок Зибер считает хозяев, рабочие же только защищались от понижения заработной платы. «Коренным источником всех подобных недоразумений и столкновений, — пишет Зибер, — служит самая система крупной индустрии, подверженная периодическому напряжению и ослаблению производственных функций общества, смотря по количеству сбыта того или другого отдельного товара»³.

Статьи Зибера находятся в полном созвучии с общим направлением «Киевского телеграфа». Та же тематика — рабочее законодательство, артели, кустарное производство, та же апелляция к земству, к самоуправлению, к интеллигенции⁴. За

¹ Н., О жилищах бедного населения Киева, «Киевский телеграф», 13 января 1875 г.

² Н., Артели табачниц в г. Нежине Черниговской губернии, «Киевский телеграф», 31 января 1875 г.

³ Н., По Европе, «Киевский телеграф», 30 июля 1875 г.

⁴ Что Зибер не был случайным сотрудником газеты, указывает хотя бы тот факт, что начиная с № 1 за 1875 г. редакция рекламировала его в числе своих виднейших сотрудников (см. «Киевский телеграф» № 1, 1875 г.). В «Киевском телеграфе» от 30 июля 1875 г. мы читаем заявление, подписанное рядом сотрудников, в том числе и Зибером, следующего содержания: «Вследствие разногласия в мнениях относительно ведения газеты, возникшего между издательницею, г-жею Гогоцкой, и нами, сотрудниками «Киевского телеграфа», мы оставляем редакцию этой газеты с 1 августа» («Киевский телеграф», 30 июля

1882—1883 г., которые были последними годами литературно-научной деятельности Зибера, он поместил несколько статей в «Вольном слове». Сотрудничество Зибера в «Вольном слове» было отделено от его участия в «Киевском телеграфе» периодом в семь лет. Однако никаких существенных изменений в общественно-политических воззрениях Зибера в течение этого отрезка времени не произошло. Но, конечно, в условиях заграничной печати Зибер мог в несколько более оппозиционных тонах высказываться о государственном строе России. В основном Зибер и в «Вольном слове» привлекала та же тематика, которой он посвятил свои статьи и в «Киевском телеграфе». Из статей Зибера, помещённых в «Вольном слове», наибольший интерес представляет собой большая рецензия на книгу В. В. «Судьбы капитализма в России»¹. Несколько статей, насыщенных главным образом фактическим материалом, Зибер посвятил положению рабочего класса в России и на Западе².

Для характеристики новейшего российского законодательства Зибер в специальной статье останавливается на «высочай-

1875 г.). Каково было направление этой газеты? Содержание ряда передовых статей этой газеты — «Акционерные компании» от 16 февраля 1875 г., статья о найме рабочих в номере от 23 февраля 1875 г., «К вопросу о найме рабочих» от 14 и 19 февраля 1875 г., «Общества сельского хозяйства и их значение у нас» от 26 февраля 1875 г., «О свеклосахарной промышленности» от 21 марта 1875 г., «Наш неурожай и его последствия» от 27 июля 1875 г. — за период официального сотрудничества в ней Зибера достаточно рельефно отражает буржуазно-либеральный характер этой газеты. По «рабочему вопросу» — передача рабочим домов путём выкупа, участие рабочих в прибылях предприятий, пропаганда рабочих артелей, ограничение рабочего дня, учреждение независимой рабочей инспекции и т. д. Вся эта цепь мероприятий обосновывается необходимостью использовать опыт Запада и тем самым смягчить муки рождения нового общества. Всё это находит обоснование в том положении, что «рабочий вопрос» является одной из слабых сторон капитализма, которые рядом мероприятий могут быть смягчены, сглажены. По «крестьянскому вопросу» — поддержка кустарного производства на основе артельного начала, помощь интеллигенции и земства в организации сельскохозяйственных артелей, отрицательное отношение к существующей системе податей и налогов — всё это вместе с признанием (в отличие от народников) необходимости для русского народа пройти через фазу капитализма. Здесь мы имеем ясно выраженную программу либеральной, передовой буржуазии, которая понимает неизбежность, прогрессивность капиталистического способа производства и не идёт дальше реформ, могущих, по её мнению, смягчить отрицательные его стороны. Ведущая роль принадлежит интеллигенции, т. е. по существу либеральной буржуазии, в интересах «общего блага» опекающей «низшие классы». Пролетариат и крестьянство фигурируют на страницах «Киевского телеграфа» в роли опекаемых, в роли объектов реформаторских экспериментов «внеклассовой» интеллигенции. Пролетариат, в понимании «Киевского телеграфа», — придаток капитала, а не класс-гегемон, исторически призванный к свержению капитализма и к строительству коммунизма.

¹ См. П. С., Капитализм в России, «Вольное слово» № 41, 1882 г.

² См. П. С., Фабричный закон в России, «Вольное слово» № 42, 1882 г.; П. С., Фабричные рабочие в Швейцарии, «Вольное слово» № 45, 1882 г.

шем повелении» о поземельном устройстве бывших вольных людей Западного края ¹.

Подводя итоги нового закона, согласно которому вольные люди были лишены своих исторических прав на землю, обрабатываемую ими в течение нескольких столетий, Зибер писал: «...Новое повеление представляет собой не что иное, как патриотически-реакционную меру той же категории, к какой принадлежат соглядатайские законы об усиленных охранах, военных судах и других недоброй памяти учреждениях последнего двухлетия».

Острой критике подверг Зибер книгу В. П. Безобразова о народном хозяйстве России ².

Зибер обвиняет Безобразова в том, что всё содержание его сочинения исчерпывается «собеседованиями на московско-патриотическую тему...», что автор «с особенным, хотя и совершенно беззубым и бессодержательным, злорадством относится ко всякому случаю проявления свободы мысли». Учёное глубокомыслие отечественного академика Зибер резюмирует следующим образом: «Если истребить всякую искру света, проникающую в дремучий лес невежества и суеверия разных классов общества, то от того только процветут истинные народные начала, среди которых будет привольно житья всем *доучившимся до бессмыслия* исследователям так называемого «народного хозяйства»».

Отметим также большую статью Н. И. Зибера, посвящённую школьным сберегательным кассам на Западе ³. Зибер пишет, что сторонники школьных сберегательных касс вступают в противоречие с самыми основными и очевидными требованиями нравственности, строго воспрещающими «воспитывать детей в идеях эгоизма и собственного интереса». «Дитя, — указывает Зибер, — по самой своей природе должно интересоваться гораздо более потребительною ценностью предметов, их вкусом, красотою, способом приготовления, словом — живыми и естественными их свойствами, а не абстрактною меновою их ценностью, которая ведёт к мысли о наживе» ⁴.

Одним из главных недостатков в аргументации защитников «так называемого сбережения» Зибер видит в том, что «они сбережение смешивают с трудолюбием и добрым порядком в ведении хозяйства». Зибер вскрывает также классовые корни,

¹ См. П. С., Вольные люди Западного края и новый закон о них, «Вольное слово» № 49, 1882 г., стр. 3.

² См. П. С., Кладёзь официальной учёности («Народное хозяйство в России») В. П. Безобразова, действительного члена Имп. Акад. наук, Спб. 1882), «Вольное слово» № 56, 1883 г., стр. 9—11.

³ См. П. С., Новая язва капитализма. Школьные сберегательные кассы в Швейцарии и во Франции, «Вольное слово» № 46, 1882 г.

⁴ Там же, стр. 13.

лежащие в основе пропаганды школьных сберегательных касс. Это идеология мелкой буржуазии, которая, «несмотря на все удары судьбы, попрежнему придерживается мнения, что, при некоторых усилиях по части сбережения, она может превратиться в крупную». Зибер подчёркивает, что в сбережениях мелкой буржуазии львиною долей участвуют «тузы крупной буржуазии, которые не только сосредоточивают в своих кассах все взносы детей, вдов и сирот, но нередко приводят их и к краху»¹. Итоговый вывод Зибера, что «там, где «все сберегают» — все теряют, кроме немногих, которые спекулируют на сбережения», что «крупный капитал не удовольствовался телом детей рабочих, он пожелал ещё взять к себе на службу также и их душу»². В данной статье Зибера кроме глубокого теоретического анализа вопроса о школьных сберегательных кассах следует отметить также и пафос негодования против мерзостей буржуазного общества, которое не только физически, но и нравственно калечит молодое поколение в интересах буржуазии, обуреваемой жадной обогащения.

Участие Зибера в Киевском потребительном обществе, его брошюра о потребительских обществах, его сотрудничество в газете «Киевский телеграф», а также в «Вольном слове», статьи его, помещённые в этих органах печати, — все эти факты дают нам подлинную характеристику Зибера как общественного деятеля. Но, конечно, при анализе социальных корней творчества Н. И. Зибера следует учесть прежде всего его работы в области экономической науки.

К Зиберу вполне применима та характеристика, которую Ленин дал либеральным деятелям, мечтавшим подготовить «коллективизм» через «всевозможные кооперации». Ленин писал: «В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров»³.

Зибер как в своих теоретико-экономических воззрениях, так и в своей практически-общественной деятельности не понимал основного — роли рабочего класса как могильщика капитализма и организатора коммунизма.

Зибер не понимал, что для марксизма, как революционно-критической науки, характерна органическая внутренняя связь с борьбой пролетарских масс за своё освобождение от ига капитала.

¹ П. С., Новая язва капитализма. Школьные сберегательные кассы в Швейцарии и во Франции, «Вольное слово» № 46, 1882 г., стр. 13.

² Там же.

³ В. И. Ленин, О кооперации, Соч., т. 33, стр. 427.

ОЦЕНКА НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. И. ЗИБЕРА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В свете подлинного облика Н. И. Зибера как учёного и политического деятеля¹ со всей очевидностью выступает ошибочность оценки его научно-общественной деятельности как представителя якобы ортодоксального, «правоверного» марксизма, которая была типична для дореволюционной литературы о Зибере. Так, например, В. Яковлев писал, что Маркс «нашел себе в Зибере лучшего истолкователя и популяризатора в русской литературе», и далее: «Благодаря, главным образом, трудам Зибера, трудовая теория ценности Рикардо — Маркса и марксова схема экономического развития получили и в русской экономической науке твёрдую и прочную постановку»².

¹ Некоторые некрологи, появившиеся вскоре после смерти Н. И. Зибера, рисуют его личность, склад характера, пытаются дать его психологический портрет. Профессор А. В. Романович-Славатинский отзывался о нём, как о подлинном, преданном, без страха и упрёка рыцаре науки. Зибер представляется ему натурой кристально чистой и честной, чуждой компромиссам. Он пишет: «Это была натура нервная, глубоко впечатлительная, с которой не всегда мог справиться его уравновешенный, довольно положительный ум. Он как-то трепетно и лихорадочно относился к явлениям жизни и к вопросам науки» (А. В. Романович-Славатинский, Н. И. Зибер и А. Е. Назимов, «Русские ведомости», 19 ноября 1902 г.). Д. Н. Овсяннико-Куликовский считает, что характерными чертами Зибера были искренность и открытость, он всегда высказывал «правду в глаза». «В таких случаях он бывал резок и горяч. Он осуждал страстно и беспощадно». Овсяннико-Куликовский отмечает также, что наряду с сухим и тяжёлым слогом, которым Зибер писал свои работы, он обладал даром ясного, отчётливого и даже художественного устного изложения (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания, стр. 144, 145). В таких же тонах, как учёного, преданного науке, гуманного и отзывчивого, рисует Зибера и А. И. Чупров. В некрологе, посвящённом Зиберу, Чупров писал: «Н. И. Зибер представлял собою чистейший тип учёного, столь редко встречающийся в наши дни. Все его заботы и помыслы были сосредоточены исключительно на изучении любимой науки и на учёно-литературных трудах. В самой политической экономии Николая Ивановича интересовали не столько практические вопросы..., а, напротив, теоретическая, философская сторона предмета. Николай Иванович готов был целые месяцы просидеть над какой-нибудь трудной проблемой из теории обмена и распределения народного богатства и целые дни спорить и проговорить о ней. При таком направлении ума Н. И. естественно сосредоточил главное внимание на глубоком изучении английских классических экономистов и их новейших продолжателей». Заканчивает некролог А. И. Чупров указанием на замечательный ум и гуманность Н. И. Зибера: «А те, кто вспоминают ещё глубокий аналитический ум, детски-чистое сердце, идеальную доброту, безукоризненную честность не только поступков, но и сокровеннейших помыслов покойного, те не могут не прибавить ещё несколько лишних черт к его симпатичному образу» («Казанский биржевой листок», 13 мая 1888 г.). Отметим также отзыв Н. К. Михайловского: «Есть специалисты и люди кафедры, к которым я отношусь несколько скептически, но Зибер был действительно серьёзный учёный; и уже ни в каком случае не стал бы я с ним меряться знаниями, — слишком бы это было для меня невыгодно» (Н. Михайловский, Литература и жизнь, «Русская мысль», кн. VI, 1892 г., стр. 189).

² В. Я. [Яковлев], Зибер, Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон, т. XII-А, Спб. 1894, стр. 581.

В энциклопедии под редакцией С. Н. Южакова мы читаем: «Главной заслугой Зибера следует признать систематическую разработку вопроса о ценности, не имеющую себе почти ничего равного в русской литературе; затем популяризацию и истолкование К. Маркса и разработку вопроса о первобытных формах земельного хозяйства и общины в особенности, равно как и вопрос об эволюции форм промышленности, причём схема Маркса иллюстрирована Зибером многими самостоятельными примерами»¹.

В статье, посвящённой 10-летию со дня смерти Н. И. Зибера, Г. Зуев писал, что главная заслуга Зибера в том, что он «дал прочную постановку в русской экономической науке трудовой теории ценности и марксовской схемы экономического развития»².

А. И. Чупров писал, что сочинение Зибера «Рикардо и Карл Маркс», «замечательное по учёности и по обилию оригинальных мыслей, важно ещё в том отношении, что оно в первый раз познакомило русскую читающую публику с теоретическими учениями К. Маркса и выяснило тесную связь его доктрин со взглядами классических экономистов»³.

«Юридический вестник» в своём некрологе отмечает, что «Зибер был едва ли не лучший у нас знаток классической английской экономии, её предшественников и продолжателей... Он обогатил русскую науку прекрасным переводом Рикардо и большим, мало до сих пор оценённым трудом «Очерки первобытной экономической культуры»»⁴.

П. Струве, говоря о сильном и непосредственном влиянии Маркса на русскую экономическую литературу, писал: «Его (Маркса.— А. Р.) теория ценности и капитала принимается многими, и притом весьма известными русскими экономистами... Безусловным «марксистом» был покойный Зибер»⁵.

Как о последовательном марксисте о Зибере говорит и Л. Клейнборг. «Как теоретик,— писал Клейнборг,— Зибер явился у нас самым ранним «правоверным» последователем системы Маркса... Он был первым по времени русским марксистом; наследство, им оставленное, весьма значительно и место его в истории русской научно-общественной мысли вполне определённое»⁶.

¹ «Большая энциклопедия», под ред. С. Н. Южакова, т. IX, Спб. 1902, стр. 659.

² Г. Зуев, Памяти Н. И. Зибера, «Одесские новости», 29 апреля 1898 г.

³ «Казанский биржевой листок», 13 мая 1888 г.

⁴ «Юридический вестник» № 6—7, 1888 г., стр. 161.

⁵ «К. Маркс», Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон, т. XVIII-A, Спб. 1896, стр. 666.

⁶ Л. Клейнборг, Николай Иванович Зибер, «Мир божий» № 1, 1904 г., стр. 17, 20.

Профессор А. А. Мануилов считает Зиберу горячим сторонником идей Маркса. Он писал: «Мысль о внутренней преемственности классической школы и учений социализма и коммунизма была развита впоследствии известным экономистом Н. И. Зибером в сочинении «Давид Рикардо и К. Маркс» и получила широкое признание в нашей экономической литературе. Критическое направление Чернышевского подготовило у нас умы к восприятию идей Маркса, горячим сторонником и талантливым популяризатором которого являлся тот же Зибер»¹.

При всех оговорках, что Зибер не боролся за осуществление идей марксизма на практике, марксистом считает Зиберу и Л. Дейч. Он пишет: «Будучи в теории ярким марксистом, проф. Зибер, тем не менее, отрицал необходимость осуществить взгляды основателей научного социализма на деле»².

Однако наряду с откликами, где отмечалась роль Зиберу как крупного экономиста, как пропагандиста экономического учения Маркса в связи с классической школой, как последовательного марксиста, некоторые исследователи договорились до утверждения, что Зибер является основоположником марксизма в России, родоначальником русской социал-демократии. Так, например, видный буржуазный экономист профессор Миклашевский писал: «Зибер был самым талантливым родоначальником русской социал-демократии и истолкователем учений Рикардо, Маркса и Родбертуса... Покойный проф. А. И. Чупров говорил мне, что он научился понимать К. Маркса только благодаря Н. И. Зиберу»³.

О Зиберу как об основоположнике марксизма писал и Д. Н. Овсяннико-Куликовский. «Как известно,— читаем мы у него,— Н. И. Зибер был последовательный, «правоверный» марксист и по праву должен быть признан родоначальником «русских учеников Карла Маркса»⁴.

Итак, представители буржуазной и мелкобуржуазной русской науки и публицистики считали Зиберу ортодоксальным, правоверным, безусловным марксистом; больше того, некоторые авторы возводили его в ранг родоначальника русской социал-демократии.

Приводились и следующие факты «революционной» биографии Зиберу. В 1873 г. Зибер вступает в украинскую громаду

¹ А. А. Мануилов, Политическая экономия. Курс лекций, вып. 1, изд. 2, М. 1918, стр. 46.

² Л. Дейч, За полвека, изд. «Грани», Берлин 1923, стр. 101.

³ А. Н. Миклашевский, История политической экономии, XIX в., Юрьев 1909, стр. 253.

⁴ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания, изд. «Время», П. 1923, стр. 144.

и наряду с профессором Драгомановым завоевывает в ней выдающееся положение. В качестве аргументов о революционной общественной деятельности Зибера указывалось на его участие в прогрессивной газете «Киевский телеграф», на его причастность к организации Киевского потребительского общества¹.

¹ Единственным «источником», на основании которого создавалась легенда об известной близости Зибера к революционному движению, являются показания Богословского, Велещницкого, Курицына и Гольденберга. Исходя из этих материалов, департамент полиции составил в 1880 г. записку «Свод показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях». Авторы «Примечаний» к этой записке А. А. Русов и Ф. К. Волков — видные украинфильские деятели той эпохи — вскрывают грубые преувеличения и фантастичность ряда сведений, содержащихся в этой записке. «Старая Громада», указывают Русов и Волков, состоявшая главным образом из деятелей науки и литературы, была весьма далека от какой бы то ни было революционной деятельности, её деятельность была научно-литературной, а также и общественной в духе конституционно-освободительного движения. Если департамент полиции считал, что Зибер принадлежал к числу видных деятелей социально-революционной партии, то авторы «Примечаний» указывают, что Зибер участвовал в организации устройства частных женских курсов, где Зибер читал политэкономии, Волков — физику и химию, Драгоманов — всеобщую историю. В «Своде...» указывается, что «...Цветковский участвовал в денежных пособиях при приготовлении к Чигиринскому бунту». Авторы «Примечаний» пишут: «Ни Цветковский, ни кто бы то ни было из киевских украинфилов ни в каких приготовлениях к Чигиринскому бунту ни малейшего участия не принимали и по принципу принимать не могли. Поводом же к показанию Богословского могло послужить то, что некоторые из киевских украинских кружков приглашали к себе под предлогом работы, а иногда и действительно полить дрова, чигиринских крестьян, содержащихся по поводу этого бунта при киевских полицейских частях и не получавших там пищи, а отпускаявшихся с целью заработка в город» («Былое» № 6/18, 1907 г., стр. 157). Это относится, конечно, и к Зиберу, академическая деятельность которого в Киевском университете продолжалась недолго. Зибер был в 1873 г. избран доцентом по кафедре политической экономии и статистики. В 1875 г. он выходит в отставку и вскоре уезжает за границу.

О причинах отставки Зибера существуют различные точки зрения. Так, например, А. А. Русов и Ф. К. Волков — авторы «Примечаний», касающихся сообщества украинфилов, к «Своду показаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях» — пишут: «Н. И. Зибер, известный экономист, никогда не скрывался и, выйдя в отставку, вследствие увольнения Драгоманова, переселился вполне легально в Берн, где его супруга, Олимпия Ник..., училась медицине» («Былое» № 6/18, 1907 г., стр. 155). Эту же версию разделяет Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Он пишет: «Возмущённый увольнением Драгоманова, он в знак протеста вышел в отставку и уехал за границу» (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания, стр. 145). В духе этой версии писал и сам М. П. Драгоманов в своём письме М. М. Стасюлевичу от 11 марта 1876 г. (см. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», под ред. М. К. Лемке, т. V, Спб. 1913, стр. 215).

Другая версия — уход Зибера из университета был связан с атмосферой бюрократизма, делячества и подхалимства, господствовавшей в университете. Так, например, А. В. Романович-Славатинский писал: «Зибер не мог долго оставаться в той университетской среде, которая сложилась в половине семидесятых годов, когда стали господствовать совместительство и нажива, когда достаток предпочитали таланту, когда научные интересы побледнели и самым цен-

Некоторые националисты-петлюровцы договаривались на основании указанных фактов до утверждения, что Зибер якобы — основоположник марксизма на Украине, что он чуть ли не организовал рабочий класс Украины и руководил его революционным движением; и всё это декларируется на основании слухов, предположений, при отсутствии минимума конкретных доказательств. Большую помощь украинским буржуазным националистам в деле обоснования их теории особых путей развития марксизма на Украине оказывали троцкисты.

На самом же деле трудящиеся всех национальностей нашей страны обрели в лице русского пролетариата надёжного руководителя в их борьбе за освобождение от социального и национального гнёта. Рабочий класс на Украине, формировавшийся как из украинского, так и русского населения, быстро рос с развитием промышленности. «Рабочий класс Украины являлся составной частью пролетариата России. Рабочее движение на Украине развивалось в неразрывном единстве с общероссийским рабочим движением»¹.

Это стремление превратить Зибера в родоначальника марксизма, эта попытка создания особого, украинского, марксизма является одним из моментов обоснования контрреволюционной попытки противопоставления Украины Советскому Союзу, обоснования националистической и фашистской политики отрыва Украины от Советского Союза и реставрации капитализма.

В противоположность буржуазной и мелкобуржуазной оценке Зибера В. В. Воровский ещё в дореволюционной печати (в 1908 г.) писал о Н. И. Зибере как об одностороннем марксисте². В. В. Воровский в 1908 г. напечатал большую статью, посвящённую Зиберу. О первом издании книги Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», вышедшем в 1871 г., Воровский пишет, что книга давала несравненно больше, чем обещало её заглавие. «Она давала историко-теоретическое исследование учения о ценности всей классической школы экономистов, главным образом Ад. Смита, Мальтуса, Дж. Ст. Милля, Д. Рикардо и... К. Маркса. Включение Маркса в ряд экономистов-классиков может показаться странным и его сторонникам, и его противникам. Но в том-то и дело, что *теория трудовой ценности*, основание которой было положено Ад. Сми-

ным качеством человека признавались хитрость и практическая изворотливость» (А. В. Романович-Славатинский, Н. И. Зибер и А. Е. Назимов, «Русские ведомости», 19 ноября 1902 г.). Зибер уехал в Швейцарию и поселился в Берне, где всецело предавался научно-литературной деятельности.

¹ «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)», Госполитиздат, 1954, стр. 14.

² См. В. В. Воровский, К истории марксизма в России, Соч., т. I, Партиздат, 1933, стр. 127.

том (и даже некоторыми его предшественниками), получила своё окончательное завершение в учении о ценности К. Маркса. Эволюция этой теории вполне соответствовала эволюции производственных отношений капиталистического общества. Эта теория была выражена в общих чертах самим же Зибером»¹.

В. В. Воровский отмечает также успешную научную деятельность Зибера по изучению первобытной культуры и первобытных учреждений, где он выступил как интересный и самостоятельный исследователь. В. В. Воровский указывает также на заслуги Зибера в его борьбе с «критиками» К. Маркса — Ю. Жуковским и Б. Чичериным.

Отдавая должное Зиберу как экономисту, вступившему в борьбу с представителями «патентованной» русской науки, В. В. Воровский подчёркивал, что Зибер не был диалектиком, что он был эволюционистом, что «за эволюцией Зибер не разглядел диалектики». В. В. Воровский писал: «Но хотя Н. И. Зибер был... ревностным поборником марксизма, но всё же в его понимании этого учения были серьёзные пробелы. Эти пробелы вытекали из того обстоятельства, что при жизни Зибера в России ещё отсутствовали те живые общественные силы, движение которых создало на Западе разделявшееся Зибером учение. Само это учение носило тогда в России несколько абстрактный, доктринёрский характер. Если оно и связывалось в уме нашего автора с определёнными общественными элементами, то связывалось скорее статически, а не в движении. Благодаря этому и вся концепция марксизма пропитана у Зибера в сильной степени отвлёчёнными догматизмом»².

Русская общественная мысль никогда не развивалась изолированно от Запада. С 70-х годов начинается проникновение марксизма в Россию, которое было идейно подготовлено деятельностью Белинского, Герцена и Чернышевского, расчищавших дорогу к восприятию идей марксизма. Направления русской общественной мысли, «критически» настроенные к капитализму и относящиеся к экономическому учению К. Маркса как к высшему продукту западноевропейской культуры, подвергали его переработке в соответствии с той классовой основой, рупором которой данное направление идей являлось, подвергали экономическое учение К. Маркса переделке, для того чтобы иметь оружие для действия, перспективу исторического развития»³.

¹ В. В. Воровский, Н. И. Зибер, Соч., т. I, стр. 174.

² Там же, стр. 177.

³ О большом интересе представителей передовой русской интеллигенции 70-х годов к произведениям К. Маркса свидетельствует, например, обращение А. А. Слепцова к автору «Капитала» от имени редакции журнала «Знание»

В том, что Зибер отправлялся от «Капитала» Маркса, крупную роль играли и традиции прогрессивной ветви русской экономической мысли, которая творчески воспринимала идеи классической школы и их самостоятельно и оригинально трактовала применительно к русской действительности.

Положительную оценку, как мы это видели, получили высказывания Зибера по ряду вопросов в работах В. И. Ленина. Имеются данные, что И. В. Сталин читал книги Зибера во время своего пребывания в 1894—1899 гг. в духовной семинарии, причём работы Зибера были также рекомендованы членам марксистских кружков, во главе которых стоял И. В. Сталин.

Так как первый русский перевод I тома «Капитала» был библиографической редкостью, то книга Зибера «Давид Рикардс и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» долго служила в качестве ценного пособия в марксистских кружках конца 80-х и начала 90-х годов.

Работы Зибера давали богатый материал для критики народнических теорий о «народном производстве» в России¹.

Маркс высоко ценил Зибера, как первого крупного экономиста, написавшего большое исследование о «Капитале», как первого замечательного исследователя, осветившего преемственную связь между «Капиталом» и классической политической экономией. В послесловии ко второму изданию I тома «Капитала» К. Маркс так отзывается о книге Н. И. Зибера: «Еще в 1871 г. Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» показал, что моя теория стоимости, денег и капитала в ее основных чертах является необходимым дальнейшим раз-

с предложением о сотрудничестве. А. А. Слепцов в письме к Марксу (конец 1870 г.) предлагал ему «заняться распространением в России через журнал новейших социально-экономических учений, направленных главным образом на защиту четвертого сословия, и исследованием отношения этих учений к местным русским условиям...». «Мы горячо приветствуем,— писал А. А. Слепцов,— взгляды, высказанные Вами в «К критике политической экономии» и в I томе «Капитала»...» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 189—190).

¹ Комментируя фразу, которая приписывалась Зиберу, что «из русского мужика не выйдет никакого толку, пока он не выварится в фабричном котле», Н. Е. Федосеев в письме к Н. Михайловскому от 8 ноября 1893 г. писал: «Эта фраза, очевидно, теоретическое предположение, основанное на твердом убеждении, что при известных общественных отношениях, при существовавших на Руси общественных силах, в результате бедствия которых совершилась реформа 19 февраля со всеми её экономическими и прочими последствиями, что при этих отношениях и силах Россия обязательно пройдет через стадию капитализма... следовательно «русский мужик выварится в фабричном котле» и из него тогда только выйдет известный толк, в смысле, который придавал этому слову Н. И. Зибер. Н. И. Зибер во многом оказался прав...» («Из неизданного литературного наследия Н. Е. Федосеева», «Литературное наследство» № 7—8, 1933 г., стр. 186—188).

витием учения Смита — Рикардо. При чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения»¹.

В лице Зибера мы видим крупного пропагандиста экономических идей Маркса в России 70-х годов.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 14. Подвергая критике Адольфа Вагнера, который отождествлял теорию стоимости Маркса с теорией стоимости Рикардо, Маркс писал: «Г-н Вагнер мог бы как из «Капитала», так и из сочинения Зибера (если бы он знал русский язык) увидеть разницу между мною и Рикардо, который на деле занимался трудом лишь как *мерой величины стоимости* и в силу этого не нашел никакой связи между своею теорией стоимости и сущностью денег» (К. Маркс, Замечания на книгу Адольфа Вагнера, см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 456).

К. Маркс, который внимательно следил за важнейшими экономическими исследованиями, выходившими в России, многие из которых он читал на русском языке, интересовался работами Зибера. Так, в письме к Н. Ф. Даниельсону от 12 декабря 1872 г. К. Маркс писал: «Мне очень хотелось бы увидеть книгу киевского профессора Зибера об учении Рикардо и других о стоимости и капитале, в которой говорится также и о моей книге» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 87). В письме от 18 января 1873 г. Маркс сообщает Даниельсону о получении книги Зибера (см. там же, стр. 90).

Марксу были знакомы также некоторые статьи Зибера, печатавшиеся в журналах. Так, сохранилась черновая тетрадь К. Маркса, относящаяся к 1875 г., в которой переписана значительная часть статьи Н. И. Зибера «Экономическая теория Маркса», напечатанная в январской книге журнала «Знание» за 1874 г. Маркс занёс в эту тетрадь не только выписки из статьи, но и сделал к ним ряд заметок («Летописи марксизма», IV, 1927 г., стр. 56—62). Маркс читал также статью Зибера, направленную против Ю. Жуковского (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 15). Отметим также, что Маркс лично знал Зибера. Об их встречах в начале 1881 г. свидетельствует письмо Маркса к Даниельсону от 19 февраля 1881 г., в котором он писал: «В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим профессор Зибер (он сейчас поселился в Цюрихе) и г. Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 112).

В своей автобиографии профессор Каблуков вспоминал: «Вторую половину 1880 г. жил в Лондоне, занимаясь ежедневно в библиотеке Британского музея и проводя часть дня совместно с занимавшимся в то время там же И. И. Янжулом... и с Н. И. Зибером, работавшим тогда над своей книгой «Очерки первоначальной экономической культуры», по поводу которой мы много беседовали с ним. С ним же вместе неоднократно бывал я у К. Маркса и Ф. Энгельса, которые охотно принимали нас и познакомили с своими семьями. Там же у Маркса мы познакомились с А. Бебелем» («Вестник статистики» № 8—12, 1919 г. Приложение «Николай Алексеевич Каблуков» (Автобиография), 1920, стр. 7).

Глава седьмая

**ОТКЛИКИ НА «КАПИТАЛ» К. МАРКСА
В НАРОДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
70-х ГОДОВ И В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННОКОВ**

ОТКЛИКИ НА «КАПИТАЛ» К. МАРКСА В ЖУРНАЛЕ «ВПЕРЕД»

В негальной русской периодике 70-х годов больше всего откликов на «Капитал» К. Маркса встречается в лавровском журнале «Вперёд». Этот журнал, созданный русской революционной эмиграцией, являлся органом русской подпольной печати 70-х годов. Он выражал идеологию правого крыла революционного народничества. Редактором журнала «Вперёд» был П. Л. Лавров. Маркс и Энгельс неоднократно критиковали теории Лаврова, который был одним из виднейших теоретиков и публицистов народничества, родоначальником русской так называемой субъективной школы в философии и социологии. В своей работе «Эмигрантская литература» Энгельс писал: «По своей философии друг Петр является эклектиком, который старается из самых различных систем и теорий выбрать наилучшее: испытайте все и сохраните наилучшее! Он знает, что во всем есть своя хорошая и своя дурная сторона и что хорошую сторону следует усвоить, а дурную отбросить. А так как каждая вещь, каждая личность, каждая теория имеет обе эти стороны, хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теория в этом отношении примерно так же хороша и так же дурна, как и всякая другая, и, следовательно, было бы глупо с этой точки зрения горячиться, отстаивая или отрицая ту или иную. С этой точки зрения вся борьба и все споры революционеров и социалистов между собою должны показаться чистыми пустяками, служащими лишь для того, чтобы радоваться их врагов. И вполне понятно, что человек, который держится таких взглядов, пытается примирить всех этих взаимно борющихся людей и серьезно убеждает их не доставлять больше реакции этого скандального зрелища, а нападать исключительно на общего врага»¹.

¹ Ф. Энгельс, Эмигрантская литература, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 231.

В письме к дочерям Женни, Лауре и Элеоноре от 13 июня 1871 г. Маркс писал: «Лавров...— довольно хороший мальй, не без способностей, но он испортил себе мозги и зря потерял время благодаря тому, что в течение последних 20 лет читал главным образом немецкую литературу (философскую и прочую) этого периода,— самый скверный сорт литературы, какой только существует. Повидимому, он воображал, что раз эта литература немецкая, то она непременно должна быть и «научной»¹. Критикуя социологические воззрения народников как мелкобуржуазную идеологию, В. И. Ленин указывал, что народническая теория о роли личности в истории ставит утопию на место критического материалистического исследования, что субъективный метод народников знаменует собой превращение общественной науки в ряд назиданий в духе мещанской морали.

За период 70-х годов в журнале «Вперёд» помещались материалы о русской жизни того времени, где встречались ссылки на «Капитал» К. Маркса.

Передовая статья от 31 декабря 1875 г., подводя итоги истекшему году, констатирует всё растущее подчинение во всём цивилизованном мире всех общественных вопросов вопросу денежному, развитие спекулятивного духа, растущую концентрацию имущества в руках немногих. Передовая указывает, что и в императорской России эта сторона европейской цивилизации сделала громадные успехи: «Личная собственность, в её нынешней усовершенствованной форме, не может не вызывать ожесточённой борьбы за обогащение, не может не вызывать всеобщей продажности, не может не отрицать всякой идеи, «чуждой коммерческой подкладки», не может не ставить крупной взятки «в заслугу», не может не создавать царства «кулаков», не может не раздвигать общественной связи. Повторяем: это — *фатально*»². Отмечая наличие процесса концентрации как в земледелии, так и в промышленности, передовая ссылается на «Капитал»: «Немудрено, что Карл Маркс кончает новое французское издание своего «Капитала» (последние выпуски только что появились) примечанием, в котором говорит: «Многие напрасно думают, что общий кризис был, так сказать, усчитан жестокими, но частными взрывами. Напротив, он приближается к своему апогею. Англия будет местом центрального взрыва, и его отзвук почувствуется на всемирном рынке»³.

Автор передовой «Вперёд» от 1 июня 1876 г. считает, что если буржуазия в России действительно развивается быстро и успешно, то она всё же политической силой никогда не сделается.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 123.

² «Минувший год», «Вперёд!», 31 (19) декабря 1875 г., Лондон, стр. 740.

³ Там же, стр. 741.

«В экономическом же отношении,— читаем мы в этой передовой,— судьба русской буржуазии известна и давно формулирована Карлом Марксом. Если социальное-революционная партия в России не сумеет организовать и организовать народные восстания в подавляющую и обновляющую силу, то, конечно, пред русским народом лежит ещё длинный период страшных страданий»¹.

Автор подчёркивает, что, если даже попытки русских революционеров подготовить и организовать революцию окажутся неудачными, во всяком случае «законы экономические, рано или поздно, совершают своё дело: пробьёт «час капиталистической собственности». «Экспроприаторы» сами подвергнутся «экспроприации».

Автор этой передовой ссылается, таким образом, на «Капитал» для подкрепления своего тезиса, что русская буржуазия обречена на ту же судьбу, как и буржуазия всего мира, и вопрос лишь в том, удастся ли организованным народным восстанием революционерам-социалистам сократить ход её возвышения и ускорить её гибель. Автор, таким образом, пытается обосновать народнические воззрения, используя идеи «Капитала».

В передовой статье журнала в связи с выступлением русской прессы по поводу циркуляра гр. Толстого написано:

«Свобода науки!— Ну, а если профессор будет самым строгим научным методом доказывать, что капиталистический порядок фатально ведёт большинство к разорению и к вырождению, и что единственный исход из настоящего бедственного положения есть отмена частной собственности и экономическая ликвидация современного общественного строя. Допустите ли вы свободу *этой* науки, этого преподавания? Нет, вы не допустите её; вы прогоните профессора с кафедры, засадите его в тюрьму или лишите всех средств существования, говоря, что это *ложная* наука и что её мало опровергать, но надо *преследовать*. Потому что вы хотите не свободы *науки*, а свободы *для себя*, свободы для образованного меньшинства жить на счёт большинства. Вы не верите в *действительную* силу своих псевдонаучных экономических теорий настолько, чтобы вести со своими противниками *научную* полемику. Никто из вас не опроверг выводы «Капитала»»².

Таким образом, автор, отправляясь от «Капитала» К. Маркса, убедительно доказывает, что не может быть подлинной свободы научного исследования и свободы преподавания в условиях самодержавного режима России, где тунеядствующее, паразитическое меньшинство живёт за счёт эксплуатации и угнетения народных масс.

¹ «Роль народа и роль интеллигенции», «Вперёд!», 1 июня (20 мая) 1876 г., стр. 314.

² «Диагноз и рецепты общественных медиков», «Вперёд!», 15(3) ноября 1875 г., стр. 647—648.

Ряд ссылок на «Капитал» К. Маркса встречается в журнале «Вперёд» при рассмотрении проблем западноевропейского рабочего движения 70-х годов и злободневных вопросов экономической и политической жизни Западной Европы.

В обзоре рабочего движения за 1873 г. автор рассказывает о тяжёлых жилищных условиях рабочих Берлина. «В текущем году квартирная нужда в девятисоттысячном городе продолжает расти и расти. Редкая неделя проходит без того, чтобы в газетах не появлялись сцены из квартирной драмы, сцены, одна возмутительнее другой: там смерть под открытым небом, за неимением подвала или чердака; тут самоубийство после долгой борьбы с голодом и ввиду невозможности заплатить за логовище; здесь поднят с мостовой больной, у которого нет угла, где бы он мог прилечь хоть на время болезни, и т. д. В конце февраля из подвалов и погребов отдалённых переулков Берлина выполз на свет голодный тиф, законное детище голода и квартирной нужды...» Далее в обзоре отмечаются высказывания Энгельса из его работы по жилищному вопросу, что квартирная нужда — необходимое условие буржуазного общества и что разрешение квартирного вопроса возможно лишь в результате уничтожения капиталистического способа производства¹.

Говоря о краткой продолжительности жизни рабочего, о его заболеваниях и ужасающей смертности как неизбежных спутниках капитализма, автор ссылается на известное место из «Капитала», где Маркс пишет, что в своём безмерном стремлении к прибыли капиталист переходит не только нравственные, но и чисто физические границы рабочего дня².

В работе «Очерки развития международной ассоциации рабочих» констатируется всё более усиливающееся распространение катедер-социализма и уменьшение роли «манчестерской» школы. «Всё чаще и чаще практические деятели рабочих движений начинают сами выступать в качестве деятелей на поприще экономической науки; читатель припомнит имена де Панэ, Эккариуса, Беккера, Франца и др., которые все были, а частью остаются, подёнщиками, не говоря уже о том, что передовые деятели рабочего движения — Маркс, Прудон, Лассаль — стоят во главе экономической науки. Короче, всё более дело начинает итти к тому, чтобы, с одной стороны, политическая экономия прямо приняла в число своих выводов результаты рабочих движений, с другой же стороны, ставила положения, которые на практическом языке народной жизни однозначущи с требованиями социальной революции»³.

¹ См. «Летопись рабочего движения», «Вперёд!», т. I, Цюрих 1873 г., стр. 34—35.

² См. там же, стр. 42—43.

³ «Очерк развития международной ассоциации рабочих», «Вперёд», т. I, 1873 г., стр. 118.

Таким образом, в этой работе не проводится различия между Марксом, Прудонем и Лассалем, они ставятся в один ряд как передовые деятели рабочего движения.

Пытаясь провести разграничение между рабом, крепостным и вольнонаёмным рабочим, автор ссылается на известное место в «Капитале», где Маркс указывает на те предпосылки, которые необходимы для того, чтобы рабочая сила была товаром¹.

Подвергая анализу средневековый город, автор ссылается на ряд мест «Капитала» — о превращении мастера в капиталиста, об отделении города от деревни, о развитии мануфактуры². Ряд ссылок на «Капитал» имеется и при изложении рабочего законодательства³.

Под несомненным влиянием идей «Капитала» написан очерк «Неизбежная вражда». Этот очерк построен в виде переписки двух приятелей. На ряде страниц излагается проблема эксплуатации труда капиталом, популяризируется вопрос об источнике прибавочной стоимости. Автор пишет: «По самой сущности современных условий производства представитель труда должен получать самую малую долю ценности товара, им выработанного, и вся ценность которого создана его трудом; представитель труда должен отказываться от всех человеческих, развивающих элементов жизни и мало-помалу сходить всё ниже по лестнице существа. А капиталист, представитель общественного хищничества, должен всё увеличивать свои барыши и концентрировать труд многих голодающих личностей в своих карманах...»⁴.

Автор — сторонник радикального переворота, социальной революции. Он считает источником всех зол, претерпеваемых рабочим людом, современный государственный и общественный строй. «Освободить этот люд от тяготеющих над ним нужды, болезней, невежества и всяких страданий можно лишь радикальным переворотом этого общественного строя, разрушением самых его основ, т. е. полной социальной революцией»⁵. Автор ссылается в качестве авторитетов на А. Смита и К. Маркса. Он указывает, что человеческий прогресс невозможен, пока современный экономический строй будет существовать, что это «самый прочный вывод трудов ряда экономистов, начиная Адамом Смитом и кончая Марксом»; он советует «познакомиться серьёзно с этими трудами, прежде чем толковать с... отвратительным оп-

¹ См. «Очерк развития международной ассоциации рабочих», «Вперёд!», т. I, 1873 г., стр. 122—123.

² См. там же, стр. 139.

³ См. там же, стр. 166—168, 173—175.

⁴ «Неизбежная вражда (переписка двух приятелей)», «Вперёд!», т. III, Лондон 1874 г., стр. 19.

⁵ Там же, стр. 22.

тимизмом о возможности мирного и постепенного улучшения быта большинства в нынешнем строе общества»¹.

В статье «Кто разрушает «основы» общества?», написанной под влиянием идей «Капитала», доказывается, что святая святых буржуазного общества — частная собственность — роковым, немолчимым образом разрушается самим ходом капиталистического производства. Автор пишет, что конкуренция — стимул и сущность буржуазного общества — является фатально врагом его священнейшей святыни, его кумира — частной собственности. «Монополия больших капиталов *требует* союза мелких; союз их *фатально* вызывает биржевую игру. Биржевая игра *логически* влечёт за собою биржевые кризисы. За ними почти неизбежно следуют промышленные. *Священная* собственность крупных капиталов переходит из кармана менее ловкого мошенника в карман более ловкого. *Священная* собственность мелкого капиталиста обращается в нуль во имя самой сущности буржуазного общественного хозяйства. Пролетарии — у этих нет собственности, и у них отнять нечего, кроме жизни, — выгоняются тысячами, десятками тысяч на улицу, чтобы умирать с голоду. Роковой фатум обрекает буржуазное общество на разрушение собственными руками его высшей святыни, не говоря уже о жизни пролетариев, которые, конечно, для буржуа в счёт нейдут»².

Говоря о кризисе 1873 г., автор ссылается на предсказание этого кризиса, которое имеется в послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала»: «Все внимательные наблюдатели его давно ждали, и Карл Маркс заключал 24 янв. 1873 г. послесловие второго издания первого тома своего «Капитала» предсказанием приближающегося кризиса, более разностороннего и более интенсивного, чем предыдущие.

Предсказание это не замедлило осуществиться, но кризис 1873 г. наступал при другой общественной обстановке, при другой публике, чем предыдущие. За мало распространённым трудом Карла Маркса (1859), направленным к уяснению основ и главных направлений капиталистического производства, последовало два издания первого тома «Капитала» (1867 и 1872/73), и его научная разработка социалистических идей нашла отголосок в целой литературе популяризирующих журналов для рабочих и для социально-демократической пропаганды»³.

Передовая двухнедельного обозрения «Вперёд», указывая на «растущий пролетариат» как на «резкий диссонанс» современной цивилизации, отмечает, что выводы «Капитала» разделяются всеми добросовестными исследователями: «Откуда произошёл евро-

¹ «Неизбежная вражда (переписка двух приятелей)», «Вперёд!», т. III, 1874 г., стр. 17.

² «Кто разрушает «основы» общества?», «Вперёд!», т. II, Цюрих 1874 г., стр. 166.

³ Там же, стр. 207.

пейский пролетариат с его диссонансами, так пугающими жуиров европейской цивилизации? Я не стану ссылаться этот раз на К. Маркса с его выводами, которые считаю известными большинству читателей. Его могут счесть пристрастным, как социалиста.

Но самые осторожные писатели, готовые защищать существующий порядок, пришли к результатам, почти тождественным с знаменитым автором «Капитала», только позже, так как и вопрос они ставили в возможно микроскопических размерах... Разрушение солидарных групп работников, даже самых несовершеннолетних, для образования из них, с одной стороны, нескольких частных собственников, конкурирующих из-за обогащения [с] помощью чужого труда, с другой — массы бездомников, конкурирующих из-за куска хлеба — вот источник пролетариата в его самой сжатой формуле¹. Рассмотренные статьи были большей частью написаны Лавровым.

Хотя «Вперёд» и пропагандировал на своих страницах идеи «Капитала» К. Маркса, популяризировал его экономическое учение, излагал взгляды Маркса на законы капиталистического развития, однако журнал и его руководитель — идеолог народничества эклектик Лавров не понимали исторической миссии рабочего класса, как могильщика капитализма и борца за социализм.

Приведённые материалы являются наглядным свидетельством популярности «Капитала» среди теоретиков народничества 70-х годов, которые в нелегальной прессе для пропаганды своих идей пользовались «Капиталом».

«ПРАКТИК» НАРОДНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ О «КАПИТАЛЕ» К. МАРКСА

Во многих очерках и мемуарах, посвящённых 70-м годам, ряд авторов свидетельствует о громадной популярности «Капитала» среди «практиков» народнического движения, о пропагандистской роли «Капитала» среди революционной молодёжи того времени, об изучении «Капитала» в ряде революционных кружков не только столичных городов, но и глубокой провинции.

В работе, посвящённой народникам-пропагандистам 70-х годов, Лавров указывает на то, что обострению борьбы русской революционной молодёжи с оплотом реакции — царским самодержавием — содействовали события, связанные с Парижской Коммуной 1871 г.

«Возбуждению умов молодёжи, — продолжает далее Лавров, — в значительной мере содействовали в эти самые годы — рядом с журнальными статьями о Лассале и с романом Шпильгагена, в

¹ «Фатальное бессилие либералов», «Вперёд», 1 апреля (20 марта) 1876 г., стр. 163—164.

котором он фигурировал как герой, рядом с романами Швейцера и других — появление русских переводов самих произведений Лассалля, первого тома «Капитала» Маркса, распространение книги Флеровского (Берви) о положении русского рабочего и, может быть, некоторых других произведений того же времени¹.

Во многих очерках имеются указания, что кружок «чайковцев» выделял значительную часть своих средств, труда и времени на распространение легально издававшейся литературы по вопросам общественнознания.

В целях пробуждения серьёзного интереса к социально-экономическим проблемам в числе прочих книг распространялся в провинции и «Капитал» Маркса².

«Капиталом» Маркса интересовались и в кружках как «бунтарей», учеников Бакунина, так и «федералистов», державшихся Лаврова. О чтении «Капитала» в кружках такого рода писал Н. С. Русанов: в первой половине 70-х годов «как пороховая дорожка, начала бежать среди русской интеллигенции из столицы в большие провинциальные центры, из центров по всем городам весть о новой великой книге — «Капитале» Маркса, которая как бы отменяет весь старый экономический завет и вводит новый»³.

«Чуткая молодёжь, — продолжает автор, — отчасти под влиянием вестей из эмиграции и от своих товарищей, живших за границей, особенно в Цюрихе, скоро поняла значение этой книги. Жандармы с удивлением начали почти при всех обысках рядом с чисто агитационной литературой находить и «Капитал» Маркса»⁴. Автор далее указывает, что хотя члены кружка проявляли большой интерес к «Капиталу», однако их более привлекали воззрения Чернышевского. Члены кружка были убеждены, что, «согласно примечаниям к Миллю, важнее знать, что капитал как совокупность орудий производства всегда создаётся трудом, а потому и должен принадлежать ему, чем видеть в капитале лишь враждебную в данный момент рабочему историческую форму производства»⁵.

Интересен отзыв о популярности «Капитала» среди революционной молодёжи 70-х годов одного из видных участников процесса 193-х — Ковалика. Автор красочно рисует пропагандистскую роль «Капитала», который пробуждал в молодёжи ненависть к господствующему социально-политическому режиму. Автор

¹ П. Л. Лазров, Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., стр. 31.

² См. С. Чудновский, Отрывки из воспоминаний 1872—1873 гг., «Исторический сборник» № 1, 1907 г., стр. 33; Н. Н. Драго, Записки старого народника, «Каторга и ссылка», кн. 6, 1923 г., и др.

³ Н. С. Русанов, Из моих воспоминаний, кн. I, Берлин 1923, стр. 115.

⁴ Там же, стр. 116.

⁵ Там же, стр. 118.

пишет: «В 1870 г. появился в русском переводе I том «Капитала». Стройностью системы и глубиной критики Маркс произвёл на интеллигентную молодёжь большое впечатление, которое по силе можно сравнить разве с тем, которое в своё время вызвал Дарвин. Немногие, конечно, одолели Маркса, но идеи его, изложенные в «Капитале», стали входить в общий оборот». Автор далее указывает, что широко распространялись лишь экономическое учение Маркса о трудовой стоимости и его взгляды на отношения между трудом и капиталом. К общим же проблемам «философии истории», т. е. исторического материализма, семидесятники проявляли мало интереса. «Молодёжь того времени и после прочтения «Капитала» продолжала оставаться на точке зрения так называемого ныне «утопического социализма» и признавала своими учителями Чернышевского, а вскоре потом Лаврова и Бакунина»¹.

В воспоминаниях, посвящённых Софье Перовской, Корнилова-Мороз рассказывает о той популярности, которой пользовался среди студентов и курсисток 70-х годов «Капитал» Маркса².

Член исполнительного комитета «Народной воли» Ширяев «серьёзно проштудировал «Капитал» Маркса, будучи в 1875—1876 гг. студентом ветеринарного института в Харькове»³.

Под большим впечатлением идей «Капитала» находился и Н. А. Морозов. В 1933 г. он вспоминал: «На меня ещё до возникновения «Народной воли» огромное влияние произвело чтение «Капитала» Маркса. И до тех пор я много читал по политической экономии, — и Адама Смита, и Рикардо, и Джона Стюарта Милля, — но ясно чувствовал, что все они ходят вокруг чего-то основного, но не в состоянии его сформулировать. И вот наглядное выражение Маркса, что «товар есть откристаллизовавшийся полезный труд», объединило для меня все формы продуктов в их трудовой ценности, которую до Маркса смешивали с рыночной ценою... Я понял, что только с этого момента политическая экономия стала действительной наукой, и вывел из основных положений Маркса дальнейшие последствия, в результате которых появилась первая программная трещина между мною и Тихомировым»⁴.

¹ Старик (Ковалик С. Ф.), Движение 70-х годов по большому процессу (193-х), «Былое» № 10, 1906 г., стр. 5—6.

² См. Корнилова-Мороз, Перовская и основатели кружка чайковцев, «Каторга и ссылка», кн. 1/22, 1926 г., стр. 16. В письме к Ж. Лонге от 6 июня 1881 г. К. Маркс писал, что «знаменитая Перовская, погибшая за русскую революцию, ... мужественно умерла на виселице» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 136—137).

³ «Автобиографическая записка и письма С. Ширяева» с предисловием Р. М. Кантора, «Красный архив», т. VII, 1924 г., стр. 76.

⁴ Н. Морозов, Карл Маркс и «Народная воля» в начале 80-х годов, «Каторга и ссылка», кн. 3/100, 1933 г., стр. 144—145. В 1934 г. Н. А. Морозов сообщил ИМЭЛ, что он просил Маркса от имени «Народной воли» сотрудничать в органе партии, который должен был выходить в Женеве. Н. А. Морозов указывал, что Маркс по его просьбе обещал написать статью о русской зе-

На популярность «Капитала» среди революционной молодёжи 70-х годов указывает и Вера Фигнер. Так, например, она пишет, что в середине 70-х годов «наиболее популярными среди университетской молодёжи были произведения Маркса и Лассаля, а затем заграничный журнал Лаврова «Вперёд» и другие революционные издания»¹.

Вера Фигнер подчёркивала, что изучение I тома «Капитала» в 1881 г. дало ей большую эмоциональную зарядку в борьбе с царским самодержавием и вместе с тем своими оптимистическими перспективами «Капитал» подкрепил её социалистические стремления. Вера Фигнер писала: «...Это было, можно сказать, моё второе крещение в социализм. Пламенное красноречие Маркса огненными словами запечатлелало в памяти моей целые страницы». Однако изучение «Капитала» не привело в это время Веру Фигнер к пересмотру её народовольческих взглядов, к её переходу на позиции марксизма. «Прежние взгляды, — утверждает Вера Фигнер, — лежали основным пластом, а сверху расположилось всё, почерпнутое из книги «Капитал». И эти два слоя не перемешивались сверху донизу, но как-то таинственно объединялись, удваивая силу убеждения и решимость бороться...»²

В автобиографии О. В. Аптекмана³, написанной в ноябре 1925 г., мы встречаем ряд фактов, относящихся к 1877—1879 гг., связанных с его стремлением выработать из себя «критически мыслящую личность», с его подготовкой к «хождение в народ». Аптекман работал над своим общим образованием, читал Чернышевского и «Капитал» Маркса. Автор пишет, что большое впечатление на него произвели «Происхождение человека» Дарвина, «Капитал» Маркса, «Очерки политической экономии» Чернышевского⁴.

В автобиографии, написанной в марте 1926 г., А. Н. Бах рассказывает, как ещё в гимназические годы, в середине 70-х мелкой общине для исполнительного комитета «Народной воли» (см. «Карл Маркс. Даты жизни и деятельности. 1818—1883», Партиздат, 1934, стр. 369).

¹ Вера Фигнер, М. Н. Тригопи, «Голос минувшего» № 7—8, 1917 г., стр. 201.

² Вера Фигнер, Очерки автобиографические, Полное собрание сочинений в семи томах, т. V, М. 1932, стр. 103, 105. В некрологе на смерть Веры Фигнер Ем. Ярославский писал: «В последние годы Вера Николаевна участвовала в протестах против фашистских зверств. Она говорила в кругу близких товарищей, что если б она могла участвовать активно в политической жизни, то единственная партия, в которую она вступила бы—это коммунистическая партия». «Имя Веры Николаевны Фигнер, — заключает свой некролог Ярославский, — останется в истории России, как имя одной из первых женщин, вышедших на борьбу с царизмом, с крепчайшим оплотом реакции в России и в других странах» (Ем. Ярославский, Умерла старейшая революционерка, «Правда», 16 июня 1942 г.).

³ Аптекман Осип Васильевич (1849—1926)— видный народник, один из организаторов партии «Земля и воля» и член её до 1879 г. Позже примкнул к «чернопердельцам».

⁴ См. «Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х годов», Энциклопедический словарь Гранат, т. 40, стр. 7 (Приложение).

годов, до него стали доходить подпольные издания того времени. Он пишет, что стал жадно с ними знакомиться, изучал литературу научного социализма, в особенности «Капитал» Маркса.

Л. Г. Дейч рассказывает о Фесенко, который в 70-х годах не соглашался ни с утверждением Бакунина, будто «русский народ всегда готов к бунту», ни с бакунинской теорией анархии. Автор пишет: «Необходимо было обладать немалой умственной самостоятельностью, чтобы в ту пору всеобщего в революционных кругах увлечения этой теорией открыто выступать против неё. Отчасти в этом отношении Фесенко помогло довольно основательное уже тогда знакомство с «Капиталом» Маркса»¹.

Однако Л. Г. Дейч указывает, что, будучи в теории последователем Маркса, Фесенко отдавал на практике предпочтение пропаганде среди сектантов, а не среди фабрично-заводских рабочих. Это объяснялось тем, что он всё же подчинялся господствовавшему тогда в России мнению о преобладающей роли в грядущей революции не рабочих, а крестьян².

Профессор Хлопин указывает на популярность среди студенчества приват-доцента Коссовского, который в своей «вступительной лекции всю историю политической экономии провёл по трём главным вехам — Ад. Смит, Рикардо и К. Маркс — и затем подробно изложил учение последнего, его связь с предшественниками и его место в развитии политической экономии, как науки»³. Вскоре последовало увольнение Коссовского из университета.

В передовых кругах русского студенчества 70—80-х годов интерес к марксизму не только как к экономическому учению, но и как к политической программе революционной практики был настолько велик, что отдельные студенческие группы стремились получить от Маркса прямые директивы, которые могли бы служить руководством к действию.

Так, например, группа студентов-юристов Петербургского университета обратилась к Марксу за содействием и поддержкой со стороны Международного Товарищества «во имя священного братства народов». Эта группа в письме от 2(14) октября 1871 г. писала Марксу: «Не хотите ли Вы привлечь русскую молодежь к Вашей работе и не окажете ли Вы ей содействие с целью распространения в нашей стране света свободы?»

Протяните нам братскую руку и помогите нам сбросить иго деспотизма и мракобесия, тяготеющее над нашей несчастной страной.

¹ Лев Дейч, Один из первых наших марксистов (из периода хождения в норах), «Вестник Европы», кн. XII, 1911 г., стр. 87—88.

² См. там же, стр. 101.

³ Г. В. Хлопин, Из воспоминаний студента 80-х годов, См. «Юбилейный сборник Военно-медицинской академии, посвященный 10-й годовщине Октябрьской революции», Ленинград 1927, стр. 124.

Давайте нам советы или, вернее, приказания, чтобы мы могли, следуя Вашей программе, внести свою долю в дело постройки здания, воздвигаемого Вами на развалинах Старого Общества»¹.

В автобиографии, написанной в 1925 г., Л. Г. Дейч вновь упоминает о Фесенко, оказавшем на него большое влияние. Он пишет: «Злые сарказмы Фесенко очень скоро опрокинули у меня авторитет Бакунина и особенно Лаврова, и без того едва державшийся... С таким оружием в руках, как «Капитал» Маркса, Фесенко нетрудно было поколебать во мне веру в полную готовность русских крестьян к революции и к социализму»².

Имя Маркса, как автора «Капитала» и ряда других произведений, было популярно среди русского студенчества конца 70-х и начала 80-х годов.

«Капитал» К. Маркса изучался самостоятельно передовыми студентами в кружках, поскольку университетская наука игнорировала экономическое учение К. Маркса. Так, например, в своих воспоминаниях о Петербургском университете 80-х годов проф. Г. В. Хлопин писал: «Преподавание политической экономии не стояло тогда в уровень с развитием этой науки. Читал её проф. политической экономии Феликс Ром. Вреден, про которого среди студентов говорили, что он не столько вреден, сколько бесполезен. А между тем этим предметом студенчество всех факультетов особенно интересовалось и занималось самостоятельно в кружках, изучая «Капитал» К. Маркса и политическую экономию Милля, преимущественно с примечаниями Чернышевского».

Имя Карла Маркса стало упоминаться и на студенческих сходках. Отголоском студенческого движения в Киевском университете в 1884 г. была прокламация, выпущенная революционно настроенными студентами, в которой упоминался К. Маркс. Студенты в прокламации заклеили Александра III как мракобеса и душителя науки.

«Не удовлетворившись обещанием университетов, российский деспот с своей продажной сворой открыто ругается над самой наукой, изгоняя из всех библиотек, как развращающий элемент, наряду с порнографией, Милля... Маркса. Он со своей сворой задушил лучшие органы общественной мысли и самых мыслителей морит в тундрах и рудниках».

Далее прокламация призывала:

«Мы должны доказать правительственной шайке, что молодая Россия не пойдёт на компромисс, что нравственные заушения и

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 194.

² «Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х годов», Энциклопедический словарь Гранат, т. 40, стр. 109 (Приложение).

возмутительные насилия, которые творят над студентами, выгоняя поголовно из университетов, возбуждая против них общественную травлю, замуровывая в тюрьмах и рудниках, не останутся без отпора со стороны студенчества. На каждый удар ответят удары, если свет сильнее тьмы, победа будет наша»¹.

О революционизирующем влиянии произведений К. Маркса на передовую часть русского общества сообщал автору «Капитала» исполнительный комитет партии «Народная воля» в письме от 25 октября (6 ноября) 1880 г.

«Класс передовой интеллигенции России,— читаем мы в этом письме,— всегда внимательно следящий за идейным развитием Европы и чутко реагирующий на него, с восторгом встретил появление Ваших научных работ.

Лучшие тенденции русской жизни нашли в них своё научное подтверждение. «Капитал» сделался настольной книгой образованных людей. Но в царстве византийской тьмы и азиатского деспотизма всякий прогресс социальных идей рассматривается как революционное движение. Очевидно, что Ваше имя должно было оказаться неразрывно связанным с внутренней борьбой в России; вызывая глубокое уважение и живую симпатию одних, оно подверглось гонению со стороны других. Ваши сочинения были запрещены, и самый факт их изучения считается признаком политической неблагонадежности»².

В «Капитале» студенчество 70-х годов зачастую искало ответа на вопросы программного характера, которые были актуальны в ту эпоху в связи с наличием различных течений среди радикальной молодёжи.

Так, в воспоминаниях, относящихся к гимназическим и студенческим годам (1878—1881), Е. Сидоренко указывает, что наличие двух течений революционной мысли, нашедших своё практическое выражение в партийных органах «Народной воли» и «Чёрного передела», вызвало в среде студенчества дискуссии программного характера. Автор выразительно рассказывает о своём изучении I тома «Капитала». Оно было связано с интересом к марксизму в студенческих кругах «чернопеределовцев». Автор пишет: «Одолев не без труда «Введение» и учение о прибавочной стоимости, я был подавлен и в то же время очарован научной эрудицией автора, силою логических построений, убедительностью и красочностью полемических приёмов, причём с необычай-

¹ Цит. по статье Ф. Щербы «Отношение к Марксу киевского студенчества в 1884 году», «Историк-марксист» № 6, 1941 г., стр. 102.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 251.

ной до того ясностью мне представилась вся «хитрая механика» образования прибавочной стоимости»¹.

Автор далее пишет, что под влиянием «Капитала» его стал интересовать вопрос, какую роль могут играть рабочий класс и крестьянство в тех «активных формах деятельности», какие пропагандировала «Народная воля», и насколько правы «чернопередельцы» в своей критике народнической программы.

Чрезвычайно любопытен также такой, например, факт, что народоволец Г. Г. Романенко в своей докладной записке, поданной в 1881 г. царю, стремясь «распропагандировать» его, отправляется от «Капитала» Маркса. Он писал царю: «Цель разрешения социальной задачи в общем намечена уже критической стороной дела, это: 1) устранение эксплуатации труда со стороны лиц, владеющих средствами приложения труда, и 2) передача экономической деятельности, общественной по существу, в ведение или, по меньшей мере, под контроль государства или общины». На этой почве возникали «разные коммунистические утопии», но «только в течение последних десятилетий, со времени научной разработки теории ценности, она начинает приобретать вполне научный характер. В этом отношении эпоху в науке составила книга Карла Маркса «Капитал»...». И далее Романенко излагает теорию ценности «по Марксу»².

О том, что «Капитал» играл крупную роль при обсуждении программных вопросов, указывает Вера Засулич. Так, в письме к Марксу 16 февраля 1881 г. она писала: «Вам небезызвестно, что Ваш «Капитал» пользуется большой популярностью в России. Несмотря на конфискацию издания, некоторое количество оставшихся экземпляров читается и перечитывается широкими кругами более или менее образованных людей нашей страны, и серьезные люди изучают его. Но что Вам, вероятно, неизвестно, — это роль, какую играет Ваш «Капитал» в наших спорах об аграрном вопросе в России и о нашей сельской общине»³.

И далее Вера Засулич указывает, что от той или другой точки зрения на сельскую общину зависит даже личная судьба русских революционных социалистов. «Либо эта сельская община, освобожденная от чрезмерных налогов, выплат помещикам и полицейского произвола, способна развиваться в социалистическом направлении... В этом случае революционер-социалист обязан посвятить все свои силы освобождению общины и ее развитию.

¹ «Кандалый звон», Историко-революционный сборник № 4, Одесса 1926, стр. 79.

² См. С. Валк, Г. Г. Романенко (из истории «Народной воли»), «Каторга и ссылка», кн. 11/48, 1928 г., стр. 55.

³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 299.

Если же, наоборот, община обречена на гибель, тогда социалисту, как таковому, остается лишь заниматься более или менее обоснованными вычислениями, чтобы определить через сколько десятков лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития, как в Западной Европе. Тогда им нужно вести пропаганду только среди городских рабочих, которые постоянно будут затопляться массой крестьян, выбрасываемых разлагающейся общиной на улицы больших городов в поисках заработка»¹.

В своём ответе Вере Засулич в письме от 8 марта 1881 г. Маркс утверждал, что «Капитал» не даёт доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины.

«...Община,— писал Маркс,— является точкой опоры социального возрождения России, но для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»². Приведённое высказывание Маркса в иной форме воспроизводило его взгляд на русскую общину, высказанный в письме в редакцию «Отечественных записок».

Русское передовое студенчество 70—80-х годов предприняло издание ряда работ К. Маркса и Ф. Энгельса.

Так, например, «Общество переводчиков и издателей», организованное московским студенчеством, выпустило ряд работ Маркса и Энгельса: «Гражданская война во Франции», «Наемный труд и капитал», «Социализм утопический и научный» и др. Интересно отметить, что в комментариях и примечаниях «переводчиков»

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 299—300. О перспективах общинной собственности в России писала 7 января 1871 г. К. Марксу и русская революционерка 70-х годов, член Русской секции I Интернационала, участница Парижской Коммуны Е. Л. Томановская: «Что касается альтернативы, которую Вы предвидите в вопросе о судьбах общинного землевладения в России, то, к несчастью, превращение его в мелкую собственность более чем вероятно. Все меры правительства—ужасающее и непропорциональное повышение податей и повинностей — имеют своей единственной целью введение личной собственности путем уничтожения круговой поруки» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 47).

² Там же, стр. 301. Прежде чем написать ответ Вере Засулич, Маркс написал три черновых наброска, представляющих большой интерес, так как они проливают свет на вопрос о воззрениях классиков марксизма о возможности некапиталистического развития остальных стран (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XXVII, стр. 677—697). К. Маркс писал о перспективах развития русского сельского хозяйства: «Физическая конфигурация русской земли благоприятствует сельскохозяйственной обработке при помощи машин, организуемой в широком масштабе и осуществляемой кооперативным трудом» (там же, стр. 685).

есть указания на революционные выводы из экономического учения К. Маркса. Так, например, в примечаниях к изложению «Капитала» К. Маркса по Мосту переводчик пишет: «Как бы то ни было, но не подлежит сомнению, что сплочённая масса пролетариев должна приобрести фактическую силу, которая доставила бы ей возможность сломить политическое государство эксплуатирующих её классов и приступить к коренной обработке экономических основ общественной жизни. Но пусть читатель помнит, что это социальное перерождение народа мирным путём осуществимо быть не может; там, где разрешается вопрос между двумя противоположными сторонами, мирный исход немислим, если одна из сторон не имеет ни желаний, ни доброй воли, а такова именно буржуазия со всеми своими представителями и благонамеренными учёными с капиталистическим устройством мозга. И далее переводчик указывает, что искать соглашения между капиталистом и рабочим — это значит быть сторонником «продления агонии у современного общества». «Чем короче смелый бой, тем меньше смертных случаев. Пролетарии всех стран, соединившись, должны поставить окончательную преграду той пагубной системе, которая разделяет человечество на два совершенно противоположных класса: массу голодающих и невежественных существ и кастожирнобрюхих мандаринов»¹. Издания «Общества переводчиков» были широко распространены по всей стране. Идеи «Капитала» К. Маркса вдохновляли передовое студенчество России 70—80-х годов на борьбу с социально-политическим режимом страны.

О популярности «Капитала» в России 70-х годов среди передовой молодёжи свидетельствуют также деятели земства. Так, например, земский статистик и публицист народнического направления М. К. Горбунова-Каблукова писала Энгельсу в письме от 25 июля 1880 г.: «Я попрошу Вас... передать господину Марксу, что его произведение «Капитал» широко распространено в России и не только среди ученых, но, главным образом, среди тех, кто проявляет какой-либо интерес к социальным наукам и к положению народа; «Капитал» много читается учителями и учительницами, т. е. теми из них, которые серьезно относятся к своей профессии. Но чем больше читается «Капитал», чем больше усваивают читатели и молодежь его основные положения, тем худшей славой пользуется эта книга у наших прокуроров и судебных следователей; за последнее время произошло несколько очень комичных случаев во время судебных заседаний. Для нас эта книга

¹ «Капитал и труд. Популярное извлечение из «Капитала» К. Маркса». Составил Иоганн Мост, 1881 (рукопись). Это издание, представляющее собою библиографическую редкость, находится в ИМЭЛС.

является дорогим и уважаемым учителем»¹. Идеи «Капитала» проникали и в армию, в офицерские круги. Так, например, бывший подполковник Люблинского полка, один из деятелей военной организации «Народной воли» — шлиссельбуржец М. Ю. Ашенбреннер вспоминал о той огромной роли, которую играла нелегальная литература в формировании мировоззрения передовой части русского офицерства 70-х годов. «Нелегальная литература,— писал Ашенбреннер,— обращалась к разуму и учила нас критически относиться к явлениям русской жизни. Она будила совесть индифферентного обывателя, она выправила наше мировоззрение и побудила заняться, вслед за учителями, переоценкой всех ценностей»².

В своей автобиографии, написанной в 1925 г., Ашенбреннер указывает, что в половине 70-х годов на юге России возникали среди офицеров кружки самообразования, где изучались проблемы социализма.

Автор пишет: «В это время между офицерами на юге ходил по рукам литографированный московскими студентами «Коммунистический манифест». Офицеры знакомились с Марксом не по I тому «Капитала», а по более доступным статьям профессора Зибера, которые печатались в журнале «Знание» под заглавием «Экономическая теория К. Маркса»³.

В ряде мемуаров встречаются указания, что «Капитал» проникал и в провинцию⁴. Так, в середине 70-х годов в саратовских кружках «вопросы философские дебатировались точно так же страстно, как и чисто политические, а Спенсер, Милль, Льюис и другие философы того времени являлись таким же обязательным предметом изучения для всякого, приобщающегося к ради-

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 240.

² М. Ю. Ашенбреннер, Военно-революционная организация партии «Народной воли», «Каторга и ссылка», кн. 5, 1923 г., стр. 60.

³ «Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х годов», Энциклопедический словарь Гранат, т. 40, стр. 13—14 (Приложение).

⁴ О необходимости иметь «Капитал» К. Маркса в библиотеках имеются высказывания и в легальной прессе 70-х годов. Так, в статье «Черты из умственной жизни Нижнего-Новгорода» («Камско-Волжская газета», 3 июня 1873 г.) автор — Дмитрий Кудрявцев — сетует на то, что в библиотеке мало «сочинений серьезного, добросовестного содержания, вышедших в последние два года». Он пишет: «Покупая ежегодно на 150 или 200 руб. книг, по большей части глупейших, библиотека умела в своё время приобрести сочинения Флеровского, Карла Маркса, Лекки, Тейлора, Эскироса и другие, более или менее серьезные издания... Библиотека не должна, по нашему мнению, руководствоваться меркантильными соображениями, не должна угрождать дурному вкусу..., но, как склад умственной пищи, как учреждение, имеющее образовательное и даже воспитательное значение, должна наполняться, по преимуществу, книгами, развивающими и направляющими ум и вкус читателей в лучшую, честную сторону...».

кальному, как Маркс (I том), Бакунин или текущая нелегальная литература»¹.

Из воспоминаний С. Я. Елпатьевского видно, что он читал в конце 70-х годов «Капитал», работая в качестве врача в Скопинском уезде, Рязанской губернии². С. Я. Елпатьевский красочно описывает свою попытку распропагандировать «шестидесятника» Голикова, находившегося под большим влиянием идей Прудона. Он писал: «Был... у Голикова указующий перст на жизненном пути — Прудон. Как-то вечером застал он меня на постоялом дворе за чтением «Капитала» Маркса, я только что получил на почте забытый в Москве том — и заинтересовался толстой книгой. Когда я рассказал ему, над чем работал Маркс, какую роль играл он в Западной Европе и как в последнее время русская молодёжь зачитывается им — он совершенно удовлетворился моими объяснениями и уверенно выговорил: — А, это как у нас был Прудон...»³.

В автобиографии, написанной в 1926 г., А. Ф. Михайлов указывает, что о выходе в свет «Капитала» он узнал в 1872 г. в период своего обучения в Ставропольской гимназии — по рецензии Кауфмана, в библиотеке, организованной при гимназии в целях отвращения учащихся от пагубного влияния революционеров. Автор пишет: «...Наконец, на одном из столов появился розовый «Вестник Европы». В февральской книжке (это был 1872-й год) я прочёл статью И. К-на (Кауфмана) о первом томе «Капитала» К. Маркса. Стал искать самый «Капитал», но безуспешно, — по видимому, его ещё не было»⁴.

Далее Михайлов рассказывает о кружках самообразования, которые возникли при Московском университете и которые начали с комментариев Чернышевского и продолжили «Капиталом» Маркса⁵. Интересно также указание Михайлова о спорах вокруг «Капитала» в московских кружках 70-х годов. Автор рассказывает о беседах со своим товарищем по университету Мартыновым в 1877 г. в Москве.

¹ Н. Волкова, Из жизни саратовских кружков (1903—1904 гг.), вып. 2, Ростов-на-Дону 1906, стр. 12.

² Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854—1913) — русский писатель. В начале 80-х годов — народовец, позднее — один из руководителей либерально-народнического журнала «Русское богатство». После революции 1905 г. С. Я. Елпатьевский, по характеристике В. И. Ленина, — один из вернейших единомышленников и соратников Н. К. Михайловского, один из «передовых» вождей ликвидаторства, радикальный буржуа или буржуазный демократ (см. В. И. Ленин, Радикальный буржуа о русских рабочих, Соч., т. 20, стр. 147).

³ С. Елпатьевский, В провинции, «Былое» № 3(31), 1925 г., стр. 63.

⁴ «Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х годов», Энциклопедический словарь Гранат, т. 40, стр. 255 (Приложение).

⁵ См. там же, стр. 257.

Автор рассказывает, как было устроено собрание, где им был прочитан реферат на тему «Экономический материализм как историко-философская и социологическая теория». Новая для слушателей теория вызвала горячие прения и оживлённые толки.

В воспоминаниях, относящихся к 1871 г., ко времени пребывания в Самарской гимназии, Н. К. Бух пишет: «Кроме «Исторических писем» мы штудировали... «Политическую экономию» Милля с примечаниями Чернышевского. Изучение этого сочинения считалось обязательным перед вступлением в святая святых социализма, преддверием к чтению «Капитала» К. Маркса. Первая часть этого «Капитала», написанная довольно туманно и усваиваемая девственными умами с большим трудом, внушала нам, молодым поклонникам Маркса, наряду с уважением к глубокой мудрости этого писателя страх и трепет»¹.

Н. К. Бух пытался дать энергетическую интерпретацию теории стоимости Маркса: «Ещё при первом чтении «Капитала» К. Маркса в 1874 г., когда я вернулся из первого нашего похода в деревню, у меня возник вопрос: почему труд-движение измеряется временем? Конечно, время здесь играет лишь передаточную роль. Измеряя труд-движение временем, мы измеряем его движением же, движением нашей планеты вокруг солнца или своей оси. Но почему применён такой грубый измеритель? Труд человека обычно заключается в передвижении массы. Масса тел расположена в природе не вполне так, как это требуется для удовлетворения человеческих потребностей. Чтобы приспособить окружающие тела к своим нуждам, человек сообщает движение массе и останавливает её в нужной ему точке. Законы движения масс изложены в механике и там, конечно, не измеряют их движение временем, движением небесных тел, а для этой цели имеют весьма точный измеритель. Напав вновь на этот след, теряющийся в дебрях научной тайги, и приложив законы механики к исследованию условий интенсивности труда, я пришёл к поразившим меня выводам, бросившим яркий свет на многие явления экономической и политической жизни»².

Интерес к «Капиталу» наблюдался не только в крупных центрах, но и в отдалённых уголках страны. Об этом свидетельствуют письма той эпохи. Так, в письме к Потанину, отправленном из Шенкурска 17 мая 1872 г., где речь идёт о разных точках зрения на поземельную собственность в Сибири, Ядринцев³ писал:

¹ Н. К. Бух, Воспоминания, М. 1928, стр. 34.

² «Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70—80-х годов», Энциклопедический словарь Гранат, т. 40, стр. 52—53 (Приложение).

³ Ядринцев Николай Михайлович (1842—1894)— сибирский общественный деятель, археолог, писатель-публицист радикально-народнического направления (см. Н. М. Ядринцев, К моей автобиографии, «Русская мысль», кн. VI, 1904 г., стр. 152—170; М. Лемке, Николай Михайлович Ядринцев, Спб. 1904).

«В моём учёном арсенале против введения у крестьян поземельной собственности на Востоке есть добрый заряд и совершенно новый. Это — доказательство, к чему привела распродажа земель в Австралии и как подействовала система Уэкфильда на поднятие цен на землю. Ныне дело клонит уже к выселению из Австралии, это доказывают цифры из Кольба в последнем немецком издании. Маркс громит эту систему учёной аргументации, полной ядовитой иронии»¹. В письме от 18 июня 1872 г. Н. Ядринцев излагает программу своей статьи о колонизационной деятельности Англии. Один из пунктов этой программы гласит: «Мануфактура—повелительница рынка сырья (по Марксу)... Современные Американские штаты остаются колонией Англии в торговом отношении (Маркс)»².

В этом же письме Н. Ядринцев сообщает Потанину, что благодаря содействию одного студента для него выписан «Капитал» Маркса³. В письме от 23 июня 1872 г., где Н. Ядринцев отмечает полемику, разыгравшуюся в журналах и газетах по вопросу о протекционизме, он пишет: «Вот и Маркс не одобряет буржуазный протекционизм»⁴. В письме от 30 июля 1872 г. Н. Ядринцев ставит Маркса в один ряд с Лассалем и Бебелем, которых считает «кооператистами» позднейшего времени, которые в отличие от кооперативных реформаторов типа Фурье и Сен-Симона, игнорировавших политические вопросы, «поняли связи экономического вопроса с историческими и политическими»⁵. Н. Ядринцев, будучи под впечатлением «Капитала», выдвигает тезис, что «Маркс придаёт огромное значение историческим моментам и эпохам с их формами, обусловленными жизнью народа и его сознанием»⁶.

В ряде воспоминаний имеются указания на пропаганду в России 70-х годов «Капитала» и среди рабочих.

В воспоминаниях, посвящённых московским революционным кружкам второй половины 70-х годов, в частности революционной пропаганде среди московских рабочих, С. А. Викторова-Вальтер указывает на большой интерес к Марксу после первого периода хождения в народ (1874 г.). Автор указывает на интерес к теории Маркса среди рабочих-лавривстов. Автор в качестве иллюстрации пишет про двух рабочих, частых посетителей их кружка: «Одним из вопросов, живо затрагивающих как Тихоньча, так и Тимофеевича, был вопрос о трудовой ценности Маркса, а также вопрос об отношении между трудом и капиталом. Оба рабочие во время

¹ «Письма Николая Михайловича Ядринцева к Г. Н. Потанину, вып. I (с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г.)», Красноярск 1918, стр. 27—28.

² Там же, стр. 39.

³ См. там же, стр. 36.

⁴ Там же, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 73.

⁶ Там же, стр. 74.

наших бесед старались разъяснить себе эти вопросы, исходя из наших крестьянских условий. На фабрике это определить нетрудно, — говорил Тимофеич, — а как выделить то, что называется прибавочной ценностью, в сельских работах, продолжающихся чуть ли не целые сутки? Отношения же между трудом и капиталом, т. е. помещиком, для которого работает крестьянин, и им самим, также запутаны и не так просто поддаются разрешению, как на любой фабрике... Тогда детально изучавший Карла Маркса Сергей Ламони или ещё кто-нибудь другой выступал со своим толкованием Маркса, и споры на эту тему продолжались иногда всю ночь»¹.

Отметим указание автора воспоминаний, что на одной из сходов 1878 г., на которой лавристы сражались с анархистами-бакунистами, выступал Г. В. Плеханов. О пропаганде членами «Земли и воли» «Капитала» Маркса среди рабочих рассказывал М. Р. Попов: «...Я, будучи членом «Земли и Воли», вёл занятия с рабочими в Колпине и именно знакомил их с социально-экономическими учениями Маркса. С первыми главами «Капитала» Маркса я знакомил их по Мосту, для чего он переводился, а я им прочитывал; «рабочий день» и все остальные главы Маркса читались мною им с объяснением по подлиннику этого капитального труда Маркса»².

Яркой иллюстрацией интереса, который проявляли передовые русские рабочие 70—80-х годов к работам К. Маркса, является, например, список книг из библиотеки кружка Невской заставы, где наряду с такими книгами, как «Положение рабочего класса в России» Флеровского, сочинения Добролюбова, «Пролетариат во Франции» Михайлова, упоминается также и работа К. Маркса «Гражданская война во Франции»³.

Приведённые нами свидетельства современников революционного народничества 70-х годов указывают на популярность «Капитала» Маркса среди революционной молодёжи той эпохи. Воспоминания и мемуары революционных деятелей той эпохи свидетельствуют о том, что наряду с интересом к «Капиталу» Маркса в легальной печати, где вокруг экономического учения Маркса развёртывались дискуссии, в которых участвовали виднейшие

¹ С. А. Викторова-Вальтер, Из жизни революционной молодёжи второй половины 70-х годов, «Каторга и ссылка» № 4/11, 1924 г., стр. 72. Речь идёт о рабочих Якове Тихонове и Иване Смирнове, которые были замечательными организаторами среди фабричных рабочих. Они усердно изучали I том «Капитала» и пытались применить теорию Маркса к русской экономике.

² М. Р. Попов, Из автобиографии, «Былое» № 1(29), 1925 г., стр. 73.

³ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, ч. I, Госполитиздат, 1950, стр. 443—444. Об интересе, который проявляли рабочие 70-х годов к социалистическим идеям, см. статью акад. А. М. Панкратовой «Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX века» («Из истории социально-политических идей», Сборник статей, К семидесятилетию академика В. П. Волгина, АН СССР, 1955, стр. 702—737).

учёные и публицисты России, живой интерес к «Капиталу» проявлял и революционер-народник, которого «Капитал» вдохновлял на борьбу с современным ему социально-политическим режимом, который воспринимал «Капитал» как призыв к борьбе с самодержавным строем России. Однако для первых читателей «Капитала» из лагеря революционного народничества характерно непонимание подлинной системы взглядов К. Маркса.

Знаменательным является тот факт, что идеи марксизма, идеи «Капитала» проникали и в среду рабочих 70-х годов, что не могло не сказаться на росте их идейно-политического уровня, на развитии их классового самосознания и организованности, при всём подходе народников к рабочим лишь как к связующему звену между интеллигенцией и крестьянством, при всём стремлении народников мешать рабочему классу понять его руководящую роль в революции. Однако в рассматриваемый период социалисты, с одной стороны, не понимали теории Маркса, считали её неприемлимой к России; с другой стороны, русское рабочее движение находилось ещё в зачаточном состоянии. Социализм и рабочее движение развивались независимо друг от друга, не зная друг друга, социализм ещё не соединился с рабочим движением.

Глава восьмая

РУССКАЯ ПЕЧАТЬ 80-х ГОДОВ О СМЕРТИ К. МАРКСА

Мы видели, что имя Карла Маркса пользовалось широкой популярностью среди представителей различных направлений русской общественной мысли 60—70-х годов как автора «Капитала» и руководителя I Интернационала. Естественно, что и смерть Маркса не могла пройти не отмеченной как подпольными и эмигрантскими русскими изданиями, так и легальной печатью.

17 марта 1883 г. Маркс был похоронен в Лондоне, на Хайгетском кладбище. В своей надгробной речи Энгельс охарактеризовал Маркса как гениального мужа действительно передовой, критической, революционной науки, как пламенного революционера, для которого подлинной стихией была борьба за освобождение пролетариата от оков капиталистического наёмного рабства¹.

На могиле Маркса было оглашено обращение за подписью П. Лаврова. В этом обращении («От русских социалистов на могилу Карла Маркса») П. Лавров называет Маркса выдающимся социалистом его времени, одним из энергичнейших борцов против эксплуататоров пролетариата. В обращении подчёркивается сочувственное отношение Маркса к революционной деятельности русских социалистов: «Русские социалисты, — писал Лавров, — склоняются пред могилой человека, сочувствовавшего их стремлениям во всех превратностях их страшной борьбы, борьбы, которую они продолжают и будут продолжать, пока не восторжествуют окончательно принципы социальной революции»².

Обращение отмечает широкую популярность «Капитала» среди русской интеллигенции.

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 653.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 261.

Даже противники Маркса в практических организационных вопросах, писал Лавров, всегда бывали вынуждены склоняться перед «всеобъемлющими знаниями и высокой силой мысли, сумевшей глубоко вскрыть сущность современного капитала, эволюцию экономических форм общества и зависимость всей человеческой истории от этой эволюции»¹.

В заключение Лавров выразил свои личные чувства скорби по поводу смерти Маркса.

Соболезнование по поводу смерти Маркса от имени русских социалистов, живущих в Женеве и Цюрихе, выразили Плеханов, Аксельрод и Засулич в своём обращении съезду немецкой социал-демократии в Копенгагене.

В обращении выражалось пожелание, чтобы съезд «взял на себя инициативу международного сбора для сооружения памятника, который был бы достоин великого пионера современного социализма и свидетельствовал бы об уважении к нему социалистов всех стран, а также инициативу создания фонда для *народного издания* всех сочинений Маркса»².

Смерть Маркса нашла отклик среди передовых представителей русского студенчества. Так, например, студенты Петровской сельскохозяйственной академии отправили 18 марта 1883 г. в редакцию «Daily News» телеграмму из Москвы следующего содержания:

«Благоволите передать г. Энгельсу, автору «Положение рабочего класса в Англии» и интимному другу покойного Карла Маркса, нашу просьбу возложить на гроб незабвенного автора «Капитала» венок со следующей надписью:

«Защитнику прав в теории и борцу за их осуществление в жизни — от студентов Петровской сельскохозяйственной академии в Москве». Деньги Энгельсу будут посланы немедленно, как только он будет добр сообщить свой адрес и цену венка»³.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 261.

² Г. В. Плеханов, Приветствие съезду немецкой социал-демократии в Копенгагене, Соч., т. II, стр. 9.

³ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 263. В письме к П. Л. Лаврову от 24 марта 1883 г. Энгельс писал, что он в недоумении, кому отвечать, ибо под телеграммой была подпись: «Студенты Петровской академии в Москве». «Но я бы хотел сообщить этим славным ребятам, — писал Энгельс, — что получил их телеграмму и выполнил возложенное на меня поручение» (там же, стр. 265). В своём ответном письме Энгельсу от 26 марта 1883 г. Лавров указывал, что лучший способ уведомить студентов — это написать какому-нибудь известному профессору академии. «Вчера я навел справки, — писал Лавров, — о профессорах и думаю, что недурно было бы остановить свой выбор на профессоре Иванюкове. У него есть работы по политической экономии и по вопросу освобождения крестьян. Если Вы напишете, что знаете его как автора этих трудов, то Ваше письмо, его не скомпрометирует,

Эту телеграмму редакция «Daily News» передала Элеоноре Маркс 20 марта.

Для венка на могилу Карла Маркса были получены также деньги из Петербурга «от студентов Технологического института и от русских учащих женщин»¹.

Возложить венков на могилу Маркса изъявили желание и одесские студенты, о чём сообщал «Sozialdemocrat»².

Приведённые факты являются наглядным показателем популярности автора «Капитала» среди передового студенчества России 70—80-х годов.

Петербургские студенты откликнулись на смерть Маркса возванием «На венок Марксу», которое впервые было напечатано в нелегальном органе петербургского центрального университетского кружка народовольческого направления — в гектографированном журнале «Студенчество» (№ 4, 1883 г.)³.

тем более, что из содержания письма будет видно, что он в этом деле ни при чем. Другой путь — написать в Московский университет Ковалевскому... Однако в теперешние времена, пожалуй, опаснее посылать профессору письмо, из которого видны его дружеские отношения с Вами, чем писать человеку, которого Вы совсем не знаете» (там же).

¹ Эти деньги были получены Лавровым. В письме к Энгельсу от 31 марта 1883 г. он писал: «Я собираюсь поместить в одной из ежедневных петербургских газет (вероятно, в газете «Новости») извещение о передаче Вам этих денег. Они посланы полуофициально, а потому, если Вы решите опубликовать сообщение, что деньги Вами получены и использованы по назначению, то я попрошу Вас прислать мне вырезку с этой заметкой; я перешлю ее в Петербург» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 268). В ответном письме от 2 апреля 1883 г. Энгельс обещал, исполнив поручение, сообщить об этом в цюрихской «Sozialdemocrat» и попросить редакцию послать Лаврову несколько экземпляров этого номера. В этом же письме Энгельс уведомлял Лаврова, что он нашёл в бумагах Маркса рукопись «Обращение капитала» и из третьей книги — «Весь процесс, взятый в целом» — около 1 000 страниц in folio. Энгельс писал: «Пока еще нельзя сказать, может ли эта рукопись быть напечатана в таком виде. Во всяком случае мне придется ее переписать, потому что это черновик... Особенно меня интересует очерк диалектики, который он всегда хотел написать. Но он всегда скрывал от нас, в каком состоянии его работы. Он знал, — проведая, что у него что-нибудь готово, мы будем приставать к нему до тех пор, пока он не согласится это опубликовать» (там же).

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 658. На смерть Маркса откликнулся и славянский социалистический студенческий союз в Цюрихе «Славия». В письме к Энгельсу от 19 марта 1883 г. председатель союза А. Масье и секретарь его И. Теодоров писали: «Согласно постановлению общего собрания союза «Славия», от 18 марта 1883 г., союза живущей в Цюрихе молодежи славянских стран, мы спешим выразить нашу глубочайшую скорбь по поводу преждевременной кончины Карла Маркса, гражданина мира и неустанный борца за права пролетариата всех народов... Мы надеемся, что память Карла Маркса будет особо увековечена основанием международного фонда его имени для оказания помощи жертвам великой освободительной борьбы, а также для поддержки самой этой борьбы. С этой целью союз «Славия» будет проводить среди своих членов постоянные сборы» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 264).

³ См. «На венок Марксу», «Каторга и ссылка», кн. 3(100), 1933 г., стр. 168.

В этом воззвании прежде всего отмечается солидная историческая давность социалистических утопий и учений. Оставляя в стороне Томаса Мора, Кампанеллу, воззвание указывает в качестве первого попавшегося примера на пропаганду католического монаха Габриеля Фульи, фантазировавшего о народе, весь быт которого будет базироваться на общности имущества, при полном отсутствии власти.

Если научные методы, написано в этом документе, в различных отраслях умственного творчества достигли заметного совершенства, то иная картина наблюдается в области общественных наук, которые и по сейчас ещё не поддаются полной, так сказать, легализации, узакониванию.

В наиболее тяжёлом положении находится экономическая наука «благодаря своей крайней сложности и вмешательству того или другого субъективизма».

Отдав дань Адаму Смиту и Рикардо, как крупным умам, которым экономическая наука обязана первыми своими серьёзными успехами, воззвание высказывается критически по отношению к французской экономической школе, т. е. к вульгарной политической экономии, которая оставалась «в пределах излюбленного тяготения к производству капитала!».

Петербургские студенты отмечают горячую проповедь Фурье, изобилующую богатейшими мыслями.

Рассматриваемое воззвание отрицательно высказывается о Прудоне, хотя и подвергавшем «правверную экономику блестящей критике». У Прудона нет стройной экономической системы, он знаменит лишь «своим отрицательным отношением к экономической действительности».

В противоположность указанным мыслителям Маркс своим «фанатизмом логики», благодаря своей колоссальной эрудиции, своей «философской выдержке» развернул со всей силой свой «антикапиталистический протест».

В противоположность «правверным» экономистам, которые больше всего внимания уделяли производству, а распределение рассматривали как результат «экономической гармонии», в противоположность «любителям» экономической свободы, которые «современную форму капитала» переносили в отдалённое прошлое и «проливали обильные слёзы умиления по поводу всечеловеческого значения капитала», Карл Маркс, говорится в воззвании, с «точностью и объективизмом историка выделил капитализм, как продукт известной эпохи», установил свою «знаменитую формулу *прибавочной стоимости*»¹.

¹ «На венок Марксу», «Каторга и ссылка», кн. 3(100), 1933 г., стр. 168.

Однако из полемики, которую ведёт рассматриваемый документ с обвинителями Маркса в односторонности, видно, что его автор под учением Маркса отнюдь не понимал целостное мировоззрение, а лишь самую передовую экономическую теорию: «Упрекает Маркса в односторонности. Но ведь и он не выдавал себя за философа-новатора, от которого вы вправе требовать полных социальных обобщений, всеобхватывающих идеалов».

В воззвании подчёркивается, что Маркс гармонически соединял в себе гениального мыслителя и крупного политического деятеля, учёного и революционера.

Воззвание призывает к глубокому изучению «монументального труда Маркса «Капитал»»: «...Так как содержание «Капитала» находится, конечно, в тесной связи с самыми общественными идеями Маркса, то нам остаётся только желать возможно большего распространения и возможно большей популярности упомянутого сочинения Маркса». Петербургские студенты отмечают большой интерес Маркса к русскому общественному движению: «Он заметил живую и прогрессивную струю там, где иные его сородичи и культурные люди других стран усматривают чуть ли не одну только кровожадность особых восточных фанатиков-кретингов, или, по крайней мере, своекорыстный протест известной группы варваров, идущих против своего просвещённого правительства». В качестве иллюстрации особого места, какое занимает Маркс в своём отношении к русскому революционному движению, воззвание противопоставляет Маркса Дюрингу, который отнёсся недоброжелательно к «русским протестантам».

Воззвание отмечает также и отдельных представителей социал-демократии, которые с «каким-то усердием отрешиваются от русских прогрессистов. Маркс же проявил большую гуманность относительно граждан великой восточной деспотии. Он же, Маркс, назвал Н. Г. Чернышевского знаменитым русским критиком и учёным!».

«Нам, русским, — читаем мы в заключении воззвания, — ещё не приходилось видеть у себя ничего подобного ни лассалевскому рабочему союзу, ни тем более интернационалу, «духом живым» которого был Карл Маркс. Но будущее ничуть не закрыто и для нас!»¹

Этот отклик петербургских студентов на смерть Маркса — яркая и наглядная иллюстрация живого интереса, который проявляло передовое студенчество России к идеям автора «Капитала». Под идейным влиянием «Капитала» передовое студенчество вдохновлялось на борьбу с современным ему социально-политическим режимом.

¹ «На венок Марксу», «Каторга и ссылка», кн. 3(100), 1933 г., стр. 172.

К откликам на смерть Маркса, которые исходили из революционных и оппозиционных кругов, следует отнести также сочувственные письма Г. Лопатина и Н. Даниельсона.

В письме к Энгельсу от 28 марта 1883 г. Лопатин писал: «Надо ли говорить Вам, как тяжело мне было узнать о смерти Маркса? Надо ли говорить Вам, как искренне и глубоко я сочувствую Вашему собственному горю?.. Вместе со всем научным и социалистическим миром я с нетерпением жду результатов первого просмотра бумаг Маркса»¹.

Послал письмо Элеоноре Маркс с выражением сочувствия по случаю постигшего её горя также и Н. Ф. Даниельсон. Он писал: «Я уверен, что это горе разделяется всеми, кому дороги те интересы, научным выразителем которых был Ваш отец». И далее Даниельсон уведомлял, что он с радостью вышлет новые данные об экономическом развитии России, которые могут понадобиться в случае издания некоторых ещё не опубликованных трудов Маркса. Даниельсон предлагал также свои услуги при издании писем Маркса к разным лицам².

Письма Лопатина и Даниельсона по случаю смерти Маркса являются не только данью уважения памяти Маркса первых переводчиков «Капитала» на русский язык — это были также документы, отражавшие популярность автора «Капитала» среди идеологов революционного и либерального народничества.

К этой же серии откликов на смерть Маркса следует отнести некролог, помещённый в «Календаре Народной Воли».

Приводя основные факты биографии и литературно-политической деятельности Маркса, автор прежде всего останавливается на Союзе коммунистов, который был первым зародышем «немецкой социал-демократической партии. Участие «Союза» в начавшемся тогда движении немецких рабочих было очень значительно. Он также первый заявил о международном характере рабочего движения и основал в Лондоне международные рабочие собрания»³.

Из работ Маркса в некрологе отмечаются «К критике политической экономии» и «Капитал». «К критике...» характеризуется как «первое систематическое изложение теории стоимости Маркса со включением учения о деньгах». Что касается «Капитала»,⁴ то некролог ограничивается указанием, что это «главный труд Маркса» и что «второе издание этого знаменитого сочинения вышло в 1872 г.»⁴.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 267.

² См. там же, стр. 114—115.

³ «Некролог Карла Маркса», «Календарь Народной Воли на 1883 г.», Женева 1883, стр. 178.

⁴ Там же, стр. 179.

Отдавая дань Марксу как основателю Интернационала, «этого наглядного свидетельства единства рабочих интересов всех стран», некролог отмечает «разногласия», которые существовали между Марксом и Бакуниным. Хотя некролог и не высказывает своего прямого отношения к этим «разногласиям», однако из всего хода изложения этих «разногласий» видно, что автор некролога встал на путь реабилитации бакунизма, враждебного марксизму. Так, например, подрывная работа Бакунина в Интернационале изображается как стремление Бакунина придать Интернационалу «немедленно боевой характер», в то время как Маркс после Парижской Коммуны якобы «полагал, что мобилизация боевых рабочих сил при данных условиях равняется неизбежному поражению»¹.

Присоединяя свой голос к откликам на смерть Маркса, автор некролога считает нужным вспомнить, «с какой симпатией относился Маркс к нашему социально-революционному движению, и как отзывчиво решился он в последний год своей жизни «по поручению С. Петербургского комитета» (как выразился Маркс в письме к В. Засулич) написать специально для России брошюру по вопросу о возможном развитии нашей общины — вопросу, имеющему такой жгучий интерес для русского социалиста»².

Рассмотренные материалы представляли собой отклики на смерть Маркса революционно настроенной части русского общества, которую «Капитал» вдохновлял на борьбу с социально-политическим режимом самодержавной России. Эти отклики, за исключением обращения группы «Освобождение труда», исходили главным образом из народнического лагеря, который в то время вёл в России революционную работу и по существу был противником марксизма. Народники, опираясь на «Капитал», пытались «по Марксу» обосновать неприложимость теории Маркса к России.

Ряд высказываний о I томе «Капитала» встречается в русских газетах и журналах в связи с откликами на смерть К. Маркса. Русская легальная печать различных направлений откликнулась на смерть Маркса краткими сообщениями, некрологами, а также и статьями. Ряд газет, как столичных, так и провинциальных, ограничился сообщением, что скончался «известный социалист-писатель» или «известный автор «Капитала» К. Маркс»³.

¹ «Некролог Карла Маркса», «Календарь Народной Воли на 1883 г.», стр. 180.

² Там же.

³ «Московские ведомости» и «Московский листок», 5 марта 1883 г.; «Саратовский дневник», 8 марта; «Варшавский дневник», 5 марта; «Киевлянин», 6 марта; «Неделя», 13 марта 1883 г. и др. В ряде газет были помещены сообще-

В некоторых газетах и журналах были помещены обширные статьи, посвящённые Марксу как учёному и общественному деятелю.

Несколько откликов на смерть Маркса исходило из кругов либеральных народников. Обстоятельный некролог поместила газета «Московский телеграф». Сообщая о смерти Маркса, газета пишет, что «экономическая наука потерпела чрезвычайно крупную и ничем не вознаградимую утрату». «Как учёный, он имел мало себе равных, — пишет газета о Марксе. — Обладая громадной эрудицией, Маркс не расплывался, однакоже, в массе накопленного им сырого материала (как расплывается, например, Рошер), но всегда являлся царём этого материала и освещал его гениальными мыслями. Изошрившись в диалектическом мышлении ещё над изучением Гегеля, Маркс достиг виртуозности в искусстве логического построения науки дедуктивным путём, и, в то же время, всякая дедукция находит у него опору в массе исторических индукций. Резкий, выразительный, до крайности оригинальный язык Маркса с трудом находит себе подражателей».

Газета отмечает, что главная задача, которую поставил себе Маркс в своём «грандиозном труде», — это показать экономический и в то же время естественно-исторический закон новейшего общества. Указывая на наличие в условиях капитализма овеществления производственных отношений, товарного фетишизма, газета пишет: «Независимая от человеческого контроля и от сознательной индивидуальной деятельности, вещественная форма общественных отношений производства является прежде всего в том, что продукты человеческого труда принимают форму товаров»¹. Далее «Московский телеграф» даёт краткое изложение основных идей I тома «Капитала». Заключительный вывод этой статьи таков:

«Пессимизм людей, которым дороги интересы человечества и которые проследили вместе с Марксом бесчеловечную историческую деятельность капитала, устраняется указанием самого Маркса, что капиталистический строй сам, объединяя рабочие

ния не только о смерти К. Маркса, но и о его похоронах. Например, «Современные известия» 14 марта 1883 г. поместили небольшой некролог. В некрологе «Московской газеты» даётся перечисление основных дат жизни Маркса и его главных работ. Газета отзываясь о Марксе, как об основателе «Интернационала», «известном писателе-экономисте». Газета пишет: «Методическое изложение своих социальных и экономических теорий Маркс дал в своём обширнейшем труде «Капитал», вышедшем в 1869 году» («Московская газета», 10 марта 1883 г.). Казанский журнал «Волжский вестник» пишет о Марксе, что он «автор известного сочинения по политической экономии «Капитал» и основатель «международного союза рабочих», что «имя его известно каждому, кто хотя сколько-нибудь интересуется социальными науками» («Волжский вестник», 13 марта 1883 г.).

¹ «Московский телеграф», 7(19) марта 1883 г.

массы, создаёт фермент для собственного разрушения и созидания на основах приобретений капиталистической эры—нового строя»¹.

В приведённом высказывании о судьбах капиталистического хозяйственного режима нет даже и намёка,— учитывая даже цензурные условия в России начала 80-х годов,— на неизбежность революционного крушения капиталистического способа производства в результате пролетарской классовой борьбы.

На смерть Маркса откликнулся также журнал «Русское богатство», который поместил небольшую заметку и статью. Вот эта заметка: «Умер Карл Маркс, имя которого достаточно известно учёному миру. Мы помещаем в этой же книжке изложение важнейших его открытий в области общественной науки»².

Краткое изложение экономического учения К. Маркса «Русское богатство» преподнесло в критическом очерке, посвящённом переводу на русский язык сочинения Э. де Лавеле «Современный социализм»³. Дав общую характеристику К. Марксу как представителю «так называемого «научного социализма»», признающего «историческую пользу и благодетельность современного капиталистического строя», «Русское богатство» переходит прежде всего к изложению теории стоимости Маркса.

«В основу этого учения легла классическая в наше время *теория ценности*, которая получила в глазах почти всех здравомыслящих экономистов значение основной политико-экономической аксиомы. Маркс выполнил лишь сложную задачу её развития и приложения»⁴.

Выдвинув тезис, что, по мнению Маркса, всякая вещь якобы обладает двумя стоимостями: потребительной и меновой, т. е. по существу отождествив воззрения Маркса по этому вопросу с высказываниями Адама Смита, «Русское богатство» не проводило различия между стоимостью и меновой стоимостью. Это видно из следующего утверждения:

«... Маркс пришёл к тому убеждению, что меновая ценность предмета пропорциональна количеству потребного, употреблённого на его производство, труда или, другими словами, что ценность предмета есть именно это количество заключённого или, так сказать, реализованного в нём труда»⁵. В очерке «Русского богатства» меновая стоимость не только отождествляется со стоимостью, но последняя в свою очередь отождествляется с трудом.

¹ «Московский телеграф», 7(19) марта 1883 г.

² «Русское богатство» № 3, 1883 г., стр. 750.

³ «Современный социализм», Сочинение Эмиля де Лавеле, перевод с французского под редакцией М. А. Антоновича, Спб. 1882.

⁴ «Карл Маркс и Эмиль де Лавеле», «Русское богатство» № 3, 1883 г., стр. 691—692.

⁵ Там же, стр. 692.

Весьма примитивно и ошибочно представляет себе «Русское богатство» также и учение Маркса о капитале и прибавочной стоимости.

В очерке преподносятся в качестве воззрения Маркса две трактовки категории капитала — в современном его значении и теоретического характера: «... Из ... остающегося предпринимателю излишка сверх «необходимого труда» рождается капитал в современном, рыночном значении этого слова». И дальше: «По определению теоретическому, капитал есть вообще тот сбережённый труд, который входит в новое производство в виде машин, орудий, запасов пищи и т. п.»¹.

В приведённых высказываниях, не говоря уже о том, что даётся вульгарное противопоставление функционирования капитала в условиях действительной жизни его теоретической трактовке, «Русское богатство» по существу превращает капитал в накопленный труд, в категорию вечную, внеисторическую, присущую всем временам и народам.

Переходя к изложению воззрений К. Маркса на тенденции капиталистического развития, «Русское богатство» останавливается на вопросе о концентрации капиталов.

«В будущем, когда дело концентрации капиталов будет доведено до конца, этот процесс расчленил общество на два класса: на очень незначительный по количеству своих членов тесный кружок Ротшильдов промышленного мира, в руках которых будут сосредоточены все капиталы, все орудия производства, и на остальную массу — пролетариата, выносящего на себе все бедствия нищеты, пауперизма и изнеможения от непосильного труда»².

Что же дальше произойдёт в результате сосредоточения богатства и нищеты на различных полюсах вследствие роста противоречий в капиталистическом обществе? По Марксу, пишет «Русское богатство», историческая миссия капитализма заключается в том, чтобы объединить рабочих в гигантских капиталистических хозяйствах, приучить человечество к коллективному труду, необходимому в условиях крупного машинного производства. Когда эта воспитательная цель будет достигнута, то «капитализм, в смысле частного владения орудиями и частного пользования прибылью коллективного (труда) производства, должен уступить своё место высшей форме хозяйства — так называемой *кооперации* или *ассоциации*, в которой орудия производства составляют общую, коллективную собственность самих производителей»³. Оказывается, по мнению «Русского богатства», в ходе

¹ «Карл Маркс и Эмиль де Лавеле», «Русское богатство» № 3, 1883 г., стр. 694.

² Там же, стр. 695.

³ Там же, стр. 696.

исторического развития капиталы перейдут в распоряжение общинного государства, а прибыль на капитал будет принадлежать самим производителям; переход к социализму, по мнению данного журнала, произойдёт путём выкупа капиталов или другими подобными методами в результате воспитания человечества в духе коллективных форм труда. Капитализм, следовательно, в понимании «Русского богатства», автоматически, без пролетарской революции, без классовой борьбы придёт к самоотрицанию и перейдёт в высшую, коллективную форму хозяйства.

«Русское богатство» делает также несколько замечаний о применимости экономической теории Маркса к России. Журнал считает, что «вопрос: должна ли Россия, прежде чем придти к кооперативной организации труда, пережить стадию капиталистического производства, или же она придёт к ней прямым путём дальнейшего развития сохранившихся в народе артельного и общинного начал... решается, повидимому, в пользу последнего предположения...»¹.

Таким образом, «Русское богатство» прямо заявляет, что оно отрицает неизбежность развития в России капиталистического производства. Рассмотренная статья «Русского богатства» отражала идеологию либеральных народников 80-х годов, которые «по Марксу» пытались обосновать неприменимость к России теории Маркса.

Ряд высказываний об экономическом учении Маркса исходил из кругов русской либеральной печати.

Журнал «Всемирная иллюстрация», поместивший портрет Маркса, отзываясь о нём как об одном из «замечательнейших экономических писателей последнего времени»². В лице Маркса, пишет «Всемирная иллюстрация», смешивают «кабинетного учёного и политического деятеля», и это предопределило то обстоятельство, что большинство «не хотело входить в подробную критику его политико-экономической системы, предполагая встретить в ней пропаганду анархии и коммунизма»³.

По вопросу о политической деятельности Маркса журнал ограничивается замечанием, что Маркс «всегда был против анархии и теории Бакунина, вследствие чего в ассоциации произошёл раскол»⁴.

Переходя к анализу экономического учения Маркса, журнал прежде всего подчёркивает, что в основе его теории лежит та мысль, что «каждый экономический строй составляет лишь переходящее явление и что экономисты ошибаются, принимая разделе-

¹ «Карл Маркс и Эмиль де Лавеле», «Русское богатство» № 3, 1883 г., стр. 705.

² «Всемирная иллюстрация», 2 апреля 1883 г., стр. 283.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 286.

ние труда, кредит и деньги как неподвижные категории. Та изменяемость форм и явлений общественной жизни, которая замечается в развитии наций, зависит от перемен в состоянии материального производства, которое обуславливает как юридические отношения, так и государственные формы»¹.

После этих предварительных замечаний «Всемирная иллюстрация» переходит к непосредственному рассмотрению экономического учения Маркса, уделяя особое внимание теории прибавочной стоимости и проблеме накопления капитала.

Журнал характеризует точку зрения Маркса на экономические явления как «софистическую», однако эта клеветническая «оценка» даётся журналом без всякой попытки обоснования.

Превратив Маркса в правоверного ученика Гегеля, «Всемирная иллюстрация» объявляет, что Маркс проводит свои теоретические построения с «диалектическим искусством опытного гегелианца и поражающей громадной начитанностью»². По мнению журнала, «софизмы» Маркса были отмечены серьёзными экономистами. «Но даже и эти противники,— продолжает «Всемирная иллюстрация»,— нашли в сочинениях Маркса много здравых идей и массу статистического и исторического материала, которым он подкреплял свои доводы. Может быть, во втором томе «Капитала», который был уже подготовлен им к печати, и находятся какие-либо возражения против высказанных ему порицаний, но судить об этом можно будет лишь по выходе этого тома в свет»³.

Журнал «Всемирная иллюстрация» даёт общую оценку Марксу как экономисту.

«Как бы то ни было, но громадного значения Маркса в экономической науке отрицать невозможно; он двинул её вперёд и своими оригинальными взглядами заставил заняться обсуждением вопросов, касающихся социальных вопросов первостепенной важности; ... ему нельзя отказать ни в учёности, ни в искренности убеждений, ни в мастерстве изложения».

В заключение журнал указывает, что Маркс в последние годы своей жизни «перестал почти заниматься политикой» — легенда, которая культивировалась как западноевропейской, так и русской печатью,— и посвятил себя науке, изучая экономику России и Соединённых Штатов.

Отдавая должное Марксу как учёному, журнал в этом формально благожелательном отзыве о Марксе не скрывает своего взгляда на экономическую теорию Маркса как на учение «софи-

¹ «Всемирная иллюстрация», 2 апреля 1883 г., стр. 286.

² Там же.

³ Там же.

стическое». Журнал и, следовательно, буржуазные либеральные круги того времени отрицательно относятся к революционным выводам «Капитала» о неизбежной гибели капитализма, к деятельности Маркса как революционного вождя пролетариата, как организатора борьбы трудящихся масс за их освобождение от гнёта системы наёмного рабства.

Обстоятельный некролог на смерть Маркса написал видный либеральный деятель, буржуазный экономист, примыкавший к прогрессивному лагерю, профессор А. И. Чупров. Он отзывается о Марксе как об одном из «наиболее крупных и видных представителей современной экономической науки»¹. Говоря о том, что имя Маркса и его труды «пользуются большой известностью в учёном мире», Чупров отмечает противоречивость суждений об экономическом учении Маркса: «Но уже самая ожесточённость нападок и восторженность отзывов доказывают, что речь идёт о личности выдающейся, характере крупном, об учёном, которые встречаются не часто»². Далее Чупров приводит основные даты биографии Маркса и, превращая Маркса в чистой воды гегельянца, выдвигает глубоко ошибочный тезис, что увлечение Маркса философией Гегеля отразилось на его трудах.

О «Нищете философии» Маркса Чупров писал, что она представляет собой «резкую критику прудоновой «Philosophie de la misère»» и что в этом произведении уже «закладаются задатки позднейшего учения К. Маркса»³. О «К критике политической экономии» Чупров писал, что в этом произведении содержится «развитие того учения о ценности, которое легло краеугольным камнем в здании экономической теории Маркса». Кроме того, по мнению Чупрова, это произведение Маркса представляет собой довольно подробное изложение теорий денег и довольно обстоятельное изложение самого учения о деньгах. В этом же произведении, утверждает Чупров, дано «главное теоретическое обоснование для практической пропаганды Ф. Лассалья». О «Капитале» К. Маркса Чупров говорит, что это «самое капитальное из его произведений, давшее научную основу социализму»⁴. отождествив по существу материалистическую диалектику Маркса с идеалистической диалектикой Гегеля, Чупров отмечает особенности не только воззрений Маркса, но и его «методологических приёмов», которые

¹ «Карл Маркс», «Юридический вестник» № 4, 1883 г., стр. 715. Некролог, помещённый в «Юридическом вестнике», в основном совпадает с сообщением, сделанным А. И. Чупровым в статистическом отделении Московского юридического общества (см. «А. Бертильон и К. Маркс» (Сообщение, сделанное А. И. Чупровым 16 марта в заседании статистического отделения Московского юридического общества), «Русские ведомости», 23 марта 1883 г.).

² «Карл Маркс», «Юридический вестник» № 4, 1883 г., стр. 715.

³ Там же, стр. 716.

⁴ Там же, стр. 716—717.

якобы характеризуются применением гегелевского диалектического метода. «Маркс,— пишет Чупров,— рассматривает все экономические явления как преходящие, чем и отличается от представителей классической политической экономии, которые считающие экономические отношения вечными и неизбежными и применяли положения, касающиеся современного европейского экономического строя, к быту диких народов. Задача экономической науки, по учению К. Маркса, состоит в том, чтобы изучить преемственность явлений и найти законы, управляющие экономическими отношениями каждой данной стадии развития»¹.

Но если, продолжает Чупров, представление о преемственности явлений сложилось у Маркса под влиянием философии Гегеля, то «представление о самих законах, управляющих движением общественных отношений, есть самостоятельный продукт К. Маркса. Он поставил своей задачей изобразить историческое происхождение современного способа производства, который именует капиталистическим, и изложить законы, им управляющие»².

Итак, в представлении Чупрова Маркс выступает как правоверный гегельянец, которому оставалось лишь на основе философии Гегеля выработать учение о «преемственности явлений». В этом вопросе Чупров повторял шаблонное обвинение марксизма в приверженности к гегелевской диалектике, истрёпанное буржуазными критиками Маркса. Отметим интерпретацию, которую даёт Чупров учению Маркса о неизбежной гибели капитализма. «Излишек результатов труда, — пишет Чупров, — над стоимостью продовольствия по всей справедливости должен принадлежать не капиталу, а самой рабочей силе, что может быть достигнуто через переход необходимых условий производства, земли и орудий труда, из частной собственности во владение целого общества. Маркс полагает, что само развитие теперешнего производства подготавливает почву для такого перехода». Указав, что, по мнению Маркса, переход орудий и средств производства в руки общества произойдёт в результате концентрации производства, Чупров продолжает: «Рабочие же всех стран, согласно с этим движением и развитием отношений капиталистического производства, должны сознать солидарность своих интересов перед лицом капитала и протянуть друг другу руки»³.

Таким образом, Чупров изображает переход к социализму как передачу средств производства в руки общества, как передачу прибавочной стоимости в руки рабочих. Чупров считает, что, по мнению Маркса, этот переход к социализму произойдёт мирным

¹ «Карл Маркс», «Юридический вестник» № 4, 1883 г., стр. 717.

² Там же.

³ Там же, стр. 718.

путём. Он объявляет Маркса «крайним врагом учений, видящих в насилии единственное средство изменения экономических отношений»¹. Чупров рисует, таким образом, Маркса как эволюциониста. По Марксу, пишет Чупров, переход к социализму должен совершиться в силу «развития внутренних отношений самого капиталистического производства», т. е. без насилия, без мучительной и жестокой классовой борьбы. Революционное учение Маркса о неизбежной гибели капитализма в результате пролетарской революции превращается, в толковании Чупрова, в мирный, без революционного скачка, фаталистический процесс, который приведёт в тихую гавань нового социального строя, при котором средства производства перейдут в руки общества.

Чупров отмечает, что в «Капитале» рассеяно множество отдельных ценных исследований, из которых особенно важны учения о значении и происхождении кооперации, о накоплении капитала и о законе народонаселения в капиталистическом хозяйстве². Чупров указывает также на значение работ Маркса для статистики — «по его образцовому уменью пользоваться статистическими данными для обоснования и уяснения экономических законов».

Из русских учёных наилучшим истолкователем учения К. Маркса Чупров считает Зибера, который «устанавливает отношение теории ценности Маркса к теориям его предшественников...»³. Итоговая оценка, которую Чупров даёт Марксу, следующая: «По диалектической способности, огромной массе знаний и редкой начитанности Карл Маркс является одним из выдающихся деятелей в экономической литературе. Каковы бы ни были взгляды на достоинства теорий Маркса, имя его во всяком случае долго не забудется в науке»⁴. Типичный эклектик Чупров⁵, примыкавший

¹ «Карл Маркс», «Юридический вестник» № 4, 1883 г., стр. 719. В таком же духе излагает Чупров учение Маркса в своих публичных лекциях, которые он читал в 1889—1890 гг., и в университетских лекциях 1891 г. (см. А. И. Чупров, История политической экономии. Лекции, М. 1892, стр. 213—214).

² См. там же, стр. 719—720.

³ Там же, стр. 720.

⁴ См. «А. Бергильон и К. Маркс» (Сообщение, сделанное А. И. Чупровым 16 марта в заседании статистического отделения Московского юридического общества), «Русские ведомости», 23 марта 1883 г.

⁵ Чупров считал, что существуют три господствующих типа современных ему экономических теорий: манчестерская школа, теория социализма и историческая школа. «С различными переходными оттенками, — утверждал Чупров, — они занимают собою всё поле экономической литературы. Нельзя сказать, чтобы рознь направлений вытекала из самого существа экономического исследования. Она есть признак ещё не установившегося состояния науки. С другой стороны, она есть следствие слишком живого интереса, который возбуждают многие экономические вопросы. К исканию истины в этой области невольно примешиваются житейские симпатии и антипатии, бессознательно придавая известную окраску мнениям. Между тем при беспристрастном взгляде на дело в каждой из трёх школ оказывается своя доля истины» («О современном зна-

в основном к историко-этической школе, превратил Маркса в представителя эволюционных воззрений, в теоретика буржуазного реформизма.

В резко враждебном тоне по отношению к социализму и к Марксу выступила реакционная газета «Гражданин». В статье, посвящённой смерти К. Маркса, «Гражданин» пускается в необычный для него, неизведанный путь теоретических рассуждений. Прежде всего газета характеризует метод Маркса как «чисто дедуктивный», который заключается в том, что Маркс оперирует несколькими аксиомами и из них выводит «своеобразные решения социальных вопросов»¹. После этого утверждения, которое газета позаимствовала у вульгарных «критиков» Маркса, «Гражданин» неожиданно заявляет, что основная мысль «Капитала» — это переделанный Марксом афоризм Прудона «собственность — это воровство». И в этом утверждении «оригинальность» «Гражданина» сомнительна. В буржуазной литературе Маркс нередко фигурирует как «ученик». То он «ученик» Луи Блана, то Родбертуса, то Томпсона и Годскина, а иногда и Прудона. «Гражданин» избрал последний «вариант». Переходя к анализу марксовской теории стоимости, в стремлении опорочить её и превратить в «фантастическую гипотезу», «Гражданин» в своём грубом смещении потребительной стоимости и стоимости сваливает в одну кучу представителей классической школы политической экономии с их жалкими эпигонами — вульгарными экономистами. Газета утверждает, что «всё учение Маркса основывается на крайне распространённой теории ценности Смита, Рикардо, Бастиа и Кэри»².

«Критикует» «Гражданин» и марксово учение о капитале. Газета недовольна тем, что, по теории Маркса, «капитал возникает не из сбережений и воздержания от излишней роскоши, не из обмена предметов, но, как он говорит, из употребления рабочей силы».

Такое понимание капитала, пишет «Гражданин», приводит к выводу, что «капиталист должен отдавать все часы работы (т. е. плату за них) в пользу рабочего, не получая сам никакой выгоды».

Оказывается, по мнению «Гражданина», Маркс ратует за «даровой кредит». Маркс будто бы сторонник того, чтобы остались капиталисты, но капиталисты совсем иные, не такие, какие существуют в действительности. Эти капиталисты должны отказаться чении и задачах политической экономии». Вступительная лекция преподавателя политической экономии в Императорском Московском университете А. Чупрова, читанная 2 октября 1874 года, М. 1874, стр. 13—14). Эклектизму, за который Чупров ратовал ещё в 1874 г., он остался верен в продолжение всей своей научно-педагогической деятельности.

¹ «Карл Маркс», «Гражданин», 13 марта 1883 г., стр. 13—14.

² Там же.

от всех своих «выгод» в пользу рабочих. «Гражданин» повторяет затасканные клеветнические измышления вульгарной политической экономии, что Маркс якобы забывает о конкуренции, этом «важном факторе экономических отношений»; он считает, что капитал — это «мёртвый труд», и ни во что не ставит «личную предприимчивость» капиталиста.

Заканчивает газета свой некролог о Марксе на высокой ноте: «наука — живой организм», «люди доселе смотрят на науку с недоверием, и недоверие это прекрасно», все ждут от науки разрешения «величайших вопросов жизни», а учёные рисуют туманные, расплывчатые картины будущего — «чисто материальное общежитие людей». Все эти «рассуждения» нужны «Гражданину», чтобы доказать, что Маркс принадлежит к учёным такого типа. Этот очерк «Гражданина» о Марксе базируется на худших образцах буржуазной политической литературы о марксизме. Некролог «Гражданина», однако, весьма показателен, он ярко демонстрирует теоретическое оружие, с каким выступала против Маркса реакционная русская печать, какова была идеология русских реакционеров 80-х годов, одним из органов которых был «Гражданин».

Из того же лагеря реакционеров исходил и некролог, помещённый в газете «Новое время». В этом некрологе сообщается о кончине «известного социалистического агитатора и писателя Карла Маркса, основателя «Интернационала»¹. Некролог главным образом излагает основные даты биографии Маркса и перечисляет некоторые его произведения. О Марксе периода 1848 г. газета пишет, что учение Маркса уже тогда приобрело определённую форму: Маркс выступил в роли отрицателя учений Сен-Симона, Фурье, Кабе, Прудона и Луи Блана и провозгласил себя «апостолом научной школы».

Переходя к объяснению своеобразия «научной школы» Маркса, газета заявляет, что, по Марксу, «прошлое следует считать как бы не существовавшим» и «законы будущего социального устройства» следует вырабатывать «только на поучения опыта». Оказывается, что Маркс якобы игнорирует прошлое, которое для него не существует. В действительности Маркс впервые показал, что исторический процесс есть закономерный, не зависящий от воли и сознания людей, противоречивый процесс смены различных общественно-экономических формаций. Маркс изгнал из общественной науки все виды субъективизма, научно доказал неизбежность перехода к социализму революционным, насильственным путём, в результате наличия объективных и субъективных предпосылок, подготавливаемых предыдущим общественным развитием.

Газета «Новое время» далее разъясняет, что она вкладывает в выдвинутый ею тезис о том, что учение Маркса о будущем соци-

¹ «Новое время», 6(18) марта 1883 г.

альном строе базируется на «поучениях опыта». Оказывается, «исходною точкою научного социализма должны служить «труды Бюхнеров и Дарвинов, открытия медицинской философии» и для устройства нового общественного строя он должен научно опираться на изучение человека, на анатомию, социологию, антропологию»¹. Газета пытается вскрыть философские корни научного социализма, и для этого она поднимается в «заоблачные высоты» спекулятивных рассуждений. Человек, по Марксу, пишет «Новое время», — отнюдь не существо, одарённое сложными качествами и противоречивыми потребностями, но «нечто вроде машины с определёнными и неизменчивыми условиями действия». На основе этого утверждения газета делает тот вывод, что, по Марксу, «законы, касающиеся отдельной личности, должны быть основаны на изучении органов человека, а государственное и международное право — на свойствах человеческих рас».

Вдохновляемое низкопробными измышлениями из арсенала худших образцов буржуазной литературы о Марксе, «Новое время» утверждает, что марксизм базируется на вульгарном материализме (Бюхнера и Дарвина газета ставит в один ряд), Маркс же объявляется сторонником «расовой теории». Открытие такого рода не часто встречается даже в наиболее враждебной марксизму литературе. Некролог «Нового времени» созвучен той оценке экономического учения Маркса, которую дала газета «Гражданин», хотя исходные «теоретические» позиции различны. Оба эти некролога показательны в том смысле, что они отражают отношение консервативных общественных кругов России 80-х годов к марксизму, они ярко иллюстрируют убогий уровень «образованности» этих кругов и то «теоретическое» оружие, которое пущено было ими в ход для предотвращения «тлетворного» влияния идей Маркса на русскую общественную жизнь.

В откликах на смерть К. Маркса в русской печати отразилось своеобразие той «критики», которой экономическое учение Маркса подвергалось со стороны различных направлений русской общественной мысли той эпохи, начиная от революционных народников и кончая реакционерами.

Широкая популярность «Капитала» К. Маркса в условиях тогдашней России коренилась в актуальности проблемы капиталистического развития страны, в злободневности «рабочего вопроса».

¹ «Новое время», 6(18) марта 1883 г.

Глава девятая

О ПЕРЕВОДЕ II ТОМА «КАПИТАЛА» К. МАРКСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Большим событием в деле пропаганды экономического учения К. Маркса в России начала 80-х годов был перевод II тома «Капитала». Первым переводчиком II тома «Капитала» К. Маркса на русский язык был Н. Ф. Даниельсон, которому принадлежит также и заслуга первых переводов и других томов «Капитала»¹.

Выше было сказано, что Даниельсон предполагал вначале перевод II тома «Капитала» подготовить к печати одновременно с переводом I тома. Об этом он писал Марксу в своём первом письме от 18(30) сентября 1868 г., в котором предлагал свои услуги по изданию русского перевода I тома «Капитала»².

В своём ответе на предложение Даниельсона Маркс в письме от 7 октября 1868 г. указывает на ряд причин, которые задержат выход в свет II тома «Капитала».

В письме к Марксу от 11(23) мая 1871 г. Даниельсон вновь возвращается к вопросу о возможности издания русского перевода II тома «Капитала». Он пишет Марксу: «Наш общий друг» (Лопатин.— *А. Р.*) рассказывал в дружеском кружке лицам, интересующимся продолжением Вашего труда, что издатель Вашей книги, в силу каких-то коммерческих расчетов, не желает печатать уже готового у Вас в рукописи второго тома до тех пор, пока не будет распродан первый том. Мы здесь нашли издателя, от имени которого я могу предложить Вам следующие условия»³. И далее Даниельсон излагает эти условия.

В письме от 13 июня 1871 г. К. Маркс указывает Даниельсону, что сообщение Г. Лопатина — плод недоразумения. «Я нахожу необходимой,— пишет Маркс,— полную переработку ру-

¹ III том «Капитала» впервые на русский язык был переведён в 1896 г.

² См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 67.

³ Там же, стр. 71—72.

кописи. К тому же мне нехватало до настоящего времени некоторых необходимых документов, которые, однако, должны же в конце концов притти из Соединенных Штатов»¹.

В письмах к Марксу от 23 февраля (7 марта) 1874 г. и от 7(19) марта 1877 г. Даниельсон вновь возвращается к вопросу о сроках выхода в свет II тома «Капитала»².

В письме к К. Марксу от 28 октября (9 ноября) 1878 г. Даниельсон пишет: «По поводу второго тома я покорнейше просил Вас, если он будет печататься, присылать мне, по мере печатания, листы оригинала неоплаченным образом»³.

В ответ на просьбу Даниельсона Маркс в письме от 15 ноября 1878 г. сообщает ему: «Как только *второй том «Капитала»* будет сдан в печать,— но это едва ли случится ранее конца 1879 года,— Вы будете получать корректурные листы, как Вы просили»⁴.

Но уже в письме от 10 апреля 1879 г. Маркс сообщает Даниельсону, что появление II тома «Капитала» откладывается по причинам политического характера на неопределённый срок. Маркс указывает, что причины, ввиду которых произошла задержка с выходом в свет II тома «Капитала», его нисколько не раздосадовали. Маркс пишет: «...Я ни за что не согласился бы выпустить второй том, прежде чем нынешний английский промышленный кризис не достигнет своего предела. Его проявления на этот раз очень своеобразны и во многих отношениях очень отличны от тех, которые наблюдались в прошлом. Это своеобразие, помимо других видоизменяющих обстоятельств, легко объясняется тем, что никогда еще *английскому кризису не предшествовали* такие ужасные и длительные кризисы (тянущиеся уже почти пять лет) в *Соединенных Штатах, в Южной Америке, Германии, Австрии* и пр.

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынешним развитием событий до их полной зрелости, прежде чем вы окажетесь в состоянии «потребить» эти факты «производительно», я имею в виду «*теоретически*»⁵.

В письме к Даниельсону от 13 декабря 1881 г. К. Маркс вновь возвращается ко II тому «Капитала»: «Мой немецкий издатель сообщает мне, что требуется третье издание «Капитала». Это известие пришло в крайне неподходящий для меня момент. Во-первых, я должен прежде всего восстановить свое здоровье, а во-вторых, я желаю окончить как можно скорее II том (даже в том случае,

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 73.

² См. «Переписка К. Маркса с Николаем — оном», «Летописи марксизма», т. II/ХII, 1930 г., стр. 79, 82.

³ Там же, стр. 82.

⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 98.

⁵ Там же, стр. 101.

если бы мне пришлось издать его за границей). Мне теперь особенно хочется довести его до конца, с тем чтобы посвятить его моей жене»¹.

В ответ на это письмо К. Маркса Даниельсон в своём письме от 5(17) декабря 1881 г. выражает чувства глубочайшего сожаления по поводу смерти жены К. Маркса. Даниельсон пишет: «Посвящение второго тома Вашего труда памяти покойной будет лучшим ей памятником, нам же и нашим детям Ваш труд даст наилучшую возможность научиться тому, как следует служить человечеству. Память той, которая вдохновляла Вас на такое служение, будет чтиться с глубоким уважением»².

В письме от 10(22) сентября 1882 г. Даниельсон осведомляется у Маркса о состоянии его здоровья и о его работе над II томом «Капитала». Даниельсон пишет: «Позвольте мне убедительно попросить Вас указать, как я могу помочь Вам в той части Вашего труда, которая относится к фактам нашей экономической жизни (книги, информация и т. д.)»³.

На этом переписка К. Маркса с Даниельсоном обрывается.

В письме к Элеоноре Маркс от 16(28) марта 1883 г. Даниельсон выражает чувства соболезнования по поводу смерти К. Маркса и интересуется судьбой его литературного наследства.

С 1884 г. завязывается переписка Даниельсона с Ф. Энгельсом. В письме к Энгельсу от 20 апреля 1884 г. Даниельсон пишет: «Очень благодарен Вам за экземпляр третьего издания «Капитала». Эта книга представляет неиссякаемый источник новых мыслей. Очень приятно было прочесть в предисловии, что второй том появится в этом году»⁴.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 113.

² Там же, стр. 114.

³ «Переписка К. Маркса с Николаем — оном», «Летописи марксизма», т. II/XII, 1930 г., стр. 131.

⁴ «Переписка Ф. Энгельса с Николаем — оном», «Летописи марксизма», т. III/XIII, 1930 г., стр. 71. Ещё в письме от 15 января 1879 г. Герман Лопатин ставил перед Энгельсом вопрос о своей работе над переводом II тома «Капитала» К. Маркса. Лопатин писал Энгельсу: «Со всех сторон я слышу, что Маркс закончил уже свой второй том и послал первые его листы в типографию в Гамбург. Правда ли это? Как-то не верится. Но если это правда, то у меня будет еще одна работа по переводу. Если этот том не сможет появиться в России, то я надеюсь найти издателя, который согласится выпустить его на русском языке за границей» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 232).

Обращалась к Энгельсу с предложением перевести II том «Капитала» на русский язык и Вера Засулич. Она писала (октябрь — начало ноября 1883 г.): «Я пишу Вам это письмо, уважаемый гражданин, с целью узнать, как Вы относитесь к проекту издания перевода второго тома великого творения Маркса.

Находясь в эмиграции, мы можем взяться за это только в том случае, если русское правительство окажется достаточно глупым, чтобы запретить распространение книги, что, впрочем, оно постоянно делало в отношении «Капитала».

Я очень прошу Вас, поэтому, сообщить нам, можно ли предпринять это

В последующих письмах уже непосредственно отражена подготовка к печати русского перевода II тома «Капитала» К. Маркса. В письме от 11 февраля 1885 г. Энгельс пишет Даниельсону: «Охотно буду посылать Вам корректурные листы II тома, как только Вы сообщите мне, каким образом их отправлять — бандеролью (как печатные произведения) или в закрытом конверте, в виде письма. Дело в том, что если какой-нибудь лист будет потерян, то его невозможно будет возместить до окончания печатания всего тома. Я полагаю, что к тому времени, когда получится Ваш ответ, у меня будет для Вас два или три листа»¹.

издание в Петербурге или нет. Вы, вероятно, лучше осведомлены, чем мы, так как издатели не могли не обратиться к Вам по поводу перевода.

Если второй том «Капитала» не будет издаваться в Петербурге, то не согласитесь ли Вы, гражданин, дать нам возможность начать перевод как можно скорее?» (там же, стр. 302). На её предложение Энгельс ответил письмом от 13 ноября 1883 г.: «До сих пор я не получал из Санкт-Петербурга сведений относительно издания русского перевода II тома. Не думаю поэтому, чтобы в настоящее время в русской столице помышляли о подобном издании; наверное, захотят сперва ознакомиться с немецким текстом.

С другой стороны, политическое положение в России настолько напряженное, что наступление кризиса можно ждать со дня на день. Я даже считаю вероятным, что в России свободы печати добьются прежде, чем в Германии. А в этом случае переводчик первого тома Г. Лопатин мог бы претендовать на право перевода второго тома.

Мне кажется поэтому, что было бы несколько преждевременным в настоящий момент выносить какое-нибудь окончательное решение» (там же, стр. 303). В письме к П. Л. Лаврову от 5 февраля 1884 г. Энгельс, ссылаясь на письмо к нему Веры Засулич, ставит вопрос о возможности печатания перевода II тома «Капитала» в России. Энгельс писал Лаврову: «...Обсудить возможность напечатания перевода в России можно было бы уже и сейчас. Думаете ли Вы, что это можно будет сделать? Второй том носит чисто научный характер и трактует лишь вопросы, относящиеся к взаимоотношениям *внутри самой буржуазии*. Но в третьем — будут места, которые заставляют меня сомневаться в возможности их напечатания даже в Германии при исключительном законе» (там же, стр. 273). В ответном письме к Энгельсу от 9 февраля 1884 г. Лавров выражал свою радость по поводу выпуска II тома «Капитала», который ожидался в 1884 г. «Что касается русского перевода, — продолжал П. Л. Лавров, — то я должен прежде всего передать Вам благодарность Лопатина за Вашу память о нем и сказать Вам от его имени, что в России существует группа лиц, которая решила издать перевод второго тома «Капитала» *во что бы то ни стало*. Если издание будет конфисковано (они идут на этот риск), то книга будет выпущена за границей; но самый риск не помешает печатанию. Дело это решенное, и деньги для печатания найдутся» (там же, стр. 274). В письме П. Л. Лаврову от 14 февраля 1884 г. Энгельс отвечал ему: «Принимаю к сведению сказанное Вами относительно русского перевода II тома «Капитала». Когда придет время, мы вернемся к этому вопросу» (там же). О II томе «Капитала» писал Энгельс Лаврову и в письме от 12 февраля 1885 г.: «Второй том «Капитала» печатается; вчера я правил четвертый лист. Последнюю часть рукописи отправляю через две недели» (там же, стр. 278). Приведённые факты наглядно свидетельствуют о глубоком интересе, который проявляли передовые представители русской общественной мысли начала 80-х годов к «Капиталу» К. Маркса.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 115.

В письме Даниельсона к Энгельсу от 11 апреля 1885 г. уже отражён известный этап работы Даниельсона над переводом II тома «Капитала». Даниельсон пишет: «Бесконечно благодарен вам за 5—9 листы, которые я получил в полном порядке 31(19) марта. Около 7 листов уже переведено. В следующем месяце рукопись будет сдана в типографию»¹.

Большой интерес представляет письмо Энгельса к Даниельсону от 23 апреля 1885 г., в котором отражена кропотливая редакторская работа Энгельса над рукописными материалами «Капитала».

Сообщая Даниельсону, что он выслал ему ряд листов II тома «Капитала», Энгельс в этом же письме даёт также оценку III тому «Капитала».

По Энгельсу, III том «Капитала», представляющий собой заключительную и завершающую часть всей работы Маркса, затмит даже I том «Капитала». «Этот III том — самая поразительная вещь, которую я когда-либо читал, и бесконечно жаль, что автор не дождался до того, чтобы довести эту работу до конца, самому издать ее и увидеть то впечатление, которое ей суждено произвести. Ясность изложения такова, что добросовестное несогласие с автором отныне невозможно. Самые трудные пункты разъяснены и распутаны с такой легкостью, будто это просто детская игра, и вся система приобретает новый и простой вид. Боюсь, что III часть составит целых два тома. Кроме того, у меня имеется старая рукопись, в которой рассматривается история теории и которая тоже потребует не мало труда»².

В ответ Энгельсу Даниельсон пишет письмо, в котором интересуется, как отражены в III томе «Капитала» факты из русской экономической действительности.

В своём письме к Даниельсону от 3 июня 1885 г. Энгельс сообщает о том, что он выслал окончание II тома «Капитала» (27—33 листы), и обещает прислать предисловие. В этом письме, в котором также отражена редакторская работа Энгельса над рукописями Маркса, Энгельс информирует Даниельсона о том, отражена ли в III томе «Капитала» хозяйственная жизнь России. Энгельс пишет: «В настоящее время я работаю над главой о земельной ренте и до сих пор не встретил никакого упоминания о русских условиях. Как только вся рукопись будет переписана удобочитаемым почерком, я должен буду обработать ее, сличив с другими материалами, оставленными автором; для главы о ренте имеются весьма обширные извлечения из различных статистических работ, которыми он был обязан Вам, — но я не могу еще ска-

¹ «Переписка Ф. Энгельса с Николаем — оном», «Летописи марксизма», т. III/XIII, 1930 г., стр. 73.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 117.

зять, содержатся ли в них какие-либо критические замечания, которые могут быть использованы в этом томе. Что бы там ни встретилось, все будет использовано со всей добросовестностью»¹.

В письме к Энгельсу от 29 мая 1885 г. Даниельсон сообщает Энгельсу, что 18 листов II тома «Капитала» уже переведены. В этом же письме Даниельсон выражает сожаление, что «выводы из обширного статистического материала о нашей земельной системе не были использованы автором в этом большом труде. Тот факт, что автор так сильно интересовался этими материалами, доказывает, что он придавал им большое значение, что он предполагал воспользоваться ими. Для читателей нашей страны это двойная потеря»².

Несколько писем Энгельса и Даниельсона связаны с предисловием ко II тому «Капитала» К. Маркса³. В письме от 13 (25) июня 1885 г. Даниельсон обратился к Энгельсу с мотивированным предложением переработать для русского издания предисловие ко второму изданию «Капитала». Даниельсон писал: «Большое спасибо за Ваши предисловия к «Капиталу» и к «Ницете [философии]». Они чрезвычайно интересны, но я не знаю, как избежать следующих затруднений. Родбертус — экономист, произведения которого мало известны в России; его претензии на открытие законов происхождения прибавочной стоимости известны еще менее; его обвинения автора «Капитала» в плагиате совершенно неизвестны. Кроме этих соображений, надо иметь в виду также нашу цензуру.

Вот почему я беру на себя смелость просить Вас несколько изменить Ваше предисловие к русскому изданию «Капитала», а именно: выбросить полемику из той части его, где Вы даете блестящее изложение вопроса о том, какое место занимает автор среди остальных экономистов, и того, что он сделал для науки.

Я надеюсь, что перевод выйдет в октябре»⁴.

В ответ на предложение Даниельсона Энгельс в письме от 8 августа 1885 г. вопрос о предисловии передает на усмотрение Даниельсона, мотивируя это своим незнанием с русскими условиями.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 118.

² «Переписка Ф. Энгельса с Николаем — оном», «Летописи марксизма», т. III/XIII, 1930 г., стр. 76.

³ В письме к П. Л. Лаврову от 12 февраля 1885 г. Энгельс писал о своём предисловии ко II тому «Капитала» К. Маркса, что в нём он возвращается к Родбертусу, чтобы доказать, что его заявления по поводу Маркса основаны на совершенно неслыханном невежестве в области классической экономики.

⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 119—120.

В письме к Энгельсу от 6 августа 1885 г. Даниельсон указывает, что он намерен выбросить только такие места из предисловия Энгельса ко II тому «Капитала», которые могут служить причиной к запрещению выхода книги. Причём Даниельсон заверяет, что историко-экономический характер предисловия будет сохранён. В этом же письме Даниельсон сопоставляет Маркса с Дарвином и высказывает своё отношение к клеветническим нападкам на Маркса родбертусовской клики. «По оригинальности и глубине мысли автора можно сравнить с Чарльзом Дарвином. Обе теории постигла одинаковая судьба. Обе они прошли через три одинаковые фазы: 1) теория не выдерживает критики; 2) она не представляет ничего нового (Дарвин — Ламарк, Гёте и т. д., К. Маркс — Родбертус и т. д.); 3) всеобщее признание. Я считаю хорошим признаком, что на автора нападают с этой стороны: это доказывает, что истина побеждает, что споры вызывает вопрос не о том, верна теория или нет, а о том, кто является автором подобной теории... Труд нашего автора теперь опубликован, и каждый может судить, на чьей стороне истина»¹.

Большой интерес представляет собой письмо Энгельса от 13 ноября 1885 г., в котором отражён заговор молчания официальной науки по отношению ко II тому «Капитала», как это имело место и по отношению к I тому «Капитала». В этом же письме дана убийственная характеристика катедер-социалистов, в теоретическом отношении никогда не поднимавшихся над уровнем слегка филантропически настроенных вульгарных экономистов и, наконец, опустившихся до уровня простых апологетов бисмарковского государственного социализма. Энгельс пишет, что для них II том навсегда останется книгой за семью печатями. Они не в состоянии понять новую книгу, и только страх перед последствиями мешает им критиковать её публично, и поэтому официальная экономическая литература сохраняет по отношению к ней молчание. Энгельс выражает уверенность в том, что III том заставит их заговорить.

В письме к Энгельсу от 19 декабря 1885 г. Даниельсон сообщает, что работа над переводом II тома «Капитала» закончена. В этом же письме имеется ряд фактов, характеризующих отношение цензуры ко II тому «Капитала». Даниельсон писал: «Второй том [«Капитала»] готов. В настоящее время книга находится в нашей цензуре. Мне частным образом сообщили, что цензоры не хотят пропустить предисловие. Лучшая часть его — краткий очерк истории прибавочной стоимости, и место, которое занимает наш автор в разработке вопроса о ней, — кажется им слишком красным.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 121—122.

Я думал выбросить несколько цитат из английских авторов. Но этого им мало. Редактор,— говорят они,— слишком подчеркивает социалистические тенденции автора.

Как только кончится установленный законом срок, пошлю Вам несколько экземпляров книги. Я с большим нетерпением жду выхода третьего тома. Второй том, по моему мнению, великолепен»¹.

Цензурные препятствия к напечатанию всего текста предисловия Энгельса ко II тому «Капитала» отнюдь не были непреодолимыми.

Об этом свидетельствует письмо Даниельсона к Энгельсу от 1 мая 1891 г. Даниельсон писал: «Мне ужасно досадно, что в русском издании второго тома предисловие было переведено с сокращениями. Цензурные затруднения, как я теперь думаю, не были непреодолимыми»².

О II томе «Капитала» заключение давал цензор Ведров. В своём докладе в Петербургский цензурный комитет от 17 декабря 1885 г. цензор прежде всего отмечает, что «Капитал» представляет собой сочинение «строго учёное, основанное на формулах, в которых развивается капитал на различных стадиях»³. По мнению цензора, через весь II том «Капитала» проходит мысль, что «капитал поглощает всякую прибыль, рабочая же сила имеет самое необходимое за затрачиваемые ею силы...»⁴. Хотя, утешает себя цензор, мысль о господстве капитала выражена только в «объективных фактах, без всяких возбудительных фраз», она, как «всеобъемлющая социальная идея, может повлиять на умы и, без всяких выводов автора, доставить тенденциозную опору разным заключениям».

В качестве иллюстрации к своим выводам цензор ссылается на несколько мест из «Капитала», связанных с хозяйственным развитием России. Прежде всего цензор отмечает то место из I-й главы II тома «Капитала», где речь идёт о русских землевладельцах. Маркс писал: «Со стороны русских землевладельцев—которые, вследствие так называемой эмансипации, должны употреблять для работ в своих хозяйствах наемных рабочих, вместо обязательной работы крепостных, раздаются двоякого рода жалобы. Во-первых, они жалуются на недостаток денежного капитала. Это значит, что, прежде продажи урожая, им приходится уплачивать

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 126.

² «Переписка Ф. Энгельса с Николаем —оном», «Летописи марксизма», т. III/XIII, 1930 г., стр. 108.

³ «Доклад цензора Ведрова в Петербургский цензурный комитет 17 декабря 1885 г.» (см. «Карл Маркс и царская цензура», «Красный архив», т. I(56), 1933 г., стр. 10).

⁴ Там же.

значительную сумму, в виде заработка, наемным рабочим, и тут-то нехватает самого существенного — наличных денег. Для того, чтобы вести капиталистическое производство, надо, чтобы в наличности был постоянно капитал в виде денег, именно для расплаты с наемными рабочими. На этот счет землевладельцы могут, однако, утешиться. Время дает разум, и промышленный капиталист располагает не только своими собственными деньгами, но также *l'argent des autres* (чужими деньгами).

Вторая жалоба, однако, характернее. Именно, если и деньги имеются, нельзя найти в достаточном количестве и в любое время требуемого числа рабочих сил, так как русский наемный рабочий, вследствие общинного землевладения, не совсем еще отрешен от своих средств производства, а следовательно, не есть еще «свободный наемный рабочий» в полном смысле слова. Но для того, чтобы была возможность акта Д—Т, обращения денег в товар, как превращение денежного капитала в производительный капитал, необходимо, чтобы имелись в наличности «свободные наемные рабочие» и не случайные, а как общественный класс¹. Данное место из II тома «Капитала» обратило особое внимание цензора, правда, он предусмотрительно воздержался от объяснения «зловредности» этого высказывания Маркса. Далее цензор фиксирует внимание цензурного комитета на высказывании о государственном производстве. Речь идёт о следующем месте из II тома «Капитала»:

«Будут ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или крестьянского (китайцев, индийских райотов), или общинного (в голландской Ост-Индии), или государственного (каким оно является, будучи основано на крепостничестве, в ранние эпохи русской истории), или же это будет изделием полудиких охотничьих народов и т. д.: как товары и деньги, они противоплагаются тем деньгам и товарам, в которых проявляется капитал, и входят точно таким же образом в его круговращение, как и сверхстоимость, несомая товарным капиталом, насколько она расходуется, как доход, следовательно, в обеих отраслях обращения товарного капитала»².

И это замечание Маркса цензор воздерживается комментировать.

О 12-й главе — «Рабочий период» цензор пишет, что «всё остроумие автора направлено к сопоставлению выгоды капиталистов и потери ужасного труда рабочих».

«Все эти суждения, — резюмирует цензор, — хотя и невыгодные для капиталистов, имеют строго научно-экономический

¹ «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса», изданное под редакцией Фридриха Энгельса. Перевод с немецкого, т. II. Процесс обращения капитала, Спб. 1885, стр. 8.

² Там же, стр. 67.

характер. Автор, противопоставляя «рабочие союзы» (Trades Unions) действиям капиталистов, смеётся над их холостыми выстрелами и «их прихвостнями экономистами»¹.

Всё сочинение Маркса, заключает цензор, проникнуто мыслью о пагубном влиянии капитала и недостаточности вознаграждения рабочему. Цензор не находит ничего препятствующего к выпуску этого сочинения в публику, кроме господствующей идеи опровержения владычества капитала. Вместе с тем он напоминает о том волнении, которое произвело появление I тома сочинения Маркса «Капитал» в русской публике не столько содержанием, сколько одним именем автора².

Таким образом, цензор не видит в «Капитале» разрушительных социалистических идей, его лишь смущает «тенденциозное» освещение роли капитала и недостаточности вознаграждения рабочего. Это не свидетельствует о широком политическом кругозоре жандарма от печати, который не понимал, что социалистические выводы Маркса как раз и базируются на анализе отношений капитала и труда. Характерно также признание цензора, что выход в свет русского перевода «Капитала» вызвал «волнение» в широких общественных кругах. Мракобес К. П. Победоносцев, имея в виду разрешённый перевод II тома «Капитала» К. Маркса, 12 ноября 1887 г. писал Е. М. Феоктистову: «А подумаешь: в русск[ом] переводе издан «Капитал» Маркса, одна из зажигательных книг»³.

Если I том «Капитала» вызвал в России 70—80-х годов большие споры, в которых участвовали виднейшие публицисты и учёные, то на II том «Капитала» было лишь несколько рецензий. Прежде всего надо отметить предисловие к русскому переводу II тома «Капитала» Даниельсона, которое по существу является критическим очерком.

Даниельсон указывает, что II том «Капитала» представляет собой стройное, законченное теоретическое построение, посвящённое анализу капиталистического обращения.

«Вся теоретическая сторона изложения действительно представляет законченное целое, хотя в некоторых местах и попадаются только указания на необходимость более подробной обработки. Но в общем получается картина капиталистического обращения,

¹ «Карл Маркс и царская цензура», «Красный архив», т. I(56), 1933 г., стр. 10. На подлиннике, ниже подписи цензора, имеется следующая пометка: «Комитет, признавая, что настоящее сочинение есть серьёзное экономическое исследование, доступное как по содержанию, так и по изложению лишь специалистам, не усматривает препятствий к появлению в свет настоящего издания и определил: доклад цензора принять к сведению».

² См. там же, стр. 10.

³ «Письма К. П. Победоносцева к Е. М. Феоктистову», «Литературное наследство» № 22—24, 1935 г., стр. 531.

в которой каждый из исследованных факторов его получает должное освещение»¹.

Далее автор даёт краткий перечень проблем, рассматриваемых во II томе «Капитала». Даниельсон придаёт большое значение трактовке, данной Марксом в отличие от классической школы, проблемы основного и оборотного капитала.

«...Особенно важное значение имеет его (К. Маркса. — А. Р.) анализ основного и оборотного капиталов и критика этих понятий, указаны причины, почему смешивание различия присущего капиталу с точки зрения производства — капитала постоянного и переменного — с различием, присущим производительному капиталу с точки зрения обращения — оборотного и основного капитала — поставило последователей классической политической экономии в безысходное положение, лишив их возможности постичь сущность капиталистического хозяйства — происхождение прибавочной стоимости»². По глубине и важности анализа Даниельсон выделяет отдел, трактующий о воспроизводстве и обращении всего общественного капитала.

Интересно следующее замечание Даниельсона: «Автор показывает, что даже в том случае, если принять идеально-соразмерное разделение между двумя названными крупными отделами производства, даже при неизменяющихся размерах его, все-таки, в производстве, имеющем в основе капиталистический строй, кроются зачатки кризиса. В этом отделе представляет кроме того большой интерес критика предшественников автора по этому вопросу. После блистательного анализа воспроизводства и обращения всего общественного капитала, с точки зрения простого воспроизводства, автору уже сравнительно не трудно было ввести новый фактор и рассмотреть тот же вопрос с точки зрения воспроизводства в более широких размерах»³.

В отличие от I тома «Капитала» во II томе, по мнению Даниельсона, отсутствуют литературные, библиографические и другого рода указания, нет также ссылок, иллюстраций из текущих событий экономической жизни. Всё это требует от читателя более глубокого размышления в целях уяснения хода мысли автора «Капитала». Но всё это, по мнению Даниельсона, относится к внешней стороне II тома «Капитала». «Что же касается до внутренней, теоретической стороны, то несомненно она осталась бы в общих чертах такою же, какою является в настоящем своем виде; хотя, конечно, многое было бы значительно более развито. Автор слишком глубоко постиг весь механизм современного экономического строя, чтобы какое-либо явление самое непостижимое для по-

¹ «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса», т. II, Спб. 1885. Предисловие к русскому изданию, стр. IX.

² Там же, стр. IX—X.

³ Там же, стр. X—XI.

верхностных наблюдений хозяйственной жизни, для него, — открывшего законы, которым подчиняется все движение капиталистического хозяйственного строя, — в общем, было бы неожиданным»¹.

Даниельсон отмечает, что для Маркса, базировавшего свои теоретические выводы на фактах реальной экономической жизни, солидные статистические данные были столь же необходимы, как и для биолога-теоретика данные относительно строения и жизни ряда организмов, начиная с самых низших до высших представителей животного и растительного мира. Даниельсон приводит ряд фактов из жизни Маркса, базируясь на предисловии Энгельса и на письмах к нему Маркса, свидетельствующих о непрестанном изучении автором «Капитала» процессов, происходивших в хозяйственной жизни целого ряда стран.

Заслугу Маркса Даниельсон видит в том, что он исследовал законы движения капитализма. «Под напором новых хозяйственных явлений, — пишет Даниельсон, — начинают трещать вековые устои, стоящие поперек дороги капитализма. Выяснению того, что это за поток, куда он стремится, какие законы управляют его движением, вот чем задался автор»².

Даниельсон выражает уверенность, что, если бы автор дожил до издания своей книги, в ней изменилась бы внешняя сторона. Та теоретическая высота, которой достиг автор, давала ему возможность видеть впереди путь, по которому идёт современное общество, и вследствие этого он имел возможность предостерегать общество от тех затруднений, которые он отчётливо видел с высоты его научных построений. «Вот в этом-то смысле отсутствие указаний на события текущей хозяйственной жизни, как на симптомы грядущих явлений, чувствуется особенно тяжело. Подтверждая теоретические построения, они давали бы читателю возможность видеть явления окружающей экономической жизни более сознательно»³.

В этих высказываниях Даниельсона, правда, в туманной форме, чувствуются реформистские выводы, которые приписывает Даниельсон Марксу. «Капитал» якобы является таким произведением, которое может помочь капиталистическому кораблю обойти подводные рифы, стоящие на его пути.

Даниельсон отмечает превосходство экономической теории Маркса над классической школой и ведёт скрытую полемику с теми буржуазными экономистами, которые утверждали, что «Капитал» Маркса представляет собой плагиат из экономических работ Родбертуса. Даниельсон пишет: «Будучи непосредственным преемником представителей так называемой классической школы

¹ «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса», т. II, Спб. 1885. Предисловие к русскому изданию, стр. XI.

² Там же, стр. XIV.

³ Там же.

политической экономии, он тем не менее не оставил ни единого из положений этой школы без тщательной аналитической проверки; развил то, что было в ней истинно научного; указал на ее промахи, неизмеримо опередив своих предшественников глубиной анализа. Он брал истину, где бы ни нашел ее; притом, будучи знаком, как никто из экономистов, с экономической литературой, брал ее у того, кто первый ее высказал. Каждый внимательный читатель первой книги, конечно, сам это заметил; но оказались критики, для которых неупоминание каких-нибудь излюбленных ими экономистов ставилось в вину автору, приводилось в виде доказательства или его пристрастия, или его недостаточного знакомства с экономической литературой. Мы бы об этом и не упомянули, если бы не оказалось, что упрек этот, происходящий от непонимания самих критиков, не был распространен более, чем мы ожидали»¹.

В заключение Даниельсон отмечает, что терминология в переводе применяется им та же, что и в I томе «Капитала». Только слово «Meinwehrt» им переводилось безразлично выражениями «сверхстоимость» и «прибавочная стоимость», причём предпочтённые отдавалось «сверхстоимости».

Современный читатель в очерке Даниельсона не найдёт глубокого понимания теоретических проблем, которыми так богат II том «Капитала» Маркса. Но для эпохи 80-х годов предисловие Даниельсона, бесспорно, сыграло свою положительную роль в деле пропаганды экономического учения Маркса в России того времени. На Западе работы Маркса встречались молчанием, а в России представители официальной науки или враждебно относились к экономическому учению Маркса, или старались «критически» его преодолеть (за исключением лишь Н. И. Зибера).

Предисловие Даниельсона давало общую оценку метода

¹ «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса», т. II, Спб. 1885. Предисловие к русскому изданию, стр. XIV—XV. Отметим оценку народничества Даниельсона, которую даёт Энгельс в письме к Плеханову от 26 февраля 1895 г. Он писал: «Что касается Даниельсона, боюсь, что с ним ничего не поделаешь... Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную *святыню Русь* (написано Энгельсом по-русски.— А. Р.), от других северных народов».

Впрочем, в такой стране, как ваша, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же окруженной более или менее прочной интеллектуальной китайской стеной, возведенной деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 341).

Таким образом, хотя Энгельс не принимал непосредственного участия в полемике русских публицистов о путях развития капитализма в России, об общине и т. д., в его письмах имеется замечательная критика реакционного утопизма легального народничества.

Маркса, отдельных проблем I тома «Капитала», указывало на превосходство Маркса над классической школой политической экономии. Даниельсон полемизировал также, хотя и в скрытой форме, против клеветнических обвинений Маркса в том, что его «Капитал» представляет собой плагиат из экономических работ Родбертуса.

В письме Энгельса к Даниельсону от 8 февраля 1886 г. имеется оценка предисловия Даниельсона к русскому изданию II тома «Капитала». Энгельс писал: «Я с большим удовольствием прочел Ваше прекрасное предисловие и в доказательство того, что прочел его внимательно, могу указать Вам, что на стр. X, в строке 17, наборщик, повидимому, пропустил слово. Не следует ли читать это место так: *что и переменная часть капитальной стоимости*¹ и т. д. Пропуск этот не имеет большого значения для того, кто хорошо знаком с терминологией автора, но может сбить с толку тех, кто ее не усвоил»².

В русских журналах 80-х годов были помещены отклики на II том «Капитала».

Отрицательную оценку этого гениального творения Маркса дал Л. Слонимский³. Тут и «сухость и отвлечённость изложения», и «отсутствие литературных и фактических указаний», и «тяжеловесность аргументации». Однако кроме этих общих «критических» замечаний, относящихся большей частью к внешней стороне изложения, рецензия отнюдь не пытается рассмотреть теоретическое содержание II тома «Капитала». Больше того, Л. Слонимский считает, что II том «Капитала» является по существу повторением I тома «Капитала». Повторяя ходячие в буржуазной экономической литературе обвинения Маркса в «схоластике», в пользовании методом «абстрактной диалектики», автор снисходительно признаёт, что в I томе «Капитала» читатель найдёт «много нового и оригинального, массу любопытных сведений фактических и научных, подробную критику специальной литературы предмета и некоторые важные поправки к существующим экономическим учениям»⁴. В отличие же от I тома «Капитала»

¹ Приведённое Энгельсом место из предисловия Даниельсона написано в письме по-русски.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 127.

³ Л. З. Слонимский (1850—1918) — публицист, писавший по экономическим вопросам, сотрудник «Вестника Европы». Выступал как критик Маркса с позиций либерального буржуа. Ленин о Слонимском писал, что в полемике с Даниельсоном по вопросу о мелком кустарном производстве и мелком крестьянском землевладении он «ясно и точно формулировал свою точку зрения обыкновенного либерала, абсолютно неспособного понять буржуазность современных порядков...» (В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, стр. 304).

⁴ Л. С-ский, Новый том книги Маркса Das Kapital. Kritik der Politischen Oekonomie, von Karl Marx. Zweiter Band, Buch II: Der Cirkulationsprozess des Kapitals, Hamburg 1885. См. «Вестник Европы», кн. IX, 1885 г., стр. 400.

II том, по мнению Слонимского, не блещет «и новизною выводов, ни смелостью и резкостью критики...». Однако рецензент не выдерживает «тона» и вынужден признать, что «анализ обращения капиталов, в последнем отделе книги, имеет бесспорно научный интерес; немало метких замечаний рассеяно в различных главах по вопросам более или менее сложным и запутанным»¹.

Основное обвинение, которое выдвигает рецензент против Маркса, — это игнорирование новейшей немецкой экономической литературы. Маркс воевал, по мнению Л. Слонимского, с «младенческим» периодом буржуазной политической экономии, причём оставил в стороне капитальные работы, появившиеся как до, так и после издания «Капитала». Оказывается, что Маркс не упоминает сочинений фон Тюнена, заключающих в себе математический анализ отношений между капиталом и трудом, и игнорирует Родбертуса, хотя рецензент сам признаёт, что, «быть может, сочинения Родбертуса не заслуживают репутации, выпавшей на их долю»².

Хотя Л. Слонимский и не разделяет обвинений, выдвигавшихся против Маркса западноевропейскими буржуазными экономистами в заимствованиях у Родбертуса, он, однако, повторяет пошлые их утверждения в игнорировании Марксом современной ему научной мысли. Комично звучит обвинение, выдвигаемое против Маркса, в незнакомстве с широко известной экономической литературой, в то время как на самом деле Маркс был непревзойдённым знатоком экономической науки, что неоднократно признавали и его противники.

Отдавая дань Карлу Марксу как учёному, занимающему «определённое место» в новейшей политической экономии, Слонимский в то же время считает, что работы Маркса относятся специально к тем разделам экономической науки, которые более всего связаны с промышленной жизнью Западной Европы.

Вопросы о ценности, о капитале, о производстве и обращении товаров, об образовании прибавочной стоимости в пользу капиталистов, о прибыли и рабочей плате, считает Л. Слонимский, исчерпывают собою политическую экономию Маркса, придавая ей значение одностороннего анализа крупной промышленности и торговли. «Это скорее промышленная, чем политическая экономия; — общесоциального и политического в ней очень мало»³. И далее рецензент считает, что Маркс не может быть признан ре-

¹ Там же, стр. 400.

² Там же, стр. 402. О том, что Маркс игнорирует произведения Тюнена, Л. Слонимский писал в своей полной бессмысленных выпадов против Маркса статье «Забывшие экономисты. Тюнен и Курно» («Вестник Европы», кн. IX, 1878 г.).

³ Л. С-ский, Новый том книги Маркса..., см. «Вестник Европы», кн. IX, 1885 г., стр. 403.

форматором науки, ибо он старается по возможности крепче втиснуть экономическую науку в «узкие рамки, установленные Рикардо, придерживаясь его основных воззрений и его банкирского полуматематического метода». В этом отзыве что ни слово, то «перл». Маркс оказывается представителем «промысленной экономики» — его работы не посвящены анализу социально-экономических проблем. В качестве доказательства этого «тезиса» даётся ссылка на то, что Маркс исследует проблемы стоимости и капитала, образования прибавочной стоимости, заработной платы и прибыли, которые, по мнению рецензента, очевидно, не являются политико-экономическими проблемами, а относятся к области «промышленной экономики». Что это за «наука» — остаётся «научной тайной» автора.

Рецензии Слонимского со своим убожеством «критических» выпадов против «Капитала» — яркий показатель отношения к экономическому учению Маркса части буржуазной публицистики в России 80-х годов. Характерно, что при всём желании «разнести» новую работу Маркса рецензент вынужден признать, при всех оговорках, крупное научное значение II тома «Капитала».

Второму тому «Капитала» К. Маркса посвятил свою статью Филиппов¹.

В своей обширной рецензии он прежде всего отмечает, что II том «Капитала» К. Маркса не встретил столь восторженного приёма, какой выпал на долю I тома «Капитала». Объяснение этому факту автор видит в наличии в русском обществе стольких новых интересов, стольких новых течений мысли, что прежний пыл поклонников и врагов Маркса в настоящее время немислим².

Таким образом, Филиппов делает скептические прогнозы о дальнейшем распространении марксизма в России. Эти прогнозы для Филиппова не случайны, ибо он сам в 90-х годах, подвизаясь в лагере «легальных марксистов», немало потрудился над вульгаризацией и ревизионистским искажением экономического учения Маркса.

Автор считает, что II том «Капитала» должен привлечь внимание научной критики, так как Маркс сделал громадный шаг вперёд в разъяснении основных законов капиталистического

¹ Филиппов Михаил Михайлович (1858—1903) — представитель «легальных марксистов». В 1885—1887 гг. участвовал в журнале «Русское богатство», где поместил большую статью о II томе «Капитала». В 1894 г. основал журнал «Научное обозрение», который не имел определённого направления и предоставлял свои страницы также и марксистам. В 1898 г. в этом журнале были помещены две статьи Ленина: «Заметки к вопросу о теории рынков», «Еще к вопросу о теории реализации». В своём отношении к струвизму Филиппов занимал позицию колеблющуюся: то примыкая к нему, то подвергая его критике. В вопросах философии М. М. Филиппов был типичным эклектиком, сторонником синтетизирования марксизма с философией позитивизма.

² См. М. Ф., «Посмертный труд Карла Маркса, «Русское богатство» № 10, 1885 г., стр. 179.

строя¹. Филиппов высмеивает попытки обвинить автора «Капитала» в плагиате у Родбертуса, разоблачает стремление, подобно Дюрингу, отрицать за учением Маркса всякое научное значение. «Теперь, когда Маркс сделал для всех наглядным, что основной элемент капитализма есть так называемая «прибавочная ценность», нам не трудно отыскивать у прежних экономистов зародыши его учения...»². Только серьёзный критический анализ состояния науки до и после марксова периода может, по мнению Филиппова, представить значение «Капитала» в подлинном свете.

Автор далее отмечает редакторскую работу Энгельса, которая при всей своей искусности, однако, не может заменить обработки, которую хотел дать своему труду Маркс. «Чтение второго тома,— пишет Филиппов,— конечно, не может прийти по вкусу читателям, не привыкшим к серьёзной работе мысли, если эта работа не облегчается теми блёстками остроумия и тою страстною речью, какую мы видим во многих местах первого тома «Капитала». Второй том представляет, в большинстве случаев, лишь сухой, отвлечённый материал. Но для читателя, умеющего вдумываться в прочитанное, эти отвлечённые формулы вскоре облакаются плотью и кровью, и ему становится ясною глубокая жизненность вопросов, возбуждённых Марксом»³.

Отметив, что содержание II тома «Капитала» составляет теория обращения капитала, автор рецензии в целях показа значения этой теории считает нужным изложить в общих чертах «теорию процесса производства» так, как она дана в I томе «Капитала». И далее он даёт краткое изложение ряда проблем I тома «Капитала». Это изложение не лишено существенных погрешностей. Так, например, рецензент не понимает различия между трудом и рабочей силой, он считает, что труд есть товар. Он пишет: «...Маркс показал, что приращение капитала возможно лишь в силу обращения труда в товар, обладающий свойством создавать ценность, которая превышает ценность заработной платы, необходимой для существования рабочего и его потомства»⁴.

В своём изложении проблем I тома «Капитала» рецензент уделяет большое внимание прибавочной стоимости. Автор рецензии считает, что следует отличать прибавочную стоимость от прибыли. «Выясненное Марксом понятие о прибавочной ценности не должно быть отождествляемо с обыденным понятием о прибыли капиталиста. Первое более широко и более отвлечённо, чем последнее. Прибавочная ценность не всегда идёт в пользу капиталиста... Писатели, отождествляющие прибавочную ценность

¹ См. М. Ф., Посмертный труд Карла Маркса, «Русское богатство» № 10, 1885 г., стр. 180.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 181.

с прибылью, легко смешивают явления вполне разнородного характера»¹. Рецензент полагает, что категория прибавочной стоимости лежит в основе анализа как теории производства, так и обращения капитала.

«Категория прибавочной ценности легла у Маркса в основание всей теории *производства капитала*, и она же является во втором томе его труда весьма существенною для объяснения *обращения капитала*. Теория обращения капитала в том виде, какой она имела до Маркса, исходила из разделения капитала на *основной и оборотный*. Но Маркс (ещё в первом томе) указал на первостепенную важность другой классификации, которая различает *постоянный* капитал от *переменного*. Эта классификация вытекает непосредственно из учения о прибавочной ценности»².

Следует отметить, что, говоря об обвинении, направленном против Маркса, в заимствовании у Родбертуса, автор пишет: «...Последний лишь смутно понимал то, что у Маркса составляет основание всей его теории»³.

Переходя непосредственно ко II тому «Капитала» автор прежде всего останавливается на различии, которое проводит Маркс между основным и оборотным капиталом. Автор пытается кратко резюмировать основные выводы Маркса по этому вопросу, он уделяет внимание также той критике, которую даёт Маркс воззрениям на проблему основного и оборотного капитала прежних экономистов. Однако поверхностное изложение рецензентом проблемы основного и оборотного капитала не лишено курьёзов. Так, рецензент указывает, что Маркс исправил обычную классификацию капитала на основной и оборотный, когда, например, оборотный капитал считался капиталом купца. Насколько Маркс далёк от подобной точки зрения, видно из того, что в своей теории обращения капиталов он уделяет торговому капиталу лишь самое малое место, да и то, главным образом, с целью указать на его отрицательные стороны, состоящие в непроизводительной трате рабочего времени»⁴.

На самом деле Маркс не уделяет внимания торговому капиталу не по той причине, на которую указывает рецензент, а по методологическим соображениям, в силу того, что на данной ступени исследования анализ торгового капитала вообще не мог быть дан. В заключение рецензент останавливается на рабочем периоде, на периоде производства. Но и здесь не обошлось без извращений. Автор указывает на то, что Маркс лишь наметил этот в высшей степени важный вопрос.

¹ М. Ф., Посмертный труд Карла Маркса, «Русское богатство» № 10, 1885 г., стр. 181—182.

² Там же, стр. 183.

³ Там же, стр. 182.

⁴ М. Ф., Посмертный труд Карла Маркса, «Русское богатство» № 11, 1885 г., стр. 184.

Филиппов с учёным видом знатока прилагает бесплодные усилия для того, чтобы поучать Маркса, что рабочий — придаток машины.

Несмотря на поверхностный характер рассмотренной рецензии, всё же в заслугу автору следует поставить стремление ориентировать читателя на богатство содержания II тома «Капитала» К. Маркса, не говоря уже о том, что автор не разделяет, а высмеивает клеветнические выпады против Маркса как плагиатора Родбертуса.

Большую статью о II томе «Капитала» написал буржуазный экономист М. Герценштейн¹.

Герценштейн начинает свою рецензию на немецкое издание II тома «Капитала» с указания, что выход его в свет является одним из наиболее крупных событий последнего времени. Интерес к этой части «Капитала» Маркса, по мнению рецензента, тесно связан с шумным успехом I тома «Капитала», который произвёл глубокое впечатление как на сторонников, так и на врагов Маркса.

Успех, выпавший на долю «Капитала», Герценштейн и объясняет тем обстоятельством, что Маркс был не только человеком науки, но и «деятелем политическим, агитатором», что Маркс создал партию, причём «Капитал» сделался символом «веры» для его последователей. Герценштейн даёт оценку Маркса как мыслителя:

«По силе логического мышления он не уступает Рикардо, но, в то же время, значительно превосходит его не только по обширной эрудиции в политической экономии и в других общественных науках, но и по цельному философскому мирозерцанию, которого не доставало Рикардо. Вся эта сила, вся эрудиция, вся эта цельность мирозерцания были направлены на то, чтобы разрушить современное капиталистическое производство. Маркса часто не понимали, но он пробуждал мысль и заставлял задумываться над такими явлениями, мимо которых прежде проходили бесследно. К этой грандиозной личности вполне применимы слова Шиллера, приведённые Гроссом в его книжке о Марксе:

Von den Parteien Gunst und Hass verwirrt schwankt sein Characterbild in der Geschichte»².

Интерес ко II тому «Капитала» объясняется, по мнению Герценштейна, кроме имени Маркса, как политического деятеля, ещё одним обстоятельством. В I томе Маркс объяснил на основе тру-

¹ Герценштейн Михаил Яковлевич (1859—1906) — экономист, профессор Московского сельскохозяйственного института. Писал по вопросам кредита, финансов и аграрному вопросу. Член I Государственной думы, один из видных членов кадетской партии, главный её теоретик по аграрному вопросу. Убит черносотенцами в 1906 г., вскоре после разгона Государственной думы.

² М. Герценштейн, Новое сочинение Маркса, «Русская мысль», кн. IX, 1885 г., стр. 60. «Опутанный расположением и враждой партий, его образ отражается в истории» (нем.).

довой теории ценности процесс производства капитала. Между тем многие факты из действительной жизни находятся, как утверждает рецензент, якобы в противоречии с этой теорией, многие условия, связанные с капиталистическим производством, мешают осуществлению закона трудовой ценности.

Возникает вопрос, продолжает рецензент, как примирить это противоречие, каким образом истину, пригодную для всего народного хозяйства, применить к объяснению единичных случаев внутри народного хозяйства.

Герценштейн пишет, что расстаться с трудовой теорией, с этой первой основой политической экономии, было невозможно. Её установление имеет такое же значение для общественных наук, какое имеет закон Галилея для физики. «Помимо того, эта теория имеет великое этическое значение; она подымает человека в его собственных глазах, указывая ему, что не внешней природе, не мёртвому капиталу, а себе самому, своему труду, своей энергии он обязан всем, чем пользуется. Понятно, почему так важно устоять на этой теории, не говоря уже о том, что в сравнении с другими теориями ценности она является самой полной и объясняет больше других теорий»¹.

Из этих высказываний Герценштейна видно, что он является сторонником этической трактовки теоретико-экономических проблем. Для Герценштейна закон стоимости по существу не является объективным законом движения товарно-капиталистического производства, а теоретически необходимой фикцией, назначение которой прежде всего этическое: содействовать росту самосознания человека как властелина природы, успешно овладевающего окружающими его грозными стихийными силами внешнего мира. Неудивительно, что при таком психологическом обосновании значимости категории стоимости Герценштейн игнорирует неизбежность гибели капитализма, необходимость крушения капиталистической общественно-экономической формации. Герценштейн считает, что Маркс сумел обосновать трудовую теорию и даже освободил её от многих заблуждений. Однако, по его мнению, Маркс нигде со всей определённостью не утверждает, что его выводы применимы только к народному хозяйству, а не к единичному хозяйству. Это ограничение было сделано Родбертусом, который показал, что трудовая теория ценности в чистом виде применима ко всему народному хозяйству, ко всей ренте (по Марксу, прибавочной стоимости), а не к отдельным частям её, так как для последних существуют другие законы, пока им не открытые.

«Но если заслуга Родбертуса,— продолжает рецензент,— заключается в том, что он устоял на трудовой теории, ограничивши

¹ М. Герценштейн, Новое сочинение Маркса, «Русская мысль», кн. IX, 1885 г., стр. 61.

область её применения народным хозяйством, то на этом он остановился, прибавивши только, что этот закон сталкивается с законом равной прибыли. Первые шаги его на пути к распределению всей ренты привели его к ошибочной теории поземельной ренты»¹. Решения этого вопроса ожидали от Маркса, однако читателя II тома «Капитала» постигает разочарование, ибо он находит здесь лишь обещание, что ответ будет дан в III томе.

«Если Марксу,— пишет Герценштейн,— как в этом старается уверить нас Энгельс, действительно удалось указать в имеющем скоро появиться третьем томе некоторые второстепенные законы, определяющие распределение всей общественной прибавочной стоимости, тогда не только сохранит своё значение трудовая теория, но мы будем иметь сообразное с нею объяснение феноменов действительной жизни, а это будет значительный шаг вперёд, один из тех великих шагов, которые нужны науке, чтобы вывести её на надлежащий путь»².

Таким образом, у Герценштейна имеются сомнения насчёт научного значения трудовой теории стоимости, он ждёт окончательного разъяснения приложимости закона стоимости к явлениям действительности от III тома «Капитала» К. Маркса.

Из этих предварительных замечаний Герценштейна видно, что, хотя он и считает Маркса крупным мыслителем и ждёт от трудовой теории стоимости объяснения сложных хозяйственных феноменов капиталистической действительности, он всё же сторонник этической трактовки теории стоимости Маркса. Переоценивает Герценштейн также и заслуги Родбертуса в области экономической теории, хотя в то же самое время он и считает ошибочной родбертусовскую теорию земельной ренты. Это преклонение перед Родбертусом сказывается и в том, что он обвиняет Маркса в якобы высокомерном отношении и игнорировании экономистов новейших школ, в частности Родбертуса.

После отмеченных предварительных замечаний Герценштейн переходит непосредственно к содержанию II тома «Капитала» Маркса. Исходя из того, что II том «Капитала» трактует якобы о «самых запутанных вопросах догматики политической экономии, представляющих интерес исключительно для специалиста», рецензент намерен ограничиться рассмотрением роли отдельных частей капитала в процессе производства и в процессе образования ценности, ибо это необходимо для понимания предмета исследования II тома «Капитала» — обращения и воспроизведения единичного и общественного капитала.

Герценштейн уделяет большое внимание учению Маркса о постоянном и переменном капитале, об основном и оборотном ка-

¹ М. Герценштейн, Новое сочинение Маркса, «Русская мысль», кн. IX, 1885 г., стр. 62.

² Там же.

питале, исходя из того, что это самый существенный вопрос во II томе «Капитала». Переходя к анализу проблемы воспроизводства общественного капитала, рецензент отмечает, что у Маркса имеется грандиозная схема, обнимающая всё народное хозяйство. До него это не было сделано экономистами.

«Классическая школа в этом случае сделала в сравнении с физиократовской экономической таблицей не шаг вперёд, а шаг назад. ...Обнять весь процесс в целом можно только тогда, когда выяснен процесс образования ценности, составные части которой составляют доход отдельных классов общества»¹.

Далее рецензент приводит цитату из Маркса, вскрывающую ошибочность догмы А. Смита о разложении стоимости капиталистически произведённого товара на доходы. Герценштейн пишет: «Нам нечего прибавлять к этой прекрасной цитате, которая может пролить не мало света на тёмный вопрос о ценности. Мы говорим «тёмный» потому, что ошибка, в которой Маркс упрекает Смита и от которой избавился Рикардо, повторяется в книгах, появившихся даже в нынешнем году, притом у писателей, причисляющих себя к той же школе, к которой принадлежит и Маркс»².

Герценштейн признаёт за II томом «Капитала» крупное значение в теоретической экономии, ибо «охватить всё народное хозяйство в целом и наглядно показать, как воспроизводится капитал отдельного лица внутри этого народного хозяйства, а потом сделать то же самое по отношению ко всему общественному капиталу, — составляет очень трудную задачу»³.

В заключение рецензент опять возвращается к «основной идее» I тома «Капитала»: процессу воспроизводства капитала и образования прибавочной стоимости, которая трактуется им как «ясное и определённое проведение основной мысли классической школы». По вопросу о роли Маркса в объяснении прибавочной стоимости М. Герценштейн ссылается на Зибера, который считал, что заслуга Маркса заключается лишь в терминологическом улучшении этого понятия; классики говорили о «продаже труда». Маркс же — о «продаже рабочей силы». На самом же деле классики в силу своей буржуазной ограниченности, в силу метафизического характера своего метода не могли дать подлинно научного объяснения прибавочной стоимости.

Таким образом, Герценштейн в вопросе преемственности экономического учения Маркса с классической школой разделяет трактовку Н. И. Зибера⁴.

¹ М. Герценштейн, Новое сочинение Маркса, «Русская мысль», кн. IX, 1885 г., стр. 70.

² Там же, стр. 71.

³ Там же.

⁴ Герценштейну было чуждо всякое представление о том перевороте, который совершил Маркс в политической экономии. Так, например, в своей нео-

Животрепещущим вопросом экономической науки рецензент считает проблему распределения прибавочной стоимости. М. Герценштейн пишет:

публикованной записной книжке, относящейся к концу 80-х годов, которая представляет собой сжатый конспект отдельных глав I и II томов «Капитала», Герценштейн писал, что учение Маркса о двойственном характере труда якобы «не составляет вообще открытия, а лишь разъяснение того, что установлено в английской пол. эк. ещё со времён Петти» (М. 5770-6, Архив М. Я. Герценштейна, тетрадь № 45. Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина). Больше того, Герценштейн вообще склонен был думать, что в «Капитале» «понятие абстрактного чел. труда не определено; его определение могла бы дать физиология, разумея под этим затрату известной силы» (там же). Таким образом, Герценштейн вообще полагает, что категории абстрактного труда не место в политической экономии, а ею должна заняться физиология. Ему невдомёк, что такого рода рассуждениями он лишает политическую экономию всякой рациональной основы.

Герценштейн не сводит концов с концами. О теории денег К. Маркса Герценштейн пишет в своём неопубликованном конспекте «Капитала» К. Маркса: «Из двойственного характера труда выводится весьма последовательно генезис денег. Этот генезис сделан мастерски...». И далее: «Весьма ценным является способ объяснения происхождения денег от товара, так как этим сразу урезывается путь для всякого рода фиктивных теорий денег. Деньги являются результатом несколько развитой формы обмена, но ни разу они у М[аркса] не сбрасывают от себя своего товарного происхождения и не являются чем-то созданным по воле государственной власти. В объяснение денег не вторгается таким образом ни одна произвольная гипотеза, ни одна фикция, не вводится ни один элемент, которого нельзя было бы усмотреть в товаре — золоте и серебре» (там же).

Герценштейн хотя и даёт положительную оценку теории денег, развитой К. Марксом в «Капитале», однако подлинной сущности теории денег К. Маркса он не мог усвоить, ибо он не понимал учения К. Маркса о двойственной природе товара, о двойственной роли труда, создающего товар.

Герценштейну не было ясно, что деньги имманентны товарному производству, что процесс обмена порождает раздвоение товара на товар и деньги как внешней противоположности, в которой выражается внутренняя противоположность товара между потребительной стоимостью и стоимостью, что удвоенное бытие товара в виде товара и в виде денег есть закон выражения продукта, являющегося товаром, что деньги — продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством, что деньги — не вещь, а общественное отношение.

Герценштейн в своём конспекте останавливается также и на учении К. Маркса о товарном фетишизме. Он пишет: «Указавши на генезис денег, М[аркс] возвращается к товару, с которого начата первая глава, и посвящает целый ряд блестящих страниц... доказательству той мысли, что в товаре истинные отношения производителей скрываются за вещественной формой продуктов» (там же). Говоря об аналогии товарного фетишизма с религиозными представлениями, Герценштейн выражает сомнение в том, можно ли признать эту аналогию «верною и доказанной, истинной... Такие аналогии ослепляют, но принять их может только тот, кто принимает материалистическое мирозерцание» (там же). В данном случае Герценштейн вполне прав. Усвоить и понять экономическое учение Маркса может лишь тот, кто является сторонником диалектического материализма, как мировоззрения пролетариата. Потому Герценштейн и подвизался как «критик» Маркса, что, будучи идеологом буржуазии, он подходил к экономическому учению К. Маркса с позиций ненаучного мирозерцания, с позиций идеалистических, метафизических философских систем.

«Самый интересный вопрос, решения которого с таким нетерпением ожидали,— вопрос, каким образом распределяется прибавочная стоимость между отдельными предприятиями, находится ли это распределение в зависимости не только от количества труда, но и от других обстоятельств, как величина капитала,— остаётся, таким образом, до сих пор открытым. Если в третьем томе Маркс удовлетворительно решит его, тогда политическая экономия обогатится в гораздо большей степени, чем от появления первых двух томов... Не думая несколько умалять заслуги Маркса, мы позволяем себе высказать, что заслуги его будут гораздо более велики, когда ему удастся в 3-м томе ответить на вышепоставленный вопрос, на который мы до сих пор не имеем ответа»¹.

Критический очерк Герценштейна возвышался над теоретическим уровнем западноевропейской науки, которая либо игнорировала «Капитал», либо давала ему оценку в духе вульгарной политической экономии².

Однако эта статья исходила из лагеря, враждебного марксизму,— тут и этическая трактовка теории стоимости, и апология Родбертуса, и непонимание подлинной связи между Марксом и классической школой, не говоря уже об игнорировании революционной стороны учения Маркса — обоснования неизбежной гибели капиталистического хозяйственного режима.

Выход в свет II тома «Капитала» и перевод его на русский язык не встретили в России такого широкого отклика, как это наблюдалось по отношению к I тому «Капитала» К. Маркса. Известную роль здесь сыграл открыто реакционный внутриполитический курс, который осуществлялся в России в начале 80-х годов. Это объясняется, повидимому, и тем, что в отличие от I тома «Капитала» тематика II тома не представлялась столь наглядно и популярно связанной с злободневными вопросами народнохозяйственной жизни России того времени.

¹ М. Герценштейн, Новое сочинение Маркса, «Русская мысль», кн. IX, 1885 г., стр. 72.

² Об оценке, которую получил II том «Капитала» К. Маркса в Германии мы читаем в письме Энгельса к Н. Ф. Даниельсону от 9 ноября 1886 г. следующее:

«Рецензии на II том в немецкой печати невероятно глупы. Одна из них, написанная д-ром Гроссом из Вены, довольно приличная, но сам Гросс—идиот. Другая, принадлежащая профессору Лексису из Бреслава, по-своему, очень не глупа: автор прекрасно понимает книгу и знает, что против нее ничего нельзя возразить, но он карьерист и поэтому прикидывается вульгарным экономистом» («Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 129).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кризис крепостнической системы в России, обострение противоречий между производительными силами и отжившими, обветшалыми производственными отношениями завершился годами революционной ситуации 1859—1861 гг., углублением классовых противоречий. Помещики уже не могли господствовать по-старому, а крестьяне не хотели больше нести ярмо крепостничества.

Для этого последнего знаменательного в истории России этапа в созревании капиталистического уклада в недрах крепостничества характерны нарастание крестьянского движения, выливавшегося иногда в вооружённое восстание, и выступление на арену революционной борьбы разночинной, демократической интеллигенции.

Идеологическим отражением крестьянского движения в дореформенной России были деятельность таких кружков передовой интеллигенции, как кружок Петрашевского, деятельность идеологов крестьянской революции, корифеев русской науки — Белинского, Герцена и Чернышевского. В их лице Россия выдвинула социалистов-утопистов, которые в отличие от представителей западноевропейского утопического социализма Оуэна, Сен-Симона и Фурье были в то же время революционными демократами. Органическая связь великих русских просветителей с народным, крестьянским движением предопределила исключительно высокий идейный и теоретический уровень их пропагандистской деятельности. Они выступали как предшественники русской социал-демократии.

Во всех областях общественных наук, в частности в области экономической науки, воззрения русских революционных демократов, в особенности Чернышевского, представляли собой высшее достижение домарксовской идеологии. И это, конечно, не было случайностью. В то время как на Западе к началу XIX в. в большинстве стран завершилось крушение феодально-крепостнических порядков, а буржуазия в Англии уже в XVII в., а во Франции в XVIII в. завоевала политическую власть, в России в XIX в. буржуазной революции ещё не произошло, русская буржуазия в силу своей экономической и политической слабости не могла стать во главе народного движения против самодержавного ре-

жима страны. Крестьянский вопрос в России XIX в. существенно отличался от крестьянского вопроса на Западе в ту эпоху. На Западе крестьянин существовал в условиях капиталистического способа производства, поэтому он не был борцом против абсолютизма и пережитков крепостничества. В России же крестьянство играло революционную роль, роль борца против самодержавно-крепостнического строя. Русское крестьянство, страдавшее в до-реформенный период от крепостнических порядков, а после реформы 1861 г.— от всё возрастающего разорения, от феодальных пережитков в народном хозяйстве страны, вело неустанную борьбу против отживших самодержавно-крепостнических порядков. Волна крестьянских восстаний в России XIX в. не могла не оказать влияния на мировоззрение передовой части русского общества, в частности на её экономические взгляды.

На Западе к началу XIX в. буржуазная политическая экономика достигла в лице Рикардо своего последнего предела. После поражения революции 1848 г. и ликвидации чартистского движения в западноевропейской экономической науке стали популярны всевозможные реакционные течения, воцарилась предвзятая, угодливая апологетика. В то же время в России революционные демократы, в деятельности которых демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое, неутомимо искали правильную революционную теорию, которая содействовала бы революционной практике, которая могла бы служить надёжным компасом на путях коренной ломки отживших феодально-крепостнических порядков России и дальнейшего прогрессивного народнохозяйственного развития страны. Они возглавили борьбу против самодержавно-крепостнического режима России, подняли знамя крестьянской революции, которую они теоретически обосновали. Они боролись за народную демократическую власть, необходимую для социалистического преобразования страны. Они стали величайшими мыслителями своего времени, выдающимися деятелями в области науки и блестящими политическими писателями. Своей многогранной творческой деятельностью, соответствовавшей буржуазно-демократическому этапу освободительного движения в России, они подготовили умы для восприятия марксистских идей в России.

Несмотря на то, что во второй четверти XIX в. в России противоречия между производственными отношениями феодализма и новым характером производительных сил настолько обострились, что феодально-крепостническая система хозяйства оказалась подорванной в своей основе, несмотря на то, что в России 1859—1861 гг. сложилась революционная ситуация, социальная революция не совершилась. Крестьянское движение потерпело поражение, потому что оно не было достаточно сознательным и организованным: крестьянские восстания в этот период возни-

кали стихийно, они были раздроблёнными. Рабочий класс в России ещё только формировался и не мог выступить в качестве руководителя и союзника крестьянства в его революционной борьбе. Буржуазия, экономически связанная с помещиками, опасаясь народного восстания, пошла на сделку с царским правительством. Таким образом, реформа 1861 г., осуществлённая крепостниками, не разрешила тех антагонистических противоречий, которые назрели между помещиками и крестьянами. Она лишь освободила путь развитию капитализма в стране, причём остатки крепостничества ещё долго тормозили развитие производительных сил в стране, усиливая классовые антагонизмы. В 70-х годах, в этот начальный период пореформенного развития экономики России, капиталистический способ производства настойчиво и неуклонно утверждался в народном хозяйстве страны.

Интересы крестьянства, боровшегося против кабальной зависимости от помещичьего гнёта и против гнёта капитала, выражала революционно-демократическая разночинная интеллигенция, которая боролась под знаменем народнической идеологии. В то же время на основе процесса формирования рабочего класса, первых этапов его стачечной борьбы возникают первые пролетарские классовые организации, которые знаменуют собой начало возникновения пролетарской идеологии в недрах народнического движения. Эти рабочие организации требовали политических прав для народа, вели борьбу за эти права. Они стояли в стороне от деятельности русских социалистов, которые считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма.

Все эти обстоятельства сделали весьма актуальным вопрос о тенденциях развития капитализма в России, сделали злободневным «рабочий вопрос», вопрос «о судьбах капитализма в России», вокруг которого разыгрывались ожесточённые споры, в зависимости от которого разрабатывались важнейшие программные положения. Отсюда исключительный интерес к «Капиталу» в России, как к произведению, в котором тенденции капиталистического развития были раскрыты с непревзойдённой глубиной.

Рецензии на I том «Капитала» К. Маркса, полемика вокруг I тома «Капитала» К. Маркса в России 70-х годов, всё многообразие откликов в России данного периода на это величайшее политико-экономическое произведение XIX в., излагающее научный социализм, представляют собой важный этап в истории русской экономической мысли. В то время как на Западе работы Маркса замалчивались и официальная наука и публицистика не пытались даже понять того круга идей, который был развит автором «Капитала», в России «Капитал» приковал к себе внимание крупнейших публицистов и учёных. Вокруг «Капитала» происходили дискуссии.

Представители различных течений русской общественной мысли 70-х годов давали различные прогнозы перспектив развития

экономики и политики России. Народникам важно было доказать, что в России были свои особые, самобытные пути развития, определяемые таким социальным институтом, как общинное землевладение. Отсюда интерпретация «Капитала» в России 70-х годов народниками, которые, предварительно подвергнув искажению, ревизионистскому истолкованию учение Маркса, пытались на его основе отстаивать свои социально-экономические воззрения. Буржуа Ю. Жуковский превращает Маркса в социалиста-утописта, социальным идеалом которого являются докапиталистические способы производства, когда работнику принадлежал полный продукт его труда. Чичерин, представитель либерализма 60—70-х годов, сторонник прусского пути капиталистического развития, выступает как ярый враг социализма, как «критик» «Капитала» К. Маркса с позиций вульгарной политической экономии.

В лице Зибера русская экономическая мысль 70—80-х годов выдвинула крупного своего представителя. Своими знаменитыми работами по вопросам первобытного общества Зибер вскрыл всю несостоятельность народнических утопий об особых путях развития русской экономики. Зибер считал, что развитие капитализма в России неизбежно в силу объективных экономических законов. Зибер дал оригинальный и самостоятельный разбор ряда проблем I тома «Капитала», хотя он и не понимал марксовой диалектики и исторической миссии пролетариата. В своей практической общественной деятельности Н. И. Зибер не был революционером, но ему принадлежит заслуга первого не только в русской, но и в международной экономической литературе обстоятельного исследования идей «Капитала» К. Маркса.

Маркс и Энгельс до появления марксистских организаций в России были первыми критиками народнического направления в России 70-х годов, соответствовавшего точке зрения разночинцев. Причины распространения народничества в России этого периода коренились в отсталости России, в неразвитости её капиталистических отношений.

Маркс и Энгельс боролись с анархистом Бакуниным, который вёл подрывную работу в I Интернационале. Маркс и Энгельс вели борьбу с бланкистским течением в народничестве в лице Ткачёва, а также с эклектизмом и примиренчеством Лаврова.

В России 70-х годов отсутствовали подлинные сторонники революционного марксизма. Несмотря на распространение ряда произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в России, несмотря на популярность этих произведений, в особенности «Капитала» К. Маркса, среди передовой молодёжи этой эпохи, для усвоения теории революционного марксизма, для воспитания борцов за идеи пролетарского социализма необходима была более высокая степень капиталистического развития страны, необходимо было, чтобы марксизм соединился с рабочим движением. Развитие идей

социализма в России шло тем же путём, как и в Западной Европе. И в России 70—80-х годов социалисты и рабочее движение шли независимо друг от друга, сами по себе, не зная друг друга. Социалисты не имели почвы среди трудящегося населения, поэтому их действия были отвлечёнными, беспочвенными. Рабочие же не имели руководителей, организаторов, ввиду чего их движение выливалось в беспорядочные бунты.

Первый шаг навстречу рабочему движению был сделан группой «Освобождение труда», которая лишь теоретически основала социал-демократию. Задача соединения марксизма с рабочим движением была разрешена Лениным. Идеи становятся силой, когда они овладевают массами.

Образование Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 г.) означало новый этап, переход к массовой агитации среди рабочих и соединение марксизма с рабочим движением.

Коммунистическая партия, её вождь В. И. Ленин вели с первых шагов своей революционной деятельности подлинную, неустанную пропаганду бессмертных идей великого творения Маркса среди передовых рабочих России. В. И. Ленин наносил беспощадные удары всем ревизионистам, извращавшим марксизм, отстаивая его революционную, творческую суть, развивая его идеи, создавая новую теорию социалистической революции в условиях империализма.

Классическими образцами творческого марксизма являются работы В. И. Ленина, в которых идеи «Капитала» К. Маркса, марксистская теория подняты на новую ступень, обогащены новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата.

В этих трудах получили научное отражение и обобщение новые закономерности общественного развития. Эти труды знаменуют собой новый, высший этап в развитии марксизма, создание ленинизма как марксизма эпохи империализма и пролетарских революций. Ленинизм — высшее достижение мировой и русской культуры. В произведениях Ленина научно обобщён громадный исторический опыт борьбы рабочего класса, Коммунистической партии, опыт трёх русских революций, международного революционного движения и строительства социализма в нашей стране.

В. И. Ленин разработал научно обоснованную программу превращения экономически отсталой России в передовую, могучую социалистическую державу. Эта программа предусматривала социалистическую индустриализацию страны, преимущественное развитие тяжёлой промышленности, всемерное развитие всего народного хозяйства, проведение в жизнь кооперативного плана преобразования сельского хозяйства страны на социалистических началах, осуществление культурной революции. Программные ленинские положения, в частности линия на преимуще-

ственное развитие тяжёлой индустрии, которую партия отстояла в ожесточённой борьбе с классовыми врагами и их агентурой, получили дальнейшее развитие в трудах соратников и учеников В. И. Ленина, в решениях партии.

После смерти Ленина Коммунистическая партия под руководством своего Центрального Комитета отстояла ленинизм от происков всех врагов социализма и обеспечила, исходя из объективных законов экономического развития общества, построение социалистического общества в нашей стране.

Руководствуясь на всех этапах истории марксистско-ленинским учением, отстаивая чистоту этой единственно научной и революционной теории общественного развития, развивая и обогащая её творческую сущность, Коммунистическая партия обеспечила всемирно-историческую победу социализма в нашей стране, она привела нашу Родину к мощному подъёму её экономики и культуры.

Бессмертные идеи «Капитала» К. Маркса в нашу эпоху обогащены Коммунистической партией, её основателем и вождём В. И. Лениным, классические труды которого представляют собой подлинную энциклопедию революционного марксизма, величайшее достояние человечества, а затем учениками и продолжателями дела Ленина, а также в решениях братских коммунистических и рабочих партий других стран.

Идеи марксизма-ленинизма торжествуют в созидательном труде героического советского народа, уверенно идущего под водительством Коммунистической партии к сияющим вершинам коммунизма. Отпадение от империалистической системы ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы, народы которых уверенно продвигаются вперёд по пути строительства социализма; образование Германской Демократической Республики, возглавившей борьбу немецкого народа за единую, демократическую, независимую, миролюбивую Германию; историческая победа великого китайского народа, изгнавшего империалистических хищников, подавившего внутреннюю феодальную реакцию, создавшего Китайскую Народную Республику; образование Корейской Народно-Демократической Республики, Демократической Республики Вьетнам — всё это является величайшим триумфом марксистско-ленинской теории социалистической революции. Идеи марксизма-ленинизма вдохновляют прогрессивное человечество в борьбе за мир, демократию, социализм.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

- Аксаков И. С.* (1823—1886) и *Аксаков К. С.* (1817—1860) — сыновья писателя С. Т. Аксакова; русские литераторы, видные деятели славянофильства — 51, 174.
- Аксельрод П. Б.* (1850—1928) — в 70-х годах народник; в 1883 г. — один из организаторов группы «Освобождение труда», в дальнейшем меньшевик-ликвидатор; социал-шовинист, враг ленинизма, ярый противник Советской власти — 293, 365.
- Александр II* (1818—1881) — русский император (1855—1881) — 18, 34, 145, 175, 187, 211.
- Александр III* (1845—1894) — русский император (1881—1894) — 353.
- Алексеев П. А.* (1849—1891) — русский рабочий-революционер, один из виднейших революционных деятелей 60—70-х годов XIX в. — 163—164.
- Анненков П. В.* (1812—1887) — русский литератор, умеренный либерал, западник — 51—52, 182—183.
- Анненский Н. Ф.* (1843—1912) — русский публицист и экономист-статистик, деятель народнического движения — 149.
- Ан-ский С. А.* (Раппопорт С. А.) (1863—1920) — беллетрист и публицист, активный участник народнического движения, в последние годы своей жизни отошёл от революционного движения — 183.
- Аптекман О. В.* (1849—1926) — 351.
- Аргиропуло П. Э.* (1839—1862) — русский революционер 60-х годов. Руководил вместе с Заичневским студенческим кружком, занимавшимся распространением запрещённой литературы. Преподавал в воскресных школах — 33.
- Арсенев К. И.* (1789—1865) — географ, историк и статистик. С 1836 г. — член Петербургской Академии наук — 10.
- Ашенбреннер М. Ю.* (1842—1926) — деятель организации «Народная Воля» — 358.

Б

- Бабст И. К.* (1824—1881) — русский буржуазный экономист, публицист; профессор Казанского и Московского университетов. С 1867 г. — управляющий Московским купеческим банком — 200—201, 204—205.
- Бакунин М. А.* (1814—1876) — один из идеологов анархизма, злостный враг марксизма; вёл подрывную борьбу против Интернационала — 81—82, 169, 175, 180, 185, 207—209, 225, 227, 349—350, 352—353, 359, 370, 374, 409.
- Баласогло А. П.* (род. 1813) — петрашевец — 57.
- Бастии Фредерик* (1801—1850) — французский вульгарный экономист, представитель манчестерской школы, сторонник и пропо-

- ведник гармонии интересов капитала и труда; автор «теории услуг» — 118, 145, 200, 252, 284, 286, 379.
- Бах А. Н.** (1857—1946) — выдающийся советский учёный и общественный деятель; в 70-х годах и в начале 80-х годов — революционер-народник — 351.
- Бebel Август** (1840—1913) — крупный представитель международного рабочего движения; один из основателей и виднейших деятелей германской социал-демократии и II Интернационала — 341, 361.
- Безобразов В. П.** (1828—1889) — русский экономист и географ, академик, сторонник вулгарной политической экономии — 47, 332.
- Белинский В. Г.** (1811—1848) — 51—55, 64, 83, 87, 109—110, 180—181, 339, 406.
- Бентам Иеремия** (1748—1832) — английский публицист, философ, юрист; крупный представитель философской системы утилитаризма; идеолог буржуазного либерализма — 220—221.
- Берви В. В.** (псевдоним Н. Флеровский) (1829—1918) — русский публицист-народник — 168—169, 172—173, 185—186, 232—233, 349, 358, 362.
- Бём-Баверк Евгений** (1851—1914) — буржуазный экономист, представитель австрийской школы — разновидности вулгарной политической экономии; выступал как «критик» марксистской теории трудовой стоимости и теории прибавочной стоимости — 277.
- Бисмарк Отто** (1815—1898) — канцлер Германской империи (1871—1890); основатель юнкерско-буржуазной Германской империи; осуществлял объединение Германии реакционным путём; ввёл исключительный закон против социалистов — 174.
- Благовещенский Н. А.** (1837—1889) — писатель; в 1864—1866 гг. — ответственный редактор журнала «Русское слово», в котором сотрудничали Писарев и Благовещенский — 43, 46.
- Блан Луи** (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист, член временного французского правительства — 197, 379—380.
- Боборыкин П. Д.** (1836—1921) — русский писатель, буржуазный либерал — 171—172.
- Боткин В. П.** (1811—1869) — русский писатель, публицист, критик; принадлежал к западникам, умеренный либерал — 50, 51, 181, 183.
- Буренин В. П.** (1841—1926) — реакционный фельетонист «Нового времени» — 267.
- Буташевич-Петрашевский М. В.** (1821—1866) — 56—57, 406.
- Бух Н. К.** (род. 1852) — народо-волец — 360.
- Бюре Эжен** (1811—1842) — французский социалист, сторонник утопического социализма — 190.
- Бюхнер Людвиг** (1824—1899) — немецкий физиолог, представитель вулгарного материализма, враг научного социализма — 381.

В

- Вагнер Адольф** (1835—1917) — немецкий буржуазный экономист, последователь Родбертуса, реакционный политический деятель — 302, 341.
- Ведров В. М.** (1824—1892) — историк, цензор — 390.
- Вейдемейер Иосиф** (1818—1866) — видный деятель немецкого и американского рабочего движения, ученик К. Маркса и Ф. Энгельса — 216.
- Венгеров С. А.** (1855—1920) — русский буржуазный историк литературы и библиограф — 149.
- Вернадский И. В.** (1821—1884) — русский буржуазный экономист, профессор политической экономии; редактор журналов «Экономический указатель» (1857—1861) и «Экономист» (1858—1864); либеральные воззрения В. встретили резкую критику Н. Г. Чернышевского — 111.
- Викторова-Вальтер С. А.** — 361.
- Водовозов В. В.** (1864—1933) — публицист, экономист либерально-народнического направления.

- К Октябрьской революции отнёся враждебно — 228.
- Волков Ф. К.* (1847—1918) — украинский этнограф и антрополог — 337.
- Вольтер Франсуа Мари* (1694—1778) — французский философ-денст, писатель, историк, представитель буржуазного Просвещения XVIII в. — 229.
- Воровский В. В.* (1871—1923) — видный деятель КПСС, дипломат, публицист, литературный критик — 209, 338—339.
- Воронцов В. П.* (1847—1918) — известный под псевдонимом «В. В.» — один из представителей русского либерального народничества 80—90-х годов XIX в. — 290—292, 294, 331.
- Вреден Э. Р.* (1835—1891) — русский буржуазный экономист, сторонник западноевропейской вульгарной политической экономии — 170.
- Вырубов Г. Н.* (1843—1913) — философ-идеалист, публицист, кристаллограф — 217.
- Г
- Гакстаузен Август* (1792—1866) — прусский чиновник, реакционный публицист, автор работы об аграрных отношениях в Пруссии и в России — 70.
- Галилей Галилео* (1564—1642) — великий итальянский физик и астроном, один из основателей точного естествознания — 401.
- Гарнье Жозеф* (1813—1881) — французский экономист, представитель вульгарной политической экономии, последователь Бастиа — 118.
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — немецкий философ, основатель системы абсолютного идеализма — 64, 80, 121, 180—181, 250, 266, 272—273, 371, 375—377.
- Герцен А. И.* (1812—1870) — 32, 50, 55, 64—83, 87, 97, 109—110, 132—133, 138—139, 178, 180, 184—185, 207, 225, 272, 339, 406.
- Герцеништейн М. Я.* (1859—1906) — 312—313, 401—405.
- Герье В. И.* (1837—1919) — реакционный русский историк — 143—144.
- Гёте Иоганн Вольфганг* (1749—1832) — великий немецкий писатель и мыслитель — 388.
- Гильдебранд Бруно* (1812—1878) — немецкий экономист и статистик, один из основоположников исторической школы — разновидности вульгарной политической экономии — 190—193, 198, 201—203.
- Гоголь Н. В.* (1809—1852) — 51.
- Годвин Уильям* (1756—1836) — английский мелкобуржуазный писатель и публицист, один из родоначальников анархизма — 116.
- Годскин Томас* (1787—1869) — представитель индивидуалистической ветви английского утопического социализма — 379.
- Горбунова-Каблукова М. К.* (1840—1931) — статистик, публицистка народнического направления — 357.
- Горлов И. Я.* (1814—1890) — русский буржуазный экономист, статистик, последователь вульгарного экономиста Сэя — 111, 188—189.
- Горчаков А. М.* (1798—1883) — крупный русский дипломат XIX в., министр иностранных дел России и государственный канцлер — 176.
- Грановский Т. Н.* (1813—1855) — выдающийся русский историк и общественный деятель; западник, представитель либерального крыла русского просветительства 30—40-х годов XIX в. — 90.
- Гросс Густав* (род. 1856) — австрийский буржуазный экономист и государственный деятель, биограф Маркса — 400, 405.
- Гурвич И. А.* (1860—1924) — один из ранних русских марксистов; в 90-х годах — один из основателей американской социал-демократической партии; с конца

900-х годов — ревизионист; автор известного труда — «Экономическое положение русской деревни» — 293.

Д

Даниельсон Н. Ф. (псевдоним Николай — он) (1844—1918) — 26, 152, 159—162, 168, 186, 209, 225, 227—231, 233, 236—237, 248, 252, 286, 341, 369, 382—389, 391—395, 405.

Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882) — знаменитый английский естествоиспытатель, автор эволюционной теории о происхождении растений и животных — 296, 350—351, 381, 388.

Дебу И. М. (1824—1890) — петрашевец — 83.

Дейч Л. Г. (1855—1941) — один из основателей группы «Освобождение труда», меньшевик, после Октябрьской революции занимался литературной деятельностью — 336, 352—353.

Де Роберти А. — цензор — 233, 235.

Де Роберти Е. В. (1843—1915) — 215—217.

Джордж Генри (1839—1897) — американский экономист, противник теории народонаселения Мальтуса и закона заработной платы Рикардо, сторонник буржуазной национализации земли, буржуазный реформатор — 322.

Дидро Дени (1713—1784) — выдающийся французский философ-материалист, просветитель, глава энциклопедистов — 184.

Дмитриева Елизавета — см. Томановская Е. Л.

Добролюбов Н. А. (1836—1861) — революционный демократ, публицист, критик — 30—31, 71, 144, 187, 362.

Долгоруков В. А. (1804—1868) — генерал-адъютант; в 1849 г. — член следственной комиссии по делу петрашевцев; в 1856—1866 гг. — шеф жандармов и начальник III отделения — 32.

Достоевский Ф. М. (1821—1881) — выдающийся русский писатель — 201—203.

Драгоманов М. П. (1841—1895) — украинский буржуазный историк и общественный деятель, идеолог украинского национал-либерализма — 337.

Дункер Франц Густав (1822—1888) — немецкий публицист и издатель, демократ, сторонник подчинения рабочего движения буржуазии — 229.

Дюринг Евгений (1833—1921) — немецкий философ, вульгарный материалист, позитивист, математик и экономист, мелкобуржуазный социалист; противник пролетарского социализма; критик марксизма — 266, 283, 288, 368, 398.

Е

Егорцев Леонтий — 32.

Екатерина II (1729—1796) — русская императрица (1762—1796) — 272.

Елизаров — 32.

Елисеев Г. З. (1821—1891) — русский публицист, примыкал к народническому направлению — 217—221.

Елпатьевский С. Я. (1854—1933) — 359.

Есипов А. П. — 214.

Ж

Железняк (Зализняк) Максим — 29.

Желябов А. И. (1850—1881) — выдающийся русский революционер-народник — 163.

Жуковский Ю. Г. (1822—1907) — 205, 218—221, 252—267, 271—272, 274, 301, 339, 341, 409.

З

Заблоккий-Десятовский А. П. (1807—1881) — 7—8.

Заичневский П. Г. (1842—1896) — русский революционный демократ, организатор революционного студенческого движения в начале 60-х годов в Москве; автор прокламации «Молодая Россия» (1861) — 33.

Зайцев В. А. (1842—1882) — русский критик и публицист; сотрудник демократического жур-

- нала «Русское слово» (в начале 60-х годов) и женевского журнала «Общее дело» (с 1877 г.) — 286.
- Заславский Е. О.* (1847—1878) — русский революционер, пропагандист среди передовых рабочих, организатор и руководитель «Южнороссийского союза рабочих» — 164.
- Засулич В. И.* (1851—1919) — одна из основательниц группы «Освобождение труда»; лидер меньшевизма — 26, 269, 355—356, 365, 370, 384—385.
- Зибель Генрих фон* (1817—1895) — реакционный германский историк и политический деятель, ярый враг революционного рабочего движения — 241—243, 261.
- Зибер Н. И.* (1844—1888) — 145, 179, 230, 251—254, 257—259, 261—263, 267, 273—284, 287—341, 358, 378, 394, 403, 409.
- Зибер Олимп. Ник.* — 337.
- Зомбарт Вернер* (1863—1941) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, один из идеологов германского империализма, критик марксизма — 197.
- Зорге Фридрих Альберт* (1828—1906) — немецкий марксист, ученик К. Маркса и Ф. Энгельса, участник баденского восстания в 1849 г., видный деятель I Интернационала — 240.
- ## И
- Иванюков И. И.* (1844—1912) — русский буржуазный экономист — 365.
- Ильенков П. А.* (1819—1877) — известный русский химик-технолог — 224.
- ## К
- Кабэ Этьенн* (1788—1856) — французский публицист, представитель утопического «мирного коммунизма»; автор книги «Путешествие в Икарию» — 380.
- Каблуков Н. А.* (1849—1919) — русский экономист и статистик, представитель либерального национализма — 341.
- Кавелин К. Д.* (1818—1885) — 133—140, 142.
- Каменский Г. П.* (1824—1898) — русский экономист; с 1848 г. — агент русского министерства финансов в Лондоне — 189—190.
- Кампанелла Томмазо* (1568—1639) — итальянский философ, представитель раннего утопического коммунизма — 367.
- Каракозов Д. В.* (1840—1866) — русский революционер-террорист, участник (1865) революционного кружка, руководимого Н. А. Ишутинным — 175.
- Кареев Н. И.* (1850—1921) — русский буржуазный историк и публицист, профессор Петербургского университета — 251.
- Кармалюк (Кармелюк) У. Я.* (1787—1835) — народный украинский герой, руководитель крестьянского движения на Правобережной Украине — 27.
- Катков М. Н.* (1818—1887) — 167, 175—176, 181, 198, 200.
- Кауфман И. И.* (1848—1916) — русский буржуазный экономист, профессор Петербургского университета; автор ряда произведений по вопросам денежного обращения и кредита — 25, 230, 245—249, 359.
- Кенэ Франсуа* (1694—1774) — французский экономист, глава школы физиократов — 112.
- Киреевский И. В.* (1806—1856) — русский реакционный публицист и философ-идеалист; один из идеологов славянофильства — 51.
- Киселёв П. Д.* (1788—1872) — русский государственный деятель; автор записки о постепенном освобождении крестьян от крепостной зависимости — 27.
- Клюшников В. П.* (1841—1892) — русский писатель, автор реакционного романа «Марево» (1864) — 278.
- Ковалевский В. О.* (1842—1883) — выдающийся русский учёный в области естествознания — 225.
- Ковалевский М. М.* (1851—1916) — русский юрист, историк и социолог буржуазно-либерального направления — 250—252, 293, 366.

- Ковалик С. Ф.** (1846—1926) — русский революционер-народник — 349—350.
- Козьмин Б. П.** — 226.
- Кольб Георг Фридрих** (1800—1884) — германский статистик, публицист, либеральный политический деятель — 361.
- Конт Огюст** (1798—1857) — французский буржуазный философ и социолог, основоположник позитивизма — 210—211, 248, 251, 305—306.
- Кошелев А. И.** (1806—1883) — дворянский публицист, видный представитель славянофильства — 7, 9—10, 19, 38.
- Кропоткин П. А.** (1842—1921) — известный деятель и теоретик анархизма, географ и путешественник — 197.
- Кугельман Людвиг** (1830—1902) — ганноверский врач, участник революции 1848 г. и член I Интернационала — 229, 266.
- Курбе Гюстав** (1819—1877) — выдающийся французский живописец-реалист, участник Парижской Коммуны 1871 г. — 172.
- Кэри Генри Чарлз** (1793—1879) — американский экономист и социолог, критик классической школы политической экономии, сторонник гармонии интересов труда и капитала — 205, 215—216, 379.
- Л**
- Ленин В. И.** (1870—1924) — 5—7, 10—11, 15, 17—18, 21—22, 38—39, 41, 55, 63—65, 68, 71—72, 81—84, 86, 88—89, 95, 97, 99, 132—133, 146, 148, 159, 161, 163—165, 171, 177—178, 185, 188, 200, 248, 265—266, 270—271, 306, 312, 318, 322, 333, 340, 343, 359, 395, 397, 410—411.
- Лавеле Эмиль Луи Виктор** (1822—1892) — бельгийский буржуазный экономист и публицист — 372.
- Лавров П. Л.** (1823—1900) — 149, 209—212, 226, 252, 342—343, 348—351, 353, 364—366, 385, 387, 409.
- Ламарк Жан Батист Пьер Антуан** (1744—1829) — выдающийся французский естествоиспытатель, первым создавший целостную эволюционную теорию («ламаркизм») — 388.
- Ламартин Альфонс де** (1791—1869) — французский поэт, историк, политический деятель; реакционный романтик, буржуазный либерал — 75.
- Ланге Фридрих Альберт** (1828—1875) — немецкий философ и общественный деятель, неокантианец и буржуазный демократ — 266.
- Лассаль Фердинанд** (1825—1864) — крупный деятель германского рабочего движения, реформист, сторонник «социальной революционной монархии» — 80, 204, 233, 319—320, 345—346, 348—349, 351, 361, 376.
- Лейбниц Готфрид Вильгельм** (1646—1716) — великий немецкий математик, философ-идеалист — 184.
- Лексис Вильгельм** (1837—1914) — немецкий буржуазный экономист, вульгарный критик «Капитала» К. Маркса, представитель металлистической теории денег — 405.
- Ленский Б.** — 21.
- Лермонтов М. Ю.** (1814—1841) — 271.
- Лесснер Фридрих** (1825—1910) — деятель немецкого и международного революционного движения, член Союза коммунистов и Генерального Совета I Интернационала — 229.
- Лист Фридрих** (1789—1846) — вульгарный немецкий экономист, противник английской классической школы, проповедник политики германского шовинизма — 188.
- Лопатин Г. А.** (1845—1918) — 186, 206, 222, 225—228, 230, 233, 369, 382, 384—385.
- Лоран Франсуа** (1810—1887) — 192.
- Лосицкий А. Е.** — 19—20.
- Любавин Н. Н.** (род. 1845) — русский революционер-народник, член I Интернационала — 225.
- Людвиг XIV** (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 26.

Людвик XV (1710—1774) — французский король (1715—1774) — 26.
Лященко П. И. (1876—1955) — 12.

М

- Маркс К.* (1818—1883) — 16, 19—20, 22, 26—27, 41, 68, 80, 82, 84, 90, 94, 101, 105—107, 109—111, 113, 116—118, 120, 122—123, 132, 139—140, 145, 148, 152, 154, 158—159, 162, 165, 168—169, 176—180, 182—187, 191, 200, 204—212, 214—217, 219—261, 263—288, 294—298, 301—302, 304—320, 322, 325—327, 334—336, 338—405, 408—411.
- Макиавелли Никколо* (1469—1527) — итальянский политический мыслитель, один из ранних идеологов итальянской буржуазии — 59—60.
- Мак-Куллох Джон Рамзей* (1784—1864) — английский буржуазный экономист, вульгаризатор Рикардо — 118.
- Маклеод Генри Даннинг* (1821—1902) — английский вульгарный экономист, банковский деятель — 298.
- Малтус Томас Роберт* (1766—1834) — английский пастор, экономист, автор апологетической теории народонаселения, плагиатор и «сикофант землевладельческой аристократии» — 115—117, 219—220, 248, 338.
- Мацуилов А. А.* (1861—1929) — русский буржуазный либеральный экономист, один из теоретиков кадетской партии, сторонник психологического метода в политической экономии — 336.
- Маркс Женни* (1844—1883) — дочь К. Маркса, жена Ш. Лонге — 343, 350.
- Маркс Лаура* (1845—1911) — дочь К. Маркса, активная деятельница французского социалистического движения, жена П. Лафарга — 343.
- Маркс-Эвелинг Элеонора* (1855—1898) — дочь К. Маркса, активная участница английского социалистического движения, жена Эдуарда Эвелинга — 343, 366, 369, 384.
- Мейер Зигфрид* (1840—1872) — немецкий социалист, эмигрант в Америке, деятель I Интернационала — 186, 222.
- Менделеев Д. И.* (1834—1907) — великий русский учёный-химик — 224.
- Меринг Франц* (1846—1919) — выдающийся деятель германского рабочего движения, публицист и историк, один из основателей Коммунистической партии Германии — 213.
- Миклашевский А. Н.* (1864—1911) — русский буржуазный экономист, автор ряда работ по вопросам денежного обращения, автор курса «Истории политической экономии XIX в.» (1908 и 1909) — 336.
- Миль Джон Стюарт* (1806—1873) — экономист, философ, позитивист, эклектик, пытавшийся синтезировать учение классической политической экономии с социализмом — 116—117, 205, 306, 338, 349—350, 353, 358, 360.
- Михайлов А. Ф.* (род. 1853) — народник — 359.
- Михайловский Н. К.* (1842—1904) — 166, 224, 226, 243—245, 251—254, 256, 258, 260—261, 264—272, 274, 334, 340, 359.
- Молилари Густав де* (1819—1912) — бельгийский вульгарный экономист, сотрудник «Русского вестника» — 205.
- Момбелли Н. А.* — петрашевец — 56.
- Мор Томас* (1478—1535) — английский мыслитель-гуманист, государственный деятель, один из ранних представителей утопического социализма — 367.
- Морозов Н. А.* (1854—1946) — революционер-народник 70-х годов XIX в., учёный в области естествознания, почётный член Академии наук СССР (с 1932 г.) — 350.
- Мост Иоганн* (1846—1906) — немецкий анархист, в 1880 г. был исключён из социал-демократической партии, с 1882 г. — эмигрант в США — 357, 362.

Мышкин И. Н. (1848—1885) — русский революционер-народник, участник «процесса 193-х» — 163.

Н

Негрескул М. Ф. (1843—1871) — революционер 60-х годов, участник студенческих волнений 1868—1869 гг. — 206, 225.

Некрасов Н. А. (1821—1878) — 171.

Нечаев С. Г. (1847—1882) — русский анархист, революционер-заговорщик — 227.

Нечкина М. В. — 47.

Никитенко А. В. (1804—1877) — русский литературный деятель, академик, умеренный либерал. В 30—40-х годах был цензором — 175.

Николай I (1796—1855) — русский император (1825—1855) — 27.

О

Обнорский В. П. (1852—1919) — русский рабочий-революционер, один из основателей «Северного союза русских рабочих» (1878) — 165.

Овсянко-Куликовский Д. Н. (1853—1920) — русский историк литературы, публицист, буржуазный либерал — 336—337.

Огарёв Н. П. (1813—1877) — русский революционный демократ, поэт и публицист, соратник А. И. Герцена — 71—72, 185.

Оуэн Роберт (1771—1858) — великий английский социалист-утопист — 63, 121, 131, 407.

П

Панкратова А. М. — 48, 362.

Паприц Е. Э. (1853—1919) — музыкальный деятель; была связана с московским «Обществом переводчиков и издателей» (1882—1884) — 186.

Перовская С. Л. (1853—1881) — русская революционерка, видный деятель «Народной Воли» — 350.

Песков П. А. — 44—46.

Пётр I Великий (1672—1725) — русский император (1696—1725) — 201, 243.

Петров Антон (Антон Петрович Сидоров) (1824(?) — 1861) — руководитель Безденного восстания — 33—35, 38.

Петти Вильям (1623—1687) — английский экономист и статистик, родоначальник классической школы политической экономии — 404.

Пиотровский И. — 35—38.

Победоносцев К. П. (1827—1907) — русский реакционный государственный деятель — 42—43, 391.

Покровский В. И. (1838—1915) — русский экономист, земский статистик — 223.

Покровский М. Н. (1868—1932) — 149.

Поляков Н. П. — 228, 231—233, 236.

Попов М. Р. (1851—1909) — русский революционер-народник — 362.

Плеханов Г. В. (1856—1918) — 181, 209, 266, 270—271, 293, 362, 365, 394.

Потанин Г. Н. (1835—1920) — видный русский путешественник и этнограф, исследователь Китая и Монголии — 360—361.

Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — французский мелкобуржуазный экономист, философ, один из основоположников анархизма; автор утопии «обменного банка» и «дарового кредита» — 121, 168, 182—184, 205, 215, 229, 265, 288, 313, 345—346, 359, 367, 379—380.

Р

Радищев А. Н. (1749—1802) — великий русский писатель-революционер, философ-материалист, экономист — 65, 72, 76, 83.

Рафаэль Санти (1483—1520) — великий итальянский художник, представитель Позднего Возрождения — 276—277.

Реклю Жан Жак Элизе (1830—1905) — французский мелкобуржуазный революционер, анархист, известный географ — 158.

Рикардо Давид (1772—1823) — английский экономист, виднейший

- представитель классической школы политической экономики — 113—115, 117—118, 217, 249, 258, 263, 267, 303—304, 310—311, 315, 317—319, 324, 327, 334—336, 338, 341, 350, 352, 367, 379, 397, 400, 403, 407.
- Рихтер Д. И.* (1848—1919) — русский статистик, экономист, географ; автор известного труда «Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам» (1898) — 9.
- Робеспьер Максимилиан* — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., вождь якобинцев — 54.
- Родбертус (Ягцов) Карл Иоганн* (1805—1875) — немецкий экономист, теоретик «государственного социализма», в период революции 1848 г. — либерал, впоследствии консерватор — 295, 302, 313, 320, 336, 379, 387—388, 393—396, 398—402.
- Розенталь Иосиф* — 29—30.
- Романенко Г. Г.* — 355.
- Росси Пелегрини Луиджи* (1787—1848) — итальянский вулгарный экономист — 118.
- Рошер Вильгельм* (1817—1894) — немецкий вулгарный экономист, эклектик — 371.
- Руе Арнольд* (1802—1880) — немецкий публицист, младогегельянец, буржуазный радикал; после 1866 г. — национал-либерал — 183.
- Русанов Н. С.* (псевдоним К. Тарасов) (род. 1859) — литератор, народоволец, сотрудничал в «Вестнике Народной Воли», позже эсер; после Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант — 349.
- Русов А. А.* (род. 1847) — земский статистик и этнограф — 337.
- Рюдигер Людвиг* — 213.
- идей, от которых он впоследствии отказался — 183, 205.
- Салтыков (Щедрин) М. Е.* (1826—1889) — 167, 170—171.
- Сен-Жюст Луи Антуан* (1767—1794) — знаменитый деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., монтаньяр — 54.
- Сениор Нассау-Вильям* (1790—1864) — английский вулгарный экономист эпохи разложения классической школы; автор «теории воздержания» — 227, 230.
- Сен-Симон Анри* (1760—1825) — великий французский социалист-утопист — 63, 120—121, 127, 131, 361, 380.
- Серно-Соловьевич А. А.* (1838—1869) — русский революционер, последователь Чернышевского, деятель швейцарской секции I Интернационала — 206, 224.
- Сидоренко Е. М.* (род. 1862) — 354.
- Симон Жюль* (1814—1896) — 192.
- Синельников Н. П.* (1805—1894) — государственный деятель царизма; в 1871—1874 гг. — генерал-губернатор Восточной Сибири — 186.
- Сисмонди Жан Шарль Симон де* (1773—1842) — швейцарский мелкобуржуазный экономист, критик классической школы политической экономики, представитель экономического романтизма — 96, 184.
- Скуратов* — 233—235.
- Слепцов А. А.* (1835—1905) — представитель передовой русской интеллигенции, издатель (с 1870 г.) журнала «Знание» — 339—340.
- Слонимский Л. З.* (1850—1918) — 395—397.
- Смирнов Иван* — 362.
- Смит Адам* (1723—1790) — английский экономист и философ, виднейший представитель классической школы политической экономики — 77, 113—115, 118—119, 184, 249, 310—311, 315—316, 319, 324, 338, 341, 346, 350, 352, 367, 372, 379, 403.
- Спешнев Н. А.* (1821—1882) — один из наиболее радикальных представителей движения петрашевцев — 184.

С

Сазонов Н. И. (1815—1862) — русский эмигрант во Франции и Швейцарии; в 1849 г. находился под влиянием коммунистических

Стасюлевич М. М. (1826—1911) — публицист, историк, умеренный либерал — 337.

Струве П. Б. (1870—1944) — русский публицист, «легальный марксист», в дальнейшем один из руководителей партии кадетов, ярый враг Советской власти — 335.

Струмилин С. Г. — 4—5, 11.

Сэй Жан Батист (1757—1832) — французский экономист, основатель вульгарной политической экономии — 112, 118, 252, 263—264, 276, 284, 286.

Сю Эжен (1804—1857) — французский писатель, автор сентиментальных романов на социальные темы — 53.

Т

Тарле Е. В. (1875—1955) — 184.

Тенгоборский Л. В. (1793—1857) — русский дворянско-либеральный экономист — 111.

Тимашев А. Е. (1818—1893) — государственный деятель царизма, министр внутренних дел (1868—1877) — 172.

Тимирязев Д. А. (1837—1903) — статистик — 25.

Тимирязев К. А. (1843—1920) — великий русский учёный-революционер, знаменитый ботаник, физиолог — 224.

Тихомиров Л. А. (1853—1923) — видный деятель партии «Народная Воля», впоследствии перешёл на сторону царского самодержавия — 350.

Тихонов Я. Т. (1851—1883) — 362.

Ткачёв П. Н. (1844—1886) — 148—159, 176, 205—207, 409.

Толстой Д. А. (1823—1889) — русский реакционный государственный деятель, обер-прокурор синода и министр народного просвещения, министр внутренних дел, шеф жандармов (с 1882 г.) — 344.

Толстой Яков — 183—184.

Томановская Е. Л. (Елизавета Дмитриева) — русская революционерка, член русской секции I Интернационала, участница Парижской Коммуны — 169, 356.

Томпсон Уильям (1785—1833) — английский экономист, последователь Роберта Оуэна — 379.

Трубникова М. В. — 206, 224—225.

Трусов Антон — русский революционер, секретарь русской секции I Интернационала в Женеве — 169.

Тургенев И. С. (1818—1883) — 226.

Тьер Адольф (1797—1877) — французский буржуазный историк и государственный деятель, палач Парижской Коммуны, первый президент Третьей республики (1871—1873) — 172.

Тюнел Иогаан Генрих фон (1783—1850) — немецкий буржуазный экономист, автор работы «Изолированное государство в отношении к сельскому хозяйству и к политической экономии» — 396.

Тюрго Анн Робер Жак (1727—1781) — крупный представитель физиократической школы, государственный деятель — 112.

Тютчев Ф. И. (1803—1873) — русский поэт — 174—175, 214.

У

Уатт Джеймс (1736—1819) — знаменитый английский изобретатель; сконструировал паровую машину — 262.

Унковский А. М. (1828—1893) — предводитель дворянства Тверской губернии, либеральный деятель периода подготовки крестьянской реформы 1861 г. — 145.

Успенский Г. И. (1843—1902) — виднейший представитель революционно-демократической беллетристики — 226, 271, 293.

Утин Н. И. (1845—1883) — активный деятель русской секции I Интернационала; в 70-х годах отошёл от революционной деятельности — 169, 231.

Уэкфилд Эдуард Гиббон (1796—1862) — английский государственный деятель и публицист — 311, 361.

Ф

- Федосеев Н. Е.* (1871—1898) — один из ранних представителей революционного марксизма в России — 340.
- Фейербах Людвиг* (1804—1872) — немецкий философ-материалист — 64, 83, 184.
- Феоктистов Е. М.* (1829—1898) — русский реакционный писатель и публицист — 391.
- Фесенко* — 352—353.
- Фигнер В. Н.* (1852—1942) — участница русского революционного движения 70—80-х годов XIX в.; видная деятельница «Народной Воли» — 351.
- Филиппов М. М.* (1858—1903) — 397—398, 400.
- Фоше Леон* (1803—1854) — французский политический деятель, защитник свободной торговли; примыкал к умеренным республиканцам (1848) — 189.
- Фультон Роберт* (1765—1815) — по национальности ирландец, американский механик и инженер, изобретатель — 262.
- Фурье Шарль* (1772—1837) — великий французский социалист-утопист — 56, 63, 120—121, 127—131, 182—183, 361, 367, 380, 406.

Х

- Халтурин С. Н.* (1856—1882) — рабочий-революционер, один из организаторов «Северного союза русских рабочих» — 163, 165.
- Ханьков А. В.* — петрашевец — 83.
- Хлопин Г. В.* (1863—1929) — 352—353.
- Хмельницкий Богдан Зиновий Михайлович* (род. предположительно 1595, ум. 1657) — возглавил освободительную борьбу украинского народа против панской Польши и борьбу за воссоединение Украины с Россией — 29.
- Хомяков А. С.* (1804—1860) — писатель, один из основателей и виднейших представителей славянофильства — 51

Ц

- Цехановецкий Г. М.* (1833—1898) — буржуазный экономист, статистик, профессор политической экономии и статистики в Киевском и Харьковском университетах; писал по вопросам истории экономических учений (Адам Смит) и экономики железнодорожного транспорта — 327.

Ч

- Чернышевский Н. Г.* (1828—1889) — 34—35, 50, 55, 64, 71—72, 83—133, 144, 169, 178, 185—187, 189, 192, 204, 219, 229, 232, 271, 322, 339, 349—351, 353, 359—360, 368, 406.
- Чичерин Б. Н.* (1828—1904) — русский буржуазный юрист и историк, профессор Московского университета; критик К. Маркса с позиций вульгарной политической экономии — 133, 140—145, 251—252, 272—286, 298—299, 301, 304, 315, 339, 409.
- Чупров А. И.* (1842—1908) — буржуазный экономист, крупный специалист по вопросам железнодорожной экономики, либеральный общественный деятель — 334—336, 376—378.

Ш

- Шевалье Мишель* (1806—1879) — французский инженер, буржуазный экономист и публицист, в 30-х годах — сен-симонист — 118.
- Шелгунов Н. В.* (1824—1891) — видный русский публицист и общественный деятель, революционный демократ — 187, 192—197.
- Шеллинг Фридрих Вильгельм* (1775—1854) — немецкий философ-идеалист конца XVIII — начала XIX в., враг материализма, позднее поборник религии — 180—181.
- Шиллер Фридрих* (1759—1805) — великий немецкий писатель — 400.
- Шпильгаген Фридрих* (1829—1911) — немецкий писатель и журналист — 348.

Шувалов П. А. (1827—1889) — видный государственный деятель, дипломат; в течение 1866—1874 гг. — шеф жандармов и начальник III отделения — 177.

Щ

Щапов А. П. (1830—1876) — представитель просветительства 60-х годов XIX в., русский историк, сторонник общинно-федералистической концепции русского исторического процесса — 34.

Щеглов Д. Ф. (ум. 1902) — русский педагог и публицист — 203.

Э

Энгельс Ф. (1820—1895) — 16, 67, 84, 94, 101, 111, 120, 122, 128—129, 132, 150, 152—153, 162, 169, 180—182, 184—193, 195—198, 201, 203—204, 208—210, 214, 227—229, 249—250, 252, 266, 269, 271, 283, 287—288, 302, 315, 341—342, 356—357, 364—366, 369, 384—390, 394—395, 398, 402, 405, 409.

Энгельгардт А. Н. (1832—1893) — народник, публицист, учёный-агроном, специалист по сельскохозяйственной химии — 21—22.

Эрисман Ф. Ф. (1842—1915) — известный гигиенист, крупный исследователь в области школьной и профессиональной гигиены — 41—42.

Ю

Южаков С. Н. (1849—1910) — публицист, представитель либерального народничества — 335.

Я

Ядринцев Н. М. (1842—1894) — 360—361.

Яковлев В. Я. (Богучарский) (1861—1915) — деятель народничества, историк революционного движения — 334.

Янжул И. И. (1845—1914) — буржуазный экономист, статистик, публицист. С 1882 г. в течение 5 лет — фабричный инспектор Московского округа. С 1895 г. — член Академии наук — 42—45, 250, 341.

Ярославский Е. М. (1878—1943) — 351.

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>ГЛАВА ПЕРВАЯ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИИ 60—70-х ГОДОВ XIX ВЕКА</i>	3
<i>ГЛАВА ВТОРАЯ. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКО- НОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ 60—70-х ГОДОВ XIX ВЕКА</i>	50
Белинский — зачинатель революционно-демократической общественной мысли в России	51
Петрашевы как критики крепостничества и капитализма	55
Герцен — предшественник русской социал-демократии	63
Чернышевский — великий учёный и революционер домарковского периода	83
Либерализм в России 60—70-х годов XIX века	132
Революционное народничество 70-х годов. Либеральное народничество начала 80-х годов	146
«Рабочий вопрос» в оценке русской журналистики 70-х годов	166
<i>ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОТКЛИКИ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА В РОССИИ 40—60-х ГОДОВ XIX в.</i>	180
<i>ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. О ПЕРЕВОДЕ I ТОМА «КАПИТАЛА» К. МАР- КСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК</i>	215
Отклики на «Капитал» К. Маркса до выхода в свет его русского перевода	—
К истории перевода I тома «Капитала» К. Маркса на русский язык	224
Русская печать 70-х годов о «Капитале» К. Маркса	237
<i>ГЛАВА ПЯТАЯ. ПОЛЕМИКА ВОКРУГ «КАПИТАЛА» К. МАРКСА В РОССИИ 70-х ГОДОВ</i>	252
<i>ГЛАВА ШЕСТАЯ. Н. И. ЗИБЕР КАК НАУЧНЫЙ И ОБЩЕСТВЕН- НЫЙ ДЕЯТЕЛЬ В РОССИИ 70-х И НАЧАЛА 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА</i>	287
Н. И. Зибер как экономист	295
К вопросу об общественной деятельности Н. И. Зибера	328
Оценка научно-общественной деятельности Н. И. Зибера в дореволю- ционной литературе	334
<i>ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ОТКЛИКИ НА «КАПИТАЛ» К. МАРКСА В НА- РОДНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 70-х ГОДОВ И В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ</i>	342
Отклики на «Капитал» К. Маркса в журнале «Вперёд»	—
«Практики» народнического движения о «Капитале» К. Маркса	348
<i>ГЛАВА ВОСЬМАЯ. РУССКАЯ ПЕЧАТЬ 80-х ГОДОВ О СМЕРТИ К. МАРКСА</i>	364
<i>ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. О ПЕРЕВОДЕ II ТОМА «КАПИТАЛА» К. МАРКСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК</i>	382
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	406
УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН	412

А. Л. РЕУЭЛЬ
РУССКАЯ
ЭКОНОМИ-
ЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ
60-70-е годы
XIX ВЕКА
И
МАКСИЗМ

